

**Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина, М.Т. Кашуба, Е. Г. Старкова**

Городище  
**Немиров**  
на реке  
**Южный Буг**

Приложения

**К. Б. Калинина,  
А. Закосьцельна,  
М. Кершнер и Х. Моммзен,  
С. В. Хаврин**



THE STATE HERMITAGE MUSEUM ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ  
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE ИНСТИТУТ ИСТОРИИ  
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**THE STATE HERMITAGE MUSEUM  
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

**G. I. Smirnova, M. Ju. Vakhtina, M. T. Kashuba, E. G. Starkova**

# **Nemirov Hill Fort on South Bug River**

**According the excavation materials of the 20<sup>th</sup> century from collections  
of the State Hermitage Museum and documents kept in IHMC RAS**

With the Supplements by  
K. B. Kalinina, A. Zakościelna, M. Kerschner and H. Mommsen, S. V. Khavrin

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ  
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба, Е. Г. Старкова**

# Городище Немиров на реке Южный Буг

По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа  
и Научного архива ИИМК РАН

Приложения:

К. Б. Калинина, А. Закошьцельна, М. Кершнер и Х. Моммзен, С. В. Хаврин





Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 17-01-16507-ОГН, не подлежит продаже

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Authorized for publication by the Academic Board of the Institute for the History of Material Culture RAS

Ответственные редакторы:

Chief editors:

д. и. н. А. Ю. Алексеев, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Ю. А. Виноградов

Dr. hab. A. Ju. Alekseev, Ju. Ju. Piotrovsky, Dr. hab. Ju. A. Vinogradov

Рецензенты:

В. С. Бочкарёв, д. и. н. И. В. Палагуца

Prepublication reviews by V. S. Bochkarev, Dr. hab. I. V. Palaguta

Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.

(Приложения: Калинина К. Б., Закошьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В.)

**Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН.** — Санкт-Петербург: ГЭ; ИИМК РАН; НКТ, 2018. — 336 с. : ил.

Smirnova G. I., Vakhtina M. Ju., Kashuba M. T., Starkova E. G.

(With the Supplements by Kalinina K. B., Zakościelna A., Kerschner M. and Mommsen H., Khavrin S. V.)

**Nemirov Hill Fort on South Bug River. According the excavation materials of the 20<sup>th</sup> century from collections of the State Hermitage Museum and documents kept in IHMC RAS.** — St. Petersburg: The State Hermitage Museum; Institute for the History of Material Culture RAS; Neva Book Printing House, 2018. — 336 p. : fig.

ISBN 978-5-9909872-2-7

doi.org/10.31600/978-5-9909872-2-7

Коллективная монография посвящена известному археологическому памятнику — Немировскому городищу на Южном Буге. Основу исследования составили данные, полученные при раскопках городища в XX в. и хранящиеся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН, архиве и коллекциях фондов Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Рассмотрена история изучения памятника С. С. Гамченко (1909 г.), А. А. Спицыным (1910 г.) и М. И. Артамоновым (1946–1948 гг.). Подробно освещены два периода заселения территории городища: в энеолите (трипольская культура) и в раннем железном веке (раннескифская культура). Показано значение городища в раннем железном веке, когда в его материальной культуре отложились западный гальштаттский (в широком значении этого термина) импульс и ранние контакты с греками. Предложена общая схема развития материальной культуры Немировского городища в разные исторические эпохи — от энеолита до новейшего времени. Книга состоит из шести глав и девяти приложений, которые включают каталоги индивидуальных находок трипольской культуры, каталог греческой архаической керамики, а также результаты естественнонаучных анализов керамики трипольской культуры, восточногреческой керамики и поверхности ручки бронзового зеркала. Многие архивные материалы и находки из коллекций впервые вводятся в научный оборот.

Издание предназначено для археологов, историков, специалистов в смежных областях науки, студентов и всех, интересующихся археологией и древней историей Северного Причерноморья и Европы.

The collective monograph is devoted to the famous archaeological site – Nemirov hill-fort on South Bug. At the basis of investigation are the materials from the excavations of the settlement in the 20<sup>th</sup> century kept in Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS, Archive and collection funds of the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage Museum (Saint Petersburg). The book reviews the history of the excavation of the site by S. S. Gamchenko (1909), A. A. Spitzyn (1910), and M. I. Artamonov (1946–1948). The book gives a detailed account of two periods of the occupation of the settlement: in Eneolithic time (Trypillia culture) and Early Iron Age (Scythian culture). The authors showed the significance of the hill-fort in the Early Iron Age, when two impulses reflected in its culture — Hallstatt (in the broad meaning of the term) and early contacts with the Greeks. The general scheme of development of the material culture of the hill-fort in different historical periods — from Eneolithic time till modern epoch — has been suggested. The book consists of the six parts and nine supplements, which include the catalogues of individual finds of Trypillia culture, Greek Archaic pottery and the results of natural-scientific analyses of Trypillia pottery, East-Greek pottery and of the surface of the bronze mirror handle. A lot of archive materials and finds kept in collections are published for the first time.

The book is destined to archaeologists, historians, specialists in related sciences, students and all interested in archaeology and history of the ancient Northern Black Sea and Europe.

© Государственный Эрмитаж, 2018  
The State Hermitage Museum, 2018

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018  
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Невская книжная типография, 2018  
Neva Book Printing House, 2018

© Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.,  
Калинина К. Б., Закошьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В., 2018  
Smirnova G. I., Vakhtina M. Ju., Kashuba M. T., Starkova E. G.,  
Kalinina K. B., Zakościelna A., Kerschner M. and Mommsen H., Khavrin S. V., 2018

# Содержание

<b>Предисловие</b> .....	11
<b>Введение</b> .....	13
<b>ГЛАВА 1.</b> Немировское городище в работах ученых XX — начала XXI в. ....	17
<b>1.1.</b> История изучения .....	17
<b>1.2.</b> Формирование коллекций .....	44
<b>ГЛАВА 2.</b> Немировское городище как археологический памятник ( <i>Г. И. Смирнова</i> , <i>М. Т. Кашуба</i> ) .....	45
<b>2.1.</b> Общая характеристика .....	45
<b>2.2.</b> Оборонительные сооружения — общие сведения .....	50
<b>2.3.</b> Состояние источников: полевая и архивная документация .....	54
<b>2.4.</b> Культурно-хронологические горизонты .....	70
<b>2.5.</b> О методике работы с материалами .....	71
<b>ГЛАВА 3.</b> Материальный комплекс Немировского городища в энеолите (трипольская культура) ( <i>Е. Г. Старкова</i> ) .....	75
<b>3.1.</b> История исследований, планиграфия .....	75
<b>3.2.</b> Керамический комплекс .....	76
<b>3.3.</b> Антропоморфная пластика .....	110
<b>3.4.</b> Зооморфная пластика .....	124
<b>3.5.</b> Изделия из глины .....	130
<b>3.6.</b> Выводы .....	135
<b>ГЛАВА 4.</b> Материальный комплекс Немировского городища в раннем железном веке ( <i>Г. И. Смирнова</i> , <i>М. Т. Кашуба</i> ) .....	137
<b>4.1.</b> Особенности материальной культуры .....	137
<b>4.2.</b> История формирования коллекции .....	137
<b>4.3.</b> Изучение коллекции: что остается и что меняется .....	143
<b>4.4.</b> Объекты и комплексы .....	145
<b>4.5.</b> Общая характеристика керамического комплекса .....	168
<b>4.6.</b> Характеристика отдельных категорий находок .....	180
<b>4.7.</b> Проблема происхождения местной чернолощеной посуды .....	184
<b>4.8.</b> Некоторые итоги и задачи .....	192
<b>ГЛАВА 5.</b> Греческая керамика из раскопок Немировского городища ( <i>М. Ю. Вахтина</i> ) .....	193
<b>5.1.</b> О формировании и истории изучения коллекции .....	193
<b>5.2.</b> Общая характеристика материалов .....	195
<b>5.3.</b> Категории греческой керамики из раскопок Немировского городища .....	195
<b>5.4.</b> О датах и топографии находок греческой керамики .....	212
<b>5.5.</b> Место коллекции греческой керамики из раскопок Немировского городища среди синхронных находок античного керамического импорта на других памятниках лесостепи .....	212
<b>5.6.</b> Находки греческой керамики на Немировском городище в контексте проблемы ранних связей между греческим миром и варварскими центрами Северного Причерноморья .....	214
<b>5.7.</b> Заключение .....	221
<b>ГЛАВА 6.</b> Периодизация и хронология Немировского городища в раннем железном веке ( <i>Г. И. Смирнова</i> , <i>М. Т. Кашуба</i> , <i>М. Ю. Вахтина</i> ) .....	223
<b>6.1.</b> Периодизация и хронология согласно Г. И. Смирновой .....	223
<b>6.2.</b> Возможности керамического комплекса для построения периодизации .....	224
<b>6.3.</b> Хронологические индикаторы .....	228
<b>6.4.</b> Стратиграфические наблюдения .....	228
<b>6.5.</b> Обновленная периодизация .....	231
<b>6.6.</b> Значение и место Немировского городища в раннем железном веке .....	231
<b>Заключение</b> .....	234

<b>Послесловие</b> (Г. И. Смирнова) .....	237
<b>Приложение 1.</b> Исследование материалов и техники росписи керамики трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (К. Б. Калинина) .....	238
<b>Приложение 2.</b> Антропоморфная пластика трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (Е. Г. Старкова) ..	250
<b>Приложение 3.</b> Зооморфная пластика трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (Е. Г. Старкова) ..	254
<b>Приложение 4.</b> Изделия из глины трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (Е. Г. Старкова) ..	257
<b>Приложение 5.</b> Кремневый и каменный инвентарь трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (А. Закошьцельна) ..	259
<b>Приложение 6.</b> Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа, каталог находок (М. Ю. Вахтина) .....	276
<b>Приложение 7.</b> Археометрические анализы импортной архаической восточногреческой керамики, найденной на Немировском городище. Коллекции Государственного Эрмитажа (М. Кершнер, Х. Моммзен, перевод М. Ю. Вахтиной) ....	305
<b>Приложение 8.</b> Результаты рентгено-флюоресцентного анализа поверхности ручки бронзового зеркала из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа (С. В. Хаврин) .....	312
<b>Приложение 9.</b> К вопросу культурной атрибуции открытых на Немировском городище погребений (Г. И. Смирнова).....	313
<b>Литература и архивные материалы</b> .....	318
<b>Список сокращений</b> .....	331
<b>Summary</b> .....	333

# Contents

<b>Preface</b> .....	11
<b>Introduction</b> .....	13
<b>CHAPTER 1.</b> Nemirovo hill-fort in the works of scholars of 20 <sup>th</sup> – beginning of 21 <sup>st</sup> century .....	17
<b>1.1.</b> The history of investigation .....	17
<b>1.2.</b> On the forming of collections .....	44
<b>CHAPTER 2.</b> Nemirovo hill-fort as an archaeological object ( <i>G. I. Smirnova</i> , <i>M. T. Kashuba</i> ) .....	45
<b>2.1.</b> General description .....	45
<b>2.2.</b> Defensive installations – the general data .....	50
<b>2.3.</b> The state of sources: field and archive documentation .....	54
<b>2.4.</b> Cultural and chronological levels.....	70
<b>2.5.</b> On the methods of working at the material .....	71
<b>CHAPTER 3.</b> Material complex of Nemirovo in the Eneolithic period (Trypillian culture) ( <i>E. G. Starkova</i> ).....	75
<b>3.1.</b> The history of research .....	75
<b>3.2.</b> Pottery complex .....	76
<b>3.3.</b> Antropomorphic plastic arts .....	110
<b>3.4.</b> Zoomorphic plastic arts .....	124
<b>3.5.</b> Clay products .....	130
<b>3.6.</b> Conclusions .....	135
<b>CHAPTER 4.</b> Material complex of Nemirovo in the Early Iron Age ( <i>G. I. Smirnova</i> , <i>M. T. Kashuba</i> ) .....	137
<b>4.1.</b> The peculiarities of the local culture.....	137
<b>4.2.</b> The history of collection forming .....	137
<b>4.3.</b> The study of the collection: what remains and what changes .....	143
<b>4.4.</b> Objects and complexes .....	145
<b>4.5.</b> General characteristics of the pottery complex.....	168
<b>4.6.</b> Characteristics of the individual categories of finds .....	180
<b>4.7.</b> The problem of origin of the local black-glossed pottery .....	184
<b>4.8.</b> Some results and tasks.....	192
<b>CHAPTER 5.</b> Greek pottery from the excavations of Nemirovo ( <i>M. Ju. Vakhtina</i> ) .....	193
<b>5.1.</b> On the forming and the history of examination of pottery collection.....	193
<b>5.2.</b> General characteristics of materials.....	195
<b>5.3.</b> Categories of Greek pottery from the excavations of Nemirovo hill-fort .....	195
<b>5.4.</b> On the dating and topography of the Greek pottery finds .....	212
<b>5.5.</b> The place of Greek pottery collection from the excavations of Nemirovo hill-fort among the synchronic finds of Greek pottery imports from the other sites of the forest-steppe zone .....	212
<b>5.6.</b> Greek pottery finds of Nemirovo hill-fort in the context of a problem of the early interactions between the Greek world and the barbarian sites of the Northern Black Sea Coast.....	214
<b>5.7.</b> Conclusions .....	221
<b>CHAPTER 6.</b> Periodization and chronology of Nemirovo hill-fort in the Early Iron Age ( <i>G. I. Smirnova</i> , <i>M. T. Kashuba</i> , <i>M. Ju. Vakhtina</i> ) .....	223
<b>6.1.</b> Periodization and chronology according G. I. Smirnova .....	223
<b>6.2.</b> Recourses of the pottery complex to chronological elaboration .....	224
<b>6.3.</b> Chronological indicators .....	228
<b>6.4.</b> Stratigraphy observations .....	228
<b>6.5.</b> The periodization renewed .....	231
<b>6.6.</b> The meaning and the place of Nemirovo hill-fort in the Early Iron Age .....	231
<b>Conclusions</b> .....	234



<b>Afterword</b> ( <i>G. I. Smirnova</i> ) .....	237
<b>Supplement 1.</b> The examination of materials and technique of painting ceramics of the Trypillia culture painted pottery from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum ( <i>K. B. Kalinina</i> ) .....	238
<b>Supplement 2.</b> Antropomorphic plastic arts of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum ( <i>E. G. Starkova</i> ) .....	250
<b>Supplement 3.</b> Zoomorphic plastic arts of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum ( <i>E. G. Starkova</i> ) .....	254
<b>Supplement 4.</b> Clay products of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum ( <i>E. G. Starkova</i> ) .....	257
<b>Supplement 5.</b> Flinty and stone inventory of the Trypillia culture from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum ( <i>A. Zakościelna</i> ) .....	259
<b>Supplement 6.</b> Greek Archaic pottery from the excavation of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum. Catalogue of the finds ( <i>M. Ju. Vakhtina</i> ) .....	276
<b>Supplement 7.</b> Archaeometric analyses of imports of Archaic East Greek Pottery found at Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum ( <i>M. Kerschner, H. Mommsen</i> , translation by <i>M. Ju. Vakhtina</i> ) .....	305
<b>Supplement 8.</b> The results of X-ray fluorescence analysis of the surface of the bronze handle from the excavations of Nemirovo. Collections of the State Hermitage Museum ( <i>S. V. Khavrin</i> ) .....	312
<b>Supplement 9.</b> Burials discovered at the territory of Nemirovo hill-fort ( <i>G. I. Smirnova</i> ) .....	313
<b>Bibliography and Sources</b> .....	318
<b>Abbreviations</b> .....	331
<b>Summary</b> .....	333

*Посвящается 120-летию  
со дня рождения М. И. Артамонова  
(1898–1972)*

*Dedicated to the 120<sup>th</sup> anniversary  
of M. I. Artamonov  
(1898–1972)*



## ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой вниманию читателей монографии представлена история изучения и охарактеризованы несколько этапов существования одного из известнейших городищ лесостепной зоны Северного Причерноморья — Немировского городища на Южном Буге. В основу книги легли материалы научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук и коллекции находок из раскопок этого памятника, полученные в результате полевых исследований 1909–1910 и 1947–1948 гг., хранящиеся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Изучение, систематизация и введение в полноценный научный оборот документов, связанных с археологическими исследованиями на городище, а также находок раннего железного века были начаты в конце XX в. известным специалистом по доскифским и скифским древностям Восточной Европы — ведущим научным сотрудником Эрмитажа, д. и. н. Г. И. Смирновой. Тогда же она инициировала отбор проб от семи восточно-греческих сосудов из Немирова для проведения их нейтронно-активационного анализа. К сожалению, по ряду причин эта работа не была доведена до конца, и потому материалы раннего железного века из раскопок Немировского городища до сих пор полностью не опубликованы.

В 2013–2015 гг. при поддержке РФГФ изучение находок из Немирова было продолжено сотрудниками ИИМК РАН М. Ю. Вахтиной и М. Т. Кашубой, рассмотревшими греческие и варварские материалы раннескифского горизонта, а сотрудником ОАВЕС ГЭ Е. Г. Старковой исследованы и описаны материалы древнейшего энеолитического пласта находок на городище. По сути мы создали рабочую группу и приступили к изучению коллекций из старых раскопок. За эти несколько лет по немировским материалам мы подготовили и издали на русском, немецком, английском и румынском языках более десяти научных статей, выступили с докладами на нескольких международных научных форумах в России и за рубежом. Для нас было важно обсудить с коллегами этапы работы с коллекцией, а также проверить наши наблюдения и гипотезы.

Сложная стратиграфия памятника при плохом состоянии и частичном отсутствии полевой документации, а также особенности методики полевых исследований начала XX в. послужили причиной многочисленных лагун, затрудняющих привязку артефактов и групп артефактов к определенным слоям и комплексам. Принимая во внимание фрагментарность имеющейся информации, мы сосредоточились на возможностях интерпретации материалов. Однако надежные данные по стратиграфии фактически отсутствовали. Наиболее внятная полевая документация относится к периоду работы в 1946–1948 гг. на памятнике Юго-Подольской археологической экспедиции под руководством М. И. Артамонова. Огромный вклад в ее изучение и восстановление был сделан Г. И. Смирновой. В процессе работы с полевыми дневниками, описями и фотодокументами экспедиции, проводившей раскопки в сложных условиях послевоенных лет, мы обнаружили новые материалы, которые использованы в опубликованных ранее статьях и в этой книге.

Наше исследование во многом представляет собой оригинальный опыт обработки яркой коллекции артефактов из раскопок разных лет сложного многослойного памятника. С материалами из старых раскопок связаны неполные и неоднородные данные, которые мы старались максимально использовать, чтобы с доверительной степенью достоверности реконструировать пласт информации и прийти к достаточно обоснованным выводам и заключениям. В ряде случаев информация утрачена, к сожалению, безвозвратно в зависимости от дальнейшего развития научных знаний и совершенствования методов исследований. Имеющиеся материалы отнюдь не исчерпали потенциал своего изучения: перспективны естественнонаучные методы, трасология и неинвазивные методы исследования структуры городища. Мы надеемся, что проделанная работа поможет приблизиться к пониманию исторической реальности и пролить свет на своеобразие культурного комплекса, особенностей и контактов жителей этого поселения на протяжении двух периодов его существования — в энеолите и в раннем железном веке.



Вниманию читателя мы предлагаем обзор материалов, происходящих из старых раскопок Немирова, относящихся к двум самым значительным этапам в истории развития памятника: 1) древнейшему, характеризующему культуру первых поселенцев, основавших его в эпоху, предшествующую появлению металла; 2) раннескифскому, связанному с жизнью укрепленного поселения и соотносимому с культурой лесостепи в раннем железном веке. Материалы римского времени, как и позднейшее славянское поселение, остались за пределами нашего исследования: они ждут своих специалистов.

Текст монографии написан в соавторстве, в случаях индивидуального авторства основного текста и приложений фамилии указаны в содержании. В тексте также выделены прямые цитирования из опубликованных работ и архивных материалов.

Хочется выразить огромную признательность всем, кто содействовал успешной работе над нашим проектом — заведующему Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, д. и. н. А. Ю. Алексееву, заместителю заведующего Отдела Ю. Ю. Пиотровскому, храни-

телю немировских коллекций, старшему научному сотруднику Отдела, к. и. н. С. Н. Сенаторову, старшему научному сотруднику СПб ИИ РАН Н. А. Павличенко, заведующей Научным архивом ИИМК РАН, к. и. н. М. В. Медведевой, научным сотрудникам архива Т. А. Ершовой и Н. Д. Моисеевой. Искренне благодарим авторов приложений: специалистов из Государственного Эрмитажа — к. х. н. К. Б. Калинину и заведующего Отделом научно-технологической экспертизы С. В. Хаврина, и наших западных коллег — д-ра хаб. А. Закосьцельну (Институт археологии Университета М. Скловской-Кюри в Люблине, Польша), приват-доц., д-ра М. Кершнера (Австрийский археологический институт ААН в Вене, Австрия) и проф. Х. Моммзена (Берлин, Германия). Приносим сердечную благодарность художникам-графикам, помогавшим нам в работе: Л. А. Соколовой, В. Я. Стёганцевой и А. С. Гусевой, а также художнику-графику и дизайнеру И. Н. Лицуку, подготовившему рукопись к изданию. Спасибо «Невской книжной типографии» и ее директору А. С. Антонову, выпустившим ее в свет. Искренне благодарим всех коллег, помогавших нам во время работы над книгой.

*М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба, Е. Г. Старкова*

## ВВЕДЕНИЕ

Проблемы важнее решения.  
Решения могут устареть,  
а проблемы остаются.

*Нильс Бор*

Немировское городище — уникальный памятник лесостепной зоны Северного Причерноморья (рис. 1–3). Очевидно, поселение возникло здесь еще в эпоху энеолита, система же укреплений (внутренняя часть, акрополь или «Замчистко», и обнесенная большими валами территория — см. ниже) была создана гораздо позже, в раннем железном

веке. На городище также присутствуют материалы римского и средневекового периодов, что позволяет говорить о существовании здесь оседлого населения в эти эпохи.

Наибольшее значение поселение приобрело в раннем железном веке. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, расцвет поселения этой эпохи



*Рис. 1. Немировское городище, Большие валы, восточная часть, фотография 1946–1947 гг. (М. И. Артамонов, НА ОАВЕС ГЭ)*



*Рис. 2. Немировское городище, Большие валы, юго-западная часть, фотография 1946–1947 гг. (М. И. Артамонов, НА ОАВЕС ГЭ)*



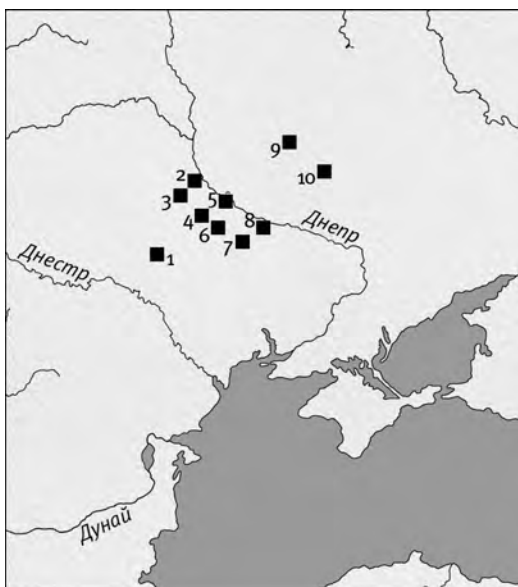


Рис. 3. Немировское городище, Большие валы, фотография 1948 г. (НА ИИМК РАН: II 49770; публикуется впервые)

произошел в конце VIII–VII — первой половине VI в. до н. э. На территории лесостепной зоны Северного Понта в это время известно более десятка больших городищ, являвшихся, вероятно, политическими, экономическими и религиозными центрами крупного племени или союза племен. В группу таких грандиозных сооружений входит и Немировское городище (рис. 4; 5).

Среди раннескифских городищ-гигантов Северного Причерноморья Немировское городище занимает особое место. В специальной и научно-популярной литературе Немировское городище часто называют одним из крупнейших городищ раннескифской культуры в лесостепи.

Рис. 4. Лесостепь, прилегающая к Северному Причерноморью, раннескифский период, VII–VI вв. до н. э.: большие городища (городища-гиганты).  
1 — Немировское;  
2 — Хотовское;  
3 — Млынок; 4 — Тараща;  
5 — Трахтемировское;  
6 — Журжинецкое;  
7 — Пастырское;  
8 — Мотронинское;  
9 — Бельское;  
10 — Басовское (по Ильинская, Тереножкин 1983: 228, карта; Археологія Української РСР 1971: карта 2; Дараган 2010а; 2012; 2017а; 2017б)



Памятник расположен на левом берегу Южного Буга (в 10 км к востоку от реки). По современному административному делению он находится в Винницкой области Украины, в 4 км юго-восточнее от г. Немиров, возле с. Сажки. У местного населения этот памятник называется «Большие Валы» ([http://www.vinrada.gov.ua/nemirivske\\_gorodishe-veliki\\_vali\\_vii-vi\\_st\\_do\\_ne.htm](http://www.vinrada.gov.ua/nemirivske_gorodishe-veliki_vali_vii-vi_st_do_ne.htm); доступ 27 августа 2017 г.).

Немировское городище часто называют значительным или замечательным памятником скифской поры. Такие определения вызваны не только его грандиозными размерами и мощностью сооружений (рис. 6; 7), но и характером его материальной культуры, в первую очередь, лепной керамики. Последняя представлена как традиционно туземными для лесостепи категориями и типами по-



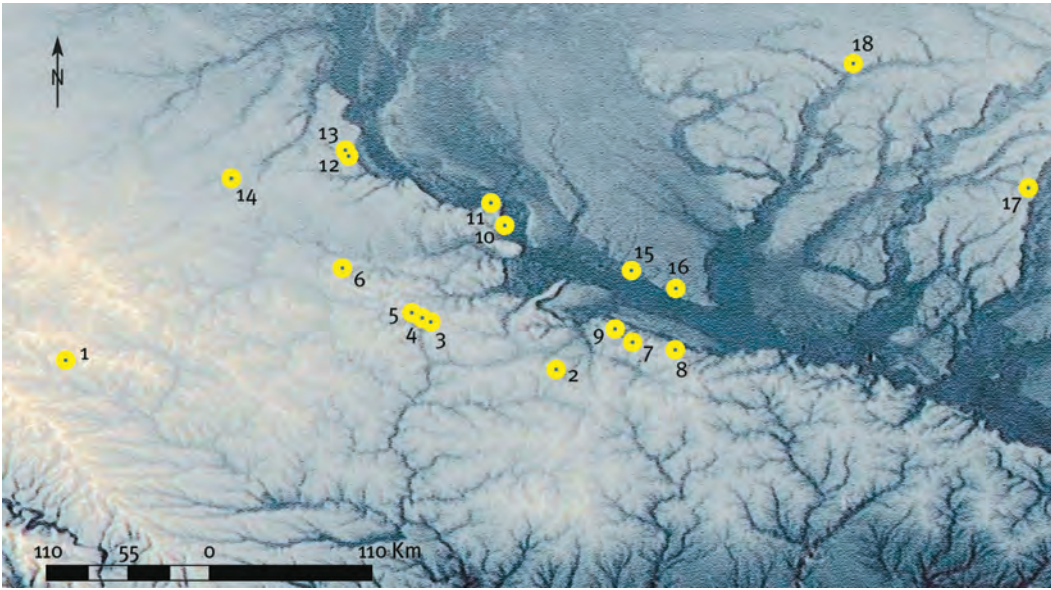


Рис. 5. Лесостепь, прилегающая к Северному Причерноморью, раннескифский период, VII–VI вв. до н. э.: городища-гиганты и городища площадью от 20 га. 1 – Немировское; 2 – Пастырское; 3 – Моринцы; 4 – Комаровское; 5 – Журжице; 6 – Тараща; 7 – Мотронинское; 8 – Чмыревка; 9 – Плискачевское; 10 – Виха; 11 – Трахтемировское; 12 – Ходосовское; 13 – Хотовское; 14 – Млынок; 15 – Крутьки; 16 – Васютинцы; 17 – Бельское; 18 – Басовское (по Дараган 2017а: 399, рис. 1; 2017б: рис. 1)

суды, так и керамикой с черной блестящей лощеной поверхностью, пластическим и каннелированным декором из концентрических полукругов, выступов и шишек. Начиная с А. А. Спицына (1911) ее не случайно возводят к Гальштату. В связи с высокой оценкой немировской коллекции скифского времени уместно напомнить о находках на городище ранних образцов греческой архаической керамики, позволяющей рассматривать широкий спектр проблем, связанных с вовлечением населения лесостепи Северного При-

черноморья в сферу контактов с античными центрами на самом раннем этапе греческой колонизации региона, а также уточнять датировки слоев и комплексов Немирова.

Среди известных больших городищ оно имеет самое западное местоположение (рис. 4; 5), связывало лесостепные общности Правобережья Днепра на востоке и Западной Подолии на западе и маркировало центр (?) Древней или Архаической Скифии.

До сих пор не существует полной публикации материалов, происходящих из раско-

Рис. 6. Немировское городище, вид с юга (графический лист, М. И. Артамонов, 1947 г.; НА ОАВЕС ГЭ)







*Рис. 7. Немировское городище, аэрофотосъемка. Фотография Татьяны Веселовой. Лаборатория актуального творчества, г. Винница, Украина (по Дараган 2010а: рис. 25, 1; 2012; Kaschuba, Vakhtina 2012: Abb. 2, 2)*

пок этого важнейшего и в буквальном смысле слова ключевого памятника, хотя отдельные вещи и категории находок постоянно привлекают внимание исследователей.

В 1990-х гг. известный исследователь скифских древностей лесостепной зоны Северного Причерноморья Г. И. Смирнова проанализировала доступную полевую документацию и начала изучение основных категорий находок из Немирова (Смирнова 1996; 1998а; 1998б; 1999; 2000). Тогда же были переизданы и наиболее яркие находки античной архаической керамики, а также введены в научный оборот ранее не публиковавшиеся образцы, в том числе фрагменты тарных амфор (Вахтина 1996; 1998; 2000). К сожалению, эта работа осталась незавершенной и не была оформлена в виде специального издания. За полтора десятилетия, прошедшие с момента появления

этих предварительных публикаций, произошли значительные изменения как в существующих концепциях, освещающих ход культурно-исторического развития в раннем железном веке на территории Северного Причерноморья, так и в подходе к изучению отдельных категорий находок. Эти кардинальные перемены затронули, прежде всего, хронологические схемы, к которым «привязываются» важнейшие хроноиндикаторы, в числе которых образцы найденной на городище греческой керамики (см. главы 1.1, 4–6).

Все это заставило нас вновь обратиться к материалам из горизонта раннего железного века Немировского городища. Кроме анализа и публикации этого пласта артефактов, в работе также рассмотрены находки из самого раннего, энеолитического горизонта памятника.

## ГЛАВА 1. Немировское городище в работах ученых XX — начала XXI в.

Немировское городище сравнительно широко представлено в современной информационной среде: разнообразные сведения о нем можно найти на сайтах «Википедии», Винницкой обл. администрации, краеведческих сообществ и т. д. Сведения о нем содержатся и в сборнике, посвященном памятникам истории и культуры Винницкой области (Пам'ятки історії... 2011: 110; Войнаровський, Кравченко 2011: 6 сл., 11–12). Ценные данные об охране памятников в Винницкой области, включая Немировское городище, представлены в очерке Т. Р. Соломоновой (Соломонова 2011: 51 сл.). Работа с материалами Научного архива ИИМК РАН, личными фондами М. И. Артамонова и Г. И. Смирновой в ОАВЕС ГЭ, а также в богатейшей научной библиотеке ИИМК РАН, мы обнаружили некоторые весьма примечательные факты. Они не только касаются изучения этого памятника, но также позволяют понять сопутствующие этим изысканиям атмосферу и культурное окружение. Отсюда и появилась настоящая глава.

### 1.1. История изучения

Немировское городище впервые привлекло внимание отечественных археологов еще в середине XIX в. (Заседания... 1863: 477). На одном из заседаний Императорского Археологического общества в Санкт-Петербурге Управляющий Отделением Измаил Иванович Срезневский зачитал выдержки из письма господина И. Барсова от 10 декабря 1862 г. И. Барсов писал: «Месяц тому назад я был в Немирове (брацлавского уезда, подольской губернии) и, благодаря директору тамошней гимназии Денсалу, мне удалось видеть *валы*, остаток, кажется, древнего городища. О них, насколько мне известно, никто не говорил до сего времени, и на них не обращено должного внимания...» (Там же). Он нарисовал примерный план-эскиз расположения валов (рис. 8), описал их и сообщил собранные им дополнительные сведения:

«Валы лежат на ЮВ от Немирова (в 4-х или 5-ти верстах от него) на лево от дороги в Брацлав и представляют подко-

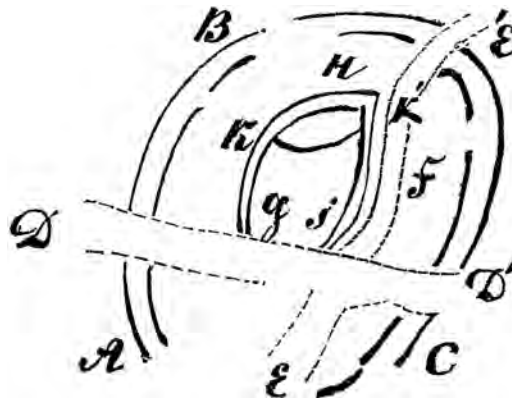


Рис. 8. Немировское городище, эскиз И. Барсова 1862 г. (по Заседания... 1863: 477)

ву АВС. Длина окружности вала будет приблизительно верст 5; он перерыв в некоторых местах отчасти для дороги, отчасти весенними ручьями. Только в местах Д и Д' прорывы давнего времени; по значительности и низменности места можно заключить, что здесь было в давнюю пору болото. Мне кажется, что в этих пунктах не было даже и вала, ибо они были укреплены естественно. От пунктов ЕЕ' тянется и теперь еще болото, переходящее в ручей, на котором, по малорусским обычаем, поставлена небольшая мельница (Ф). Внутри валов возвышается площадь (ГРИ), на одном уровне с высотой вала. Теперь она раскапывается. Окруженная с двух сторон болотами, в ней место КНК' более возвышенно. – Мы ездили с Денсалем два раза на эти валы и произвели домашними средствами опыт раскопки. На площади КНК' – только на ней одной – нашли много осколков каких-то горшков, довольно толстых и каких теперь в окрестностях не делают. Земля вся перемешана с камнями, которые вероятно были пережжены. На этом месте видимо была когда-то постройка... Что думать об этом вале? – Профессор Иванишев был здесь несколько лет тому назад, видел валы и утверждает, что это *городище*. В нескольких местах от него есть сторожевые курганы. В народе их называют просто *валами* (ближняя деревня – *на валах*), либо Нечаевскими валами, либо Хмельницкими. Есть предание, что они накопаны казаками Хмельницкого – предание не совсем правдоподобное, ибо на насыпку этой



громады потребовалась бы не какаянибудь тысяча казаков, а сотни тысяч и несколько месяцев работы. Валы в окружности верст 5, вышины от 7 до 10 сажень, ширины в основании от 15 до 20 охотничьих шагов. Хмельницкий мог воспользоваться тем, что было, и стать станом на готовых валах; может быть он кое что исправил, подновил. В народе также есть предание, что здесь стоял когда-то город. Другие утверждают, что местечко, и именно местечко Немирово,

потом перенесено туда, где стоит теперь» (Там же: 477–478) (рис. 9).

Как видно из опубликованного письма, первые план и описание, первый опыт раскопок древних валов возле Немирова (или Немировского городища) были произведены в октябре 1862 г. В дальнейшем любители старины и собиратели древностей в Подолии не упускали их из виду. Уже в 1879 г. был сделан сравнительно точный и подробный план валов (Дело Подольского Губернского

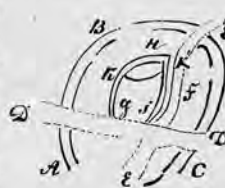
477

АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

478

XV.

Управляющий Отделением сообщил Отделению назначение из письма к нему с. П. Барсова, который пишет от 10 декабря 1862 года: «Месяц тому назад я был в Немирове (брацлавского уезда, подольской губернии) и, благодаря директору тамошней гимназии Денселеву, мне удалось видеть *валы*, остатки, впрочем, древнего городища. О них, сколько мне известно, никто не говорил до сих пор, и на них не обращено должного внимания. . . Валы лежат на ЮВ. от Немирова (въ 4-хъ или 5-ти верстахъ отъ него) на лѣво отъ дороги въ Брацлавъ и представляютъ подкову АВС. Длина окружности вала будетъ приблизительно верстъ 5; онъ перерезанъ въ некоторыхъ мѣстахъ отчасти для дорогъ, отчасти весенними ручьями. Только въ мѣстахъ D и E прорывъ давняго времени, по значительности и низменности мѣста можно заключить, что здѣсь было въ давнюю пору болото. Мне кажется, что въ этихъ пунктахъ не было даже и вала, ибо они были укрѣплены естественно. Отъ пунктовъ EE тянется и теперь еще болото, переходящее въ ручей, на которомъ, по малорусскимъ обычаямъ, поставлена небольшая мельница (F). Внутри вала въ возвышается площадь (GH), на одномъ уровнѣ съ высотой вала. Теперь она раскапывается. Окруженная съ двухъ сторонъ болотами, въ ней мѣсто КНК' болѣе возвышено. — Мы ѣздили съ Денселевымъ два раза на эти валы и произвели домашними средствами опыты раскопки. На площади КНК' — только на ней одной — нашли много осколковъ какихъ-то горшковъ, довольно толстыхъ и какихъ теперь въ окрестностяхъ не дѣлаютъ. Земля вся перемѣшана съ камнями, которые вѣроятно были пережжены. На этомъ мѣстѣ видимо была когда-то постройка. . . Что думать объ этомъ валь? — Профессоръ Иванюшевъ былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, видѣлъ валы и утверждаетъ, что это городище. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него есть сторожевые курганы. Въ народѣ ихъ называютъ просто *валами* (ближняя деревня — на *валахъ*), либо Несчастными валами, либо Хмельницкими. Есть преданіе, что они закопаны казаками Хмельницкаго — преданіе не совсемъ правдоподобное, ибо на насыпку этой громады потребовалась бы не какаянибудь тысяча казаковъ, а сотни тысячъ и нѣсколько мѣсяцевъ работы. Валы въ окружности верстъ 5, вышины отъ 7 до 10 сажень, ширины въ основаніи отъ 15 до 20 охотничьихъ шаговъ. Хмельницкій могъ воспользоваться тѣмъ, что было, и стать станомъ уже на готовыхъ валахъ;



можетъ быть онъ все что неправильно, поновилъ. Въ народѣ также есть преданіе, что здѣсь стоялъ когда-то городъ. Другіе утверждаютъ, что мѣстечко, и именно мѣстечко Немирово, потомъ перенесенное туда, гдѣ стоитъ теперь. . . .

XVI.

Редакторъ Извѣстій В. В. Стасовъ довелъ до свѣдѣнія Отделенія, что предложенное собраніе извѣстій о мѣстахъ, предпринятыхъ въ европейскихъ государствахъ для сохраненія историческихъ памятниковъ, остановилось нынѣ на неполученіи отзыва отъ французской комиссіи историческихъ памятниковъ (la commission des monuments historiques). Благодаря благосклонной внимательности къ просьбѣ Археологическаго Общества, подобная извѣстія уже доставлены изъ Австріи, Бельгіи и Норвегіи; но г. секретарь французской комиссіи историческихъ памятниковъ отозвался, что онъ не можетъ исполнить желанія Общества, потому что названная комиссія состоитъ въ вѣдомствѣ государственнаго министра, въ которому и слѣдуетъ обратиться за разрѣшеніемъ доставить комиссіею требуемыя свѣдѣнія, и при томъ не иначе, какъ чрезъ посредство посольствъ русскаго или французскаго. Вслѣдствіе такого отзыва, Археологическое Общество вынуждено было обратиться въ началѣ истекшаго года къ французскому послу въ С.-Петербурѣ герцогу де Монтебелло, отъ котораго и ожидается увѣдомленія.

XVII.

Въ видахъ осуществленія предложенія издать рисунки и описаніе древнихъ русскихъ одеждъ (см. протоколъ 3-го февраля 1862 г. ст. XVI), Отделеніе поручило чл.-кор. И. И. Горюнову отправиться въ Москву для снятія снимковъ съ рисунковъ княжескихъ одеждъ, находящихся въ Сборникѣ 1073 года, а также для обзоренія другихъ рукописей синодальной бібліотеки, которыя могутъ имѣть значеніе при испознаніи того же предложенія. Объ ассигнованіи же на улазу издержекъ по этой поѣздкѣ, примѣрно до 50 рублей, представить на разрѣшеніе общаго собранія.

XVIII.

Поступили въ бібліотеку Общества:

- 1) Отъ чл.-кор. И. Е. Забѣлина: «Дожившіи быть русскими царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ», ч. 1, М. 1862 г.
- 2) Отъ д.-чл. Д. В. Подѣнова: «Житіе св. Пимона Константиноградскаго, составленное по рукописи XII — XIII вѣка». Сиб. 1862 г. (Отд. оттиска изъ X-го т. Извѣстій Академіи Наукъ по II-му отд.)

32

Рис. 9. Немировское городище, страничка с эскизом и извлечением из письма И. Барсова к Управляющему Отделением от 10 дек. 1862 г. (по Заседания... 1863: 477–478)

Правления 1879 г., № 4 (план) — см. Сецинский 1901: 236, ссылка на полях).

Через несколько десятилетий, на рубеже XIX и XX вв. практически одновременно увидели свет два издания, в которых были собраны и систематизированы все имеющиеся к тому времени сведения о древностях в Подольской губернии (см. Кашуба и др. 2003: 182–184), в том числе и о Немировском городище. Речь идет о работах В. К. Гульдмана (Гульдман 1901) и отца Е. И. Сецинского (Сецинский 1901: 197–355).

Книга В. К. Гульдмана «Памятники старины в Подолии» (Гульдман 1901) предназначалась вниманию «читателей, по преимуществу – подолян-любителей отечественной старины» и первоначально печаталась в виде отдельных очерков в «Подольских ведомостях» в 1893–1901 гг. (или 1895–1900 и 1901 гг.), доступных широким слоям населения. Свою книгу автор считал «посильным вкладом в литературу сведений о Подольской губернии», она «распадается согласно выработанной Императорским Московским Археологическим обществом программе» вопросов по собиранию сведений для составления археологических карт губерний, опубликованной в 1888 г. (Там же: V–VII, 379). Во введении дается краткий очерк истории развития русской археологии и ее успехов, далее приведены сведения об отдельных находках и сооружениях: каменных изделий, медных и бронзовых топориках и стрелах, находках старинного оружия и вообще древних вещах, находках человеческих костей, пещерах, следах мегалитических сооружений (мегалиты, дольмены), городищах («городища», «замковища», «замчистки», «замки», «крепости-замки», «сторожевые башни»), курганах, каменных бабах, изображениях на камнях и скалах, монастырях, «фигурах» (придорожные кресты, столбы, статуи и т. п.), а также церковных древностях (храмы, монастыри, иконы и пр.). В книге Гульдмана находим сведения о «вообще древних вещах» (например, коллекция монет М. Грек-Слугоцкого), человеческих костях («возле почтовой дороги, <...> на близлежащем возвышении»), «замковище» и приходском костеле во имя св. Иосифа-Обручника в самом местечке Немиров (Там же: 30, 42, 104 сл., 375), а также о земляных укреплениях в разделе о городищах:

**«В 3-х верстах от нынешнего местечка Немирова существуют до сего времени следы какого-то земляного укрепления, имеющего квадратную форму и огражденное довольно высоким валом. Место это слывет в народе под именем "городища". По преданию на этом месте стоял некогда город *Миров*, который был затем разорен татарами, в первое же их появление в этом крае» (Там же: 104).**

По описанию трудно понять, какое именно земляное укрепление имел в виду В. К. Гульдман. Возможно, речь идет лишь о центральном укреплении Немировского городища (см. ниже), с которым он не связывал большие валы основной площади памятника. Имеющиеся сведения в этой же главе по городищам или предыдущей главе по насыпным валам не проясняют ситуацию. В разделе, посвященном курганам, он упоминает большой курган у с. Сажки, не исключено, что это и есть центральное укрепление Немировского городища:

**«При с. Сажках, в урочище Остапы, находится 1 курган, вышиной до 2-х, а шириной до 5-ти саж.» (Там же: 274).**

Из текста книги остается неясно, упоминал ли автор вообще большие валы, скорее всего, упоминал, но не соотнес их между собой. Любопытно другое — в своей книге В. К. Гульдман детально проанализировал выступление отца Сецинского на XI Археологическом съезде в Киеве в 1899 г. В частности, он писал, что отец Сецинский, демонстрируя свою карту (см. ниже), обратил внимание съезда на некоторые типы городищ, встречающиеся в Подолии: овальные, полукруглые и подковообразные, а также более сложные по плану и расположению валов. Однако в своем перечислении конкретных местностей и памятников Гульдман так ничего и не сказал о городище возле Немирова (Там же: 380–381), хотя отец Сецинский не только о нем рассказывал, но также опубликовал его сравнительно точный план (см. ниже). Надо признать, что Гульдман или не разобрался в ситуации, или не признавал систему больших валов возле Немирова как единый памятник, поэтому оставил в тексте свои старые данные. Такая двойственность интерпретации системы валов возле Немирова повлияла на их изучение: появившийся здесь через 10 лет



С. С. Гамченко валы не отнес к единому памятнику, а обозначил как два разных городища: Немировское и Щербатово (см. ниже).

Обратимся вновь к самому началу XX в. Масштабное даже по современным меркам обследование Подолии предпринял тогда отец Сецинский, который подготовил подробную и обстоятельную археологическую карту Подольской губернии (рис. 10) к XI Археологическому съезду (Сецинский 1901: 197–354). В Подолии он описал большое количество разновременных памятников, среди которых не менее 3202 курганов, а также 272 городища, валы, 65 селищ, разнообразные изделия и вещи, церковные древности, монеты (Там же: 348–353). На заседании II Отделения (Древности историко-географические и этнографические), которое проходило 12 августа в 2 1/2 часа дня при почетном председателе П. Н. Милюкове и председателе Отделения Д. И. Багалее, он давал объяснения к составленной им археологической карте (Труды X съезда 1902: 123). Как священнослужитель, ключарь Каменец-Подольского кафедрального собора и редактор «Подольских епархиальных ведомостей» Е. И. Сецинский особый интерес проявлял к церковным древностям, поэтому его основной доклад на XI Археологическом съезде был посвящен древнейшим церквям Подолии, и, в частности, пещерным храмам (Там же: 97).

При составлении своей карты отец Сецинский использовал всю имеющуюся историческую, археологическую и краеведческую литературу, относящуюся к этим территориям, на русском и польском языках. В числе других источников он называет устные сообщения священников, случайные дела и свои заметки, сделанные им во время посещения разных уголков Подолии. Среди 12 коллекций предметов древностей он использовал не только собрания, находящиеся в крупных городах (Музей древностей университета св. Владимира в Киеве; Музей Краковской академии), но и частные собрания известных людей (например, проф. В. Б. Антоновича в Киеве), а также частные коллекции собирателей древностей в самой Подольской губернии — г. Пулавского в с. Завадинцы Каменецкого уезда, г. Зборовского в с. Кринички Балтского уезда и др. (Сецинский 1901: 197–199). Собирая сведения о памятниках старины и древностях в Подолии, отец Сецинский внимательно и бережно отнесся ко всем устным рассказам: в своей ра-

боте он приводит народные названия курганов, предания и то, «о чем люди в старину говорили». Читая его труд, можно почерпнуть не только наиболее полные сведения об известных древностях в Подолии, но и ощутить дыхание времени (см. Трёмбицкий 2009). Одним из достоинств археологической карты Е. И. Сецинского помимо детальных описаний является то, что она снабжена хорошей топографической картой, где все отмеченные им пункты привязаны к рекам и притокам. Г. И. Смирнова вспоминала, что работая в Подолии спустя полвека, М. И. Артамонов неоднократно прибегал к карте Е. И. Сецинского, да и она с В. Д. Рыбаловой ходила в археологические разведки в 1953–1954 гг. с этой картой в руках (ср. Гуцал 2015: 111 сл.).

В работе отца Сецинского находим описание и план городища возле Немирова (рис. 11):

*«Немиров, м. В 3 верст. от Немирова на ю.-в., по берегу рч. Мирки, огромное городище кругообразное, окруженное валом и занимающее 109 дес. пространства; длина вала 5 верст, ширина 22 саж., высота 2 1/2 саж., а в некоторых местах до 7–10 саж. Вал прерывается в 10 местах: из них — пять по причине болотного места и пять, вероятно, для ворот. Внутри вала возвышенная площадь, обнесенная особым валом. Здесь попадает много черепков от старинных горшков, пережженных камней. Городище занято под пахотное поле. По преданию, на этом месте был город *Миров*. Народ называет эту местность также *Нечаевы валы*»* (Там же: 236).

Далее в его труде имеется Указатель предметный, в котором выделены сведения о 272 городищах, в том числе с особыми названиями. В частности, вновь упоминаются *Нечаевы валы* для обозначения городища возле Немирова (Там же: 347–353). Примечательно, что названия Замчиско, Замчыско, Замчысько (или Замчище, Замчыще), которыми позднее стали называть центральную часть памятника, в те годы, по сведениям Е. И. Сецинского, не употреблялись в отношении большого городища возле Немирова.

В последующее десятилетие XX в. на Больших валах и окрестностях возле Немирова развернулись кладоискательские раскопки местных жителей, взбудораженных сообщениями о находках золота в курганах на юге России.



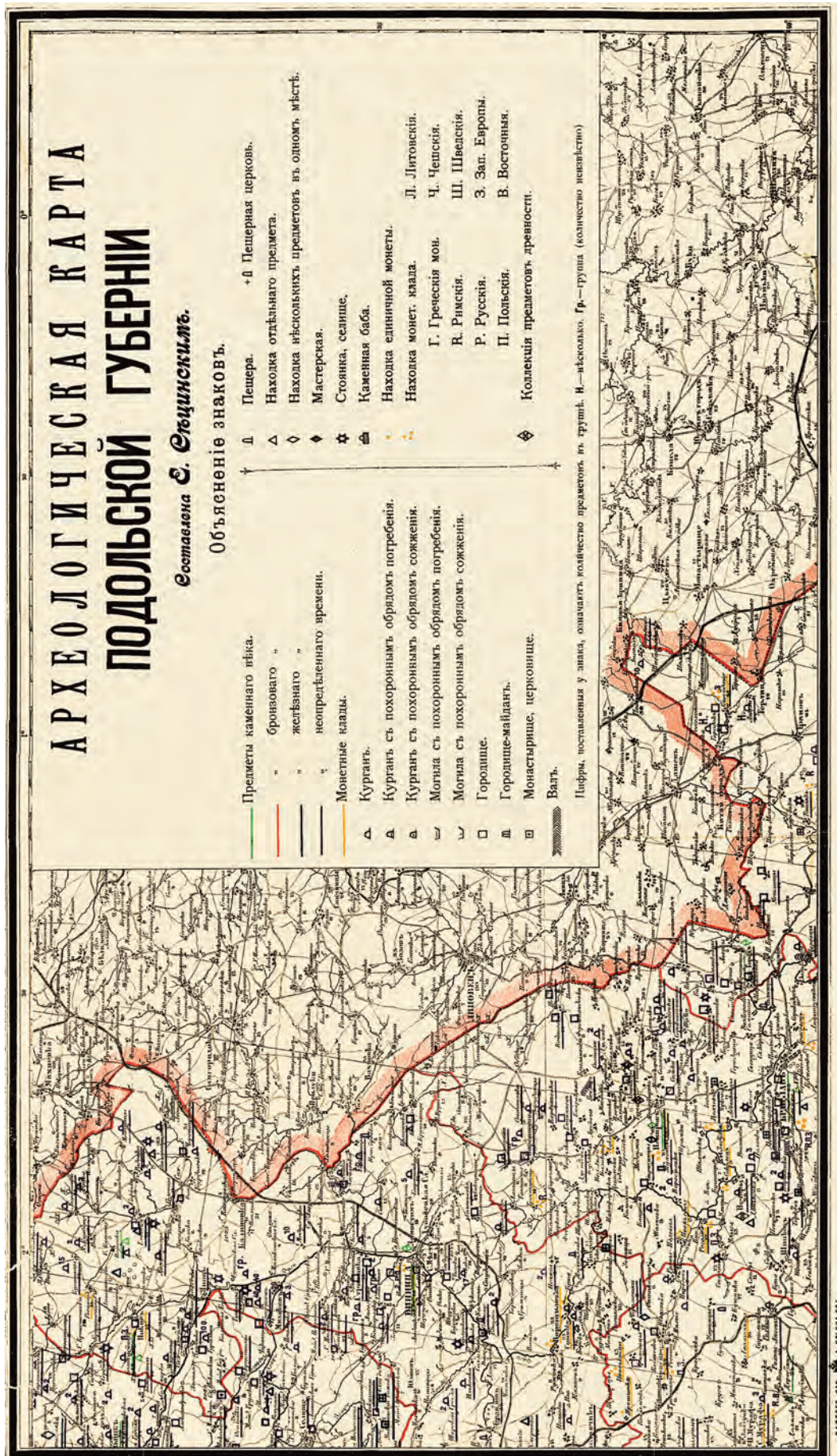


Рис. 10. Археологическая карта Подольской губернии, конец XIX в., фрагмент (по Сецинский 1901: цветная вклейка)



Рис. 11. Немировское городище, план  
Е. Сецинского  
(по Сецинский 1901: 329,  
№ 6; 353)



6. Городище возлѣ м. Немирова, Брацлавскаго уѣзда (стр. 236).

В Научном архиве ИИМК РАН есть примечательные и весьма красноречивые документы тех лет. Так, в одном из дел, где хранятся ходатайства «кладоискателей о разрешении им проводить раскопки» находится прошение одного из жителей м. Немиров Брацловского уезда Подольской губернии. Позволим себе привести здесь выдержки из этого любопытного документа, выразительно освещающие надежды на обогащение «маленьких людей» провинциальной России и нешуточные страсти, разгоравшиеся иногда вокруг этих надежд и чаяний.

«Имея свою маленькую хатку в м. Немиров Брацлавского уезда на <...> земле имения Княгини Щербатовой (означенная земля находится вблизи Волостного правления с Винницкого почтового тракта около пруда "Ставос" (к?), на довольно низком месте, откуда возвышается крутая гора) и как гласит предание, на этой горе находилась ставка гетмана Богдана Хмельницкого и здесь скрыто сокровище. Назад тому несколько лет в бытность в м. Немиров мирового посредника г-на участка, Гатцука, который посетил мое жилище и хотел купить мою хатку с землей, но я от продажи отказался. Меня <...> это обстоятельство очень заинтересовало, и я

обратился к г-ну Гатцуку, на что ему оная хата "изба" и земля, после этого он объяснил, что он имеет к тому данные и книгу описаний древностей и кладов и, по его мнению, от моей хаты ведет в гору ход, то есть прогреб, где есть богатый клад гетмана Хмельницкого и его дружины. Золотая и серебряная монета и другие драгоценности.

В прошлом 1890 году я понемногу начал производить раскопку и дошел до 1-х дверей <...> тогда моя соседка немка прусская подданная Донер, которая живет на горе, против моей усадьбы, дала знать местной полиции, что я копаю погреб и за ним часть ее земли, но ее заявление не основательно, и теперь же Донер сама хочет начать копать со своей усадьбы. Полиция же мне воспретила делать раскопку, т.е. прорытие погреба; я обратился с прошением к г. Подольскому Губернатору, на что и получил резолюцию Подольского Губернского Правления от 4-го августа 1890 г. за № 1481, в которой объявлено, чтобы я обратился с прошением в Киевскую Археологическую Комиссию, куда я и взошел с прошением 20 января 1891 г., на что я получил уведомление от 28-го января за № 23, чтобы я подал прошение в Императорскую Археологическую Комиссию,

а равно и 20-го же января подал прошение начальнику края, но резолюции не имею.

Когда я копал погреб, то нашел медный герб с надписью по-русски "Храброго героя", стакан, цветное блюдо и далее замурованные двери и открытый ход с ступенями в подвал, где и видно обширное помещение, но полиция вторично завалила этот ход.

Вследствие вышеизложенных обстоятельств дела, относительно раскопки сокровища Гетмана Хмельницкого, находящихся на моей земле, я честь имею покорнейше просить Императорскую Археологическую Комиссию дать мне законное содействие и разрешение означенной и начатой мною раскопки, которую можно начать теперь же, т.е. с 1-го марта 1891 г. и ожидаю резолюцию от Императорской Археологической К.; при сем прилагаю гербовых марок на 1 руб. 60 коп.

Просит дворянин житель м. Немиров Брацлавского уезда Подольской губернии Семен Бржезицкий, неграмотен, а за него неграмотного по его просьбе расписался крестьянин собственник Луганской волости Брацлавского уезда с. Селище Григорий Гурянко.

М. Немирово, 12 февраля 1891 г.»  
(НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, д. 2/1891, л. 19).

Известно, что в просьбе о раскопках Семену Бржезицкому Комиссией было отказано, однако неясно, прекратил ли он свою кладоискательскую деятельность, которая, в конечном счете, увлекла и его, по-видимому, более законопослушную соседку.

Власти принимали различные меры против поисков сокровищ местным населением. Для проверки состояния дел летом 1909 г. в Немирове появился С. С. Гамченко. В материалах НА ИИМК РАН сохранилась фотогра-

фия группы рабочих, принимавших участие в полевых изысканиях С. С. Гамченко в Подолии, в составе группы можно увидеть православного священника. Как мы полагаем, на заднем плане слева запечатлен и сам исследователь (рис. 12)<sup>1</sup>. К этому времени он уже имел большой опыт раскопок в Волынской губернии (Ляшко 2012: 119–120). Императорская Археологическая Комиссия первоначально командировала его на юг России, в Подольскую губернию, для исследования глиняных площадок трипольской культуры (рис. 13; 14)<sup>2</sup>:



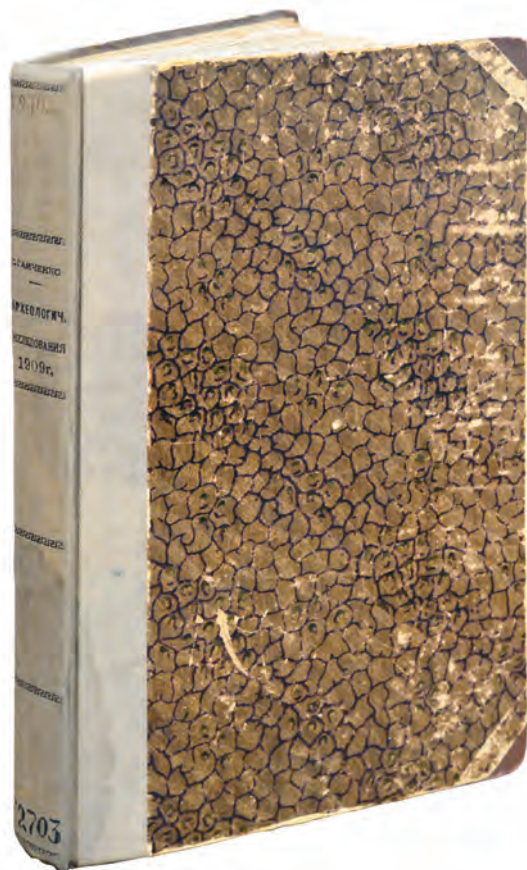
Рис. 12. Полевые изыскания С. С. Гамченко в Подолии, 1909 г.; исследователь — слева, на заднем плане (НА ИИМК РАН, ф. 1, 1909, д. 85в, л. 9, табл. 60)

<sup>1</sup> По нашей просьбе В. А. Горончаровский обратился к А. В. Арановичу для уточнения типа военной формы с целью идентификации личности С. С. Гамченко. Как пояснил А. В. Аранович (письмо от 04.09.2017), «человек действительно в военной форме образца 1907 г. (фуражка с кокардой), однако отсутствуют погоны. В связи с этим 100 процентной гарантии дать не возможно, но совершенно точно, что форма сшита непосредственно под него. О чем свидетельствует неуставной высокий воротник. Погоны же в экспедиции он мог и не носить, но отказаться от привычной ему формы навряд ли мог. К тому же судя по фотографии в присоединенном файле (портрет С. С. Гамченко — авторы) это одно и то же лицо. По характерной манере ношения усов». Приносим благодарность д. и. н. В. А. Горончаровскому и проф., д. и. н. А. В. Арановичу за помощь и консультацию.

<sup>2</sup> Материалы, связанные с деятельностью С. С. Гамченко, которые хранятся в НА ИИМК РАН, все еще известны мало в научном сообществе и ждут своего исследователя.



Рис. 13. Отчет  
С. С. Гамченко  
«Археологические  
исследования в Подолье  
по трипольской  
культуре в 1909 г.»  
(по Гамченко 1911)



«Имея в виду, что устройство так называемых "глиняных площадок" Трипольского типа, несмотря на огромное количество уже раскопанных памятников старины этого рода, должно считаться еще совершенно не уясненным и в полной мере загадочным, Императорская Археологическая Комиссия решила со своей стороны сделать серьезную попытку разрешить эту задачу, возложив ее на одного из испытанных русских археологов, С. С. Гамченко.

В указанных ему местностях Подольской губ. (с. Кринички и Корытно Балтского у.) г. Гамченко обнаружил весьма значительные группы площадок, так что мог ограничиться исследованиями именно их, но сверх того он определил нахождение таких групп и в других местностях Балтского, Ольгопольского и Брацлавского уездов, между прочим на городище близ м. Немирова Брацлавского у.» (ОИАК 1913а: 176).

Однако он получил срочное задание осмотреть городище близ местечка Немиров, чтобы убедиться в целесообразности мероприятий, принятых против кладоискательских раскопок окрестных жителей, а также произвести на городище разведочные раскопки (Гамченко 1911: 20 — **рис. 14**).

Он был приветливо встречен местной меценаткой княгиней М. Г. Щербатовой, которая могла надеяться на удивительные открытия на своих землях, поэтому свои небольшие раскопки в окрестностях Немирова он проводил на ее средства. Будучи профессиональным топографом, С. С. Гамченко сделал карты Подольской губернии и окрестностей Немирова (**рис. 15; 16** — НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, д. 85б/1909, л. 1, 2, 9, 18, 19, 22, 43). Он обработал добытую из разведочных шурфов лепную керамику (около 500 фр.) и получил от местных жителей семь бронзовых изделий (наконечники стрел и булавку) (см. ниже). Ему также принадлежит первая находка фрагмента расписной греческой столовой амфоры (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, д. 85е/1909, л. 34, № 1; Вахтина 2017):

**«На Немировском городище при раскопках было найдено несколько черепков родосского типа, с изображением животных, цветков и птиц» (ОИАК 1913а: 179).**

Хотя С. С. Гамченко сделал свой план Немировского городища (**рис. 17**), открытие на нем нескольких «погребений-помостов», согласно его терминологии (см. Приложение 9; Артамонов 1998: 73 сл., рис. 5; 6) позволило ему поставить вопрос о возможном наличии кургана на месте центрального укрепления, которое он назвал Валу-Замчистко-Щербатовым городищем (НА ИИМК РАН, РО, д. 85а/1909, л. 10, 15 — **рис. 18–20**):

**«Окрестные населенные пункты находятся почти в равном удалении и само название "Валы" слишком общее; поэтому мы и назвали систему укрепления "Вал" — "Замчистко" Щербатовым городищем» (Гамченко 1911: 130; ОИАК 1913а: 179).**

Ситуация вокруг Немировского городища оказалась запутанной. Во-первых, добытые материалы были отнесены к двум разным памятникам: собственно Немировскому городищу и Щербатову городищу, что впоследствии повлияло на идентификацию трипольской коллекции трипольской культуры (см. гл. 3; Старкова 2014: 41–42). Во-вторых, речь шла о вероятных богатых находках из кургана, раскопки которого бралась обеспечить княгиня Щербатова.

Для внесения ясности понадобились дополнительный выезд в 1910 г. проф. А. А. Спи-



"И вот, падет стена; тогда не скажут ли вам: где та обмазка, которою вы обмазывали". /Библия, кн. пр. Иезекииля, гл. 13, ст. 12/.

### ПРЕДИСЛОВИЕ.

Весною 1909 г. императорская Археологическая Комиссия предложила командировку на Юг России для исследования "глиняных площадок", относящихся к "Трипольской" или "Домикенской" культуре. Изыскания на месте предполагалось организовать возможно шире, не столько в пространственном, т.е. географическом, отношении, сколько в смысле планомерных раскопок самих "площадок". Районом работ была намечена Подольская губерния и, в мере потребности, прилегающие к ней Херсонская и Бессарабская. В ряду программных действий можно было базироваться, между прочим, и на точки, о которых имелись известия, что там домикенская культура уже зарегистрирована.

Предложение Комиссии вполне отвечало нашим желаниям на деле ближе ознакомиться с данной культурой и попытаться, в пределах времени и средств, высказаться о ее памятниках более определенно более законченно.

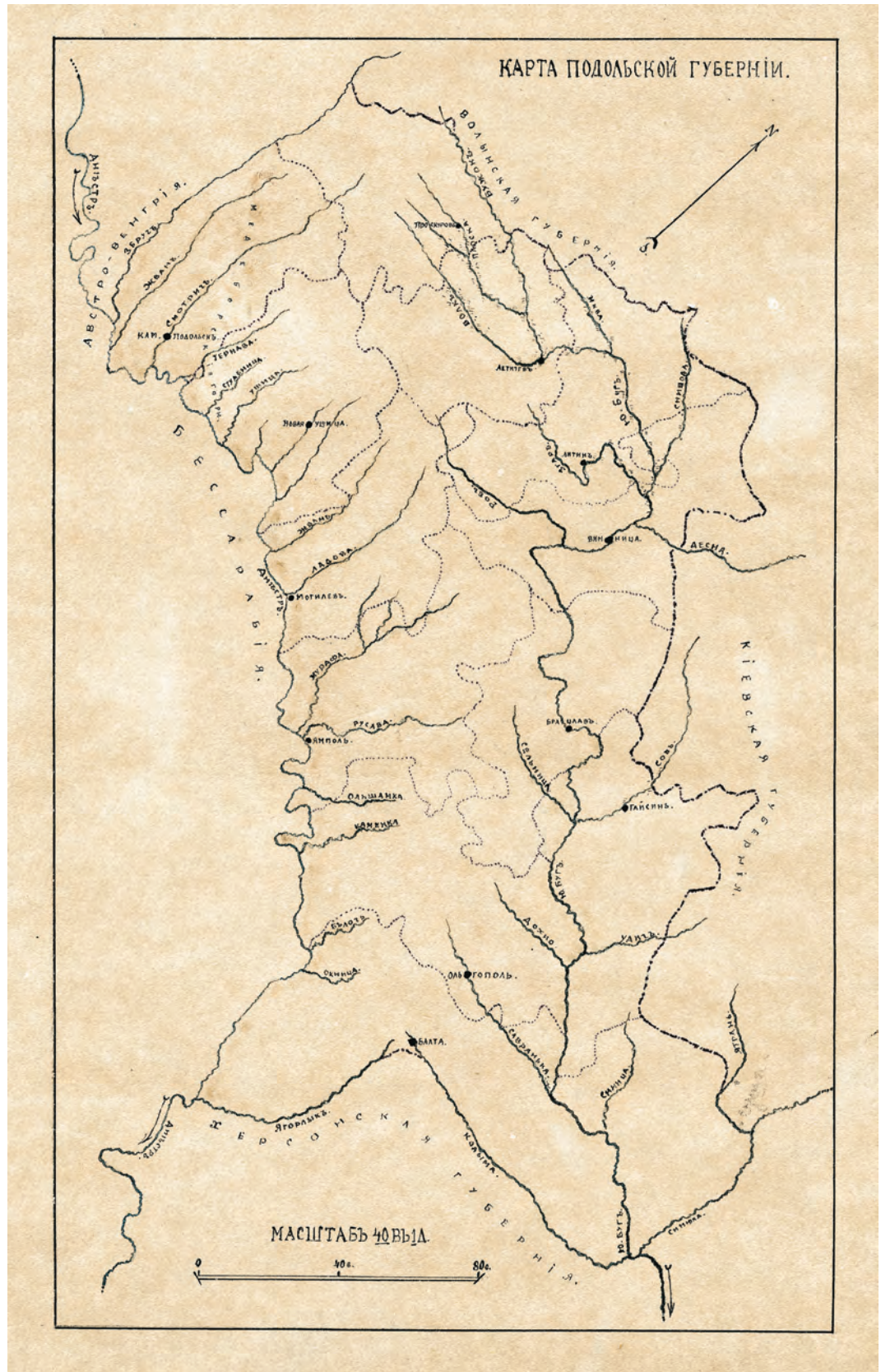
Ознакомление с литературой вопроса позволило первоначально наметить для планомерных изысканий с. Кринички, Балтского уезда, Подольской губернии. В дальнейшем же предполагалось, если окажется, что район с. Криничек не заслуживает археологического внимания, идти широким фронтом рекогносцировки и разведки, подвигаться с крайнего Юго-Востока Подольской губернии на ее Северо-Запад и затем, в крайности, переброситься за Днестр, в пределы Бессарабии, к Дунаю /Ренни/, в Новороссийскую степь и т.п. Точками обследования в Подольской губернии, по литературе, могли бы служить: с.с. Крутобородцы / тичевский у./, Говоры /Ново-Ушицкий у./, Васильковцы /Проскуровский у./, обе Синявы /Литинский у./, Серватинцы, Вербички, Грицьково и Чернокозинцы /все Каменец-Подольского у./, В Бессарабии можно было обосноваться на имени Петрены и с. Царьград /оба Бельцевского у./.

Перед отъездом первоначальная задача осложнилась дополнительным поручением: прежде всего побывать в м. Немирове, Брауловского у., Подольской г., где осмотреть имеющиеся близ этого местечка городище, в котором окрестные жители производят кладонскательские раскопки, убедиться в целесообразности принятых против кладонскательства мероприятий, выполнить в городище разведочные раскопки, узнать в отношении

Рис. 14. Начальная страница текста отчета С. С. Гамченко «Археологические исследования в Подолье по трипольской культуре в 1909 г.» (по Гамченко 1911; НА ИИМК РАН; публикуется впервые)



Рис. 15. Карта  
Подольской губернии,  
выполненная  
С. С. Гамченко  
(НА ИИМК РАН, РО,  
ф. 1, 1909, д. 856, л. 1;  
публикуется впервые)





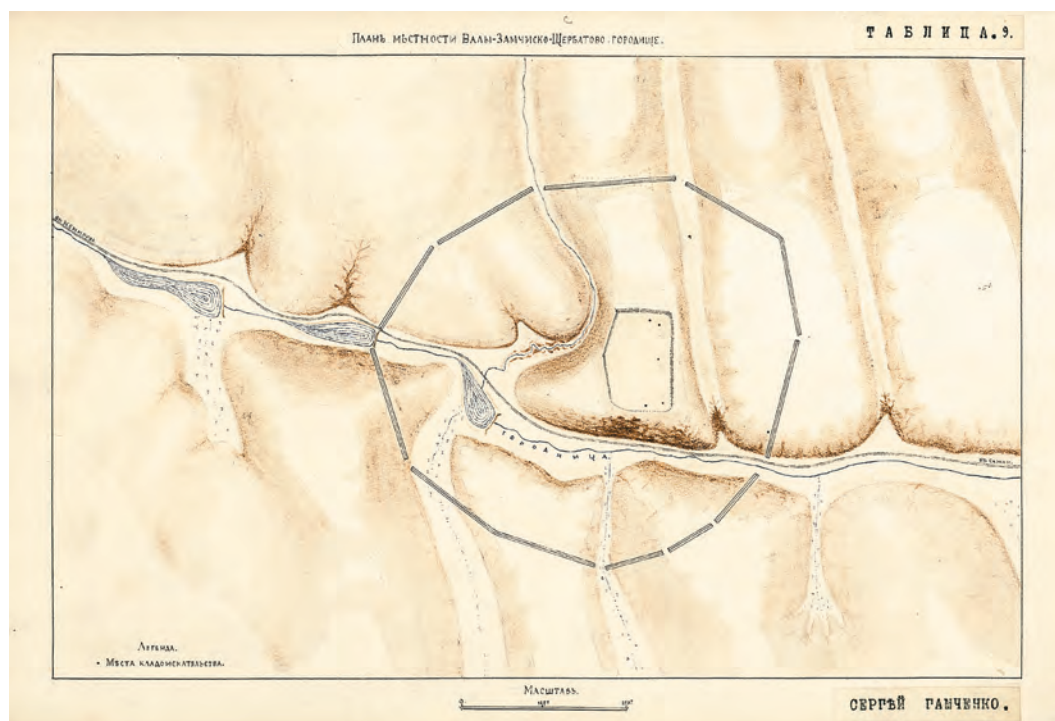
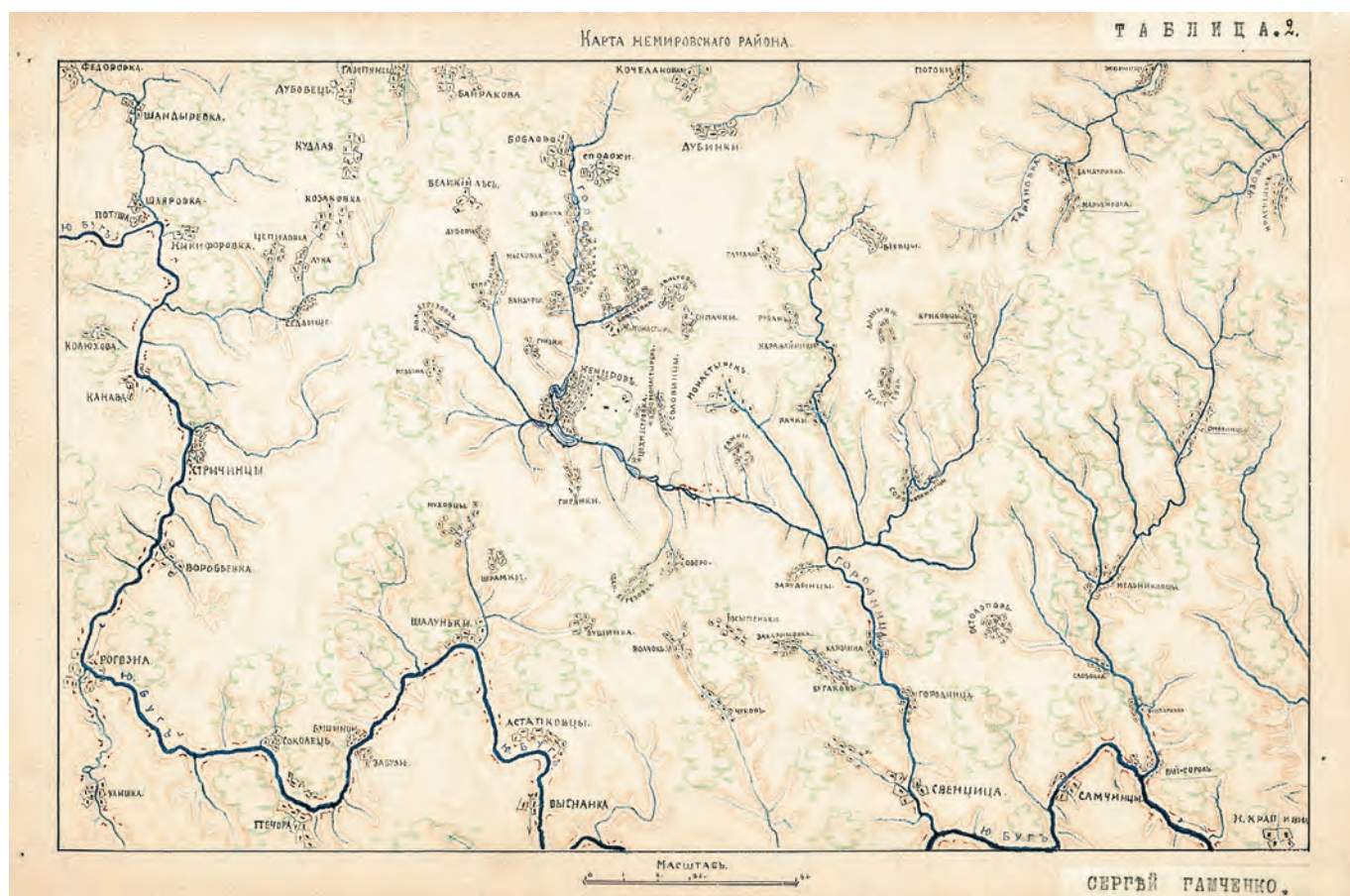


Рис. 16. Карта Немировского района, выполненная С. С. Гамченко (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1909, д. 85б, л. 2-1; публикуется впервые)

Рис. 17. Валы-Замчистко-Щербатово городище, план С. С. Гамченко (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1909, д. 85б, л. 9-1; публикуется впервые)

Рис. 18. Щербатово (Немировское) городище, план С. С. Гамченко (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1909, д. 85б, л. 19-1; публикуется впервые)

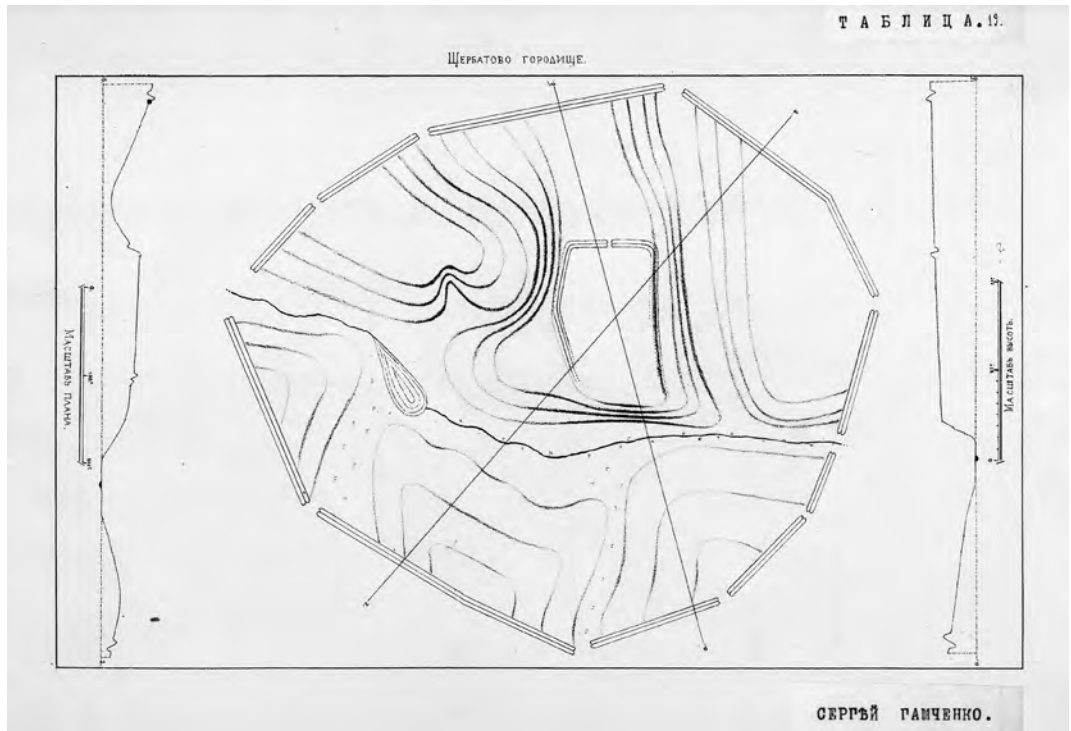
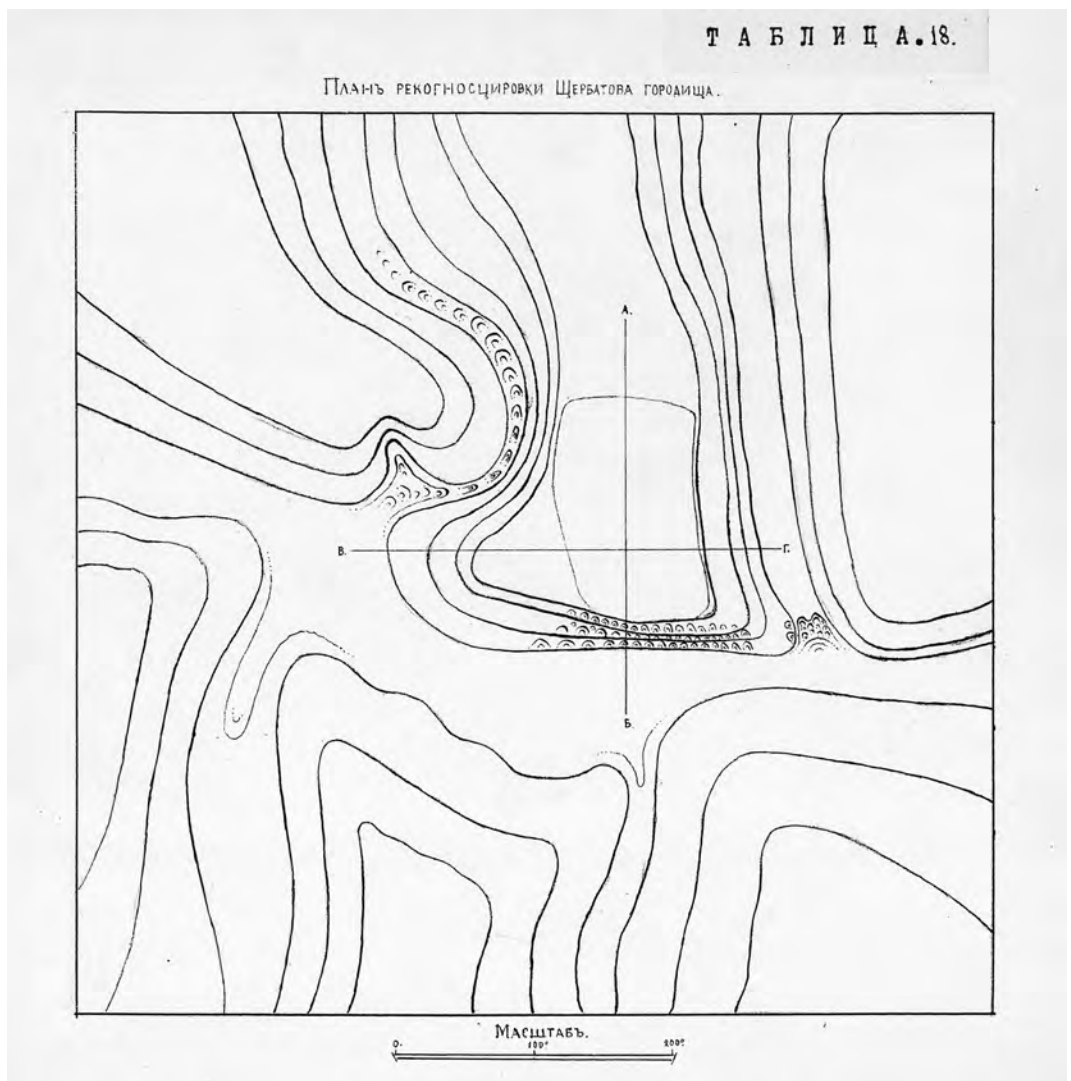


Рис. 19. Щербатово городище (центральное укрепление Немировского городища), план С. С. Гамченко (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1909, д. 85б, л. 18-1; публикуется впервые)





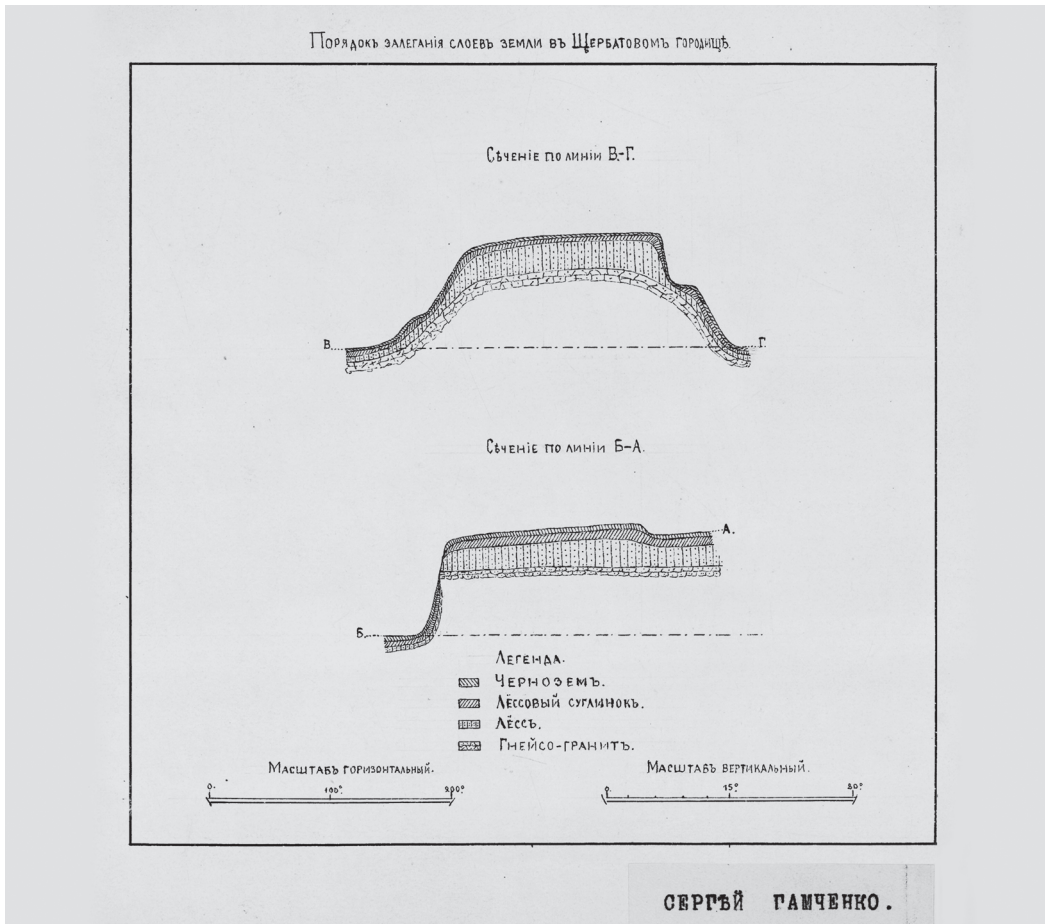


Рис. 20. Щербатово городище (центральное укрепление Немировского городища), разрезы, раскопки С. С. Гамченко (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1909, д. 85б, л. 18-2-1; публикуется впервые)

цына (рис. 21) и работы в 1911 г. на памятнике его университетского слушателя:

«Княгиня М. А. Щербатова обратилась к Председателю Имп. Археологической Комиссии с предложением провести на ее средства исследование известного городища близ м. Немирова Брацлавского у., на земле крестьян д. Соловинец. Так как на городище уже открыты остатки жилищ времени Трипольской культуры, то Комиссия охотно отозвалась на любезное предложение кн. Щербатовой и командировала в 1910 г. в Немиров члена своего А. А. Спицына, который пригласил с собой на работы трех своих университетских слушателей (П. А. Балицкого, В. В. Саханёва и К. В. Шероцкого) в расчете передать им продолжение раскопок, так чтобы они могли идти непрерывно в течение всего лета. Раскопки были продолжены г.г. Балицким и Шероцким в следующем 1911 г.» (ОИАК 1913б: 179–180).

В историографии по Немировскому городищу нет упоминаний о раскопках памятника, произведенных в 1911 г. под началом П. А. Ба-

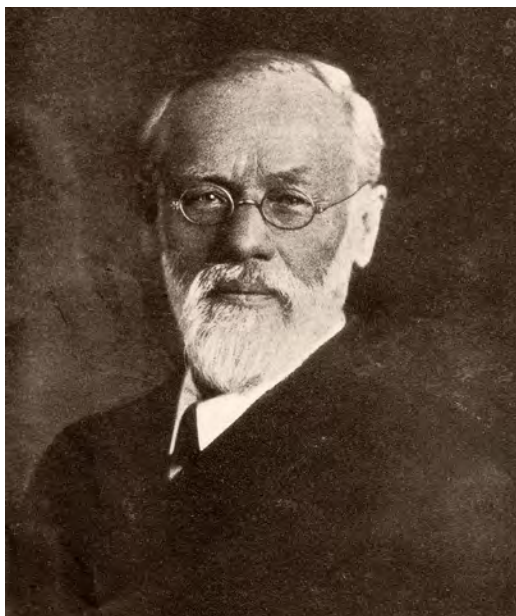
лицкого (О раскопках... 1911). Однако краткая информация об этих работах имеется:

«Студент Имп. С.-Петербургского университета П. А. Балицкий продолжил в отчетном году раскопки Немировского городища, Балтского у., описание которых дано в Отчете Комиссии за 1909 и 1910 г.г., стр. 179–183» (ОИАК 1914: 65).

Судя по таблицам «распределения древностей из раскопок, произведенных на средства Императорской Археологической Комиссии», материалы тогда поступили в разные учреждения (Императорское Русское Археологическое Общество и Киевский городской музей) (см. ОИАК 1913в: 97; ОИАК 1914: 97). Соответственно, часть этих находок была объединена с немировскими материалами из раскопок 1910 г., которые также поступили в Императорское Русское Археологическое Общество (см. ОИАК 1913в: 244), судьба же другой части неизвестна<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> Судя по этим таблицам, материалы из раскопок 1910 г. А. А. Спицына также поступили в три разных учреждения: Императорское Русское Археологическое общество, Киевский и Херсонский музеи (см. ОИАК 1913в: 244). Однако неизвестно, произошло ли на самом деле разделение материалов на три части.

Рис. 21. А. А. Спицын – исследователь Немировского городища



Эти изыскания окончательно установили, что расположенная возле г. Немиров система разнообразных больших и малых валов и рвов, в том числе «Замчистко», составляет одно большое городище (Спицын 1910; 1911: 155–168). Тем самым были «похоронены» надежды местной меценатки на открытие древних шедевров.

Раскопки 1910–1911 гг. дали значительный объем находок, которые хранятся в фондах ОАВЕС ГЭ. Это более 3000 фрагментов керамики и находок из глины, кости, рога, камня, кремня, бронзы и железа (см. гл. 4), относящиеся к разным историческим эпохам: упоминаются керамика и находки (по Спицыну) трипольской культуры, скифской, гальштаттской, типа Латена, старокиевской, раннерусские и старорусские, а также польские монеты XVII в., позднейшие сооружения нового и новейшего времени (см. ОИАК 1913б: 181 сл.):

«Вообще раскопки Немировского городища дали неожиданно богатый и интересный материал» (Там же: 183).

Однако добытые тогда материалы невозможно соотнести с комплексами или ямами, которые упоминаются и Отчете ИАК (ОИАК 1913б: 179–183), и в заметках на карточках или «корочках» А. А. Спицына (Спицын 1910). Надежды на получение дополнительной информации из «корочек», к сожалению, не оправдались (рис. 22–27), о чем обстоятельно написал М. И. Артамонов (см. гл. 2.3). «Корочки» А. А. Спицына: заметки и пометки, наброски, зарисовки и рисунки отдельных предметов, комплексов, таблиц (своих, а также из работ коллег), — по большей части представляют собой личные записи автора, который знал, о чем и для чего это пишет (От редколлегии 1948: 7; Бич 1948: 21).

Под впечатлением своих раскопок в 1911 г. А. А. Спицын написал замечательное литературное произведение «Скифы и Гальштатт» (Спицын 1911: 155–168), в котором напрочь отсутствовали иллюстрации. Этой работой он впервые поставил важную проблему в археологии раннего железного века древней Европы: проблему взаимосвязей северочерноморских археологических культур с гальштаттскими культурами Средней Европы. Согласно современным представлениям речь идет о культурах гальштаттского времени Карпато-Подунавья и Восточногальштаттском круге памятников Средней Европы (см. Кашуба 2012).

Стоит упомянуть, что с самого начала раскопок Немировского городища особое внимание антиковедов привлекали фрагменты расписной греческой посуды, некоторые



Рис. 22. «Корочки» А. А. Спицына по Немировскому городищу.  
1 — общий вид папки;  
2 — разворот (НА ИИМК РАН, РО, ф. 5, д. 308, л. 1; публикуется впервые)

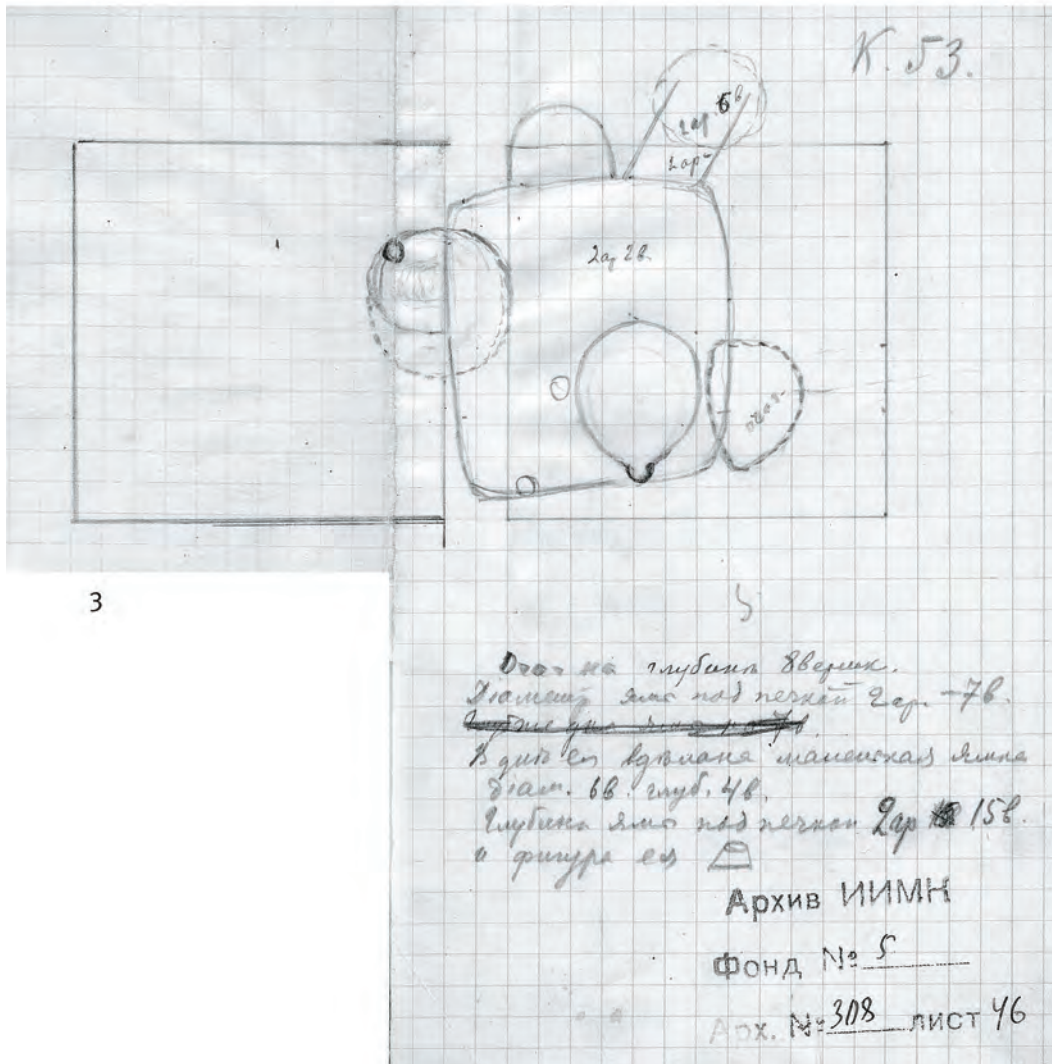




1

№№ 46, 47, 48, 49 — К 42  
 № 46. Срубленный железный пеньковый  
 мусоропровод, пифаго Зинтова.  
 № 47. Яма срубленного пенькового  
 диаметра 13 в. обжигая.  
 Забыта глиняная масса без глиняного  
 (использована)  
 № 48  
 Яма круглая  
 Диаметр 1 ар. 4 в.  
 Пеньковая 2 ар. 2 в.  
 Забыта глиняная, глиняной  
 артефакты.  
 № 49.  
 Яма круглая  
 Диаметр 1 ар. 10 в.  
 Диаметр 2 ар. —  
 Забыта глиняная; глиняная  
 артефакты.  
 Архив ИИМН  
 Фонд № 5  
 Арх. № 308 лист 33

2



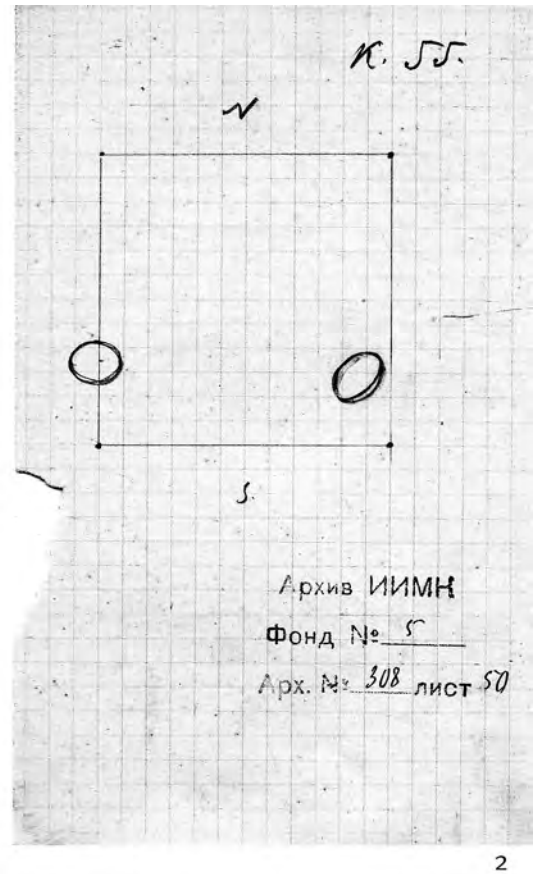
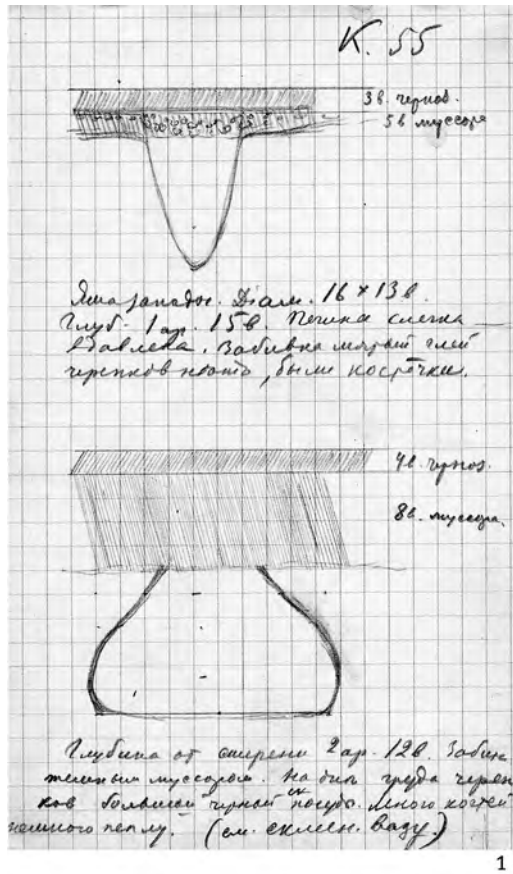
3

Орган на глубине 8 в. диаметр  
 Диаметр это под первым 2 ар. 7 в.  
 Диаметр это под первым 2 ар. 7 в.  
 В это же время маленькая яма  
 Диаметр 6 в. глуб. 4 в.  
 Глубина это под первым 2 ар. 15 в.  
 в фигуре ее

Архив ИИМН  
 Фонд № 5  
 Арх. № 308 лист 46

Рис. 23. «Корочки»  
 А. А. Спицына  
 по Немировскому  
 городищу.  
 1 — наброски  
 по систематизации  
 найденных ям;  
 2 — планы, разрезы  
 и описания ям № 46, 48  
 и 49 из к. 42;  
 3 — план к. 53  
 (НА ИИМК РАН, РО,  
 ф. 5, д. 308, л. 2, 33, 46;  
 публикуется впервые)

Рис. 24. «Корочки»  
А. А. Спицына  
по Немировскому  
городищу.  
1-4 — планы, разрезы  
и описания нескольких  
ям из к. 55  
(НА ИИМК РАН, РО,  
ф. 5, д. 308, л. 49, 50, 51  
и 51об.; публикуется  
впервые)





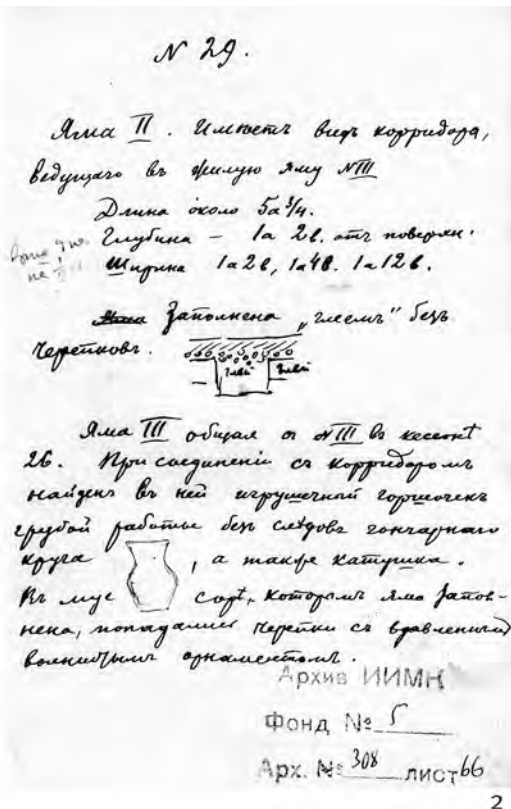


Рис. 25. «Корочки» А. А. Спицына по Немировскому городищу. 1, 2 — планы, разрезы и описания ям I—III из к. 29 (НА ИИМК РАН, РО, ф. 5, д. 308, л. 65 и 66; публикуется впервые)

из наиболее интересных ее образцов были сразу опубликованы (Фармаковский 1914: табл. 11, 3).

Известен удивительный факт тех лет, имеющий отношение к памятникам старины Подолии: в декабре 1916 г. для охраны памятников в зону военных действий, в том числе и Подолию, была направлена специальная экспедиция Императорской Академии наук и Императорской Археологической комиссии (см. Пескарёва, Владимирова 1980: 90). Однако результаты ее деятельности остались неизвестными.

\*\*\*

После всех открытий и раскопок в начале и первой декаде XX в. к Немировскому городищу не обращались в течение последующих нескольких десятилетий. Раскопки на памятнике возобновились лишь к середине XX в. Летом 1941 г. оборонительные сооружения Немирова исследовали Г. Д. Смирнов с Б. Н. Граковым (см. Артамонов 1998: 59 сл.; Pelivan 2010: 214), но работы были прерваны начавшейся Великой Отечественной войной.

\*\*\*

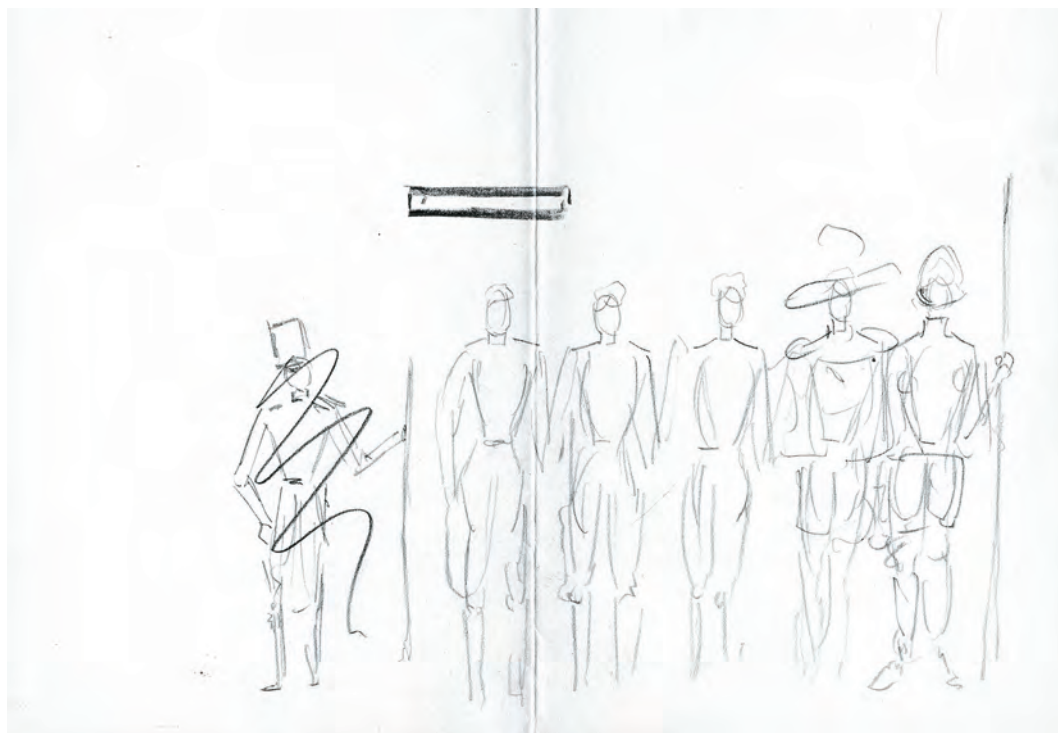
Самые масштабные археологические исследования памятника были проведены в 1946–1948 гг. Юго-Подольской экспедицией под руководством М. И. Артамонова (рис. 28–30) — не только раскапывалось само городище, но и производились разведки археологических памятников Южной По-



Рис. 26. «Корочки» А. А. Спицына по Немировскому городищу. Сосуд, зарисовка (НА ИИМК РАН, РО, ф. 5, д. 308, л. 112; публикуется впервые)



Рис. 27. «Корочки»  
А. А. Спицына  
по Немировскому  
городищу.  
Группа людей, эскиз  
(НА ИИМК РАН, РО,  
ф. 5, д. 308, л. 119;  
публикуется впервые)



долии. Именно эти раскопки оказались наиболее информативными, сам же М. И. Артамонов написал о них несколько кратких заметок и две более общие работы (Артамонов 1946а: 236–237; 1946б: 236–237; 1946в; 1947а: 134–135; 1947б: 74–75; 1948: 177–181; 1949: 257–262; 1952: 193–195; 1955а: 100–117; 1955б: 84–87; 1998).

По сравнению с сезоном 1946 г. (рис. 31) раскопки 1947–1948 гг. были более масштабными и результативными (рис. 32; 33), что подчеркивал М. И. Артамонов в своих кратких сообщениях о полевых исследованиях в Юж-

ной Подолии в те годы (Артамонов 1947а: 134–135; 1948: 178). В итоге широких изысканий тех двух лет на городище были подтверждены наблюдения А. А. Спицына о структуре насыпного зольного холма (зольника) с прослойками чистой глины (Артамонов 1947а: 134). Изучалась также конструкция оборонительных сооружений — были разрезаны внешний и внутренний валы. На основании находок в насыпях валов керамики развитого архаического скифского типа время их сооружения было определено начальным этапом скифской культуры (Артамонов 1947а: 134; 1948: 179).



Рис. 28.  
М. И. Артамонов,  
О. А. Артамонова  
и любимый пес Бэмби.  
Юго-Подольская  
экспедиция, 1953 г.  
(личный архив  
семьи Белецких,  
Санкт-Петербург;  
публикуется впервые)



Раскопками М. И. Артамонова и О. А. Артамоновой были обнаружены жилые и различные хозяйственные комплексы (рис. 34; 35). Наряду с наземными постройками с очагами были открыты три круглых в плане землянки, удалось реконструировать их облик и заполнение (см. гл. 4). О характере и состоянии сохранившейся полевой документации Юго-Подольской экспедиции рассказано в гл. 2 настоящей монографии.

Основную массу находок раннего железного века на Немировском городище составили фрагменты сосудов, отличающихся разнообразием видов и форм и высоким мастерством исполнения. Сравнительно оперативно были изданы отдельные значимые немировские находки, среди которых расписная греческая керамика (см. главу 5), украшения и лепной сосуд. Бронзовые булавки и серьги, найденные на Немировском городище, были включены в общую классификацию украшений Скифии (Петренко 1978: табл. 1: 1, 7; 4: 3; 7: 11; 10: 36; 12: 10; 13: 1, 6; 16, 53; 27, 5). Восемь немировских булавок были отнесены к типам 1, 3/1, 5/1, 10/1, 18 (литые), 21/1 и 21/2 (с расклепанной головкой), а серьги — к типам 3/1 и 23 (см. гл. 4).

Весьма примечательным оказался чернолощенный сосуд, на стенке которого Б. Н. Граков (1959: 259, рис. 1–3) увидел и прочитал греческую надпись (рис. 36):



«Среди вещей из раскопок А. А. Спицына в 1909 г. на Немировском городище есть один черный лощеный сосуд со светло-коричневыми подпалинами, высотой около 40 см (рис. 1). На границе горла и плечиков этого сосуда проходит вертикально поставленный опоясывающий валик. Над этим валиком нацарапана крупно, но небрежно коротенькая надпись на греческом языке (рис. 2 и 3). Она читается легко и не вызывает сомнения в понимании: "Λάχε με", т. е. "получи меня по жребью" или, что менее вероятно, просто "получи меня". Глагол λαχάω имеет,

*Рис. 29. Юго-Подольская экспедиция 1946–1948 гг. в пути (НА ОАВЕС ГЭ; публикуется впервые)*



*Рис. 30. Немировское городище, северный въезд, фотография 1947–1948 гг. (НА ОАВЕС ГЭ; публикуется впервые)*



Рис. 31. Немировское городище, первичный план-схема центральной части с расположением разведочных траншей и шурфов, 1946 г. (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые)

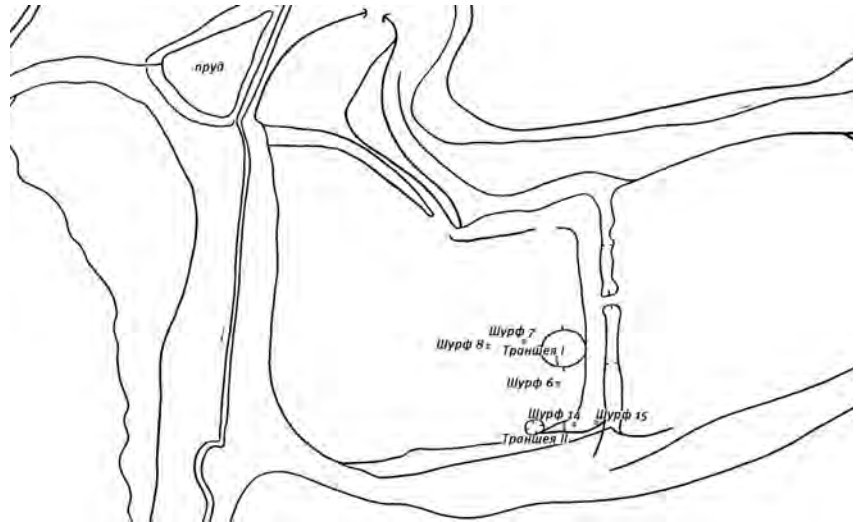


Рис. 32. Немировское городище, план по М. И. Артамонову, 1948 г., цветной вариант. Условные обозначения: а — валы; b — границы зольника с раскопами С. С. Гамченко, А. А. Спицына и М. И. Артамонова; с — заболоченные участки (НА ОАВЕС ГЭ; личный фонд Артамонова, публикуется впервые; подготовка В. Я. Стёганцевой)







Рис. 33. Немировское городище, план по М. И. Артамонову, 1948 г., черно-белый вариант, с обозначением валов, границ зольника с раскопами С. С. Гамченко, А. А. Спицына и М. И. Артамонова, заболоченными участками и отснятыми высотами (по Артамонов 1998: рис. 1)



Рис. 34. Немировское городище, раскопки 1946–1947 гг., разборка углубленного сооружения (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые)



Рис. 35. Немировское городище, раскопки 1947 г., вид на раскопанную скифскую землянку (фотография М. И. Артамонова; НА ИИМК РАН, Фотоархив, кол. № 1269.65, F 149.65; по Кашуба, Вахтина 2014: рис. 1)



хотя и не часто, и это последнее значение. Надпись сделана шрифтом малоазиатским. Скорее всего в нем можно видеть милетский или древнейший самосский шрифт, обычный до 56-й олимпиады, т. е. до 556 г. до н. э. Эта дата вполне отвечает тому обстоятельству, что Немировское городище в основном дает материалы, относящиеся ко времени начиная с середины VII в. до н. э., по видимому, до половины VI в. до н. э. За раннюю дату этой надписи, помимо шрифта, говорит и уверенная манера письма справа налево, свойственная его ранней стадии и относящаяся, скорее всего, к концу VII в. до н. э. Дата самого сосуда приближительна.

Таким образом, мы, во-первых, приобретаем еще одно неоспоримое доказательство ранней даты Немировского городища. Во-вторых, это граффито важно тем, что свидетельствует о столь раннем появлении греков в таком глубоком тылу Черноморского побережья (может быть, в землях невров; впрочем, некоторые считают жителей этого города скифами-пахарями). <...>

Граффито же, которому посвящена эта заметка, сделано на местном, достаточно типичном для Немировского городища сосуде. Сама надпись вполне греческая не только по языку, но и по содержанию. Сосуды у греков часто как бы от своего лица обращались к окружающим. Содержание надписи тоже соответствует греческим застольным нравам. Либо это был разыгранный на счастье по жребию сосуд с пиршественным напитком, либо (при втором понимании глагола) приз за победу в каком-то застольном состязании. Надпись сделана перед игрой и носит, следова-

тельно, смысл магического призыва.

Итак, это граффито позволяет установить, что греки проникали от Ольвии или от Березани вверх по Бугу более чем на 300 км. Проникновение это было не одиночным, так как сосуд должен был достаться одному из нескольких игравших. Вероятно, это были купцы. Трудно предположить других лиц. Это были милетцы или, может быть, недавние милетские колонисты, т. е. ольвиополиты или березанцы. Пребывание их было довольно длительным, так как они, судя по этой надписи, имели возможность жить, соблюдая свои обычаи и развлечения. Это не могли быть местные варвары. <...>

<...> Премией мог быть этот сосуд с вином. <...>

Не исключено и пиво. <...> Наименее вероятен кумыс. Судя по исключительно земледельческому хозяйству городища» (Там же: 259, 261).

В 1973 г. по просьбе Г. И. Смирновой сосуд осмотрел И. Б. Брашинский, который надписи не увидел, о чем устно сообщил. Однако в историографии отсутствует письменное свидетельство специалистов относительно наличия или отсутствия граффито на немировском сосуде. По нашей просьбе, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН Н. А. Павличенко ознакомилась *de visu* с этим сосудом и сделала новые качественные фотографии (рис. 37). Она пришла к следующему заключению:

«В 1959 г. Б. Н. Граков посвятил отдельную статью сосуду с черным лощением, происходящему из раскопок А. А. Спицына на Немировском городище в 1910 г. (Граков 1959: 259 сл.). На грани-

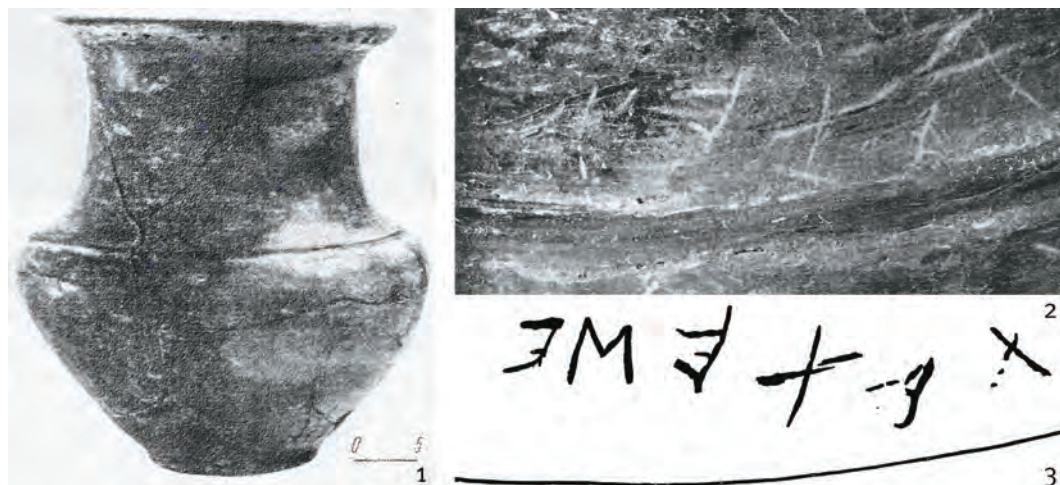


Рис. 36. Немировское городище, публикация отдельных находок из раскопок А. А. Спицына. 1 — местный сосуд с греческим граффито; 2 — греческое граффито на сосуде; 3 — греческое граффито на сосуде (прорись) (по Граков 1959: рис. 1–3)

це горла и плечиков он увидел "легко читающуюся" ретроградную надпись Δάχε με, которую он перевел как "получи меня по жребию" или "получи меня" и датировал временем до середины VI в. до н.э. Подобная надпись могла появиться во время какого-то застольного состязания, что, по его мнению, свидетельствовало о длительном присутствии греческих купцов на Немировском городище в это время. Между тем, видевший этот сосуд в 1980-е гг. И. Б. Брашинский полагал, по устным свидетельствам его коллег, что черточки на поверхности сосуда, в которых Б. Н. Граков видел греческие буквы, на самом деле имеют случайное происхождение.

Аутопсия сосуда летом 2017 г. подтвердила точку зрения И. Б. Брашинского. Черточки, которые, по мнению Б. Н. Гракова, были наклонными гастами лямбды и хи, на самом деле являются частью двух сходящихся под углом "царапин", хорошо видных и на фотографии, приведенной в статье самого исследователя (Там же: 260, рис. 2). Рядом с ними можно обнаружить несколько похожих неглубоких параллельных или пересекающихся линий, которые часто можно видеть на любом керамическом сосуде. Стоит отметить, что

и прорисовка Гракова (Там же: рис. 3) не соответствует ни тому, что видно по фотографии (Там же: рис. 2), ни тому, что показала аутопсия».

Таким образом, вопрос о граффито на немировском сосуде прояснился. Однако при новом знакомстве *de visu* с этим сосудом на его тулове была обнаружена сцена охоты из нескольких фигур. Просматривается всадник с копьем, охотящийся на оленя, а также плохо сохранившаяся фигура второго всадника и, возможно, второго оленя (рис. 38). Во избежание поспешных заключений в настоящей книге мы приводим лишь фотографию этого изображения. Его необходимо тщательно проанализировать с использованием современных методов и технических возможностей, что требует отдельной публикации.

\* \* \*

После работ М. И. Артамонова в 1964 г. городище с археологической разведкой посетила экспедиция Харьковского университета под руководством Б. А. Шрамко и В. К. Михеева (Шрамко, Михеев 1965: 6–9, рис. VII–X — рис. 39, 1–4). Они отметили, что «грандиозные валы сохранились хорошо и производят до сих пор внушительное впечатление. Но вну-



Рис. 37. Немировское городище, лепной чернолощенный сосуд «с надписью» (фотография Н. А. Павличенко, 2017)



Рис. 38. Немировское городище, лепной чернолощенный сосуд со сценой охоты (фотография М. Т. Кашубы, 2017)



тренные валы во многих местах уже сильно разрушены. Кроме того, центральная часть городища очень сильно разрушается устроенным здесь большим карьером для добычи камня» (Там же: 6). В центральной части городища они собрали подъемный материал, преимущественно, керамику, а к югу от реки, делящей городище на две части, был заложен разведочный шурф 1 × 6 м, в котором помимо обычных для культурного слоя средней насыщенности находок, были расчищены три погребения, относящиеся ко времени существования на городище средневекового поселения (Там же).

Через два года, в 1966 г. Скифо-славянская экспедиция под руководством А. А. Моруженко разрешила вал внешней линии немировских фортификаций в их юго-восточной части (Моруженко 1966: 201). Ее раскопками были выявлены два строительных периода при сохранении, по мнению исследовательницы, основной схемы строительства (Моруженко 1975: 67–68, рис. 3). Первоначальный невысокий вал с деревянной стеной, основа которой укреплена камнями, был далее достроен с новой деревянной стеной, основой которой были столбы, а все нестойкие слои насыпи тщательно перекрывались большим слоем глины (см. гл. 2.2).

Наступившее во второй половине XX в. затишье в полевых работах на Немировском городище прерывалось разведками и краткосрочными выездами на памятник сотрудников Винницкого краеведческого музея и Археологической инспекции Управления культуры Винницкой областной госадминистрации. На сайте Винницкого областного совета имеется информация, что в конце 1980-х гг. экспедиция под руководством проф. П. И. Хавлюка (Винницкий пединститут) исследовала большие валы Немировского городища. Материалы этих раскопок хранятся в Винницком краеведческом музее ([http://www.vinrada.gov.ua/nemirivske\\_gorodishe-veliki\\_vali\\_vii-vi\\_st\\_do\\_ne.htm](http://www.vinrada.gov.ua/nemirivske_gorodishe-veliki_vali_vii-vi_st_do_ne.htm); доступ 28 августа 2017 г.).

В начале 1990-х гг. Ю. Н. Бойко провел разведки на этом эталонном памятнике региона. Он отмечал:

«В ходе разведки выяснилось, что система укреплений городища находится в хорошем состоянии, чего нельзя сказать о его внутренней территории. В момент обследования (начало октября) автор наблюдал глубокую распашку, местами до предматерикового суглинки, наносящую непоправимый вред немногочислен-

Рис. 39. Немировское городище, виды на валы, 1964 г. (по Шрамко, Михеев 1964: табл. VII, 1–4)



ным участкам культурного слоя. В урочище "Замчисько" <...>, на месте когда-то большого, а ныне почти полностью распаханного зольника собран подъемный материал, относящийся к трипольской культуре, раннескифскому времени, эпохе Киевской Руси» (Бойко 1993: 23).

Среди подъемного материала раннего железного века, собранного на «зольнике» (Бойко 1993: 26, 91, рис. 39, 2–4), упомянем фрагмент расписной греческой керамики (рис. 40, 2) и фрагменты редких сосудов: один с углубленным геометрическим и семечковидным узором (рис. 40, 1), а также рас-труб от сосуда типа кернос (рис. 40, 3).

В результате других разведывательных выездов на Немиров была найдена редкая находка — еще один костяной гребень с зоо-

морфным окончанием ручки (см. Смирнова 2005: 93), пока не опубликованный.

\* \* \*

В начале XXI в. интерес к памятнику возобновился. В 2007–2009 гг. территория городища изучалась неинвазивными методами (Дараган 2010а: рис. 23–29; 2017а: 400–402; 2017б; Дараган и др. 2010а: 93, рис. 2, 3; Kašuba, Daragan 2009: 44–46) (рис. 41).

В 2008–2009 гг. М. Н. Дараган (2010а: рис. 23–29) сделала тахеометрическую съемку двух участков (900 м) оборонительных сооружений и провела моделирование (рис. 42). Тогда же на средства Института преисторической и раннеисторической археологии и провинциальной римской археологии (директор — проф. К. Метцнер-Небельсик) Мюнхенского университета Людвига-Максимилиана

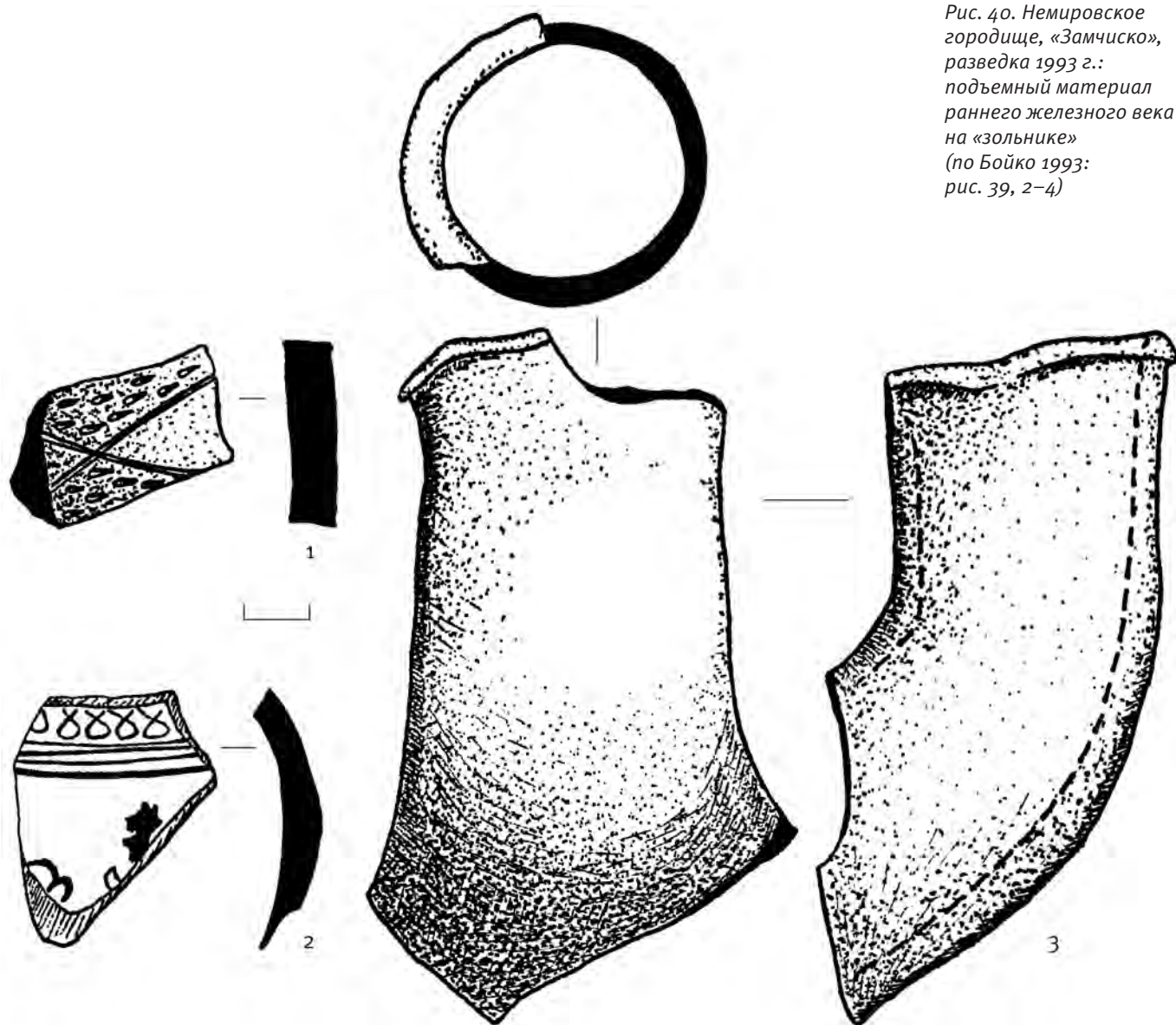


Рис. 40. Немировское городище, «Замчисько», разведка 1993 г.: подъемный материал раннего железного века на «зольнике» (по Бойко 1993: рис. 39, 2–4)



(Германия) с участием докторанта Н. Эбертс (Снытко) были проведены геофизические исследования. Изучался один из участков, примыкающих к внешнему валу (к западу от центрального въезда), с целью поиска археологических объектов. Первоначально были опубликованы общие сведения (Дараган и др. 2010б: 113 и сл.). Недавно озвучены некоторые результаты этих работ. В частности, речь идет о незначительном количестве аномалий, косвенно свидетельствующих об отсутствии построек или незначительной заселенности исследованного участка. Собственно, характер заселения большого укрепления — за пределами центральной территории, или «Замчистко» — также оста-

ется неясным, что не один раз отмечено в литературе (Дараган 2017а: 400–402, рис. 2; 3; 2017б). Некоторые наблюдения, полученные в ходе пространственного изучения Немировского городища, как и сравнение с фортификацией других лесостепных городищ-гигантов раннескифского периода (Там же), рассмотрены в главе 2.

\*\*\*

Научная обработка материалов Немировского городища началась в последнее десятилетие XX в. В 1990-х гг. Г. И. Смирнова, одна из участников раскопок Немирова и хранитель коллекции, приступила к обработке скифских материалов этого памятника (Смир-

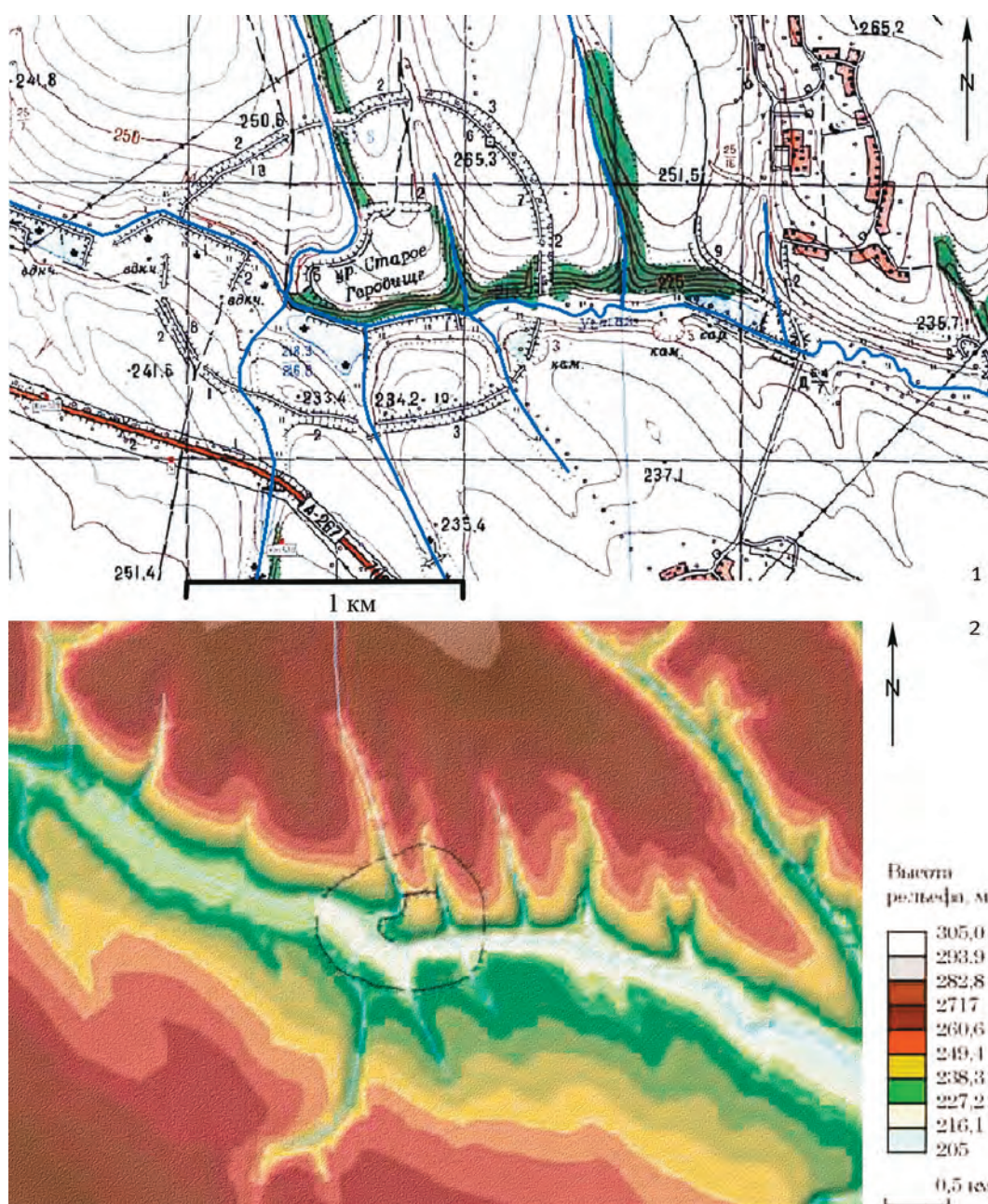


Рис. 41. Немировское городище, планы.  
1 — топооснова  
1 : 25 000;  
2 — ЦМР (TIN)  
(по Дараган 2010а:  
рис. 23; 2017а: рис. 2;  
2017б: рис. 2)



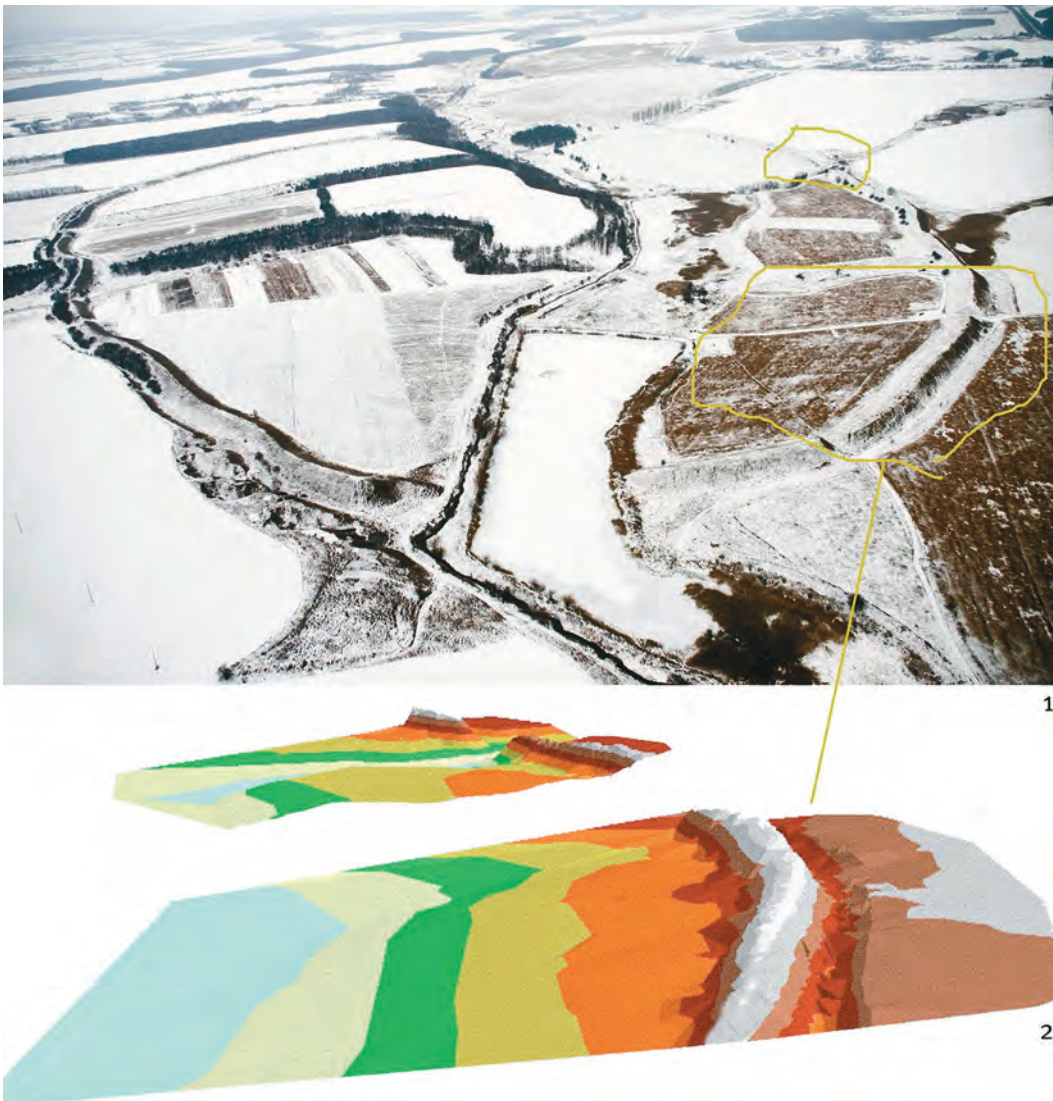


Рис. 42. Немировское городище.  
1 — аэрофотография (фотограф Татьяна Веселова, Лаборатория актуального творчества, г. Винница, Украина);  
2 — 3D-моделирование оборонительного вала (TIN) (по Дараган 2010а: рис. 25; 2017б: рис. 4)

нова 1992: 90–91; 1996а: 183–198; 1996б: 67–84), греческие находки начала изучать М. Ю. Вахтина (1996: 85–93). Несмотря на затрудняющие исследование обстоятельства, Г. И. Смирновой удалось провести большую и важную работу по соотношению между собой всех раскопок, разделению (где это возможно) материалов по комплексам, уточнению находок-хроноиндикаторов, хоть как-то минимально восстановить полевую документацию (Артамонов 1998: 59 сл.).

Проделанная работа дала возможность создать периодизацию материальной культуры Немирова в раннем железном веке и предложить даты в пределах второй половины VIII–VI в. до н.э. (Смирнова 1998а: 36–39; 1998б: 77–121; 2001б: 12–16; 2002: 217–233; Вахтина 1998а: 122–139; 1998б: 39–41). В эти годы был сделан ряд важных выводов о характере и направлении связей и контактов местного населения лесостепи Северного

Причерноморья (Смирнова 1999: 241–244; 2000: 80–93; 2001а: 33–44; 2004: 64–65; Вахтина 2000: 209–217; 2004а: 54–58; 2004б: 204–211; 2007: 49–51; Vachytina 2007: 23–37; Vakhtina 2007: 141–149).

Однако в конце прошлого века их исследования не увенчались выходом в свет отдельной монографии. Сказалось резкое ухудшение здоровья Г. И. Смирновой и пришедшие на рубеж XX/XXI — начальные годы XXI века существенные пересмотры хронологических схем и систем, важных для датировки материалов из Немирова. Последнее относится не только к раннескифской культуре Северного Причерноморья, но также к гальштатским культурам Карпато-Подунавья, Восточногальштатскому кругу Средней Европы и восточногреческой керамике. Это было принципиально важно для понимания материалов из Немировского городища, датировку которых надо согласо-



вывать с этой новой хронологией. Без учета этих новых данных материалы Немирова выглядели уникальными и «висели в воздухе». В той или иной степени Г. И. Смирнова это понимала: Немиров рассматривался ею исключительно как феномен, и она приостановила свою работу над книгой.

Стоит добавить, что исследовательница придерживалась традиционных устоявшихся представлений о культурно-историческом развитии лесостепи Северного Причерноморья в предскифское время. Как и многие ее предшественники и коллеги, Г. И. Смирнова полагала, что позднечернолесская культура доживает до жаботинского этапа, а он, в свою очередь, датируется исключительно раннескифским временем и представлен во всей лесостепи между Средним Днепром и Средним Днестром (см. Смирнова 2002: табл.). Между тем новые материалы и новые исследования этого не подтверждали. На Среднем Днестре не только не было жаботинского этапа (см. Ларина, Кашуба 2005: 212–239), но, по мнению некоторых исследователей, отсутствовала и сама позднечернолесская культура (см. Крушельницька 1998). Да и жаботинский этап лишился своего расширительного статуса. Новый анализ материалов Жаботинского поселения и соотнесение их с синхронными находками в погребальных комплексах показали, что они отвечают всем признакам самостоятельной жаботинской археологической культуры, которая в VIII — начале VI в. до н. э. занимала сравнительно небольшую территорию, а именно, южную часть лесостепного Правобережья Днепра (см. Дараган 2006; 2011)

При работе с материалами раннего железного века Немировского городища эти новые положения, безусловно, уже нельзя было игнорировать. Необходимо было определить место немировских материалов в контексте эпохи. Оставался и вопрос — о какой эпохе может идти речь?

Опираясь на разработки Г. И. Смирновой по Немирову и сохранив преемственность научной традиции (см. Кашуба и др. 2010:

156 сл.; Kaşuba et al. 2010: 24–43), авторы настоящей книги начали новый этап работы со старой коллекцией памятника. Была выработана новая исследовательская концепция. Она придала свежий импульс в изучении материалов раннего железного века Немировского городища (см. Вахтина, Кашуба 2012: 320 сл., рис. 1; Вахтина, Кашуба 2013: 371–378; 2014: 69–81; Кашуба, Вахтина 2015: 37–41; Kaschuba, Vakhtina 2012: 405 ff.; Vakhtina, Kashuba 2013: 379 ff.; и др.). Подробнее это рассмотрено в соответствующих главах книги.

## 1.2. Формирование коллекций

Из всего изложенного выше становится очевидным, что формирование коллекций находок из раскопок Немировского городища проходило в несколько этапов. В настоящее время все материалы из дореволюционных раскопок (самые ранние происходят из раскопок С. С. Гамченко 1909 г.) хранятся в фондах Государственного Эрмитажа. Здесь же находится и основная масса материалов Юго-Подольской археологической экспедиции 1947–1948 гг. История изучения артефактов, относящихся к трипольской коллекции, коллекции фрагментов греческой керамики и коллекции материалов, соотнесенных с местным (раннескифским) населением Северного Причерноморья, рассматриваются в соответствующих главах этой книги.

Раннескифские коллекции, сформированные в результате всех лет раскопок на Немировском городище, за исключением материалов 1946 г., хранятся в ОАВЕС ГЭ (Санкт-Петербург). Здесь же находится и основная часть полевой документации; ряд документов и фотоматериалов (негативы и фотографии) хранятся в рукописном архиве и фотоархиве ИИМК РАН (Санкт-Петербург). Находки из раскопок 1946 г. вместе с отчетом были переданы в фонды Института археологии НАН Украины (Киев). При этом греческая керамика (за исключением нескольких фрагментов) осталась в Эрмитаже для изучения и хранения.

## ГЛАВА 2. Немировское городище как археологический памятник

### 2.1. Общая характеристика

Городище расположено на крутом склоне плато и прилегающем к нему низменном участке (рис. 43). Вал и ров образуют замкнутую ограду общей протяженностью внешнего вала от 4,5 до 5,5 км. Высота его достигает

9 м, а ширина — 32 м. Общая площадь городища свыше 100 га (рис. 44; 45). Вал и ров, окружающие городище, в нескольких местах прерываются речкой Миркой и ручьями, текущими через его территорию. Самые широкие разрывы в валу (южный и северный) являлись входами. Почти в центре



Рис. 43. Немировское городище. Космоснимок, © Google. 1 — центральная часть «Замчиско»; 2 — общий вид





*Рис. 44. Немировское городище. Вид с юго-запада на внешний вал, аэрофотосъемка. Фотограф Татьяна Веселова, Лаборатория актуального творчества, г. Винница, Украина (публикуется впервые)*

огражденной большими валами площади, на высоком северном берегу, находилось внутреннее укрепление — «Замчиско». Оно также обнесено валом и рвом, но меньшей величины. Его площадь определяется по-разному: от 6,9 до 12,5 га. Согласно имеющимся наблюдениям, в древности только эта внутренняя укрепленная часть городища была заселена и имела довольно мощный культурный слой. На остальном пространстве, обведенном внешней оградой, культурные остатки встречаются в незначительном количестве. Считается, что оно использовалось лишь как убежище для окрестного населения и его скота в моменты военной опасности.

Общее описание Немировского городища в увязке с топографией местности подробно представлено в работах М. И. Артамонова, вышедших из печати через много лет после раскопок этого памятника (Артамонов 1974: 94–95; 1998: 59–76, рис. 1). В свое время М. И. Артамонов написал очерк «Археологические памятники Южной Подолии (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1946 г.)» объемом в 98 страниц, оставшийся при жизни автора неопубликованным. В этом

очерке имелся весьма ценный раздел, посвященный «изучению полевых записей и отчетов С. С. Гамченко и А. А. Спицына и сравнительному анализу их данных с наблюдениями, сделанными во время археологических исследований 1946 г.» (см. Смирнова 1998б: 58). Этот раздел рукописи был подготовлен Г. И. Смирновой к печати, при этом сам текст М. И. Артамонова оставлен без сокращений, но был дополнен отдельными чертежами и схемами. Как справедливо отметила Г. И. Смирнова:

**«работа М. И. Артамонова, безусловно, заслуживает внимания, поскольку содержит полный учет и блестящий анализ полевой информации и наблюдений первых исследователей Немировского городища. <...> как исследователь М. И. Артамонов предстает перед нами с мало известной стороны, а именно, как скрупулезный и тонкий интерпретатор первых археологических источников, какой служит полевая документация» (Там же).**

Принимая во внимание, что в XX в. основные раскопки на Немирове проводились под руководством М. И. Артамонова, а его мате-





*Рис. 45. Немировское городище, вид с юга, въезд, аэрофотосъемка. Фотограф Татьяна Веселова, Лаборатория актуального творчества, г. Винница, Украина (публикуется впервые)*

риалы всегда учитывались, оставаясь по сути неопубликованными, в настоящую главу включены выдержки из текста М. И. Артамонова<sup>4</sup>. Проведенный им анализ полевой документации дореволюционных раскопок рассмотрен ниже, здесь приведем описание памятника:

«Городище <...> представляет собою мощную защитную ограду (вал до 9 м высотой и соответствующий ров) почти 5 км по периметру, располагающуюся на обоих берегах небольшой речки без определенного имени, которую Гамчен-

ко называет Городницей, а другие Мирской, ограда образует фигуру овала с длинной частью (В-З) в 1,5 км и короткой (С-Ю) несколько больше 1 км. Речка в этом месте протекает с запада на восток и делит площадь городища на две неравные части – северную и южную. Северная часть составляет около 2/3 всей площади городища, и южная – несколько более трети. Поверхность южной части городища полого сужается к речке, лишь местами в восточном углу образуя невысокие бугры. Три болотистыми ложбинами, перпендикулярными к долине речки, она делится на четыре участка. Северный берег речки наоборот высокий, крутой и обрывистый, особенно

<sup>4</sup> Нумерация рисунков, на которые ссылается М. И. Артамонов, дается согласно общей нумерации иллюстраций в настоящей книге, также единообразно оформлена цитируемая им литература.



в высокой своей части. Основу его до половины высоты составляют выходы гнейса-гранита, который только отдельными скалами выступает на поверхность в южной части городища. Северная часть городища двумя оврагами делится на три участка. Восточный овраг расположен почти перпендикулярно к речке и имеет довольно пологие склоны. При соединении с речкой он заканчивается скалистым обрывом. Западный овраг, представляющий собою долину ручья Соловницы, извилистый: недалеко от впадения в речку Городницу он круто поворачивает на запад, образуя у среднего отдела северной части городища соответствующий выступ, довольно полого спускающийся к устью этого оврага. Берега западного оврага крутые, обрывистые.

Вал, окружающий городище, в нескольких местах прерывается. Самые широкие перерывы в нем соответствуют входу и выходу пересекающей городище речки. Более узкие перерывы в валу имеются в северном и южном его отрезках для пропуска вышеуказанных ручьев и оврагов, а также, видимо, для входа и въезда в городище. Таких перерывов по четыре в южной и северной частях ограды.

Высота вала на всем его протяжении не одинаковая, местами он выше, а местами ниже, причем мощность ограды явно соответствует условиям местности – большей или меньшей доступности вала с внешней стороны. Всего ниже вал в южной своей части, где снаружи к нему примыкает болотистая низина. Соответственно с этим и ров то глубокий и широкий, то совершенно сходит на нет. Высота вала от 4,5 до 12 м, глубина рва от 4 до 6 м, ширина основания вала от 20 до 30 м, ширина вала по гребню около 2 м, верхняя ширина рва 12-15 м, а ширина его по заплывшему дну 6-10 м. Валы сохранили круглые склоны, снаружи непосредственно переходящие в склоны рва. Гребень вала закругленный. Концы валов у перерывов отличаются закругленностью в очертаниях и большой крутизной поперечного склона. Ширина перерывов от 60 м (в местах пропуска речки) до 10 м. Нет сомнения, что перерывы в валу заграждались какими-то, скорее всего, деревянными сооружениями. Впрочем, никаких следов их на месте перерывов

и примыкающих к ним концов валов в настоящее время не заметно.

Почти в центре огражденной описанным валом площади, на высоком северном берегу речки находится особое внутреннее укрепление, которое носит название "Замчиско". Оно помещается на наиболее возвышенной части плато, выделенного указанными выше восточным и западным оврагами, и с севера ограждено валом и рвом. Вал прослеживается там же по восточной и западной сторонам "Замчиско", однако, основную защиту здесь составляли искусственно срезанные склоны оврагов, земля с которых была использована для повышения уровня площади городища. Ров с северной стороны "Замчиско" весьма солидный: ширина его достигает 6,5 м, а глубина в современном заплывшем состоянии 3 м. Своими концами он открывается в склоны восточного и западного оврагов. Зато сопровождающий его вал не велик, его высота не превосходит 2 м. С восточной и западной сторон вал еще меньше и в южной части вообще сходит на нет, хотя с запада он первоначально, по-видимому, проходил вдоль всего городища, отделяя его от юго-западного выступа плато, понижающегося к устью ручья Соловницы. Склон этой части плато представляет наиболее легкий доступ к городищу, по нему и в настоящее время проходит дорога и, вероятно, в древности шел главный вход в городище. Другой вход в городище находился в середине северной стороны, где в валу имеется перерыв, а во рву соответствующая перемычка.

Длина внутреннего укрепления или "Замчиско" (С-Ю) около 300 м, а ширина от 200 до 230 м. Только эта внутренняя укрепленная часть Немировского городища была в древности заселена и имеет довольно мощный культурный слой. На остальной огромной площади, обведенной внешней оградой, культурные остатки встречаются спорадически и в незначительном количестве. Она, по-видимому, постоянного населения не имела и использовалась для хозяйственных надобностей жителями "Замчиско", а главное – представляла убежище для окрестного населения и его скота в моменты военной опасности.

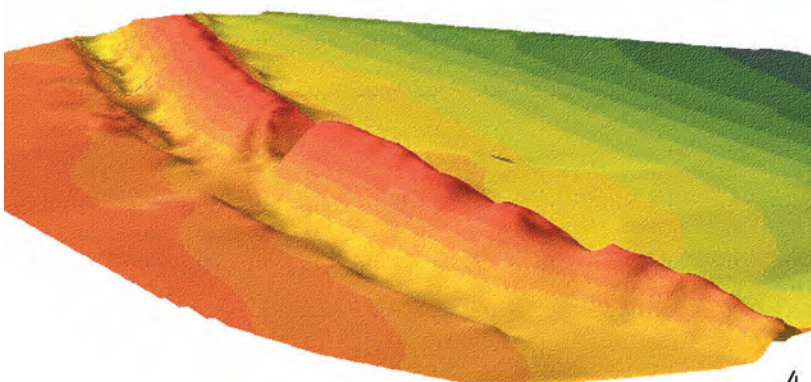
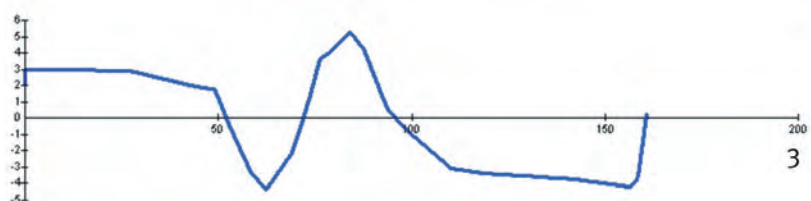
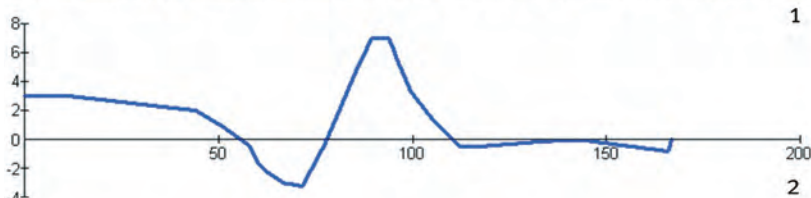
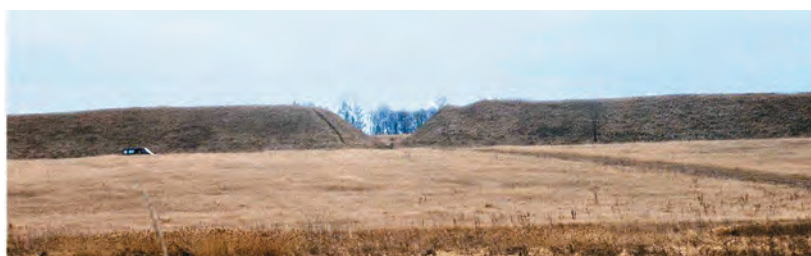
По сведениям С. Гамченко, площадь городища стала распахиваться только

в сороковых годах прошлого века. До этого она была покрыта вековым лесом. В южной части городища до сравнительно недавнего времени находился небольшой поселок, следы которого до сих пор заметны на среднем участке этой части городища. Восточнее него, на соседних береговых массивах помещались два кладбища. В настоящее время городище не заселено и сплошь покрыто пашней. Однако, несмотря на длительную распашку, валы и рвы его, особенно внешней ограды, прекрасно сохранились, и оно производит неизгладимое впечатление своей мощью и величиной. Особенно замечателен вид на городище из "Замчиска", откуда обзревается вся его площадь и вся линия могучей внешней ограды» (Артамонов 1998: 59 сл.).

Дополнительные данные о Немировском городище появились в новейших работах М. Н. Дараган, которая уточнила и общую площадь памятника (рис. 46):

«Микрорегион, в рамках которого устроено городище, представляет собой слабо пересеченную равнину, расположенную на так называемой Немировской зоне разломов. От наиболее крупной водной артерии региона — реки Южный Буг — городище отстоит на расстоянии чуть более 8 км.

Городище расположено на обоих берегах небольшой речки Мирки и представляет собой укрепление площадью 123 га с периметром оборонительных конструкций чуть более 4 км. В плане образует фигуру овала, ориентированного с запада на восток, размерами 1,5 × 1,2 км... Речка в этом месте протекает с запада на восток и делит площадь городища на две неравные части — северную и южную. Северная часть более высокая, составляет около двух третей всей площади городища, а южная — несколько больше трети, поверхность ее полого спускается к речке, лишь местами в восточном углу образуя невысокие бугры. Тремя болотистыми ложбинами, перпендикулярными к долине речки, она делится на четыре участка. Северный берег речки — высокий, крутой и обрывистый, особенно в срединной части городища. Основу его до половины высоты составляют выходы гнейса-гранита, который только отдельными скалами выступает на поверхность в южной части городища. Се-



верная часть двумя оврагами делится на три участка. Восточный овраг расположен почти перпендикулярно к речке и имеет сравнительно пологие склоны, но при соединении с речкой он заканчивается скалистым обрывом. Западный овраг, извилистый, представляет собой долину ручья Соловницы. Недалеко от впадения в речку он круто поворачивает на 3, образуя у среднего отдела северной части городища соответствующий выступ, полого спускающийся к устью этого оврага. Берега западного оврага крутые, обрывистые.

Вал, окружающий городище, в нескольких местах прерывается. Самые

Рис. 46. Немировское городище. Южный участок оборонительной системы. 1 — фото; 2, 3 — профили; 4 — профиль, моделирование, ЦМР (GRID) (по Дараган 2010а: рис. 26; 2017а: рис. 3; 2017б: рис. 5)



широкие перерывы в валу имеются на северном и южном его отрезках для пропуска ручьев и оврагов, а также, видимо, для входа и въезда на городище. Таких перерывов имеется по четыре в южной и северной частях ограды, т. е., всего имеется восемь разрывов, из которых шесть — естественных.

Современная высота вала на различных участках варьируется от 5 до 10 м, современная глубина рва также различна и на некоторых участках достигает 7 м. В южной части вал несколько выше с внутренней стороны городища. Это происходит потому, что эта часть городища имеет наклон по направлению к реке...

**Центральное укрепление.** Почти в центре городища, на высоком северном берегу речки, находится отдельное внутреннее укрепление, которое носит название "Замчиско". Его участок выделен с запада и востока оврагами, а с севера — валом и рвом. Вал прослеживается также и с восточной и западной стороны этого укрепления, однако основную защиту здесь составляли искусственно срезанные склоны оврагов, земля с которых использовалась для повышения уровня площади городища.

Ширина рва с северной стороны внутреннего укрепления достигает 6,5, а глубина — 3 м. Высота вала — до 2 м. С В и З сторон высота вала меньше. С Ю, со стороны реки, на внутреннее укрепление ведет крутой подъем протяженностью до 70 м. Площадь внутреннего укрепления 12,5 га» (Дараган 2017а: 400–402).

## 2.2. Оборонительные сооружения — общие сведения

Целенаправленные полевые работы по изучению оборонительных сооружений Немировского городища проводились летом 1941 г., в 1947–1948 гг. и в 1966 г. Однако еще С. С. Гамченко и А. А. Спицын высказывали свои мнения о характере валов. С. С. Гамченко полагал, что основание вала внутреннего укрепления составляли куски местного гнейсо-гранита, выше которых чередовались слои: сначала дубовый уголь, затем обожженная глина. При этом осталось неясным, на основании каких данных было сделано это предположение. Однако, как подчеркнул М. И. Артамонов, мнение С. С. Гамченко подтвердилось дальнейшими раскопками.

А. А. Спицын, работавший в центральной части памятника, считал, что вал был насыпан из земли, и связывал его сооружение со скифским временем. Он допускал возможность существования деревянной стены вдоль гребня вала.

О работах Г. Д. Смирнова и Г. Б. Гракова летом 1941 г. по зачистке валов Немирова известны лишь косвенные сведения. Судя по тексту М. И. Артамонова, ему удалось побеседовать с Г. Д. Смирновым на эту тему. Известно, что зачищались внутренний и внешний валы. На «Замчиско» работы проводились на северном валу, было установлено, что он имел в основании камни и бревна. На внешнем валу работы велись в восточной части — был зачищен северный край южного полукольца, примыкающего к долине речки Мирки. В основании также были обнаружены большие камни и бревна.

В 1947–1948 гг. во время работы Юго-Подольской экспедиции также были разрезаны внутренний и внешний валы, о чем сохранились лишь краткие сведения. М. И. Артамонов отмечал, что в основании валов лежат камни и бревна, что подтвердило предположение С. С. Гамченко. Время их сооружения не связывалось с начальным этапом скифского поселения на городище, а определялось находками в насыпях валов керамики развитого архаического скифского типа (Артамонов 1947а: 134; 1948: 179).

Среди сохранившихся архивных материалов Юго-Подольской экспедиции Г. И. Смирновой удалось найти один из разрезов внутреннего вала (рис. 47). Как видно из разреза, этот вал имел достаточно сложную структуру, состоящую из многочисленных слоев разной глины (желтая, бело-зеленая), прослоек золы и угля (горелые деревянные конструкции?), остатков дерева, камней. Слой глины сполз также в ров. Однако отсутствие детального описания разреза и полевого дневника не позволяют сделать надежные заключения о стратиграфии и структуре вала. Разрез внешнего вала, в строительстве которого М. И. Артамонов выделил два периода, отсутствует.

Наиболее полные данные по изучению оборонительных сооружений Немировского городища имеются в работах А. А. Моруженко (1967: 201 сл.; 1975). Она сняла пять профилей оборонительных сооружений (№ 1–3 в северной части внешнего вала, № 4 и 5 в северной

и южной частях внутреннего укрепления), а также сделала разрез внешнего вала (Моруженко 1975: рис. 1–3) (рис. 48, 1–3). Исследовательница допустила, что делала разрез на месте работ М. И. Артамонова в 1948 г. (Там же: 67). На самом деле, как следует из текста М. И. Артамонова, здесь делал зачистки вала Г. Д. Смирнов в 1941 г.

А. А. Моруженко исследовала вал в юго-восточной части городища. Вот как она описала процесс и основные результаты своей работы:

«Раскоп был заложен на правом берегу р. Мирки при выходе ее из территории городища. Вал в этом месте насыпан на краю надпойменной террасы, которая обрывается в долину реки. Поэтому он здесь выглядит очень высоким. Ширина его подножья составляет 32 м, высота – 8,5 м. Основой вала является скала из гнейсо-гранитных пород, которые в этом месте выходят на поверхность. Сверху скалу перекрывал погребенный грунт – грубозернистый песок, слой которого был толщиной до 60 см. На эту основу во время копания рва была насыпана глина, а поверх ее – такой же песок. Сооружая вал, землю подсыпали с внешней стороны городища. В этой части вала сохранились ямки со следами сгнившего дерева от столбов. Эти 12 ямок располагались друг за другом на расстоянии 10–20 см, их диаметр составлял от 5 до 15 см. Это остатки деревянной конструкции, сооруженной внутри вала для его укрепления.

Слой песка и глины в северной части разреза перекрывается прослойкой серого грунта толщиной 40 см, который равномерно залегает почти от подножия вала. Выше толщина слоя уменьшается до 10 см, и он образует почти горизонтальную площадку. Под этой серой землей в средней части вала грунт очень разнообразный: темно-серый и серый вперемешку с желтой и красной глиной. Возле подножия этого повышения «...» в южной части разреза много камней и слой горелого дерева. Обожженные колоды, вернее их следы, толщиной 1-2 мм встречаются здесь на глубине до 40 см. На уровне 4,30 м от вершины вала зафиксированы остатки двух плах: одна шириной 14 см, вторая – 30 см, длина – обеих 1,30 м, расстояние между ними – 10 см. В этой части разреза поверх песка

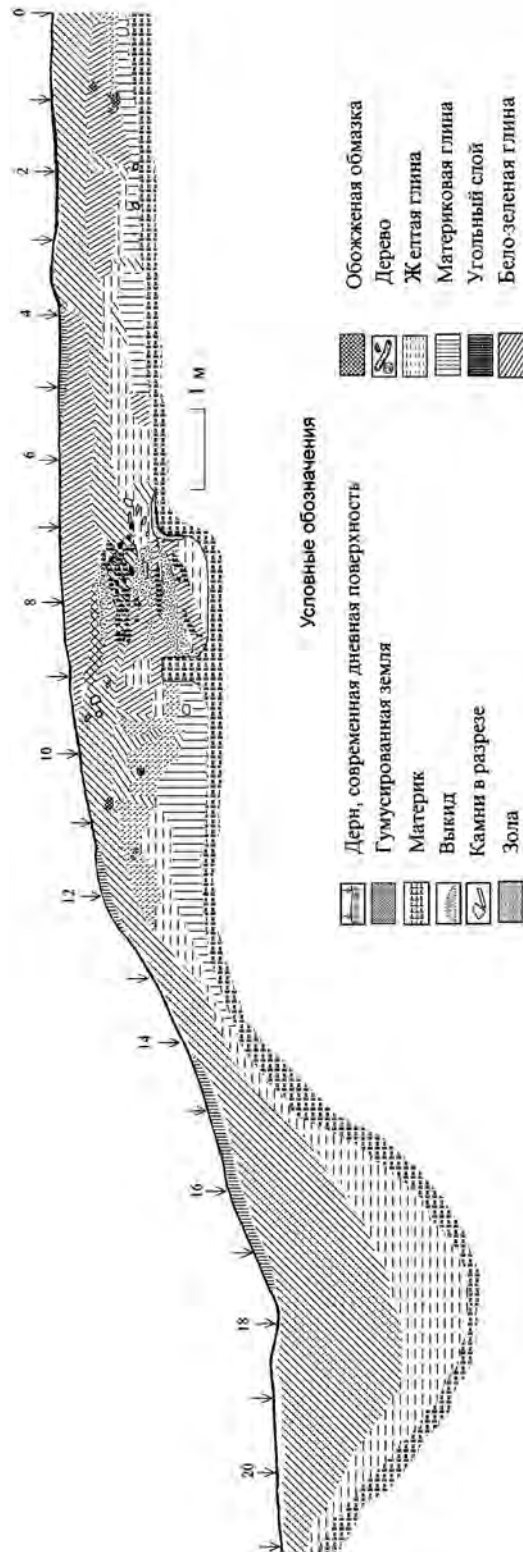


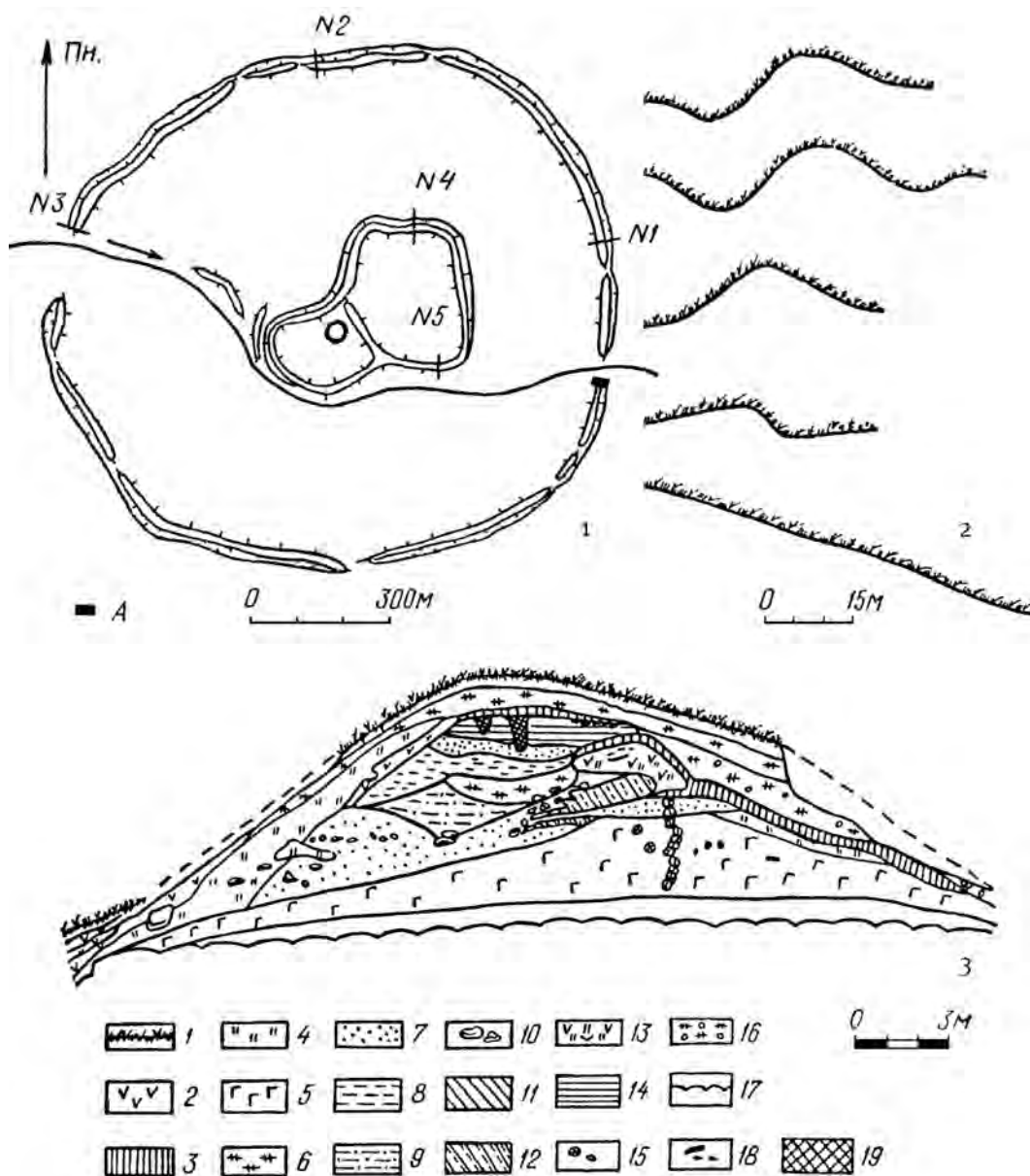
Рис. 47. Немировское городище, разрез внутреннего вала (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые; подготовлено Г. И. Смирновой, графика Л. А. Соколовой)

глина и грубозернистый песок правильно чередовались с нарушенными слоями. Здесь также имеются небольшие песчаные прослойки и линза желтой глины.

На высоте 7,40 м от подножия вала обнаружены ямы от двух вертикальных столбов. Большая – имеет конусовидную форму, глубина ее равняется 1,30 м, диа-



Рис. 48. Немировское городище, работы А. А. Моруженко.  
 1 – схематичный план (№ 1–5 – места профилей; А – место разреза вала);  
 2 – профили укреплений;  
 3 – разрез вала (условные обозначения: 1 – дерн; 2 – чернозем; 3 – серый грунт; 4 – желтая глина; 5 – темная глина; 6 – светлая глина; 7 – грубозернистый песок; 8 – слои красной и желтой глины с песком; 9 – глина с грубозернистым песком; 10 – камни; 11 – светло-серый грунт; 12 – темно-серый грунт; 13 – серый грунт в смеси с желтой и красной глиной; 14 – слои глины и грубозернистого песка; 15 – остатки горизонтальных столбов; 16 – красная глина; 17 – скала; 18 – горелое дерево; 19 – заполнения ям) (по Моруженко 1975: рис. 1–3)



метром – 60 см. Меньшая – цилиндрической формы, глубина ее составила 40 см, диаметр 20 см. Сверху все перекрыто черноземом и глиной (желтой и светлой). Никаких следов специальной обожженности вала, о чем писал С. С. Гамченко, не выявлено. В действительности, большая часть насыпи – грубозернистый песок с глиной, по цвету похожи на сожженный слой» (Там же: 67–68, рис. 3).

Сделанный А. А. Моруженко разрез имеет сложную стратиграфию, включающую множество слоев и прослоек, часть из которых она отнесла к естественной слоистости каменной скалы. На территории городища она осмотрела карьер для добычи камня и установила, что каменная скала не однородна, а имеет сло-

стую структуру, когда слои камня толщиной 0,6–0,8 м естественно чередуются с грубозернистым песком (щебнем) и красно-бурой глиной такой же структуры, как и в раскопе.

Исходя из этих наблюдений и стратиграфии разреза, исследовательница выделила два периода в сооружении оборонительной системы Немировского городища:

«Сначала был ровно насыпанный невысокий вал, в верхней части которого сохранились обугленные остатки деревянной стены. Основа этой конструкции была, наверно, укреплена камнями. В середине вала выявлены накосы расположенные бруски, очевидно, следы какой-то деревянной конструкции. Возможно, это остатки стяжек для укрепле-

ния вала, насыпанного из грубозернистого песка. <...> С внутренней стороны деревянная стена подсыпана грунтом, верхняя часть которого имела вид горизонтальной площадки. Это т. н. банкет, где могли находиться защитники поселения. Потом, когда укрепления были разрушены, остатки сгоревшей деревянной облицовки завалились до подножия вала.

В связи с разрушением первичного укрепления позднее был достроенный вал. В верхней части был сформирован горизонтальный майданчик, а на нем, возможно, снова была сооружена деревянная стена. Основой для нее были столбы, ямы от которых четко прослеживаются в профиле. Очевидно, эта деревянная конструкция располагалась возле внешнего края плоской вершины вала. С внутренней стороны снова был сооружен банкет. Все нестойкие слои насыпи были тщательно перекрыты большим надежным слоем глины. Новое оборонительное сооружение было более грандиозно, но основная схема строительства осталась старой» (Там же: 69).

Как отметила исследовательница, в насыпи не было обнаружено никаких изделий, чтобы датировать периоды строительства. Посчитав, что существенной частью оборонительных укреплений, кроме земляных насыпей, были деревянные конструкции, она сравнила валы Немирова с укреплениями Мотронинского, Пастырского и других городищ скифского времени лесостепи. В итоге А. А. Моруженко пришла к выводу, что на территории лесостепи прослеживается определенная общность в технике строительства фортификационных сооружений, основанная на местных традициях и местном строительном материале. «Немировское городище, как памятник, оставленный местными племенами», находится в этом ряду (Там же: 69–70). Такое мнение об оборонительных сооружениях Немирова в историографии сохраняется и по сей день, встречаясь во многих статьях, а также в работах обобщающего характера.

Геоинформационные работы, которые в последнее время проводит М. Н. Дараган на Немировском городище, и сравнительный анализ его оборонительных сооружений с фортификацией других лесостепных городищ-гигантов раннескифского периода, привели к некоторым важным наблюдениям (Дараган 2017а: 420–424; 2017б: табл. 2).

Как и многие ее предшественники, М. Н. Дараган отметила сложную систему укреплений памятника с несколькими рядами валов и внутренним укреплением, а также деление территории на две большие части с дополнительными частями внутри. Немировское городище, оборонительные системы которого окаймляют проточный водоем (речку), было отнесено к городищам с низкой топографией, хронологически охватывающим VII – начало VI в. до н.э. (Дараган 2017а: 420 сл.). Сопоставление известных фортификаций раннескифского периода показало:

«Если сравнивать эти городища с предшествующими, а отчасти и с синхронными в рамках других культур, то мы наблюдаем отрыв планировочной структуры городищ от рельефа окружающей местности и создание сооружений, стремящихся к правильной геометрической форме.

<...>

Хочу обратить внимание и на тот факт, что форма городищ и особенности топографии или всего городища, или определенных участков того или иного городища, не всегда могут быть объяснены только требованиями обороны. Здесь явно был задействован еще какой-то принцип» (Там же).

На «странную» топографию Немировского городища в свое время обратил внимание еще А. А. Бобринской, которого также процитировала М. Н. Дараган (2017а: 420, сн. 1):

«В плане Немировского городища, а отчасти и Мотронинского, поражает черта, вполне противоречащая стратегическим требованиям, а именно, что часть укрепления занимает места довольно низкие, таким образом, что над этой частью вала совершенно господствуют соседние высоты. При нынешних боевых условиях укрепление подобного рода теряло бы всякое значение, так как легко могло быть обстреливаемо с соседних высот. Очевидно, что в то время, когда сооружены были эти валы, не было никакой опасности, не говорю об огнестрельных, но вообще от каких-либо метательных орудий дальнего полета» (Бобринской 1894: 60).

Важное высказывание А. А. Бобринской и подтвержденные новейшими методами наблюдения М. Н. Дараган возвращают нас к проблеме появления в раннескифский



период в лесостепи Северного Причерноморья городищ-гигантов. В историографии по этому вопросу были выработаны несколько основных объяснительных моделей: в одних как ведущий фактор выдвинуты требования обороны (предотвращение скифского вторжения), в других — на первый план поставлены процессы консолидации и централизации сообществ (см. Дараган 2017а: 397 сл.). В частности, Немиров и Севериновка «образуют северную линию городищ, соединяющих Днестровский и Днепровский бассейны» (Ignaszak i inni 2016: 254).

Размышляя над этим, наше внимание привлекло заключение М. Н. Дараган:

**«Появление подобного рода сооружений не следует из внутренней логики развития местной традиции фортификации. Предпринятый подход к рациональному использованию рельефа и фортификационным принципам отличается от того, что был здесь в предшествующее время. Эти сооружения возникли не в ходе эволюции...» (Там же: 424).**

Следуя этому, можно полагать, что принципиально новые монументальные сооружения — раннескифские городища-гиганты — могли появиться в результате трансферта идей и технологий. Эти оборонительные сооружения могли быть инновационным продуктом инженерной мысли. В регионе как мог произойти трансферт идей, технологий, так и появиться переселенцы, для которых при выборе новых мест обитания приоритетным условием могло быть наличие водных ресурсов, а не требования обороны<sup>5</sup>. Как заметила М. Н. Дараган (2017а: 424), если по археологическим данным нельзя уловить демографические ресурсы социума, это и не означает, что таковых не было. Здесь добавим, особенно если речь идет о сообществах, ведущих мо-

<sup>5</sup> Такого рода трансферт мог осуществиться вследствие «скифских набегов» в Карпато-Дунайский бассейн и Среднюю Европу (см. Скорый 1983; 1984; 1990б; 2006; Хохоровски 1994; Бруяко 2005: 229 сл.; Hellmuth 2006: 137 ff.; ср. Мелюкова 1992; 2001), когда «начиная со второй трети — середины VII в. до н.э., возвращающиеся из далеких походов на запад скифские конные воины, а вместе с ними торговцы и ремесленники принесли в Северное Причерноморье гальштатские "вещички" (металлические предметы, украшения и керамику)» (см. Кашуба и др. 2010: 163) и не только их. Возможно и другое развитие событий, при котором люди с инженерными и строительными навыками появились с востока, из Центральной Азии вместе с носителями раннескифского комплекса. Однако на обоих направлениях (западное и восточное) подобное монументальное строительство пока не выявлено.

бильный образ жизни: в таких сообществах задействованное количество людей, которые могли привлекаться в тех или иных ситуациях (например, при строительных работах), фактически не поддается подсчету. И это связано с особенностями освоения пространства.

В исторической перспективе можно говорить о двух генеральных путях освоения пространства: «оживление» и «убивание», как это происходит в вечно живой, вечно умирающей и вечно возрождающейся Природе. Земледелец и кочевник осваивают пространство, но пути достижения этого у них различные. Земледелец «оживляет» пространство: он закрепляется на местности и стремится расширить освоенные области. Его ответ заключается в создании культурного ландшафта с его засеянными полями и местами оседлости: поселениями, городищами и, в конечном итоге, городами. Кочевник «убивает» пространство, и как это сделать — вопрос у него не стоит. Его ответ — постоянное движение, он движется линейно и без ограничений. Движение для него является не только необходимым условием существования, но также повседневной реальностью бытия. Принимая это во внимание, полагаем, что большие валы, например, Немировского городища, могли быть возведены с целью освоения пространства, отделяя освоенную часть от природного ландшафта. В таком случае освоенная часть пространства становилась социально-культурным ландшафтом.

Приведенные выше сведения относительно оборонительных сооружений Немировского городища лишний раз показывают важность их дальнейшего изучения.

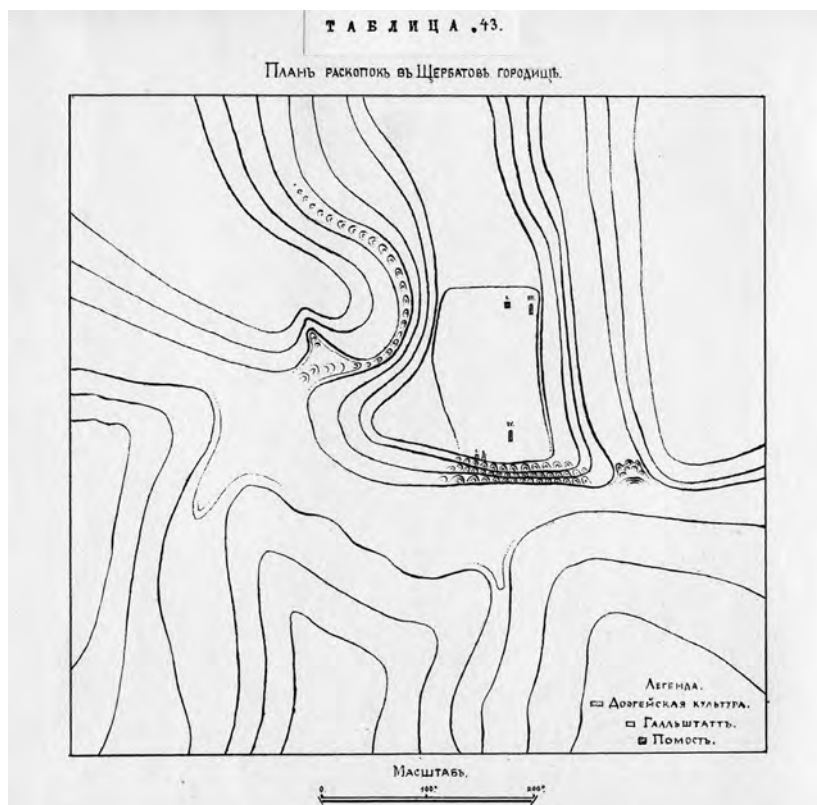
### **2.3. Состояние источников: полевая и архивная документация**

Освещение в научной литературе раскопанных объектов и находок из Немировского городища показывает, что архивная документация остается единственным источником для осмысления культурного комплекса разных эпох. Приступая к обработке немировской коллекции и введению ее в научный оборот, авторы столкнулись с трудностями, которые, как правило, подстерегают каждого, кто приводит в порядок «раскопанные вещи» из экспедиций прежних лет. Только масштабы таких трудностей в каждом отдельном случае бывают разными.

Полевая документация дореволюционных раскопок представлена архивными данными в виде небольшого раздела в подробном научно-полевом отчете С. С. Гамченко и прилагаемыми к нему шестью папками иллюстраций (Гамченко 1909; 1911). Среди иллюстраций имеется план с отмеченными раскопами (рис. 49).

Детальный анализ полевой документации и добытых материалов находим в работе М. А. Артамонова:

«Первые научные раскопки на городище были произведены С. Гамченко в 1909 г. (ОИАК 1913а: 176; Гамченко 1911: 279). Они были сосредоточены на площади "Замчиска", где С. Гамченко в разных местах заложил 10 раскопов (траншей) сравнительно небольшой величины. Главным предметом его внимания были остатки трипольской, или, как он ее называл, "до-эгейской" культуры. По наблюдениям этого исследователя, на площади "Замчиска" прослеживалось несколько рядов площадок, расположенных с известной правильностью по отношению к городищу и друг к другу. На плане, приложенном к его отчету об исследованиях 1909 г., он указывает на площади "Замчиска" 20 площадок, образующих 7 рядов поперек длинной оси городища, причем, площадки оказываются расположенными в шахматном порядке (Гамченко 1909: табл. 58; 1911: 269). Во время нашего обследования на поверхности "Замчиска" наблюдались места со скоплениями обожженной глиняной обмазки, которые могут соответствовать местонахождению площадок. Однако этого рода остатки не представляли в своем размещении той правильности, какую отметил С. Гамченко, и к тому же находились иногда в таких пунктах, где у С. Гамченко они не значатся. И ввиду этого картину трипольского поселения в пределах "Замчиска", которую рисует С. Гамченко, надо отнести за счет богатой фантазии этого чрезмерно увлекающегося исследователя. Тем не менее, несомненно, что на месте "Замчиска" находилось трипольское поселение. Следы его представлены не только выше отмеченными скоплениями обмазки, но и многочисленной, выпаванной из земли, типичной расписной керамикой. Весьма существенным является то обстоятельство, что следы этого поселения сосредото-



точены в пределах "Замчиска". В других частях городища трипольская керамика встречается отдельными находками и притом только в юго-западной части. Следы "площадок" в виде скопления обожженной обмазки нам, кроме площадки "Замчиска", удалось заметить только в непосредственной близости к нему — на западном выступе центрального плато северной части городища. Их нет даже на этом плато севернее "Замчиска", за рвом, ограничивающим его с этой стороны.

В южной части "Замчиска" С. Гамченко раскопал типичную трипольскую площадку длиной в 25 м и шириной в 8 м. На месте ее был обнаружен пласт из мелких кусков глиняной обмазки с отпечатками лозы и дубовой дроби. Обмазка состояла из суглинка в смеси с сечкой и половой, была сильно обожжена, местами даже шлакирована. По краям этого пласта встречались куски кирпича, которые, по мнению С. Гамченко, представляют собой куски обмазки, находившейся у основания стен. Площадь пола оказалась ровной и тщательно выглаженной. Вся она была испещрена трещинами, делившими ее на куски ("плитки или кирпичики") различной формы и величины. Верхний слой пола составляла обмазка из желтой глины, а нижний

Рис. 49. Щербатово городище (центральное укрепление Немировского городища), план раскопок С. С. Гамченко (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, 1909, д. 85б, л. 43; публикуется впервые)



состоял из суглинки с сечкой и половой и был положен на поперечно положенные дубовые плахи, отпечатки которых сохранились как на нижней стороне глиняной обмазки, так и на грунтовом основании площадки. В одном месте пол был сильно обожжен, здесь же найдены мелкие куски сильно обожженного камня, по предположению С. Гамченко, оставшиеся от печки или очага. На всем пространстве "площадки" собраны черепки расписной посуды, кусочки раздробленных костей животных, остатки двусторчатых раковин, сухопутные улитки, осколки кремня и кремневые орудия (серпы, ножи, скребла и т. п.), куски зернотерок и части глиняной статуэтки. Вокруг основания площадки прослежена канавка, с южной узкой стороны ее поднимающаяся на нет, что, вероятно, соответствовало местоположению входа.

Второй пункт раскопок С. Гамченко находился в северо-восточном углу "Замчиска" (Гамченко 1911: 270). Здесь им было открыто любопытное сооружение в виде трех пар цилиндрических ям, соединенных между собой подземными арочными переходами, а также связанной с соседними помещениями одной ямы, находившейся в середине южной стороны. Стенки этих ям, по словам С. Гамченко, были укреплены плетнем из драни и лозы и обмазаны глиной, смешанной с сечкой и половой, а сверху они были перекрыты сводами с такой же деревянной основой и глиняной обмазкой. Вход в это подземное сооружение, по предположению С. Гамченко, шел через отверстие в своде одиночной южной ямы. Это, по его мнению, было жилище того же типа, что и "площадки", но не наземное, а подземное. Общие размеры его: длина 21 м, ширина 12 м, высота около 3 м (Гамченко 1909: табл. 59; 1911: 272–276).

Это единственное в своем роде сооружение трипольской культуры. Нигде больше ничего подобного, насколько нам известно, не наблюдалось. Вместе с тем, едва ли можно сомневаться в тонкости наблюдений С. Гамченко, по крайней мере, в отношении размеров и глубины этого памятника, а также принадлежности его именно к трипольской культуре. На полу помещения он нашел очаги с углем и золой, черепки посуды, обломки зерно-

терок, осколки кремня, фрагменты костей и раковин, т. е. обычный материал трипольских площадок. Подземные жилища в виде ям, соединенных короткими арочными коридорами, были открыты на скифском поселении Варваровка напротив Николаева, на Буге же (Шульц 1940: 74, рис. 14). Они свидетельствуют, что сооружения, подобные тому, которое усматривает С. Гамченко в остатках, обнаруженных им на Немировском городище, действительно существовали в Побужье. Могли они, следовательно, существовать и в трипольское время, представляя, таким образом, ту исходную форму подземного жилища, которая в скифское время удерживалась в низовьях Буга и на о. Березань (Артамонова 1940: 52–54, рис. 8).

В пяти траншеях (11 × 1,5 м), заложенных С. Гамченко в разных местах по площади "Замчиско", никаких следов сооружений не было найдено. Под слоем чернозема, мощностью около 25 см, всюду шел слой лессовидного суглинки, насыщенный комками обожженной глины (обмазки), черепками трипольской и скифской керамики, осколками раздробленных костей животных (коровы, лошади, свиньи, козы, собаки), дубовыми угольками и т. п. признаками культурного слоя. Мощность его равнялась в среднем 1,4 м. Ниже залегал материковый лесс.

Заложенные нами на площади "Замчиско" несколько небольших (2 × 2 м) шурфов дали несколько другую картину. В первом шурфе в северо-восточной части городища, приблизительно там же, где находилась одна из траншей С. Гамченко, под слоем распаханного чернозема обнаружен слой гумусированного суглинки всего до глубины 0,6 м от поверхности почвы; далее начинался уже материковый лесс. Находки в этом шурфе состояли из нескольких фрагментов скифской керамики, небольших обломков костей животных и нескольких кусочков обожженной глиняной обмазки. Следующий шурф, заложенный несколько южнее первого, открыл материк на глубине 0,5 м. Находки такие же и также весьма малочисленны. Западнее этого шурфа, ближе к средней продольной оси городища, материк также залегал всего на глубине 0,6 м. Культурный слой был более глинист, чем в двух предше-

ствующих шурфах, и содержал наряду со скифской керамикой значительное количество фрагментов трипольской посуды, особенно в самом низу культурного слоя. Наконец, шурф в северо-западной части городища также обнаружил материк на глубине 0,6 м. Находок здесь было очень мало. Трипольской керамики не обнаружено вовсе. Кроме нескольких скифских черепков найдены два фрагмента славянских горшков.

Таким образом, во всех наших шурфах мощность культурного слоя вместе с распаханным черноземом оказалась равной всего 0,5–0,6 м, тогда как при раскопках С. Гамченко она превышала 1,5 м. Чем объяснить столь различные результаты разведок культурного слоя — я не знаю. Может быть, при раскопках С. Гамченко в траншеях встречались ямы, глубину которых он причислил к мощности слоя над материком. Впрочем, это маловероятное предположение. Столь же невероятно допустить, что за четыре десятка лет, разделявших наши и С. Гамченко исследования, культурный слой городища в результате смывания или сползания уменьшился столь значительно, почти на две трети своей толщины» (Артамонов 1998: 62–64).

Свои исследования в 1910 г. А. А. Спицын в основном проводил на разных участках «Замчиско», включая курганообразное возвышение («зольник»). «Зольник» находится у северного края «Замчиско», возле входа в него, и непосредственно примыкает к северному валу; он был сильно испорчен местными кладоискателями (Спицын 1911: 158; 1910: л. 132 — см. рис. 50). Описанию найденных при раскопках городища объектов, материалов и пр. посвящена отдельная тетрадь (дело № 308) «корочек» А. А. Спицына (см. гл. 1). Развернутый анализ его работ также находим в упоминаемой выше статье М. И. Артамонова, в которой для аутентичности несколько рисунков были заменены на оригинальные чертежи и эскизы из «корочек» А. А. Спицына:

«Раскопки А. А. Спицына в 1910 г. (Спицын 1911: 158) были сосредоточены на курганообразной насыпи, находящейся в "Замчиске" возле входа в городище с севера, к востоку от него (Спицын 1910: л. 126–132). Насыпь сильно расплывшаяся, с пологими склонами, северной

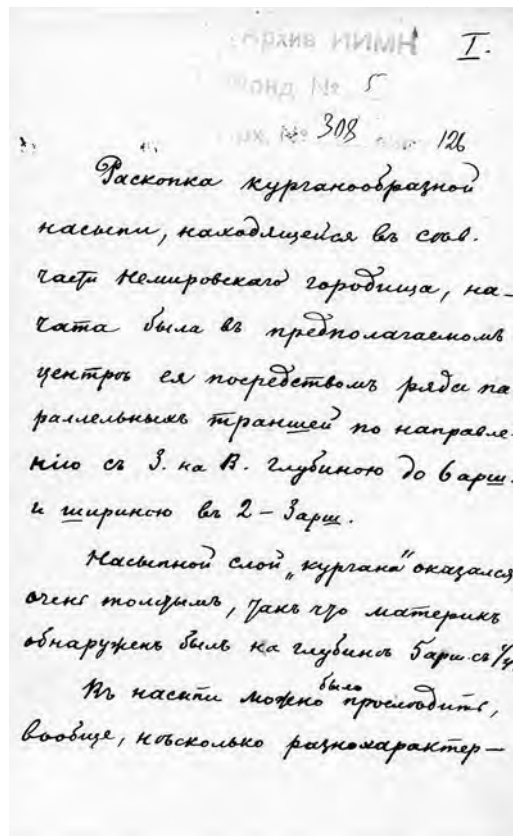
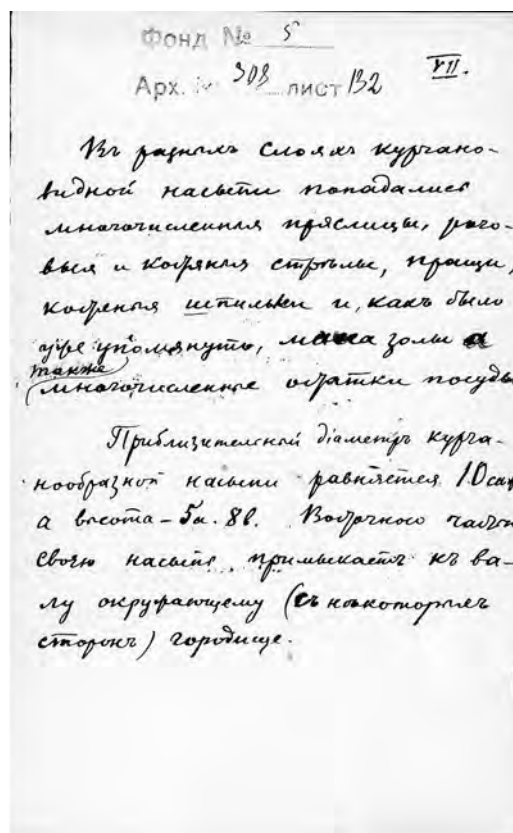


Рис. 50. «Корочки» А. А. Спицына по Немировскому городищу. 1 — начало описания раскопок «зольника»; 2 — данные о размерах «зольника» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 5, д. 308, л. 126, 132; публикуется впервые)





своей поллой она примыкает к валу. Приблизительный диаметр насыпи 20 м, высота 3,5 м. Вершина ее самая высокая точка внутри всего Немировского городища. Отсюда видна не только вся площадь, замкнутая большой оградой, но и подступы к городищу со всех сторон.

В этой насыпи еще до исследований С. Гамченко велись кладоискательские раскопки. Здесь, по словам С. Гамченко, были найдены две медные булавки и несколько бронзовых наконечников стрел скифского типа. Путем обследования грабительских ям он установил, что курган этот насыпной и что материалом для него послужила земля "Замчиска". В насыпи перемешаны чернозем, лесовидный суглинок, масса костей животных и обломки керамики. Он сомневается в том, что это погребальное сооружение ("курган?") и полагает, что, во всяком случае, насыпь сделана много позже городища "Замчиска".

В середине этой курганообразной насыпи А. А. Спицыным было заложено три параллельных траншеи, направленных с запада на восток (Там же: л. 133–139). Материк был обнаружен на глубине 3,5 м (рис. 51–53). "В насыпи, – по словам записи, составленной на месте работ, – можно было проследить несколько разнохарактерных, повторяющихся почти в определенном порядке наслоений, в которых поражало обилие золы и масса пережженных костей животных (млекопитающих и птиц), в верхних шарах под возделываемым черноземом находилось также значительное количество остатков жизни глинобитных площадок". В своей статье "Скифы и Гальштат" А. А. Спицын пишет, что насыпь "кургана" состояла из семи слоев земли, взятой тут же на культурной площади городища, "слои эти, – продолжает он, – вынимались из почвы своеобразно: сперва культурный пласт, затем материк, затем новый концентрический круг из культурной земли и материка, и так до семи раз" (Спицын 1911: 158).

В северной половине насыпи была обнаружена древняя впускная яма на 0,5 м углубляющаяся в материк (Спицын 1910: л. 128–130). Очертания ее были испорчены двумя другими врезающимися в нее ямами. Нетронутой осталась только южная часть древней ямы, за-

полненная большими камнями и черным перегноем (рис. 51–53). Именно об этой яме А. А. Спицын говорит, что она первоначально показалась ему погребальной, но, что в конце концов от этого предложения пришлось отказаться, т. к. "никаких признаков погребения здесь не было усмотрено: ни косточки, ни черепка, ни одной вещицы... Пришлось придти к выводу, что яма существовала до сооружения насыпи" – заключает он в противоречии с вышеприведенной характеристикой ее как впускной (Спицын 1911: 158; 1910: л. 138).

В юго-восточной и юго-западной частях насыпи было открыто еще по яме, явно впускных и позднейших (Спицын 1910: л. 131, 136–138) (рис. 51–53). Первая из них, глубиной в 2,15 м, была заполнена большими камнями и "смесью разных курганных наслоений", а вторая, доходившая до глубины 2,8 м от поверхности насыпи, была засыпана еще не слежавшимся черноземом. Весьма вероятно, что, по крайней мере, последняя из этих ям, представляла собой следы кладоискательства, обследованные на год раньше С. Гамченко.

В юго-восточной поле этой же самой курганной насыпи нами был заложен раскоп в виде траншеи 2 × 10 м, ориентированный 3-В (рис. 54). Насыпь этой траншеи оказалась захваченной самое большее на толщину в 0,7 м. Восточный конец траншеи выходил уже за пределы насыпи. Структура исследованной нами части насыпи оказалась аморфной, хотя никаких следов перекапывания ее в пределах раскопа не замечено. Она состояла из чернозема с примесью значительного количества золы. Нередко встречались угольки. В насыпи было огромное количество черепков древней посуды, притом почти исключительно скифской. Фрагменты трипольской керамики встречались как исключение, славянские черепки попадались еще реже и притом только до глубины пашни. Зато много было костей разных животных. Находились также типично скифские катушки, пряслица и глиняные бусы. Совершенно одинаковый характер сохраняла насыпь до самого материка.

Иная картина открылась за пределами насыпи в восточном конце траншеи. Здесь до глубины в 0,75 м шел слой

аморфного гумуса с преобладающей скифской керамикой. Ниже до материка на глубине 0,95 м залегал слой плотной глины с примесью мелкого угля и золы, содержащий исключительно трипольскую керамику. Нет сомнения, что здесь мы имеем дело с остатками трипольского сооружения, хотя бы в виде слоя расползшейся от него глины.

Почти на всей площади траншеи обнаружилась яма, впущенная в материк, ею был перерезан вышеуказанный глинистый слой с трипольскими черепками. Яма эта была, по-видимому, четырехугольная в плане. Размеры ее, к сожалению, остались не определенными, т. к. расширить площадь раскопа не представилось возможности. Открыты были только части юго-восточной и юго-западной ее стен, соединявшихся, по-видимому, углом за северной границей раскопа. Стенки ямы были вертикальные, высотой от пола до уровня материка 0,7 м. Пол – плотно утрамбованная гумусированная глина с втоптанymi в нее угольками, золой и фрагментами скифской керамики и мелкими обожженными камнями. Возле юго-восточной стенки замечено на полу скопление обожженных камней и золы, здесь же находилось наибольшее скопление фрагментов грубых кухонных сосудов (рис. 54).

Заполнение ямы только сверху такое же аморфное, как и насыпь перекрывающей ее полы "кургана". В обресе раскопа совершенно легко прослеживается вогнутость этого заполнения над ямой, причем, к востоку за ямой этот слой, утончаясь, продолжается и над глинистым слоем с трипольским материалом, находящиеся ниже слои заполнения ямы сохраняют вогнутость. Под аморфным слоем здесь прослеживается весьма золыстый слой с большим количеством углей. Он продолжается и за западной границей ямы над материком, уходя под полу "кургана". В нем заметна довольно значительная угольная прослойка. Ниже этого слоя лежит слой гумусированной глины с включением керамики и костей животных. Наконец, самый низ ямы опять заполнен землей с большой примесью золы и углей. В этом заполнении ямы близ дна были найдены три фрагмента родосских сосудов. Еще два фрагмента того же рода были обнаружены

в насыпи "кургана" непосредственно над ямой, на глубине 1,7 м от поверхности "кургана" в этом месте, или, что то же, на уровне материка.

Едва ли можно сомневаться, что открытая нами материковая яма представляет собой остатки жилого сооружения полуземляночного типа. Не может быть также сомнения в том, что она вырыта позже трипольского времени, так как перерезает остатки трипольской "площадки". Но древнее она или позже курганообразной насыпи – ответить на этот вопрос не так просто. Ясно, что заполнение ямы происходило первоначально независимо от "кургана". Ко времени распространения на нее полы "кургана", она была уже почти заполнена: на месте ее оставалась неглубокая впадина, позже закрытая материалом "кургана", по-видимому, в результате расползания его насыпи. Следовательно, яма могла быть вырыта и до сооружения "кургана", и в то время когда он уже был налицо, но еще не расползался. Судя по продолжению над ямой хорошо стратифицированного слоя, уходящего под насыпь "кургана", мне представляется, что не только сооружение, но и заполнение ямы может относиться ко времени до насыпки "кургана". К сожалению, указанный слой прослежен только под расползшейся частью "кургана"м, а не под первоначальной насыпью и потому значение указанного наблюдения остается условным.

О древности ямы свидетельствует и находка в ее заполнении черепков родосской керамики, датируемой концом VII в. до н.э., хотя, конечно, эти черепки могли попасть в яму много позже времени бытования соответствующих сосудов. Указания на глубокую древность ямы представляют также черепки скифской керамики, втоптаные в пол ямы и относящиеся, надо полагать, ко времени, когда она служила жилищем. Эти черепки несколько отличаются от обычной для данного городища скифской керамики, прежде всего, своим грубым, с большой примесью песка тестом и буро-красным цветом, какой редко наблюдается у скифских сосудов. К сожалению, типологическая хронология скифской керамики остается еще не разработанной и эти данные не могут служить для наших целей.



Как бы то ни было, скифская принадлежность ямы может считаться несомненной. Считать ее трипольской нет решительно никаких оснований. Славянской она не может быть потому, что ни в полу, ни в заполнении ямы не найдено ни одного славянского черепка, можно думать, что к славянскому времени она была давно засыпана и даже место ее было закрыто полою курганообразной насыпи, в самом верхнем слое которой, как было указано, изредка встречались славянские черепки.

А. А. Спицын, убедившись в невозможности отнесения курганообразной насыпи к погребальным сооружениям, предположил, что она близка к "зольникам" Бельского городища. Она, действительно, производит впечатление мусорной кучи, в которой зола и прочие отбросы очагов занимают основное место. Однако, остается неясным, образовалась ли курганообразная насыпь "Замчиска" в результате постепенного ссыпания в одном месте золы и разного рода отбросов, накапливавшихся в жилищах скифского времени, или была насыпана одновременно из культурного слоя городища. Наблюдения мои и А. А. Спицына в этом отношении существенно расходятся между собой. По А. А. Спицыну, насыпь состоит из чередующихся слоев культурной земли и материковой глины, что могло бы свидетельствовать об одновременности сооружения насыпи из земли, взятой с окружающей ее площадки, где под культурным слоем относительно неглубоко залегает материковая глина. Это объяснило бы и смешение в насыпи скифской и трипольской керамики и наличие в ней кусков трипольской обмазки. В раскопанной нами части насыпи прослойки материковой глины не наблюдались. Она целиком состояла из насыщенного золою культурного перегноя без ясно выраженных стратиграфических признаков. Трипольских остатков в виде черепков посуды и кусков обмазки почти не встречалось.

Нельзя сомневаться в точности наблюдений А. А. Спицына, с другой стороны, я уверен, что исследованная нами часть насыпи не была перекопана. Указанное выше различие в структуре может объясняться тем, что наш раскоп затронул только полу насыпи, образовавшуюся

в результате ее оползания в стороны, а в центральной своей части, изученной А. А. Спицыным, сохранившую первоначальную структуру, но что же в таком случае представляла собой эта курганообразная насыпь? Это не был погребальный курган, и это не могла быть просто мусорная куча, своего рода свалка в пределах поселения. Полагаю, что ответ на этот вопрос дает уже отмеченное положение насыпи при входе в городище возле оборонительного вала и то, что она до сих пор представляет наиболее возвышенное место, с которого открывается обширный вид не только на всю площадь, замкнутую большой внешней оградой, но и на подступы к ней. Это было сооружение оборонительного характера, усиливающее защиту северной стороны "Замчиска" и представляющее прекрасный наблюдательный пункт. Своего рода башня.

Воздвигнута была эта насыпь, по видимому, в конце скифского периода жизни городища, когда на поверхности его образовался значительный культурный слой со скифскими материалами. Этот слой, вместе с подстилающими его трипольскими отложениями и материковым суглинком, был использован на сооружение насыпи, образуя в ней те, отмеченные А. А. Спицыным, чередующиеся напластования, которые соответствуют порядку залегания земли на использованной для насыпи площади городища. Нахождение славянских черепков только в верхнем распаханном слое насыпи исключает возможность отнесения ее к славянскому времени.

При раскопках С. Гамченко на площади "Замчиско" никаких жилых и хозяйственных ям, кроме описанных выше остатков подземного сооружения трипольского времени, не было обнаружено. Точно также и наши шурфы не открыли ни одной другой жилой ямы, кроме найденной под полою курганообразной насыпи. Зато раскопками А. А. Спицына на площади городища было вскрыто множество разнообразных ям.

Почти на середине восточного края "Замчиска" имеется впадина, которая весьма заинтересовала А. А. Спицына. Он заложил на ее месте раскоп и очень скоро обнаружил, что это "естественный провал в каменистой подпочве городища" (Спицын 1911: 159). Вокруг этой

впадины он раскопал участок общей площадью около 315 кв. м, разбитый на 14 кессонов. Затем от этого раскопа возле впадины был проведен длинный раскоп к середине городища длиной почти 70 м и шириной от 8,5 до 12,5 м. По всей этой достаточно большой площади было обнаружено множество ям, впущенных в материк.

Большинство из них забито культурным слоем с кусками глиняной обмазки, черепками и костями. В составе керамики отмечаются фрагменты скифских сосудов. Встречены бронзовые стрелки, глиняные бусы, костяные поделки. Ямы с такого рода материалом или цилиндрические или конусовидные глубиной около 1,5 м и с примерно таким же размером диаметра дна. Кроме того, отмечены ямы яйцевидной формы, как правило, более глубокие, до 2,5 м глубиной при диаметре отверстия от 1 до 1,5 м. Заполнение их такое же, как и первых, но в нескольких встречены комки обугленных зерен конопли. Наконец, есть ямы грушевидные, тоже глубокие, не менее 1,5 м глубиной, а иногда достигающие и до 1,8 м, при диаметре в наиболее широкой части от 1 до 1,5 м. В одной из таких ям найден традиционный славянский жернов. Отмечены в них и черепки славянской керамики. Таким образом, видимо, охарактеризованные ямы относятся, по меньшей мере, к двум эпохам – скифской и славянской. Большинство их, надо полагать, первоначально были зерновыми ямами.

Несмотря на значительную вскрытую раскопками А. А. Спицына площадь городища, им не было обнаружено ни одной трипольской площадки. По всей вероятности, это обстоятельство следует отнести за счет невнимательного производства раскопок, при которых изучение культурного слоя производилось только по стенкам раскопов ("кессонов"). В сохранившихся "корочках" А. А. Спицына на схематических чертежах профилей ям постоянно отмечаются скопление или слой "печины" в нижней части культурного слоя, являющейся, несомненно, ничем иным, как обмазкой полов и стен трипольских сооружений.

Более тщательно были наблюдаемы и зафиксированы жилые ямы. А. А. Спицын насчитал их 11 и все признал "русскими" (ОИАК 1913б: 181). Действительно,

в большинстве из них были найдены славянские черепки, ротационные жернова и другие несомненно поздние вещи. В "корочках" А. А. Спицына сохранились краткие описания некоторых из этих ям. Вот они: "Яма в кессоне № 37, дно на глубине 1,5 м от поверхности почвы. Длина ее около 8 м, ширина от 1,7 до 3,6 м. С северного и южного концов жилья отходят коридоры. Северный шириной 0,6 м, а южный 0,7 м. Глубина северного коридора 1,3 м, а южного 1,4 м. Кровля этого сооружения держалась на 6 столбах, истлевших, но оставивших свои следы в небольших углублениях (0,3 × 0,3 м), которые были обнаружены в насыпи на глубине 1,2 м. Все жилье было заполнено грязным глеем, как и ходы. В нем найдена роговая поделка наподобие стрелы, кусочек железной проволоки, пряслица цилиндрической формы, половина плоской пряслицы в виде кружка и железное огниво" (Спицын 1910: л. 83).

Яма в кессоне № 40 представляет собой жилище с камином и 3 очагами. Ширина и длина ее достигают 3,5 м. Глубина 1,6 м, наполнена грязным глеем. Все дно ямы покрыто большими цельными кусками дубового угля (головешками). Среди них часть небольшой железной пилы. Посредине ямы на небольшом материковом возвышении устроено сооружение, сложенное правильными вертикальными рядами из известняковых и песчаниковых плит и разбитых жерновов без цемента. Сооружение имело вид престола с подножием. На поверхности этого сооружения лежало 3 разбитых жернова, один диаметром в 40 см и два – 48 см, толщиной от 2 до 8 см. Среди каменной кладки – щебень, угли и зола. Там же найдена костяная игла и черепки с вдавленным орнаментом (славянские?). Под каменным сооружением в С-з углу его обнаружен очаг диаметром 0,4 м из пережженного глиняного пласта толщиной в 0,04 м. На дне ямы оказалось всего 3 очага в виде кругов пережженной глины толщиной в 0,04 м (Там же: л. 88, 89).

Из этой ямы на ЮЗ выходил коридор глубиной 1,5 м и шириной в 0,8 м. Здесь в мусоре найдена костяная стрелка и катушка.

Кессоны №№ 44–47. Длина ямы 4,4 м, ширина 4 м. Глубина от поверхности почвы около 1,5 м. Дно не везде ровное,



посредине немного вогнутое. В северном углу печь, сложенная из колотых камней (гранит), разрушенная: камни разбросаны, осталось целым устье. Возле печки большое зольное пятно с большим числом ямочек. С южной стороны в стенке ямы выемка, ровное дно которой на 0,16 м выше дна ямы. Вдоль стенок 5 ямок (от столбов). На дне ямы найден разбитый жернов хорошей работы. Черепки среди камней печки исключительно славянские (Там же: л. 113).

В жилой яме в кессоне № 53 в верхней части засыпки встречены славянские и скифские черепки, преобладают первые. Среди камней внизу найдено много славянских черепков, попадают и скифские (Там же: л. 117).

Найдены данные еще о яме в кессоне № 29. Она также, как и другие, четырехугольная, длиной и шириной несколько более 3,5 м и глубиной в 1 м. На дне посередине ее обнаружен очаг, сложенный из ряда мелких камней. Под ним слой обожженной глины и золы в небольшом углублении. Другой такой же очаг в одном из углов ямы. Другим своим углом эта яма пересекает коридор, обнаруженный на протяжении около 4 м и ведущий в другую жилую яму, находящуюся в пределах соседнего кессона. Ширина коридора от 0,8 до 1,2 м, а глубина 1,7 м. Он глубже ямы в кессоне № 29 на 0,4 м, что и дало повод А. А. Спицыну признать яму более поздней, чем коридор. Вместе с тем известно, что в яме, в которую ведет коридор, находилась славянская керамика (Там же: л. 115).

Других сведений о результатах раскопок А. А. Спицына в нашем распоряжении нет. Имеющиеся данные, как можно видеть из приведенного, не отличаются полнотой. Тем не менее, все открытые в "Замчиске" землянки следует признать за славянские. В самом деле, в одних из них встречена славянская керамика, в других – ротационные славянские жернова, в третьих – и то и другое вместе. Соединение отдельных жилищ переходами (коридорами) также представляет собой черту, широко известную для славянских полуземлянок (Боршевское городище и др.).

В резком противоречии с этим заключением находятся результаты наших наблюдений над частью землянки, откры-

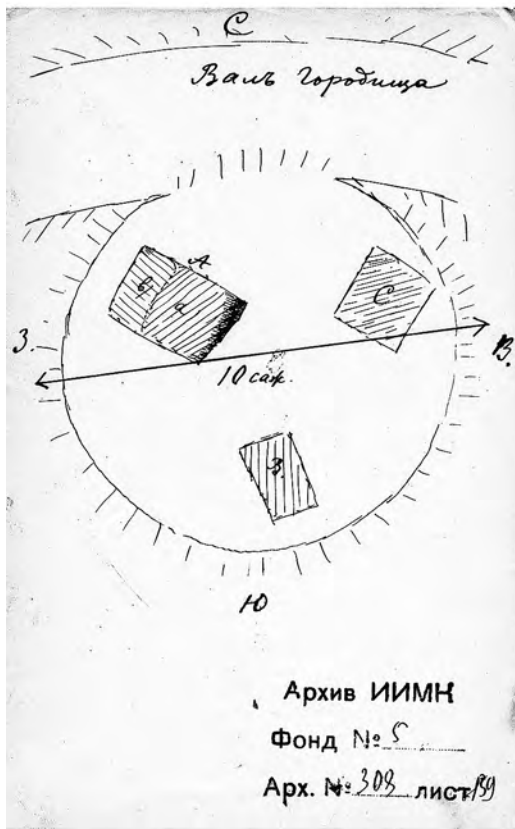
той под полою курганообразной насыпи. Своим устройством, глубиной, видом очага она не отличается от жилищ, раскопанных А. А. Спицыным, и вместе с тем не содержит решительно никаких указаний на славянскую принадлежность. Все ее заполнение, включая черепки, вбитые в пол, относится к скифскому периоду. Само собою разумеется, что одна находка против одиннадцати значит очень немного. Тем не менее, было бы преждевременно признать, что все землянки на "Замчиске" славянские и что скифское время не знало этого типа жилого сооружения, иначе говоря, что в этом периоде жилища здесь были только наземные.

О том, что в скифское время были распространены наземные жилища, известно по материалам Шарповского городища. Однако есть данные, свидетельствующие о сооружении в этот период и полуземлянок. Никаких следов скифских наземных сооружений в "Замчиске" не обнаружено. Правда, при раскопках А. А. Спицына в культурном слое городища были встречены очаги, сложенные из камней, но один из них частично приходился над землянкой (в кессоне № 53), из чего следует заключить, что эти очаги могут относиться к самому последнему периоду в жизни городища, т. е. к славянскому.

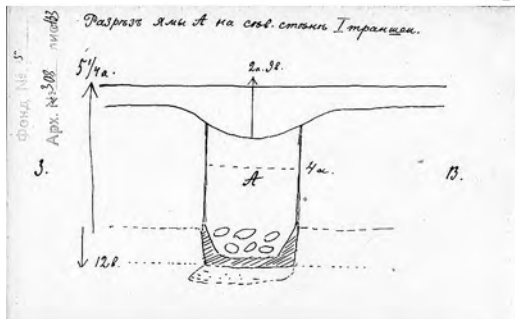
При наших исследованиях в северо-восточной части городища одним из шурфов на глубине 0,75 м, т. е. на материке, была открыта часть пола из утрамбованной глины с мелкими угольками и золой толщиной в 0,1 м. Это была часть какого-то наземного сооружения. На полу в рабочем положении лежали ротационные жернова диаметром в 0,46 м. Верхний жернов с отверстием в середине имел в толщину 11 см, нижний – 10 см. Найденные в этом месте черепки керамики исключительно славянские.

Недалеко отсюда, ближе к восточному краю городища, на месте расплывшегося вала, на глубине 0,45 м был обнаружен слой красной сильно пережженной глины (отшлаковавшиеся глыбы и мелкие комки), вклинивавшийся внутрь городища и частично покрывающий площадь, не подвергающуюся действию очага. На этой площади в материке обнаружена яма с закругленным дном, такая

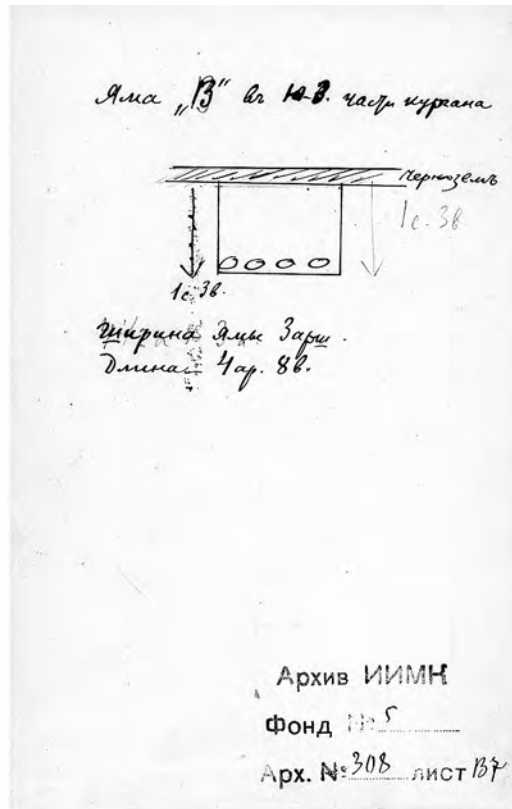
же, в каких и в настоящее время приготавливают глину для обмазки хат. Вся она была засыпана жженной глиной, толщина слоя которой достигала 0,9 м. В ней иногда встречались скопления мелких угольков и мелкие не пережженные фрагменты скифской керамики. Совершенно ясно, что этот слой находился на месте вала и расплзся внутрь городища. Валу из обожженной глины известны и по другим находкам. И в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с частью вала» (Артамонов 1998: 64–72).



1



2



3

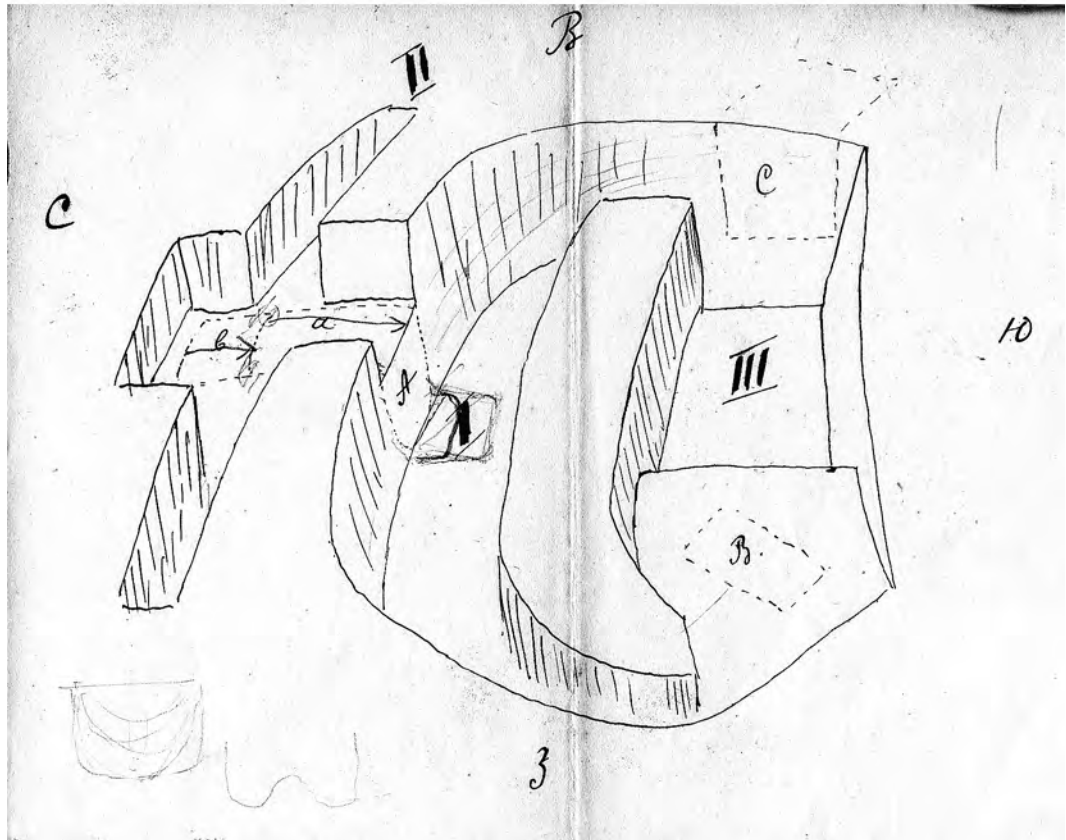
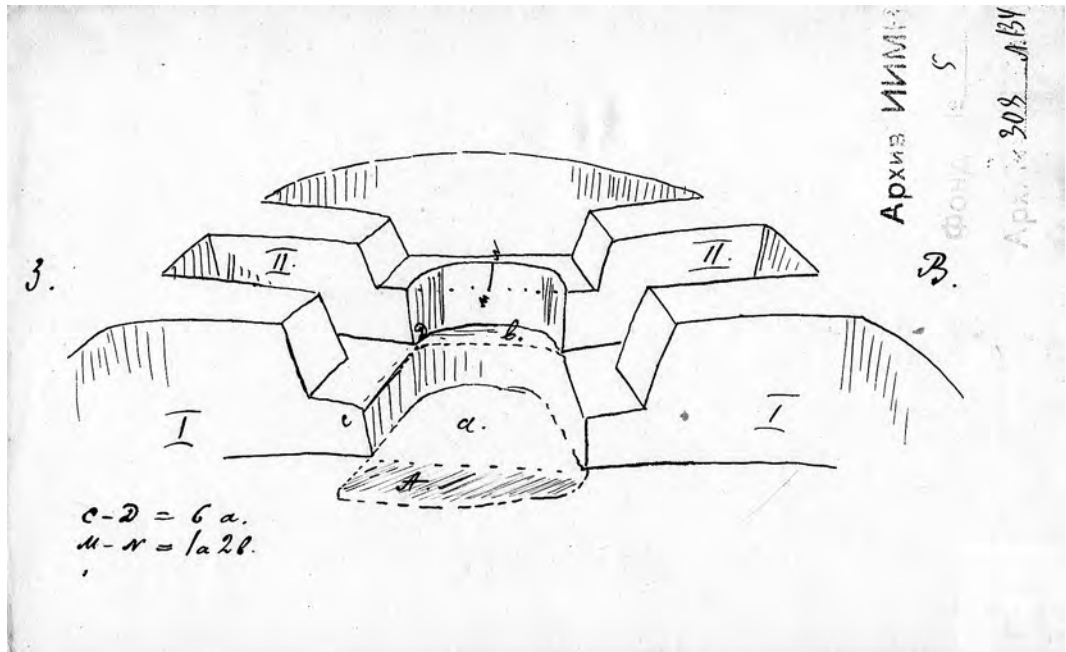


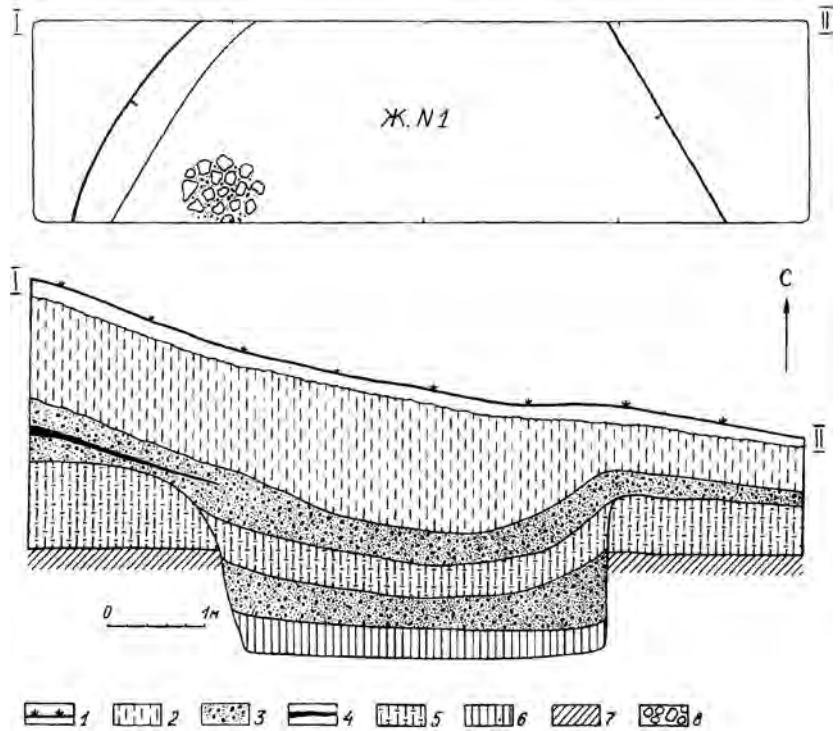
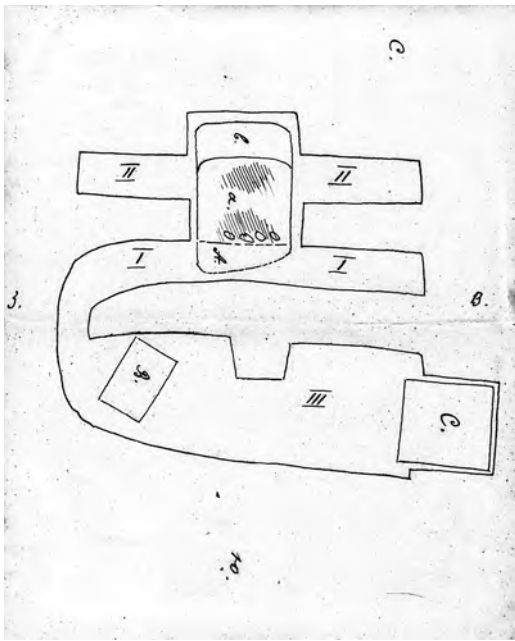
4

Рис. 51. «Корочки»  
А. А. Спицына  
по Немировскому  
городищу.  
1 — схема «зольника»  
с грабительскими  
ямами; 2–4 — разрезы  
грабительских ям (НА  
ИИМК РАН, РО, ф. 5,  
д. 308, л. 133, 137–139;  
публикуется впервые)



Рис. 52. «Корочки»  
А. А. Спицына  
по Немировскому  
городищу.  
Аксонетрическая  
реконструкция раскопа  
1910 г. на «зольнике»,  
вид с юга (НА ИИМК РАН,  
РО, ф. 5, д. 308,  
л. 134, 135;  
публикуется впервые)





Наблюдения, размышления и выводы М. И. Артамонова относительно раскопок А. А. Спицына остаются в силе и сегодня. Здесь проиллюстрируем лишь несколько оригинальных страниц из «корочек», посвященных описанию жилой ямы I в кессоне 37 («русская», по Спицыну; славянская, по Артамонову) (рис. 55), а также систематизации раскопанных ям по форме, размерам и характеру заполнения (рис. 56).

Архив Юго-Подольской экспедиции состоит из полевого отчета М. И. Артамонова о результатах раскопок этой экспедиции в 1946 г., находящегося вместе с подробным дневником сотрудника ИИМК А. С. Бобровой в научном архиве ИА НАН Украины в Киеве (Артамонов 1946в), и раскопочной документации 1947–1948 гг. — дневников и полевых чертежей, переданных М. И. Артамоновым в начале 1970-х гг. в ОАВЕС ГЭ. Полевой отчет 1946 г. в Киеве соответствует имеющейся в ГЭ черновой рукописи М. И. Артамонова «Археологические памятники Южной Подольи (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1946 г.)», без иллюстраций. Она была подготовлена после первого полевого сезона работ Юго-Подольской экспедиции, носивших преимущественно разведочный характер. Приходится сожалеть о том, что М. И. Ар-

тамонов ее не дополнил в свете последующих изысканий на Немировском городище, проводившихся в 1947–1948 гг.

Как писала Г. И. Смирнова:

«Судя по незаконченной схеме 1947 г., О. А. Артамонова пыталась совместить сделанную рукой А. А. Спицына схему зольного холма и заложенных на нем в 1910 г. траншей с контурами зольника в размерах 1946 г. и раскопами 1946–1947 гг. [...] Но поскольку во время раскопок не удалось получить точных привязок к старым раскопам на зольнике, это совмещение, в определенной степени, является приблизительным» (Смирнова 1998а: 81).

Отметим, что эти планы, на которых совмещены дореволюционные раскопки и раскопки 1946–1948 гг., были сделаны: на одном сведены раскопы на «зольнике» (рис. 57), на втором — сведены раскопы 1909 г., 1910 г. и 1946–1948 гг. (рис. 58).

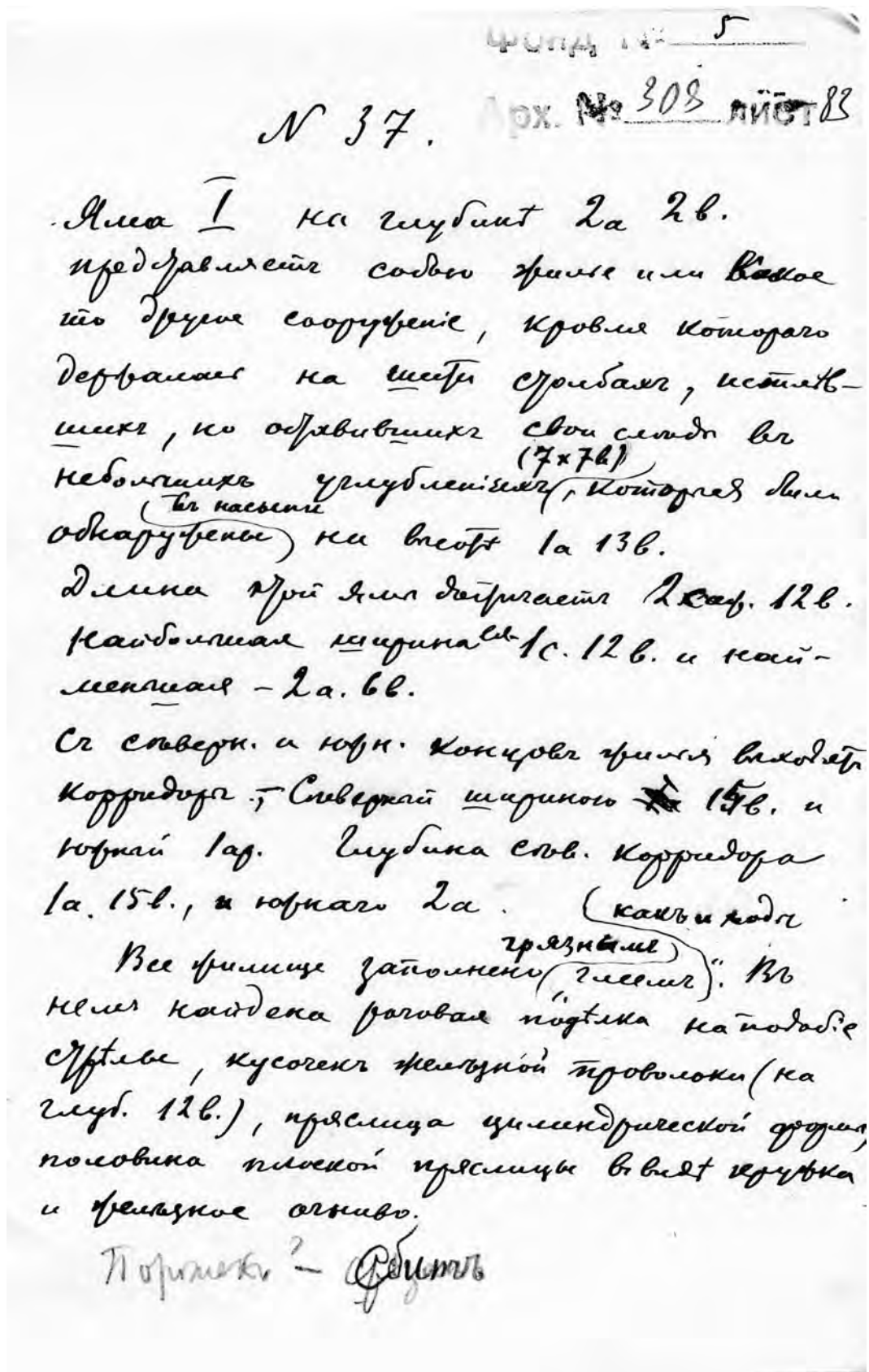
Полевые отчеты о самых важных раскопках 1947–1948 гг. не были составлены, поэтому приходится пользоваться оставшимися дневниками и другой полевой документацией (рис. 59). Углубленное знакомство с этими архивными материалами было затруднено многими факторами, начиная

Рис. 53. «Корочки» А. А. Спицына по Немировскому городищу. Схема траншей на «зольнике» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 5, д. 308, л. 136; публикуется впервые)

Рис. 54. Немировское городище, план и разрез части жилища (№ 1, раскопки 1946 г.). Условные обозначения: 1 – пашня; 2 – культурный слой; 3 – слой с золой, углем и культурными включениями; 4 – уголь; 5 – слой глины с включениями керамики, костей животных; 6 – плотная глина с включениями; 7 – материк; 8 – камни (по Артамонов 1998: рис. 4)



Рис. 55. «Корочки»  
А. А. Спицына  
по Немировскому  
городищу.  
Описание жилой ямы I  
в к. 37 (НА ИИМК РАН,  
РО, ф. 5, д. 308, л. 83;  
публикуется впервые)



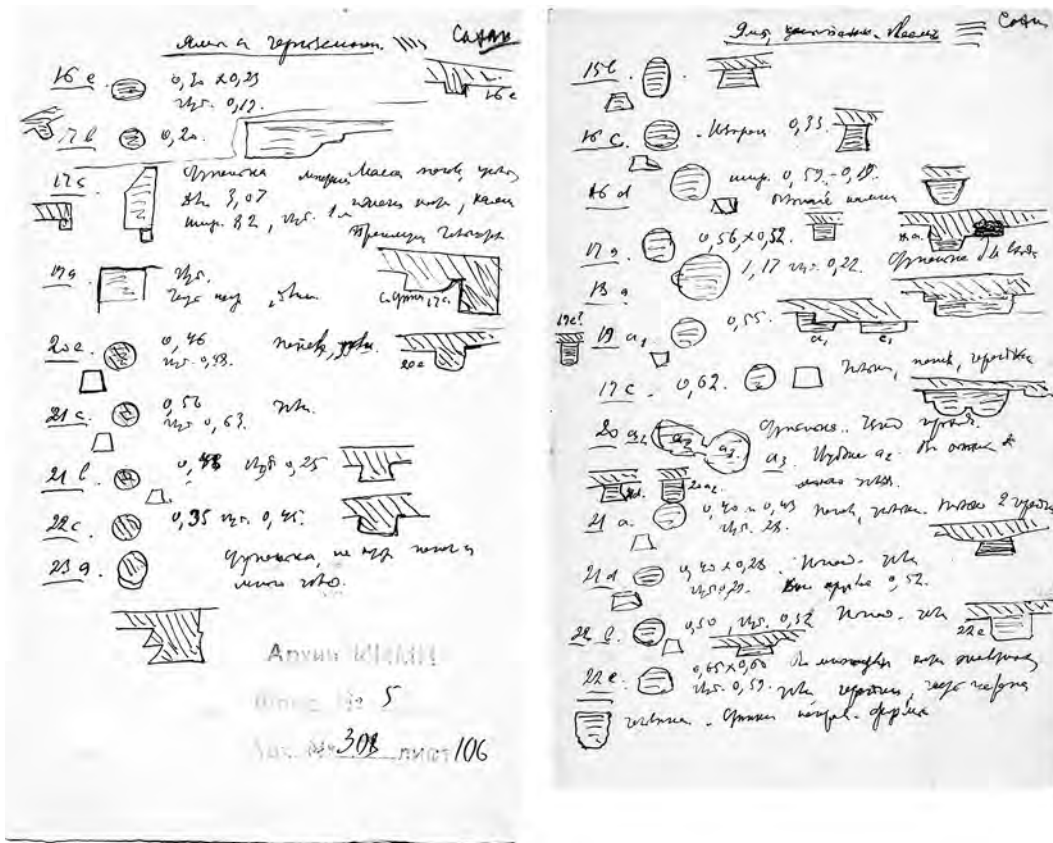


Рис. 56. «Корочки» А. А. Спицына по Немировскому городищу. Систематизация раскопанных ям по форме, размерам и характеру заполнения (НА ИИМК РАН, РО, ф. 5, д. 308, л. 106, 110; публикуется впервые)

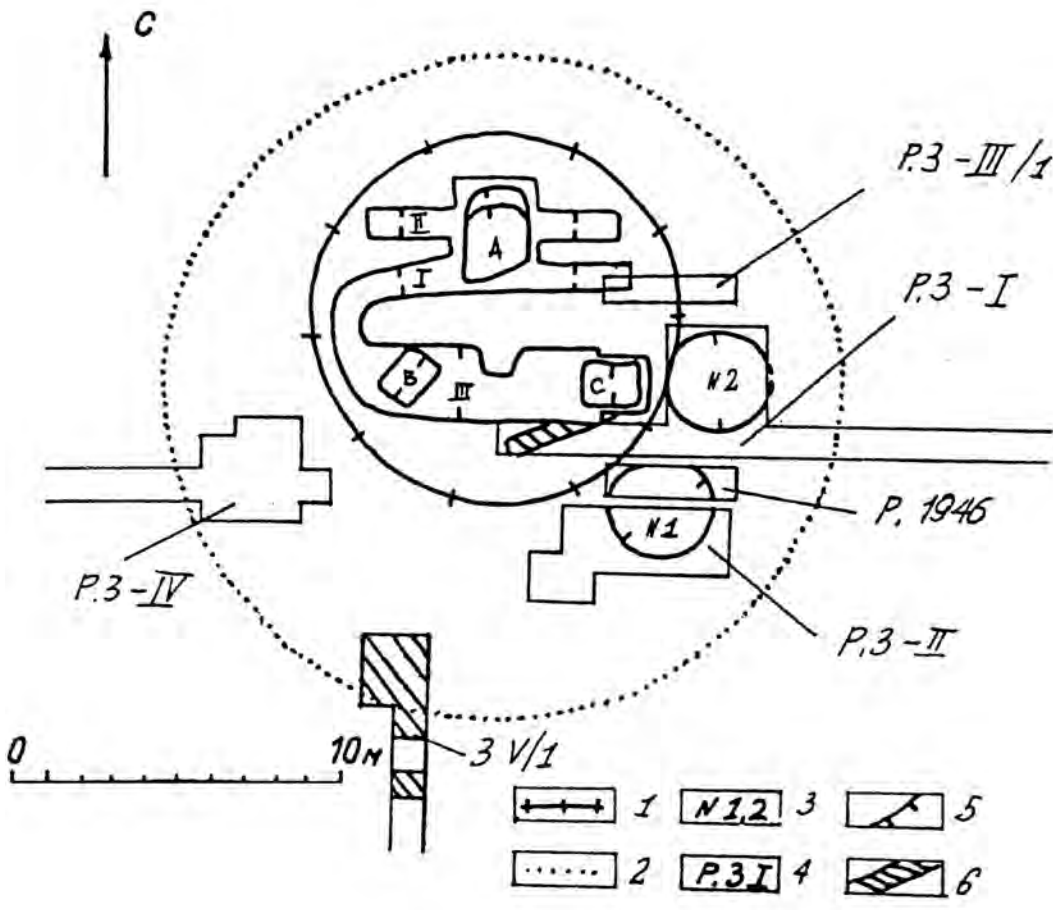


Рис. 57. Немировское городище, сводная схема раскопа на «зольнике» (по А. А. Спицыну и М. И. Артамонову). Условные обозначения: 1, 5 – границы «зольника» (по А. А. Спицыну); 2 – границы «зольника» (по М. И. Артамонову); 3 – номера землянок; 4 – обозначения раскопов 1947–1948 гг.; 6 – старые траншеи (1909–1910 гг.) (по Смирнова 1998а: рис. 1)



Рис. 58. Немировское городище, сводная схема раскопов 1909 г., 1910 г. и 1946–1948 гг. (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые; подготовлено Г. И. Смирновой, графика Л. А. Соколовой)

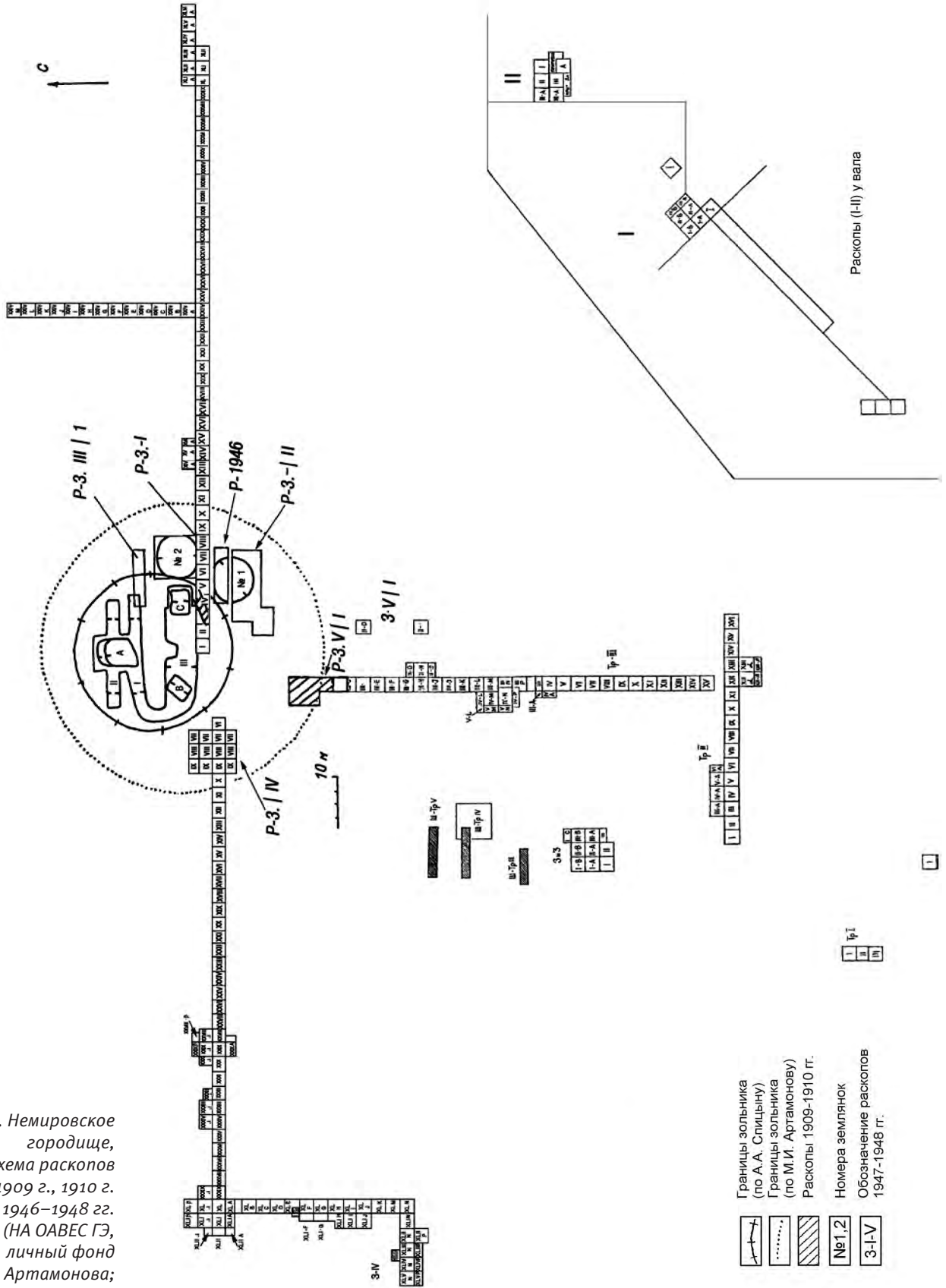




Рис. 59. Немировское городище. Полевая документация Юго-Подольской экспедиции 1947–1948 гг. (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые)

с почти полного отсутствия обобщающих дневников по определенным участкам и заканчивая плохой фиксацией процесса раскопок в сохранившихся записях, сводящейся, преимущественно, к регистрации находок по квадратам и глубинам с характеристикой культурного слоя (рис. 60; 61). В ряде случаев в дневниковых записях, от давности ставших трудно читаемыми, встречаются чистые страницы, «соответствующие» пропущенным дням раскопок, к описанию которых почему-то не вернулись. Уместно напомнить, что единая нумерация грунтовых строений и ям отсутствует, они обозначаются только по увязке их с обозначениями квадратов. Принятая при раскопках городища система нумерации квадратов цифрами в сочетании с латинскими и греческими буквами привела местами к искажениям при написании на чертежах и в полевой описи. В результате этого возникают ошибки в записях

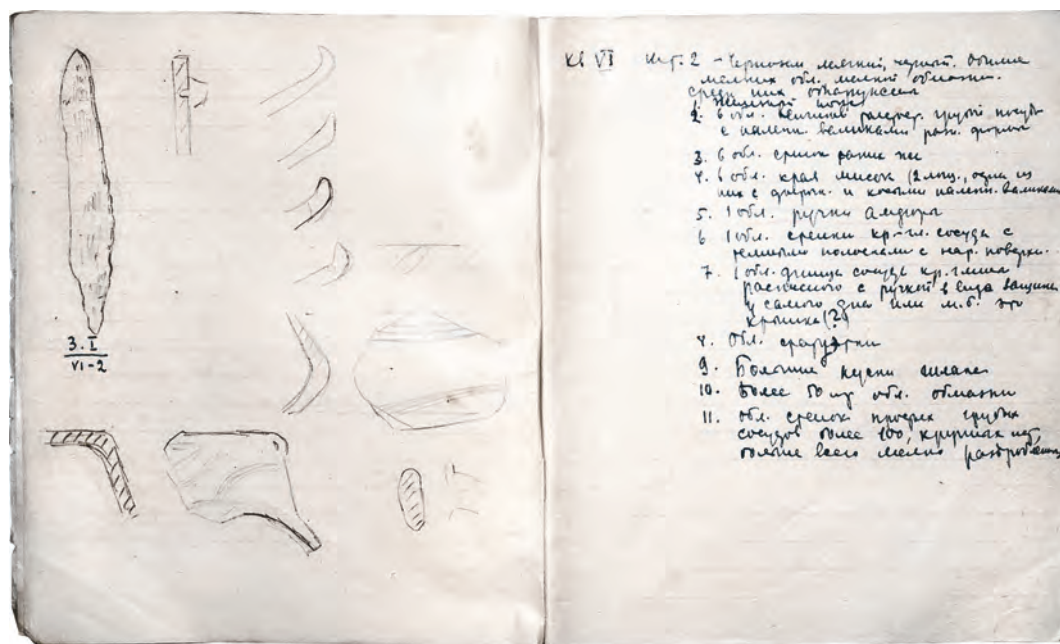
о местонахождении ям и найденного там материала.

Не лучше обстоят дела и с полевой графической документацией, большей частью не доведенной до чистового вида. Это больших и малых размеров чертежи и схемы, выполненные на миллиметровке или гладких листах с нанесенной сеткой раскопа. Одни из них осуществлены простым карандашом, другие — цветными (см. рис. 61). Большинство раскопанных объектов нанесено на планы, но нередко без названия и легенды условных обозначений.

Для восстановления и дешифровки графического материала приходилось сопоставлять скудные дневниковые данные с черновыми планами и разрезами, сверяя с дневниковыми записями по глубинам и уточняя в полевой описи пометки о местонахождении тех или других объектов и самих находок. Авторы провели в прямом смысле слова «следственную» работу.



Рис. 60. Немировское городище.  
Полевая документация  
Юго-Подольской  
экспедиции 1947 г.  
Разворот дневника № 3:  
Немирово, 1947,  
31, траншея, кв. I-XVI  
(НА ОАВЕС ГЭ,  
личный фонд  
М. И. Артамонова;  
публикуется впервые)



Среди сохранившихся архивных материалов Юго-Подольской экспедиции Г. И. Смирновой удалось найти несколько разрезов бортов раскопа, а также один план (рис. 62–64). Однако мы не можем их использовать в должной мере из-за состояния полевой документации. Судя по этим разрезам и планам, культурный слой памятника сильно насыщен различными сооружениями. Лишь в нескольких случаях материалы раннего железного века были соотнесены с комплексами (см. гл. 4).

В целом состояние первичной полевой документации при отсутствии научных полевых отчетов за 1947–1948 гг., было принято нами как данность.

#### 2.4. Культурно-хронологические горизонты

В процессе первых археологических исследований Немировского городища в 1909 г. С. С. Гамченко выявил, что на территории памятника встречаются материалы нескольких эпох. В следующем, 1910 г. А. А. Спицын уточнил количество древних поселений во внутреннем укреплении этой крепости, называемом «Замчиско». Вот как об этом написал М. И. Артамонов:

«Таким образом, в Немировском городище представлены три культурно-хронологических периода: трипольский, скифский и славянский. А. А. Спицын

выделяет в составе керамики этого городища очень небольшую группу черепков латенского типа (тонких, серых, отличной работы и черных, блестящих, с пояском из косых граней) (Спицын 1911: 161). Нам подобного рода керамика не встретилась и надо думать, что если культура типа «полей погребений» действительно была представлена на городище, то очень слабо и невыразительно. Наибольшее количество остатков здесь относится к трипольскому и скифскому периодам» (Артамонов 1998: 74).

Далее в 1946–1948 гг. сложившиеся представления о существовании на городище нескольких разнокультурных поселений, относящихся к трипольской, скифской и древнерусской культурам, были подтверждены раскопками М. И. Артамонова.

Все исследователи придерживались единого мнения о том, что оборонительные сооружения Немировского городища были возведены в скифское время.

В процессе обработки коллекции варварской керамики из фондов ОАВЕС ГЭ в 1990-е гг. Г. И. Смирнова на материалах раскопок 1948 г. выделила небольшую коллекцию предскифского времени, которую она отнесла к позднечернолесской культуре.

На основе анализа трех грунтовых погребений и находок из них, раскопанных на Немировском городище в 1909 г. С. С. Гамченко, она также поставила вопрос о суще-





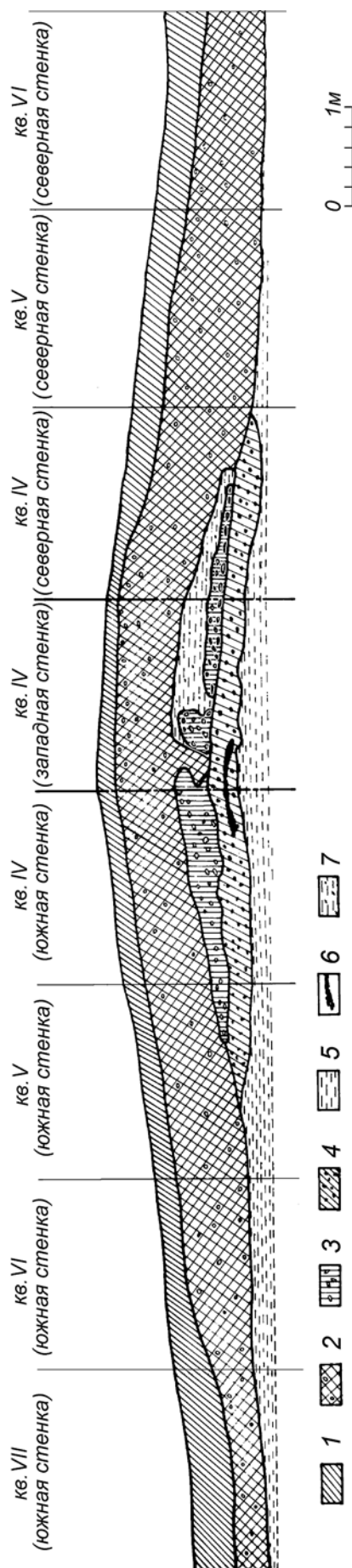


Рис. 62. Немировское городище, полевая документация Юго-Подольской экспедиции. План борта раскопа по линии квадратов IV–VII (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые; подготовлено Г. И. Смирновой, графика Л. А. Соколовой)

информации, неоднократно упоминалось на страницах этой книги. Справедливости ради отметим, что все работы были проведены ими на методическом уровне, который в целом соответствовал, а в чем-то и опережал текущее состояние методики археологической науки.

Отчет С. С. Гамченко можно отнести к качественной и профессиональной работе своего времени. Именно с таких позиций его оценивают наши современники:

«Действительно, именно в конце XIX в. начинаются систематические разведки по методике, близкой к современной — с подробным описанием местности в поисках массового подъемного материала с последующей топографической привязкой. Одним из первых к таким работам в Северо-Западном Причерноморье приобщился С. С. Гамченко. Будучи по профессии военным топографом, он уделял особое внимание профессиональной фиксации обнаруженных достопримечательностей, описанию их, геоморфологической позиции и составлению их топографических планов. Привязки С. С. Гамченко были много точнее более поздних приемов топографической локализации пунктов археологических находок вплоть до конца XX ст., поскольку он использовал точные направления в градусах (азимуты) от хорошо определенных ориентиров (Гамченко 1909)» (Киосак 2011: 172).

В этом отчете находим план центрального укрепления с указанием мест его раскопок (см. рис. 49). В тексте имеется достаточно развернутое описание находок, он сопровождается несколькими папками с таблицами материалов (фотографии) (см. гл. 4).

«Корочки» А. А. Спицына под названием «Немиров. Ямы» (см. рис. 22–25; 50–53) составляют более 100 листов с описанием ям, жилых сооружений, коридоров, очагов и пр. Даны размеры, конструктивные элементы («яма с козырьком»), заполнение, а кое-где и содержимое комплексов (см. рис. 23; 24; 55). Исследователь составил и сводный план своих раскопок (см. рис. 52; 53). Однако характеристику материалов в своей известной статье 1911 г. он дал без единого рисунка самих предметов.

Можно также считать, что методика полевых работ сотрудников Юго-Подольской

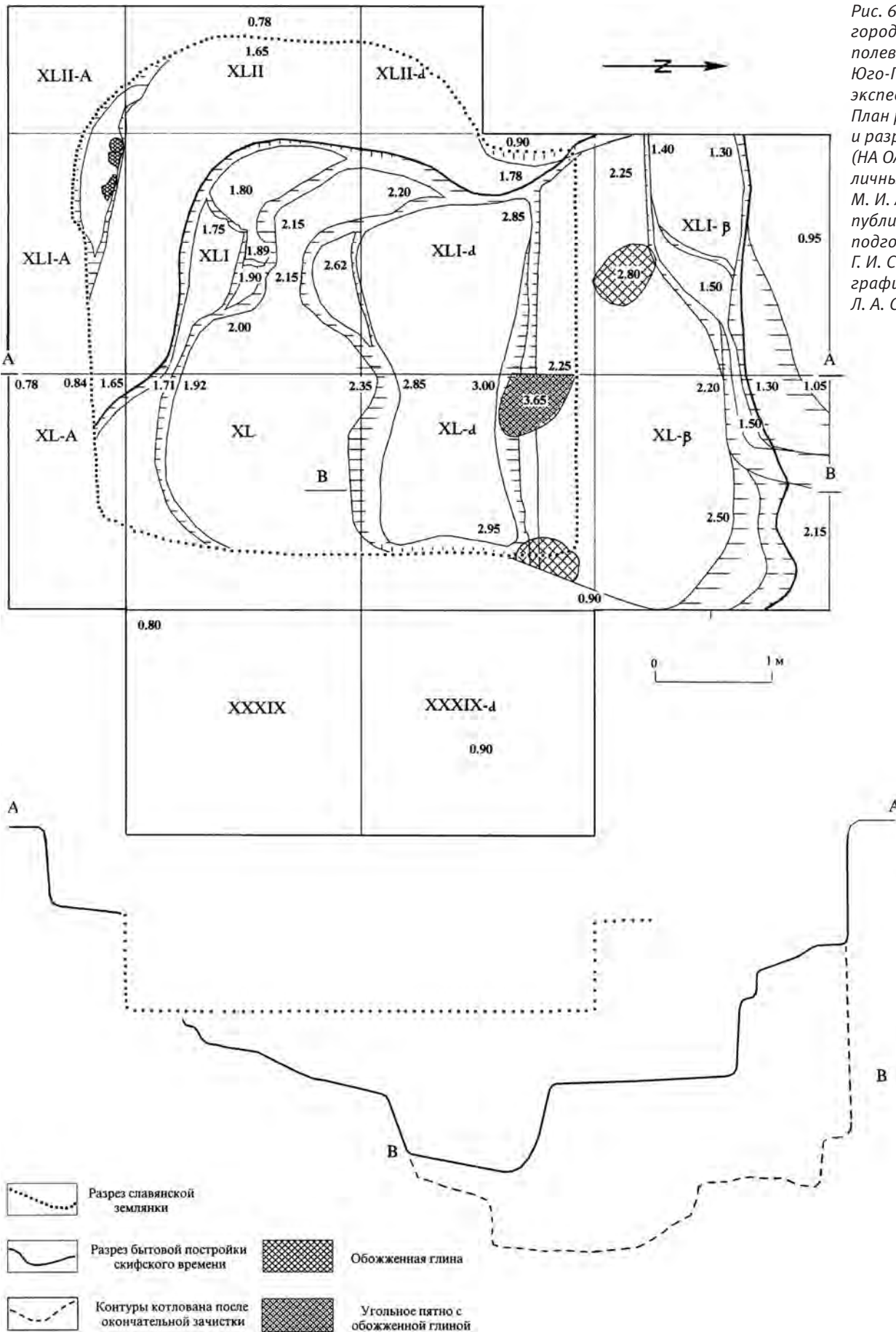


Рис. 63. Немировское городище, полевая документация Юго-Подольской экспедиции. План раскопа 3-IV и разрез по линии А-Б (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые; подготовлено Г. И. Смирновой, графика Л. А. Соколовой)



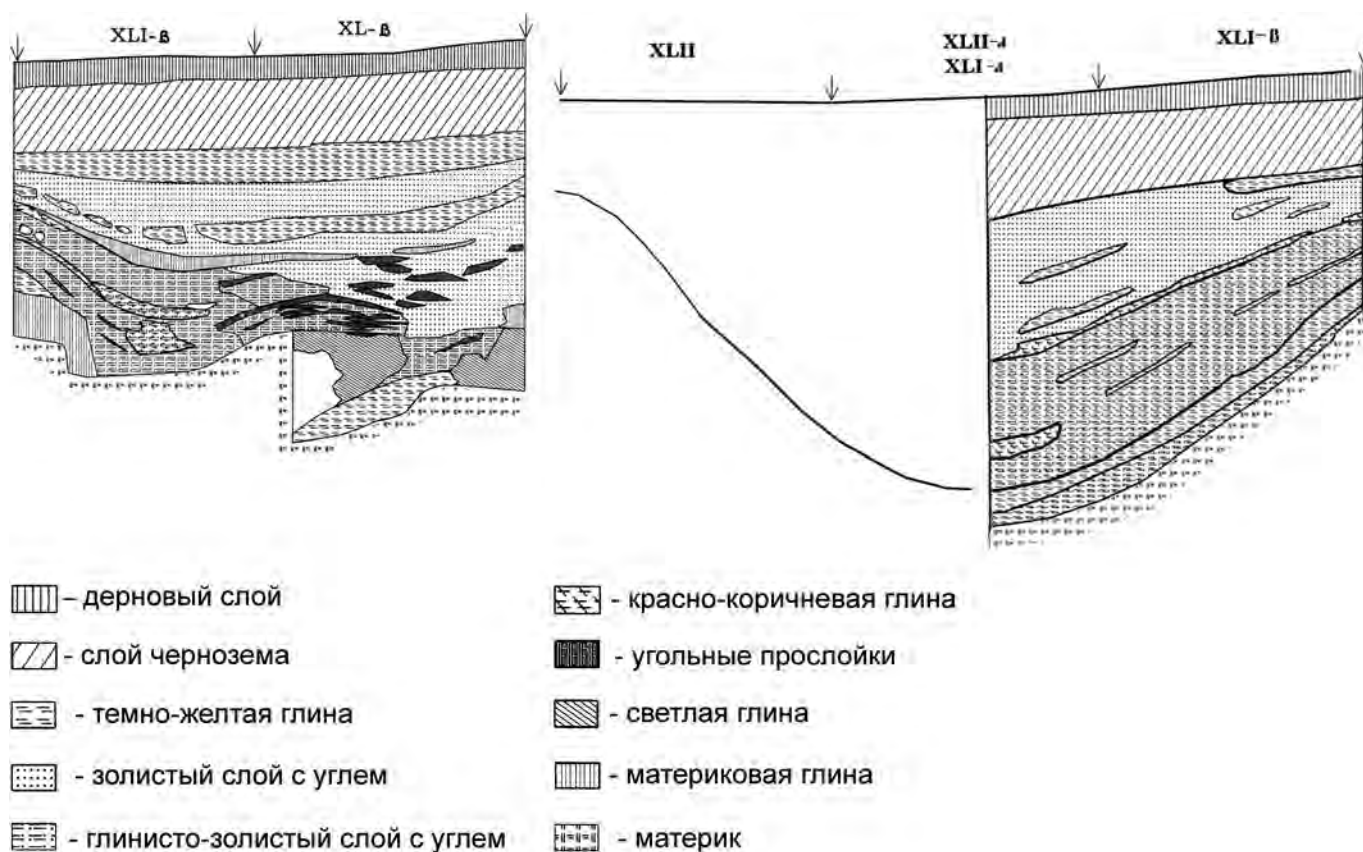


Рис. 64. Немировское городище, полевая документация Юго-Подольской экспедиции. 1 — разрез северной стены раскопа по линии квадратов XLI $\beta$ –XL $\beta$ ; 2 — разрез западной стены раскопа по линии квадратов XLII $\alpha$ –XLI $\alpha$  (НА ОАВЕС ГЭ, личный фонд М. И. Артамонова; публикуется впервые; подготовлено Г. И. Смирновой, графика Л. А. Соколовой)

экспедиции 1946–1948 гг. в целом соответствовала методическим требованиям того времени. В полевых дневниках мы находим подробное описание находок из квадратов и по слоям (штыкам), зарисовки изделий, планы сооружений, эскизы деталей и пр., имеются и полевые описи находок. Чертежники делали планы сооружений и раскопов (см. рис. 61–64). Единственное, что по неизвестным и неясным причинам имеющиеся данные из полевых дневников не были сведены воедино и не были соотнесены с полученными материалами и чертежами. Не исключено, что одной из основных причин могла быть сложная стратиграфия памятника, когда в одних сооружениях (полузакрытых комплексах) встречались материалы нескольких разных исторических эпох.

Принимая во внимание все эти обстоятельства (см. Кашуба, Вахтина 2015: 37–41), культурно-исторический подход был принят как основной при работе с коллекцией. В этом случае археологические материалы Немировского городища энеолита и раннего железного века рассматриваются как культурно-историческое явление. Соответственно,

к ним применимы традиционные методы археологической науки. Фактическое отсутствие данных по стратиграфии памятника и сильное разрушение самого раннего энеолитического слоя повлияли на классификацию керамики. Соответственно, для трипольской и местной раннескифской посуды предложены общие схемы их классификаций, без дробного деления на подтипы и варианты. Это было продиктовано и материалом, вернее, его состоянием: во избежание субъективности было принято решение не углубляться в так называемое техническое сопровождение. Тем не менее, подготовлены каталоги индивидуальных находок трипольской культуры (см. Приложения 2–5), каталог греческой архаической керамики (см. Приложение 6) и проведен ряд анализов (см. Приложения 1, 7 и 8). В настоящую книгу не включен каталог лепной керамики и индивидуальных находок раннего железного века, насчитывающих несколько тысяч единиц хранения.

Культурно-исторический подход к материалам, зачастую лишенным археологических контекстов, видится одним из основных в «архивно-фондовой» археологии.

## ГЛАВА 3. Материальный комплекс Немировского городища в энеолите (трипольская культура)

### 3.1. История исследования, планиграфия

Материалы трипольской культуры, известные на городище Немиров, обнаружены при раскопках С. С. Гамченко, А. А. Спицына и М. И. Артамонова. Согласно данным полевой документации Юго-Подольской экспедиции 1946–1948 гг. можно лишь сделать заключение, что трипольский слой был сильно разрушен более поздними напластованиями. Видимо, это было сравнительно небольшое по площади поселение с глинобитными площадками и жилищами полуземляночного типа, планиграфию которого определить крайне затруднительно (Артамонов 1998: 59–76).

В фондах ГЭ хранятся три трипольских коллекции: из раскопок М. И. Артамонова (№ 245, 276), А. А. Спицына (№ Дн-1933) и С. С. Гамченко (№ 4087).

В описях хранения указано, что коллекции № 245, Дн-1933 происходят из Немирова, а № 276 из Немирова — урочище «Могилки». Основываясь на записях в полевых дневниках М. И. Артамонова и анализе керамического материала, можно сделать вывод, что обе коллекции — с одного трипольского поселения, которое относится к самому началу этапа С1 Триполья, по периодизации Т. С. Пассек (1949).

В тексте своего полевого отчета С. С. Гамченко упоминает в Немировском районе два городища: собственно Немировское и Щербатово (Гамченко 1911: 128–134). Он так описывает местоположение Немировского городища:

**«Почти в центральной части старого м. Немиров есть маленькая, по площади, возвышенность, называемая "Выспой" (остров, вернее — полуостров). Эта Выспа с З.–С.–В. окружена запрудой Городницы. <...> На этой выспе и соседнем перешейке находятся остатки прямоугольного (с закругленными углами) или вернее яйцевидного <...> укрепления...» (Гамченко 1911: 128).**

К сожалению, по такому описанию трудно идентифицировать местоположение городи-

ща, которое Гамченко называет Немировским. Чертеж этого городища, приведенный в его отчете, действительно представляет собой мыс подпрямоугольной формы, вытянутый по направлению север-юг. Но крайне малый масштаб изображений и отсутствие привязки к прилегающим территориям также не позволяют идентифицировать местонахождение этого городища. Судя по тому, что автор описывает мыс, окруженный водой с запада, севера и востока, можно предположить, что это городище располагалось на противоположном берегу р. Городница, к югу от городища, которое в современной научной литературе называется Немировским.

Щербатово городище С. С. Гамченко называет самым большим в Немировском районе. Его описание и чертежи полностью соответствуют чертежам и описанию М. И. Артамонова, который называет его Немировским городищем (см. гл. 1.1).

Примечательно, что название «Щербатово городище» фигурирует только в отчете С. С. Гамченко и в описи, приложенной к акту о передаче коллекции в Государственный Эрмитаж в 1953 г.

Объяснение, почему же часть коллекции из Немирова получила название «Щербатово городище», нашлось в тексте полевого отчета С. С. Гамченко (см. гл. 1.1). Также известно, что свои раскопки в районе Немирова С. С. Гамченко проводил при финансовой поддержке владелицы этой земли — княгини М. Г. Щербатовой, в честь которой центральное укрепление городища могло получить такое название:

**«Изыскания 1909 г. выполнялись за счет императорской Археологической комиссии. В городище около Немирова рекогносцировочные раскопки проводились на средства княгини Щербатовой, которая пожелала, чтобы и планомерные раскопки в этом пункте целый ряд лет, сколько понадобится, исполнялись за ее счет» (Гамченко 1911: 21).**

Разночтения в названиях городища вызвали некоторую путаницу и в научной литературе. Так, С. А. Гусев полагал, что в районе



Немирова было два трипольских поселения — то, что названо в отчетах «Валы» и «урочище Могилки», принадлежащие времени Триполье VII и CI, соответственно (Гусев 1993: 79). В действительности, керамика из обеих коллекций идентична и не дает оснований для их хронологического разделения. К тому же четких критериев для разделения этих двух этапов трипольской культуры практически нет, что вызывает давние дискуссии между исследователями.

Таким образом, трипольские материалы Немирова (коллекция № 245), Немирова — урочище «Могилки» (коллекция № 276) и Щербатова городища (коллекция № 4087) представляют **одно поселение**, коллекция из которого насчитывает более 1500 фрагментов керамики, несколько десятков экземпляров разнообразной антропоморфной и зооморфной пластики и изделий из глины, а также 51 предмет из кремня и других пород камня.

Судя по отрывочным описаниям в полевой документации, на Немировском городище находилось относительно небольшое по площади поселение с глинобитными площадками и жилищами полуподземного типа, планиграфию которого определить практически невозможно (Артамонов 1998: 59–76). Тем не менее, следует отметить, что в отчете С. С. Гамченко указано, что на поселении обнаружены 5–7 рядов глинобитных площадок, принадлежащих «до-эгейской» культуре (Гамченко 1911: 269). На чертеже они расположены в шахматном порядке (Гамченко 1909: табл. 146). К сожалению, больше никаких сведений о планиграфии поселения нет.

Также С. С. Гамченко пишет, что на Щербатовом (Немировском) городище обнаружены два типа сооружений «до-эгейского» времени: наземные и подземные (Гамченко 1911: 306). Наземные — это, очевидно, традиционные трипольские площадки. Подземное сооружение было исследовано только С. С. Гамченко (1911: 272–275, 306–309). Из описания в отчете следует, что оно представляло собой группу глубоких сводчатых камер цилиндрической формы с купольным верхом, выкопанных в лессе и соединенных проходами. С.С. Гамченко описывает эту постройку так:

**«Камеры соединены короткими переходами арочной системы. Причем пятки**

**арок составляют одно целое с цилиндрическими столбами (поддержками), из которых каждый является опорой (куполов) четырех смежных камер» (Там же: 306–307).**

Сейчас уже трудно определить, что за конструкция была открыта С. С. Гамченко, тем более что чертежи не сохранились. Скорее всего, это были трипольские постройки, которые, как известно, имели вытянутую прямоугольную форму с несколькими последовательно расположенными помещениями.

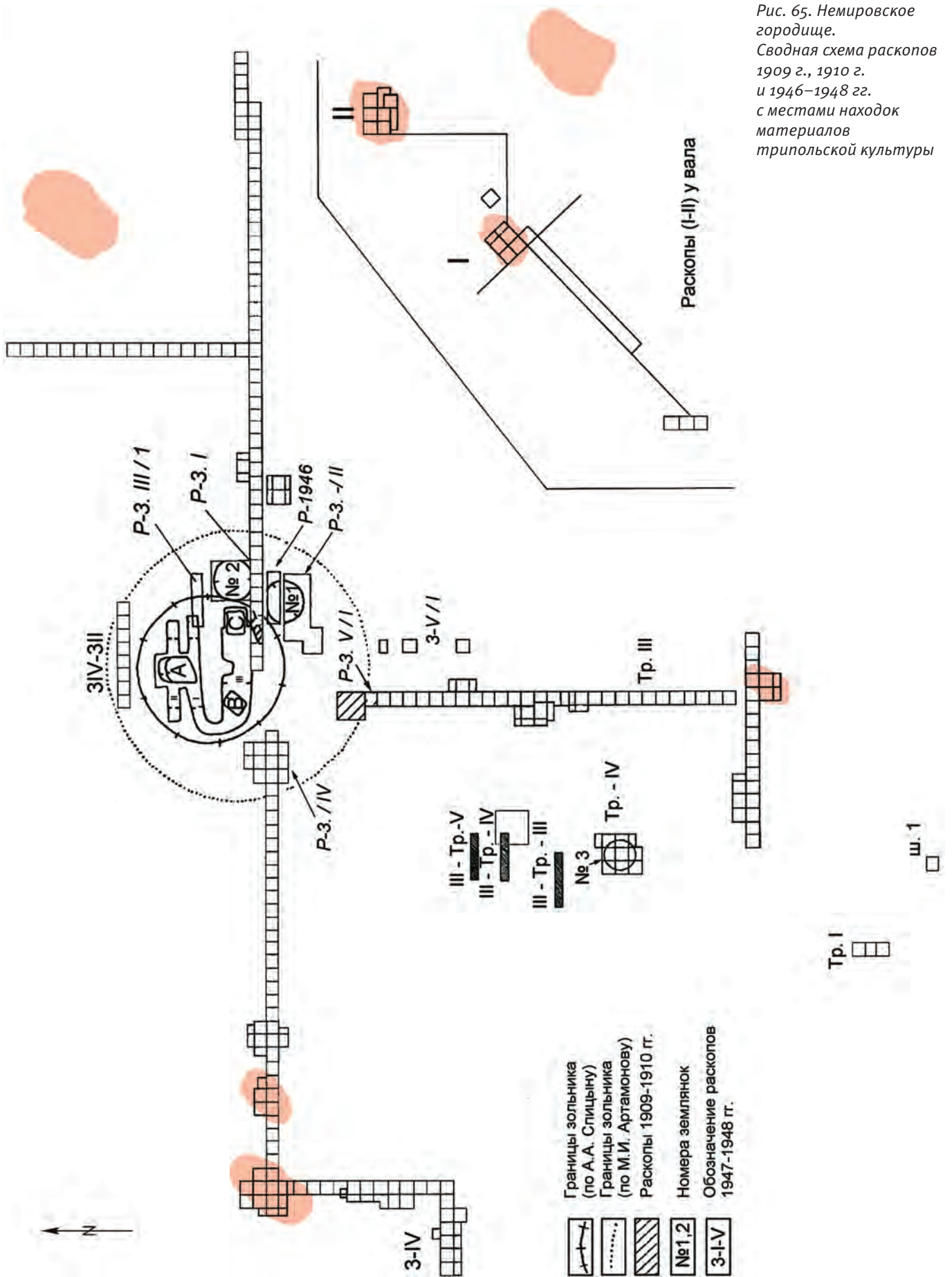
А. А. Спицын в 1910 г. продолжил раскопки на городище, в северной его части. Получить информацию из его «корочек» крайне сложно (см. гл. 1.1). В нескольких местах он упоминает находки «печины» и обмазки, которые, очевидно, были связаны с разрушенным трипольским слоем. А. А. Спицыным не было обнаружено ни одного объекта трипольской культуры. По мнению М. И. Артамонова, он, скорее всего, просто пропустил трипольский слой (Артамонов 1998: 70; см. гл. 2.3).

Исследования Немировского городища были продолжены лишь в 1946–1948 гг. Юго-Подольской экспедицией под руководством М. И. Артамонова. Было заложено несколько раскопов-траншей с привязкой к раскопам А. А. Спицына. По записям в полевых дневниках Юго-Подольской экспедиции была сделана попытка идентифицировать по квадратам места находок остатков разрушенного трипольского слоя (**рис. 65**). К сожалению, это практически вся информация о планиграфии трипольских находок на Немировском городище.

### 3.2. Керамический комплекс

Основное количество трипольских материалов из Немирова происходит из раскопок М. И. Артамонова и С. С. Гамченко. Материалы из раскопок А. А. Спицына немногочисленны и составляют несколько фрагментов керамики и фрагмент антропоморфной статуэтки, а также изделия из кремня и камня (см. Приложение 5).

Тем не менее, даже данная небольшая коллекция дает представление о керамическом комплексе трипольского поселения Немиров в целом. Керамику можно традиционно разделить на «кухонную» и «столовую» (Гусев 1995а: 106–124; 1995б: 73–80). Естественно, что это деление условное,





по технологическим признакам: состав теста, особенности формовки, обжиг, обработка поверхности и декор. Главным образом эти две группы керамики отличаются по способу декорирования. К столовой керамике относятся сосуды, расписанные краской, а к кухонной — без декора или с прочерченным и штампованным орнаментом.

**Столовая керамика** вылеплена из плотной, хорошо отмученной глины без видимых примесей, с примесью темно-красного шамота, иногда мелкого песка и отдельными включениями известняка. Обжиг окислительный при температуре 900–950 °С. Поскольку известняк в тесте всех столовых сосудов присутствует в малых количествах и приблизительно в одинаковой пропорции, то, вероятнее всего, он являлся естественной примесью. Естественной примесью, очевидно, является и мелкий окатанный песок, который встречается в составе глины отдельных столовых сосудов. Вполне возможно, что жители поселения брали глину из нескольких разных источников. В качестве искусственной примеси, в подавляющем большинстве случаев, использовался шамот, состоящий из дробленой керамики.

Вся трипольская керамика из Немирова вылеплена традиционным ленточным способом (Жураковський 1994; Рижов 2001: 7–8; Палагута 2006). Ширина лент не превышала 2–3 см, края лент обычно скошены для увеличения площади стыковки. Верхний край ленты, как правило, скошен с внутренней стороны, а нижний — с наружной, так как подлепка лент производилась изнутри (за исключением дополнительной ленты на стыке дна и стенки у сосудов крупных размеров). Количество лент колеблется от 2 до 7–8, в зависимости от величины и формы сосуда. Небольшие миски выдавливались из одного куска глины или формовались из двух частей: из одной лепешки глины лепилось дно и нижняя часть стенки, а сверху накладывалась лента — верхняя часть стенки с венчиком. Дополнительными лентами укреплялись наиболее слабые места у больших сосудов, например, место стыковки дна и стенки.

Сосуды моделировались на плоской подставке, на которую иногда подсыпался песок для облегчения их снятия после окончания лепки. При формовке дна его толщина могла наращиваться путем наклепа отдельных глиняных лепешек на внутреннюю поверхность

основы. Иногда донца небольшого диаметра формовались из двух глиняных пластин, наложенных внахлест, с последующим вытягиванием из них нижней части стенки или закраины, на которую накладывалась нижняя лента тулова.

При изготовлении крупных сосудов, скорее всего, использовалась сборка их из частей — сначала лепилась миска, к которой присоединялась верхняя часть с венчиком, образованная 3–4 лентами. Описание техники конструирования крупных биконических сосудов из двух основных частей впервые было сделано Э. Р. Штерном по материалам поселения Петрены (Штерн 1907: 20–23).

Большая часть столовой посуды расписана. В Немирове сосуды расписаны монохромно в стиле ε, по классификации Г. Шмидта (Schmidt 1932; эта же система классификации использовалась и Н. М. Виноградовой, см. Виноградова 1983). Орнамент покрывает около двух третей поверхности. Без декора оставлена лишь придонная часть. Темно-коричневая краска наносилась в большинстве случаев на коричневую, светло-коричневую и оранжевую подгрунтовку или на тщательно заглаженную естественную поверхность. Сохранность росписи на керамике из Немирова довольно плохая.

Состав ангобов, красочного слоя и глиняной массы был проанализирован в Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ (Приложение 1). Исследование нескольких образцов керамики дало интересные результаты, отличающиеся друг от друга. Так, в составе краски двух образцов, помимо минеральных красителей, основу которых составляла железомарганцевая руда, обнаружен фосфор и кальций в одних и тех же включениях. Наличие этих элементов одновременно свидетельствует о том, что в состав красителя дополнительно была добавлена толченая жженая кость. Анализы состава глиняной массы внутри черепка и на поверхности показали на одном образце (№ 245-1/268) наличие дополнительного фрагментарного прерывающегося слоя с высоким содержанием кальция, что можно рассматривать как неудачную попытку создания ангоба.

Несмотря на выборку и фрагментарность сосудов, мы можем выделить стандартные для трипольской столовой керамики формы: амфоры и биконические сосуды, кубки, усе-

ченно-конические миски, грушевидные сосуды с крышками, кратеры и зооморфные сосуды. По технологическому признаку к так называемой столовой посуде следует отнести и биноклевидные изделия, но из-за неясности их назначения они не включены в состав традиционного функционального набора.

Иногда разделяют биконические и сфероконические формы сосудов (см. Овчинников 2014: 80–81). Биконические сосуды имеют выраженное ребро на тулове, а у сфероконических профиль более плавный. Сосуды с ребром формовались из двух частей, что являлось более быстрой, упрощенной техникой изготовления, которая появилась на больших поселениях при необходимости лепки сразу больших серий. Это различие исключительно технологическое и не имеет отношения к характеристике непосредственно функционального набора посуды в конкретном керамическом комплексе.

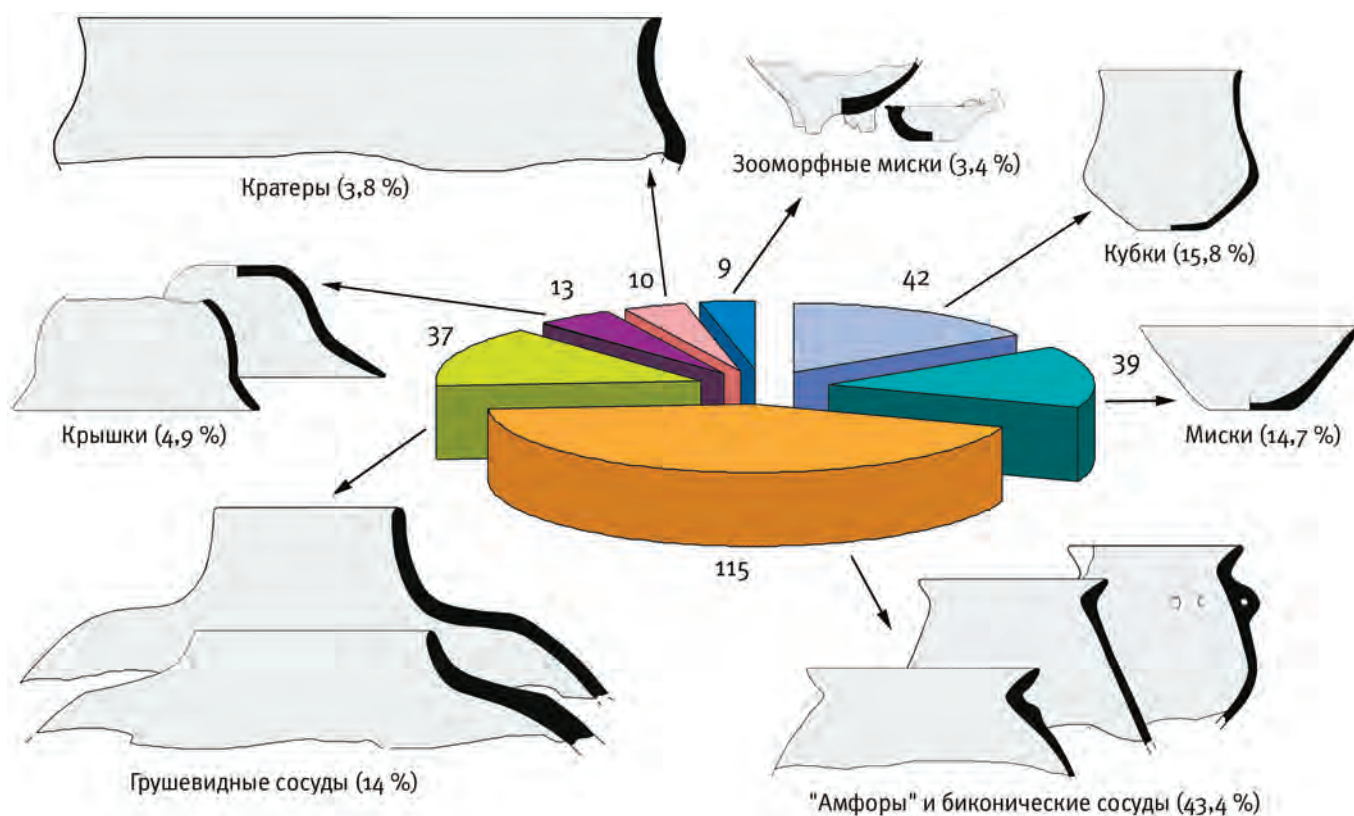
Подсчеты процентного соотношения форм расписной керамики показали, что со значительным перевесом преобладают «амфоры» и биконические сосуды (рис. 66). Они составляют 43,4 % от всего количества столовой посуды. Далее следуют кубки (15,8 %), усеченно конические миски (14,7 %), груше-

видные сосуды (14 %), крышки (4,9 %), кратеры (3,8 %), зооморфные миски (3,4 %).

При оценке статистической картины необходимо учитывать, что материалы происходят из разрушенного и перемешанного слоя. К тому же, скорее всего, керамика была подвергнута субъективной выборке и взята не вся, а лишь та, которая представляла научный и музейный интерес. Тем не менее, статистические подсчеты расписной керамики данного комплекса достаточно показательны. Так, в Немирове преобладают «амфоры» и биконические сосуды, кубки и миски. Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать и в больших археологических коллекциях, где керамический материал с раскопок был выбран практически весь. Например, на поселении Бодаки преобладают те же самые три формы расписной посуды (Старкова 1998). Такая же картина получилась при проведении статистического анализа столовой керамики на поселении Попудня, синхронному по времени Немирову.

Статистические подсчеты проводились по венчикам и археологически целым формам. При работе с фрагментированным материалом могут быть некоторые ошибки в определении той или иной формы. Например,

Рис. 66. Немировское городище. Процентное соотношение форм расписной (столовой) керамики трипольской культуры





«амфоры» по форме полностью повторяют биконические сосуды и отличаются от них лишь наличием ручек, а поскольку по фрагментам венчиков эти две формы разделить невозможно, то их количество подсчитывалось вместе и, скорее всего, они относились к одной функциональной категории.

«Амфоры» и биконические сосуды имеют S-видный профиль (рис. 67–74). У них сильно отогнутый воронкообразный венчик и сферическое тулово.

Всего на поселении Немиров удалось выделить фрагменты от 115 сосудов этой формы (рис. 66). По особенностям формы «амфоры» и биконические сосуды можно разделить на две группы. Первая — сосуды, у которых отогнутый венчик плавно переходит в сферическое тулово (рис. 67, 1, 2; 68, 2, 3, 5; 69, 3; 70, 1, 2, 4; 71). Вторая — сосуды с трапециевидным горлом и округлым реповидным туловом (рис. 67, 4; 70, 3).

Диаметры венчиков колеблются от 8 до 45 см. Наибольшее количество сосудов имеет венчики диаметром 15 см (6 экз.), 16 см (6 экз.) и 14 см (5 экз.). Поскольку измерение проводилось по фрагментам с некоторой очевидной погрешностью, то сосуды с диаметрами венчиков 14–16 см можно объединить. Таким образом, мы имеем серию из 17 сосудов приблизительно одного размера.

Все ручки «амфор» имеют горизонтальное отверстие и расположены сразу под венчиком или на 2–3 см ниже (рис. 67, 2; 68, 1, 4; 70, 2; 71, 2). Ручки небольших размеров просто наклепывались на тулово сосуда. Крупные ручки вытягивались из тела сосуда. Дополнительные штифты для их крепежа в Немирове не использовались, хотя такая технология была достаточно широко распространена в трипольской керамической традиции. Примечательно, что стенка сосуда, из которой вытягивали ручку, становилась тоньше, но дополнительно не утолщалась и часто проламывалась в этом месте. Иногда на «амфорах» встречаются редуцированные ручки в виде небольших выступов без отверстия (рис. 68, 5; 71, 1). К редуцированным ручкам также можно отнести парные сосцевидные налпы, имеющиеся на четырех «амфорах» из Немирова (рис. 73). Вероятно, их было по четыре пары, симметрично расположенных на каждом сосуде, о чем косвенно свидетельствуют аналогичные налпы на «амфорах», например,

с трипольского поселения Попудня, где у сосудов полностью сохранилась верхняя часть.

Орнаментальные композиции главным образом представляют собой фестоны, спускающиеся от венчика, а также метопный рисунок на тулове, образованный так называемым лицевым мотивом или распавшимися спиралями (рис. 67, 2, 3; 68, 4; 69, 3; 70). Фестоны также нанесены на внутренний край венчика. Спиральный орнамент, широко распространенный на протяжении второй половины среднего периода Триполья, имеется только на нескольких экземплярах (рис. 67, 5).

Отдельно следует отметить наличие в орнаментах таких элементов, как «реснички», треугольники и горизонтальные «елочки», «паркет», которые являются характерными признаками начала позднего периода Триполья, этапа С1 (рис. 68, 5; 71, 2, 3; 74, 2). К датирующим элементам относится и схематичный рисунок птицы на одном фрагменте сосуда (рис. 74, 1), поскольку установлено, что орнитоморфные и зооморфные изображения также появляются в трипольских керамических комплексах с начала позднего периода (см. Маркевич 1981: 58).

Кубки — вторая по численности форма из категории расписной керамики. По оценочным подсчетам в коллекции из Немирова их 42 экземпляра (рис. 75; 76). Это относительно небольшие, преимущественно тонкостенные сосуды с диаметром венчика от 8 до 22 см. Большинство кубков имеет размеры венчиков от 8 до 15 см. Выделяются лишь фрагменты двух сосудов с венчиками 20 и 22 см в диаметре. У кубков прямой или слегка отогнутый венчик, высокое горло, округлое или с заостренными боками тулово.

В орнаментальных композициях преобладает «сегмент» на самой широкой части тулова в сочетании горизонтальных, косых вертикальных линий разной ширины. Такой декор на кубках самый распространенный для среднего и начала позднего периодов в большинстве регионов трипольского ареала. На одном фрагменте тулова небрежно выполнен орнамент в виде горизонтальной спирали (рис. 75, 2).

Миски на трипольском поселении Немиров составляют 14,7 % от всей столовой керамики. В коллекции удалось выделить фрагменты от 39 сосудов (см. рис. 66). Все миски

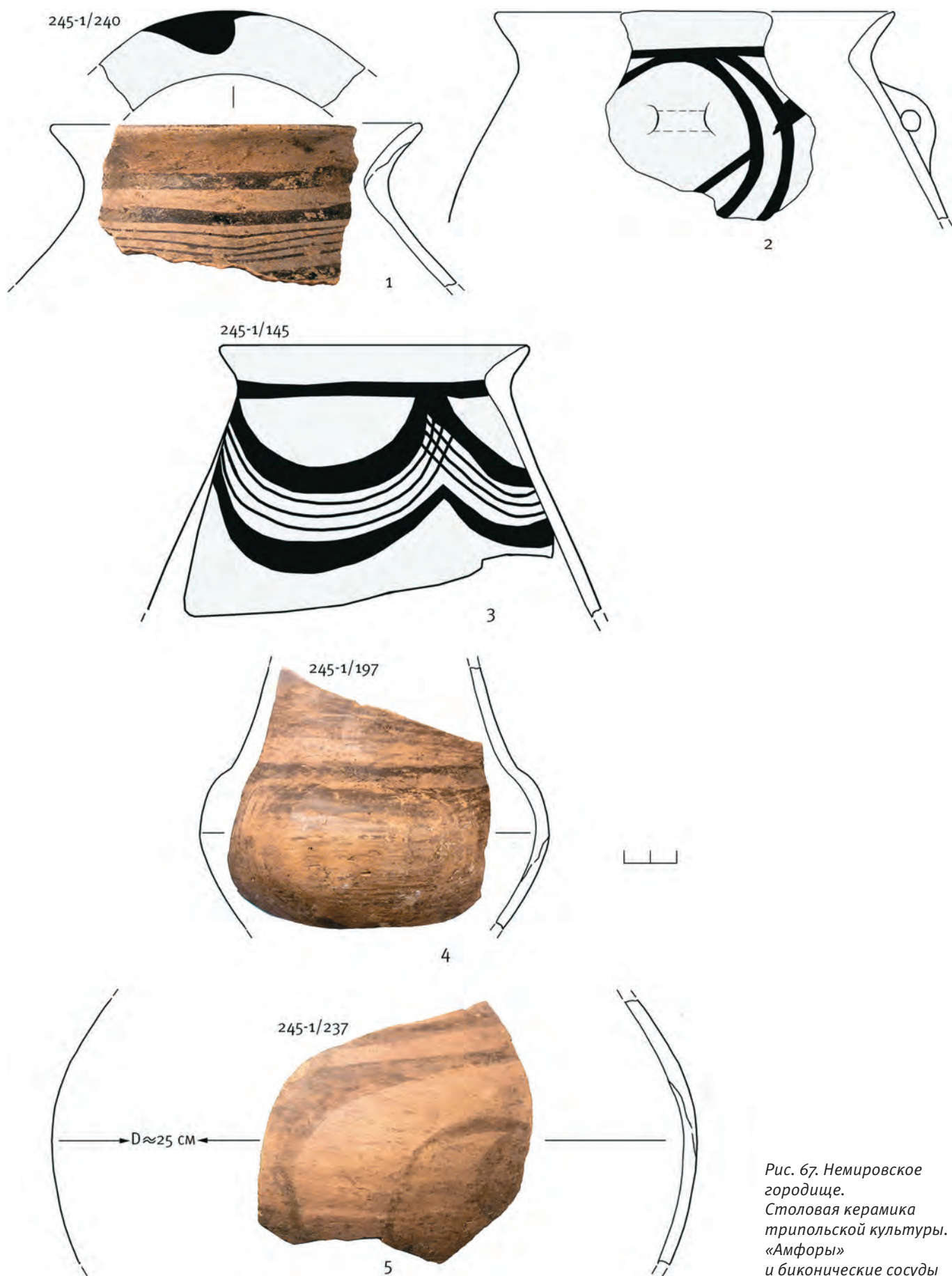
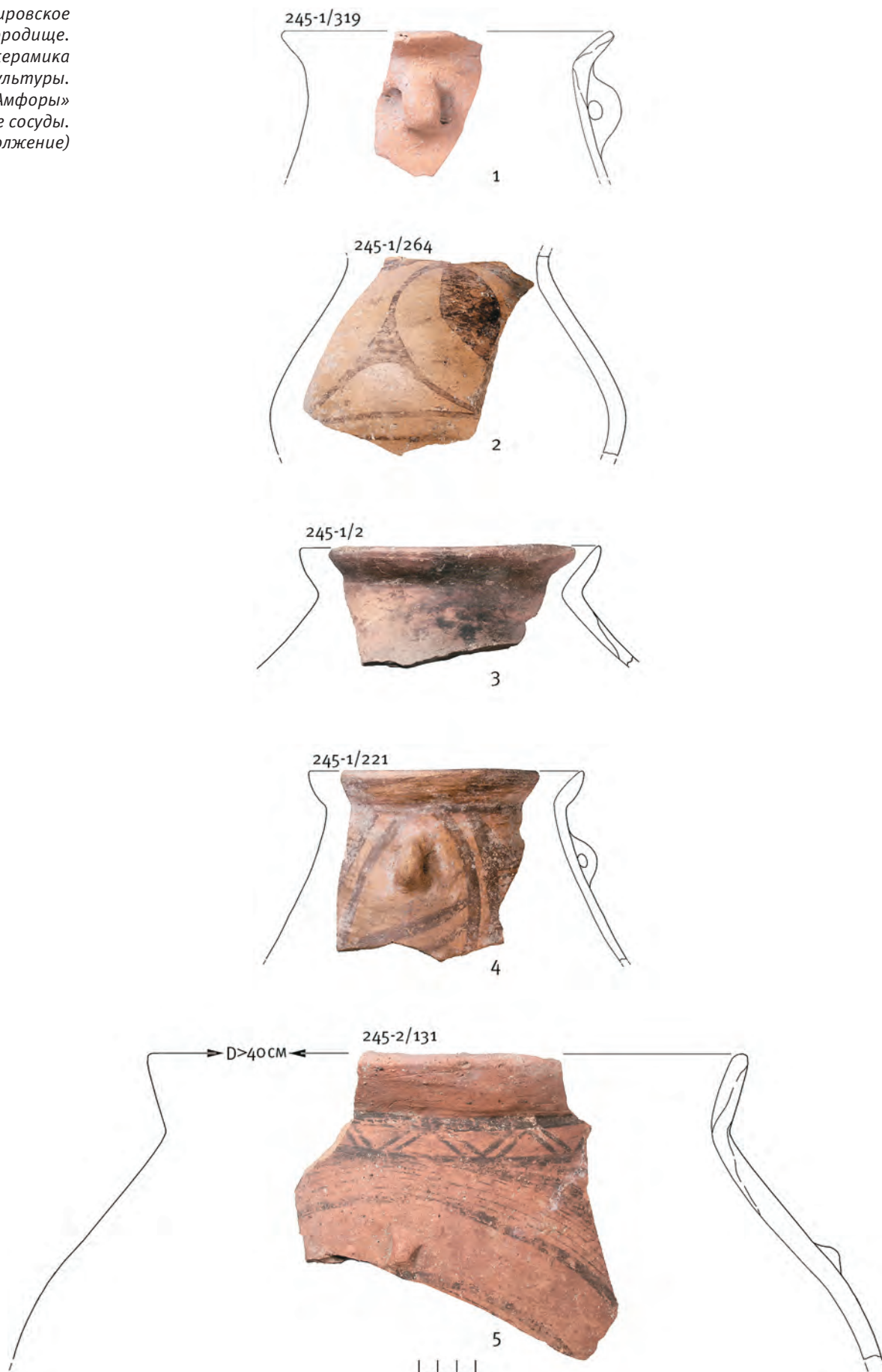


Рис. 67. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды



Рис. 68. Немировское  
городище.  
Столовая керамика  
трипольской культуры.  
«Амфоры»  
и биконические сосуды.  
(Продолжение)



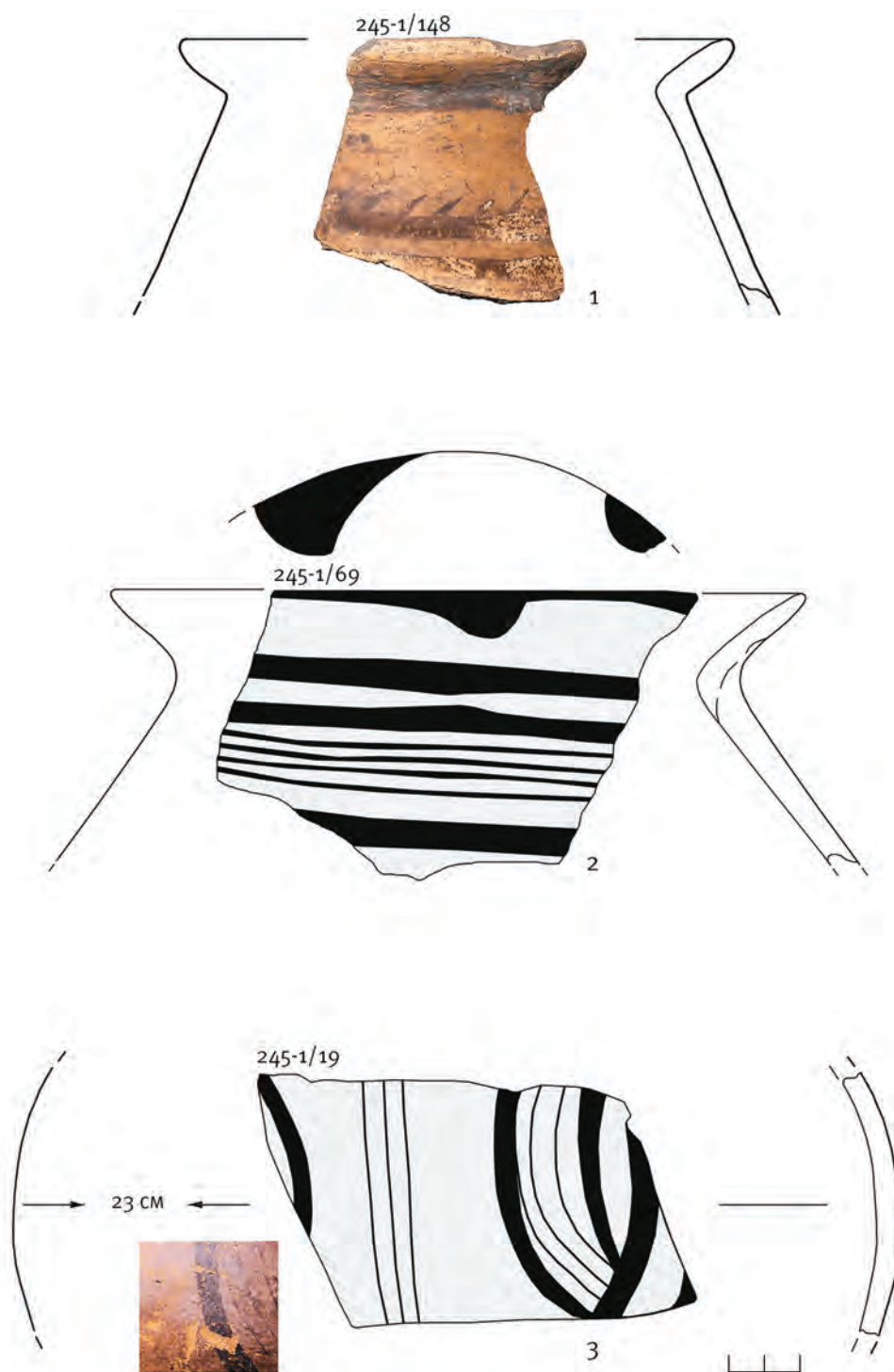


Рис. 69. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды. (Продолжение)



Рис. 70. Немировское  
городище.  
Столовая керамика  
трипольской культуры.  
«Амфоры»  
и биконические сосуды.  
(Продолжение)

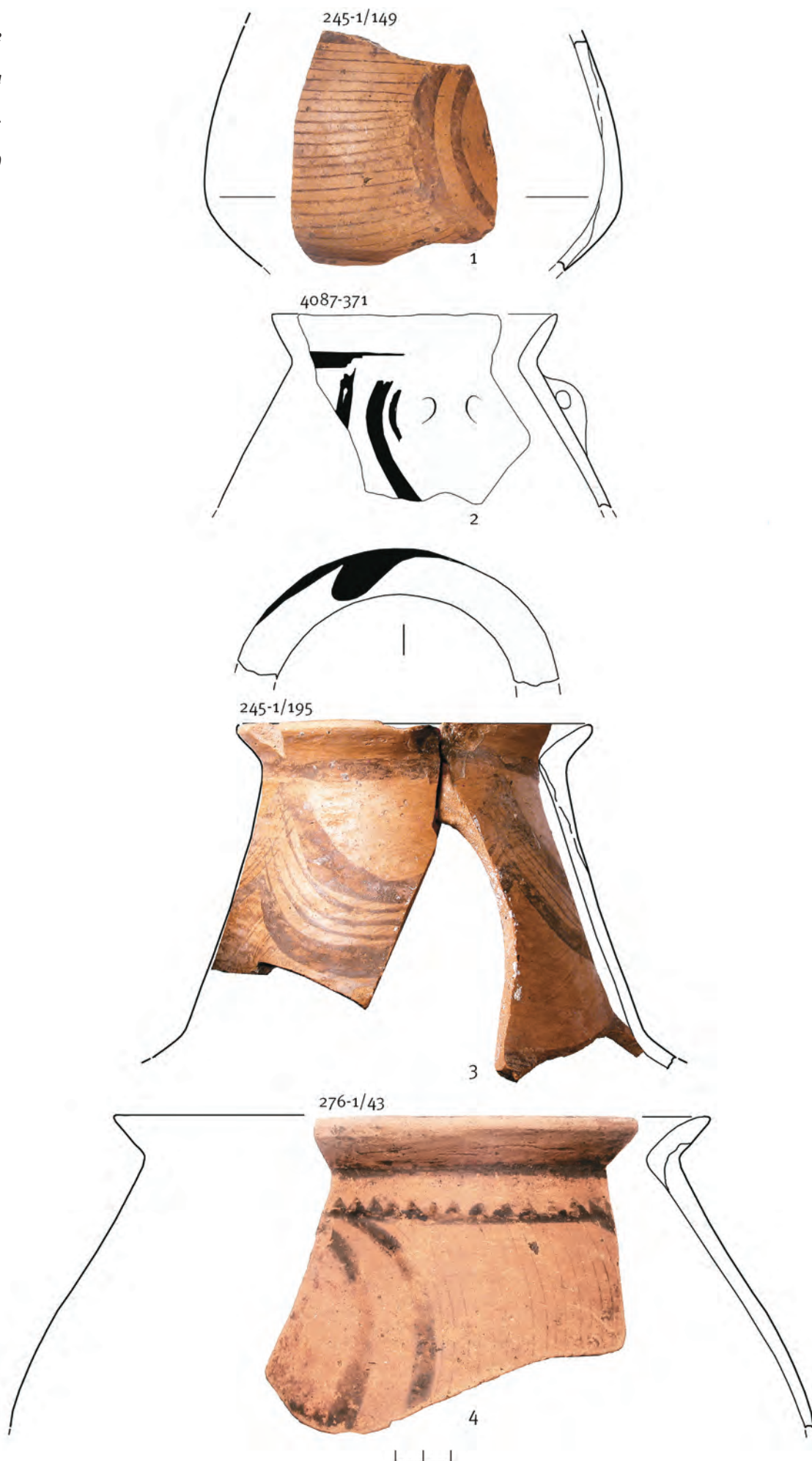
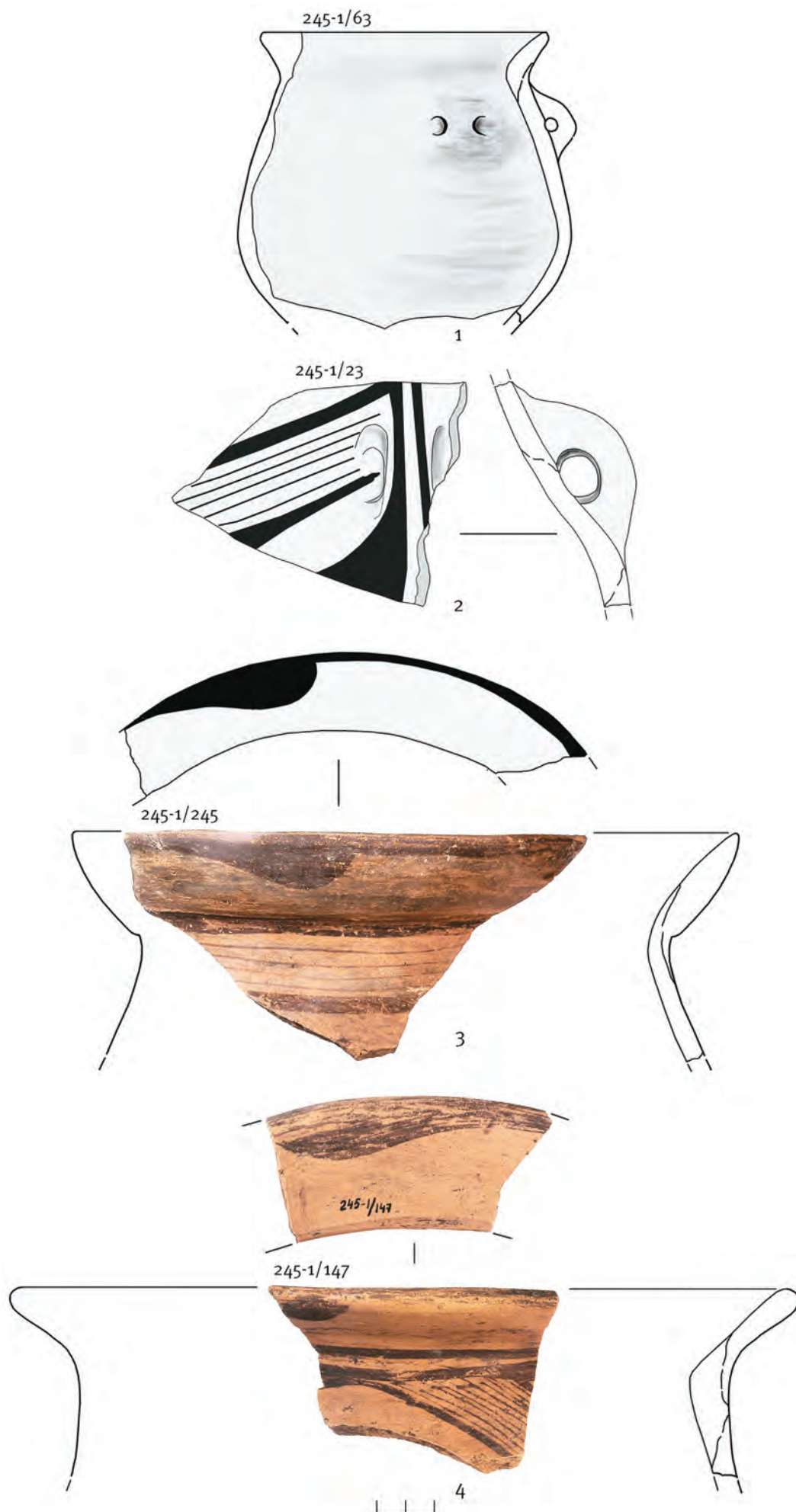




Рис. 71. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды. (Продолжение)



Рис. 72. Немировское  
городище.  
Столовая керамика  
трипольской культуры.  
«Амфоры»  
и биконические сосуды.  
(Продолжение)



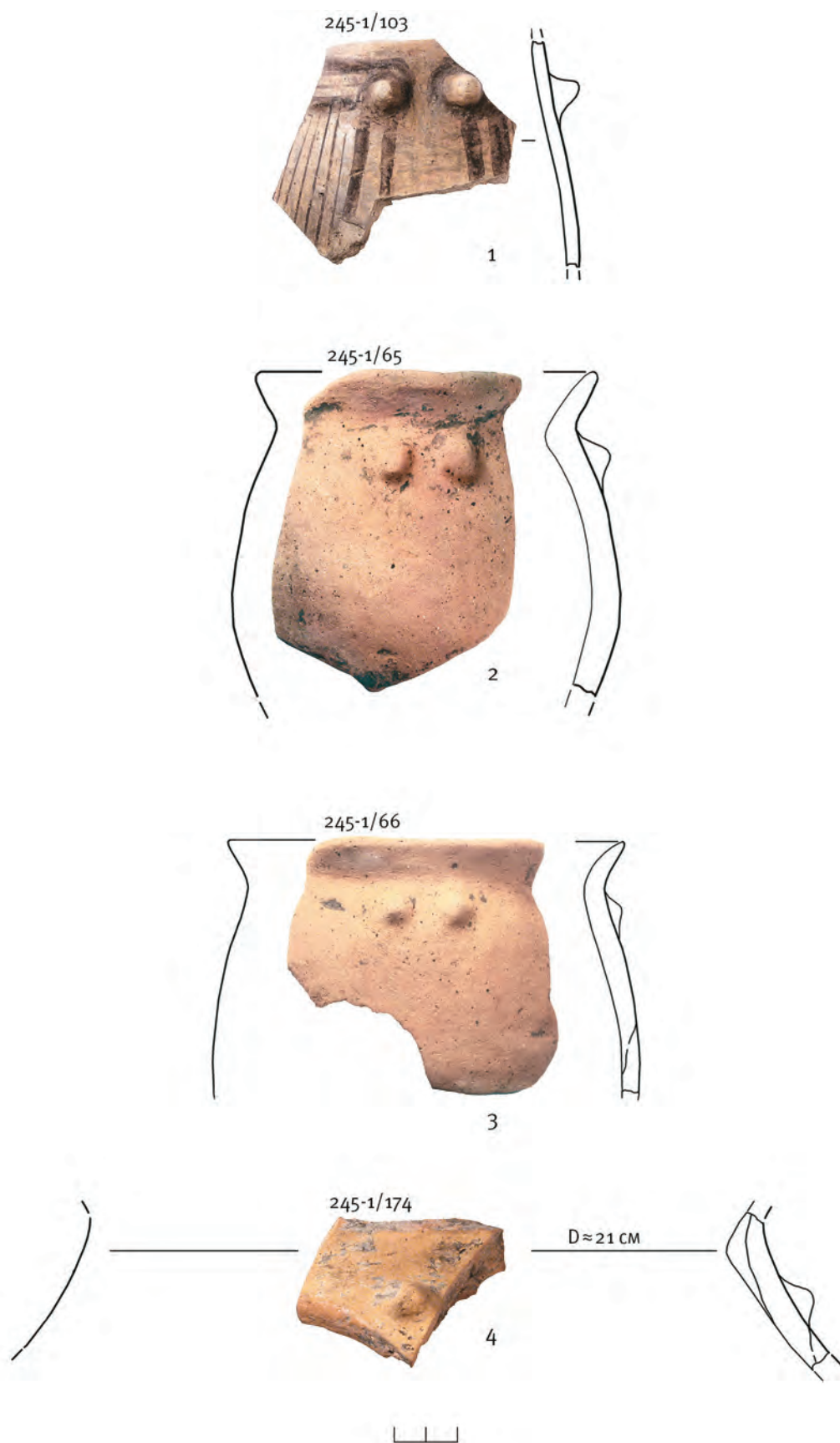
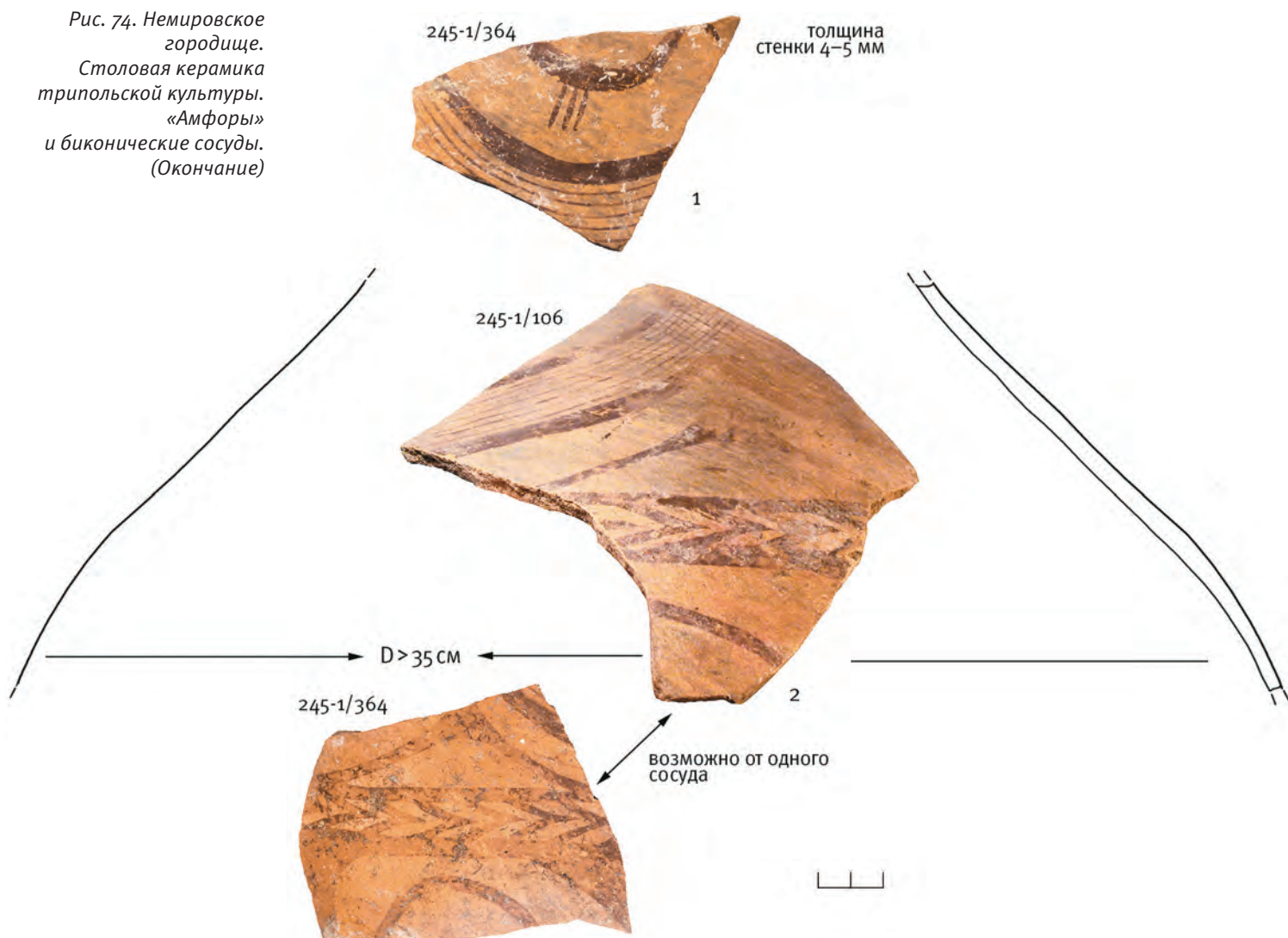


Рис. 73. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды. (Продолжение)



Рис. 74. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. «Амфоры» и биконические сосуды. (Окончание)



усеченно конической формы с прямыми или слегка выпуклыми стенками и плоским дном (рис. 77; 78). Диаметры их венчиков от 8 до 42 см. Причем мисок каждого размера от одного до трех экземпляров, что не позволяет выделить какие-то группы по их величине. Все миски из Немирова расписаны только изнутри по подгрунтовке (или основе) краской более слабой концентрации оранжевого, коричневого и светло-коричневого цвета. Основа, которая еле заметна при плохой сохранности росписи, могла наноситься ровным тонким слоем. В отдельных случаях подгрунтовка, наоборот, выполнена грубыми мазками, которые «забивают» сам орнамент. Орнаментальные композиции исключительно двух вариантов: «кометы» или сочетание концентрических кругов с дугообразными линиями разной ширины. На многих мисках роспись не сохранилась совсем. То, что они были рас-

писаны, можно определить лишь по еле заметным следам темно-коричневой краски на поверхности. Также в коллекции имеется фрагмент одной миски, которая изначально не была расписана, но покрыта снаружи слоем темно-коричневой краски.

Отдельно следует отметить фрагмент венчика миски с бихромной росписью, где основные элементы выполнены темно-коричневой краской, а дополнительные — белой (рис. 78, 1). Это очень редкий случай, поскольку в Побужье на трипольских поселениях среднего и начала позднего периодов белая краска практически не встречается (Гусев 1995а: 135).

Вполне возможно миски могли использоваться и в качестве крышек для «амфор». С. А. Гусев (1995а: 133) отметил, что угол наклона венчиков «амфор» и усечено конических мисок часто совпадает. Косвенным

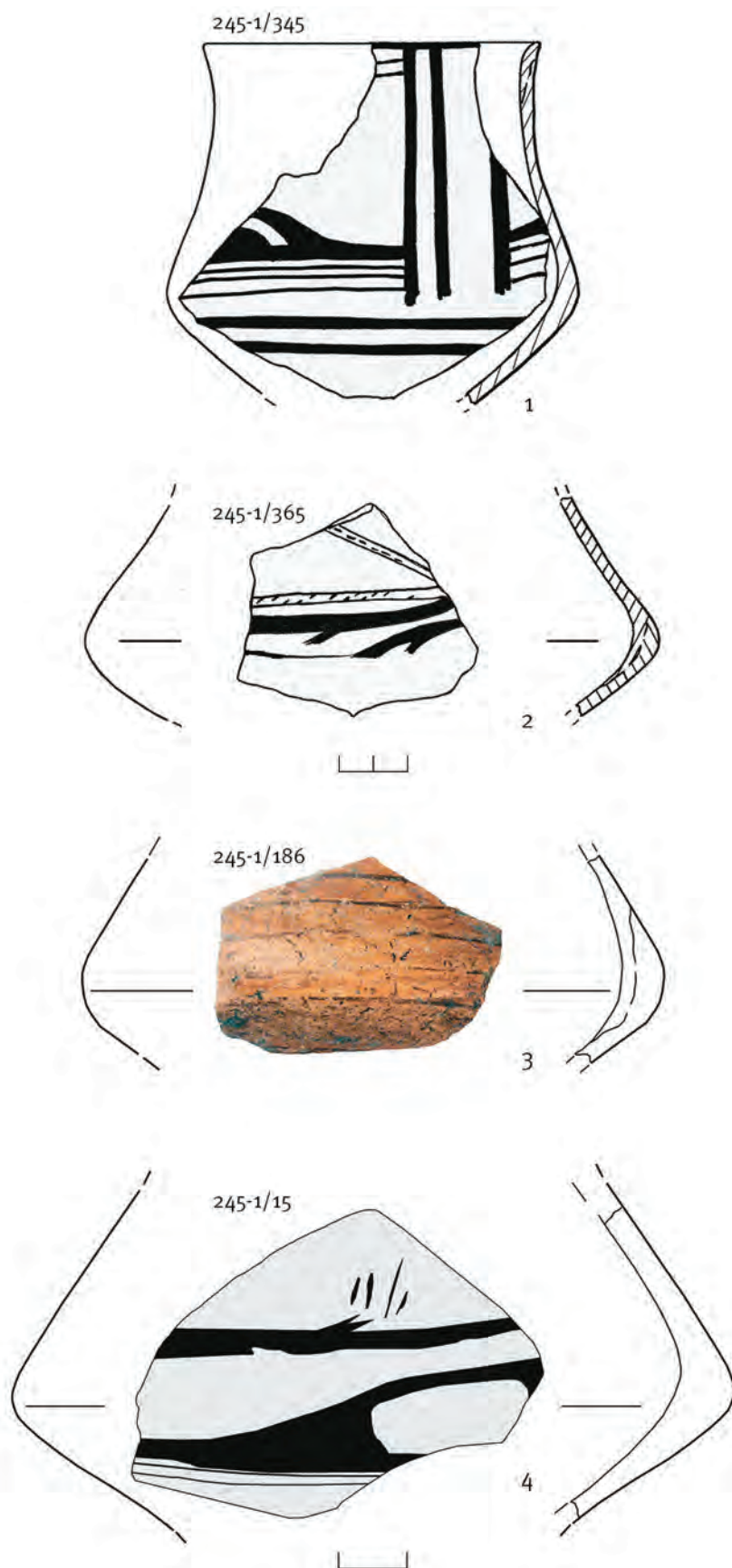


Рис. 75. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. Кубки



Рис. 76. Немировское  
городище.  
Столовая керамика  
трипольской культуры.  
Кубки.  
(Окончание)



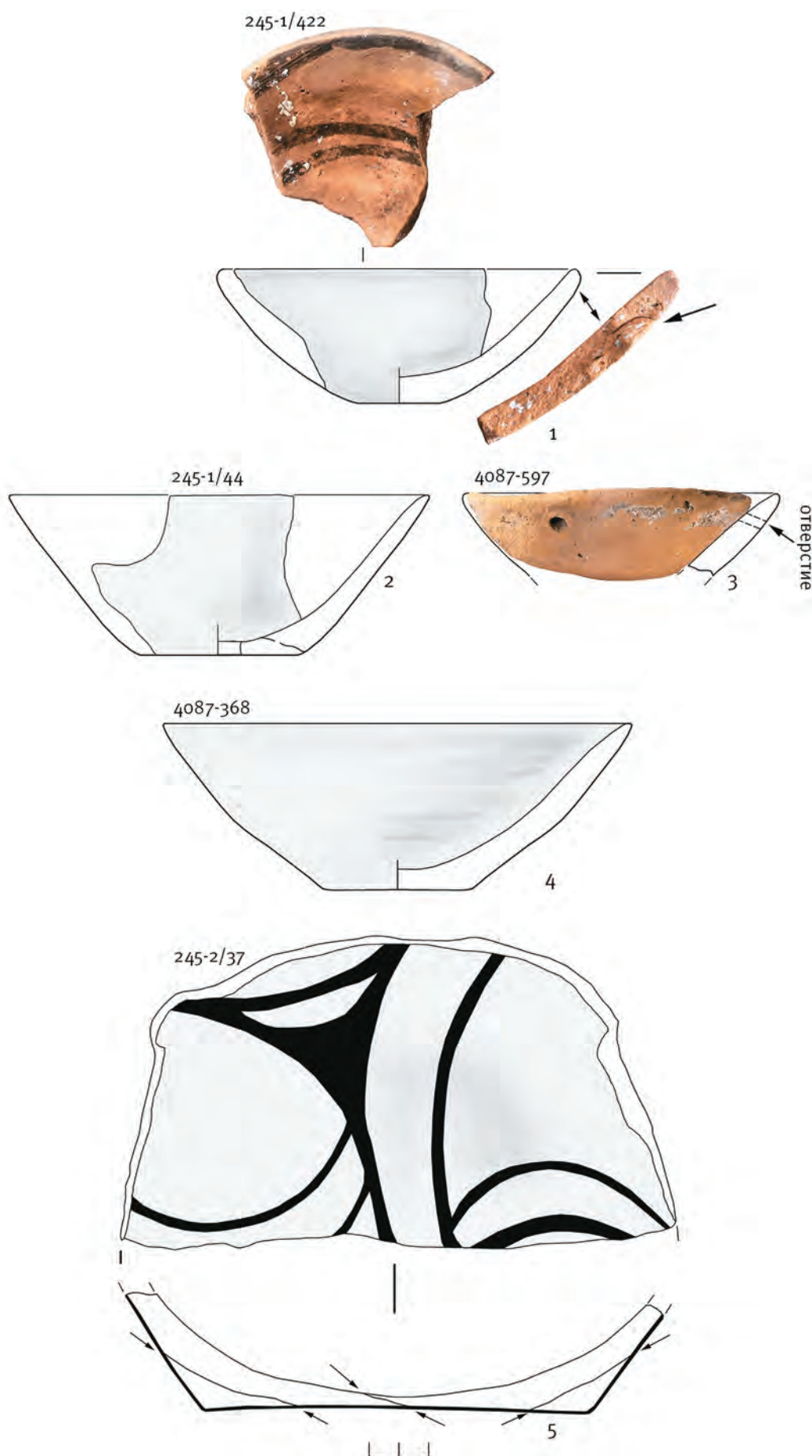


Рис. 77. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. Миски



Рис. 78. Немировское  
городище.  
Столовая керамика  
трипольской культуры.  
Миски.  
(Окончание)

подтверждением этому может служить миска из Немирова с одним округлым отверстием, проделанным в 1 см от края, которое, очевидно, не является ремонтным и использовалось для привязывания миски-крышки к ручке «амфоры» (рис. 77, 3).

Следующая по численности форма столовой керамики в представленной коллекции, составляющая 14 %, — *грушевидные сосуды* (рис. 66). Определены фрагменты от 37 экземпляров. Они имеют относительно узкое цилиндрическое или трапециевидное, сужающееся к краю горло, резко переходящее в раздутое сферическое тулово (рис. 79; 80). Размеры венчиков грушевидных сосудов от 6 до 15 см. Поскольку целых форм нет, то определить их размеры невозможно. Известно, что в трипольских комплексах такие сосуды могли достигать 90 см в высоту. В данной коллекции по приблизительной оценке они были высотой в среднем около 40–50 см.

У грушевидных сосудов имеются массивные ручки с горизонтальным отверстием (рис. 80, 1). Такие ручки были сделаны явно для того, чтобы выдерживать большую нагрузку, поскольку для прочности они не напаялись сверху, а вытягивались из тела сосуда, так же как у крупных «амфор». Иногда вместо ручек в верхней части сферического тулова находились редуцированные ручки без отверстий в виде небольших выступов (рис. 80, 2). Таких выступов могло быть четыре, и они, вероятно, использовались в качестве упоров для шлемовидных крышек.

Роспись в большинстве случаев сохранилась плохо. По следам краски можно лишь определить, что основу орнаментальных композиций составляли сочетания горизонтальных, вертикальных и косых линий разной ширины, а также метопный орнамент или так называемые распавшиеся спирали.

*Крышки* в Немирове — шлемовидной формы с воронковидным краем и плоским верхом. Форма тулова могла быть сферической или конической (рис. 81). Всего в коллекции выделены фрагменты от 13 крышек (см. рис. 66). Как правило, они использовались для грушевидных сосудов. Диаметр их устья составляет от 12 до 26 см. Такие размеры совпадают с диаметрами плечиков грушевидных сосудов, на которых иногда даже имеется специальное углубление под крышку. Не исключено, что некоторые крышки могли использоваться в качестве открытых сосудов (глубоких мисок).

На одной крышке у самого верха есть небольшое ушко с горизонтальным отверстием, за которое она могла крепиться к сосуду.

Из-за плохой сохранности росписи можно лишь определить, что орнаментальные композиции на крышках состояли в основном из сочетания прямых и дугообразных линий разной ширины.

*Кратеры* — самая малочисленная группа столовой посуды. В коллекции Немирова фрагменты от 10 сосудов этой формы (рис. 66). Они представляют собой открытые массивные толстостенные сосуды, выполненные из очень плотной мелкоструктурной глины без видимых примесей (рис. 82). В большинстве случаев внешняя поверхность залощена до блеска (рис. 82, 1).

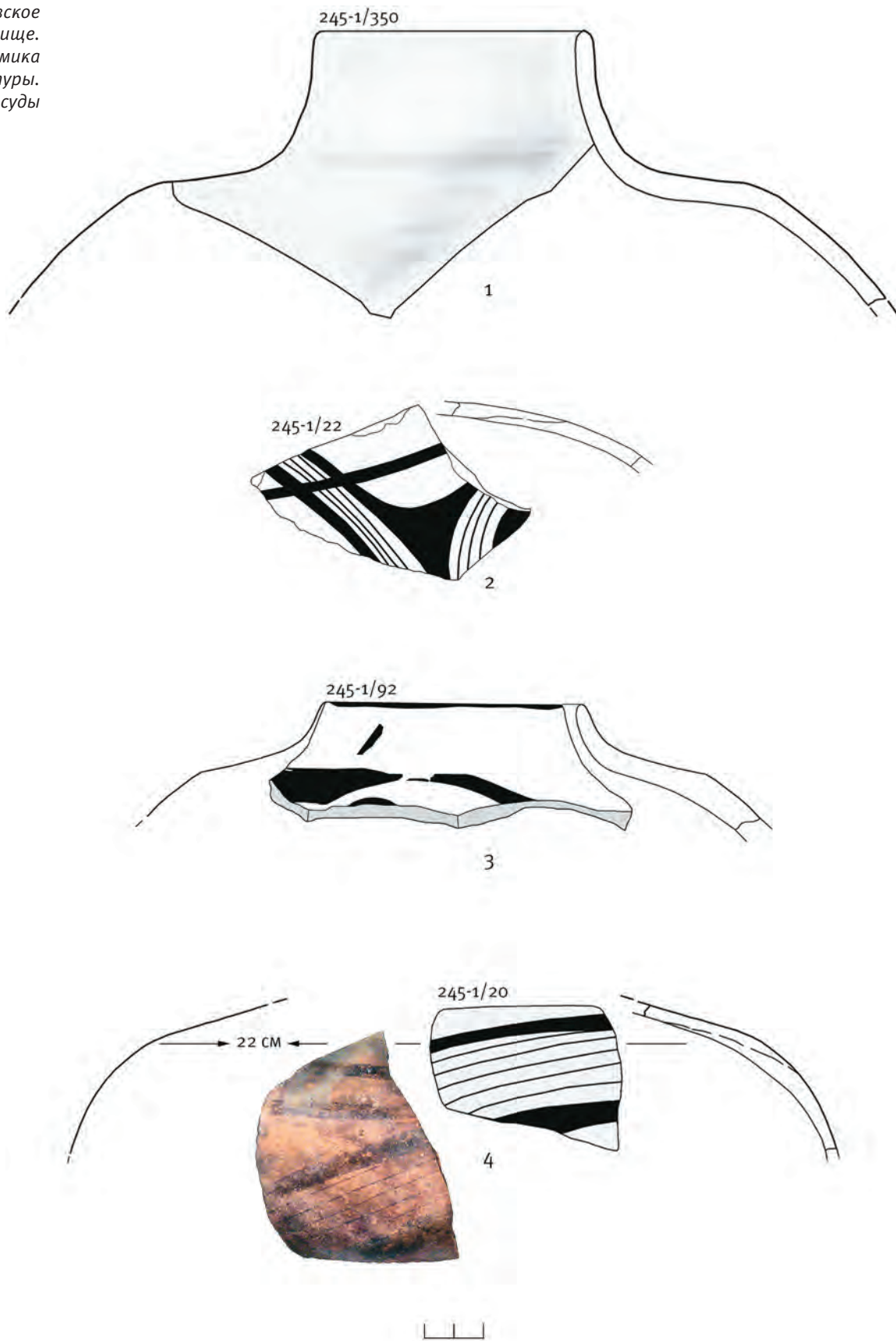
На всех кратерах роспись нанесена темно-коричневой краской на ровный слой ярко-оранжевой подгрунтовки. Орнаментальные композиции в основном метопные, но, несмотря на хорошую сохранность росписи, их детали определить трудно из-за фрагментарности материала.

*Зооморфные сосуды* отнесены к столовой посуде исключительно по технологическому признаку, поскольку практически все они имеют роспись или следы краски и изготовлены из хорошо отмученной глины с незначительной примесью мелкого шамота. Это небольшие в диаметре миски округлой или овальной в плане формы (рис. 83; 84). В коллекции Немирова имеются фрагменты от девяти таких сосудов (см. рис. 66). Зооморфными признаками считаются ножки и напелы на краю венчика в виде головы бовина, глаза которых выполнены в виде сквозных отверстий. На противоположном краю венчика в некоторых случаях имеется небольшой выступ, имитирующий хвост. На самом деле выделение этой группы керамики имеет определенные трудности из-за фрагментарности материала. Так, например, три ножки могут быть отнесены к частям зооморфных сосудов лишь предположительно (рис. 84, 1–3). Не исключено, что они являются фрагментами от моделей жилищ.

Роспись нанесена на внутреннюю поверхность зооморфных мисок. Лишь фрагмент венчика одной миски орнаментирован снаружи (рис. 83, 3). Возможно, что здесь пересекающиеся дугообразные полосы имитируют упряжь (Балабина 2004: 207).



Рис. 79. Немировское  
городище.  
Столовая керамика  
трипольской культуры.  
Грушевидные сосуды



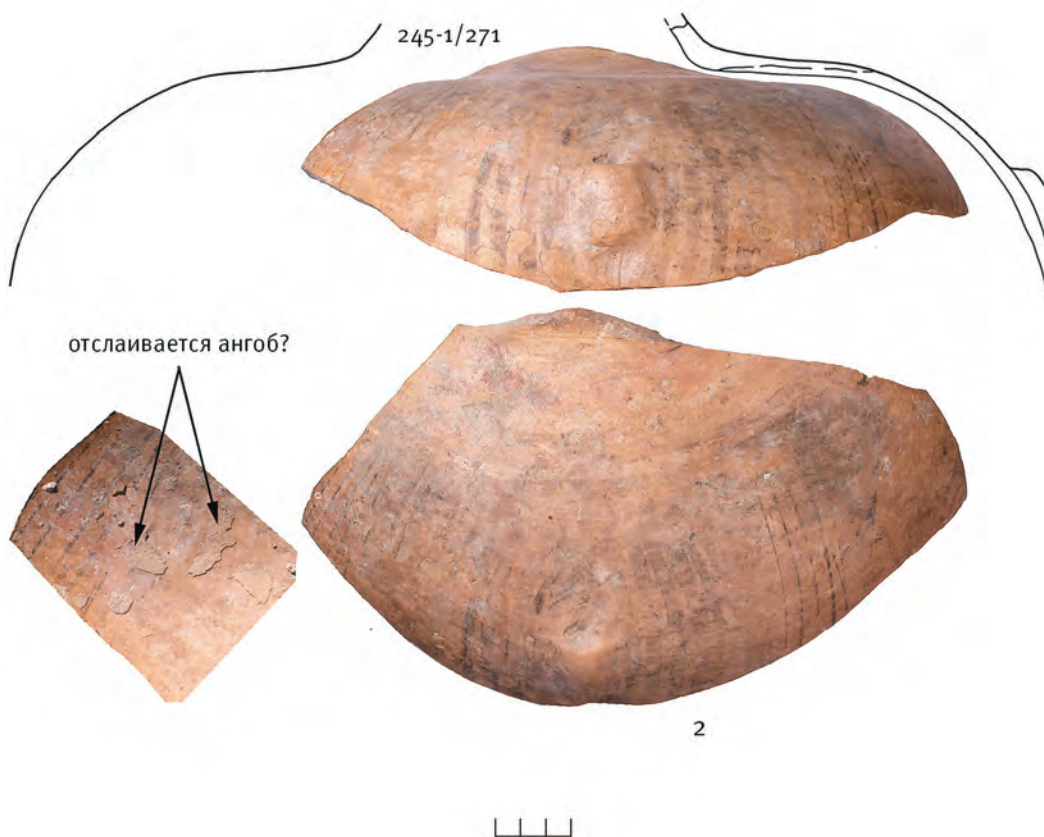
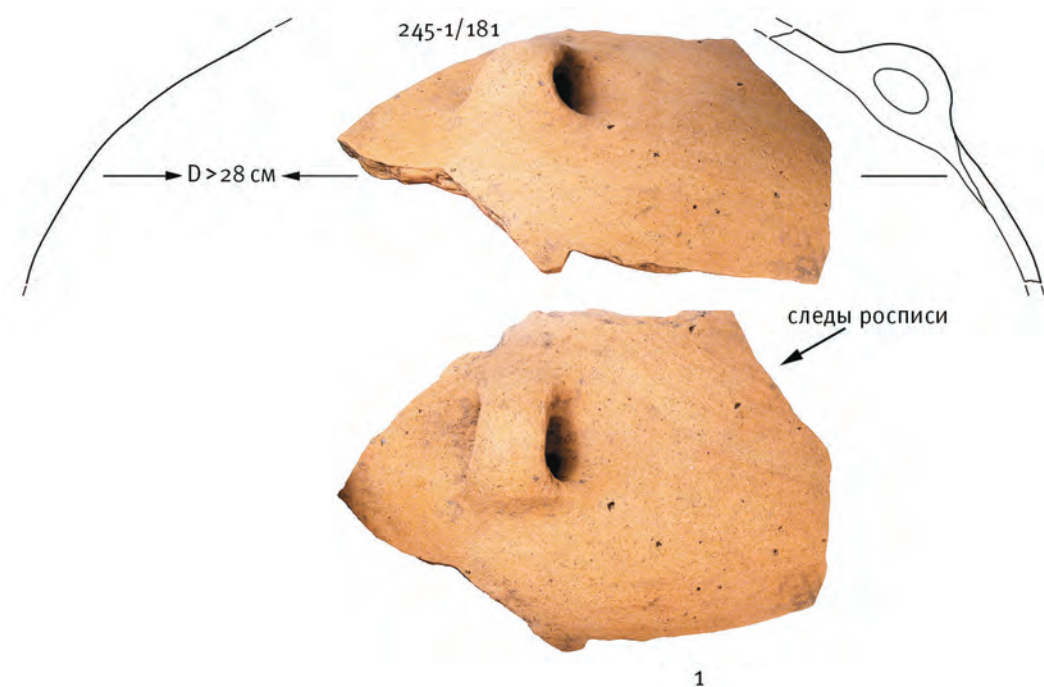


Рис. 80. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. Грушевидные сосуды. (Окончание)



Рис. 81. Немировское  
городище.  
Столовая керамика  
трипольской культуры.  
Крышки



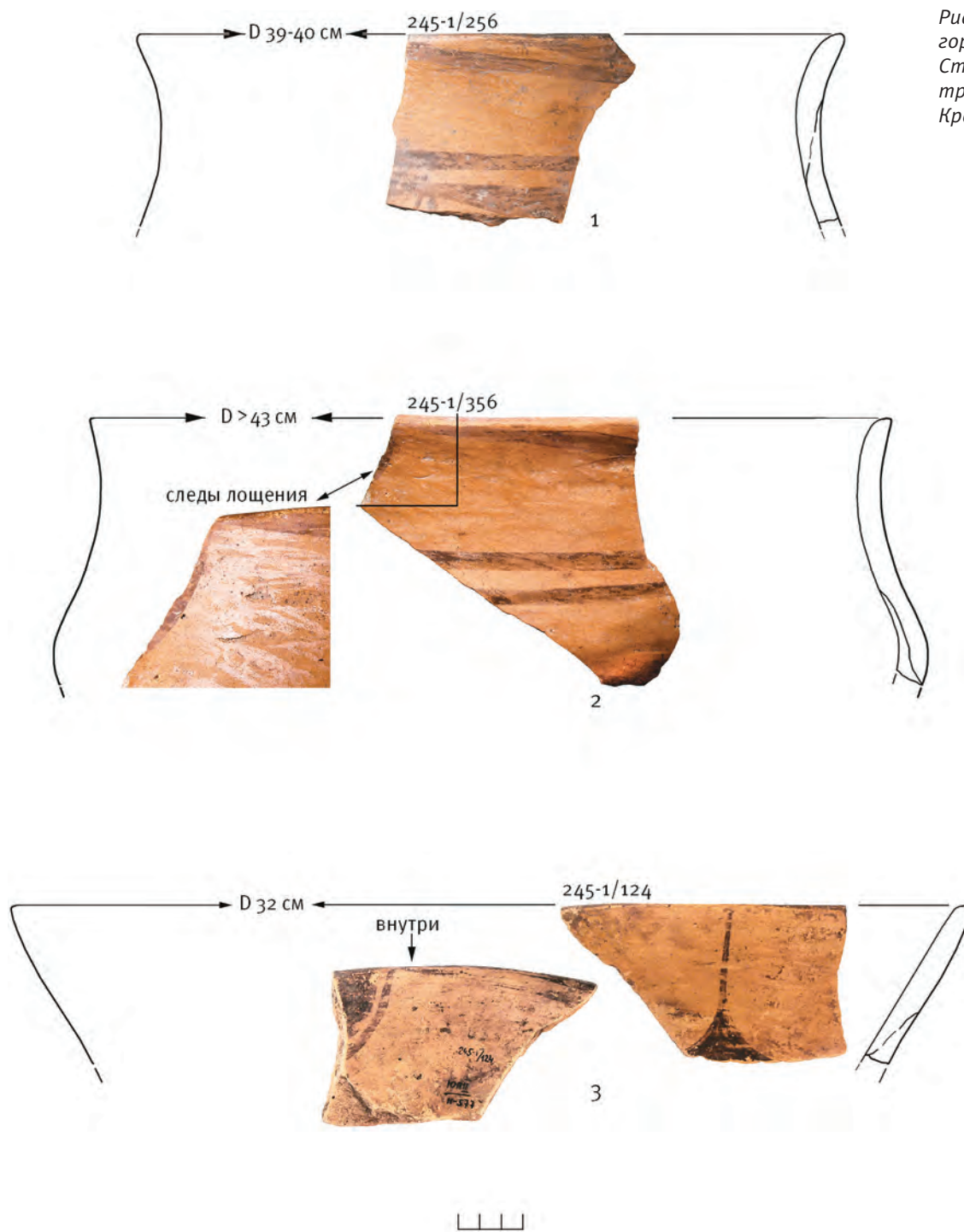
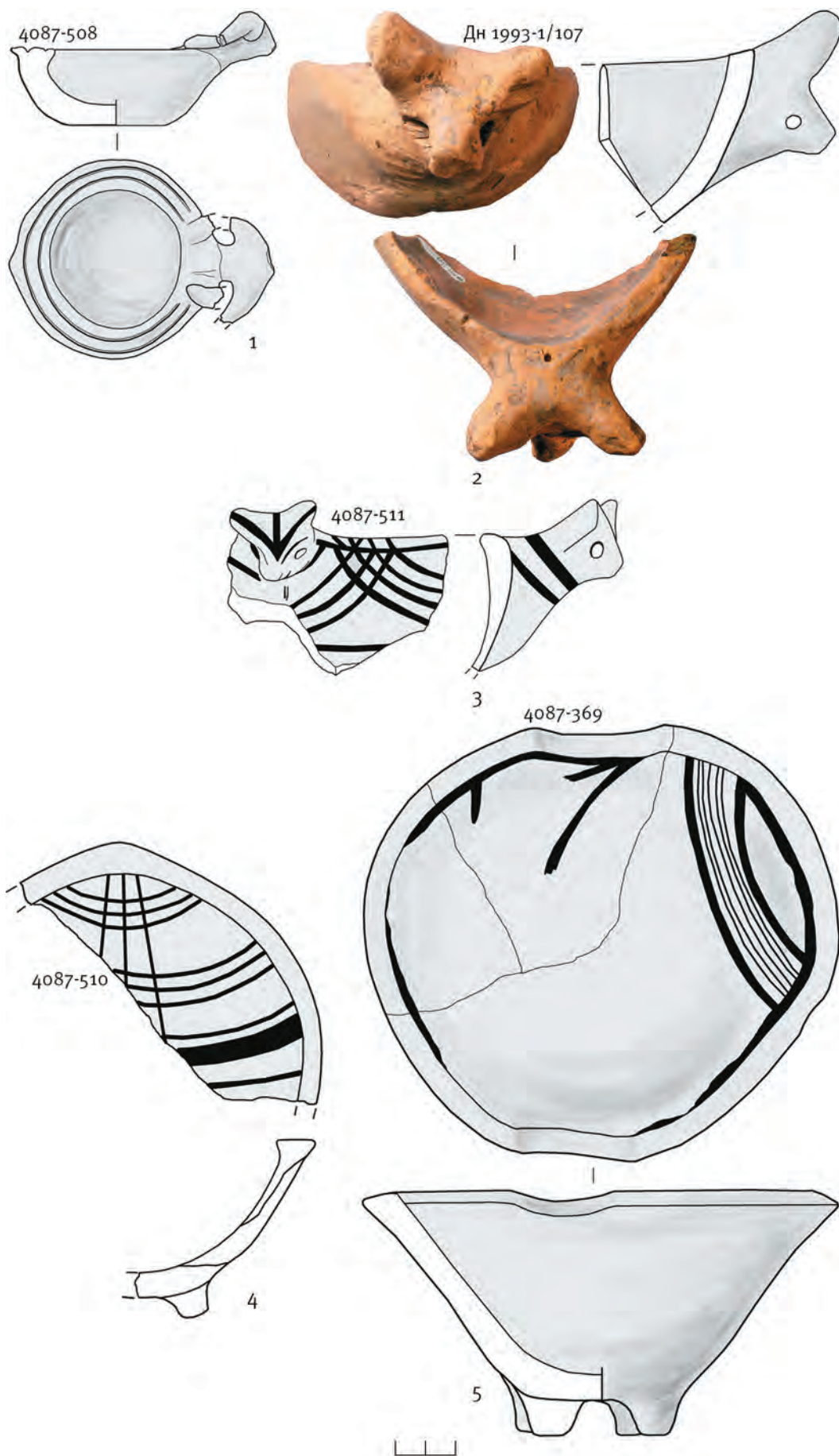


Рис. 82. Немировское городище. Столовая керамика трипольской культуры. Кратеры

Рис. 83. Немировское  
городище.  
Зооморфные сосуды  
трипольской культуры



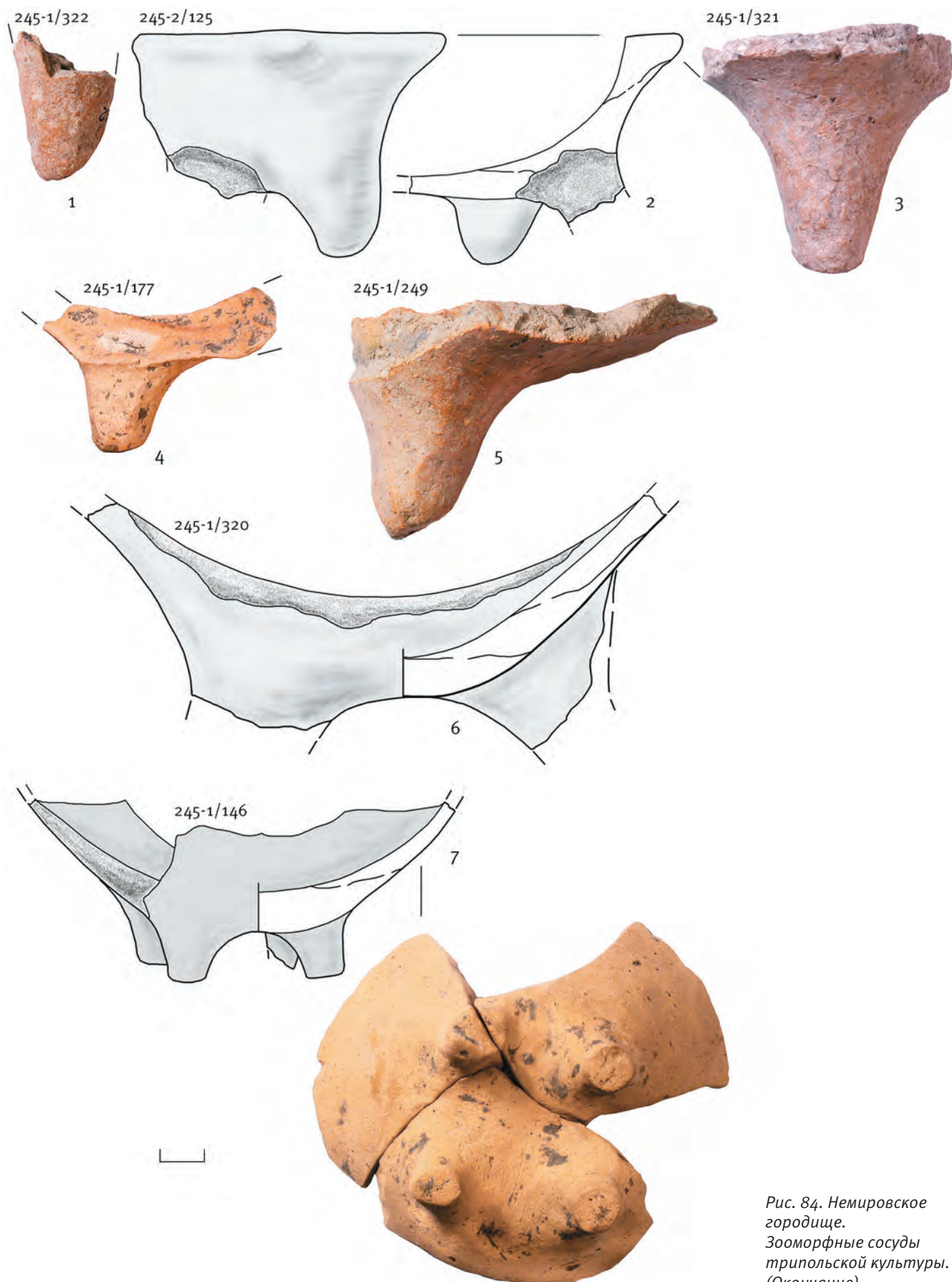


Рис. 84. Немировское городище. Зооморфные сосуды трипольской культуры. (Окончание)



В коллекции трипольских материалов из Немирова имеется также изделие из мелкоструктурной глины без видимых примесей. Оно представляет собой *подпрямоугольное в плане корытце* на двух ножках-подставках, в каждом из которых проделано горизонтальное отверстие (рис. 85). С. А. Гусевым оно было интерпретировано как зооморфный сосуд (Гусев 1995а: 215). Действительно, на поселениях Владимировка и Каролина найдены фрагменты от аналогичных изделий, на которых сохранились выступы в виде небольшого хвоста (Там же: рис. 68, 3, 4). Не исключено также, что это корытце могло быть моделью повозки.

Вопрос о наличии колесного транспорта в неолитических культурах Евразии уже не раз поднимался исследователями (см. Кожин 1985: 169–182. Балабина 2004: 180–213; Кирчо 2009: 25–33). Что касается трипольской культуры, то здесь пока мы имеем дело лишь с косвенными свидетельствами его присутствия. В трипольских комплексах известны глиняные модели саней, которых насчитывается уже более 50 экземпляров. Наибольшее их количество было найдено именно в Буго-Днепровском междуречье

(Кравец 1951: 127–135; Рижов 1988; Балабина 2004: 180 сл.). Описываемая емкость, судя по сохранившейся части, была корытообразной подпрямоугольной формы, чем имеет определенное сходство с кузовом саней. Конечно же, нельзя проводить прямые параллели между моделями санок и «повозкой» из Немирова, поскольку гипотеза о существовании у трипольцев какого-либо колесного транспорта пока не имеет достаточных подтверждений. Хотя в свое время С. А. Гусевым была опубликована фигурка бычка на колесах с поселения Ворошиловка, у которой изначально были только сквозные отверстия в ногах, а оси и колеса были уже дополнены автором, но эта реконструкция не получила поддержки у исследователей (Гусев 1995а: 216–217, рис. 69). Тем не менее, нельзя полностью отрицать идею существования транспортных средств в трипольском обществе. Можно лишь говорить об отсутствии прямых свидетельств. Так, например, находки статуэток бовинов со сквозными отверстиями в ногах и в других частях тела, вероятно, предполагают крепление к ним какой-то дополнительной конструкции, возможно повозки (Балабина 1998: 38; 2004: рис. 22, 3, 7).



Рис. 85. Немировское городище. Изделие трипольской культуры со сквозными отверстиями (модель повозки(?))

*Биноклевидные изделия* изготовлены из мелкоструктурного теста с незначительной примесью мелкого шамота. В коллекции Немирова есть фрагменты трех экземпляров — два фрагмента тулова и средняя перемычка (рис. 86). Назначение этих предметов не установлено и до сих пор вызывает среди исследователей многочисленные дискуссии (см. Палагута 2007). На фрагментах «биноклей» из Немирова следы росписи отсутствуют, но поскольку их поверхность сильно затерта и верхний слой, скорее всего, смыт при мытье после раскопок, не исключено, что они были орнаментированы. Судя по окончаниям центральной перемычки, она крепилась к туловам «бинокля» без дополнительного штифта.

К предметам, назначение которых не определено, можно также отнести фрагменты двух изделий, изготовленных из мелкоструктурной глины без видимых примесей и обожженных в окислительной среде. Это фрагменты двух пластин округлой в плане формы с невысоким бортиком (рис. 87). Каждое из изделий было вылеплено из двух лепешек глины, наложенных друг на друга. Затем оба изделия были покрыты дополнительным толстым слоем глины. Из этого слоя были сформованы бортики, на которых отчетливо видны следы от пальцев. Одно изделие имеет диаметр приблизительно 22–23 см, другое — 16–17 см. Следов краски от росписи нет, также отсутствуют какие-либо детали, позволяющие предполагать их культовое предназначение. Скорее всего, эти пластины с бортиками имели какое-то практическое применение, например, использовались в качестве крышек для сосудов или подставок.

**Кухонная керамика** представлена в трипольском комплексе из Немирова горшками с S-видным профилем, отличающимися друг от друга только размерами и пропорциями (рис. 88–92). Диаметры венчиков варьируют от 13 до 30–32 см. По составу примесей в тесте кухонную керамику можно подразделить на сосуды с примесью толченой ракушки или известняка, с примесью шамота и с примесью кварцевого песка. Часть кухонных горшков, судя по цвету, обжигалась в восстановительной среде, а часть — в окислительной. Возможно, некоторые сосуды обжигались вместе со столовыми в печах. Очевидно, что кухонная посуда эксплуатиро-



Рис. 86. Немировское городище. «Бинокли» трипольской культуры



Рис. 87. Немировское  
городище.  
Крышки-подставки (?)  
трипольской культуры





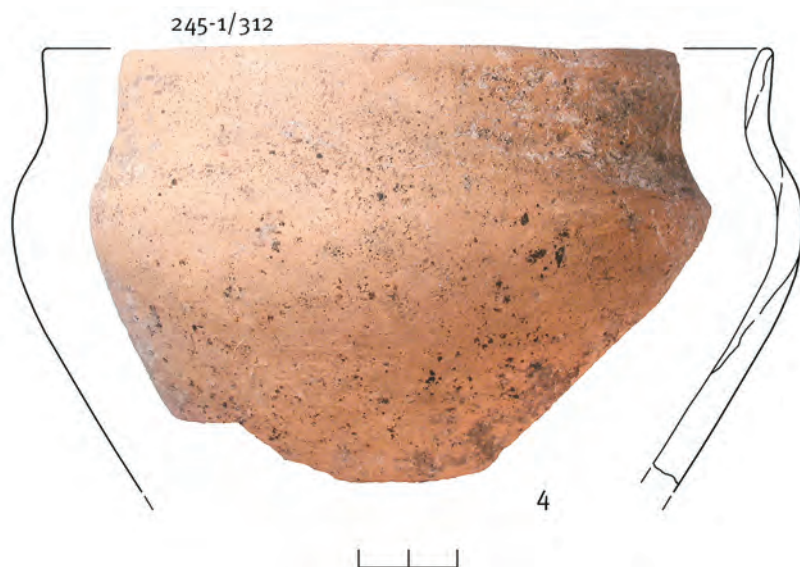
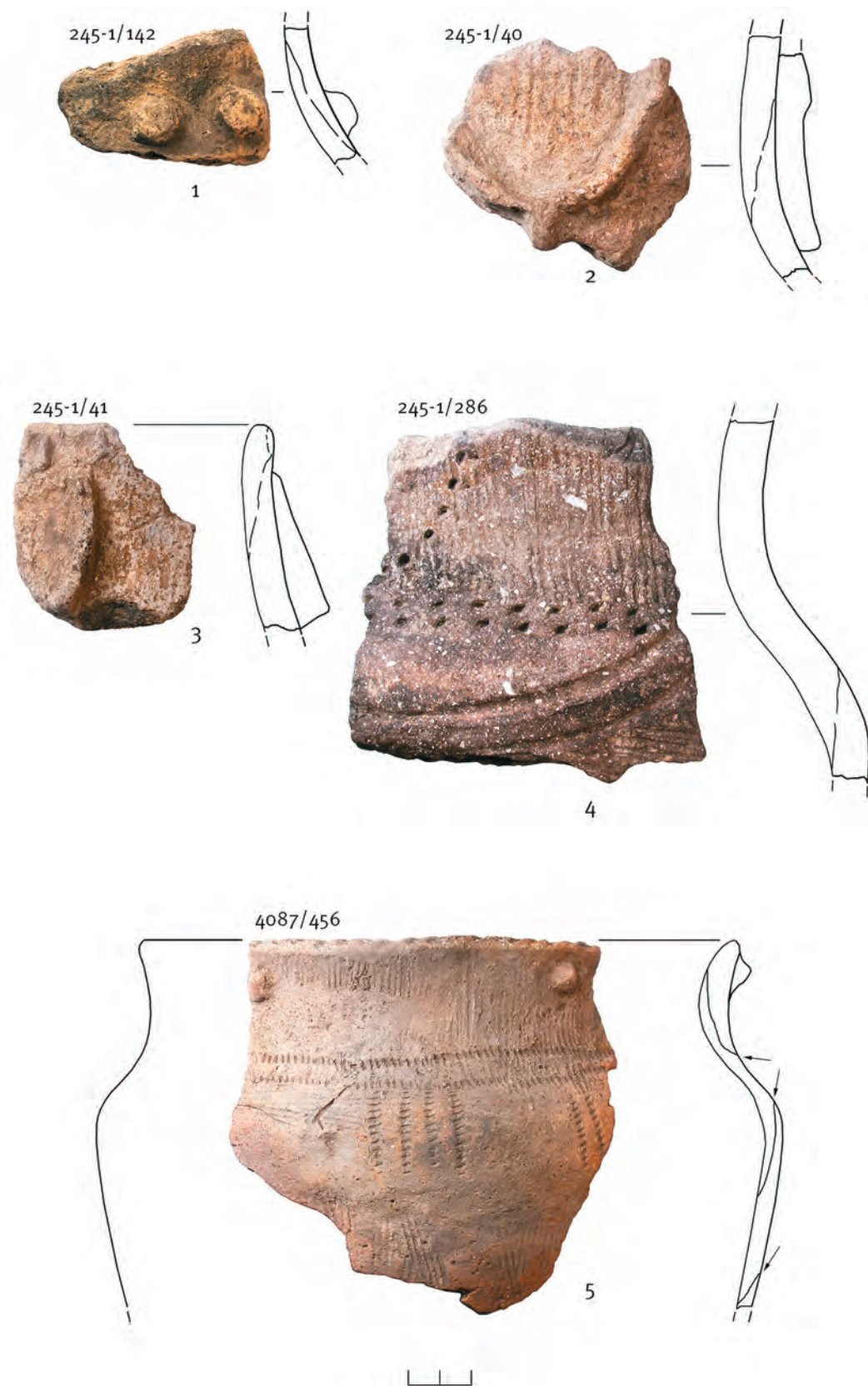


Рис. 88. Немировское городище.  
Кухонная керамика трипольской культуры

Рис. 89. Немировское  
городище.  
Кухонная керамика  
трипольской культуры.  
(Продолжение)





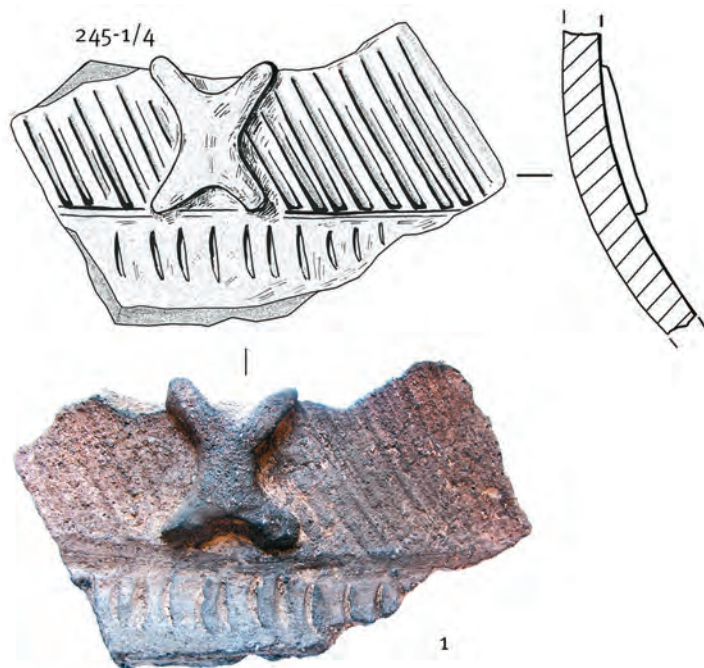


Рис. 90. Немировское городище.  
Кухонная керамика трипольской культуры.  
(Продолжение)

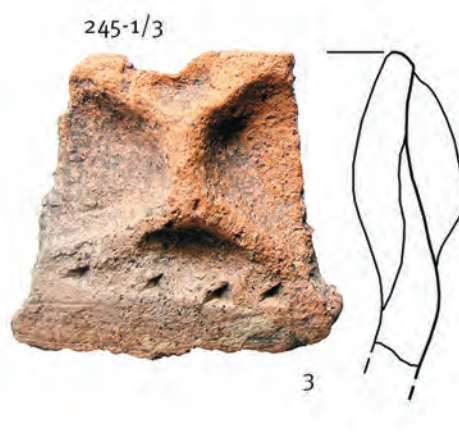
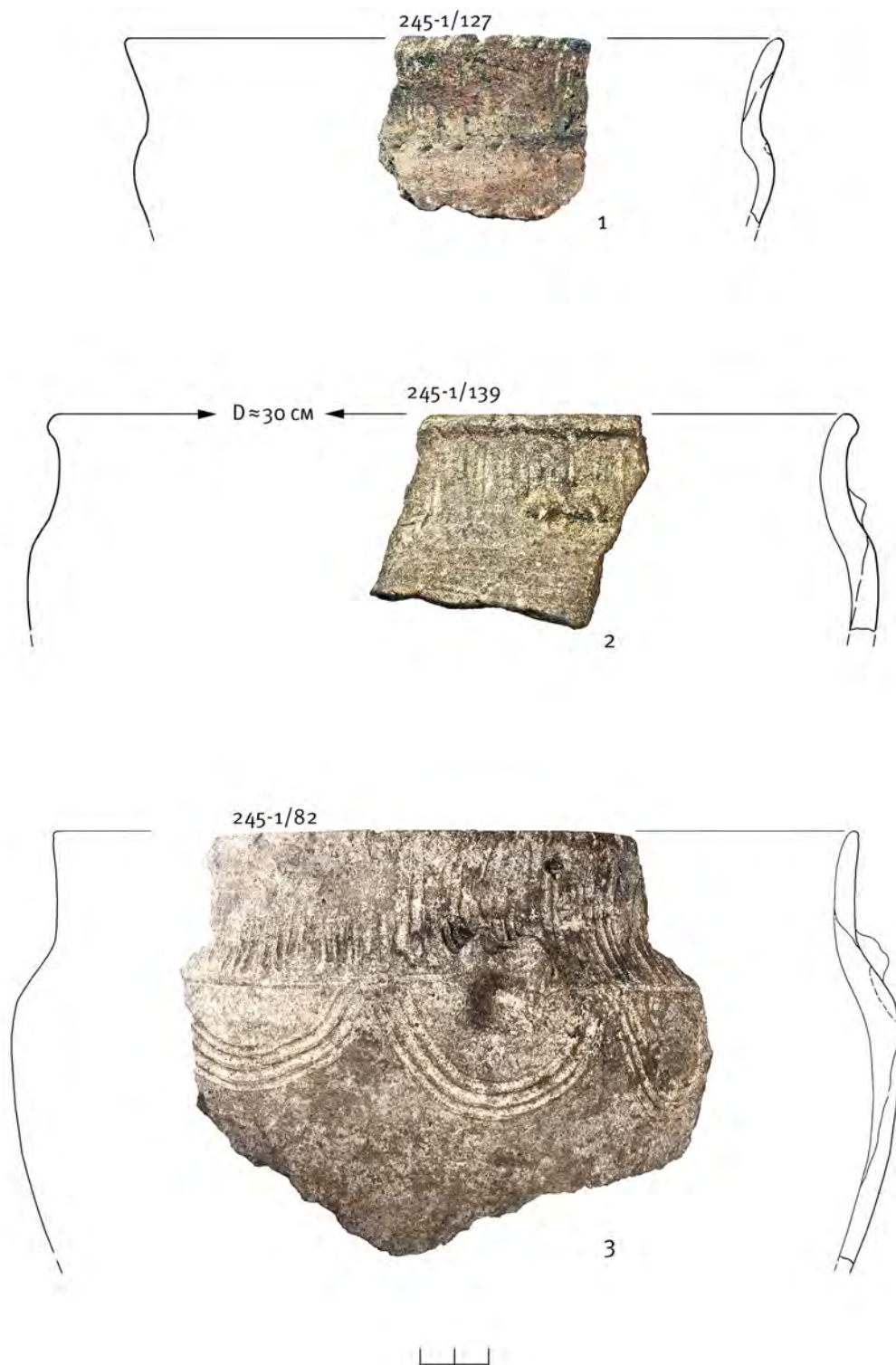




Рис. 91. Немировское  
городище.  
Кухонная керамика  
трипольской культуры.  
(Продолжение)



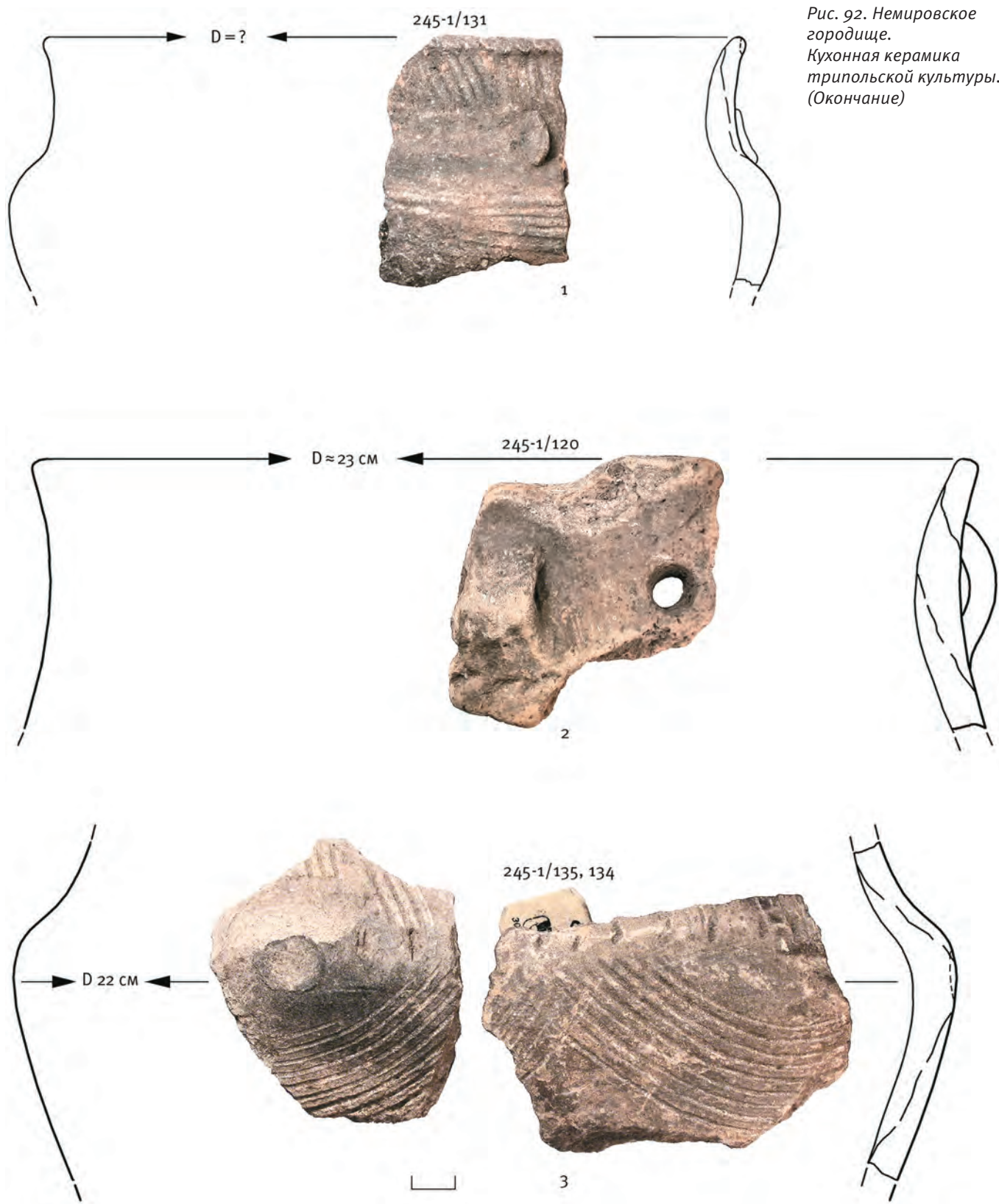


Рис. 92. Немировское городище. Кухонная керамика трипольской культуры. (Окончание)

валась активнее, соответственно, билась чаще столовой и изготавливалась не большими партиями, а отдельными экземплярами по мере необходимости. Поэтому некоторые сосуды могли ставить в гончарную печь вместе с большой серией столовой керамики при наличии свободного места, а небольшие партии кухонных горшков обжигались отдельно, либо в специальных ямах, либо в обычных домашних печах. Этим и объясняется разница в качестве и температуре обжига посуды данной категории.

Орнаментация всей кухонной посуды достаточно бедная или отсутствует вообще. В основном это оттиски гребенчатого штампа сверху на венчике, вертикальные расчесы по горлу, иногда в сочетании с парными небольшими налепами-бугорками. Верхняя часть тулова в отдельных случаях декорирована фестонами. Интересен тот факт, что на некоторых сосудах с примесью толченой ракушки видны следы выбивки, которая сочеталась с традиционной трипольской обрезкой.

На нескольких горшках на горле имеются небольшие ручки с горизонтальными отверстиями.

На одном из более крупных фрагментов венчика со стенкой можно определить, что расчесы выполнены инструментом с рабочей частью шириной 4 см (рис. 89, 5). Этим же инструментом сделаны два горизонтальных ряда оттисков по плечикам, а также вертикальные ряды оттисков, длиной также 4 см, которые сгруппированы по четыре.

Особый интерес представляют фрагменты кухонных горшков с дополнительными декоративными деталями. Так, в коллекции из Немирова есть два фрагмента с крестообразными налепами на горле (рис. 90, 1, 3). Они совершенно не функциональны и варианты их интерпретации могут быть разные: от редуцированных ручек до схематичного изображения растянутой шкуры животного, как это было предложено С. А. Гусевым (Гусев 1995а: 126).

Зооморфное рельефное изображение (на одном сохранилась лишь небольшая часть) есть на фрагментах двух кухонных сосудов, на которых на горле, поверх вертикальных расчесов имеются налепы в виде головы животного с изогнутыми дугой рогами (рис. 89, 2, 3).

Отдельную небольшую группу в трипольской коллекции из Немирова составляют

**миниатюрные сосуды.** Все они изготовлены из мелкоструктурной глины, без примесей или с незначительной примесью мелкого шамота. Эта группа представлена пятью мисками, четырьмя горшками и двумя крышками (рис. 93), причем сосуды в каждой из трех форм значительно различаются. Диаметры венчиков (устья крышек) не превышают 5 см.

Все пять миниатюрных мисок вылеплены из одного комка глины. На одной из них на внутренней поверхности отчетливо видны отпечатки ногтей, то есть миску вытягивали из глиняной лепешки, уминая внутри пальцами (рис. 93, 1). Все они имеют относительно толстые стенки и довольно неровную поверхность. По форме миски отличаются. Первая – полусферическая, с загнутыми внутрь краями, вторая – коническая, с прямыми стенками (рис. 93, 1, 2). Третья миска прямоугольной в плане формы, имеет почти прямые стенки, слегка расходящиеся к венчику, а вся ее поверхность покрыта глубокими наколами округлой формы, на донце снаружи прочерчена глубокая прямая линия, у венчика два сквозных отверстия и ушко (рис. 93, 3). Четвертая миска – неглубокая толстостенная полусферической формы. Сверху на венчик у нее наклепана лента-жгут, концы которой не сомкнуты, а торчат вверх в виде рожек (рис. 93, 5). Пятая миска – асимметричная, грубо слепленная, очень мелкая, конической формы (рис. 93, 6).

Два из трех миниатюрных горшков имеют плавный S-видный профиль и толстые стенки. В верхней трети тулова у них расположены два ушка с горизонтальными отверстиями (рис. 93, 8, 9).

Самый маленький сосуд, высотой 2,7 см, слабопрофилированный, открытый, по форме напоминает кратер (рис. 93, 7).

Четвертый экземпляр представляет собой биконический толстостенный сосудик с двумя выступами-упорами посередине тулова. Внутри он разделен перегородкой на две равные части. Следы охры внутри свидетельствуют о том, что сосуд использовали для хранения или разведения краски (рис. 93, 4).

У миниатюрных крышек также относительно толстые стенки. Одна крышка полусферической формы с относительно ровной поверхностью, с двумя выступами-рожками у верха (рис. 93, 10). Вторая крышка шлемовидной формы. В верхней части у нее один налуп в виде рожка (обломан). Поверхность неровная, со следами формовки пальцами (рис. 93, 11).



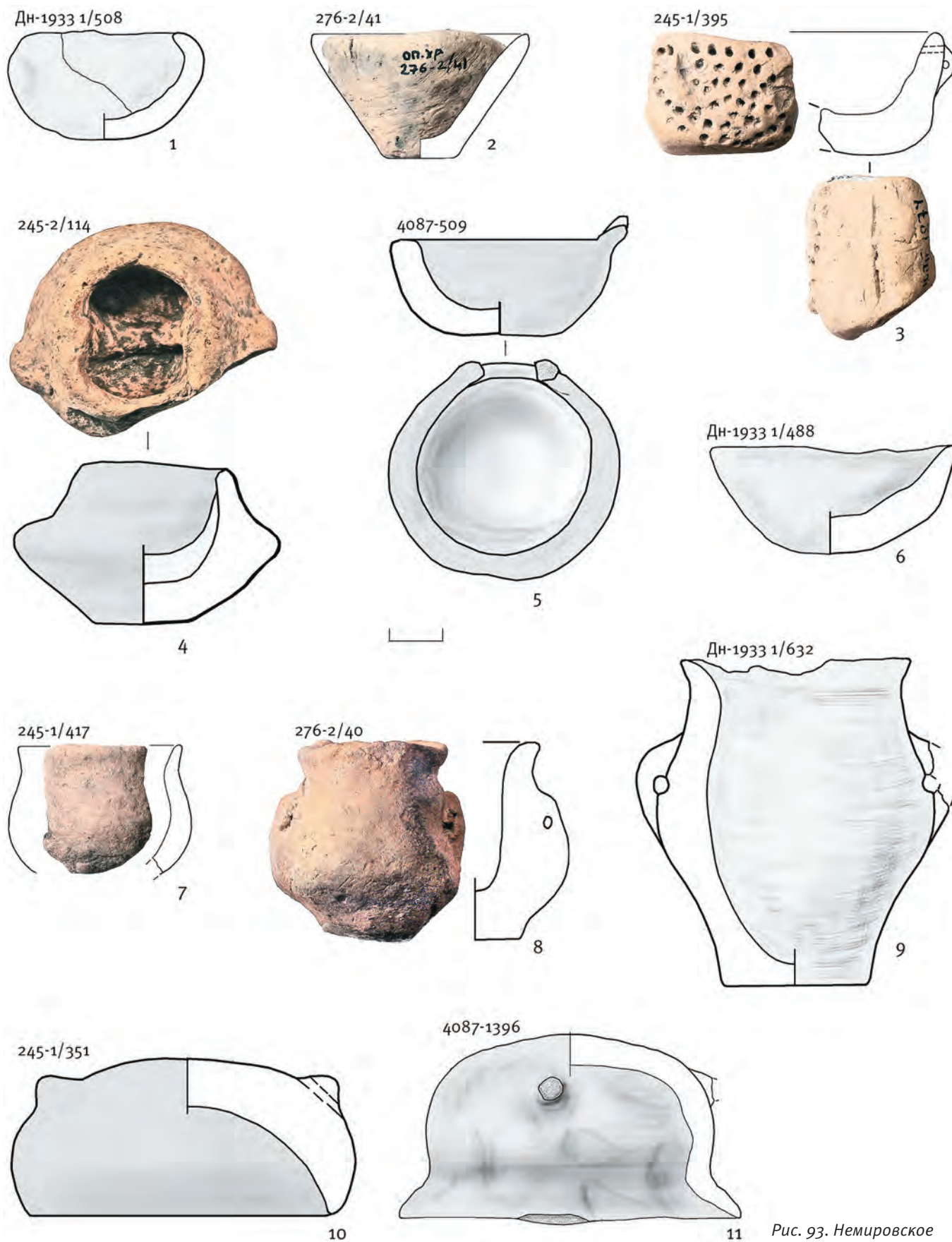


Рис. 93. Немировское городище. Миниатюрные сосуды трипольской культуры

Таким образом, керамический комплекс трипольского слоя Немировского городища представляет собой достаточно стандартный функциональный набор посуды, который по формам и декору соотносится с самым началом позднего периода Триполья — этапом С1. Несмотря на отсутствие археологического контекста, количественное соотношение форм керамики в целом аналогично уже имеющимся аналогичным данным по другим памятникам (Старкова 2011: 11; 2012: 13–14).

### 3.3. Антропоморфная пластика

В коллекции трипольских материалов из Немирова имеется относительно большой набор антропоморфной пластики, состоящий из 54 статуэток (Приложение 2, **рис. 94–102**). Статуэтки исключительно разнообразны по стилю и технике изготовления, но, к сожалению, в комплексе нет ни одной целой фигурки.

Из-за фрагментарности материала составить какую-либо «работающую» типологию практически невозможно. В историографии трипольской культуры представлено лишь две монографии, полностью посвященных антропоморфной пластике (Погожева 1983; Монах 1997). А. П. Погожева в свое время собрала практически весь материал по этой теме и предложила авторскую классификацию материалов. Тем не менее, на современном этапе исследований использовать ее схему не представляется возможным, и не только потому, что за последующие годы в научный оборот введено огромное количество материала. В предложенную классификацию включен весь материал по трипольской пластике с разделением на ступени, типы и подтипы, но без хронологического деления. Дело в том, что антропоморфная пластика Триполья ранних и поздних периодов отличается кардинально и невозможно доказать ее линейную трансформацию. Тем не менее, следует отметить, что монография А. П. Погожевой до сих пор остается единственным полным сводом по трипольской антропоморфной пластике.

В настоящей работе представлено описание материала с акцентом на некоторые нюансы, представляющие интерес. Для удобства описания статуэтки разделены на две основные группы: миниатюрные и массивные.

Подавляющее большинство из них (47 экземпляров) миниатюрных размеров, высота статуэток не превышает 10–11 см. Крупных фигурок, достигающих в высоту 25 см и более, в данной коллекции всего шесть.

В трипольской коллекции из Немирова среди миниатюрных статуэток семь головок и шесть головок с торсом. Остальные — это фрагменты нижних частей, иногда с частями торса, а также торсы и их фрагменты.

Статуэтки вылеплены из глины, разной по составу, но в целом идентичной глиняному тесту, из которого лепилась местная трипольская керамика. Оно могло быть чистым, без видимых примесей, а также с незначительной примесью мелкого шамота или песка. Поскольку песок мелкий и окатанный, то не исключено, что он являлся составляющей природного сырья. Судя по сломам, большинство статуэток, вероятно, моделировались из трех кусков глины: голова, туловище и нижняя часть.

Поверхность во многих случаях покрывалась дополнительным тонким слоем мелко-структурной глины, на котором уже прорабатывались мелкие детали. Отслаивающийся верхний слой хорошо заметен на отдельных экземплярах (**рис. 99, 2**).

Цвет глины статуэток также разный: оранжевый, желтый, коричневый, темно-серый, коричневый. Это свидетельствует не только о том, что фигурки изготавливались из разной глины, но и о том, что они могли обжигаться как в окислительной, так и в восстановительной среде.

На поверхности некоторых статуэток присутствуют еле заметные следы краски. Возможно, часть из них была окрашена, хотя некоторые просто могли находиться рядом с красящим веществом (охрой).

Все головки выполнены в традиционной для Триполья схематичной манере — тремя защипами. На месте глаз в большинстве случаев округлые сквозные отверстия. Кроме того, на двух экземплярах имеются дополнительные элементы. Так, на одной головке — четыре прочерченные линии, симметрично спускающиеся сверху на «лоб» (**рис. 96, 2**). На другой, на шее сзади — углубленная линия, возможно, часть прически (**рис. 96, 1**).

Признаки пола можно определить только на нескольких статуэтках, причем не только из-за фрагментарности материала, но еще





Рис. 94. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры



Рис. 95. Немировское  
городище.  
Антропоморфная  
пластика трипольской  
культуры.  
(Продолжение)

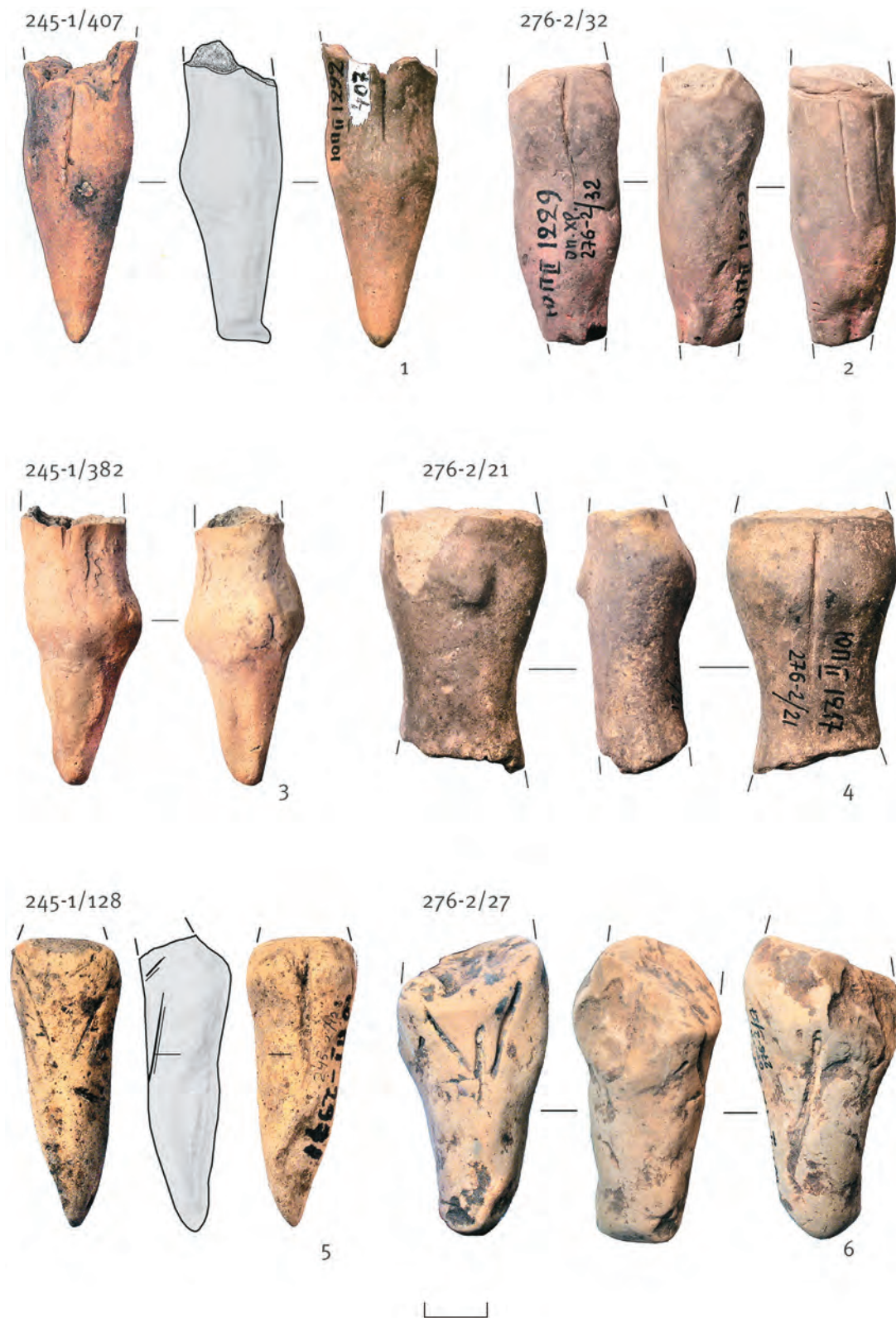
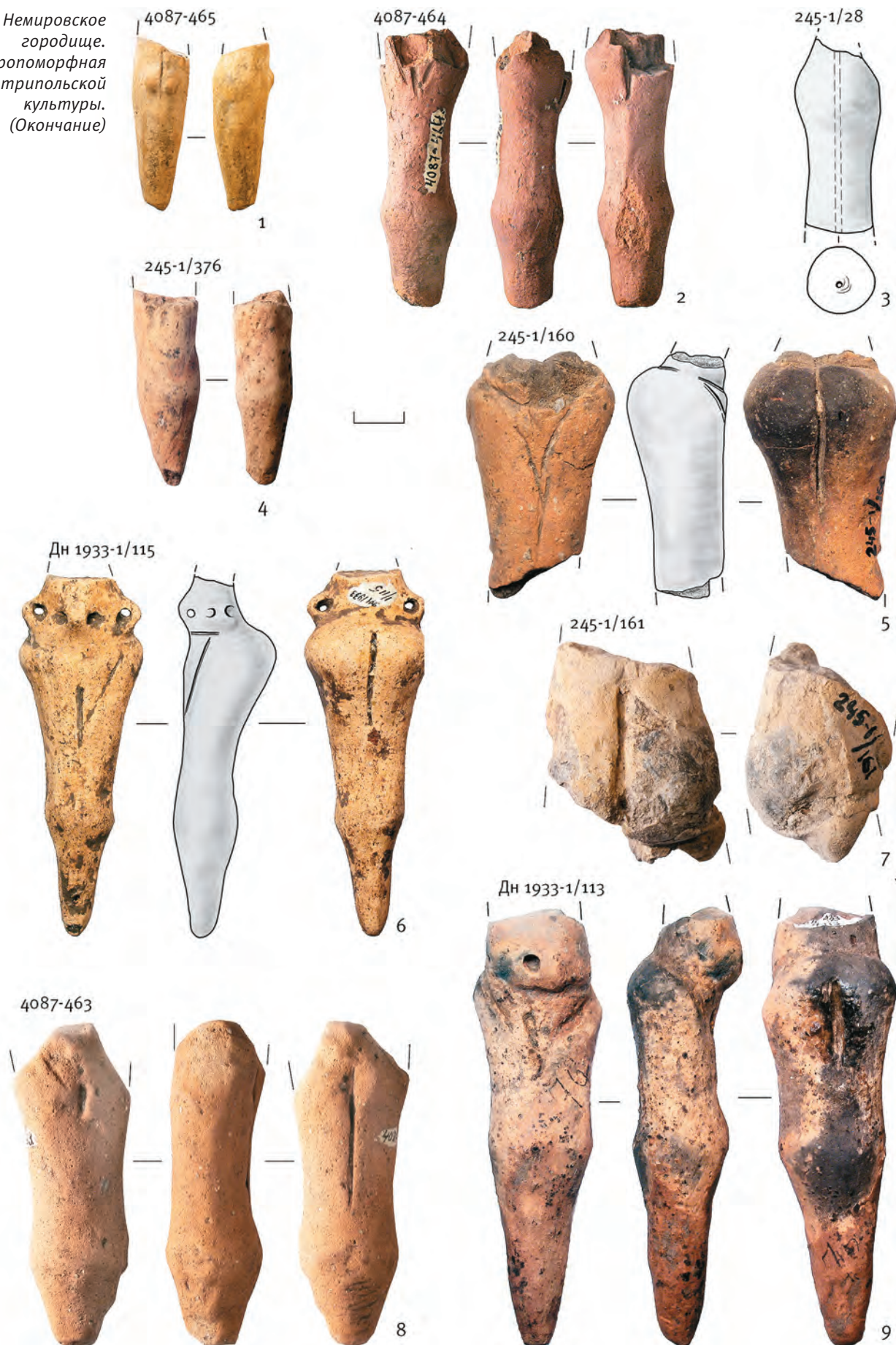




Рис. 96. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры. (Продолжение)



Рис. 97. Немировское  
городище.  
Антропоморфная  
пластика трипольской  
культуры.  
(Окончание)





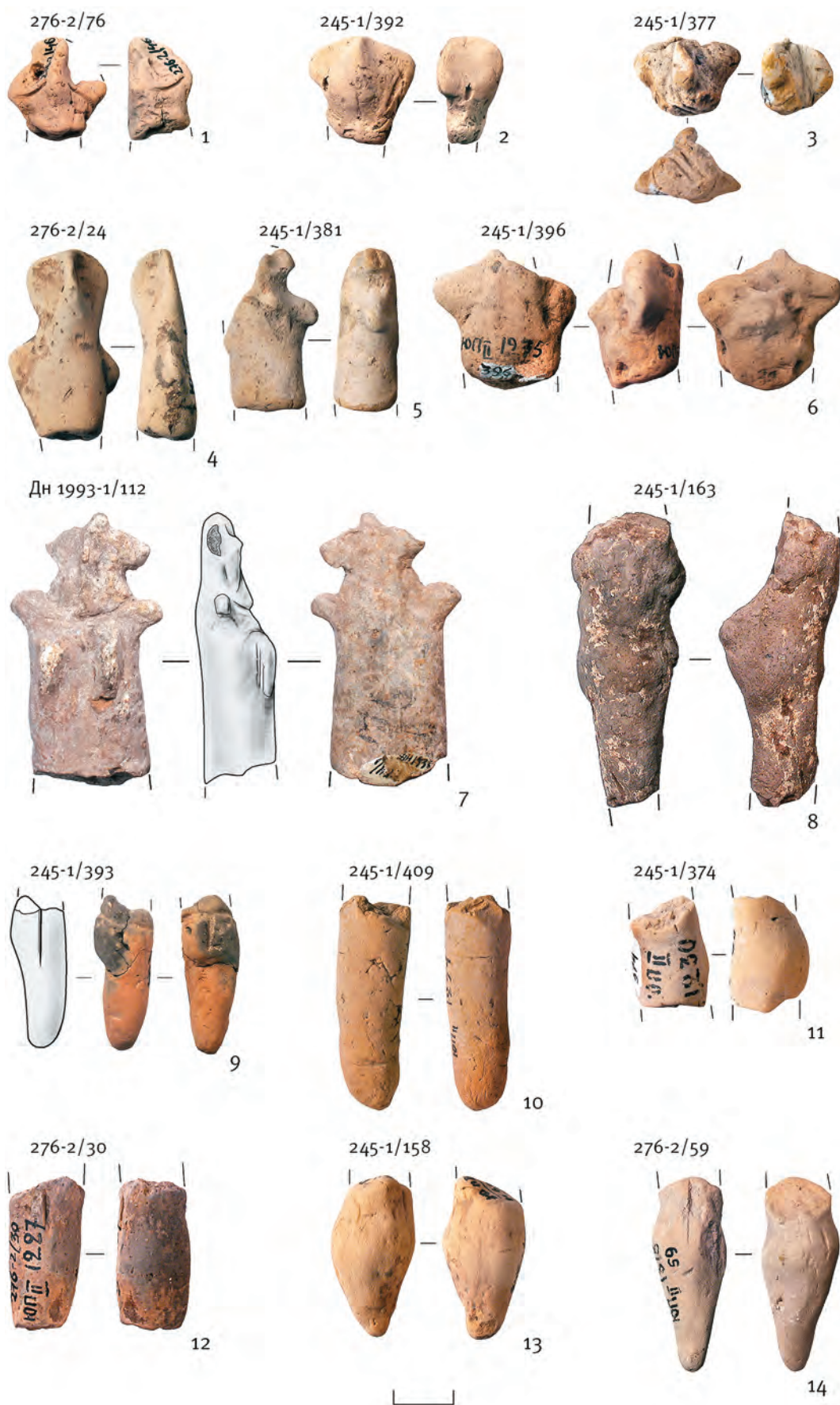
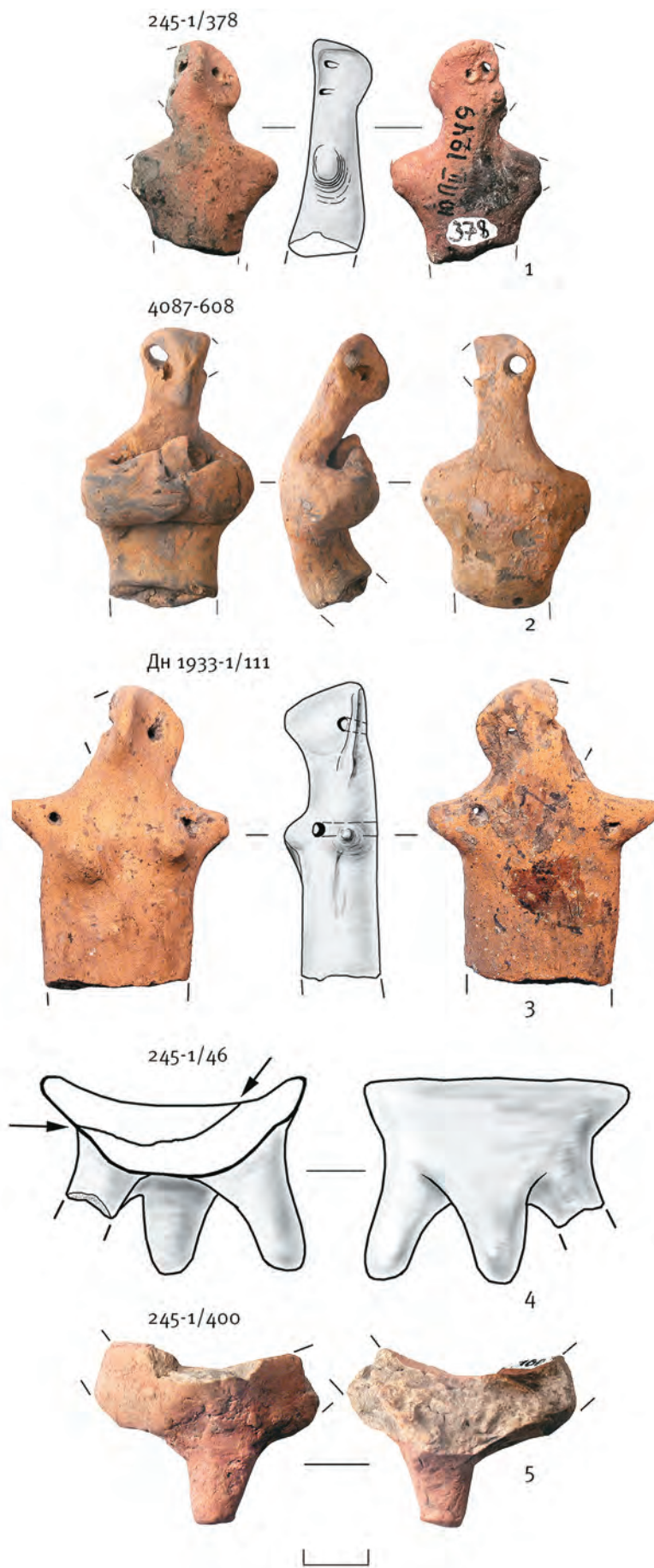


Рис. 98. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры, выполненная детьми(?)

Рис. 99. Немировское  
городище.  
Антропоморфная  
пластика и фрагменты  
креслиц трипольской  
культуры





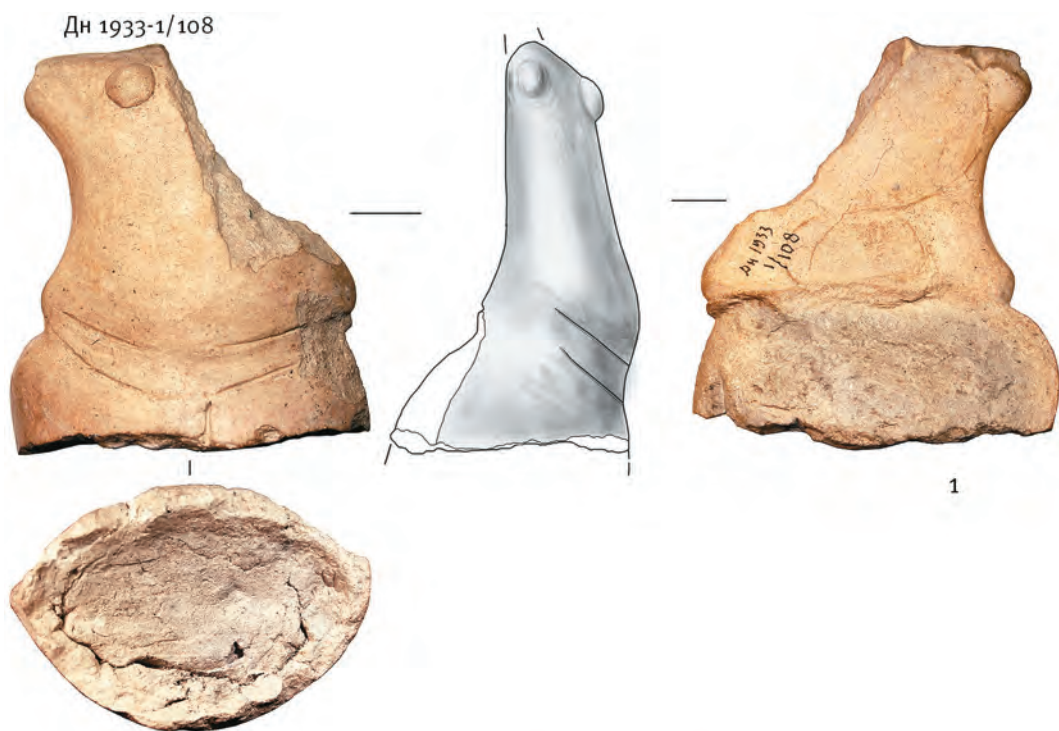


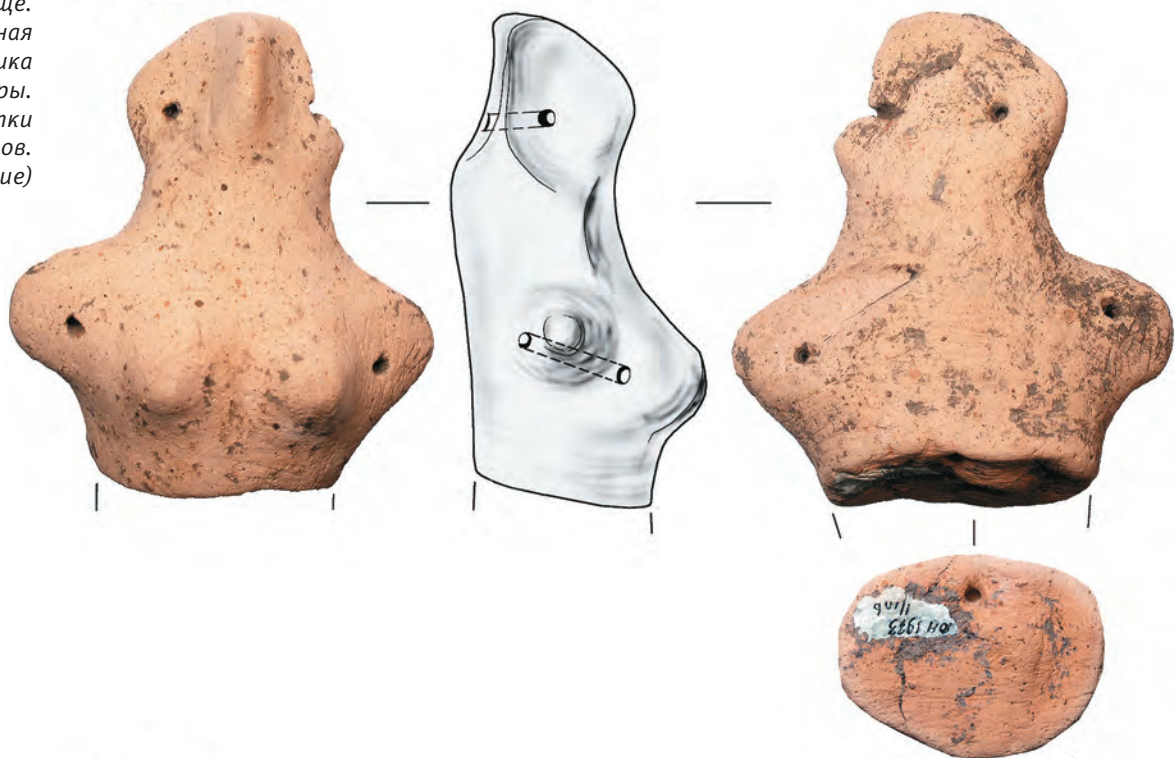
Рис. 100. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры. Статуэтки крупных размеров





Рис. 101. Немировское  
городище.  
Антропоморфная  
пластика  
трипольской культуры.  
Статуэтки  
крупных размеров.  
(Продолжение)

Дн 1933-1/106



4087-466



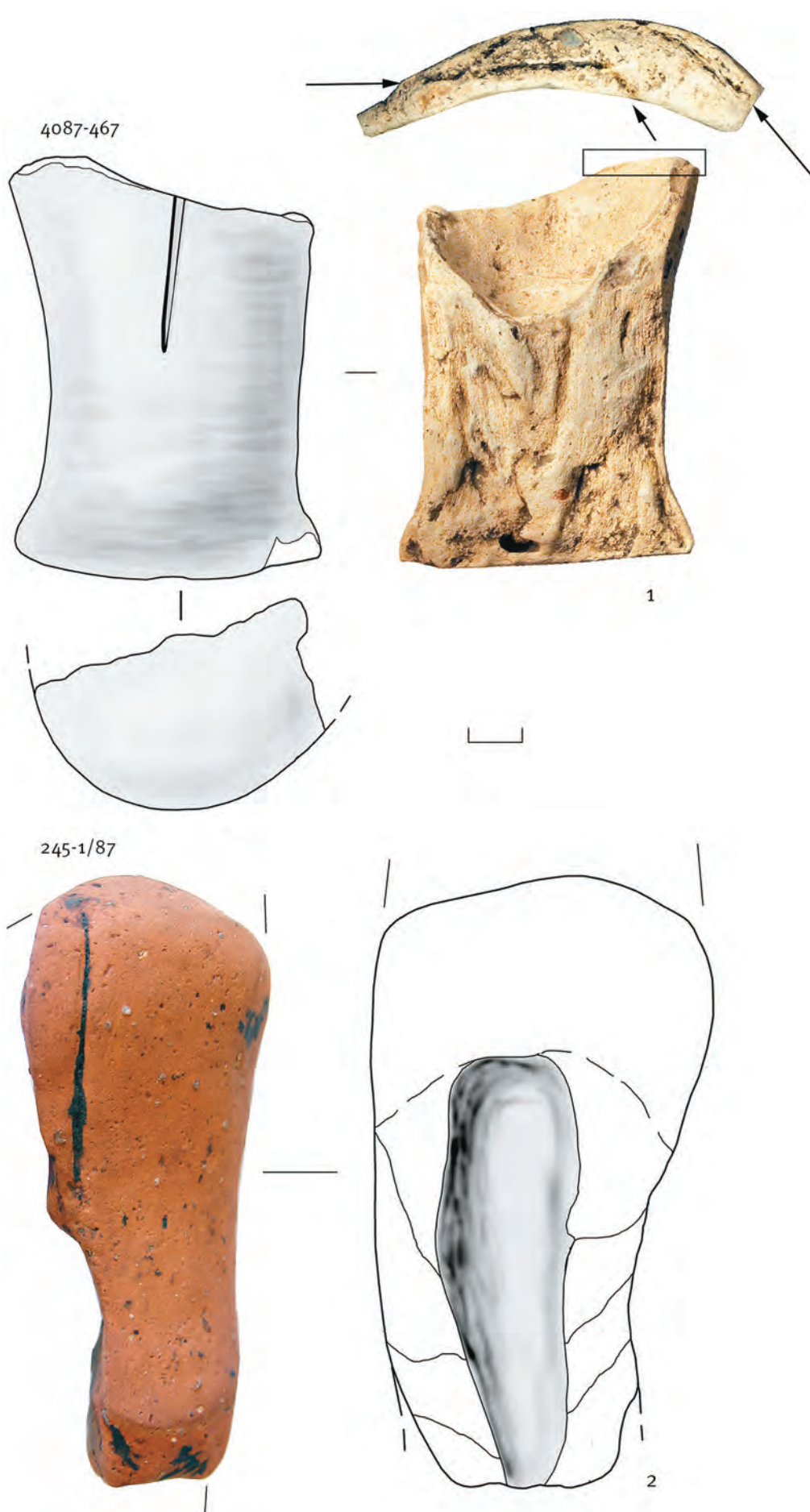


Рис. 102. Немировское городище. Антропоморфная пластика трипольской культуры. Статуэтки крупных размеров. (Окончание)

и потому, что в большинстве случаев они просто не выражены. Признаками женского пола являются женская грудь, переданная округлыми налестями, и женский «треугольник», выполненный прочерченными линиями внизу живота. Таким образом, фигурок, изображающих женщин, в коллекции выделено 17 (**рис. 94, 3, 5; 95, 5, 6; 96, 3, 5; 97, 2, 5, 6, 8, 9; 98, 2, 3; 99, 2, 7; 100, 1; 101, 1**). Мужская статуэтка, с мужским половым органом, только одна (**рис. 96, 4**).

Следует выделить особо статуэтку, которая держит на руках младенца (**рис. 99, 2**)<sup>6</sup>. По изогнутости корпуса можно предположить, что фигурка была сидячая. На самом деле младенца почти не видно — только часть головки, но судя по сложенным рукам и некоторым имеющимся аналогиям, с большой долей вероятности можно утверждать, что эта статуэтка изображает именно женщину с ребенком на руках (Погожева 1983: рис. 28, 6; Ancient Troupillia 2010: 11–13). Важно, что исключительно все аналогичные изображения найдены на трипольских поселениях, хронологически соответствующих началу позднего периода Триполья — этапу С1.

На руках фигурки прочерченными линиями выделены пальцы. Это редкий случай, поскольку, как известно, у трипольских статуэток руки традиционно обозначаются небольшими выступами. Скорее всего, пальцы прорисовывались тогда, когда необходимо было сделать акцент на руки, которые что-то держали или производили какие-либо действия. Так, например, выделены пальцы на руках у женской фигурки в модели жилища из поселения Попудня, где женщина обрабатывает зерно (Палагута, Старкова 2017: рис. 2, 2, 4).

В коллекции Немирова есть фрагмент еще одной сидячей статуэтки, от которой сохранилась только нижняя часть торса (**рис. 98, 7**). У этой фигурки каждая нога вылеплена отдельно и, судя по углу, под которым они крепились к торсу, можно определить, что она была сидячей.

С сидячими статуэтками напрямую связаны миниатюрные креслица. Их в коллекции всего два (**рис. 99, 4, 5**). Аналогичные крес-

<sup>6</sup> Эта статуэтка, числящаяся под № 4087-608 в коллекции «Щербатово городище», опубликована А. П. Погожевой, где она ошибочно отнесена к поселению Кринички (Погожева 1983: рис. 21, 4). Впоследствии эту же ошибку повторил С. А. Рыжов (Рижов 2001: рис. 11, 2).

лица встречаются на трипольских поселениях вместе с антропоморфными статуэтками (см., например, Риндюк, Старкова 2004). По внешнему облику они напоминают миниатюрные сосуды на ножках.

У большинства статуэток признаки пола не подчеркнуты: спереди углубленная линия — разделитель ног доходит до линии, опоясывающей торс (**рис. 94, 6, 8; 95, 2; 96, 8**). Линия, опоясывающая торс, могла изображать пояс. Так, например, на одном фрагменте вниз от нее прочерчены две параллельные линии разной длины, вероятно, концы пояса (**рис. 95, 2**). Нечто, напоминающее пояс, также есть на торсе единственной в комплексе статуэтки, у которой детали прорисованы краской, а не углубленными линиями (**рис. 94, 4**).

Ноги у статуэток не разделены, и практически все имеют веретенообразную форму с утолщением, которым подчеркивалась икра. Ступни, точнее, одна ступня, смоделирована лишь у одной статуэтки из Немирова (**рис. 95, 1**). Только у двух фигурок выделены колени в виде двух бугорков (**рис. 96, 4; 97, 1**).

Также среди миниатюрных статуэток есть несколько отличающихся от других по технике лепки (**рис. 98**). Все они изготовлены неаккуратно и неумело, поверхность заглажена неровно с многочисленными трещинами, обжиг слабый и во многих случаях неравномерный. Фигурки сделаны преимущественно из глины без примесей. Вполне возможно, что они были вылеплены детьми. Среди миниатюрных статуэток они самых маленьких размеров и сформованы в основном из одного куса глины. На всех сохранившихся головках нет отверстий на месте глаз, вероятно, потому что это относительно сложная манипуляция для не имеющих определенного навыка лепки. Лишь на одной головке была предпринята неудачная попытка проделать отверстия (**рис. 98, 1**). Другая головка вообще представляет собой законченное изделие без туловища и ног (**рис. 98, 3**). Она изготовлена неаккуратно, тремя неровными защипами и также без отверстий-глаз. Снизу, на переходе к шее, сделаны две глубокие насечки, свидетельствующие, что это не слом, а туловище отсутствовало изначально.

В коллекции Немирова также представлены шесть массивных статуэток, которые выделяются своими размерами и формой



из набора антропоморфной пластики поселения (см. **рис. 100–102**). Все шесть фигурок сохранились фрагментарно: две представляют собой верхние части туловищ, из которых только у одной сохранилась голова, от четырех других имеются только нижние части.

Судя по размерам торса (длина 11 см), высота одной целой фигурки была около 20 см (**рис. 100, 1**). Фигурка массивная, с выраженной стеатопигией. Показан слегка выпуклый живот, грудь вылеплена в виде округлых уплощенных налепов. Руки представляют собой небольшие выступы. Внизу живота тонкими прочерченными линиями обозначен «треугольник», традиционно считающийся признаком женского пола в антропоморфной пластике. Она изготовлена из хорошо отмученной глины без видимых искусственных примесей. В изломе и на поверхности заметны очень мелкие включения слюды, вероятно естественные. Поверхность статуэтки светло-коричневого цвета, внутри цвет — серый. На боковом и нижнем сколах видна техника формовки торса — вытянутый кусок глины был дополнительно обмазан толстым пластом глины. По сколу на задней части фигурки заметно, что при формовке ягодиц использовались не один, а два дополнительных пласта глины, наложенные друг на друга. Внутренний пласт глины в верхней части был растянут и скорее всего сложен пополам, что возможно послужило причиной образования небольшой полости в области живота. Эта полость, видимо, получилась случайно при складывании внутреннего куска глины, хотя в статуэтках такого типа иногда фиксируется искусственная полость именно в этом месте. Антропоморфная статуэтка с искусственной полостью в области живота найдена, например, на кукутенском поселении Фрумушика (слой Кукутень В) на территории Румынии (Matasă 1946: pl. LV, fig. 406a). Однако фигурки с пустым пространством в животе и заложеными в него одним-двумя шариками глины, имитирующими зародыш, встречаются достаточно редко и в большинстве своем принадлежат к раннему периоду (Погожева 1983: 33).

На нижнем сломе статуэтки отчетливо виден внутренний кусок глины, являвшийся основой, и толстый внешний слой. Гладкий слом внутреннего куска показывает, что нижнюю часть лепили отдельно из одного куска глины и присоединяли именно в этом

месте. Нижняя часть, видимо, была монолитной (следы формовки и стыковки двух отдельных половинок нижней части не прослеживаются) и имела цилиндрическую форму с плоским основанием (см. Погожева 1984: рис. 22, 1, 2, 7; Гусев 1995а: рис. 63, 1, 2; Круц и др. 2001: рис. 51, 6).

Статуэтка была покрыта двумя дополнительными слоями глины. Первый толстый слой по составу аналогичен глиняной массе, из которой сформована фигурка. Его, очевидно, наносили, чтобы закрыть швы в месте стыковки тулова и нижней части, и, возможно, чтобы дополнительно нарастить объем. На этой поверхности формовались мелкие детали. Затем всю статуэтку покрывали ангобом — тонкодисперсной глиной, отличающейся по составу. Углубленные линии — разделитель ног и треугольник внизу живота — проведены уже поверх ангоба. На ангоб также была нанесена краска, слабые следы которой частично сохранились на поверхности. Поверхность статуэтки из Немирова тщательно заглажена и залощена по подсушенной поверхности (видны следы от лощила).

На спине статуэтки сохранились следы от прически. Волосы, сделанные из тонкого глиняного пласта, скорее всего, были приклеены на подсушенную поверхность. Судя по очертаниям, прическа представляла собой пучок волос, доходящих до пояса и перетянутых в нижней трети. Волосы, завязанные в пучок, довольно часто встречаются у трипольских статуэток конца среднего и начала позднего периодов (см. Погожева 1983: рис. 16, 7; 21, 5; Monah 1997: fig. 214, 1). Аналогичная, но меньших размеров антропоморфная фигурка из Немирова (из фондов ИА НАН Украины) имеет такую же прическу (Monah 1997: fig. 127, 13).

От другой статуэтки сохранилась ступкообразная нижняя часть, слегка расширяющаяся к плоскому основанию (**рис. 100, 2**). Как и у двух предыдущих, разделение ног фигурки обозначено лишь тонкой неглубокой прочерченной линией. Судя по сохранившемуся фрагменту, фигурка была крупной, возможно, более 20 см высотой. Эта статуэтка, в отличие от остальных, полая внутри. Скорее всего, именно поэтому, несмотря на крупные размеры, она хорошо обожжена (обжиг окислительный), о чем свидетельствует равномерный желто-розовый цвет снаружи, в изломе и внутри. Статуэтка изготовлена

из мелкоструктурного глиняного теста с незначительной примесью мелкого песка и темно-красного шамота. Внешняя поверхность тщательно заглажена и на ней заметны слабые следы красной краски.

Способ формовки достаточно хорошо виден в профиле. Тулово наращивали неширокими лентами, а на внутреннюю поверхность для увеличения толщины стенок дополнительно налепили небольшие куски глины. Дополнительной лентой-жгутом укреплен нижний край. Внутренняя поверхность практически не обработана. Она неровная, в некоторых местах видны следы пальцев мастера. К сожалению, на рисунке в публикации С. А. Гусева (Гусев 2009: рис. 6, 4) неточно передан внутренний профиль, который получился со «ступенькой». На самом деле на этом месте внутри фигурки имеется небольшое плавное утолщение.

Лишь у одной статуэтки крупных размеров сохранилась голова (рис. 101, 1). Фигурка изготовлена из мелкоструктурного теста с примесью темно-красного шамота. Голова вылеплена традиционно — тремя защипами. Глаза переданы сквозными проколами. Также по одному сквозному проколу проделано в руках, которые обозначены короткими выступами. Это женское изображение — грудь передана округлыми налепами.

У следующей статуэтки из Немирова сохранилась только монолитная подцилиндрическая нижняя часть (рис. 101, 2). Разделитель ног обозначен прочерченной линией, горизонтальная линия с левой стороны проведена внизу живота. Фигурка имеет старые сколы, к тому же сильно затерта (скорее всего, при мытье), поэтому получить информацию об особенностях обработки поверхности и наличии красочного слоя, к сожалению, невозможно. Поверхность ее ярко-оранжевого цвета, но в изломе тесто серое. Статуэтка явно подвергалась высокотемпературному окислительному обжигу, как и вся расписная керамика с поселения, однако из-за ее толщины (размеры в сечении — 4 × 4,6 см) обжиг получился неравномерный.

Фигурка изготовлена из глины с незначительной примесью мелкого темно-красного шамота и песка, на поверхности и в изломе заметные мелкие слюдяные включения. По сколу сзади видно, что и способ ее изготовления, скорее всего, был аналогичным — на кусок глины налеплен допол-

нительный толстый внешний слой. Поскольку слом находится на том же месте, что и у предыдущей статуэтки, то вероятно и у нее нижнюю часть и торс формовали из отдельных кусков.

Еще одна статуэтка из раскопок представляет собой половину вертикально расколотой нижней части (рис. 102, 1). Высота целой фигурки могла быть около 15–17 см. Нижняя часть у нее подцилиндрическая, слегка расширяющаяся у основания. На внешней поверхности прочерчена очень тонкая неглубокая линия — разделитель ног. В верхней части обломка находится искусственная полость с неровной, но тщательно заглаженной внутренней поверхностью, на которой видны углубления от пальцев мастера. Полость была сделана только в области живота, но где она заканчивалась в верхней части, по сохранившемуся фрагменту непонятно. Как правило, пустое пространство оставляли только в передней части фигурки, там, где находился живот, и было оно относительно небольшим. В данном же случае можно предположить, что у статуэтки полость была вся верхняя часть.

Ровный вертикальный слом дает возможность исследовать технику лепки нижней части статуэтки. Основу составляет кусок глины клинообразной формы. Судя по линиям в изломе, это также мог быть пласт глины, сложенный пополам. К основному куску глины в узкой части дополнительно налеплены небольшие пласти для формовки плоского основания статуэтки. Поверхность фигурки была дополнительно покрыта слоем глины толщиной 2–3 мм. Внешняя поверхность тщательно заглажена.

В коллекции антропоморфной трипольской пластики из Немирова есть еще фрагмент нижней части массивной статуэтки, вылепленной из глины с примесью шамота и песка (рис. 102, 2). Углубленной вертикальной линией обозначено разделение ног и ягодиц. Нижняя часть фигурки была полая внутри. При переходе к тулову полость заканчивается. Вполне возможно, что торс был монолитным, а низ фигурки слишком массивен, и для лучшего обжига его изготовили с полостью. В сломе видно, что статуэтка лепилась лентами (или жгутами). Способ обработки внешней поверхности установить невозможно из-за плохой сохранности фрагмента.

Тема технологии изготовления трипольских статуэток затронута лишь в нескольких публикациях. Наиболее подробно она рассмотрена А. П. Погожевой, которая отмечает, что большинство статуэток, за исключением поздних (усатовского типа), формовали из двух вертикальных половинок, которые лепили отдельно, складывали, а всю внешнюю поверхность покрывали толстым слоем глины, чтобы скрыть швы. Она объясняет такой прием дуалистической идеей и приводит примеры двойных женских фигурок (Погожева 1973; 1983: 117–120), а также ссылается также на аналогичные наблюдения других специалистов (Котова 1927: 324; Бибииков 1952: 205). В действительности, в статье О. Г. Котовой, посвященной керамике из Моравии, описан способ формовки моравских статуэток на примере антропоморфной фигурки из Яромержице, когда одна нога вылеплена отдельно и присоединена к туловищу, изготовленному вместе со второй ногой (Котова 1927: 342).

А. П. Погожева также подчеркивает, что такая технология — лепка из двух вертикальных половинок — прослеживается в трипольских комплексах как раннего, так и позднего периодов (Погожева 1983: 116). Если учесть, что такой способ формовки достаточно неудобен технически, то можно допустить связь его с каким-то ритуалом.

С. Н. Бибииков, анализируя антропоморфную пластику раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая, отмечал, что большинство статуэток изготавливали из одного куска глины и лишь отдельные экземпляры были составлены из двух продольных вертикальных половинок (Бибииков 1953: 205). Этот вывод сделан исследователем на основе анализа свыше 200 антропоморфных фигурок Луки-Врублевецкой.

Скорее всего, способ изготовления статуэток из двух вертикальных половинок является одним из вариантов их формовки, который применялся не очень часто, но не исключено, что этот прием лепки был связан с ритуальными действиями трипольцев. Причем возможно статуэтки лепили так, чтобы впоследствии в процессе каких-то манипуляций они раскалывались вертикально на две половины. Однако в коллекции антропоморфной пластики из Немирова такой способ лепки не встречается.

Наиболее логичными выглядят выводы румынского исследователя Д. Георгиу, который путем эксперимента определил, что туловище с ногами большинства трипольско-кукутенских статуэток изготавливали из трех кусков глины: туловище с головой-выступом и две ноги (Gheorghiu 2010; Палагута 2012: 214). Голову могли моделировать из туловища или лепить из дополнительного куска глины.

Несмотря на разнообразие трипольско-кукутенской антропоморфной пластики, можно выделить некоторые закономерности в технологических приемах ее изготовления, которые прослеживаются и на рассмотренных здесь четырех массивных статуэтках из Немирова.

Туловище и ноги у подавляющего большинства антропоморфных фигурок формовали отдельно и соединяли в области бедер, о чем свидетельствуют преобладающие сломы в этом месте.

Нижнюю часть могли изготавливать из одного куска глины в случае, если ноги были не смоделированы и имели ступкообразную форму, как у двух статуэток из Немирова. Ноги чаще всего были соединены между собой; отдельные ноги встречаются реже и, как правило, у мужских статуэток. Идея О. Г. Котовой о креплении одной ноги к туловищу, вылепленному с другой ногой вместе, на примере моравских (лендельских) статуэток, скорее всего, ошибочна. Более вероятно, что обе ноги формовали отдельно и присоединяли к торсу.

А. П. Погожева связывает происхождение статуэток с цилиндрическим или ступкообразным основанием с влиянием северного, днестровского варианта Триполья (Погожева 1983: 80–81). К сожалению, в публикации не представлены ссылки на конкретные аналогии. Автор предполагает, что подобная форма нижней части в некоторых случаях является моделировкой юбки, что вполне возможно, но только в тех случаях, где не обозначен разделитель ног.

По мнению Т. Г. Мовши, фигурки с цилиндрическим основанием, как полые, так и монолитные, происходят с территории Побужья, где они получили наибольшее распространение на этапах Триполье ВІІ и СІ (Мовша 1969: 24).

Полые статуэтки с плоским основанием встречаются реже, чем монолитные. Они присутствуют не во всех комплексах, никогда



не образуют серий и, чаще всего, сохранились в небольших фрагментах. Отдельные экземпляры были найдены на кукутенских памятниках Румынии (Matasă 1946: pl. LV, fig. 406a). Также несколько полых массивных фигурок происходят с территории Побужья (Гусев 1995а: рис. 62, 7).

В какой-то степени их можно сопоставить с антропоморфными сосудами, известными в культуре Триполье-Кукутень (Schmidt 1932: Taf. 34, 5a–5b; Petrescu-Dîmbovița et al. 1999: fig. 284). Но в антропоморфных сосудах тщательно обработана и внешняя, и внутренняя поверхности, то есть это именно сосуд, который чем-то наполняли, предположительно в ритуальных целях. У полых же статуэток внутренняя поверхность практически не обработана и предполагается, что она скрыта. Аналогичный пример — так называемые бинокли, у которых неорнаментированными, с необработанной поверхностью всегда оставались внутренние части нижних чаш, на которые они ставились, а не подвешивались, как иногда предполагают. Что же касается полых статуэток, то, по-видимому, доступ внутрь у них осуществлялся через отверстие, куда что-то могли закладывать. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев сохранились только нижние части таких фигурок. Целая статуэтка, у которой в голове сверху было большое отверстие, найдена на кукутенском поселении Трушешть, слой Кукутень А (Монах 1997: fig. 228, 1).

По классификации А. П. Погожевой все статуэтки со ступкообразной (цилиндрической) нижней частью объединены в подтип С<sub>3</sub> (Погожева 1983: 21). Автор не публикует в своей монографии полые фигурки, видимо, из-за недостатка информации. Даже не вдаваясь глубоко в вопросы семантики, очевидно, что полые фигурки и фигурки монолитные, но также с цилиндрическим основанием, имели разное назначение, поэтому их не следует относить к одному выделенному А. П. Погожевой подтипу, как это иногда делают (Гусев 1995а: 200).

Статуэтки с плоским основанием — и полые, и монолитные — встречаются практически во всех частях трипольского ареала. Хронологический разброс их тоже очень велик: начиная от Кукутень А (Триполье А) до Кукутень В (Триполье ВII–СI, СI). Наибольшее их количество в настоящее время найдено на памятниках Побужья, относящихся

к концу среднего и началу позднего периода (Триполье ВII и СI). Началу позднего периода (Триполье СI) соответствуют и трипольские статуэтки из поселения Немиров. В остальных регионах такие статуэтки встречаются, но единично. Скорее всего, у носителей культуры Триполье-Кукутень была потребность в фигурках, которые можно было поставить, а не вставлять в какую-то специальную подставку или «алтарь», как, видимо, закрепляли многочисленные статуэтки с веретенообразным основанием (Пассек 1949: рис. 50, 1). Но при этом иногда встречаются экземпляры фигурок с отчетливо вылепленными ногами, которые завершаются плоской подставкой трапециевидной формы.

Подводя итог анализа антропоморфной пластики из Немирова, следует отметить, что несмотря на выборочность трипольских материалов по вышеназванным причинам, она представляет собой достаточно интересную и информативную коллекцию, которую можно разделить на три основные группы по внешним признакам. Первая — миниатюрные статуэтки, стандартные для трипольской культуры, длиной 6–15 см со схематичной проработкой деталей. Вторая группа состоит из аналогичных фигурок, но сделанных неаккуратно и неумело, что позволило их объединить в группу статуэток, сделанных детьми в подражание взрослым. Третью группу составляют статуэтки крупных размеров, достигающие 30 см и более в длину, иногда полые внутри. Также фигурки разделяются по признакам пола. В Немирове преобладают женские статуэтки, есть одна мужская и значительная часть без половых признаков, но все они слишком фрагментарны, чтобы проводить статистические подсчеты. Очевидно, что назначение антропоморфных фигурок было разным: от детских игрушек до предметов для каких-то магических обрядов. К сожалению, контекст находок неизвестен, а он мог бы дать нам больше необходимой информации.

### 3.4. Зооморфная пластика

Фигурки, изображающие животных, встречаются в трипольских комплексах повсеместно во все периоды существования этой культуры. В количественном отношении они значительно уступают антропоморфным.

Среди трипольских материалов из Немирова также есть небольшой набор зооморфной пластики (**рис. 103–105**). Вся она, как и антропоморфная, сохранилась лишь во фрагментах и представляет собой части фигурок, изображающих, в большинстве случаев, рогатых животных. Всего в коллекции представлены фрагменты от 30 фигурок (Приложение 3)<sup>7</sup>. Из них три практически целые, у одной лишь частично обломаны рога. Остальные — фрагменты передних и задних частей туловищ с частично сохранившимися конечностями. Отдельно имеются четыре головки с обломанными рогами и девять рогов от разных фигурок. Насколько можно судить по имеющимся фрагментам, длина зооморфных статуэток варьирует приблизительно от 2 до 5 см, а высота от 1,5 до 4 см.

Единственная монография, посвященная зооморфной пластике культуры Триполье-Кукутень, опубликована В. И. Балабиной (Балабина 1998). Автором были собраны и проанализированы фигурки животных от раннего до позднего этапов трипольской культуры, разработана детальная схема их описания, создана система их классификации. Эта классификация была частично использована при характеристике комплекса зооморфных фигурок из Немирова.

Зооморфные статуэтки изготовлены из мелкоструктурной плотной глины, без видимых примесей или с примесью мелкого шамота и мелкого окатанного песка, который, скорее всего, был естественной составляющей глины. Цвет глины различен. Есть фигурки желтого, розового, серого, темно-серого и оранжевого цветов, что, очевидно, зависело как от разнообразия глиняного сырья, так и от условий обжига. Поверхность могла быть неровной или тщательно заглаженной. Иногда, как и при изготовлении антропоморфных статуэток, для этого наносился дополнительный тонкий слой глины. Один статуэтка из Немирова была покрашена коричневой краской (**рис. 104, 8**).

Часть фигурок изготовлена небрежно, а возможно, неумело. Поверхность у них неровно заглажена и покрыта многочисленными следами от пальцев. Все они также имеют

множество трещин, которые образовались из-за того, что статуэтки обжигались недосушенными. Как и в случае с антропоморфной пластикой, можно предположить, что часть зооморфных фигурок была изготовлена детьми. Например, одна статуэтка вылеплена с нарушением пропорций (**рис. 105, 6**). У нее несоразмерная туловищу очень маленькая голова. В нижней части туловища — плохо примазанные куски глины, из которых пытались сформировать конечности. Поверхность крайне неровная, плохо обработанная и очень напоминает поделку ребенка.

В большинстве случаев зооморфные фигурки изготовлены из одного куска глины. Короткие конечности, голова и хвост чаще всего вытягивались из туловища. В коллекции из Немирова есть как фигурки с проработанными деталями, так и крайне схематичные. Лишь одна статуэтка была вылеплена из двух продольных половин, причем каждая нога лепилась вместе с половинкой туловища (**рис. 105, 4**). Изготовление фигурок из двух половинок встречается и в антропоморфной пластике, о чем было сказано выше. Возможно, это было связано с какими-то идеологическими представлениями древнего населения (Балабина 1998: 108).

Рога крепились отдельно. Способ присоединения рогов у разных фигурок отличается, но определить его не всегда представляется возможным. Рога могли быть прилепные, когда каждый рог крепился отдельно (**рис. 103, 2, 3, 7, 8; 104, 4; 105, 5**), накладные — соединенные между собой дополнительной накладкой из глины, которая лепилась на голову (**рис. 103, 1, 6, 12, 13**). Также был еще один вариант — крепление при помощи дополнительного штифта, изготовленного из другого материала. В таких случаях в изломе виден след — углубление от штифта. В коллекции из Немирова есть один рог, который, возможно, крепился таким способом (**рис. 103, 3**).

Конечности на подавляющем количестве экземпляров соединены попарно. Иногда они разделены углубленной линией или выемкой (**рис. 104, 1–4, 6, 8**). Только у одной фигурки ноги широко расставлены, округлые в сечении (**рис. 104, 7**). Иногда окончания ног отогнуты назад, в стороны или подогнуты внутрь (**рис. 104, 3, 6; 105, 4**).

У всех фигурок короткий хвост конической или шишковидной формы, выполненный

<sup>7</sup> В монографии В. И. Балабиной опубликована таблица с восемью зооморфными фигурками из Немирова (Балабина 1998: рис. 20). Вероятно, они принадлежат части коллекции, хранящейся в фондах ИА НАН Украины в Киеве.

защипом с дополнительно подправкой. Как правило, он отставлен горизонтально или задран вверх.

Практически у всех статуэток из комплекса рога разведены в стороны. Исключение составляют только две фигурки, у которых массивные, округлые в сечении рога располагаются рядом и направлены вверх. Аналогичная постановка рогов встречается у фигурок коз, у которых близко поставленные рога отведены назад (см. Бибииков 1953: табл. 115; Vulpe 1957: fig. 236, 1). Вполне вероятно, что статуэтки из Немирова изображают коз, но это можно предположить только по постановке рогов, поскольку в обоих случаях они обломаны. Причем у одной фигурки изначально отсутствует морда и голова, а близко посаженные рога отходят прямо от туловища. Создается впечатление, что по какой-то причине она изготовлена таким образом намеренно, поскольку все остальные детали вылеплены достаточно тщательно, а поверхность очень ровная, аккуратно заглаженная.

В коллекции также имеются две фигурки, покрытые точечными наколами (рис. 104, 5, 9). У одной они не очень глубокие, нанесены на спину с одного бока и частично на один бок. У другой — глубокие, ими покрыты спина, бока и зад статуэтки. Фигурки с наколами встречаются в Триполье относительно редко. Обе статуэтки изготовлены из светлой, почти белой глины и похожи по стилю: очень короткие сдвоенные конечности, массивное, слегка уплощенное с боков туловище. По мнению В. И. Балабиной, наколы на туловище могли изображать пятна на шкуре оленей или косулей. Причем такие статуэтки обычно не имеют признаков пола и изображают молодых особей (Балабина 1998: 130). Одна фигурка из Немирова без головы, со схематичной проработкой деталей подходит под такое описание, но однозначно утверждать, что это изображение оленя, нельзя. Вторую же статуэтку по экстерьеру вполне можно отнести к быкам/коровам. У нее массивное туловище, разведенные в стороны и направленные вперед рога. Назначение наколов, покрывающих практически всю поверхность, не совсем ясно. Есть предположение, что углубления разной формы могут обозначать раны, нанесенные животному во время каких-то ритуальных действий (Там же: 114). Действительно, на

поверхности этой фигурки есть продолговатые углубления по центру спины, на холке и голове, напоминающие следы от ударов.

Еще одна зооморфная фигурка из Немирова имеет следы намеренной деформации. Это голова bovina, которая, судя по тщательной проработке деталей и аккуратно обработанной поверхности, изготовлена вполне профессионально, но при этом на морде имеется лишний кусок глины, прилепленный еще на сырую поверхность (рис. 103, 13). Однозначно объяснить, с чем это связано, также невозможно, хотя не исключено, что такая деформация еще недоделанной фигурки могла отражать, как и в случае, описанном выше, какой-то ритуал.

Выделение видов животных из комплекса зооморфных фигурок — задача достаточно сложная, и не только потому, что практически все они фрагментированы. Большинство статуэток имеет плохо проработанные детали и не обладает какими-то характерными видовыми признаками. По экстерьеру можно предположить, что большинство из них, с массивным туловом и разведенными рогами, принадлежат быкам. В частности, на одной из фигурок обозначены маклоки — выступающие кости таза, которые в сочетании с грузным телом подтверждают это предположение. Признаки пола есть только у четырех статуэток. У трех — небольшой защип на брюхе (рис. 104, 3; 105, 3, 4), а у одной — продолговатый налуп, разделенный посередине (рис. 104, 9). Вполне возможно, что в первых трех случаях — это признаки мужского пола, а в последнем — женского (Балабина 1998: 35).

Очевидно, в составе набора зооморфной пластики из Немирова имелись и фигурки, изображающие баранов, о чем свидетельствуют длинные, слегка закрученные рога (рис. 103, 8).

Особо следует отметить фрагмент фигурки, которая, скорее всего, изображала птицу (рис. 105, 7). Статуэтки птиц встречаются в трипольских комплексах относительно редко (см. Matasă 1946: pl. LVIII; Marinescu-Bîlcu, Volomey 2000: fig. 177, 4). Как правило, у них плоское основание и короткий, отведенный горизонтально или опущенный вниз хвост. Фрагмент из Немирова представляет собой заднюю часть птицы с уплощенной нижней частью и маленьким бугорком, обозначающим хвост. Поверхность у нее очень неровная, грубая, с многочисленными вмятинами.



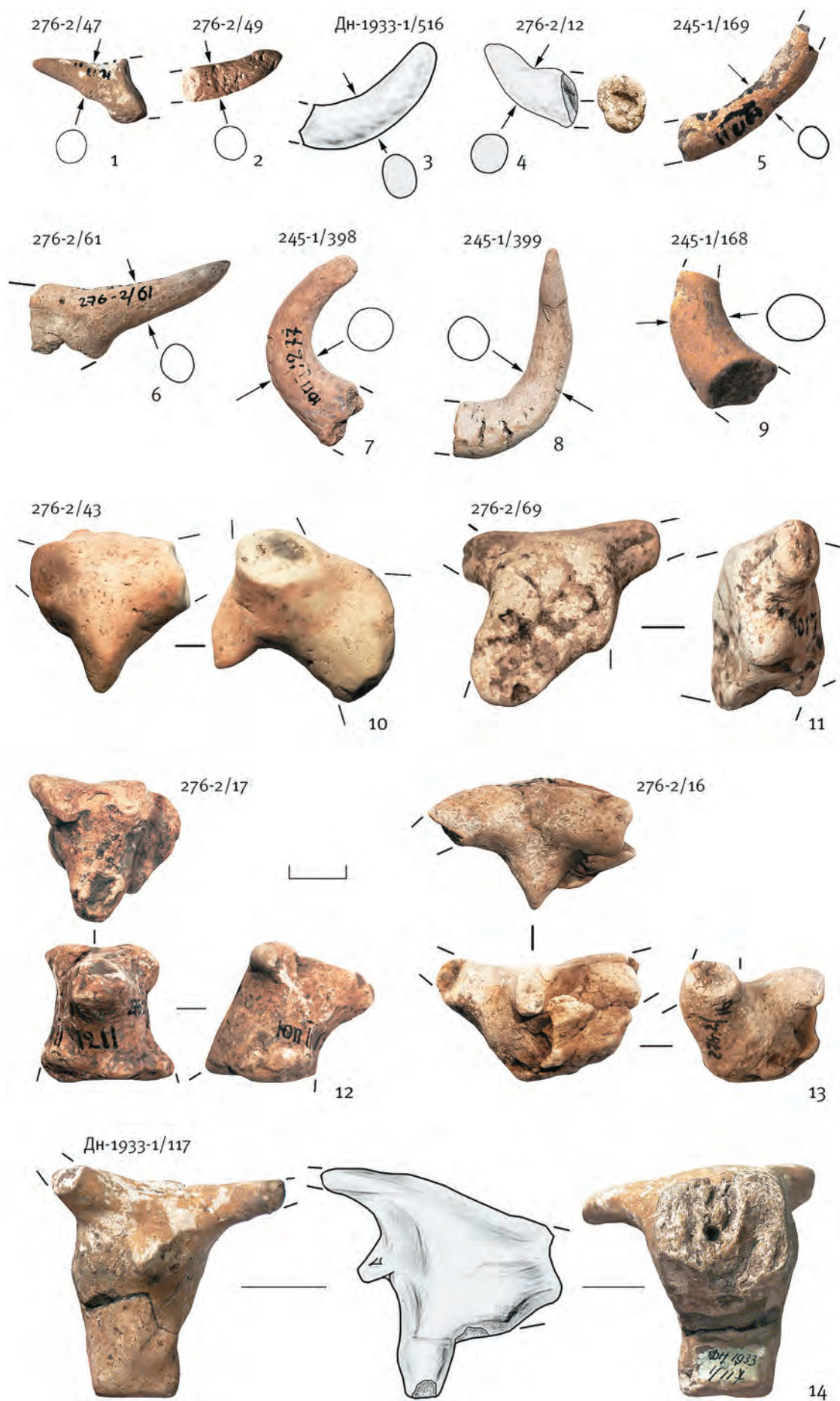


Рис. 103. Немировское городище. Зооморфная пластика трипольской культуры

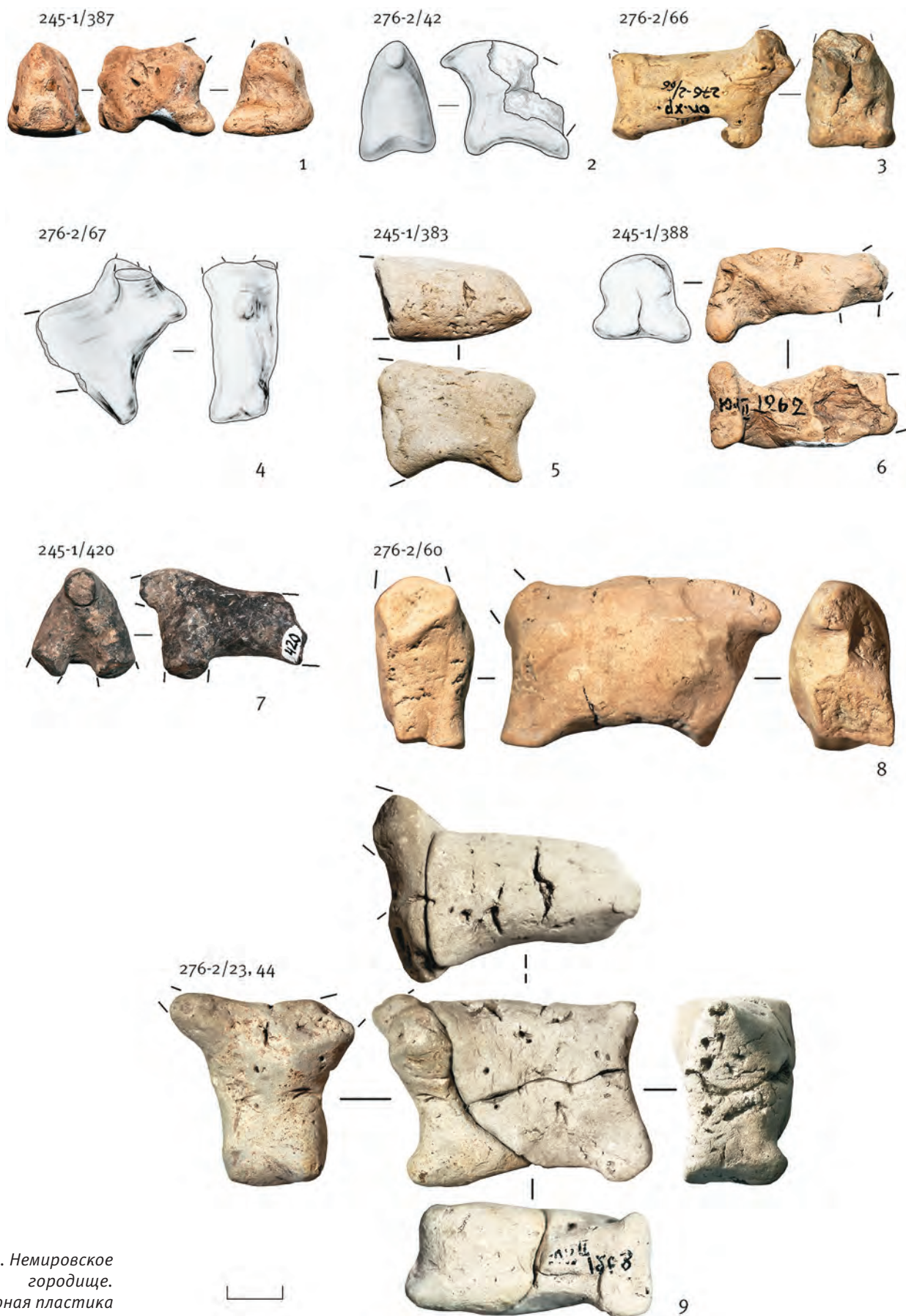


Рис. 104. Немировское  
городище.  
Зооморфная пластика  
трипольской культуры.  
(Продолжение)



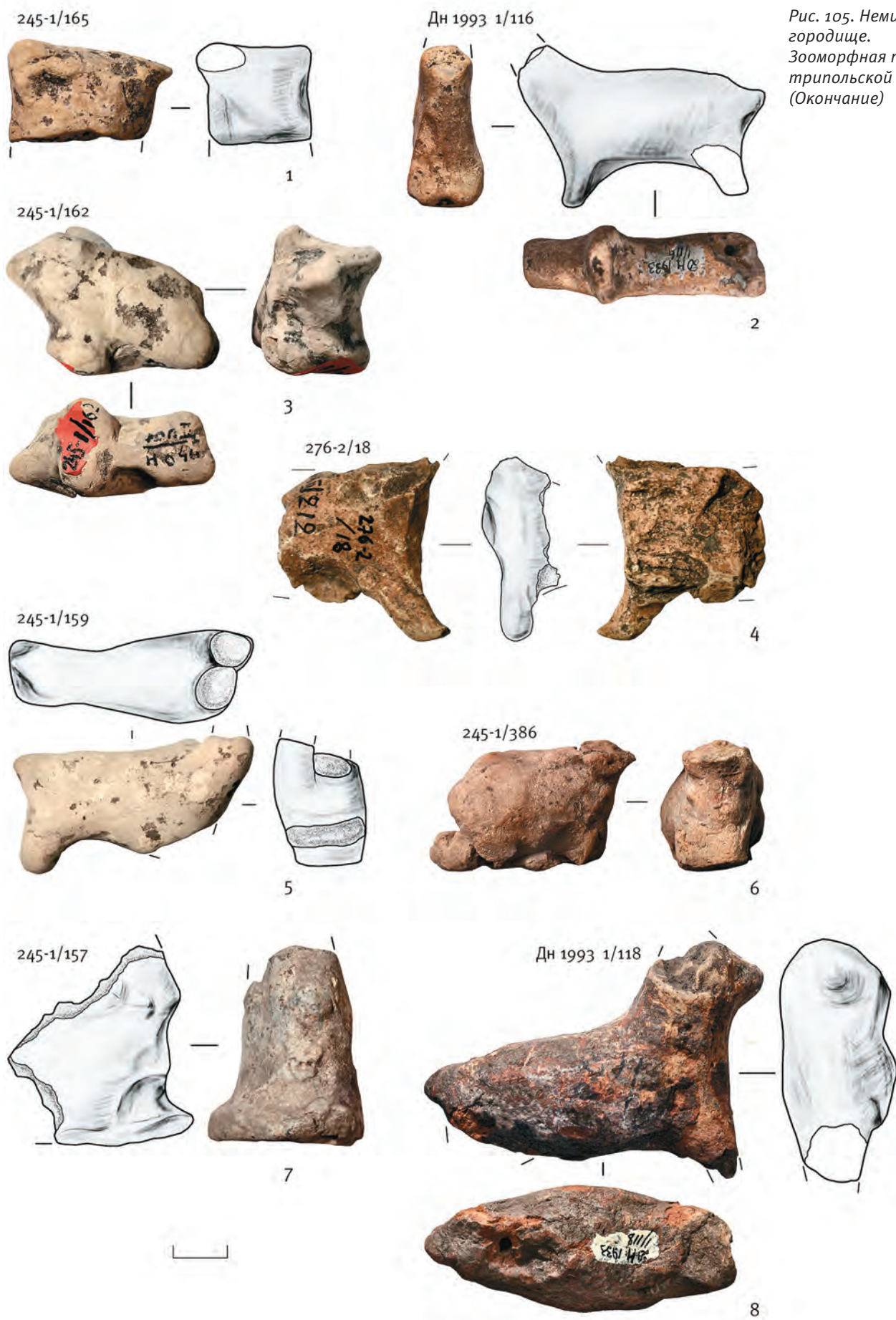


Рис. 105. Немировское городище. Зооморфная пластика трипольской культуры. (Окончание)



Таким образом, в коллекции трипольских материалов из Немирова мы имеем набор зооморфной пластики, достаточно разнообразной как по внешнему облику, так и по технике изготовления. Поскольку по уже упомянутым причинам археологический контекст находок неизвестен, можно лишь предполагать, что назначение их различалось. Вполне вероятно, что часть из них была детскими игрушками, часть изготовлена руками детей в подражание взрослым, а часть была связана с какими-то ритуалами: статуэтки с глубокими наколами, напоминающими раны, и деформированные в процессе изготовления. В качестве аналогий можно привести ближневосточные находки неолитических фигурок животных, которые были изготовлены небрежно, из глины низкого качества со следами повреждений, поскольку предназначались, по мнению ряда исследователей, для ритуалов охотничьей магии (Freikman, Garfnkel 2009: 15–16; Martin, Meskell 2012: 415–416).

В целом, совокупность стилистических особенностей зооморфных фигурок из Немирова, таких как соединенные попарно ноги, наличие короткого торчащего хвоста, плоские бока хронологически соотносятся с концом среднего и началом позднего периодов — Триполье VII–CI (Балабина 1998: 34–35). Тем не менее, фрагментарность, относительно небольшое количество и невыразительность статуэток не дала бы их четкой хронологической привязки без анализа керамического комплекса, а также набора антропоморфной пластики.

### 3.5. Изделия из глины

В трипольской коллекции из Немирова имеется еще несколько изделий из глины (Приложение 4). Это глиняные конусы, диски, пряслица, бусины, подвеска, а также предметы неизвестного назначения (рис. 106–108).

Наиболее многочисленными предметами из глины в комплексе являются глиняные конусы, которые достаточно часто встречаются на памятниках трипольской культуры практически всех временных периодов (Бибииков 1953: 201; Маркевич 1981: рис. 13, 4–7; Балабина 1998: 165–169; Peterscu-Dîmbovița

et al. 1999: fig. 377–379; Marinescu-Bîlciu, Bolomey 2000: fig. 178, 7–28; 179, 17–30; Попова 2003: 50).

В коллекции из Немирова всего семь конусов. Они все вылеплены из чистой мелкоструктурной глины без примесей светло-желтого цвета, слабо обожжены (рис. 106, 6–11). Диаметр основания не превышает 2–2,5 см, а высота 1,5–2,5 см. Основание у конусов плоское, хотя в других трипольских комплексах известны аналогичные изделия с вогнутым основанием (см. Попова 2003: рис. 31, 1, 9, 13, 15, 17). Эти различия, очевидно, связаны исключительно с индивидуальными особенностями лепки.

Один конус выделяется среди остальных очень неровной, плохо обработанной поверхностью (рис. 106, 11). Судя по миниатюрным размерам вдавливаний от пальцев и ногтей, можно предположить, что он был вылеплен руками ребенка. Практическое назначение глиняных конусов не ясно. Скорее всего, они могли использоваться в качестве игральные фишек (Бибииков 1953: 201; Маркевич 1981: 20). Предположительно к фишкам для игры можно также отнести предмет, отдаленно напоминающий катушку, сужающийся к центру, с плоскими окончаниями, а также фрагмент изделия с аналогичным плоским основанием и обломанный в верхней части (рис. 106, 13, 14).

Важно отметить, что на поселении Ворошиловка, относящемуся к той же локальной группе, что и Немиров, но к более раннему этапу, найдено более 20 аналогичных конусов. Наборы конусов были также обнаружены и на других поселениях этой локальной группы, таких как Куриловка, Лисогорка, Сосны (Гусев 1995а: 220). В то же время в трипольских комплексах встречаются конусы и с зооморфными и антропоморфными навершиями (см. Маркевич 1981: рис. 13, 6; Шмаглій и др. 1985: рис. 5, 4–6; Petrescu-Dîmbovița et al. 1999: fig. 377, 1).

Пять предметов, скорее всего, имели декоративное назначение. Это две бусины округлой и одна продолговатой формы, плоская овальная «подвеска», а также миниатюрный округлый диск с отверстием посередине (рис. 106, 1–5). Подвеской, по-видимому, можно считать и фрагмент кости, разрезанной вдоль, отшлифованной до блеска, с отверстием с одного края

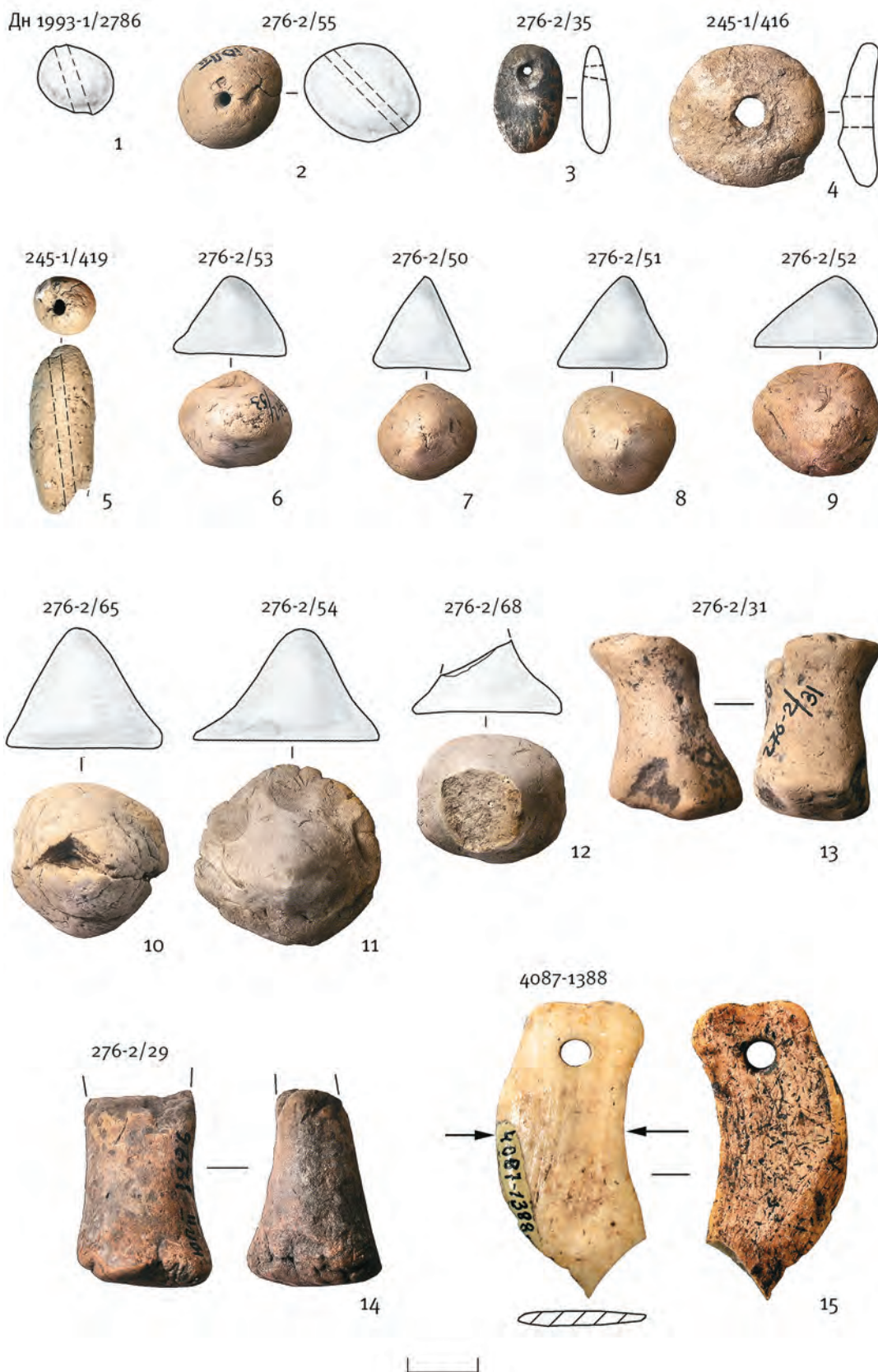
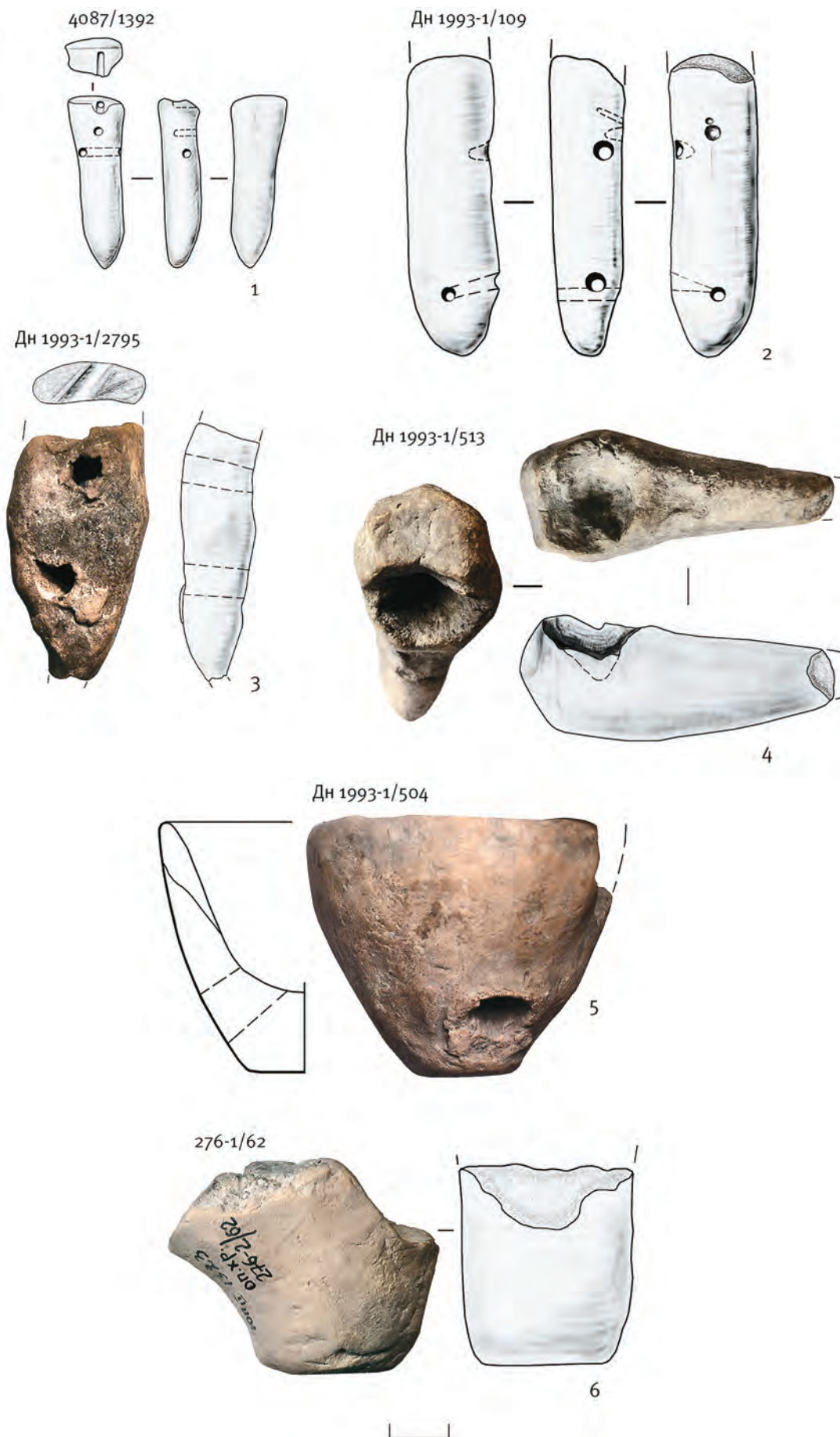


Рис. 106. Немировское городище. Изделия из глины и кости (15) трипольской культуры

Рис. 107. Немировское  
городище.  
Изделия из глины  
трипольской культуры





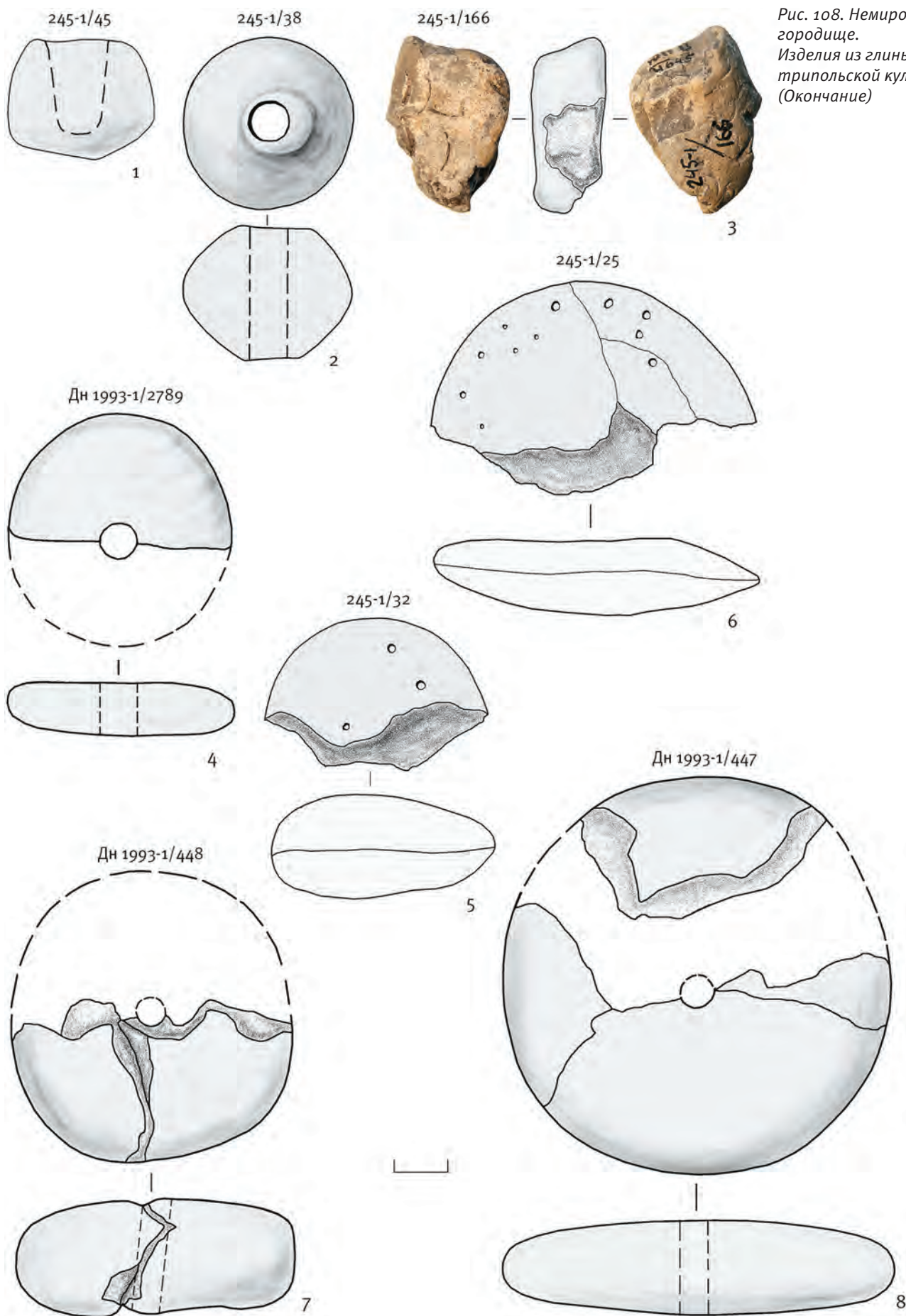


Рис. 108. Немировское городище. Изделия из глины трипольской культуры. (Окончание)

(рис. 106, 15)<sup>8</sup>. Однако, судя по интенсивному блеску поверхности, не исключено, что это было небольшое лощило.

Среди изделий из глины в коллекции имеется пряслице биконической формы. Оно изготовлено из очень плотной глины, а его поверхность заглажена до блеска (рис. 108, 2). К предметам, вероятно, выполняющим ту же функцию отяжки или утяжелителя, можно отнести три плоских диска с округлым отверстием посередине (рис. 108, 4, 7, 8). Еще одно изделие по форме напоминает пряслице, но отверстие в нем несквозное (рис. 108, 1). Оно изготовлено из мелкоструктурного теста практически без примесей. Этот предмет мог также выполнять роль какого-то утяжелителя или напершка.

К глиняным предметам непонятного назначения относятся два плоских изделия округлой формы диаметрами 4,5 и 6,7 см с точечными наколами на поверхности (рис. 108, 5, 6). Каждый из них сформован из двух лепешек глины. Наколы нанесены бессистемно острым, округлым в сечении предметом. Отсутствие, на современный взгляд, каких-либо функциональных деталей пока не позволяет определить их назначение. Похожее изделие было найдено на трипольском поселении позднего периода Троянов — тоже плоское, округлой формы, но с ямками вместо точечных наколов. Этот предмет из Троянова определен автором как вотивный (Видейко 2004а: 554).

С двумя описанными выше изделиями соотносится фрагмент плоского предмета из коллекции Немирова неопределенной формы с многочисленными отпечатками ногтей (рис. 108, 3). Причем ногтевые отметины сделаны намеренно по уже заглаженной поверхности и расположены в одном направлении.

В археологической литературе неоднократно упоминались находки на трипольских поселениях изделий в виде небольших лепешек глины. Они названы исследователями «глиняными хлебцами», возможно, использовавшимися для проведения каких-то ритуалов, связанных с земледелием (Заец, Рыжов 1992: 137, рис. 53, 4; Цвек 1993: 85; Бурдо 2004: 574–575). Так называемые глиняные хлебцы, также охарактеризованные как пред-

меты культа, встречаются и на поселениях позднего бронзового века культур Ноуа, сабашиновской и белоградской (Балагури 1985: 485; Березанская, Шарафутдинова 1985: 496; Березанская 1985: 508). По внешнему виду три глиняных диска из коллекции Немирова напоминают такие «хлебцы», но без археологического контекста и более конкретных аналогий относить их к предметам культа нет достаточных оснований.

Исключительно функциональное назначение, по-видимому, имел продолговатый предмет, по форме напоминающий ложку (рис. 107, 4). Изделие сделано достаточно грубо, но из мелкоструктурной глины и, несмотря на неровную поверхность, тщательно заглажено. Ложки в трипольских комплексах встречаются относительно редко (см. Бибииков 1953: табл. 52; 53; Petrescu-Dîmbovița et al. 1999: fig. 323, 12). Зато черпаки — аналогичные предметы, но более крупных размеров — встречаются гораздо чаще (см. Matasă 1946: pl. XLII; XLIII; Vulpe 1957: fig. 199; 202). Здесь можно согласиться с С. Н. Бибииковым, который в свое время высказал мнение, что ковши (или черпаки), скорее всего, являлись производными от ложек, а очень незначительное количество находок ложек объясняется тем, что они, возможно, изготавливались в основном из другого материала, например из дерева (Бибииков 1953: 144).

Среди небольшого, но довольно разнообразного набора предметов из глины следует отметить толстую, округлую в сечении короткую ножку от модели жилища или от так называемого алтарного столика (рис. 107, 6). Ножки зооморфных сосудов обычно менее массивные. «Алтари» или «алтарные столики» встречаются не только в трипольской культуре. Они получили достаточно широкое распространение и в энеолитических культурах Балкан (Николов 2007). Как правило, они представляют собой плоскую поверхность различной формы (в виде круга, треугольника, квадрата) с бортиками на трех или четырех ножках. Не исключено также, что ножка принадлежала какой-то массивной зооморфной статуэтке или модели жилища.

Несколько глиняных изделий из представленного набора предположительно объединены каким-то общим функциональным назначением. О каждом следует сказать отдельно. Первое — в виде столбика, округлого в сечении, один конец которого обломан,

<sup>8</sup> Изделий из кости в коллекции трипольских материалов из Немирова больше нет, и мы посчитали возможным упомянуть этот предмет здесь.

а другой конической формы. На нем расположено два сквозных и два несквозных отверстия диаметром 1 мм (рис. 107, 1). Второе изделие аналогично первому, но больших размеров, также со сквозными и несквозными отверстиями диаметром 2 мм, расположенными несколько иначе, чем у первого (рис. 107, 2). Прямых аналогий в культуре Триполье-Кукутень нет, во всяком случае, не опубликовано. Изделия со сходным сочетанием сквозных и несквозных отверстий, но имеющие плоское основание, обнаружены всего на двух поселениях — Трушешть и Хэбэшть (Dumitrescu et al. 1954: fig. 37, 7, 9, 10, 17, 18; Petruscu-Dîmbovița et al. 1999: fig. 380, 1–4, 6). Назначение их не определено, все они считаются культовыми.

Учитывая сложную систему отверстий, очень узких в диаметре, можно предположить, что эти изделия каким-то образом связаны с ткацким производством. Ткачество в Триполье и других (соседних) энеолитических культурах рассмотрено в целом ряде общих и специальных работ (см. Макаревич 1960: 29–32; Новицкая 1960; Chmielewski 2009). Основными источниками о его развитии в Триполье являются отпечатки тканей различного плетения на донцах сосудов, многочисленные пряслица и массивные грузила, которые могли использоваться для ткацких станков. В западных энеолитических культурах, а также в Малой Азии и на Балканах встречаются сосуды со специальными петлями внутри, применявшиеся при прядении нитей (Chmielewski 2009: 149–153). Реконструкция приспособления для протягивания и переплетения нитей, приведенная в монографии Т. Я. Хмелевского, наводит на мысль о том, что два вышеописанных предмета могут быть элементом подобной конструкции (Ibid.: рис. 96).

Не исключено, что плоский предмет вытянутой формы с тремя отверстиями, проделанными по сырой глине, мог также использоваться в ткацком производстве в качестве элемента распределителя нитей (рис. 103, 3).

Изделие в виде миниатюрной миски с округлым отверстием у дна (верха?), очевидно, миской не являлось, поскольку отверстие в нем проделано в процессе лепки (рис. 107, 5). Изначально возникла идея, что эта «миска» могла быть связана с литейным производством. В Отделе научно-техниче-

ской экспертизы ГЭ был проведен рентгенофлуоресцентный анализ внутренней, внешней и торцевой поверхностей данного предмета. Исследования показали, что элементный состав во всех случаях идентичен. Оптическая микроскопия также не выявила следов зашлакованности и какого-либо дополнительного термического воздействия. Поэтому возникло другое предположение — об использовании данного изделия в ткацком деле, например для предотвращения спутывания нитей.

Подводя итог анализа изделий из глины, хотелось бы заметить, насколько важно обращать больше внимания на предметы, функциональное назначение которых пока не определено из-за их фрагментарности и отсутствия аналогий. Зачастую исследователи избегают публиковать подобные находки или условно, без особых на то оснований, относят их к предметам культа. На самом же деле накопление информационной базы дало бы значительно больше возможностей не только для определения функции подобных изделий, но и для реконструкции ремесленной деятельности энеолитического населения в целом.

### 3.6. Выводы

Публикация материалов трипольской культуры, происходящих из Немирова, является очередным опытом работы с музейными коллекциями без археологического контекста и почти с полным отсутствием полевой документации. Тем не менее, статистическая обработка и выделение количественного и процентного соотношения форм керамики, несмотря на выборочность материала, дает представление и о функциональном наборе посуды эпохи развитого Триполья.

Подробный анализ керамического комплекса, зооморфной и антропоморфной пластики, каменного инвентаря (см. Приложения 2–5) также позволил сделать ряд существенных выводов относительно хронологии и атрибуции материалов памятника.

В свое время С. А. Гусев исследовал целую группу трипольских памятников на территории Среднего Побужья и выделил их в среднебугский локальный вариант. Наиболее ранние из этих поселений принадлежали этапу VI–VII среднего Триполья, а поздние — этапу CI начала позднего (Гусев 1995а:



79; 1995б). Поскольку С. А. Гусев полагал, что Немиров и Немиров — урочище «Могилки» являются двумя разными хронологически последовательными трипольскими поселениями, первое он сопоставлял с этапом VII среднего периода Триполья, а второе — с этапом CI начала позднего.

Как уже отмечено выше, изучение полевой документации и анализ керамики показали, что коллекции из Немирова и Немирова — урочище «Могилки», а также Щербатова городища представляют материалы одного поселения. Керамический комплекс всех трех коллекций идентичен. Биконические сосуды с трапецевидным горлом и реповидным туловом, также наличие острого ребра в формах расписной посуды являются поздними признаками, характеризующими этап CI. Причем остросереберные формы напрямую связаны с необходимостью массового керамического производства на поселениях-гигантах, появившихся в Триполье в начале позднего периода (этап CI) на территории Буго-Днепровского междуречья, где сосуды для ускорения процесса стали формироваться из стандартных верхних и нижних частей. При этом следует отметить, что в Немирове наряду с остросереберными сохранялись и сосуды с плавным S-видным профилем. Поселение в Немирове было относительно небольших размеров, техника конструирования керамики из двух частей здесь использовалась, но в ней не было острой необходимости. Она не была стандартизирована так, как на поселениях-гигантах, и применялась в основном для изготовления сосудов небольших размеров, например кубков.

Роспись на сосудах из Немирова монохромная, выполненная в стиле ε, по классификации Г. Шмидта, что характерно для трипольских керамических комплексов конца среднего и начала позднего периодов — этапов VII и CI. В орнаменте на керамике из

Немирова доминируют метопные композиции и практически нет спиралей, широко распространенных на этапе VII среднего периода. Также на одном биконическом сосуде есть схематичное изображение птицы, что является одним из хронологических маркеров этапа CI.

Находки статуэток крупных размеров со ступкообразным основанием, несмотря на широкий хронологический разброс, максимально концентрируются на трипольских поселениях Побужья, соответствующих этапам VII и CI. В то же время основанием для сопоставления трипольского слоя из Немирова с началом позднего периода можно считать наличие в наборе антропоморфной пластики женской статуэтки с младенцем на руках, поскольку подобные изображения были обнаружены в трипольских комплексах именно этого хронологического горизонта, таких как Сушковка, Майданецкое, Кринички.

Таким образом, в трипольском керамическом комплексе из Немирова представлены в равной мере элементы, характерные как для конца этапа VII, так и для CI. Граница перехода от конца среднего к позднему периоду Триполья не имеет достаточно четких критериев, что уже не раз было отмечено исследователями. Это также связано с локальными особенностями относительно одновременных памятников на разных территориях ареала (см. Дергачев 1980: 9; Старкова 2009: 303). Поэтому можно считать, что трипольские материалы Немировского городища из фондов ГЭ, собранные в три коллекции: собственно Немиров (№ 245), Немиров — урочище «Могилки» (№ 276), Щербатово городище (№ 4087), — являются материалами из одного поселения, соответствующего началу этапа CI Триполья. Радиоуглеродные даты этапа CI укладываются в промежутки 3850–3500 гг. до н.э. (по Mantu 1998) или 3600–3200 гг. до н.э. (по Відейко 2004).

## ГЛАВА 4. Материальный комплекс Немировского городища в раннем железном веке

### 4.1. Особенности материальной культуры

Своеобразие материальной культуры Немировского городища и ее отличие от синхронных памятников Северного Причерноморья формируют два основных фактора: лепная (местная) керамика и ранний греческий импорт (об импорте — см. гл. 5).

В местном керамическом комплексе более 100 лет назад А. А. Спицын выделил чистый (*echte*) Гальштатт и подражания (*a la Gallystatt*). Анализируя керамику из Немирова, он поставил вопрос о связях скифов с Гальштаттом:

**«Россия не обделена остатками так называемой Гальштаттской культуры и что район распространения этой культуры здесь даже значителен. <...> Гальштаттская культура <...> уже выступила определенно на Волини и в Подолии <...> связь скифов с Гальштаттом выявилась при раскопках Немировского городища <...> "скифская" посуда находится в тесной связи с Гальштаттской» (Спицын 1911: 155 и сл.).**

Позднее, когда в 1946–1953 гг. в Побужье были проведены раскопки и разведки, идея А. А. Спицына подтвердилась, а факт «гальштаттского присутствия» в керамическом комплексе Немирова оказался важным при характеристике местной культуры скифского времени. Опираясь на своеобразие материальной культуры Немировского городища, М. И. Артамонов и Г. И. Смирнова выделили подольскую группу памятников, которую они отличали от синхронных памятников скифского времени Поднепровья и Поднестровья (Артамонов 1955а: 100 сл.; 1955б: 84–87; Смирнова 1954: 7 и сл.).

Против этого никто и не возражал. Памятники лесостепного Побужья были выделены в верхнебужский вариант скифской культуры (Фабриціус 1948: 207–208; 1951, 52 и сл.) или побужскую группу памятников (Граков, Мелюкова 1954: 82–86, рис. 9). В дальнейшем была выделена восточноподольская (побужская) локальная группа или локальный вариант лесостепной культуры скифского време-

ни (Іллінська, Тереножкін 1971: 94–97; Ильинская, Тереножкин 1983: 282–286; Бессонова 1994).

Характеризуя восточноподольскую/побужскую группу, исследователи обращали внимание на то, что в ней очень мало материалов раннескифского периода, особенно погребальных памятников. Было отмечено значительное присутствие милоградских культурных традиций. Подчеркивалось промежуточное, периферийное положение побужской группы в зоне контактов носителей соседних милоградской и северофракийской культур, о чем свидетельствуют специфика процесса «скифизации» этого региона и более ослабленное проявление «скифского» в погребальном обряде времени Геродотовой Скифии (Бессонова 1994: 29–31).

Вновь обращаясь к материалам раннего железного века из Немировского городища, мы ставили перед собой задачу выявить признаки, обеспечивающие своеобразие его материальной культуры, и разглядеть «тот самый гальштатт».

### 4.2. История формирования коллекции

Находки раннего железного века были обнаружены еще С. С. Гамченко. Ему понадобилось несколько лет, чтобы разобраться с тем, что же он нашел и собрал у местных жителей и кладоискателей на Щербатовом городище (центральная часть памятника «Замчиско»). В итоге в своем полевом отчете он отнес материалы из Немирова не только к известным тогда эпохам и культурам, но также к новым, выделенным им культурам. Наличие этих последних не подтвердили ни последующие раскопки на памятнике, ни его рукопись, чертежи и фотографии из НА ИИМК РАН (Гамченко 1909), ни коллекция в фондах ОАВЕС ГЭ. Собранные им около 500 фрагментов керамики он распределил среди гальштаттской эпохи, латена и римского времени. Как хорошо видно на таблицах из его полевого отчета, большая часть этих фрагментов на самом деле относится к раннескифской культуре, которая на Немирове

представлена единым, но разнообразным керамическим комплексом. Например, в разделе «Гальштатт» у него фигурируют фрагменты от чернолощенных мисок (рис. 109).

Удивительно выглядит «культура грушевидностей», которую С. С. Гамченко усмотрел среди материалов. В данном случае он основывался на раскопанных хозяйственных ямах колоколовидной формы (рис. 110; 111), в заполнении которых обнаружено много обломков горшков с расчлененным валиком по краю и проколами, как и культурных остатков других исторических эпох (рис. 112). Как ясно видно из текста полевого отчета, исследователь сам остался в недоумении и не решил, каким же временем можно датировать эту культуру.

Эти сложности объяснимы: С. С. Гамченко — первый среди исследователей Немировского городища, который в своих раскопках имел дело с несколькими поселениями разных исторических эпох. Судя по описанию и найденным материалам, эти ямы следует относить к раннему железному веку. Совсем «запутали ситуацию» найденные им погребения (см. Приложение 9), в результате чего был поставлен вопрос о могильнике и большом кургане на курганообразном возвышении Щербатова городища.

Проводивший в следующем, 1910 г. раскопки А. А. Спицын культуру «грушевидностей» не нашел. Зато он дал словесную характеристику керамики Немировского городища, которую большей частью отнес к «посуде скифского периода, смешавшейся с черепками гальштаттской культуры...» (ОИАК 1913б: 182), и написал о присутствии последней в России (Спицын 1911). А. А. Спицын усмотрел неоднородность посуды скифского периода (скифская, гальштаттская и подражания), но речь не шла о том, что вся эта керамика может быть датирована разным временем (Там же). Судя по «Корочкам», при его раскопках были найдены ямы (см. гл. 2.2), часть которых относится к раннему железному веку. Однако состояние его записей и отсутствие сопутствующего иллюстративного материала, несмотря на наличие полевых описей в фондах ОАВЕС ГЭ, ограничивают возможности работы с материалами.

При раскопках 1946–1948 гг. М. И. Артамонова были получены многочисленные материалы раннего железного века. Из-за состояния полевой документации (см. гл. 2.3)

их можно рассматривать только совокупно, без разделения (за редкими исключениями) по комплексам и объектам. В опубликованных работах М. И. Артамонова по Немировскому городищу речь шла только о скифской культуре раннего железного века.

В фондах ОАВЕС ГЭ хранятся три коллекции материалов раннего железного века из раскопок С. С. Гамченко (Дн 1993), А. А. Спицына (Дн 1933) и М. И. Артамонова (№ 278 — 1947 г. и № 251 — 1948 г.).

**Коллекция С. С. Гамченко** (Дн 1993) насчитывает 504 инвентарных номера, среди которых 497 фрагментов керамики (в том числе латенского и позднеримского времени) и семь изделий из бронзы (булавка, обломок булавки (?) и пять наконечников стрел).

**Коллекция А. А. Спицына** (Дн 1933) состоит из 3129 инвентарных номеров, среди которых имеются материалы трипольской и древнерусской культур, а также изделия других эпох (31 предмет: три польские монеты; четыре стеклянные бусины; шлак; 14 обломков обмазки; два обломка мела; три целых и четыре обломка раковин *Unio*; зерна; многочисленные образцы земли). Материалы, в основном, относятся к раннему железному веку, но среди индивидуальных находок имеются как ранние, так и поздние предметы.

Эта коллекция состоит из около 3050 предметов: 2611 фрагментов керамики (в том числе шесть целых и 17 миниатюрных сосудов), 163 изделия из глины (42 катушки и три обломка, 38 пряслиц и 32 их обломка, пять грузиков и два обломка, пять шариков, пять бусин, две пуговицы с двумя отверстиями, шесть лепешек, кружок из стенки сосуда; три обломка дисков, 17 поделок и два обломка зооморфных фигурок), 120 изделий из кости и 146 изделий из рога (26 прокол и их обломки, три иглы, шесть наконечников стрел (четыре — четырехгранные и два — втульчатые), обломок псалия, три втулки-рукоятки), 78 костей животных (в том числе обработанные), 17 роговых изделий (рукоятка, два изделия, два — со следами обработки, а также девять клыков и зубов); 35 изделий из камня и 43 изделия из кремня (шесть точильных брусков и обломков, 13 изделий, 10 — со следами обработки, пять шаров, обломок зернотерки/жернова, пять кремневых пластин и три кремневых отщепы), 25 изделий из бронзы (семь булавок, обломок булавки (?), спиральная пронизка, два обломка



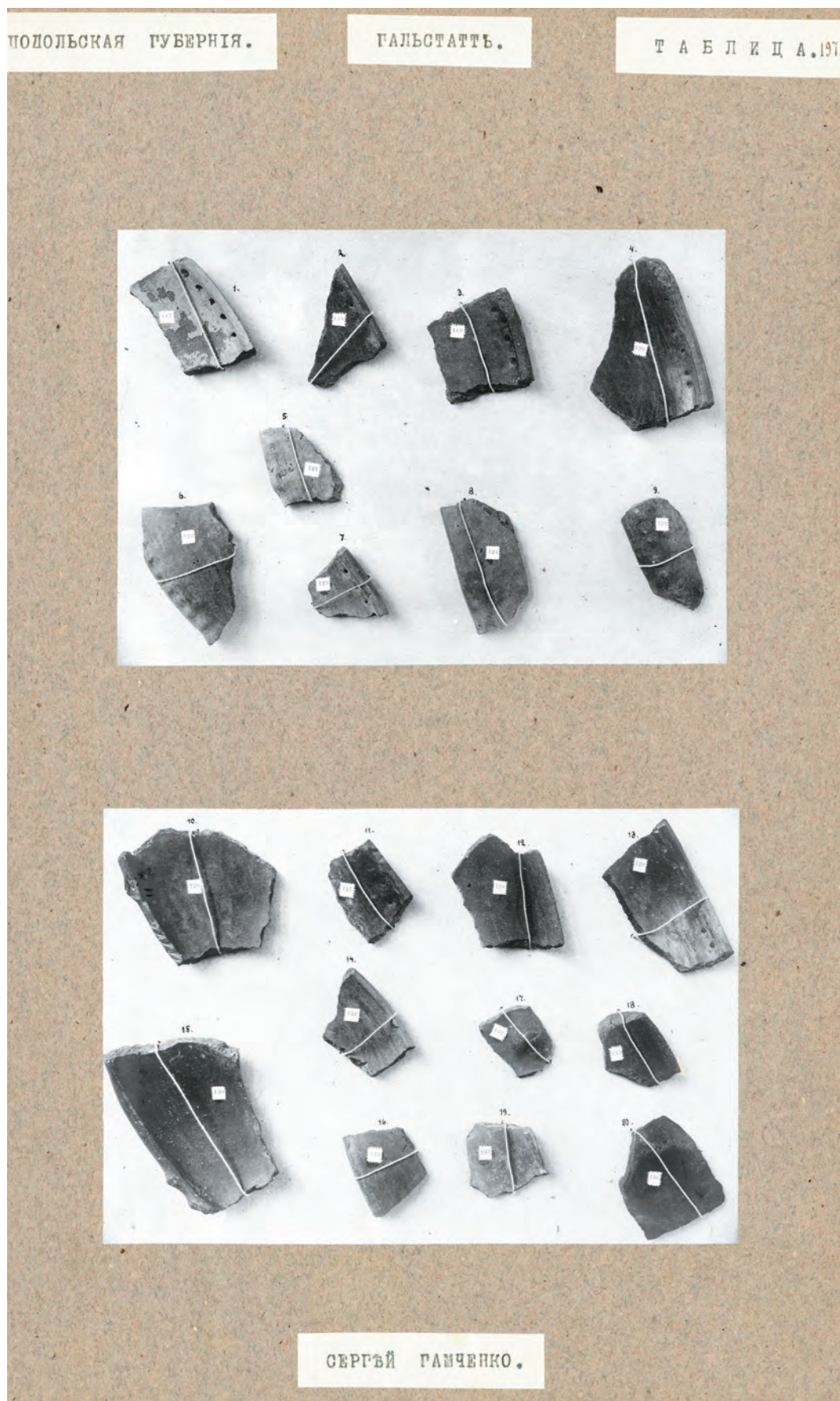


Рис. 109. Щербатово городище (центральное укрепление Немировского городища). Раскопки С. С. Гамченко, керамика (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, 1909, д. 85е, л. 7; публикуется впервые)



Рис. 110. Щербатово городище (центральное укрепление Немировского городища). Раскопки С. С. Гамченко, планы и разрезы комплексов «культуры грушевидностей» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, 1909, д. 85е, л. 26-1; публикуется впервые)

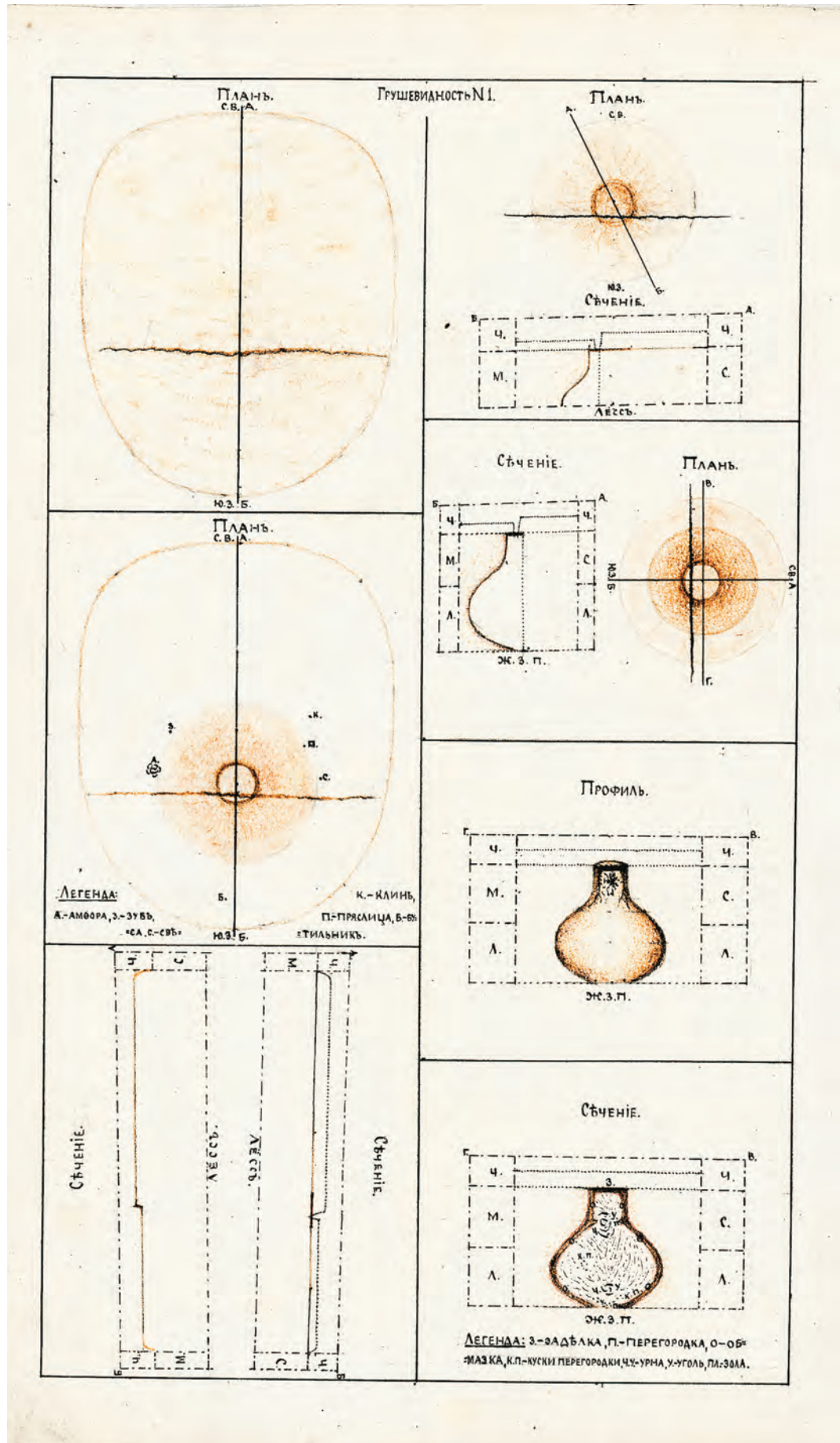
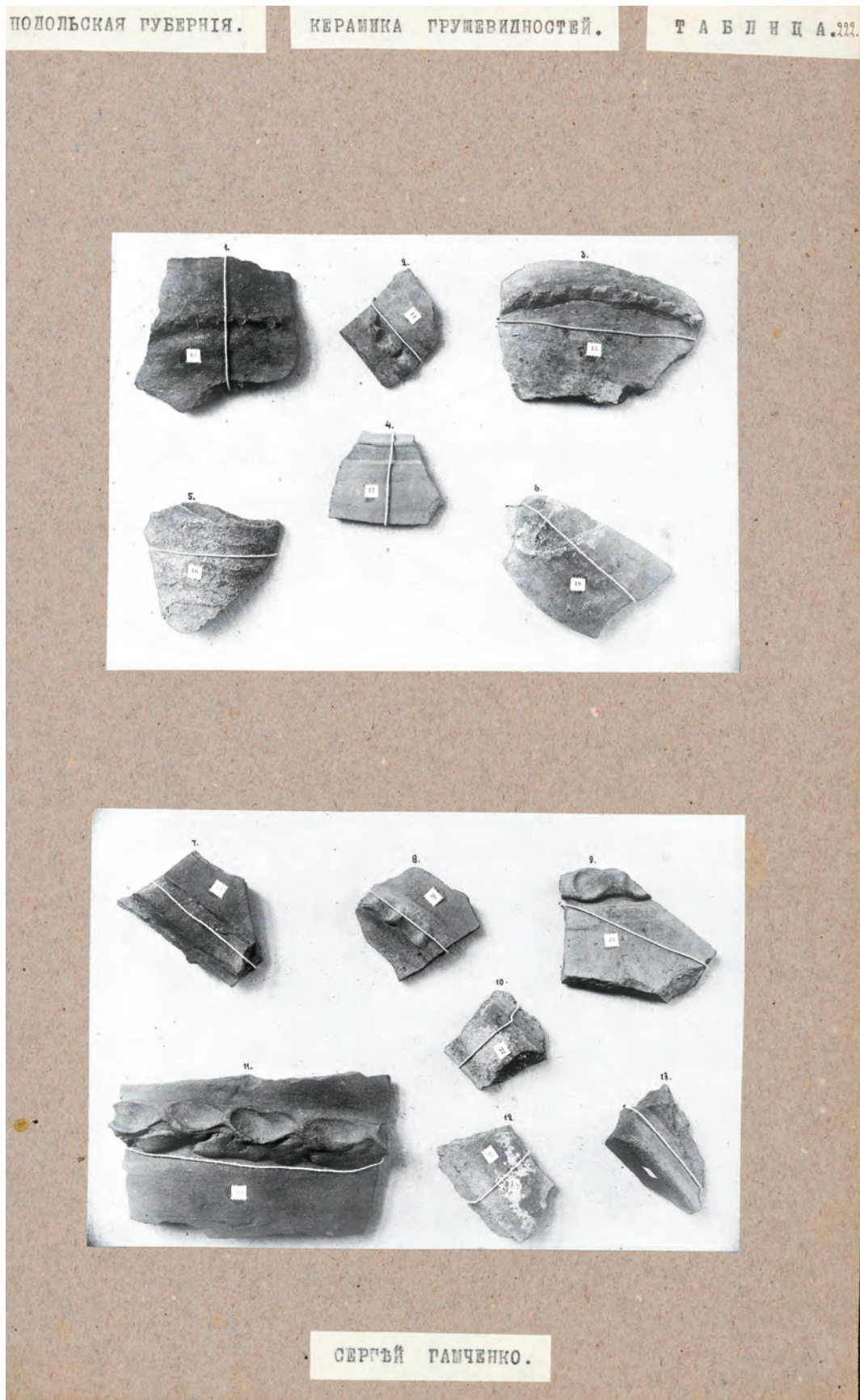






Рис. 112. Щербатово городище (центральное укрепление Немировского городища). Раскопки С. С. Гамченко, керамика «культуры грушевидностей» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, 1909, д. 85е, л. 32; публикуется впервые)



бляшек-пуговиц, два колечка, две подвески, семь наконечников стрел, кельт, обломок сосуда, крючок), 36 изделий из железа (два ножа и семь обломков, три серпа и обломок, восемь обломков булавок (?), два обломка игл, два шила, два крючка, обломок пластины (панцирь (?)), обломок проволочного браслета (?), обломок цепи, три наконечника стрел, четыре обломка других изделий).

**Коллекция М. И. Артамонова** из раскопок 1947 г. (опись хранения № 278) насчитывает 604 предмета, среди которых 603 фрагмента керамики (в том числе греческая посуда), включая два целых сосуда, и изделие из камня (точильный камень); из раскопок 1948 г. (опись хранения № 251) в фондах отложился 361 предмет, среди которых 351 фрагмент керамики (в том числе греческая посуда), пять изделий из глины (катушка и обломок катушки, кружок, стержень, обломок диска/крышки), костяная проколка, три изделия из камня (точильный брусок и обломок, орудие труда со следами обработки), а также шлак.

#### 4.3. Изучение коллекции: что остается и что меняется

Имеющиеся в фондах ОАВЕС ГЭ коллекции Немировского городища, как видно из краткого описания, составлены по разным принципам: материалы из раскопок С. С. Гамченко и А. А. Спицына не были специально отобраны. Они представлены разными изделиями и обломками керамики от всех частей сосудов, включая малоинформативные стенки. Однако мы не можем быть уверены, что в эрмитажное собрание попали все предметы (особенно керамика), найденные при раскопках. Стоит принимать во внимание и тот факт, что часть коллекции А. А. Спицына, как и часть материалов из раскопок П. А. Балицкого в 1911 г., могла попасть на хранение в другие музеи (см. гл. 1.1). Коллекция из раскопок М. И. Артамонова, напротив, состоит из отобранных материалов — это фрагменты венчиков и профильных частей сосудов, среди которых обломки стенок являются редкими исключениями. Исходя из сказанного выше, невозможно достоверно подсчитать соотношение простой/кухонной и лощеной керамики раннего железного века.

Долгое время вся отложившаяся в фондах керамическая коллекция рассматривалась специалистами как единообразная,

культурная атрибуция которой была определена как скифская лесостепная культура.

Однако при изучении коллекции в 1990-х гг. среди местных материалов Г. И. Смирнова выделила наиболее ранние находки, которые она датировала доскифским временем и, согласно ее представлениям, отнесла к финальной фазе позднечернолесской культуры, что соответствовало раннежаботинскому этапу (см. Смирнова 1998а: 103 сл.; 2002: 217–219). Она разработала периодизацию материальной культуры раннего железного века Немировского городища, состоящую из трех фаз, из которых фаза 1 была отнесена к доскифскому времени, а фазы 2 и 3 (доколониционная и колониционная) — к раннескифскому времени. Более детально периодизация Г. И. Смирновой рассмотрена в главе 6.1, здесь остановимся на нескольких существенных положениях.

Исследовательница писала:

«Среднебужский регион в рамках Немирово-Северинской округи оказался вне сферы влияния культур Сахарна и Басарабь. <...> Здесь основным видом орнамента позднечернолесской лощеной посуды является каннелированный декор. <...> При выделении чернолесского пласта в Немирово главную определяющую роль играла грубая кухонная посуда. <...> Относя финальночернолесскую группу посуды из Немирова к этапу РСК 1, ее абсолютный возраст условно можно определять второй половиной VIII — началом VII вв. до н.э.» (Смирнова 2002: 217 сл.).

Новая обработка материалов не выявила «чернолесский пласт» в Немирово, по крайней мере, на раскопанной части памятника. Изучение *de visu* всей немировской лепной керамики, хранящейся в фондах ОАВЕС ГЭ, показало, что небольшая часть этой коллекции по технико-технологическим показателям и морфологически явно имеет архаический облик. Речь идет не только о некоторых типах грубой/кухонной посуды (горшки тюльпановидного профиля), но также о глубоких черпаках, кружках и мисках. Возле наземной «постройки» (которая считается сравнительно ранней на городище — см. ниже) найдены как простые/кухонные горшки с архаическими признаками (рис. 116, 2, 3, 6; 118, 1; 119, 1–4), так без них (рис. 117, 2). У некоторых происходящих



оттуда же глубоких мисок под краем встречены наколы-жемчужины (рис. 118, 3) — прием, широко распространенный на керамике раннескифского времени, и отнюдь не архаический. Сосуды с архаическими признаками (рис. 127, 2, 5; 128, 4, 5) обнаружены в заполнении землянки № 2 наряду с другими типами простой/кухонной керамики (рис. 127, 1, 7; 128, 3).

Обращает на себя внимание, что в большей или в меньшей степени такого рода архаический компонент присутствует в керамике практически каждого раскопанного в лесостепи городища или открытого поселения раннескифского времени. Много такой посуды на Жаботинском поселении, которое возникло на две-три четверти века раньше Немировского городища — там такого рода керамика известна еще с горизонта Жаботин-I и продолжает бытовать в течение всего периода функционирования памятника (см. Дараган 2011: 388 сл.). На ближайшем к Немирову Севериновском городище или более отдаленных Мотронинском и Хотовском городищах архаические горшки тюльпановидного профиля практически не известны, зато в сравнительно много найдено глубоких черпаков и мисок (см. Болтрик та ін. 2014а: 87 сл., рис. 2–4; Shelekhan et al. 2016: 106 ff., fig. 13; 14; 18, 1–5a,b; 21, 1–3, 9, 10; 25, 1–6; 27, 6, 7; 28; Бессонова, Скорый 2001: 56 сл.; Максимов, Петровская 2008: 43 сл.; Пейфтиць 2017: 69 сл.). Такого рода керамика ясно указывает на местный субстрат и автохтонный вариант культурогенеза для лесостепных культур раннескифского времени Днепровского бассейна (Максимов, Петровская 2008: 43 сл.). Это дает основания керамику архаического облика не соотносить с позднечернолесской культурой, верхняя хронологическая граница которой едва выходит в VIII в. до н.э. Важно отметить, что среди имеющихся материалов отсутствуют явные ранние находки предскифского времени.

Относительно «гальштаттского вклада» в культуру раннего железного века Немировского городища Г. И. Смирнова отмечала, что чернолощеная посуда технологически, типологически и по орнаменту (каннелюры) восходит к гальштаттской керамике Средней Европы, а также прослеживала связи с Юго-Восточным Прикарпатьем (контакты с группой Шолдэнешть или локальным вариантом культуры Басарабы).

Будучи признанным специалистом, фундаментально знающим не только проблематику, но и сами западноевропейские материалы, с которыми она имела возможность знакомиться *de visu*, она все-таки не решила вопрос о происхождении немировских форм посуды и ее орнаментации. Среди культур Восточногальштаттского круга и восточной периферии в Карпато-Дунайском бассейне она не выявила единый центр происхождения для лощеной немировской керамики (Смирнова 2001а: 33 сл.; 2002: 230 сл.).

Объективные причины кроются в ограничении применяемых тогда методов. Исследовательница предложила типологию керамики: были получены классификационные ряды, намечено развитие типов во времени (например, простой/кухонной посуды), выявлены местные/локальные и импортные/пришлые формы и мотивы декора, приведены аналогии в синхронных памятниках лесостепи и на более отдаленных территориях Карпато-Подунавья и Средней Европы (Там же). Материалы были изучены Г. И. Смирновой максимально возможно, основные аналогии приведены, направления поиска намечены. Стоит отметить, что в последние годы проводились исследования, в которых так или иначе рассмотрены гальштаттские (западноевропейские) влияния и импорты в лесостепных памятниках раннескифского времени в Северном Причерноморье, уточнен их характер и вклад в разные сферы культуры местного населения (см. Дараган, Снытко 2008: 303 сл.; Дараган 2010в: 85 сл.; 2011: 596 сл.; Бандрівський 2014: 258 сл., 304 сл.; и др.). Однако вопрос происхождения черной лощеной керамики с каннелированным декором остается открытым. Думается, что приблизиться к его решению можно с помощью современных аналитических методов изучения лепной керамики (химический, минералогический и др.), которые позволяют количественно установить минеральный и химический составы формовочной массы, выявить технологические приемы изготовления, идентифицировать источники сырья (см. Кайзер и др. 2016: 33 сл.). Без этих данных новая классификация лепной керамики из Немировского городища, к тому же лишенной бо-



лее-менее надежных археологических контекстов, не поможет решению вопроса ее происхождения.

Стоит добавить, что в последние годы изменились представления о характере и объеме гальштаттских материалов в Северном Причерноморье, которые уже нельзя рассматривать совокупно, как входящие в большой гальштаттский мир. Изменились взгляды и на сам гальштаттский мир (см. Кашуба 2012).

Принимая во внимание сказанное выше, лепная керамика из Немировского городища рассмотрена дифференцированно: на текущем этапе работы с коллекцией выделены группы посуды, сопоставимые с разными культурами гальштаттского периода из Карпато-Подунавья и, с определенной долей вероятности, Средней Европы (см. ниже). В настоящей книге предложены общая классификация и краткая характеристика немировской лепной керамики. Здесь также не приведены полные аналогии лепной посуде из Немирова среди предшествующих и синхронных памятников. Предполагается, что развернутая классификация с уточнениями и дополнениями по технико-технологическим параметрам посуды, как и полные аналогии, будут сделаны с учетом результатов естественнонаучных анализов немировской керамики<sup>9</sup>. В книге также представлены некоторые индивидуальные находки, которые можно использовать как хроноиндикаторы. В перспективе планируется отдельное издание, включающее каталог находок раннего железного века (лепная (местная) керамика, изделия) и результаты естественнонаучных анализов.

В настоящей главе при анализе материалов использовались имеющиеся разработки Г. И. Смирновой, в частности, типология местной керамики раннего железного века (Смирнова 1996; 1998а; 2001а; 2002). Современные исследования в целом подтвердили прослеженную динамику распределения материалов (ранние — поздние), сохранены представления о развитии материальной

культуры Немирова по трем фазам (или этапам). Однако согласно имеющимся данным это распределение укладывается только в раннескифский период и не выходит в предскифское время. Отсюда культурная принадлежность фазы 1 Немирова определена как раннескифская культура, она обозначена как «начальная, раннескифская» и отнесена к раннескифскому периоду.

#### 4.4. Объекты и комплексы

Описание дано в соответствии со схемой периодизации — по фазам 1–3. Согласно Г. И. Смирновой самая ранняя фаза представлена объектами, керамикой, а также отдельными индивидуальными находками (изделия из глины, кости и рога, камня и кремня, бронзы). Фазы 2 и 3 (доколониционная и колониционная) можно разделить только по некоторым объектам и комплексам; частично — по керамике и отдельным индивидуальным находкам. Все остальные материалы (керамика и индивидуальные находки) описываются совокупно, как принадлежащие доколониционной и колониционной фазам.

Характеристики массового материала и индивидуальных находок приводятся, с одной стороны, совокупно, с другой — отдельно по этапам развития в тех случаях, когда это возможно.

Количество найденного в объектах и комплексах массового материала (керамика) и индивидуальных находок не позволяет оценить состояние сохранившейся документации. При описании землянок № 1–3 использованы данные Г. И. Смирновой, дополнения сделаны при наличии новых сведений (например, разрез землянки № 1).

#### *Наземное сооружение*

К ранним комплексам были отнесены остатки наземного сооружения и несколько ям. Далее по тексту при ссылках на работы Г. И. Смирновой сохранена ее атрибуция ранних материалов как чернолесских, но это определение поставлено в кавычки.

Как было установлено Г. И. Смирновой, богатый «чернолесский» материал был получен из двух небольших раскопов, заложенных в 1946–1947 гг. возле внутреннего вала «Замчиско» (Смирнова 1998а: 81). Также она отмечала:

<sup>9</sup> Летом 2017 г. были отобраны первые несколько десятков образцов немировской керамики (простой/грубой и черной лощеной) для проведения серии естественнонаучных анализов. Авторы благодарят руководство ОАВЕС ГЭ в лице А. Ю. Алексеева и Ю. Ю. Пиотровского, а также хранителя коллекции С. Н. Сенаторова за разрешение и помощь в работе.

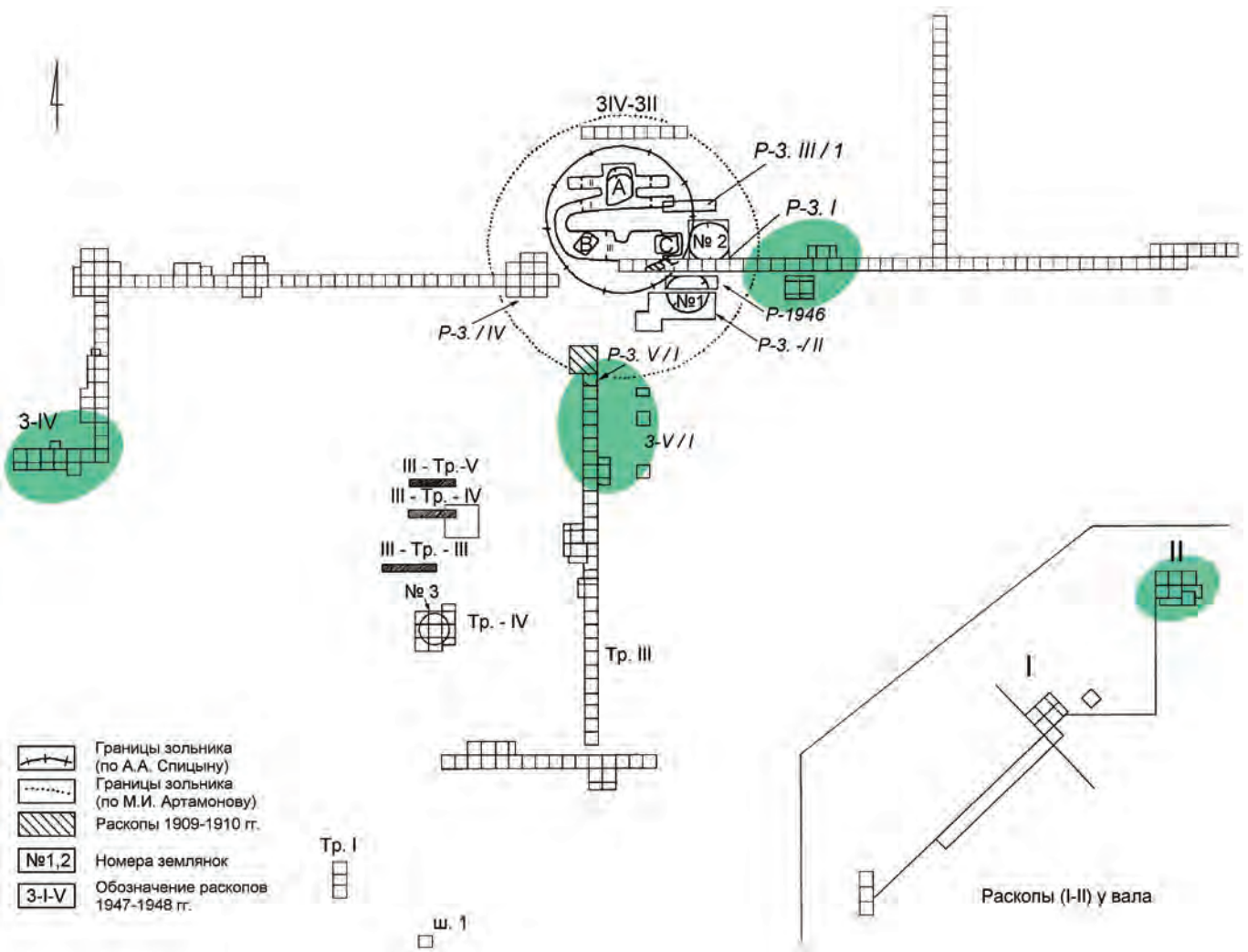


Рис. 113. Немировское городище. Раскопы 1909, 1910 и 1946–1948 гг. с обозначением мест расположения объектов, комплексов и скопленений находок керамики начальной фазы (1) раннескифской культуры

«Чернолесские черепки спорадически встречались в культурном слое разных участков внезольничного пространства. В северо-западной части плато и в шурфах, заложенных возле внутреннего вала, открыто несколько ям и остатки наземной постройки с глинобитным очагом, где концентрировалась керамика чернолесского облика» (Там же: 103) (рис. 113).

Наличие наземного сооружения (рис. 114) было предположено, исходя из концентрации материалов, имеющих архаический облик (рис. 115). В свое время Г. И. Смирнова (Там же: 97 сл.) писала о керамике, типичной для «чернолесской» культуры, полагая, что находки «чернолесских» образцов грубой посуды невелики, но типологически весьма выразительны (рис. 116, 1–6). Ниже приве-

дены описания по Г. И. Смирновой с необходимыми дополнениями.

**Керамика.** Среди простой/кухонной посуды отметим характерные для предшествующей чернолесской культуры горшки типа Nem-1<sup>10</sup> — тюльпановидной формы с расчлененным валиком под краем и по тулову, либо только по основанию шейки (рис. 116, 2, 3, 6; 118, 1; 119, 1–4). Валики у основания шейки обычно низкие, а помещенные под краем и на тулове — более высокие. Валик на шейке и тулове чаще сомкнут, но иногда концы его заходят друг за друга. Нередко по краю венчика нанесены мелкие вдавления, а также проколы или наколы. Как и на многих чернолесских поселениях, здесь преобладают горшки со светло-коричневой поверхностью, обычно заглаженной.

<sup>10</sup> Типы обозначены согласно новой классификации (см. ниже).

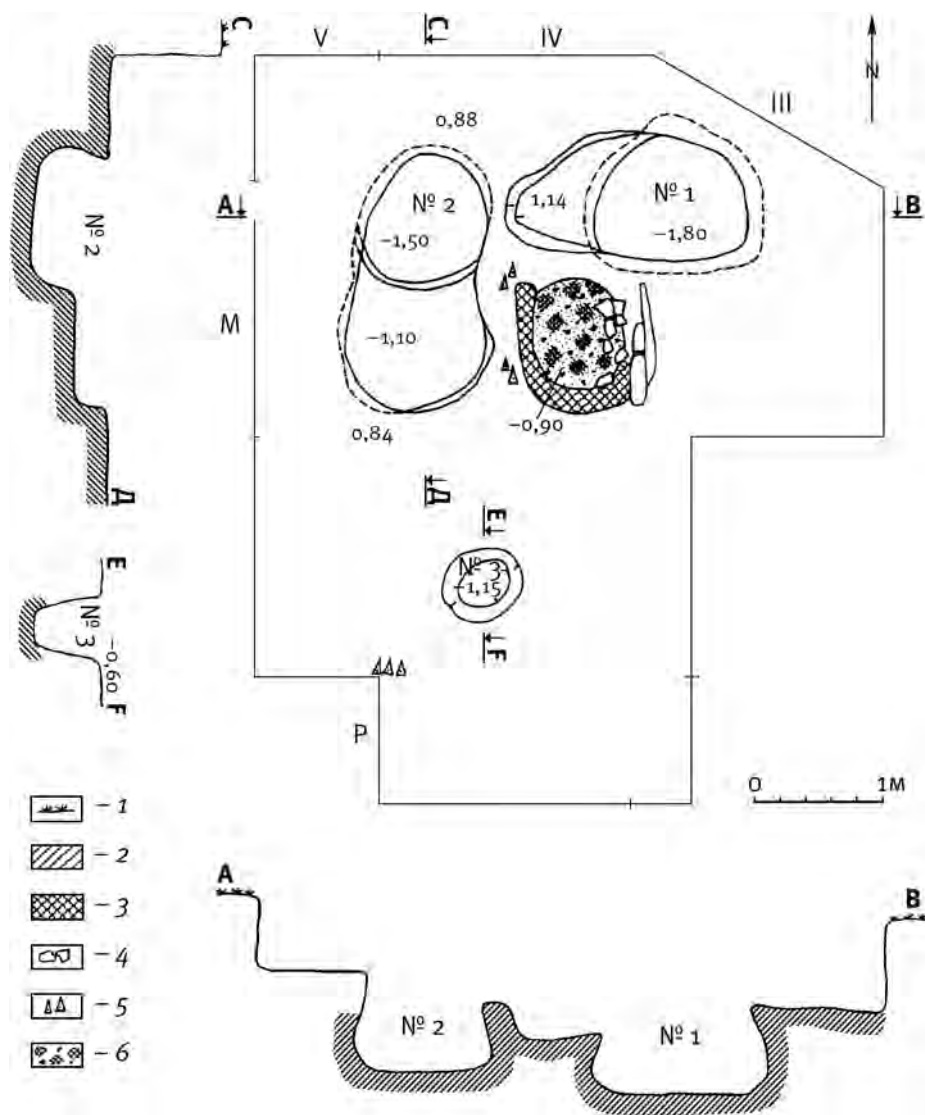


Рис. 114. Немировское городище, раннескифская культура. Наземная «постройка» с глинобитным очагом и тремя хозяйственными ямами (раскоп 3 V/I), план и разрезы. Условные обозначения: 1 — пахотный слой; 2 — материк; 3 — глинобитный бор очага; 4 — камни; 5 — скопления керамики; 6 — печина, уголь, зола (по Смирнова 1998а: рис. 19; с дополнениями)

Если обособление ранней простой/кухонной посуды от последующей по времени не являлось проблемой ввиду ее специфичности по цвету глины, характеру обработки поверхности, по форме и элементам декора, то отделение видов лощеной/столовой керамики более затруднительно. В первую очередь учитывался факт встречаемости грубой «чернолесской» керамики с тонкостенной лощеной посудой, происходящей из ям или найденной в наземном очаге и на участке вокруг него (рис. 115). Эти объекты «закрытого» типа дают почти все известные в раннем («чернолесском») комплексе виды тонкостенной посуды: миски двух типов, черпаки, похожие на них по профилю кубки и высокие чарки или кружки. В состав раннего набора лощеной/столовой керамики входили также корчаги, фрагменты кото-

рых, перечисленные в статистических записях керамического материала из ранних ям, не были взяты для камеральной обработки, то есть остались в поле.

В раннем наборе из наземного жилища и «закрытых» комплексов известны два типа мисок. Среди них тип Нем-9, имеющие коническо-полусферический корпус и загнутые внутрь края. Преобладают сосуды без наков под краем, нередко с небольшими выступами-шишечками на венчике (рис. 116, 1; 118, 3; 119, 5-7). Миски этого типа, декорированные наколами с внутренней стороны края и соответствующими им жемчужинами с наружной стороны, встречаются реже (рис. 118, 3).

Миски типа Нем-10, судя по находкам в ямах, представлены в раннем слое единичными экземплярами (рис. 118, 6). Это сосуды с широким, отогнутым наружу кра-



Рис. 115. Немировское городище, раннескифская культура. Расчистка культурного слоя, 1946 или 1947 гг., керамика (НА ОАВЕС ГЭ; публикуется впервые)

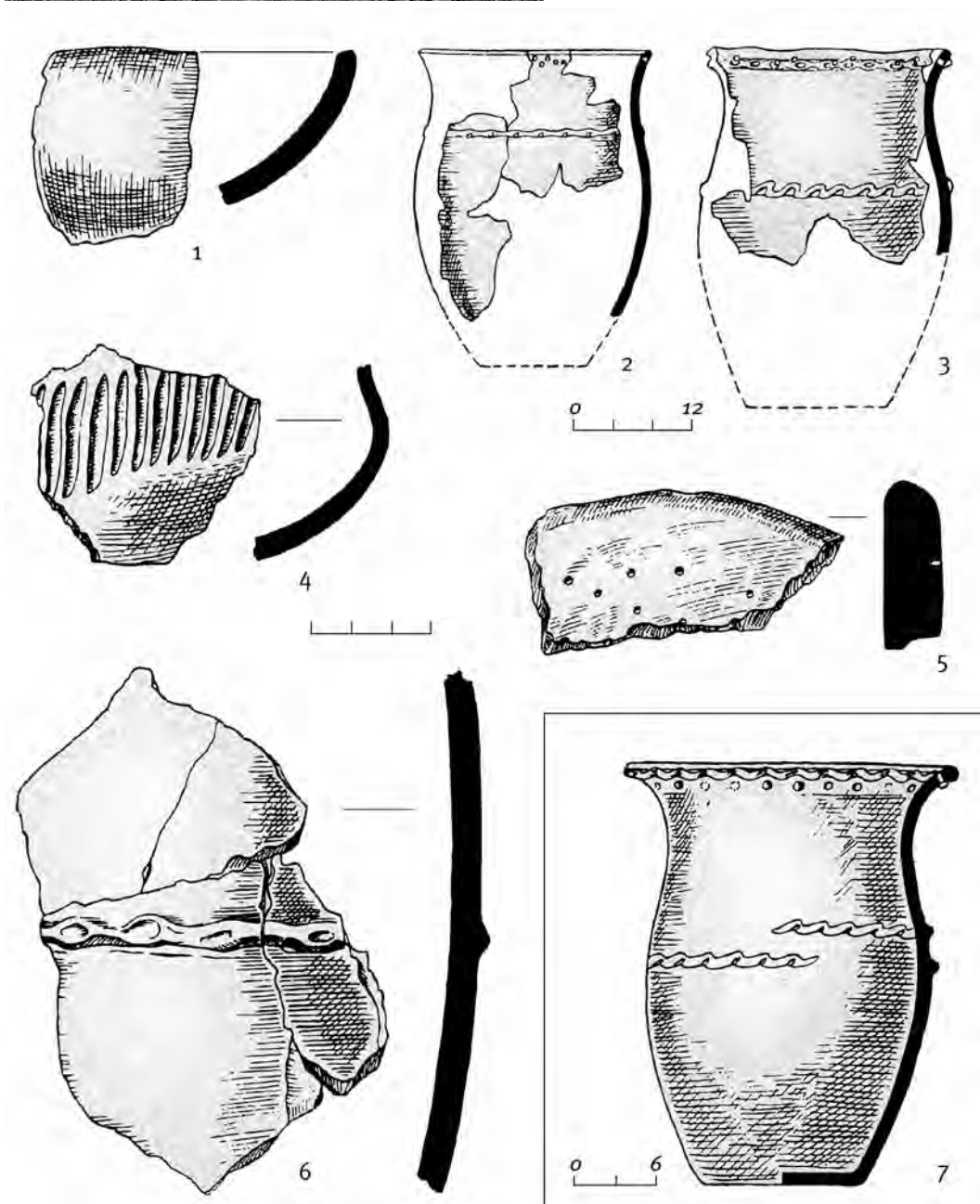


Рис. 116. Немировское городище, раннескифская культура. Керамика из и возле глинобитного очага (1–6) и сосуд из ямы «постройки» (раскоп 3 V/I) (по Смирнова 1998а: рис. 20; с дополнениями)

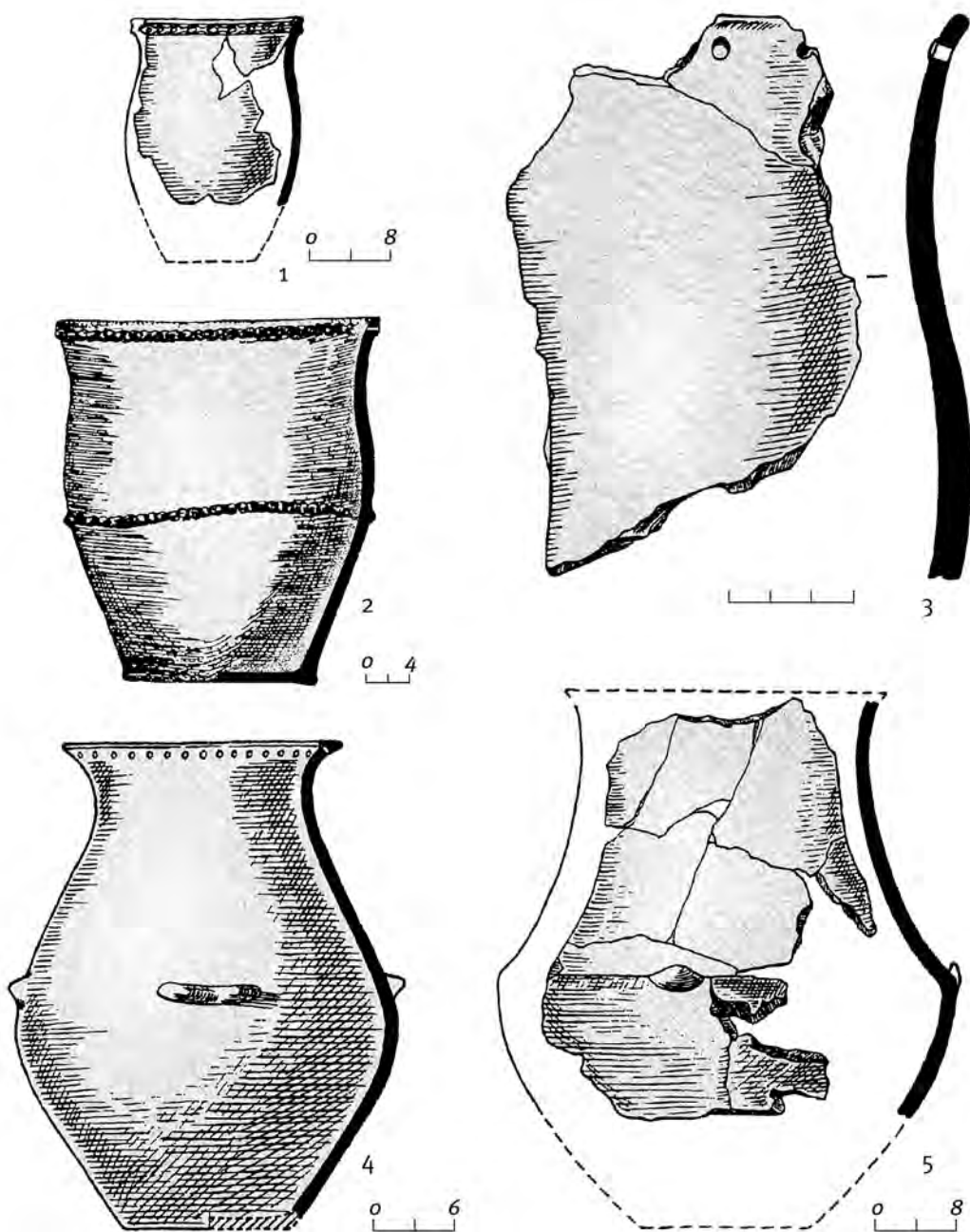


Рис. 117. Немировское городище, раннескифская культура. Сосуды из глинобитного очага (2–4) и возле него (1, 5) из наземной «постройки» (раскоп 3 V/I) (по Смирнова 1998а: рис. 23; с дополнениями)

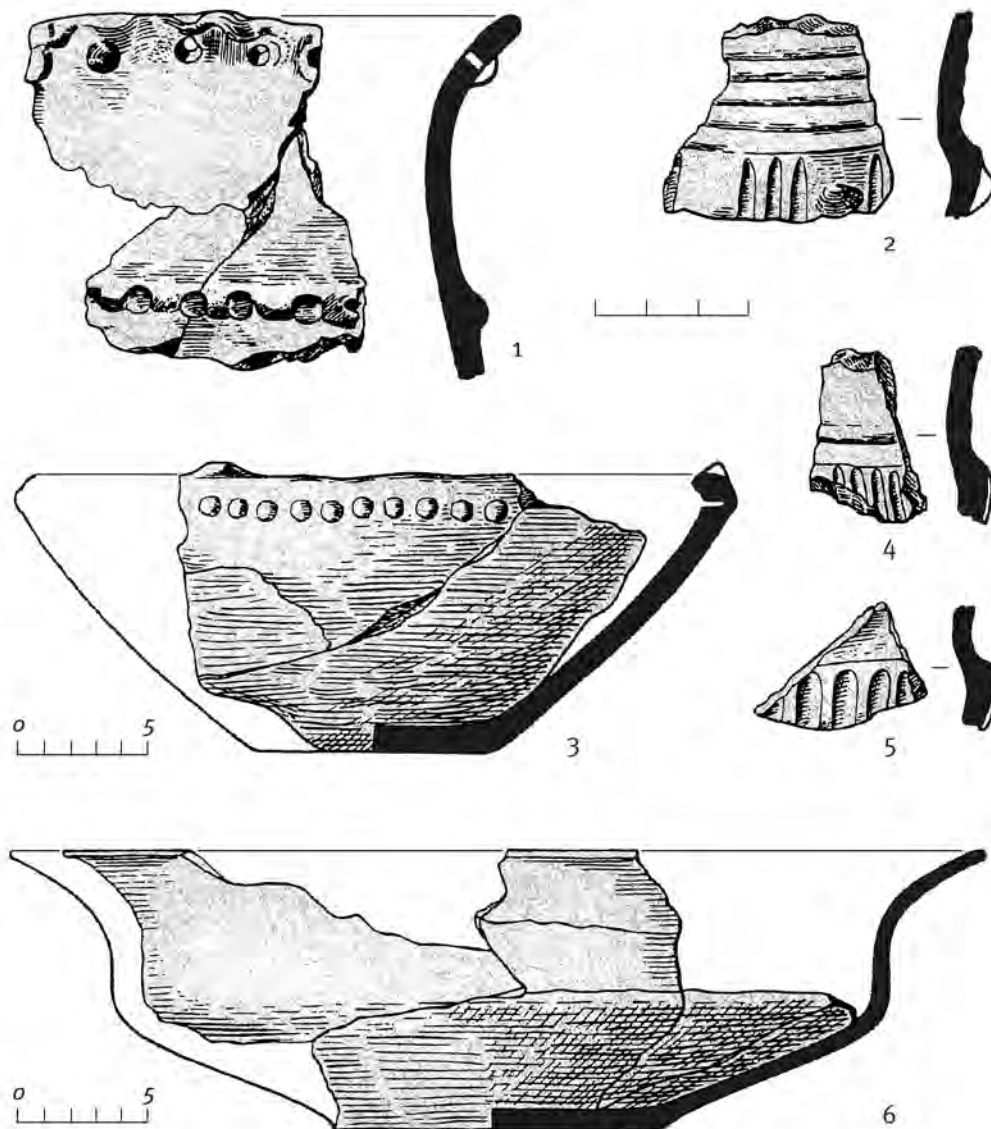
ем, без декора в виде каннелюр. Найдена единственная миска, по широкому краю которой нанесен не каннелированный, а желобчато-прочерченный узор в виде концентрических полукружий и полосы с волнистой линией между ними (см. ниже). В свое время А. И. Мелюкова указала на некоторое сходство этого узора с орнаментом на мисках такого же типа культуры Басарабь (Мелюкова 1979: 81–83, рис. 28, 16). Допуская такое сравнение мотивов орнамента, обратим внимание на сходство ее желобчатого узора из концентрических полукружий с пластическим декором, ими-

тирующим каннелюры, на еще одной миске с блестящей черной поверхностью из раннескифского слоя Немировского городища. Последняя, входящая в состав коллекции из раскопок С. С. Гамченко, по мастерству исполнения, по профилю и пластическому узору из концентрических полукружий и горизонтальных валиков на стенках очень близка мискам типа Nem-10 из набора лощеной/столовой посуды на городище.

В раннем керамическом наборе удастся различать несколько типов черпаков или сосудов с ручками. Преобладают черпаки типа Nem-13 — с глубокой или сравнительно



Рис. 118. Немировское городище, раннескифская культура. Керамика из ямы (раскоп З IV), (по Смирнова 1998а: рис. 21; с дополнениями)



глубокой чашечкой S-видного профиля, гладкие либо с декором из узких каннелюр на шейке и верхней половине корпуса (рис. 116, 4; 118, 2, 4, 5). Удаётся выделить черпаки типа Nem-14 — с высоким, почти прямым венчиком, плавно переходящим в придонную часть, с округлым дном. Один из таких целых сосудов происходит из ранней ямы, открытой возле внутреннего вала. Часть этих сосудов по пропорциям, форме и характеру каннелированной орнаментации правомерно сопоставлялись А. И. Мелюковой с кружками шолдэнштского типа (Там же: 80, 81, рис. 28, 19).

Таков «ранний набор керамики» Немирова. Он представлен как простыми/кухонными горшками с архаическими признаками (тип Nem-1), так и лощеными сосудами (черпаки

типа Nem-13, миски типа Nem-9), часть которых сопоставима с керамикой культуры Басарабь (рис. 156).

#### Землянки

Землянки № 1–3, о которых удалось собрать и реконструировать наиболее полную информацию о стратиграфии и находках, представлены отдельно.

В 1946–1947 гг. в восточной и юго-восточной поле зольного холма «Замчиско» были открыты два округлых в плане жилища земляночного типа. Третье жилище такого же типа было раскрыто к юго-западу от зольника в траншее IV 1948 г. Говоря о значении этих открытий на Немировском городище, М. И. Артамонов писал, что скифские круглые землянки явились первыми памятника-



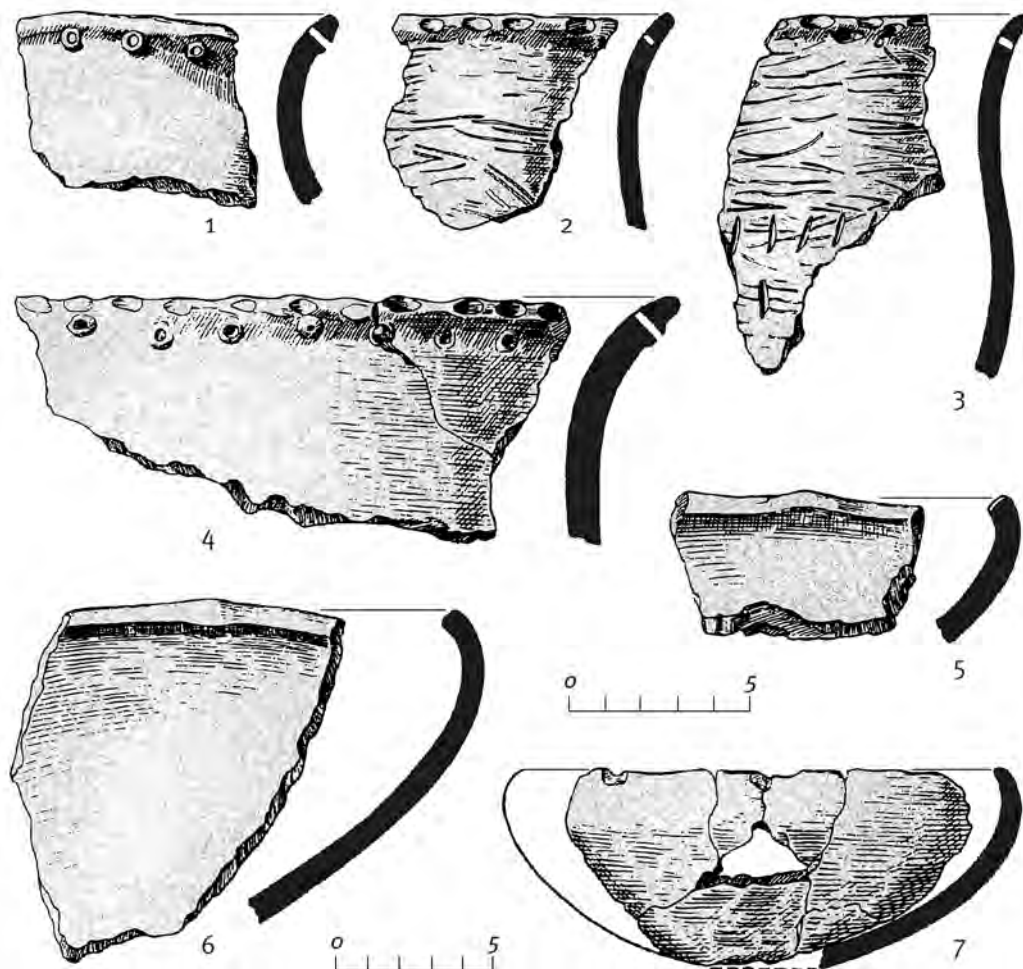


Рис. 119. Немировское городище, раннескифская культура. Керамика из ям (раскоп II, у вала) (по Смирнова 1998а: рис. 22; с дополнениями)

ми такого рода, ставшими известными науке (Артамонов 1948а: 178).

**Землянка № 1 (рис. 120).** Ее северная часть была обнаружена в траншее 1946 г., о чем писал М. И. Артамонов в своем отчете, предполагая, что эта землянка имела четырехугольное очертание (см. гл. 2.3). Доследовано это жилище в 1948 г.

В личном архиве М. И. Артамонова в ОАВЕС ГЭ были обнаружены несколько чертежей, среди которых чертеж 1948 г. — разрез северной стенки скифской землянки, раскоп 3 II, квадраты III, IV и V (рис. 121). Этот разрез совпадает с профилем землянки № 1 по линии А-А1 и является стенкой бровки между раскопами 1946 и 1948 гг., которая в широтном направлении (З-В) прошла по центральной части этого жилища (см. Смирнова 1998а: рис. 3). Согласно разрезам 1946 и 1948 гг. (рис. 120; 121), в этой землянке имели место, как минимум, два жилых горизонта, что прослеживается по тонким пластам желтой глины в заполнении придонной части.

**Размеры.** Это округлая в плане постройка, диаметром 5,5 м (С-Ю) и 6 м (З-В), впущена в грунт на глубину 1,1 м, из них на 0,7 м — в материк. Стенки котлована вертикальные, высотой 1,3 м, с восточной стороны они срезаны двумя поздними ямами древнерусского времени. Пол — плотно утрамбованная глина с втоптанной в нее угольками, золой, мелкими камнями и керамикой. Пол был покрыт глиняной обмазкой серо-зеленого цвета. В центре обнаружены следы столба в виде ямки (диаметром 0,3 м и глубиной 0,28 м), на который могло опираться конусовидное перекрытие этой постройки. Кстати, в каркас перекрытия или, скорее, наземных деревянных стен могли входить деревянные жерди, остатки которых зафиксированы возле западной стенки южной половины котлована во время выборки его заполнения на глубине 2 м от края раскопа. В разных местах основания жилища зачищено еще несколько сравнительно крупных округлых и овальных в плане ямок диаметром до 0,36 м, а также множество маленьких ямок, выявленных после вторичной

Рис. 120. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 1, план и разрез. На плане красной линией обозначено место разреза северной стенки землянки № 1 по линии квадратов III, IV и V раскопа 3-II/1948 г.

Условные обозначения:  
 1 — бровка между раскопами 1946 и 1948 гг.; 2 — печина; 3 — камни;  
 4 — зола, уголь (по Смирнова 1998а: рис. 3; с дополнениями; Вахтина, Кашуба 2016: рис. 1, 2)

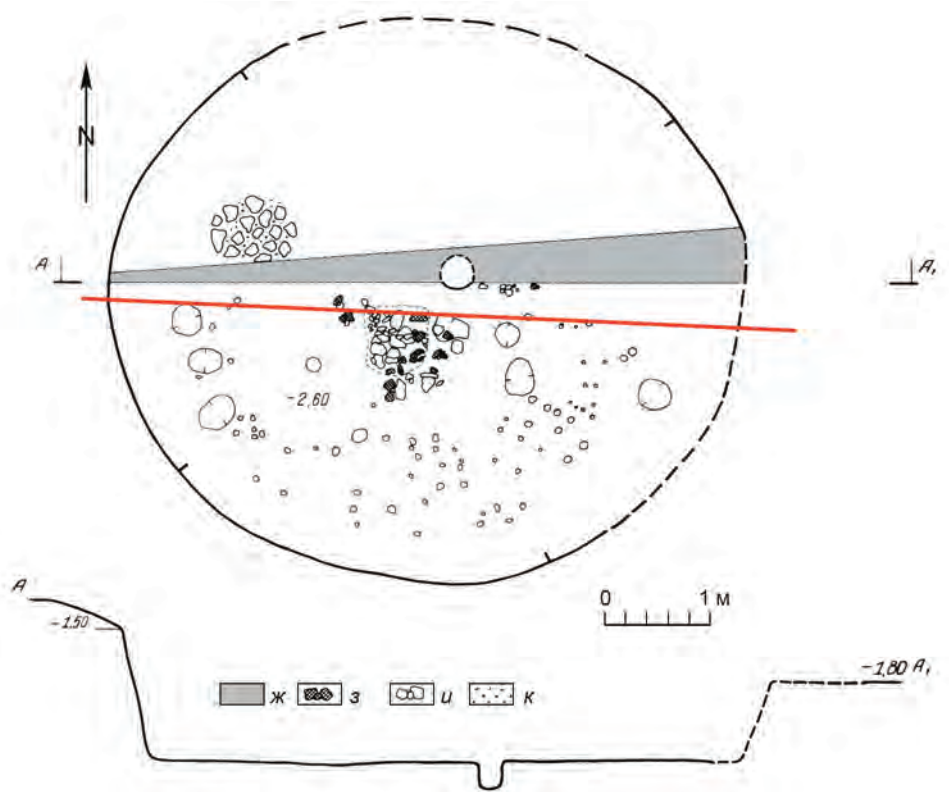
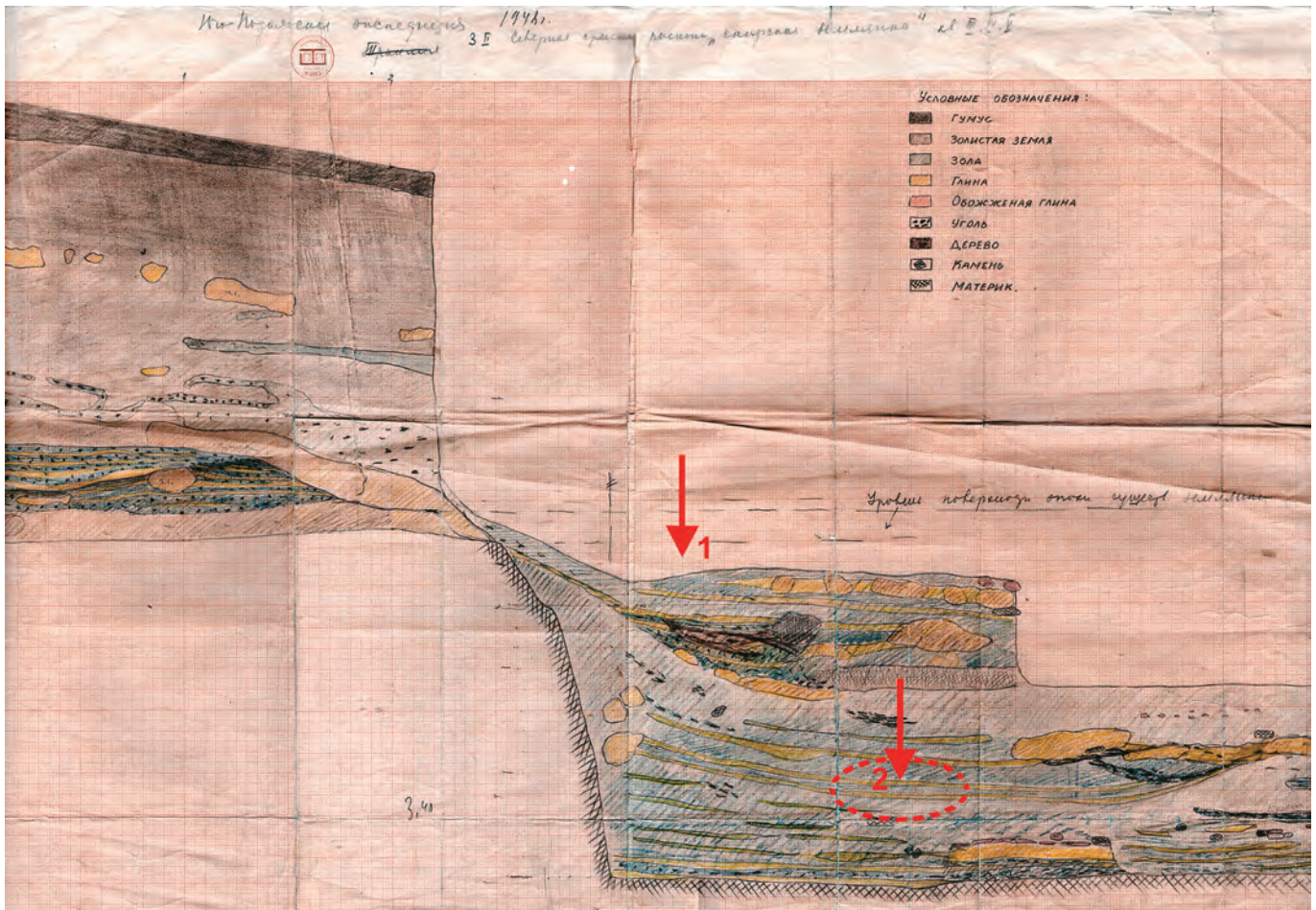


Рис. 121. Немировское городище, раннескифская культура. Разрез северной стенки скифской землянки по линии квадратов III, IV и V раскопа 3-II/1948 г.

1 — примерное место находки ручки бронзового зеркала; 2 — примерная область находок фрагментов греческой керамики (НА ОАВЕС ГЭ, личные фонды М. И. Артамонова и Г. И. Смирновой; по Вахтина, Кашуба 2016: рис. 3)





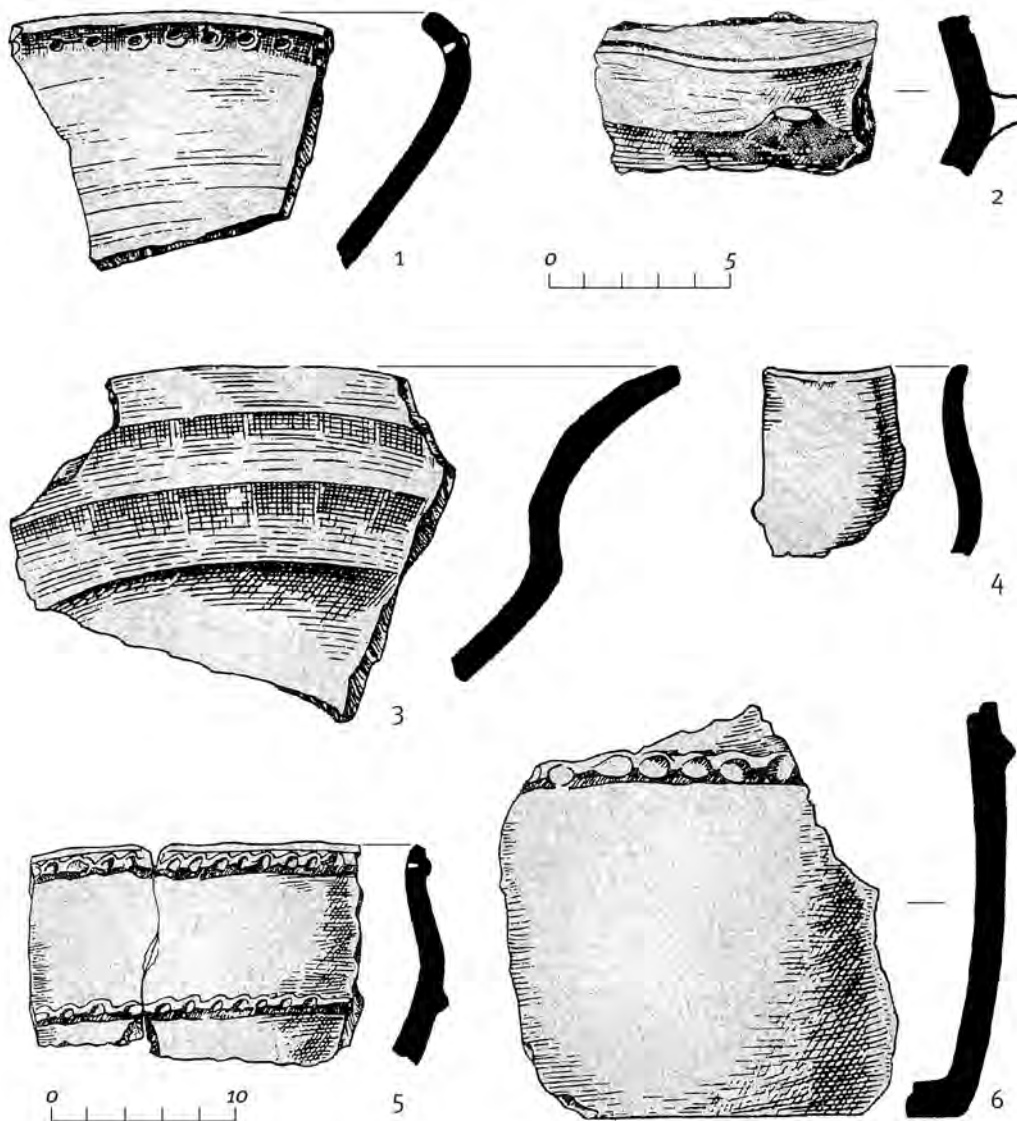


Рис. 122. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 1, керамика, раскопки 1948 г. (по Смирнова 1998а: рис. 4; с дополнениями)

расчистки пола, когда было снято его специальное покрытие (рис. 120).

Очаг — его развал обнаружен в центральной части жилища, выше пола на 0,3 м, размеры 0,6 × 0,7 м, под — глиняный, сильно обожженный. Вокруг очага разбросаны необработанные камни из гранита. К северо-западу от этого очага, в северной половине постройки, на полу найдено скопление обожженных колотых камней и золы. Здесь же возле камней обнаружено наибольшее для северной части жилища скопление фрагментов битых скифских кухонных горшков и три фрагмента греческих сосудов (см. гл. 5; 6).

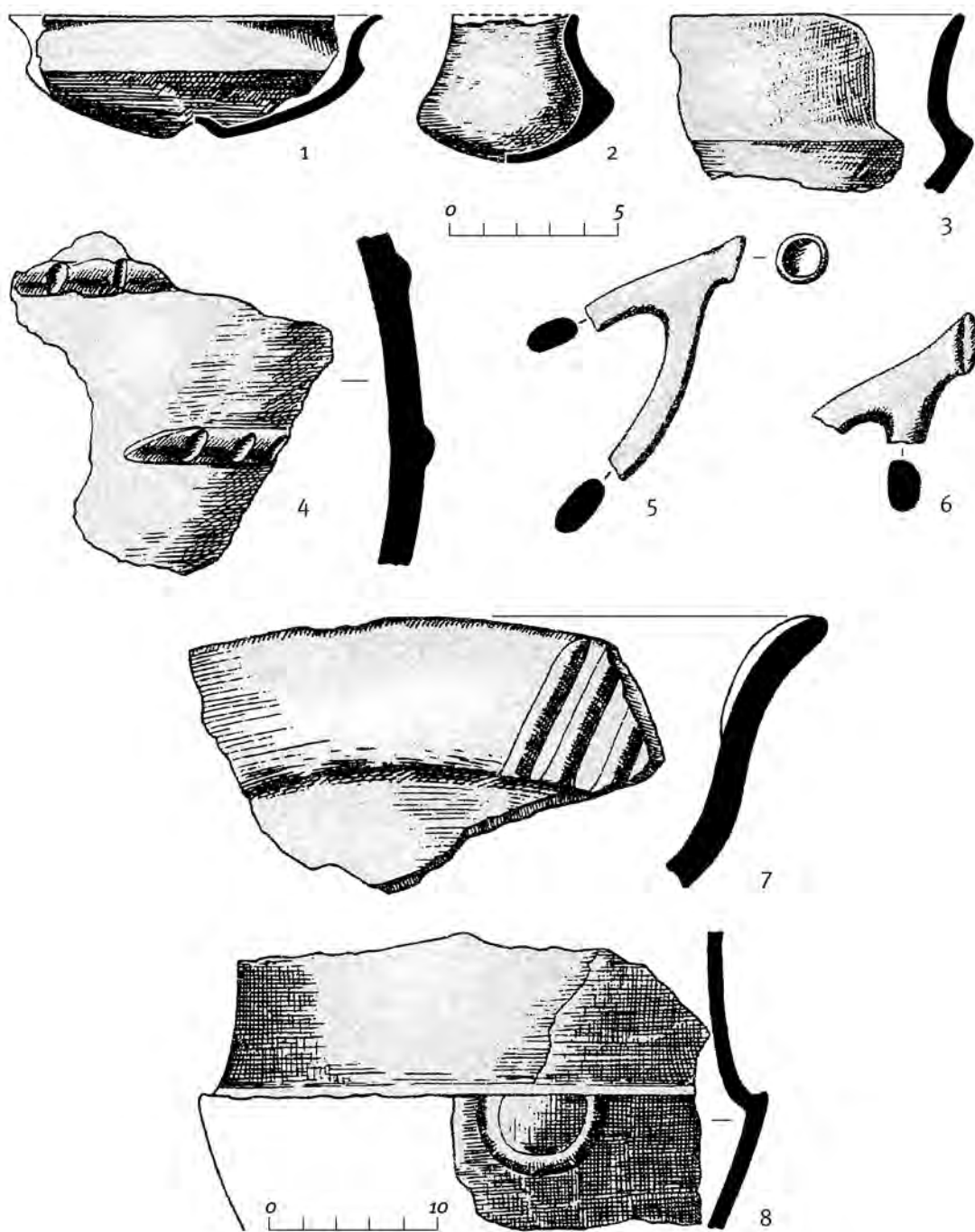
Материалы (рис. 122–125). На всей площади южной половины землянки при зачистке пола собрано бесчисленное множество битой скифской посуды, как грубой, так и лощеной, разных категорий и видов. К сожалению, за редким исключением не удается

полностью собрать из фрагментов целые сосуды. Среди взятых для камеральной обработки и принятых на хранение материалов преобладает керамика.

Керамика (рис. 122–124). Среди простой/кухонной посуды преобладают сосуды типа Нем-2 — с коротким венчиком, профилированные, с наlepным валиком, расчлененным пальцевыми вдавлениями под краем и наколами/проколами (рис. 124, 3, 4). Иногда горшки этого типа снабжены валиком на тулове, концы которого могут заходить друг за друга, что является архаическим признаком декорирования (рис. 123, 4; 124, 2). В заполнении встречаются горшки типа Нем-3 — бочонковидные, с расчлененным валиком по тулову и сравнительно широким невыделенным дном (рис. 122, 6). Другой тип посуды — котловидные сосуды с широким устьем, украшенные под



Рис. 123. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 1, керамика, раскопки 1946 г. (по Смирнова 1998а: рис. 5; с дополнениями)



краем и по тулову на перегибе расчлененным валиком и с проколами под венчиком, относятся к типу Nem-4 и являются наиболее поздними в наборе простой/кухонной посуды (рис. 122, 5).

Среди лощеной/столовой посуды выделяются корчаги, миски, черпаки и кубки. Эта категория посуды изготовлена из хорошо отмученной глины, поверхность ее тщательно обработана — лощеная, преимущественно черная, блестящая, нередко с металлическим блеском, либо тусклая, но сглаженная. Среди корчаг преобладают обломки сосудов

типа Nem-7 — с высоким цилиндрическим горлом, четко переходящим в округлые бока. Перегиб между шейкой и туловом подчеркивается гладким горизонтальным валиком (рис. 123, 8). Присутствуют также фрагменты сосудов с конусовидным горлом, плавно переходящим в тулово (тип Nem-6). Основные элементы декора на корчагах — горизонтальные каннелюры на горле и концентрические полукружия каннелюр под выступами-упорами в верхней части тулова (рис. 122, 2; 123, 8) или горизонтальные гладкие валики и концентрические полукружия из валиков-

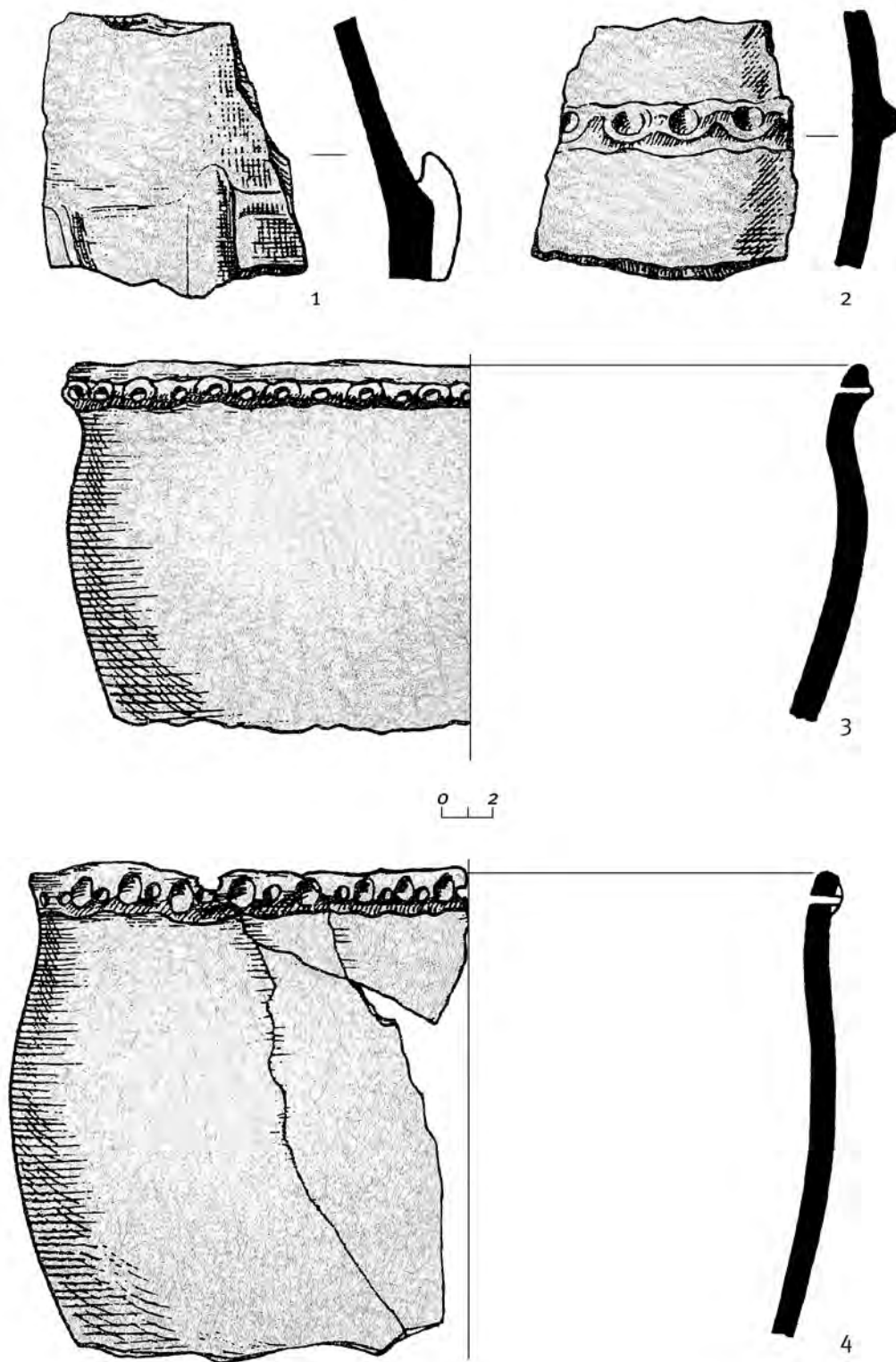


Рис. 124. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 1, керамика, раскопки 1946 г. (по Смирнова 1998а: рис. 6; с дополнениями)

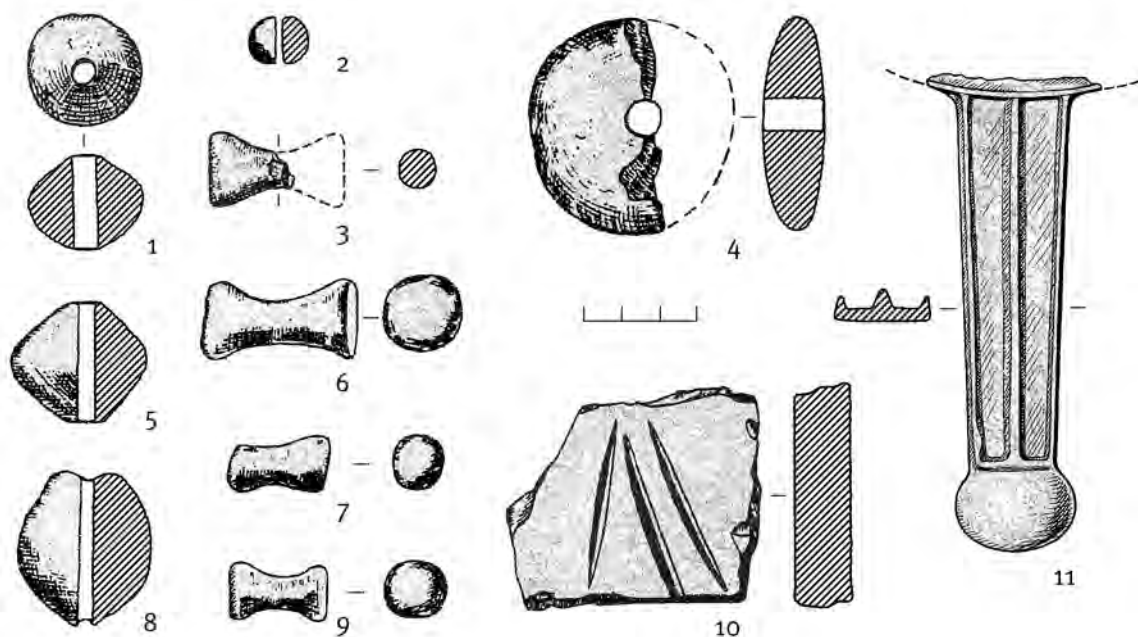
налепов, имитирующих каннелированный декор (рис. 124, 1).

В заполнении встречены два типа мисок. К одному из них (тип Nem-9) относятся широко распространенные в скифском керамическом наборе в лесостепи миски округло конической формы, с загнутым внутрь краем, под

которым нанесены наколы-жемчужины<sup>11</sup> (рис. 122, 1). Вторым типом (Nem-10) — это толстостенные миски с широким развернутым наружу краем, который иногда украшался

<sup>11</sup> Наколы-жемчужины обозначают нанесение наколов с внутренней стороны сосуда под краем венчика, которые с внешней стороны имеют вид жемчужин (гораздо реже наколы наносились с внешней стороны, соответственно, жемчужины — с внутренней).

Рис. 125. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 1, индивидуальные находки: 1, 3, 10, 11 — из раскопок 1948 г., 2, 4–9 — из раскопок 1946 г. (1–9 — обожженная глина; 10 — камень; 11 — бронза) (по Смирнова 1998а: рис. 4, 5–7; 5, 5–11; с дополнениями)



короткими косыми наклепами или широкими горизонтальными каннелюрами (рис. 122, 3; 123, 7).

Среди черпаков выделяются сосуды с низкой чашечкой с резким изломом на переходе прямого венчика в тулово, с округлым дном, посередине которого имеется умбон (тип Нем-15 или «немировский тип»). Ленточная ручка возвышается высоко над краем (рис. 123, 1, 3, 5). Черпаки другого типа (Нем 13) имеют глубокую чашечку с плавным переходом от венчика к тулову. Высокая ручка, как правило, на перегибе снабжена фигурным выступом (рис. 122, 4). Для черпаков этого типа характерна каннелированная орнаментация. Кубки по профилю похожи на черпаки, от которых их трудно отличить по фрагментам.

Во время зачистки жилища № 1 было собрано более десятка фрагментов разных греческих расписных сосудов (см. гл. 5 и 6). Они найдены как в придонной части, ближе к полу, так и в заполнении основания котлована жилища. Отсюда же, точнее, с пола, происходит обломок тонкостенного сероглиняного сосуда, сделанного на круге, без сомнения, греческого.

Индивидуальные находки представлены изделиями из глины: пряслица разной формы, катушки (рис. 125, 1–9). К изделиям из камня относится плитка с глубокими бороздками на одной из сторон, являющимися следами заточки металлических предметов (рис. 125, 10). Из верхнего горизонта запол-

нения — при зачистке уровня в поисках контуров жилища на глубине 1,2 м — найдена боковая ручка бронзового зеркала (рис. 125, 11; 152). Сохранившиеся описания позволили отметить на чертеже 1948 г. примерное место находки ручки зеркала, а также обозначить зону обнаружения фрагментов греческих сосудов (рис. 121).

**Землянка № 2 (рис. 126).** В ней зафиксированы два жилых горизонта. Землянка расположена к северо-востоку от землянки № 1, около 2–3 м от нее (рис. 113). Эта постройка имела вид округлого в плане котлована с отвесными стенами и ровным полом диаметром 5,8 м (по линии север-юг) и глубиной не менее 1,2 м (рис. 126). От центрального столба в полу сохранилась яма диаметром 0,32 м и глубиной 0,46 м. По всей вероятности, на нем крепилась кровля жилища.

**Очаг № 1.** Разрушенный очаг (№ 1) I-го жилого горизонта находился на земляном полу в юго-западном секторе котлована, недалеко от центрального столба. Он представлял собой обрамленное обожженными камнями скопление золы, углей, редких кусков обмазки, имел размеры 1 × 1,1 м.

По всей площади пола зачищено множество ямок разных размеров, системы в расположении которых не наблюдается. Кроме того, на полу северной половины жилища зафиксированы отпечатки растительной циновки и дерева (жердей).

В мусорно-золистом заполнении I-го горизонта содержалось большое количество



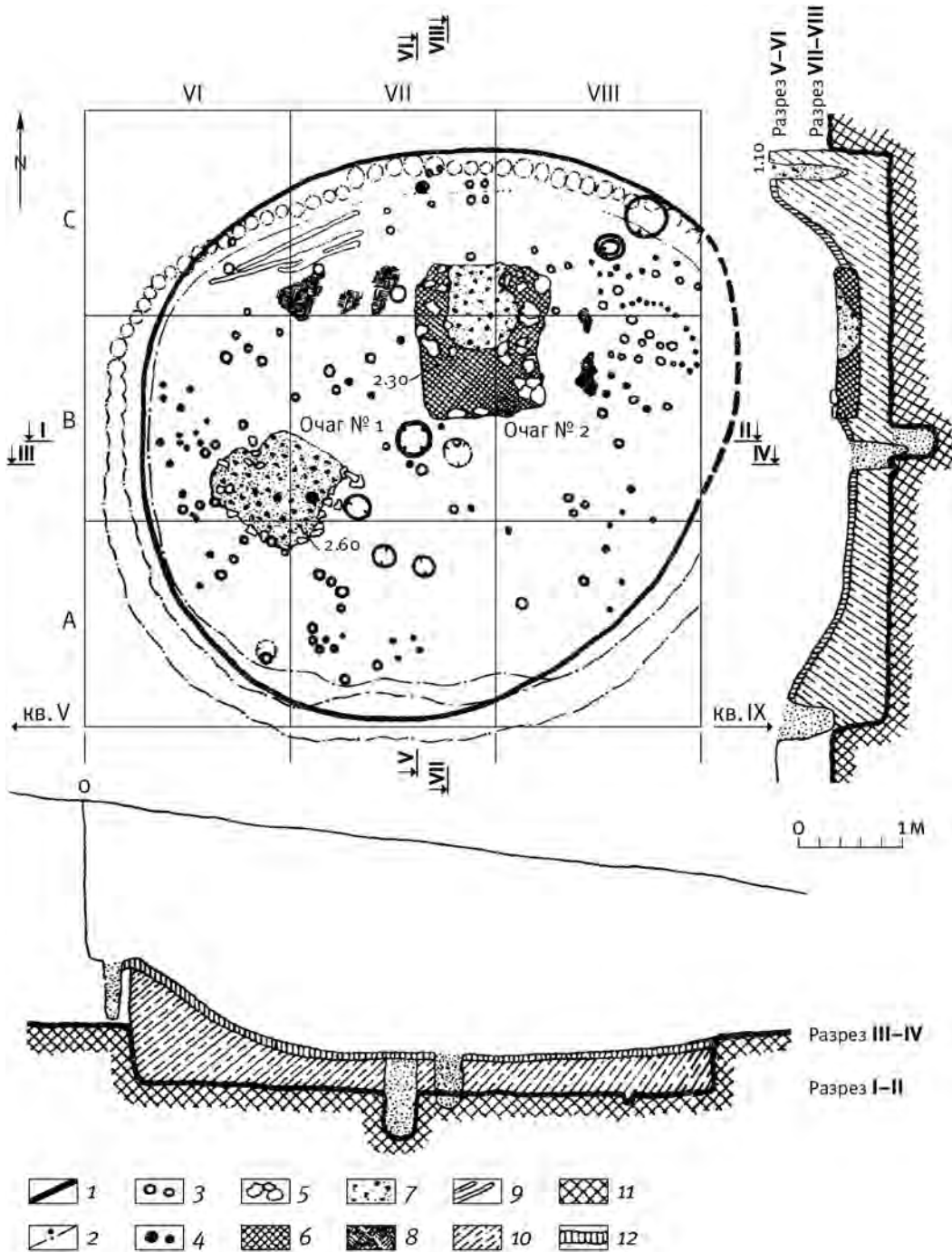


Рис. 126. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 2, план и разрезы. Условные обозначения: 1 — границы первоначального жилища; 2 — границы второго периода жизни; 3 — ямки в первом жилище; 4 — ямки второго периода жизни; 5 — камни; 6 — глинобитный под очага; 7 — зола, уголь; 8 — следы тростниковой циновки; 9 — деревянные колья; 10 — заполнение раннего жилища; 11 — материк; 12 — пол второго периода (по Смирнова 1998а: рис. 8; с дополнениями)

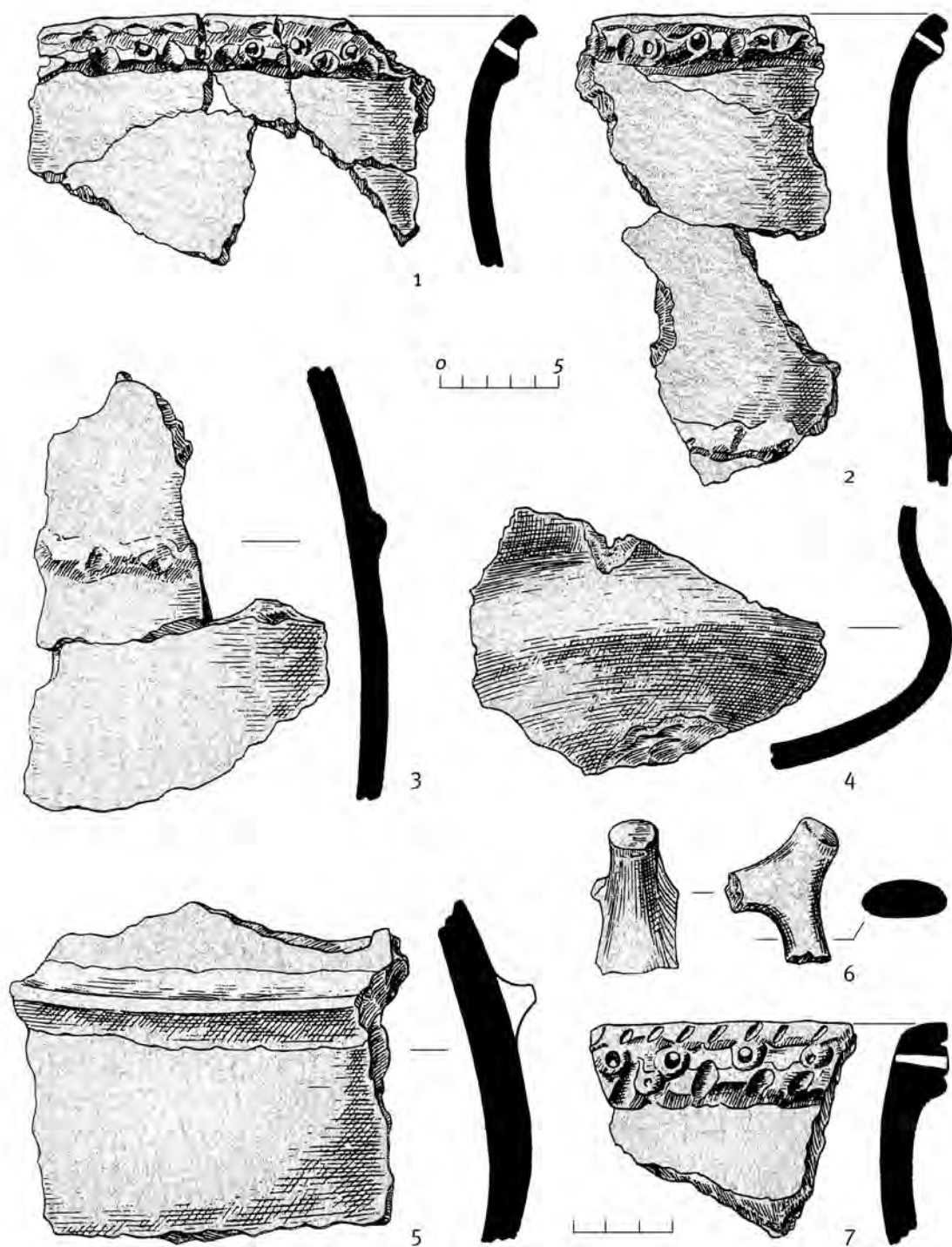
обломков керамики и костей животных. Толщина этого слоя заполнения — 0,3 м в центре. По краям, возле стен он поднимается выше. Мусорно-золистый слой перекрыт полом второй постройки.

II-ой горизонт. Очертания позднего жилища, заглубленного в грунт самое большее на 0,9 м, не совсем совпадают с контурами ранней постройки. В южной половине жилища, в основном, за счет канавки для крепления основания деревянных стен второго периода жизни, южная граница поздней постройки

выходит за пределы первой. В канавку, вырытую по периметру поздней постройки, крепились основания вертикальных столбов, облицовывавших стены. Пол в виде слоя обожженной глины красного цвета плавно поднимается до внутренних стенок канавки. Посередине пола выявлена ямка от центрального столба диаметром 0,3 м и глубиной 0,5 м. Кроме того, в разных местах площади пола защищены ямки диаметром 4–5 см.

Очаг № 2 расположен примерно в центре северной половины поздней постройки.

Рис. 127. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 2, керамика (по Смирнова 1998а: рис. 9; с дополнениями)



Это глинобитная площадка толщиной 0,2 м, близкой к прямоугольнику формы, размерами 1,24 × 1,5 м. Сверху по краям пода лежали камни и отдельные куски печины (рис. 126). В середине северной половины очага находилось округлое углубление, заполненное золой и углем. В заполнении поздней постройки № 2 собраны в большом количестве фрагменты разных сосудов и обломки костей домашних животных.

Поскольку в существующих дневниках за 1947 г. не дано описания землянки № 2 после завершения ее расчистки, а дневниковые записи, сделанные в процессе зачистки, краткие, трудно дать исчерпывающую характеристику этому жилищу. Опираясь только на полевые чертежи, правленные рукой О. А. Артамоновой, включая легенду к условным обозначениям, мы представили свое описание этого жилого объекта на Немиров-



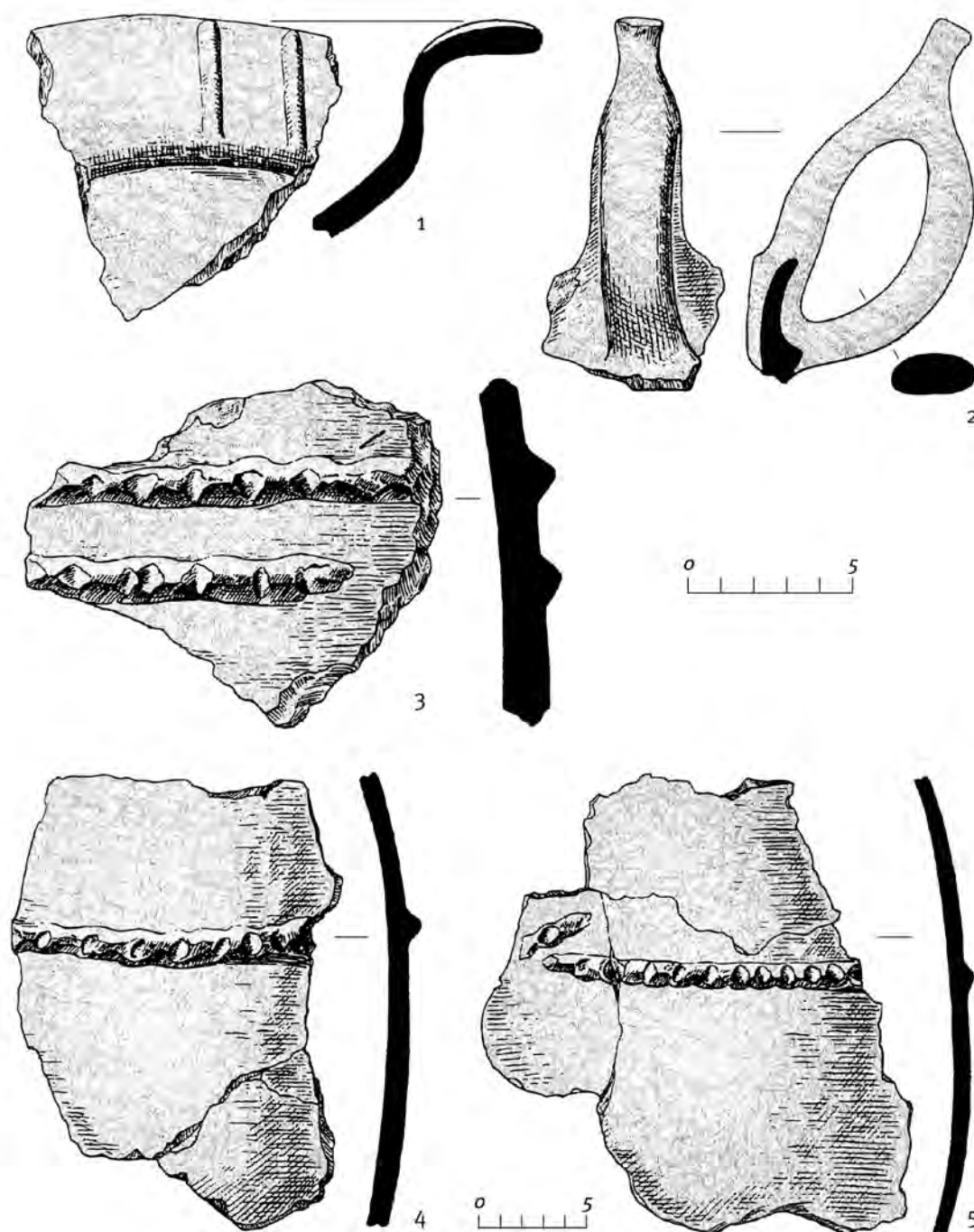


Рис. 128. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 2, керамика (по Смирнова 1998а: рис. 10; с дополнениями)

ском городище. Однако у нас осталось сомнение относительно деревянной облицовки стен землянки № 2, о чем писал М. И. Артамонов в предварительных сообщениях (Артамонов 1948а: 178). Он нигде не говорит о двух горизонтах в этом жилище, поэтому, пользуясь одним только чертежом, на котором канавка со столбами находится или в границах раннего жилища, или из них выходит, нельзя решить вопрос, имели ли такую облицовку стены

древнего жилища (скорее всего, не имели).

**Материалы (рис. 127–133).** Возникают и другие вопросы по этой землянке. Еще один дневник раскопок на городище в 1947 г. отсутствует, поэтому найденные в этом жилище материалы нельзя четко разделить по двум жилым горизонтам. Ориентируясь на отметки глубин в полевой описи, большую часть керамики следует относить ко второму этапу существования землянки № 2.



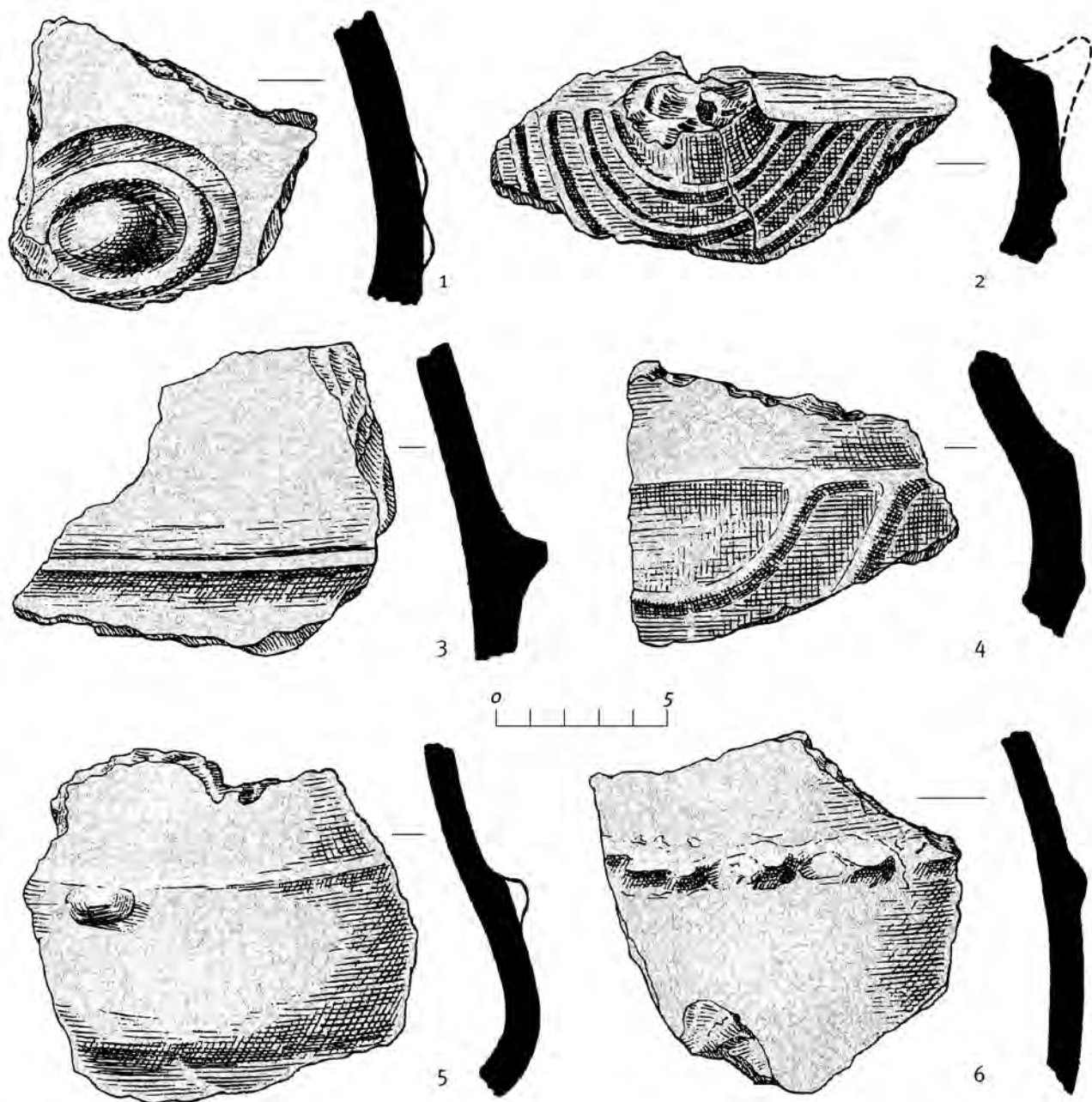


Рис. 129. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 2, керамика (по Смирнова 1998а: рис. 11; с дополнениями)

Керамика. Примечательно, что во втором, позднем горизонте чернолощенная посуда встречается в сочетании с ранними формами простой/кухонной посуды. Это крупные фрагменты горшков типа Nem-2 — слабо профилированные, с изогнутой шейкой, восходящие к ранним тюльпановидным горшкам типа Nem-1 (рис. 127, 2, 3). Они, как правило, украшены двумя расчлененными налестками —

под венчиком и по тулову. В жилище найдено много фрагментов стенок от этих сосудов с валиком по тулову, довольно часто с заходящими друг за друга концами (рис. 128, 3, 5). Не удастся реконструировать полный профиль таких горшков, но среди них, можно полагать, были не только близкие к тюльпановидной форме, но и характерные для раннескифского времени баночные сосуды.

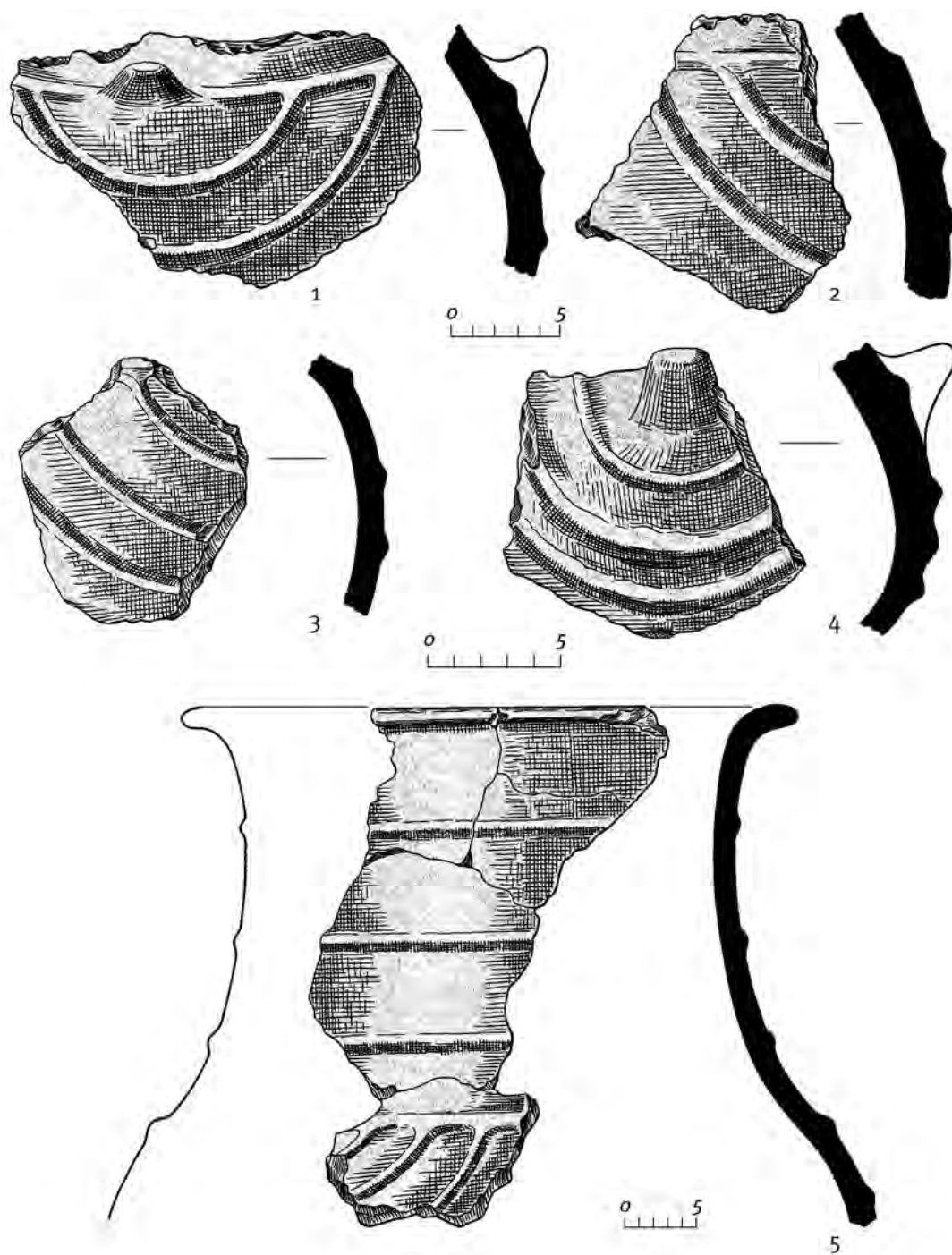


Рис. 130. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 2, черные лощеные корчаги (по Смирнова 1998а: рис. 12; с дополнениями)

Столовый набор представлен множеством фрагментов чернолощеных корчаг с блестящей поверхностью. Среди них классический для Немирова тип Nem-7 — толстостенные сосуды с высоким цилиндрическим горлом, переход которого в выпуклое округлое тулово подчеркнут гладким налепом (рис. 127, 5). Они имеют каннелированный или имитирующий их пластический декор в виде трех

горизонтальных рядов на горле и концентрических полукружий, обрамляющих снизу выступы-упоры (рис. 129, 2; 130, 1–5). Интересны единичные стенки корчаг с декором из концентрических каннелюр (рис. 129, 1).

Таковую же черную блестящую поверхность имеют миски с широким отогнутым наружу краем типа Nem-10 (рис. 128, 1; 131, 5). Их характерный декор — горизонтальные широ-



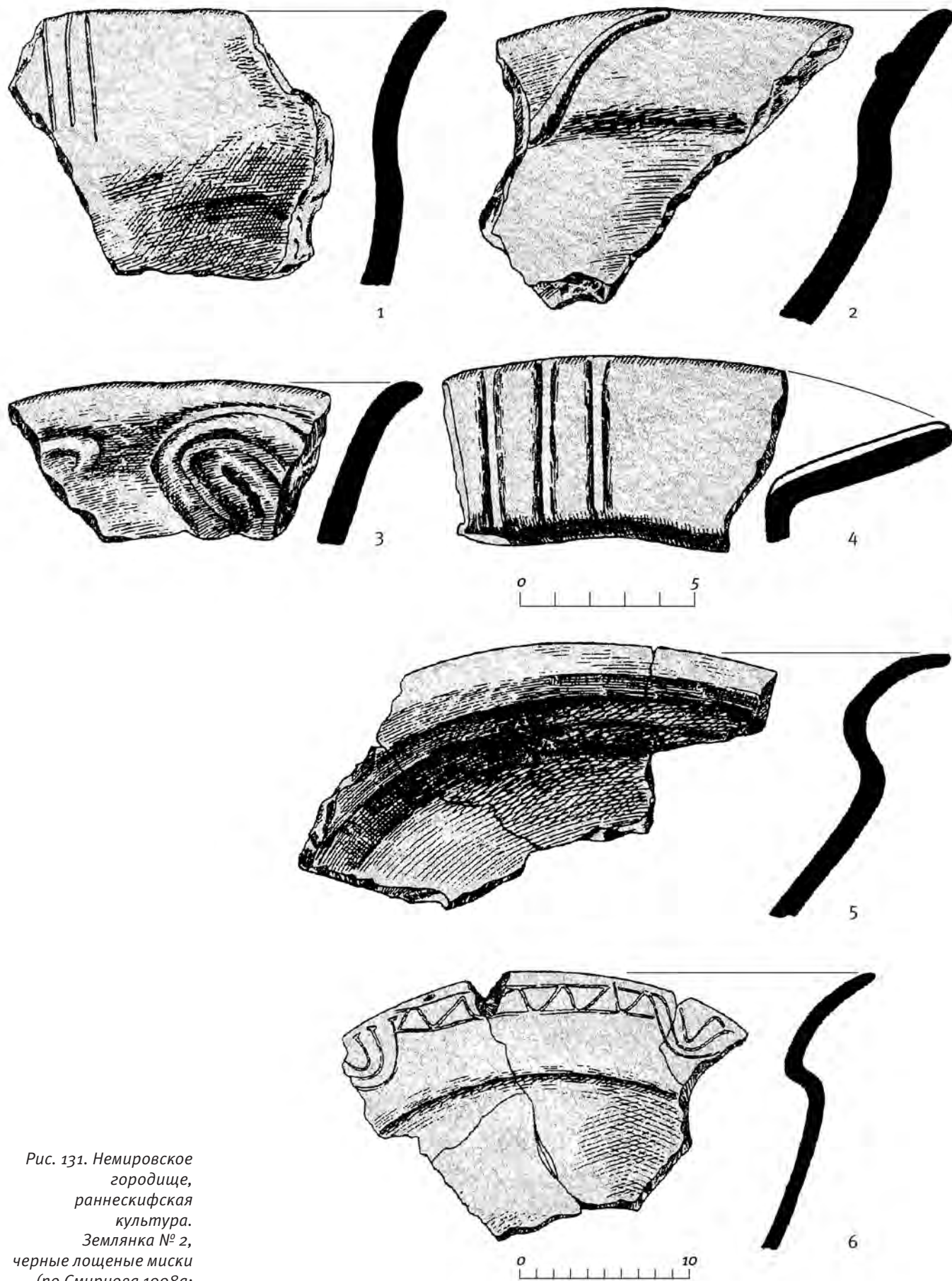


Рис. 131. Немировское  
городище,  
раннескифская  
культура.  
Землянка № 2,  
черные лощеные миски  
(по Смирнова 1998а:  
рис. 13; с дополнениями)



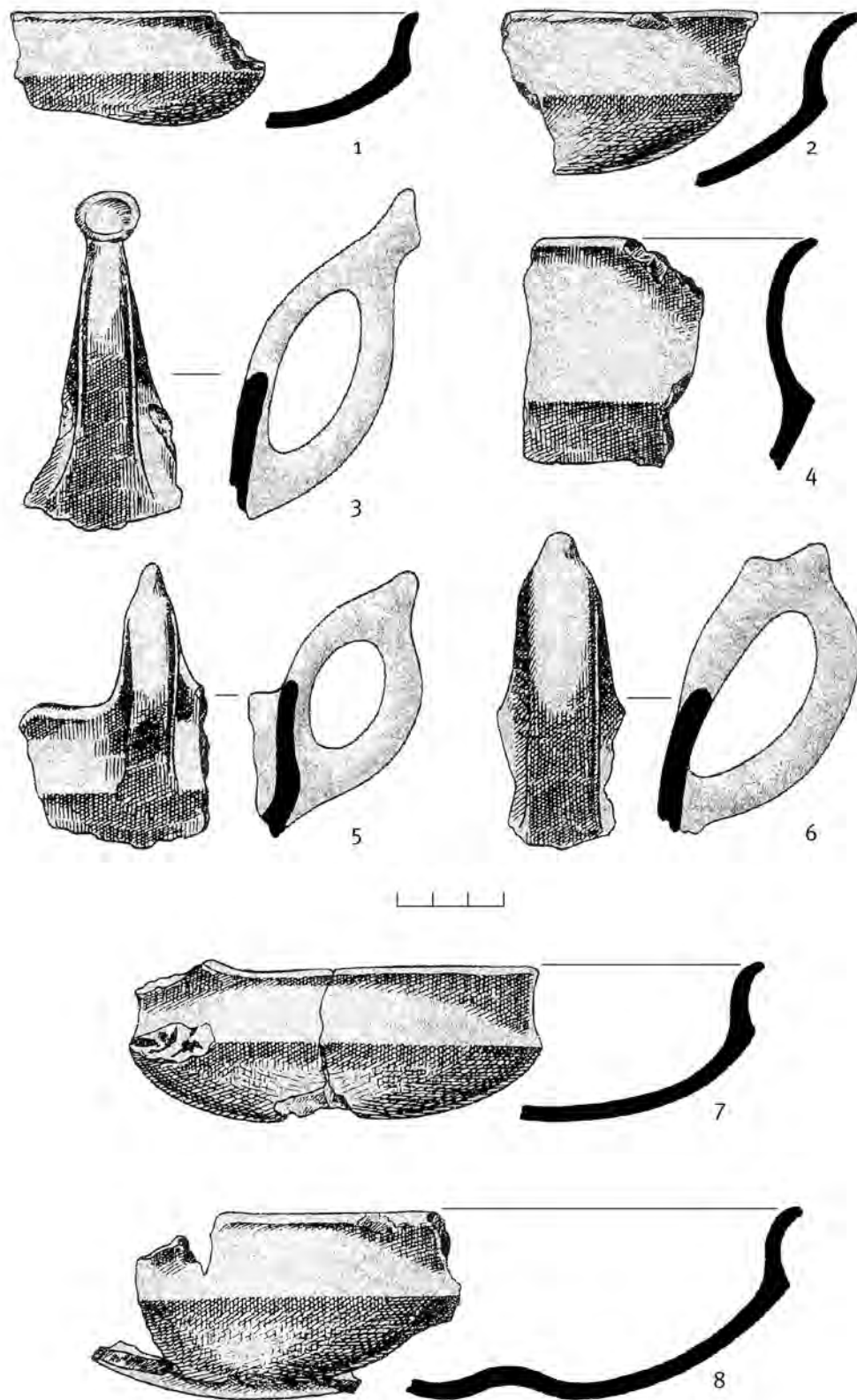
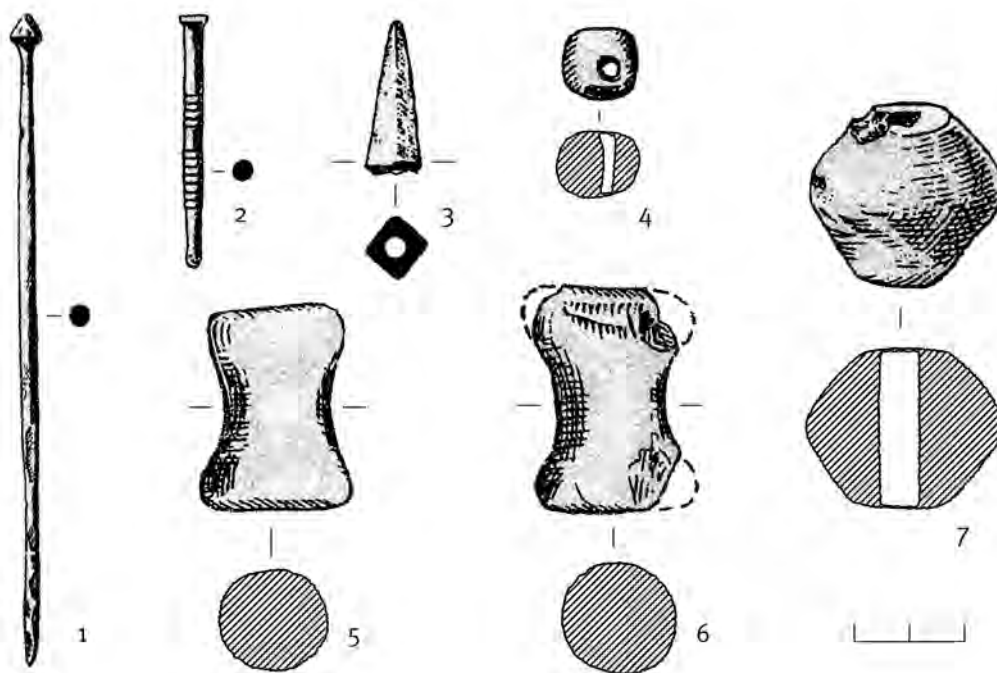


Рис. 132. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 2, черпаки и кубки (?) (по Смирнова 1998а: рис. 14; с дополнениями)

Рис. 133. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 2, индивидуальные находки (1 — железо; 2 — бронза; 3 — кость; 4–7 — обожженная глина) (по Смирнова 1998а: рис. 10, 4–6; 11, 3, 4; 15, 1, 5; с дополнениями)



кие каннелюры на внутренних стенках и по краю или группы косых либо вертикальных налепов по краю. Другой тип мисок — овално-конического профиля типа Нем-9 — также представлен в наборе столовой посуды из этого жилища. Встречены миски типа Нем-12 — миски-фруктовницы с коническим полым поддоном.

Тут же собрано большое количество типичных для Немирова тонкостенных черпаков с великолепным лощением (тип Нем-15). Они имеют низкую чашечку с резким перегибом между краем и туловом, с умбоном на дне. Высокая ручка снабжена на вершине выступом разной формы (рис. 132, 1–3).

Заканчивая обзор основных видов посуды из землянки № 2, подведем некоторые итоги. Без сомнения, это жилище, по сравнению с двумя другими, дало самые яркие материалы, как по высокому качеству изготовления, так и по великолепной обработке поверхности столовой посуды и богатству ее каннелированной орнаментации. Особенности кухонной посуды, где ощутимы пережитки керамического производства предшествующего времени, позволяют относить землянку № 2 к несколько более раннему периоду, чем жилище № 1.

*Индивидуальные находки.* Помимо глиняных пряслиц и катушек здесь найдены четырехгранная стрела из кости, железная булавка, глиняная и пастовая бусины и ряд других предметов (рис. 133).

**Землянка № 3 (рис. 134).** Жилище № 3 с двумя жилыми горизонтами находилось на плато в 60 м к юго-западу от землянки № 1. Первоначальная постройка — округлая в плане, размерами 4,4 × 4,8 м, вырытая в материке. Стенки у нее отвесные, дно плоское, глубина 1,2–1,3 м, посередине ее западной стороны обнаружена ступенька размером 1,2 × 0,62 м. С восточной стороны стенки обоих жилых горизонтов были нарушены древнерусской ямой, задевшей также восточный край очага во втором горизонте жилища.

*Очаг № 1* с основанием на материковой глине котлована занимал почти центральное положение, при незначительном смещении к югу и западу. Он имел не совсем правильные овальные очертания, вытянутые с востока на запад, размерами 0,9 × 1,1 м. Представлен скоплением плотной спекшейся золы толщиной до 0,3 м, ограниченными пятнами обожженной глины и пережженными камнями. На плане жилища № 3 отсутствуют, но в полевом дневнике упоминаются остатки столбиков-кольев, идущих подковообразно вокруг очага. Их диаметр 0,5–0,9 см. Северо-западнее очага на материке зафиксировано большое угольно-зольное пятно (0,6 × 0,72 м).

Мусорное заполнение первоначального жилища на глубине 1,7–1,8 м разделено «полом» зеленовато-желтого цвета с включением большого количества золы и угля. Толщина его 0,18–0,2 м, в северной части — 0,1 м.

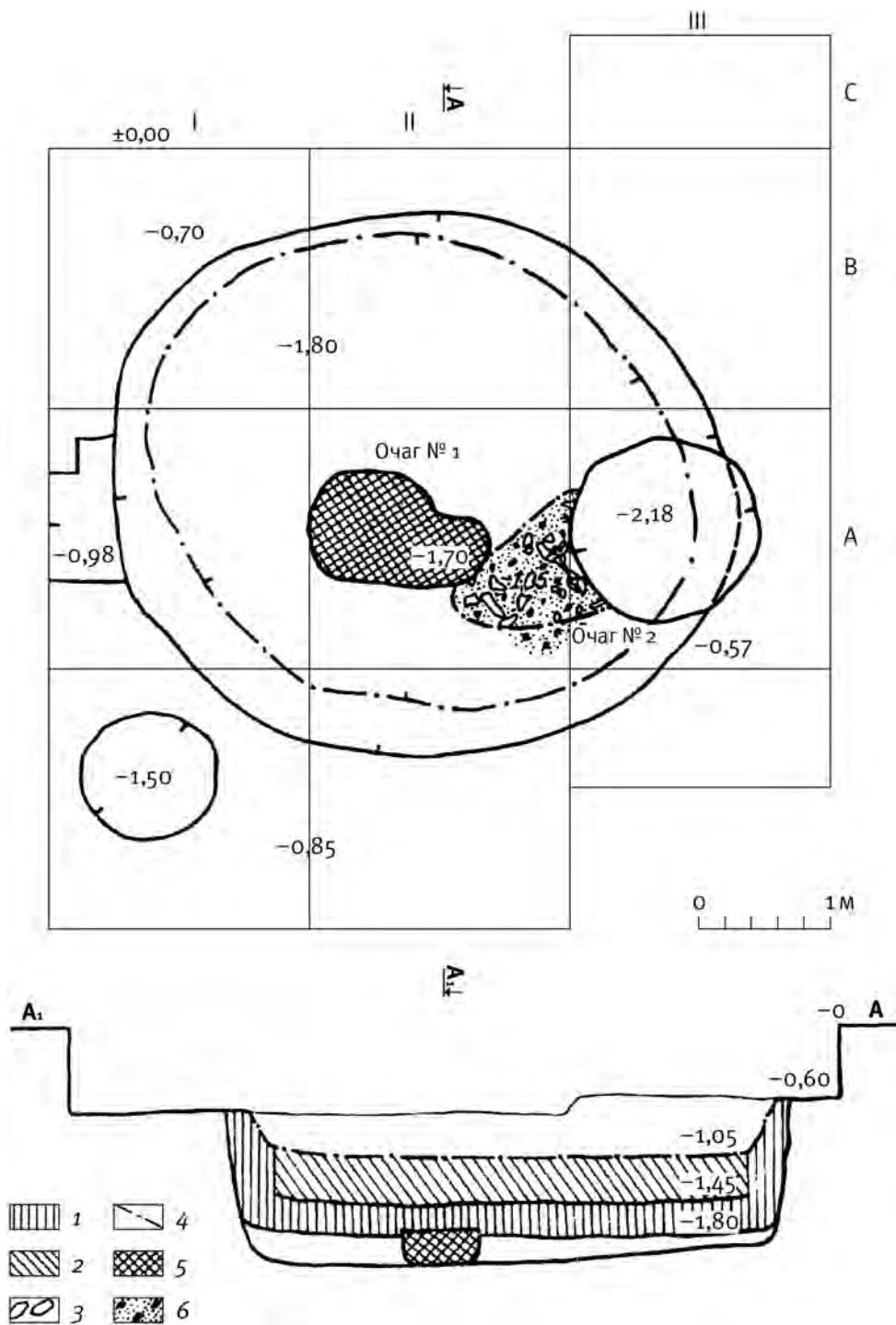


Рис. 134. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 3, план и разрезы. Условные обозначения: 1 — мусорное заполнение первоначального жилища; 2 — «заплыв» в виде «чистой» глины в заполнении первоначального жилища; 3 — камни; 4 — границы второго жилища; 5 — глинобитный очаг; 6 — зола, уголь (по Смирнова 1998а: рис. 16; с дополнениями)

Никаких следов центрального столба, как в жилищах № 1 и 2, здесь не обнаружено. Однако в дневнике отмечается, что в материке, вдоль стен первоначальной постройки, фиксировались ямки от столбиков диаметром 0,5–0,9 см.

Это жилище на втором этапе жизни существенно сократилось в размерах — до овала 3,6 × 4,3 м и глубины 0,45 м. Пол его в виде желтовато-красной, явно обожженной глины

находится на уровне 1,05 м, по краям он плавно переходил в стенки такого же вида, как и обожженный пол. На том же уровне (1,05 м) в юго-восточном секторе находился очаг, представленный скоплением пережженных камней, золы и угля. Слой угля и золы толщиной 0,25–0,3 м уходил под уровень обожженного пола, то есть был впущен в пол. Под этим полом находился слой «чистой глины», почти не содержащей черепков. Ви-



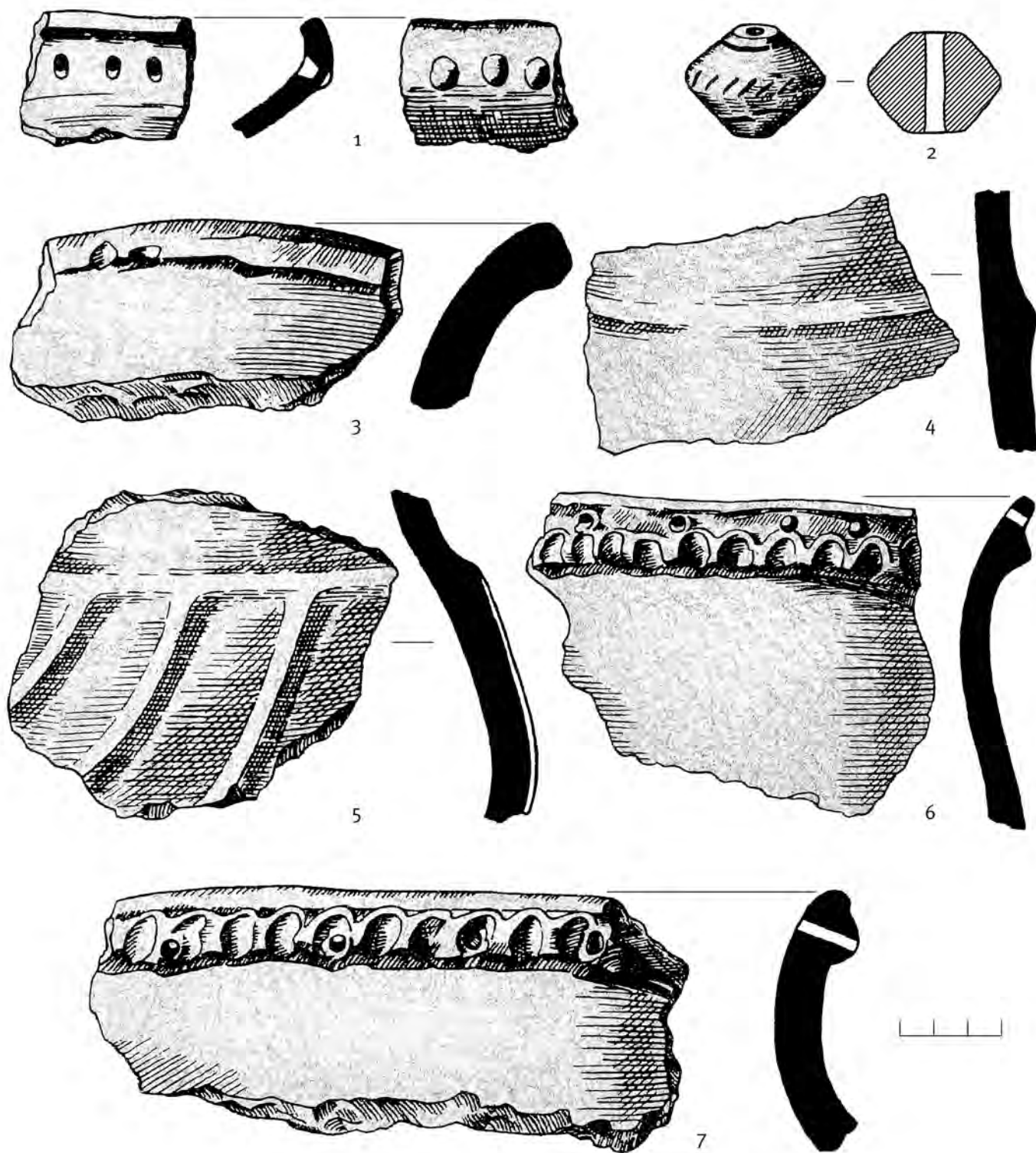
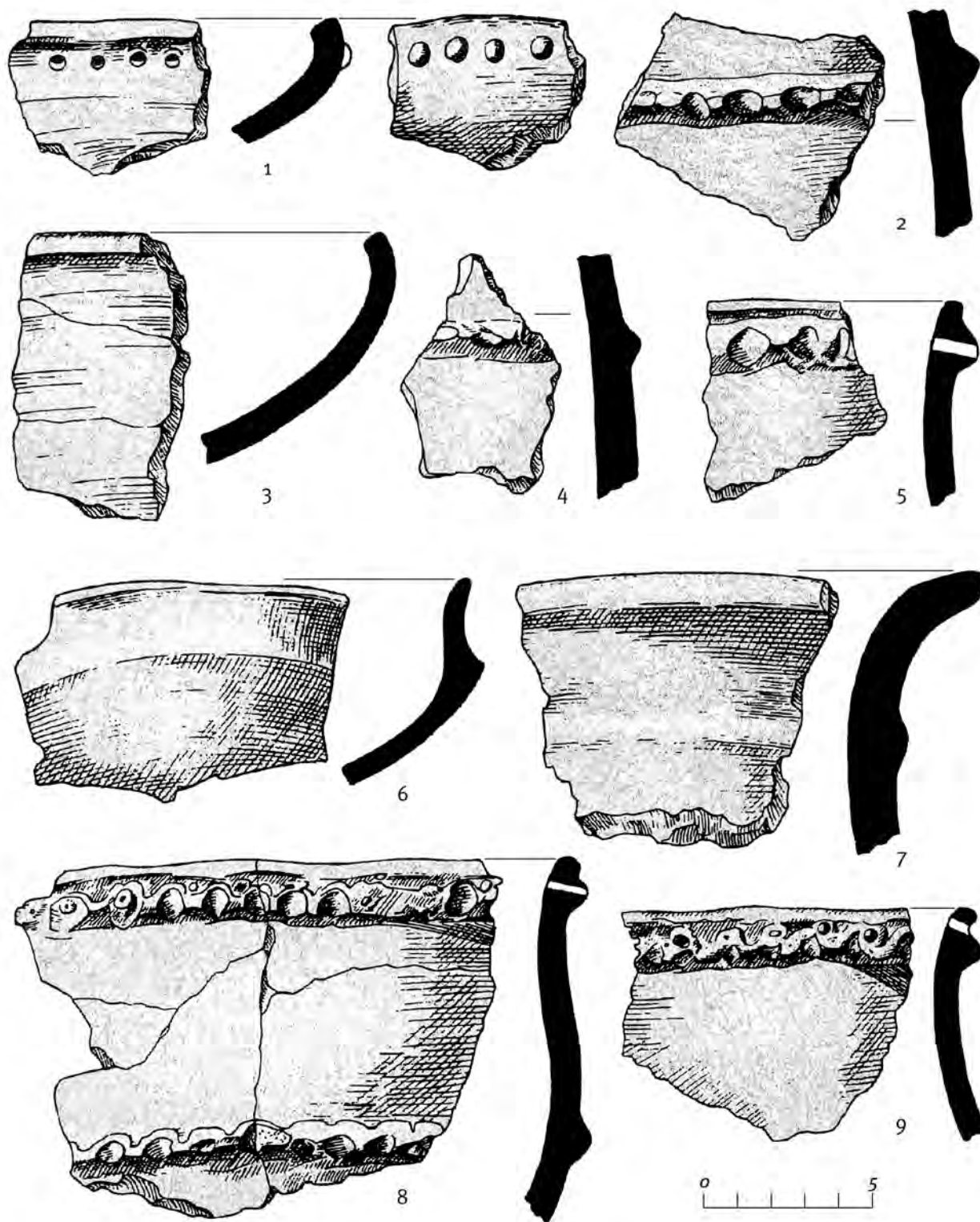


Рис. 135. Немировское городище, раннескифская культура. Находки из землянки № 3 (по Смирнова 1998а: рис. 17; с дополнениями)

димо, к моменту возобновления жизни на месте старой постройки стенки последней уже заплыли грунтом с культурными остатками, а середину ее засыпали «чистой глиной».

Материалы (рис. 135; 136). По их количе-

ству жилище № 3, без сомнения, беднее построек № 1 и 2, расположенных у восточного края зольника. В заполнении обоих жилых горизонтов найдено значительное количество обломков раннескифской посуды и костей домашних животных.



*Керамика.* Хотя керамический материал брался не только по жилым горизонтам, но и по глубинам, однако большая его часть была оставлена в поле. Не наблюдается особых различий между набором посуды из первого и второго горизонтов жилища.

Кухонная посуда представлена характерными горшками типа Nem-2 с расчлененным валиком и проколами под краем и валиком по тулову (рис. 135, 6, 7; 136, 2, 4, 5, 9).

В комплект столовой посуды входят корчаги с пластическими горизонтальными

Рис. 136. Немировское городище, раннескифская культура. Землянка № 3, керамика (по Смирнова 1998а: 18; с дополнениями)



налепами и концентрическими каннелюрами под выступами-упорами (рис. 135, 3–5; 136, 7). Известны округло конической формы миски (тип Nem-9) с проколами и жемчужинами под загнутым внутрь краем (рис. 135, 1; 136, 1, 3). Найдены низкие остросереберные черпаки типа Nem-15 (рис. 136, 6). Отметим, что металлический блеск на поверхности лощеных сосудов из этого жилища не наблюдается.

Фрагменты греческой посуды здесь полностью отсутствовали.

Керамический материал из землянки № 3 по типологическим особенностям близок керамике из жилища № 1, что позволяет говорить о возможной синхронности этих построек.

*Индивидуальные находки* представлены одним пряслицем (рис. 135, 2).

Завершая описание жилища № 3, отметим, что обнаруженная в юго-восточном углу траншеи IV круглая яма, скорее всего, относится к этому жилому сооружению, так как в ее заполнении найдены только трипольские и раннескифские черепки.

**Объекты, принадлежность которых к той или иной фазе четко не установлена** — ямы и наземные глинобитные очаги были открыты на многих участках, исследованных за все годы раскопок на «Замчиско», но из-за отсутствия сводных планов увязать их с землянками и другими хозяйственно-жилыми объектами раннескифского времени не представляется возможным.

#### 4.5. Общая характеристика керамического комплекса

Классификация керамики производилась на основе около 15 целых и археологически целых сосудов, а также коллекции керамики (более 4000 фрагментов). Вся имеющаяся коллекция относится к раннескифской культуре. Изучение *de visu* коллекции из раскопок в XX в. на Немировском городище показывает, что керамический комплекс представляет собой синтез из разно- и чужеродных элементов.

Керамический спектр раннескифских фаз 1–3 Немировского городища составляют 17 основных типов посуды (типы Nem-1–17), известны миниатюрные сосуды (тип Nem-18),

к типу Nem-19 отнесена культовая посуда (рис. 137)<sup>12</sup>.

Согласно задачам настоящего исследования (см. с. 145) ниже приведена краткая характеристика (без развернутого описания критериев классификации) раннескифской керамики Немирова.

Простую/кухонную керамику составили четыре типа горшков — типы Nem-1–4.

Крышки (тип Nem-5) отнесены к отдельной категории.

К качественной/лощеной посуде отнесены 14 типов — Nem-6–17. Лощеную/столовую посуду составляют корчаги (типы Nem-6–8), миски (типы Nem-9–12), черпаки (типы Nem-13–15), кубки (тип Nem-16) и чаши (тип Nem-17).

Основным видом декора лощеной керамики являются каннелюры, выполненные вдавленной или пластической (налепной) техникой.

#### ПРОСТАЯ/КУХОННАЯ КЕРАМИКА

**Тип Nem-1** — сосуды профилированные, тьюльпановидного профиля, который сильно или слабо выражен. Отличаются длинной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Основной декор — проколы под венчиком в сочетании с защипами или пальцевыми вдавлениями, налепным валиком с защипами, а также вторым налепным валиком с защипами в верхней трети высоты тулова. Представлен несколькими целыми и археологически целыми сосудами (рис. 116, 1, 2, 7; 117, 1, 3; 118, 1; 127, 2, 5; 128, 4, 5; 138).

**Тип Nem-2** — сосуды слабо профилированные, с короткой шейкой. Венчик слабо отогнут наружу или прямой. Основной декор — налепные валики и наколы-жемчужины. Представлен целой формой (рис. 117, 2; 124, 3, 4; 127, 3; 139).

**Тип Nem-3** — сосуды прямостенные, реже — бочонковидные. Шейка не выделена, венчик прямой, в случае бочонковидных — слегка загнут внутрь. Основой декор — налепные валики и наколы-жемчужины (рис. 122, 6; 140, 1–3).

**Тип Nem-4** — котловидные сосуды открытой формы, имеющие большой диаметр венчика и относительно небольшую высоту. У них два налепных валика, один из которых расположен по краю венчика, второй — по

<sup>12</sup> Для обозначения типов использовано сокращение на латинице «Nem» для удобства восприятия широкого круга исследователей.



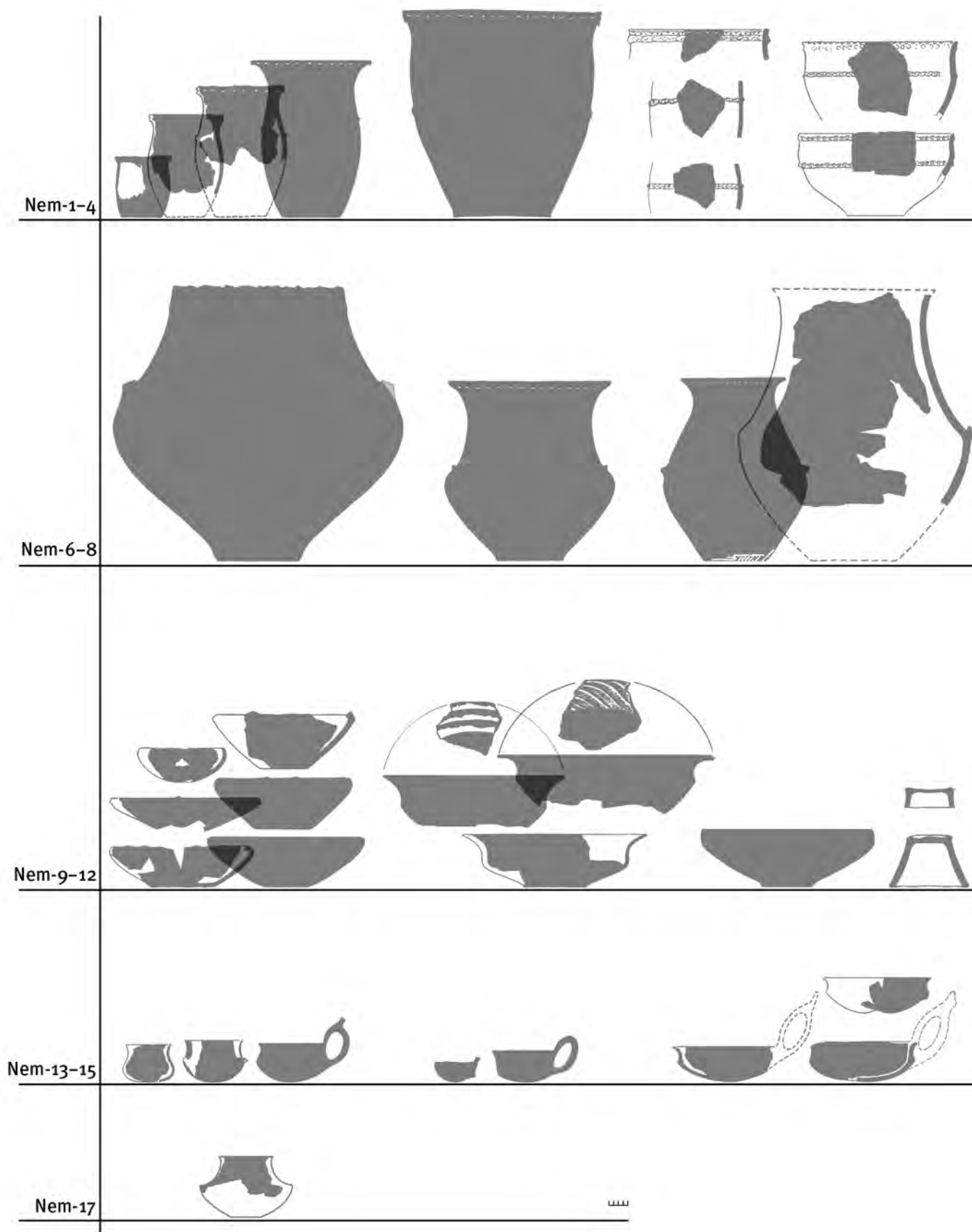


Рис. 137. Немировское городище. Керамический спектр раннескифской культуры

Рис. 138. Немировское  
городище,  
раннескифская  
культура.  
Горшок типа Нем-1

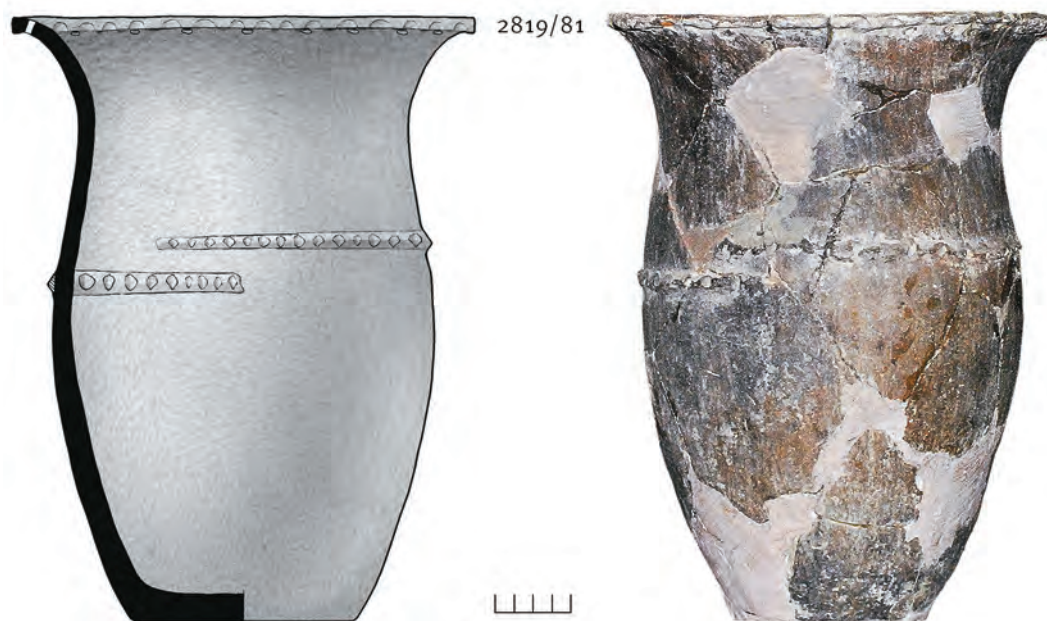


Рис. 139. Немировское  
городище,  
раннескифская  
культура.  
Горшок типа Нем-2



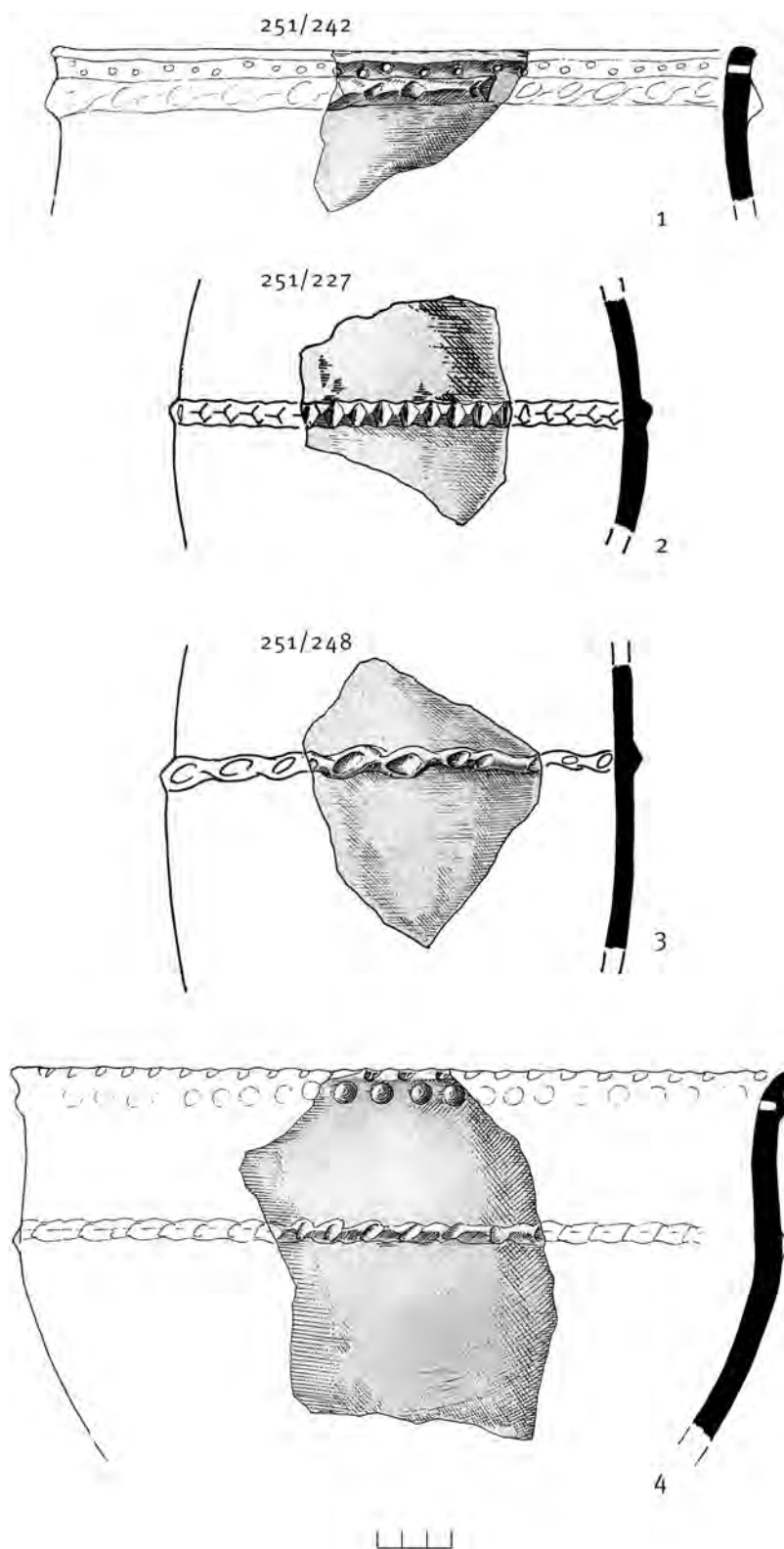


Рис. 140. Немировское городище, раннескифская культура.  
1-3 — горшки типа Нем-3;  
4 — горшок типа Нем-4



2819/85



Рис. 141. Немировское  
городище,  
раннескифская  
культура.  
Корчага типа Nem-6

середине высоты тулова. Под краем венчика  
обычно имеются наколы-жемчужины  
(рис. 122, 5; 136, 8; 140, 4).

#### КРЫШКИ

**Тип Nem-5** — дисковидной формы с лощеной поверхностью. Представлен единичными обломками (рис. 116, 5).

#### ЛОЩЕНАЯ/СТОЛОВАЯ КЕРАМИКА КОРЧАГИ

**Тип Nem-6** — сосуды с выделенной длинной конусовидной шейкой, плавно переходя-

щей в округлобокое тулово. Венчик сравнительно длинный и отогнут наружу. Тулово конусовидное или шаровидное, раздутое. Основной вид декора — вдавленные или пластические каннелюры. Представлен несколькими вариантами. Имеется археологически целый сосуд с отсутствующим венчиком (рис. 122, 2; 124, 1; 129, 1, 2, 4; 130, 1–5; 141).

**Тип Nem-7** — сосуды с выделенной длинной цилиндрической шейкой, резко переходящей в конусовидное невысокое тулово. Переход от шейки к тулову практически во

Дн 1933-1/2591, 2594, 2597, 2598



Рис. 142. Немировское городище, раннескифская культура. Корчага типа Нем-7 (см. рис. 26; 36–38)



Рис. 143. Немировское городище, раннескифская культура. Корчага типа Нем-8

278/308

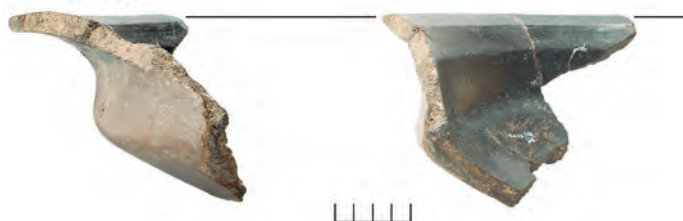


Рис. 144. Немировское городище, раннескифская культура. Миска типа Нем-10





Рис. 145. Немировское городище, раннескифская культура. Миска типа Nem-11

всех случаях подчеркнут невысоким гладким наlepным валиком. Плечики выделены. Максимальный диаметр тулова всегда приходится на верхнюю треть его высоты. Иногда декорированы вдавленными или пластическими каннелюрами (рис. 123, 8; 127, 5; 129, 5). Имеется целый сосуд, на поверхности которого, возможно, присутствует сцена охоты (см. гл. 1.1) (рис. 26; 36–38; 142).

**Тип Nem-8** — сосуды с невыделенной длинной конусовидной или вогнутой шейкой, плавно переходящей в биконическое тулово. Край венчика плавно отогнут наружу. Переход от шейки к тулову плавный, не выделенный или имеется перегиб. Плечики не выделены, покатые или вогнутые. В качестве декора встречаются подтреугольные или подпрямоугольные выступы-упоры в нижней трети высоты тулова, под венчиком встречены проколы. Представлен несколькими вариантами. Имеются целый и археологически целый сосуды (рис. 117, 4, 5; 143).

#### МИСКИ

**Тип Nem-9** — сосуды с загнутым внутрь краем, округло конической или полусферической формы. Среди декора — наcolы-жемчужины, четыре выступа по краю или короткие пластические наleпы с внешней стороны. Представлен несколькими археологически целыми сосудами (рис. 116, 1; 118, 3; 119, 5–7; 122, 1).

**Тип Nem-10** — сосуды с отогнутым широким краем и коническим туловом. Среди них встречаются глубокие и мелкие экземпляры. Декор — по внутренней стороне широкого

края широкие горизонтальные каннелюры или имитирующие их валики на широком крае, переходящие во внутреннюю поверхность стенок и дна. Реже — на поверхности отогнутого края, вертикально к краю или под углом, размещались группами по 2–3 коротких валика, либо наносились группы вертикальных бороздок, а также кружки, концентрические полукружия из каннелюр или каннелированный волютообразный узор (рис. 118, 6; 122, 3; 123, 7; 128, 1; 131, 1–6; 144).

**Тип Nem-11** — сосуды с прямым или слегка загнутым внутрь краем, усеченно конической формы. В верхней части тулова — бортик. Дно выделено. Представлен целым сосудом (рис. 145).

**Тип Nem-12** — миски-фруктовницы, с прямым краем и бортиком в верхней части тулова. Усеченно коническое тулово имеет сравнительно высокую коническую полую ножку. Сохранились несколько ножек.

#### ЧЕРПАКИ

**Тип Nem-13** — сосуды с глубокой чашечкой S-видного профиля. Среди них выделяются сильно и слабо профилированные. Шейка сравнительно длинная. Оборудованы ручкой, которая на перегибе иногда имеет цилиндрический упор. Много неорнаментированных сосудов. Основной декор орнаментированных сосудов — горизонтальные каннелюры по шейке и косые (короткие и длинные) — по тулову. Представлен несколькими вариантами. Некоторые сосуды этого типа соотносятся с керамикой культуры Басарабь.



Рис. 146. Немировское городище, раннескифская культура.

1, 3 — черпаки типа Нет-14;  
2, 4, 5 — черпаки типа Нет-15 («немировский тип»)

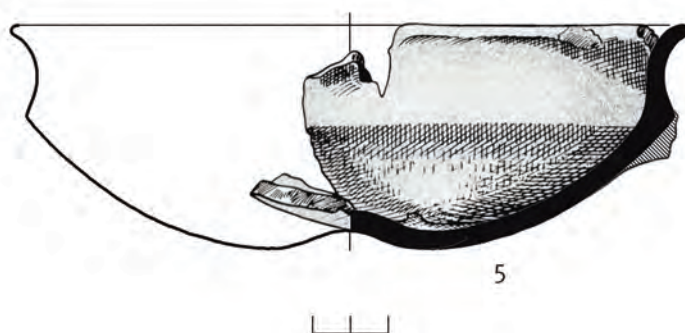
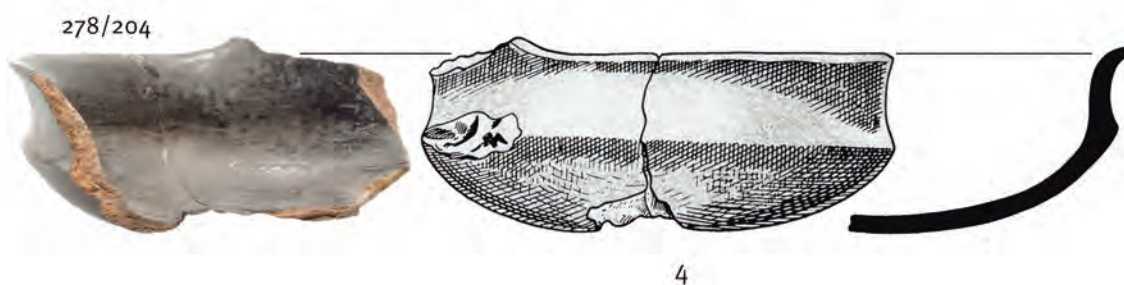


Рис. 147. Немировское  
городище,  
раннескифская  
культура.  
Чаша типа Нем-17



Имеются несколько археологически целых сосудов (рис. 116, 4; 118, 2, 4, 5; 122, 4).

**Тип Нем-14** — сосуды с невысоким полу-сферическим туловом. Среди них выделяются сосуды со слабо выраженной усеченно конической шейкой, а также сосуды без шейки. Ручка гладкая и обычно невысокая. Как правило, не орнаментированы. Представлен несколькими вариантами. Имеются несколько археологически целых сосудов (рис. 146, 1, 3).

**Тип Нем-15** — «немировский тип». Низкие сосуды с короткой вогнутой шейкой и резким перегибом на месте перехода от шейки к полусферическому невысокому тулову. Снабжены плоской ленточной ручкой с кнопным упором на месте перегиба. Представлен несколькими вариантами. Один из вариантов составляют изящные тонкостенные сосуды с блестящей лощеной поверхностью ярко-черного цвета, блеск зачастую металлический, с белесым («алюминиевым») оттенком. Имеются несколько археологически целых сосудов (рис. 123, 1, 3, 5; 128, 3; 132, 1–3, 7, 8; 136, 6; 146, 2, 4, 5).

#### КУБКИ

**Тип Нем-16** — из-за фрагментированности сохранившихся материалов их сложно отделить от массива черпаков. Морфологически они близки к черпакам с длинной шейкой, резко или плавно переходящей в округлое тулово, с умбоном на круглом дне.

#### ЧАШИ

**Тип Нем-17** — впервые выделен при полной обработке керамической коллекции памятника. Это тонкостенные сосуды с длинной сильно вогнутой шейкой, вогнутыми плечиками и низким шаровидным туловом. Повторяют формы металлической посуды гальштаттского

периода Средней Европы (рис. 147).

#### МИНИАТЮРНЫЕ СОСУДЫ

**Тип Нем-18** — представлен сосудиками, повторяющими крупные формы: горшки, миски, черпаки и кубки (рис. 148, 1–6, 8).

#### КУЛЬТОВАЯ КЕРАМИКА

**Тип Нем-19** — представлен фрагментом тонкостенной крышки от кубка или другого сосудика (рис. 148, 7).

#### *Несколько предварительных наблюдений о типах лепной керамики Немировского городища*

Говоря о простой/кухонной посуде — типы Нем-1 и 2 наиболее архаичны. Тип Нем-1 наиболее близок к характерным для чернолесской культуры горшкам тюльпановидной формы. Они снабжены расчлененным валиком под краем и по тулову либо только валиком по основанию шейки. На шейке и тулове валик обычно сомкнут, на тулове иногда концы его заходят друг за друга. По краю венчика часто нанесены мелкие вдавления, а также проколы или наколы. Преобладающий цвет поверхности, обычно заглаженной, — светло-коричневый. Горшки типа Нем-2 также имеют архаические признаки и восходят к тюльпановидным сосудам. Однако шейка у них становится более короткой, а профилированность сосуда — невыраженной.

Для последующих доколониционной и колониционной фаз (2 и 3) развития материальной культуры Немировского городища наблюдаются изменения в составе, формах и манере декора простой/кухонной посуды, хотя ее местная линия развития не вызывает сомнений. Вместо горшков тюльпановидного профиля преобладают профи-

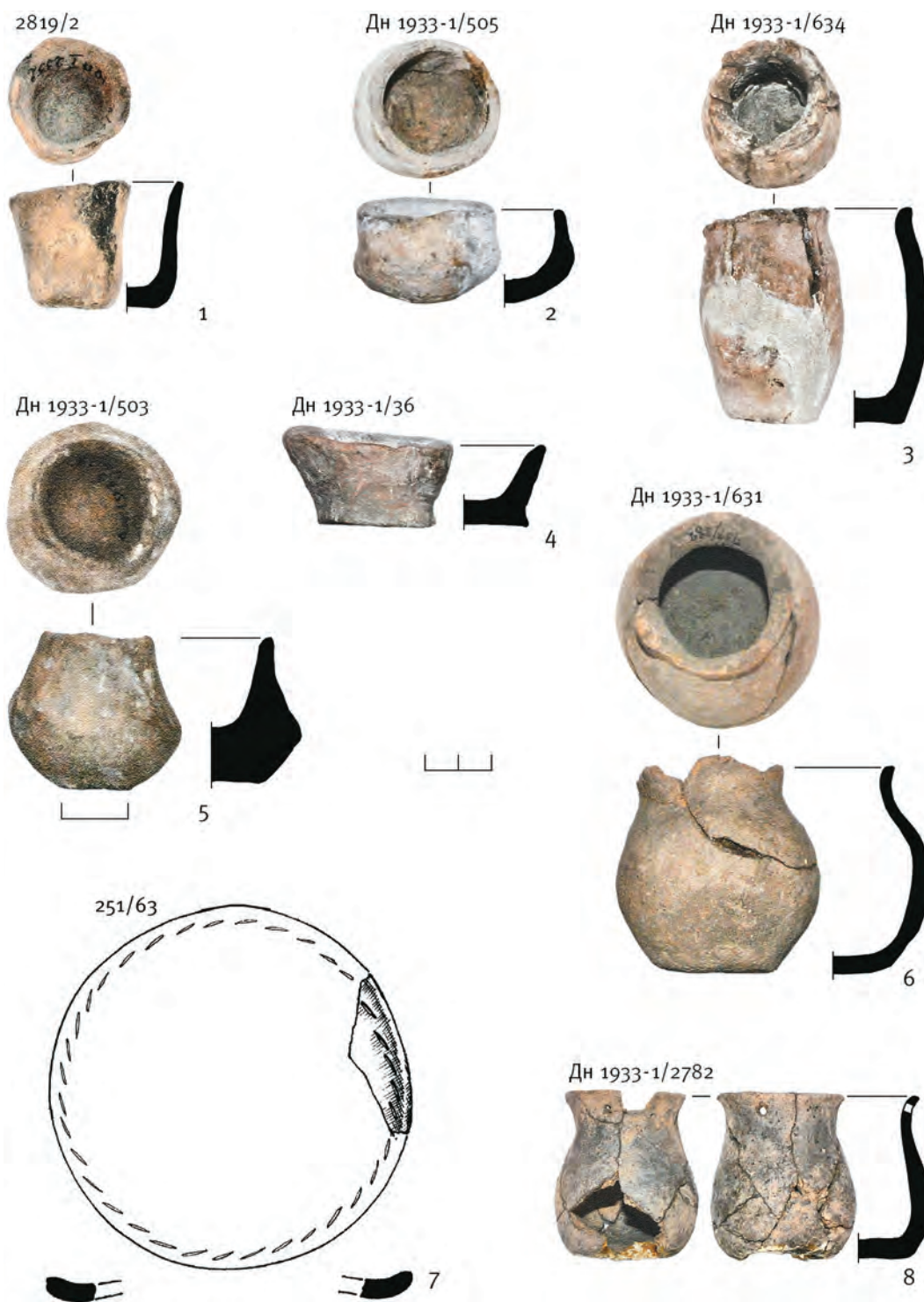


Рис. 148. Немировское городище, раннескифская культура.

1–6, 8 — миниатюрная керамика (тип Нем-18);  
7 — культовая керамика (тип Нем-19)

лированные сосуды разных вариантов, украшенные, как правило, проколами и наlepным расчлененным валиком под краем. Баночные сосуды с двумя валиками — под венчиком и по тулову — в целом малочисленны, за исключением экземпляров, найденных в землянке № 2 и в яме № 3 возле внутреннего вала. Весьма примечательно, что в заполнении землянки № 2 баночные сосуды с расчле-

ненными наlepами под венчиком и по тулову встречались в большом количестве, сочетаясь как с тюльпановидными формами, близкими ранним горшкам, так и с баночными горшками, декорированными только одним валиком, располагавшимся под венчиком. Такая встречаемость в названной землянке *разных форм кухонной посуды* на фоне типичной для Немирова чернolощеной столо-



вой посуды галыштатского облика позволяет уверенно относить баночные сосуды с двумя валиками к самому раннему пласту раннескифской посуды на городище, а также не делить кухонную керамику памятника на доскифские и раннескифские формы.

Касательно лощеной посуды — к числу ранних типов, имеющих корни в предшествующей культуре, можно отнести корчаги типа Нем-8, миски типов Нем-9 и Нем-11, а также черпаки типов Нем-13 и Нем-14. Отделить ранние лощеные сосуды от более поздних крайне затруднительно.

Ранний комплекс (фаза 1) лощеной посуды из Немира по ряду признаков отличается от позднечернолесского на Среднем Днепре (Тереножкин 1961: 79, 80, рис. 40, 4, 5; 41; 42, 4–6; 44, 5, 7, 8; 45; 51, 18–24; Ильинская 1975: 116–143, рис. 12; 13; 16, 1–7; 17; 20) и Среднем Днестре (Смирнова 1983: 60–62, рис. 1–4; 5, 23–42; 1985: 23, рис. 4, 1, 2; 7, 1, 2, 11; 8, 1–10; 13, 4; Крушельницка 1985: 105–119, рис. 34, 36; 1998: 151 сл., рис. 93–97;

99–102). Отличается этот комплекс и от жаботинского набора (см. Дараган 2011: 395 сл., рис. IV.2–IV.4; IV.8; IV.13–IV.20; IV.23; IV.25–IV.27; IV.34; IV.35). Главное отличие выступает не столько в категориях и формах лощеных сосудов, сколько в характере орнаментации. На немировской лощеной посуде фактически не встречен штампованный и резной узор, широко представленный на керамике позднечернолесской и жаботинской культур в Среднем Поднепровье и Среднем Поднестровье. Имеется всего несколько обломков сосудов с геометрическим резным узором (рис. 149), характерным для раннескифской постжаботинской посуды Среднего Поднепровья (Ильинская 1975: табл. XI, 4; XVII, 3, 11; XXIV, 4; XXV, 2; Ковпаненко 1981: 81–95, рис. 2, 6; 12, 3; 14, 1, 3–7; 39, 10; 41, 3; 42, 22; 64, 48, 49, 64, 69, 72, 78, 80, 91, 97, 99). Примечательно, что такая же картина наблюдается и на других раннескифских памятниках Побужья, например, на Севериновском городище (Смирнова 1961: 88–103, рис. 6–10;

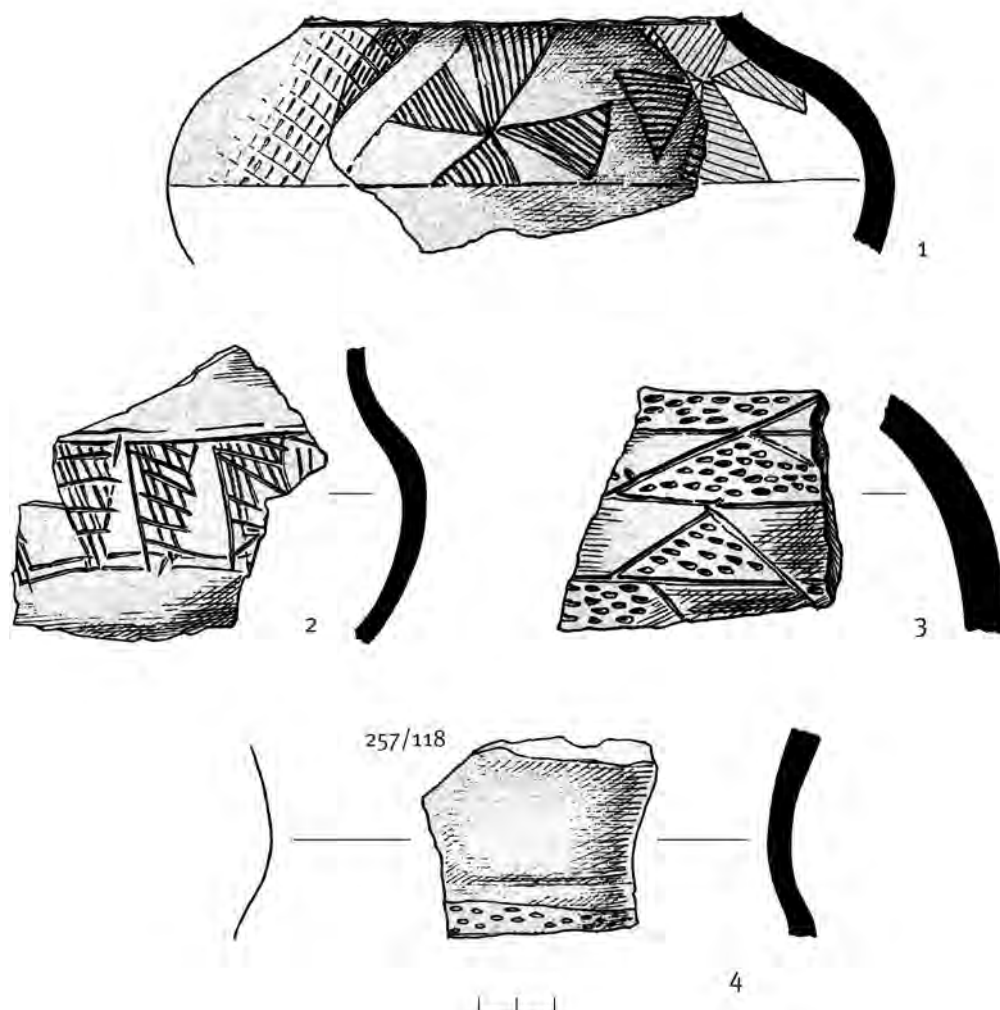


Рис. 149. Немировское городище, раннескифская культура. Лощеная керамика с геометрическим узором

Болтрик та ін. 2014а: рис. 2–4; Shelekhan et al. 2016: 180 ff., fig. 62–64), и Среднего Поднестровья (Sulimírski 1936: 9–17, 105–110, Taf. XII, 10; XIII–XVII; Смирнова 2006: 84 сл., рис. 2; Бандрівський 2010: 84 сл., рис. 2; 9, 11, 12; 11, 3–5, 8, 9; 12, 1, 2, 4, 5; 13, 2, 6). Основной и единственный вид орнаментации лощеной посуды начальной раннескифской фазы Немирово — каннелюры.

Для последующих доколониционной и колониционной фаз (2 и 3) развития материальной культуры Немировского городища отмечаются существенные изменения в формах и профилировке лощеной посуды, а также в приемах ее орнаментации. Появляются новые типы и варианты лощеной посуды. Керамика этой категории, происходящая из ям и землянок, из наземных очагов и зольника, отличается высоким качеством изготовления и лощения, а также богатством и разнообразием типов сосудов и их каннелированной орнаментации и пластического декора, часто имитирующего каннелированный. На корчагах отметим горизонтальные ряды каннелюр на горле и полукружия из каннелюр под упорами в верхней части тулова. Под краем венчиков корчаг и мисок нередко имеются круглые наколы-жемчужины или сквозные проколы.

Получили распространение мелкие и глубокие миски с сильно отогнутым широким краем и коническим туловом. Широкий край некоторых сосудов оформлялся широкими горизонтальными каннелюрами или имитирующими их валиками, группами по 2–3 коротких валика, реже — кружками, концентрическими полукружиями или волютами из каннелюр. Многочисленны тонкостенные черпаки с блестящей лощеной поверхностью преимущественно ярко-черного цвета. Их изящная чашечка неглубокая, с резко выраженным перегибом на переходе венчика в тулово, с округлым дном, имеющим умбон в центре.

Рассматривая соседние регионы, отметим, что среди лощеной посуды Западно-подольской группы имеются близкие аналогии немировской лощеной посуде фаз 2 и 3, сопоставимой в ряде случаев и по высокому качеству изготовления и лощения (Мелюкова 1953: 60, рис. 30, 32; Смирнова 1968: 14–15, рис. 2; 4, 1; 1977: 33, 36, рис. 3; 6; 1979: 37, рис. 6; 12, 8, 9; 15, 8, 9; 36, Ганіна 1965: 109, 112, рис. 4, 10–14; 5; 1984: 71, рис. 2; 3). Относительно

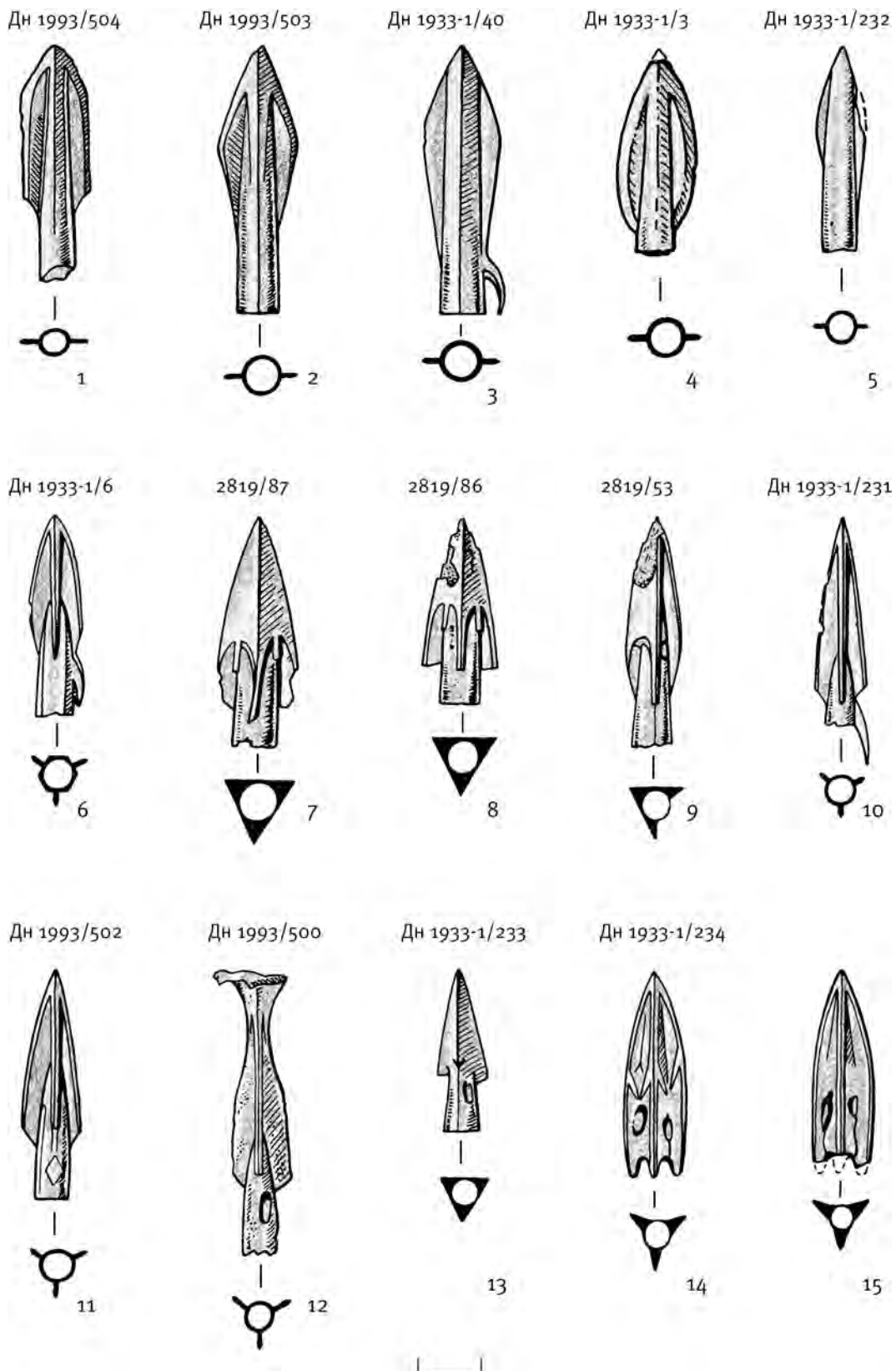
Среднего Поднепровья, то в раннескифских памятниках известны близкие немировским типы корчаг с цилиндрическим или коническим горлом, миски с загнутым внутрь краем, черпаки с глубокой чашечкой, кубки. Однако по сравнению с немировским комплексом весьма малочисленны миски с широкими краями, отогнутыми наружу, также единичны находки низких черпаков с резким перегибом на тулове (Тереножкін 1954: 91–93, рис. 12–15; Петровська 1968: 170–172, рис. 6, 1–6; 7; Ильинская 1975: рис. 16, 13–17, табл. X, 1, 18; XII, 3, 18; XIII, 9, 15; XIV, 8; XXXII, 3–5, 7; Ильинская и др. 1980: 52–54, рис. 24, 3–8; 25, 3–7; 26, 1; 27, 2; Ковпащенко и др. 1989: 50–60, рис. 7, 16–30; 8, 1–5; 9, 1–21; 10, 1–15). Из сосудов с металлическим блеском, представленных здесь единичными экземплярами, упомянем экземпляры из Глевахи, Офирны и др. (Тереножкін 1954: 93, рис. 14; Петровська 1968: 170, 172, рис. 6, 2, 6; 7; Дараган 2011: рис. V.57; V.63).

В заключение этих предварительных наблюдений отметим, что на всей территории лесостепи между Днестром и Днепром, кроме Немировского городища, нет другого памятника, где бы в таком массовом количестве была представлена высококачественная по технологии, мастерству исполнения и лощению посуда во всем многообразии ее видов, с богатым каннелированным узором в сочетании с пластическим декором.

#### 4.6. Характеристика отдельных категорий находок

В культурном слое городища найдены предметы из глины и кости, обычные для бытового и хозяйственного инвентаря земледельцев и скотоводов лесостепи: глиняные пряслица, катушки и пуговицы (рис. 125, 1–9), костяные втулки, проколки и накладки. Изделия из бронзы и железа представлены булавами (в основном с гвоздевидной головкой) и железными ножами. В настоящей главе кратко охарактеризуем отдельные изделия раннескифских типов, принятые как хроноиндикаторы бытования здесь раннескифской культуры. Среди них предметы вооружения: бронзовые наконечники стрел (рис. 150), фурнитура колчана — костяная палочка-застежка (рис. 151, 4), а также предметы конского снаряжения: обломки двух роговых псалиев (рис. 151, 1, 2). Из деталей туалета определенный интерес вызывают

Рис. 150. Немировское  
городище.  
Бронзовые  
раннескифские  
наконечники стрел





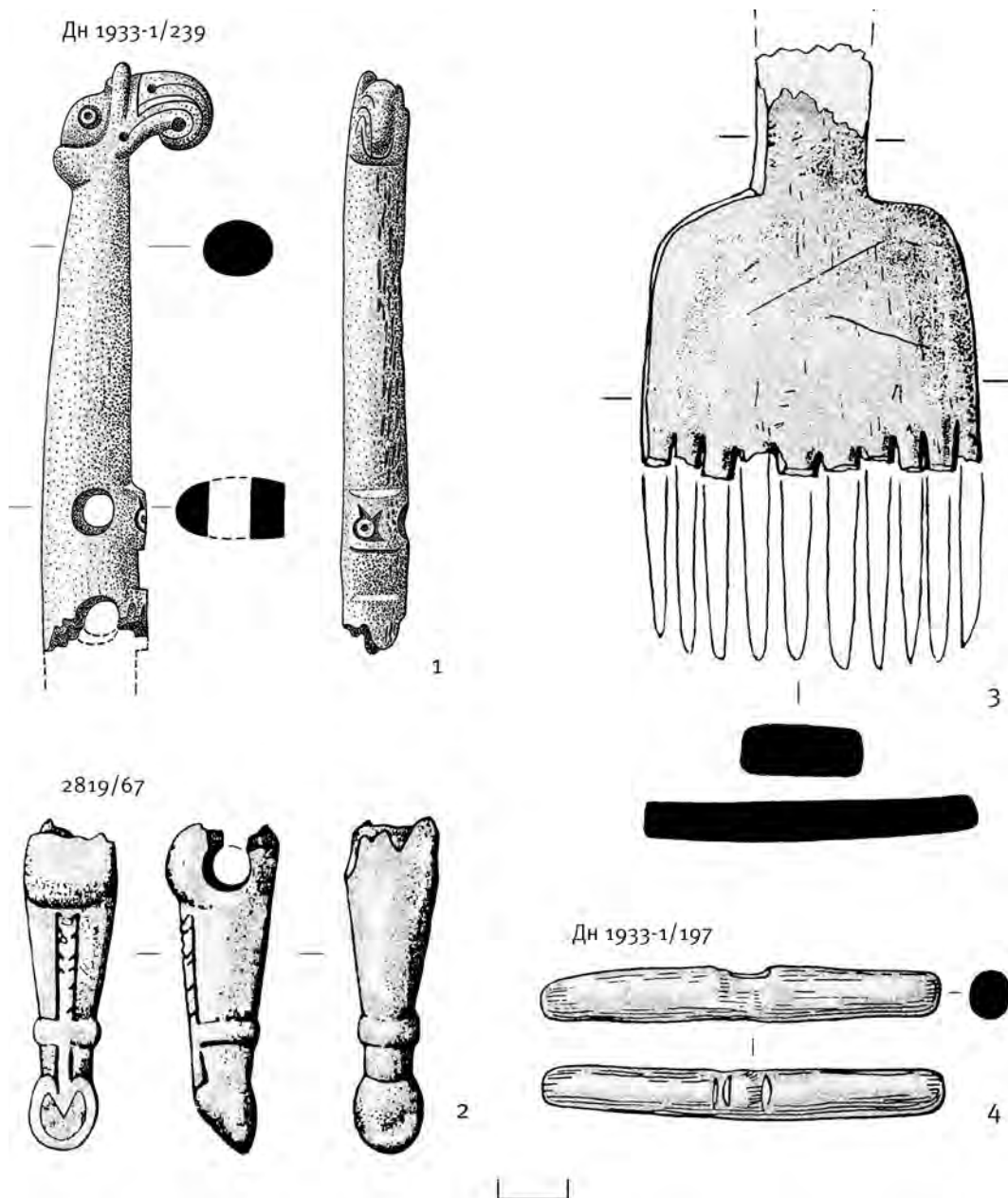


Рис. 151. Немировское городище. Изделия раннескифских типов из кости и рога

костяной гребень с вертикальной ручкой (рис. 151, 3) и ручка бронзового зеркала (рис. 125, 11; 152).

Бронзовые наконечники стрел (15 экз.) собраны в разные годы раскопок на городище и не образуют единого комплекта. Используя классификацию этой категории скифского оружия, в свое время предложенную А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964: 18–19, табл.), при учете работ по удревненной хронологии раннескифских стрелковых наборов (Полін 1987; Петренко 1990: 60; Галанина 1995; Рябкова 2014а; Дараган 2015) в немировской коллекции удастся выделить разные типы, имеющие более-менее определенные рамки существования.

Древнейшим из числа собранных стрелковых предметов является наконечник со строго вертикальными краями пера, сходящимися под острым углом к вершине, и с выступающей втулкой (рис. 150, 1). Близкой параллелью немировскому экземпляру из числа предскифских образцов являются два одинаковых наконечника из погребения 34 в могильнике у Кисловодской мебельной фабрики, считающиеся самыми ранними находками «новочеркасских» наконечников стрел (Эрлих 1994: 74, табл. 19, 14, 15).

Наконечники стрел с ромбической головкой жаботинского типа и двухлопастного с широкой лавролистной головкой и короткой втулкой (рис. 150, 2–4) существова-

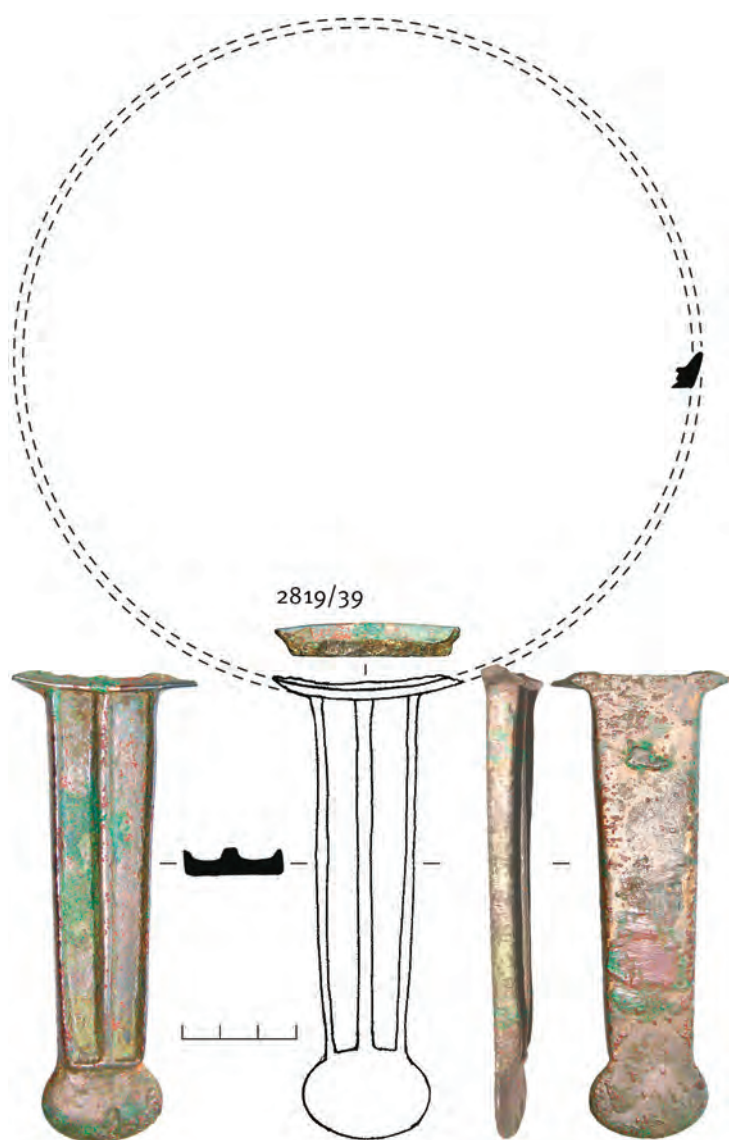


Рис. 152. Немировское городище, раннескифская культура. Ручка бронзового зеркала (фотография и прорисовка) из культурного слоя, перекрывающего землянку № 1 (по Вахтина, Кашуба 2016: рис. 4)

ли, в основном, во второй половине VIII — начале VII в. до н.э. (Медведская 1992: 86–89; Клочко, Скорый 1993: 80–81, рис. 3, 9–13; 6, 1–6). Учитывая последние разработки Т. В. Рябковой и их датировку от второй половины VIII в. до н.э. (Рябкова 2012; 2014а), их можно связывать с фазой 1 раннескифской культуры в Немирове. Этому не противоречит тот факт, что наконечники жаботинского типа встречаются в колчаных наборах этапа РСК-2, что по И. Н. Медведской приходится на вторую четверть VII в. до н.э. (Медведская 1992: 87–88). К середине VII в. до н.э. они выходят из употребления (см. Полін 1987, 21–22; Полин 1998). В свое время с этим была не согласна Л. К. Галанина, допускающая в виде исключения их доживание во второй половине VII в. до н.э. (Галанина 1995: 50).

Трехлопастные (рис. 150, 6, 10–12) и трехгранные (рис. 150, 7–9, 13) наконечники стрел находят полные аналогии в первой хронологической группе, по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964: 18–19, табл. 6; А/4,5; Ж/1, 3; Л/5, 6). После удревнения келермесской и старшежуровской групп памятников считается, что они ориентировочно охватывают вторую четверть VII — первую четверть VI в. до н.э. (Полін 1987: 18–23, рис. 1, 4–24; Петренко 1990: 61–76, рис. 2, Д-Л; Медведская 1992: 87–88, 94–95; Галанина 1995: рис. 2, 4–9, 19–20, 25, 33, 34). Хотя совпадения в определении времени их существования у специалистов не наблюдается, последние разработки А. Ю. Алексева и Т. В. Рябковой по удревнению хронологии Келермесского могильника позволяют склоняться к более ранним датировкам самих наконечников (Алексеев 2008: 8 сл.; Алексева, Рябкова 2013: 13 сл.).

Два крупных трехлопастных базисных наконечника (рис. 150, 14, 15), по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964: 20–21), относятся ко второй хронологической группе, которая первоначально датировалась сравнительно поздно: вторая половина VI — первая половина V в. до н.э. Сейчас их нижний рубеж бытования был значительно удревнен — до VII в. до н.э. (Полін 1987: 20–21, Полин 1990; Петренко 1990: 63, рис. 2, Д-6; Галанина 1995: 47–48; Дараган 2015: 127 сл.).

Оба псалия из Немирово имеют имитацию трех петель в виде муфтообразного расширения с одной из сторон. На экземпляре с головкой грифобарана муфта четырехугольная, у другого, завершающегося копытом, — округленная (рис. 151, 1, 2). Согласно И. Н. Медведской, имитация трех петель — признак этапа РСК-2 (Медведская 1992: 95). Характерной чертой псалиев этого этапа считается также оформление головки в виде грифобарана (Kossack 1980: 91–97, Abb. 1, 3, 4, 13в; Медведская 1992: 95). Есть еще пример — псалии с головкой грифобарана на конце и с тремя муфтообразными расширениями на стержне из кургана № 16 в могильнике Новозаведенное II, найденные в одном комплексе с североионийской керамикой конца VII — начала VI в. до н.э. (Петренко и др. 2000: 238–243, рис. 3, 4, 8).

Важный признак костяных псалиев — валики, гладкие или рубчатые, размещенные ниже зооморфной головки или выше копыта

на нижнем конце. Немировский экземпляр с двумя валиками — гладким поперечным и продольным рубчатым (рис. 151, 2) — сопоставим с декором из валиков с зарубками на псалях из погребения 68 в могильнике Тли (Техов 1980: 2–22, 67, рис. 2, 5, 6, 9; Смирнова 1996: 81). На эту черту декора — полосы с зарубками на псалях из Передней Азии и Жаботина — давно обратил внимание Г. Коссак, говоривший о появлении такого декора задолго до VI в. до н.э., а, точнее, о рубеже VIII–VII вв. до н.э. (Kossack 1980: 94–96, Abb. 1, 2).

Согласно недавно появившимся работам, немировские экземпляры относятся к стержневидным трехдырчатым псалям с равными по величине отверстиями в одной плоскости (отдел 2, группа 1, тип 2, по классификации С. Б. Вальчака) — тип, широко распространенный и долго бытовавший (Вальчак 2009: 64 сл.). Считается, что муфтообразные выступы воспроизводили аналогичную деталь бронзовых псаляев с муфтами и отверстиями в них (см. Рябкова 2014б: 207).

Интерес представляют изображения в скифском зверином стиле. Образ грифобарана/бараноптицы неоднократно рассматривался многими исследователями, наиболее полная историография вопроса и проблематика освещены в работах А. Р. Канторовича. Немировское изображение он отнес к типу 1, названному «Новозаведенско-аксютинским» (Канторович 2015: 167–168, рис. 18; 19, б). По его мнению, этот мотив возник на Северном Кавказе, развивался и тиражировался в Среднем Приднепровье, Подонцовье и Нижнем Подонье, но распространялся, хотя и в меньших масштабах, и в других областях, подвергавшихся влиянию скифской культуры. Предельные рамки бытования типа — вторая четверть VII — середина VI в. до н.э. (Там же: 170–171).

Любопытен нанесенный на этот же псалий специфический значок в виде ромба с вогнутыми сторонами и кружком в центре (рис. 151, 1). Он входит в серию из более 200 изображений (сильно вариативных, но хорошо узнаваемых) предскифского и скифского времени широкого территориального охвата (Рябкова 2011: 104 сл.). В предложенной Т. В. Рябковой классификации этих изображений немировский значок был отнесен к «кругу с точкой (отверстием) в центре, вписанного в ромб со слегка вогнутыми сто-

ронами и заключенного в окружность» — мотив, имеющий самостоятельную линию развития (Рябкова 2010: 310–311, рис. 1).

Копыто на одном из псаляев передано анатомически правильно (рис. 151, 2). Такая передача изображения сближает немировский экземпляр с наконечниками псаляев в виде копыта в келермесских курганах Н. И. Веселовского, отличительным признаком которых, по наблюдению Т. В. Рябковой, является натуралистичность в передаче формы копыта (см. Рябкова 2014б: 214).

Костяная палочка-застежка с проточкой посередине (рис. 151, 4) относится к изделиям, неотъемлемо входящим в состав курганных комплексов этапов РСК-2 и РСК-3 (Черненко 1981: 32, рис. 24; Мелюкова 1989: 92–93, табл. 31, 10–16; Рябкова 2003: 12 сл.).

Гребень (рис. 151, 3) по своим параметрам (вертикальная ручка, широкая спинка и ее форма, редко посаженные зубья, а также основные пропорции и размеры) обнаруживает близкое сходство с гребнем из кургана № 2 у с. Перебыковцы на Среднем Днестре. При этом есть все основания полагать, что ручка немировского образца могла иметь зооморфное навершие (Смирнова 2005). Косвенно об этом свидетельствует еще один подобный костяной гребень из Немировского городища, найденный Б. И. Лобаев в 1950–1960-е гг., который находится на экспозиции Винницкого областного краеведческого музея<sup>13</sup>. Все три изделия (два — из Немирова, одно — из Перебыковцев) составляют отдельный вариант монолитных односторонних гребенок, главной специфической особенностью которых является наличие удлиненной, вертикальной по отношению к спинке, ручки (см. также Полідович 2017: 94). Не останавливаясь на проблеме происхождения этих гребней, отметим, что все три изделия найдены на лесостепных скифских памятниках, а перебыковский — в закрытом погребальном комплексе богатого конного воина. Гребень лежал на полу камеры в одном нетронутым грабителями скоплении явно мужских предметов: железные секира, шампур, тесловидный топор с крылышками и пара бронзовых ножей (Смирнова 1979: 49–50, рис. 9: 3, 5, 6, 10, 11). Комплекс находок из кургана № 2 в Перебыковцах Г. И. Смирнова датировала последними десятилетиями VII — самым на-

<sup>13</sup> См. <http://vinnytsia-museum.in.ua/gallery/ancient-ages/406-ancient-ages-08>.



чалом VI в. до н.э. (Смирнова 1993: 113–116). Она полагала, что к этому или близкому времени в пределах второй половины VII — начала VI в. до н.э. правомерно относить и немировские гребни с вертикальной ручкой (Смирнова 2005: 93 сл.). Согласно современным данным появление носителей раннескифского комплекса на Среднем Днестре в целом было синхронно времени появления ранних скифов на юго-западе Восточной Европы (вторая половина — конец VIII в. до н.э.). Исследователи удревняют в целом традиционные датировки Западно-подольской группы раннескифской культуры, сдвигая и перебыковский комплекс во вторую — третью четверть VII в. до н.э. (см. Бандрівський 2010: 76 сл., табл. 1; Eberts 2012: 101 ff., 105 ff.). Рассматриваемый обломок немировского гребня, скорее, также может датироваться около середины — второй половиной VII в. до н.э.

За все время раскопок в XX в. на Немировском городище найдено сравнительно мало костяных и роговых предметов раннескифского времени. Обращает внимание их разнообразие и качество изготовления, что позволяет предполагать наличие здесь косторезного ремесла, в ассортимент которого входили изделия с высоким уровнем декоративного оформления. Аналогичная ситуация наблюдается на расположенном неподалеку Севериновском городище, где имеются свидетельства местного косторезного ремесла, выпускающего продукцию малыми сериями, в том числе высокохудожественные изделия (там же найдены псалии, аналогичные немировским, — Болтрик та ін. 2014б: 71 сл.; 2015: 222 сл., рис. 3, 1; 4, 1; Shelekhan, Lifantii 2016: 223 ff., fig. 3, 2a–2b; 6, 1a–1b).

От бронзового зеркала (рис. 125, 11; 152) сохранилась массивная ручка с бортиком у диска. Она отличается своими морфологическими особенностями: только три продольных ребра с одной стороны ствола ручки, который заканчивается овальным щитком, а не зооморфной фигуркой, хотя близка к так называемым зеркалам ольвийского типа. В отдельной публикации, которая была посвящена этой редчайшей находке архаических зеркал, найденных на поселениях, мы рассмотрели контекст обнаружения зеркала (рис. 121) и предложили его датировать не позднее конца VII в. до н.э., как и наиболее вероятное время засыпки котлована землян-

ки № 1 (Вахтина, Кашуба 2016). Мы полагаем, что ручка (как и само изделие) скорее относится к предметам греческого импорта: версия о производстве немировского зеркала мастером-скифом остается возможной, однако выглядит менее вероятной (Там же: 42–48)<sup>14</sup>.

#### 4.7. Проблема происхождения местной чернолощеной посуды

Открытым остается вопрос формирования раннескифского керамического комплекса из Немирова, особенно лощеной посуды. С одной стороны, речь идет о продолжении архаических традиций в керамическом производстве местного населения, восходящих к местной культуре. С другой, особенности в технологии, новации в категориях и типах, изменениях формы сосудов в пределах одного типа не позволяют связывать наблюдаемые перемены с одной только эволюцией от предшествующей культуры к культуре раннескифского времени. Скорее всего, в начале раннескифского периода в культуре лесостепной зоны Северного Понта имели место заимствования новой, более совершенной технологии производства тонкостенной посуды, новых типов сосудов (низкие черпаки с резким перегибом на тулове, миски с широким отогнутым краем, корчаги с цилиндрическим и коническим высоким горлом), а также приемов и композиций каннелированного узора. В свете современных знаний о культурах гальштаттского мира Средней Европы и Карпато-Подунавья становится очевидным, что прототипы лощеной посуды, технологии и формам следует искать именно на этих территориях.

Изучая черную лощеную керамику из Немировского городища, Г. И. Смирнова активно занималась поиском ее протипов. Она писала:

**«На городище существует еще одна группа находок, являющаяся без всякого преувеличения знаковой для этого памятника. Имеется в виду замечательное собрание черной лощеной до блеска**

<sup>14</sup> Наше мнение вызвало критику Т. Н. Кузнецовой, которая считает изделие патерой и не соглашается с его ранней, по ее мнению, датировкой (Кузнецова 2017: 470–475). Полагаем, что возникшая дискуссия плодотворно скажется на изучении этой интереснейшей категории предметов туалета.

посуды (корчаги с высоким цилиндрическим и коническим горлом, миски с широким, развернутым наружу краем, низкие профилированные черпаки с резким изломом на тулове, характерный каннелированный декор), возводимой как по технологии, так и по типам к гальштаттской (Смирнова 2001а: 33–43). По всем данным, она присутствует уже на первом раннескифском этапе, появляясь, скорее всего, во второй его половине, если судить по тому, что ее еще нет в закрытых комплексах типа перечисленных выше хозяйственных ям этого этапа. Наибольшее скопление такой посуды наблюдается в обоих жилых горизонтах землянки № 2, начало строительства и функционирования которой относится еще к доколониационному периоду.

Объясняя появление в Немирово высокой технологии изготовления посуды и новых видов керамики глубоким взаимодействием с культурами гальштаттского мира Средней Европы, включая Карпато-Дунайский регион, можно с некоторой долей приближенности установить время этих контактов. Так, если говорить о связях с Восточным Гальштатом, то они могли иметь место еще в VIII или, скорее, в первой половине VII вв. до н.э. Учитывая, что нижняя хронологическая граница группы Фериджеле в Южном Прикарпатье ныне определяется серединой VII в. до н.э., взаимодействия с ней могли начаться только во второй половине VII в. до н.э. (Смирнова 1998а: 114–116; 1999: 242–243; 2001а: 42–43, рис. 3–6). Хотя, с другой стороны, при рассмотрении вопросов хронологии нельзя скидывать со счетов и более ранние контакты первой половины VII до н.э. между Немировским городищем и Юго-Восточным Прикарпатьем в лице локального варианта культуры Басарабь – группы Шолданешти, на что в свое время обратила внимание А. И. Мелюкова (1979: 89, рис. 28, 12)» (Смирнова 2002: 230–231).

Развивая тему связей с Гальштаттом, Г. И. Смирнова нашла хорошие аналогии корчагам в культурах Восточногальштаттского круга памятников (Смирнова 2001а: 38, 42, рис. 3, 1–5, 6–16). Речь шла о совершенной технологии изготовления, приемах и мотивах каннелированного декора (широкие каннелюры, образующие концентрические полукружья, круги и волюты, а также параллельные горизонтальные ряды). Однако

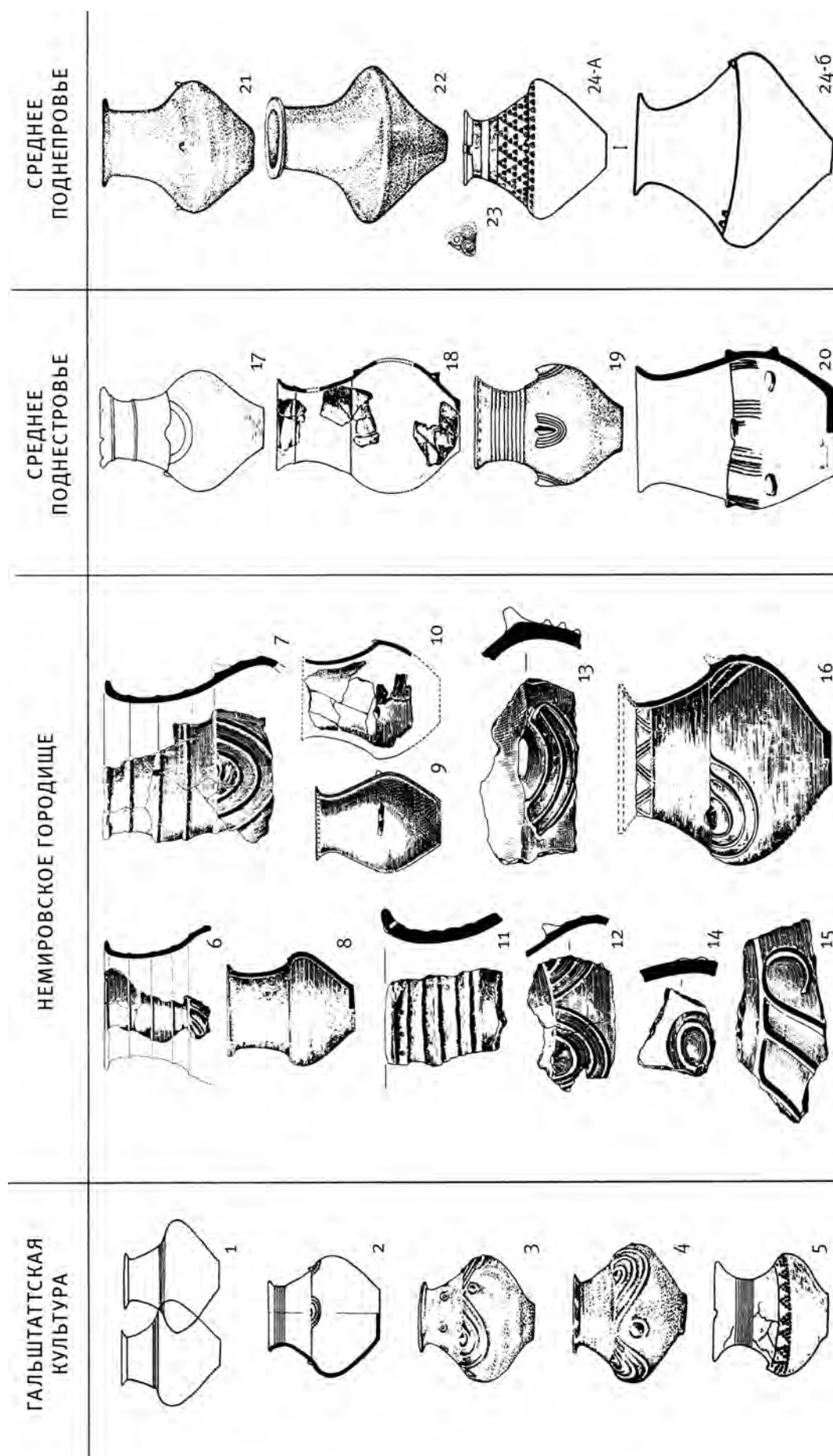
архитектоника сосудов разная, как это хорошо видно и на составленной ею сравнительной таблице (см. **рис. 153**).

В итоге исследовательница остановилась на гипотезе о преобладании в керамике Немировского городища культурных влияний из гальштаттской периферии, в частности, из группы Фериджиле-Бырсешть Южного Прикарпатья (Там же: 41–43, рис. 6, II). Немировские миски с отогнутым наружу краем (тип Nem-10) демонстрируют наиболее близкие аналогии мискам из Фериджиле-Бырсешть — по пропорциям, форме и декору (горизонтальные широкие каннелюры по краю, переходящие на стенки и дно; каннелированные волюты, кружки и концентрические полукружья; желобки и косые либо поперечные, двоянные и строенные налесты) (**рис. 154**).

Исследования Г. И. Смирновой заложили основу в понимании неоднородности керамического комплекса раннескифской культуры Немировского городища, в котором сочетаются влияния нескольких культурных общностей гальштаттского круга.

Современные исследования расширили представления относительно гальштаттских материалов в Северном Причерноморье (Кашуба 2012). Проведенные сравнительно недавно многочисленные фундированные исследования румынских археологов, коллег из Молдовы и Украины убедительно показали, что Карпато-Дунайский бассейн в финале эпохи бронзы и на начальном этапе раннего железного века имел особую линию культурно-исторического развития. Культуры Карпато-Подунавья рубежа II/I — первой трети I тыс. до н.э. оказали мощное воздействие на материальный комплекс многих местных культур лесостепи Северного Причерноморья (**рис. 155** — см. Kaşuba, Leviţki 2010; Кашуба, Левицкий 2012: 304 сл., там же библиография). Исходя из этих фактов, карпато-дунайские культуры нельзя рассматривать исключительно как периферийные образования гальштаттского мира, как и включать в общую систему наряду с классической гальштаттской культурой тоже не представляется возможным. Напротив, дифференциация между классической гальштаттской культурой (гальштатт-культура) и культурами гальштаттского времени (гальштатт-эпоха) дает новые перспективы для понимания материалов из Немировского городища.

Рис. 153. Сосуды типа Вилланова из Немировского городища (6–16), Средней Европы (1–5) и лесостепи Северного Причерноморья (17–24), сравнительная таблица.  
 1–6 — Восточный Гальштат (1 — Бад Фишау; 2 — Вильдон; 3, 4 — Штатцендорф; 5 — Брецие);  
 6–16 — Немировское городище;  
 17–20 — Западно-подольская группа РСК (17 — Ивахновцы; 18 — Долиняны; 19 — Лоевцы; 20 — Окно Буковины);  
 21–24 — памятники РСК Среднего Поднепровья (21 — Журовка, курган 406; 22 — Журовка, курган 407; 23, 24 а–б — Глеваха) (по Смирнова 2001: рис. 3)





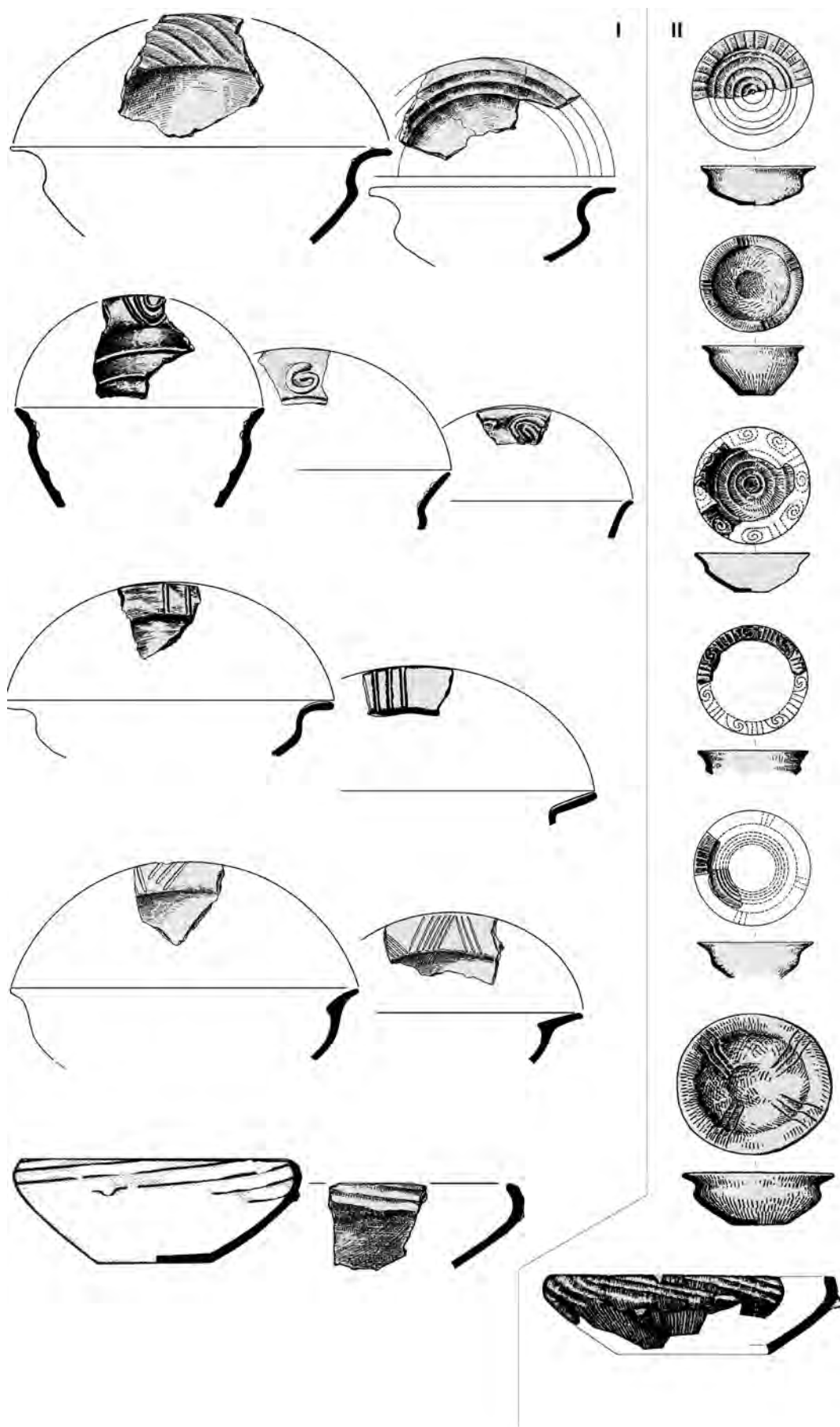


Рис. 154. Миски из Немировского городища (I) и могильника Феридже (II), сравнительная таблица; масштаб разный (по Смирнова 2001: рис. 6)

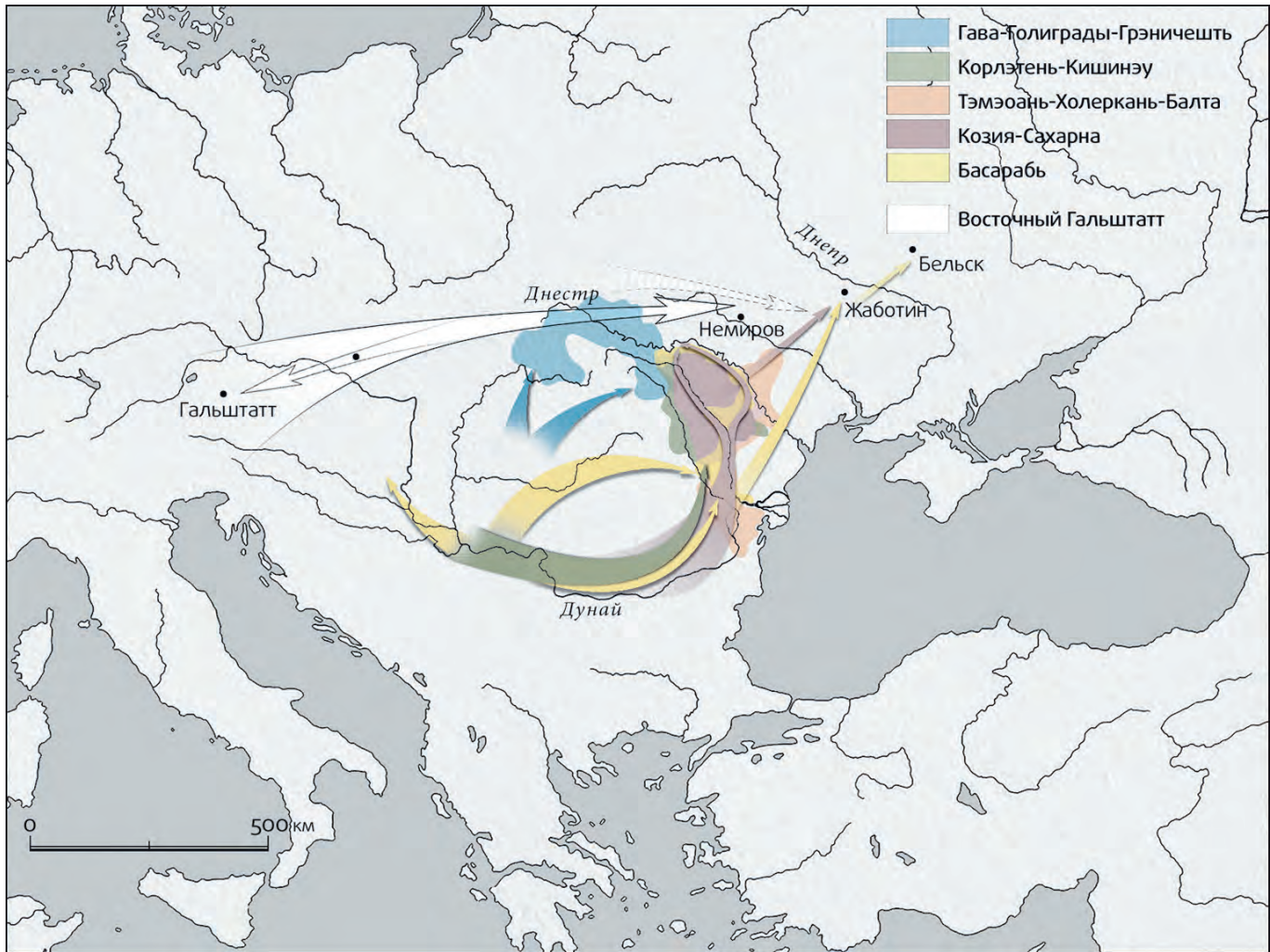


Рис. 155. Северное Причерноморье, Карпато-Подунавье и Средняя Европа в XII–VI вв. до н.э. Карта-схема функционирования среднедунайского очага культурогенеза (блоки культур и культуры Гава-Голиграды-Грэничешть, Кишинэу-Корлэтенъ, Тэмэоань-Холеркань-Балта, Козия-Сахарна, Басарабь-Шолдэнешть, включая поселение Жаботин и городище Бельск) и продвижение из Средней Европы в Северное Причерноморье «носителей»(?) культур Восточногогалльштаттского круга; XII–VI вв. до н.э. (по Кашуба 2013б: рис. 1)

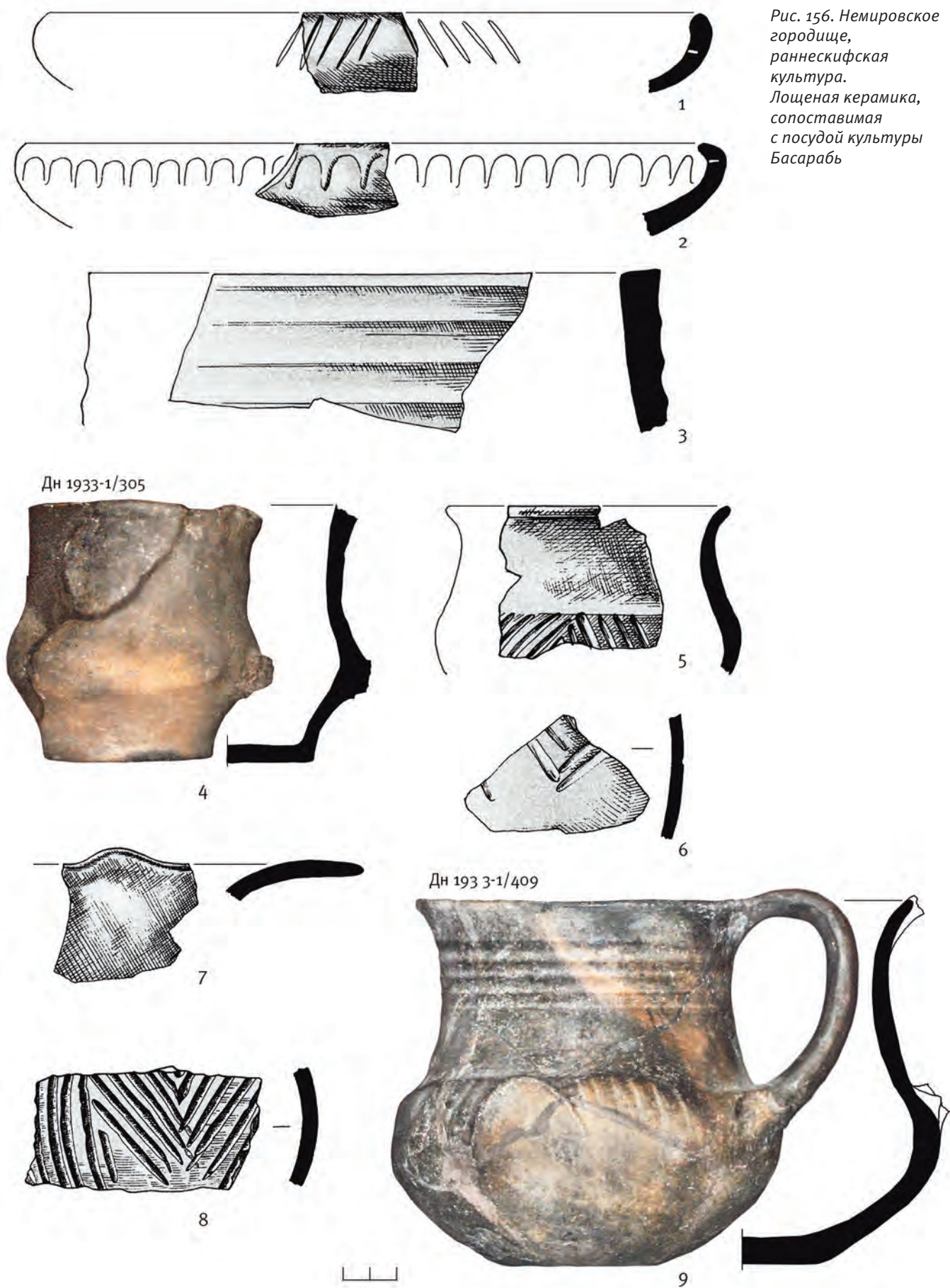
Также важны и новые хронологические уточнения по гальштатским древностям Средней Европы и Карпато-Дунайского бассейна.

В частности, появились новые данные о характере влияний и импортов культурного комплекса Басарабь в Северном Причерноморье. Прежде преобладала точка зрения, что влияния культурного комплекса Басарабь проявлялись в Северном Причерноморье посредством его восточного варианта — через культуру Шолдэнешть из Среднедунайского бассейна. Новое изучение материалов культуры Басарабь-Шолдэнешть и типичных басарабских импортов в Северном Причерноморье (Кашуба 2007: 369 ff.; Кашуба 2008: 37 ff.) в сопоставлении с басарабскими материалами из Жаботинского поселения (Дараган, Кашуба 2008: 53–59) изменили эти представления. В Среднем Поднепровье влияния культурного комплекса Басарабь были прямыми и непо-

средственными, преимущественно без участия культуры Басарабь-Шолдэнешть из Среднедунайского бассейна. Они представлены миграциями небольших коллективов, передвижениями отдельных индивидуумов, перемещением идей, функционированием определенных обрядов. Эти заключения важны и для понимания процессов, затронувших жизнь на Немировском городище.

Неоднократно обращалось внимание на присутствие в материальном комплексе Немировского городища находок культуры Басарабь. Однако прежде речь шла в основном о керамике (рис. 156). Сейчас можно думать, что она попала на Немировское городище из Трансильвании — через северные перевалы Карпат, что могло произойти еще в начальной фазе. В пользу этого говорят и комплексы — круглые землянки, появление которых также можно связывать с басарабским влиянием.







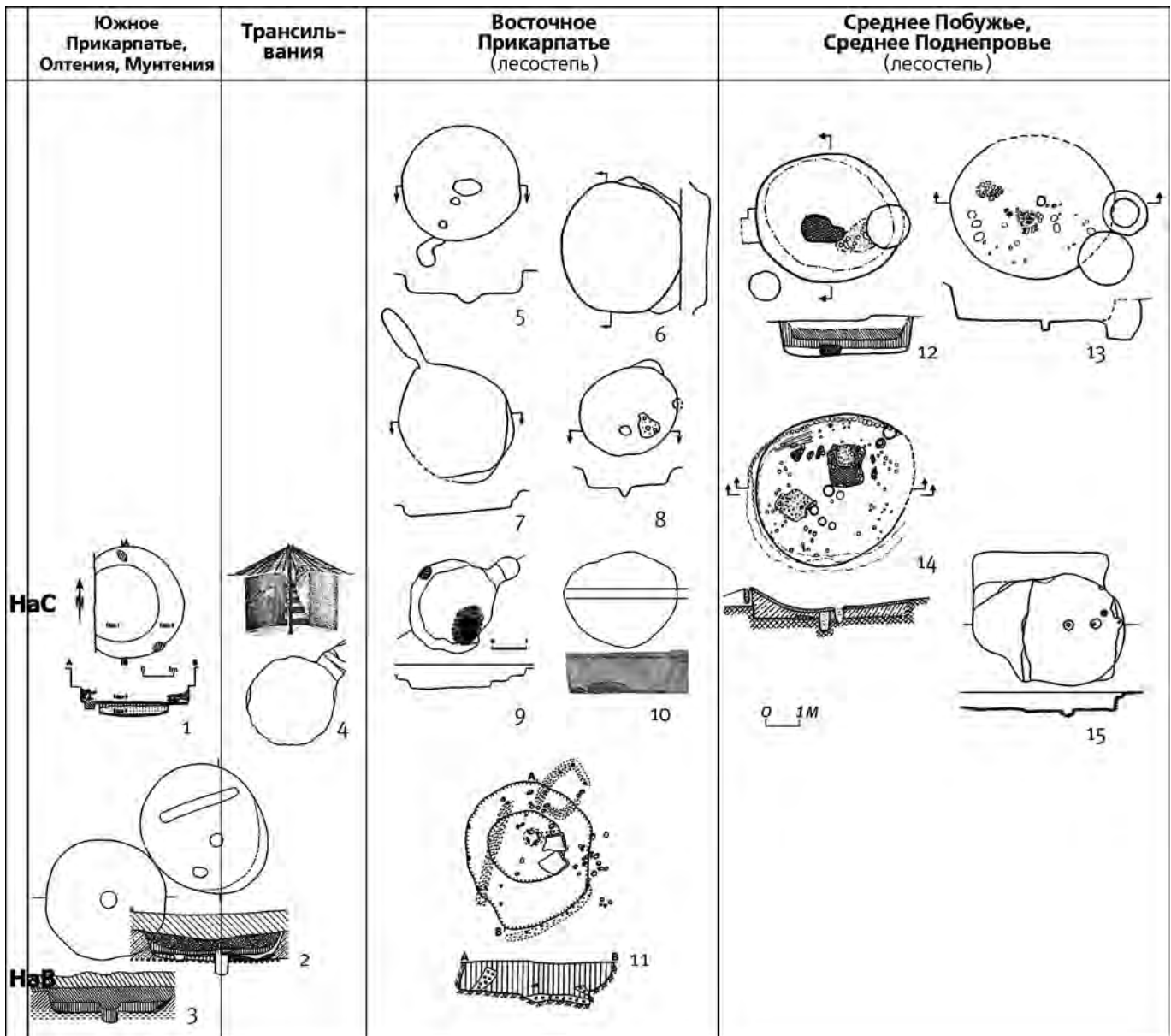
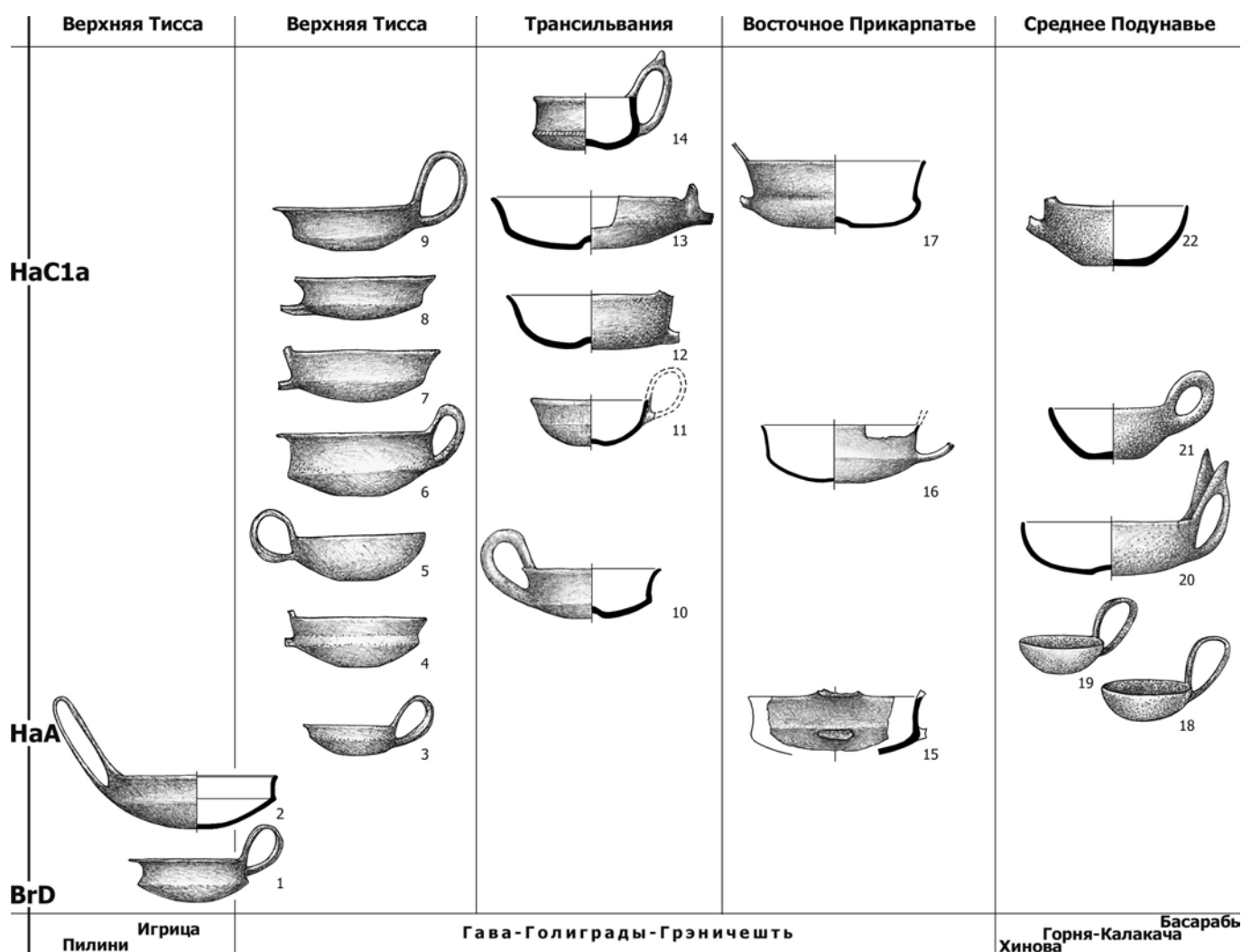


Рис. 157. Сопоставление круглых/округлых углубленных жилищ периодов НаА–НаС в Среднем Подунавье, Трансильвании, Южном Прикарпатье, Восточном Прикарпатье (лесостепь), Среднем Побужье и Правобережье Днепра (лесостепь): 1 – Писку; 2, 3 – Инсула Банулуй; 4 – Ернут; 5, 7, 8 – Долиняны; 6 – Селиште; 9 – Перебыковцы–Передустье; 10 – Машкуэц; 11 – Сахарна Микэ; 12–14 – Немиров; 15 – Жаботин (по Kashuba, Levitski 2012: fig. 2)

Обращает на себя внимание развитие представлений об истоках круглых землячных жилищ, три из которых известны на Немировском городище (см. Смирнова 2000: там же библиография). Долгое время большинство специалистов разделяли мнение, что они появляются исключительно в раннескифский период, соответственно, их культурная атрибуция связывалась исключительно с раннескифской культурой. Спорным оставался вопрос об истоках этой традиции домостроительства (Там же). В добавление, круглые/округлые жилища варварских раннескифских поселений Поднепровья, Побужья и среднескифских городищ Днепрового Правобережья обнаруживают типологическую сопоставимость (с незначи-

тельными различиями в деталях конструкции) с круглыми жилищами греческих архаических памятников Северопонтийского региона. Это обстоятельство вызвало вопрос о «взаимозависимости» округлых жилых строений варварских лесостепных и архаических греческих поселений Северного Понта и, соответственно, вопросы происхождения таких построек в регионе.

Проведенное исследование (см. Кашуба, Левицкий 2011a; Kashuba, Levitski 2012) показало, что именно в среде носителей культурного комплекса Басарабь, в конечном итоге, был выработан тип круглого жилища, впоследствии характерного для раннескифских поселений варварского хинтерланда Северного Причерноморья (рис. 157). Памят-



ники культурного комплекса Басарабь, ранние материалы Немировского городища на Южном Буге и Жаботинского поселения на Правобережье Днестра относятся к одному хронологическому горизонту: вторая половина VIII — первая половина VII в. до н.э. Известные в варварской среде раннескифского времени Северо-Западного Причерноморья круглые углубленные жилища восходят к гальштаттскому домостроительству Карпато-Подунавья. Традиция строительства круглых углубленных жилищ была принесена в Северо-Западное Причерноморье начиная с HaA (раннегальштаттская культура Кишинэу-Корлэтенъ и группа Тэмэоань-Холеркань-Балта). Она продолжилась в период HaC, когда продвинувшаяся сюда какая-то группа населения культурного комплекса Басарабь, сохраняя свои традиции, построила круглые жилища на поселениях Среднеднестровского региона и Южного Побужья. Удобство и простота формы таких жилищ не требо-

вали от переселенцев приносить с собой какие-то наиболее ценные конструктивные детали. При непосредственном участии или влиянии носителей домостроительных традиций культурного комплекса Басарабь круглые углубленные жилища появились также у населения лесостепи раннескифского времени.

Более ясным видится теперь и вклад другой гальштаттской (карпато-дунайской) культуры — поздней Гава-Голиграды или даже пост-Гава-Голиграды. Стоит отметить, что уже при первом обобщении материалов своих раскопок на Немирове и в целом в Южной Подолии М. И. Артамонов писал о существенном вкладе в местную культуру голиградской группы восточнокарпатских областей. Это важное наблюдение в дальнейшем подтвердилось выявленным вкладом культуры Гава-Голиграды в сложение керамического комплекса позднечернолесской культуры Поднестровья и в культурогенезе

Рис. 158. Развитие формы низких черпаков с возвышающейся ручкой в Трансильвании, Восточном Прикарпатье и Среднем Подунавье в периоды BrD–HaC1a: 1 — Гелей, Каналиш-дюлэ; 2 — Пештера Избындиш; 3 — Дебрецен-Нулаш; 4 — Ракамаз; 5 — Арокте; 6 — Хейёкюрт; 7–9 — Тисакеси-Тотардомб; 10, 11 — Теляк; 12, 13 — Тилишка; 14 — Бэица; 15 — Грэничешть; 16 — Гирска; 17 — Мышковцы; 18, 19 — Ваюга-Песак; 20 — Бешка-Калакача; 21 — Горня-Кэуница де Сус; 22 — Валя Тимишу-луй-Ровина (по Левицкий, Кашуба 2011: рис. 5; там же библиография)

обществ раннего железного века в Прикарпатье и Западной Волыни (Крушельницкая 1991: 24 сл.).

Новые данные были получены при изучении черпаков с низкой чашечкой и возвышающейся ручкой (Кашуба, Левицкий 2011б). Они бытовали в раннегальштаттской культурной среде Подунавья и Днестровского региона и восходят к прототипам позднего периода эпохи бронзы. В керамическом комплексе культуры Гава-Голиграды-Грэничешть линия их постепенной эволюции прослеживается вплоть до постгавского времени (рис. 158, 1–17). Появление черпаков с низкой чашечкой в Северном Причерноморье — как на Среднем Днестре, так и в лесостепном Днепро-Правобережье — может быть связано только с культурой Гава-Голиграды Восточнокарпатского региона. На начальном этапе раннего железного века они были переняты северо-причерноморским населением, начавшим производить эту специфическую керамическую форму. Это в какой-то мере объясняет и появление черпаков «немировского типа», не имеющих местных прототипов.

Находки другой гальштаттской культуры из Карпато-Подунавья, а именно, из Южного Прикарпатья — культуры Быршесть-Фериджиле, представленные керамикой, могли попасть на Немиров как в доколониационной, так и в колониационной фазе. В этом случае можно говорить о влияниях. Наконец, материалы, ассоциируемые с влияниями культур Восточногальштаттского круга Средней Европы, могли попасть на Немиров в доколониационной фазе, о чем косвенно свидетельствует прослеженная стратиграфия в землянках № 2 и 1 (см. гл. 6.4).

#### 4.8. Некоторые итоги и задачи

Предметы раннескифских типов из Немировского городища приходятся на период начиная с конца VIII в. до н.э. (с возможностью удревнения до середины столетия). Эти изделия определенно охватывают весь VII в. и первую половину VI в. до н.э., при полном отсутствии находок V в. до н.э. Часть таких предметов на городище могла попасть непосредственно от носителей раннескиф-

ского комплекса, другие — путем торговли или дарения/обмена.

Современные представления о содержании этапа РСК 1 в Северном Причерноморье (см. Рябкова 2014а; 2015а), гальштаттских культурах Карпато-Подунавья и их восточных проявлениях в Северном Причерноморье (см. Кашуба 2012; 2013а), а также фазах Жаботин-I и Жаботин-II в развитии Жаботинского поселения (см. Дараган 2011: 529 сл.; Дараган, Кашуба 2008) существенно меняют культурную атрибуцию наиболее ранних находок в немировской коллекции. Они не принадлежат к финальной фазе позднечернолесской культуры. Все имеющиеся в нашем распоряжении материалы относятся к раннескифской культуре.

Выявление в немировской коллекции наиболее ранних материалов, а также деление развития культуры на доколониационную и колониационную фазы являются определяющими в понимании специфики хода событий в этом регионе. Выделенные три временные фазы в периодизации материальной культуры раннего железного века на Немировском городище, охватывающие, как минимум, по два поколения жителей, остаются. Материалы (комплексы и находки), которыми мы располагаем, пока не позволяют предложить более дробную периодизацию.

Можно заключить, что начальная/ранняя фаза раннескифской культуры (РСК-1) в Побужье имеет региональную специфику. Сама же культура характеризуется как синтез пришлых гальштаттских традиций с явным преобладанием местной основы. В случае импортов, заимствований и местного вклада необходимо оценить их объемы, используя современные аналитические методы изучения древней керамики. Такая оценка даст возможность выявить суть происходивших в раннескифское время культурно-исторических процессов и ответить на вопрос, что это было — влияния, инновации (трансферт идей/технологий) и/или миграции каких-то групп западного населения в лесостепь Северного Причерноморья. Все это демонстрирует сложность эпохи, неоднородность и большую самостоятельность лесостепной Архаической Скифии.



## ГЛАВА 5. Греческая керамика из раскопок Немировского городища

### 5.1. О формировании и истории изучения коллекции

Фрагменты греческих сосудов были обнаружены на Немировском городище еще во время первых раскопок памятника, предпринятых С. С. Гамченко в 1909 г. В Отчете ИАК за 1909–1910 г. упоминаются «...несколько черепков родосского типа с изображением животных, цветков и птиц» (ОИАК 1913а: 179)<sup>15</sup>. К сожалению, в отчете исследователя не указаны обстоятельства обнаружения этих интереснейших материалов. Сам он писал о том, что «греческая культура представлена случайными находками» (Гамченко 1909: НА ИИМК РАН: ф. 1, 1909, д. 85а, л. 15). Фотографии двух фрагментов античных сосудов представлены в альбоме к отчету С. С. Гамченко (1909: НА ИИМК РАН: ф. 1, 1909, 85е, л. 34, табл. 224, 1, 2) под заголовком «Греческая эпоха». Первый из них принадлежит восточно-греческой столовой амфоре с росписью в ориентализирующем стиле и в настоящее время хранится в коллекции ОАВЕС ГЭ<sup>16</sup>. Снимок этого фрагмента был сделан в 1912 г. замечательным фотографом Императорской Археологической Комиссии И. Ф. Чистяковым (Медведева и др. 2009: 180); негатив на стекле хранится в НА ИИМК РАН<sup>17</sup>. Второй фрагмент, судя по маленькому, нечеткому снимку, возможно, представлял собой небольшой обломок сосуда с росписью узкими горизонтальными полосами лака. Обнаружить этот фрагмент в составе коллекции, равно как и упоминания о нем в работах более поздних исследователей, нам не удалось.

Целый ряд фрагментов греческой керамики происходит из раскопок А. А. Спицына,

произведенных год спустя<sup>18</sup>. Большинство из них связано с исследованиями «зольника». Среди этих находок есть целый ряд замечательных в художественном отношении экземпляров, отличающихся высоким качеством росписи. В 1911 г. фрагменты античной посуды из раскопок А. А. Спицына были также сфотографированы И. Ф. Чистяковым (рис. 159); три стеклянных негатива хранятся в НА ИИМК РАН<sup>19</sup>.

В 1914 г. находки греческой керамики из раскопок А. А. Спицына на Немировском городище были опубликованы Б. В. Фармаковским в его фундаментальном исследовании «Архаический период на юге России» (Фармаковский 1914а: табл. II, 3).

Последняя часть находок греческой керамики, пополнившая немировскую коллекцию, поступила в Эрмитаж в результате работ Юго-Подольской археологической экспедиции, возглавляемой М. И. Артамоновым. В числе этих находок не только образцы художественной керамики, но и фрагменты тарных амфор. Античную керамику дали исследования 1947 г. (опись хранения 278, полевой шифр ЮП I), а также 1948 г. (опись хранения 251, полевой шифр ЮП II)<sup>20</sup>. Так как раскопки в середине XX в. велись на более высоком уровне, на основании изучения полевой документации удалось установить топографию находок и «привязать» их к конкретным слоям и комплексам, в частности, выделить материалы, происходящие из заполнения скифских землянок № 1 и № 2.

Согласно сообщению С. С. Бессоновой<sup>21</sup>, пять фрагментов архаических греческих

<sup>15</sup> Речь здесь, очевидно, идет о фрагментах восточно-греческой столовой амфоры, обнаруженных в первый год исследования, фотография которой имеется в рукописном отчете.

<sup>16</sup> Инв. № Дн 1909-3/1 (24340).

<sup>17</sup> Инв. № II 32 969. Негативы, представляющие немировские находки, как и практически все негативы, вышедшие из рук этого фотографа ИАК, отличаются высоким качеством.

<sup>18</sup> В отчете, опубликованном в ОИАК, говорится о том, что в результате раскопок А. А. Спицына было «...добыто огромное количество керамических обломков, главным образом, от посуды скифского периода, смешавшейся с черепками гальштаттской культуры и древне-милетскими, а затем от посуды русского периода» (ОИАК 1913б:182).

<sup>19</sup> Инв. № II 31492, III 11877 и III 11878.

<sup>20</sup> Фотографии и негативы части находок греческой керамики, сделанные к научным отчетам Юго-Подольской экспедиции, также находятся в НА ИИМК РАН: инв. № О. 1562.29-32, II 46640 (1946 г.); О.1679. 3, 5-7, II 49426-29 (1948 г.).

<sup>21</sup> В личном архиве Г. И. Смирновой в ОАВЕС ГЭ сохранилось письмо С. С. Бессоновой, откуда и взяты эти данные.

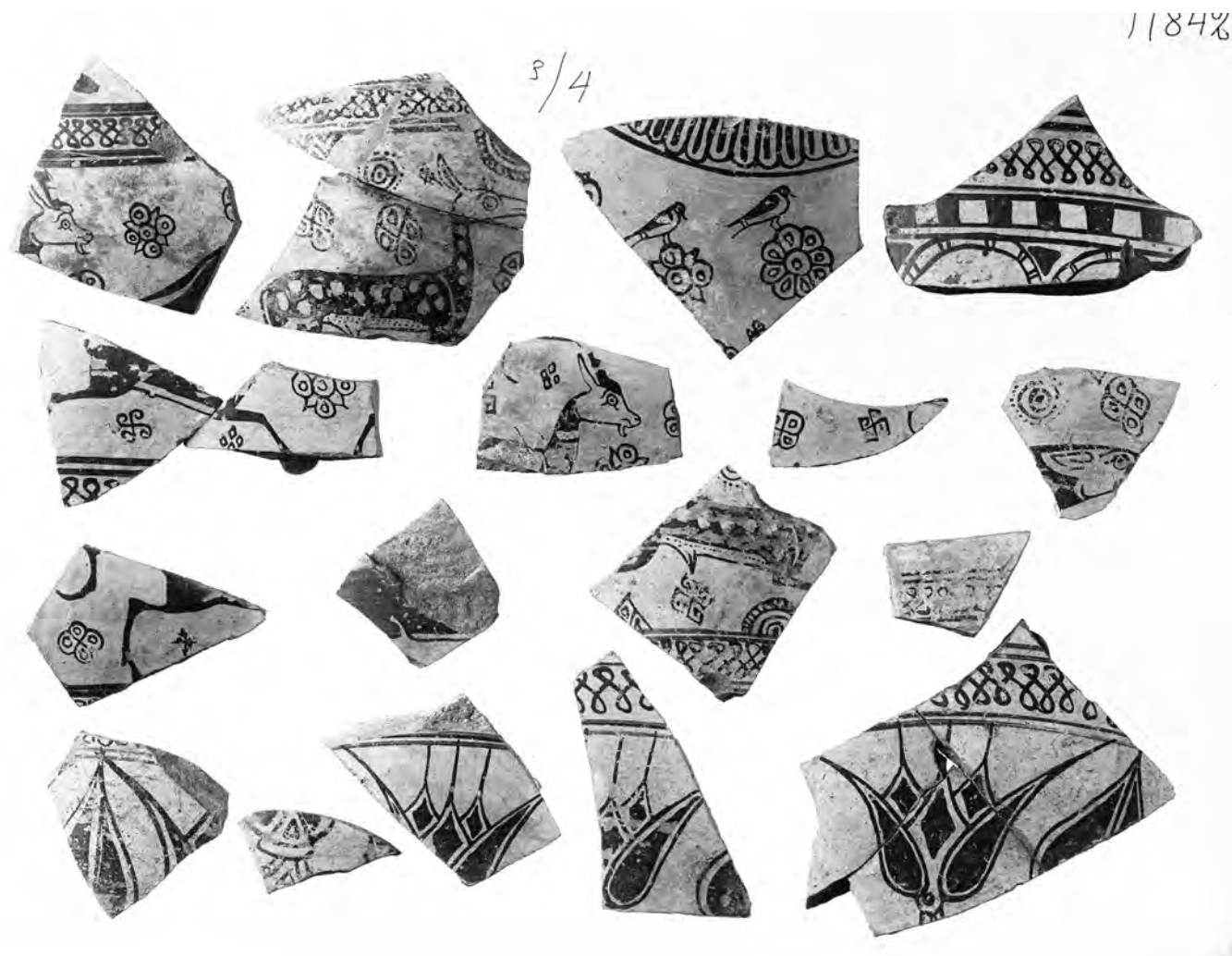


Рис. 159. Немировское городище. Фрагменты закрытых расписных греческих сосудов из раскопок А. А. Спицына (НА ИИМК РАН, Фотоархив, инв. № III 11878)

сосудов из раскопок Юго-Подольской экспедиции хранятся в фондах ИА НАН Украины в Киеве. Они перечислены в описи к отчету экспедиции за 1946 г. под номерами 160 («2 фрагмента греческой архаической керамики») и 266–268 («3 фрагмента стенок греческой архаической керамики»).

В 1966 г. Н. А. Онайко в сводном корпусе античного импорта из Побужья и Приднепровья опубликовала фрагменты греческой архаической посуды из Немировского городища, включив в свою работу весь доступный массив материала (Онайко 1966: табл. III, 1–8, 10, 11; V, 1)<sup>22</sup>.

<sup>22</sup> По воспоминаниям Г. И. Смирновой, А. П. Манцевич упоминала о том, что Н. А. Онайко удалось изучить лишь небольшую часть коллекции, хранящейся в Эрмитаже. В действительности, судя по публикации 1966 г., исследовательнице пришлось, в основном, опираться на материалы фотоархива ЛОИА АН СССР (ныне — ИИМК РАН). Этим и объясняются некоторые неточности в описании немировских материалов, которые, конечно, ничуть не умаляют объем работы, проделанной Н. А. Онайко, и огромное значение ее свода находок.

В начале 70-х гг. прошлого века Л. В. Копейкина ознакомилась с фрагментами расписной восточно-греческой керамики из немировской коллекции. Исследовательница обратилась к этим материалам, работая над подготовкой публикации, посвященной художественным особенностям и датировке расписной архаической ойнохои из основного погребения кургана Темир-Гора в Восточном Крыму (Копейкина 1972). В своей статье она привела один из фрагментов<sup>23</sup> в качестве аналогии сюжету и стилю росписи ойнохои из Темир-Горы и высказала предположение о том, что эти сосуды были изготовлены в одной мастерской (Там же: 157–158, рис. 5б).

В конце XX в. заведующая ОАВЕС ГЭ Г. И. Смирнова в рамках проекта РГНФ вновь обратилась к коллекции материалов скифского времени из раскопок Немировского городища. По ее инициативе автор этой главы изучила и опубликовала наиболее интересные и выразительные экземпляры

<sup>23</sup> Дн 1933-1/206.

античной посуды (Вахтина 1996; 1998; 2000; 2004; Vachtina 2007; Vakhtina 2007). Привлекались эти находки и в работах зарубежных исследователей (Kerschner, Schlotzhauer 2005: 17, 21, fig. 15; Kerschner 2006a: 236–237, Abb. 12; 13). Однако полная публикация всех материалов предложена лишь в настоящем издании.

## 5.2. Общая характеристика материалов

В результате археологических исследований Немировского городища была собрана коллекция фрагментов античной керамики, которая в настоящее время хранится в ОАВЕС ГЭ. Основная их масса была найдена во время раскопок «зольника» в центральной части памятника. Эти материалы интересны во многих отношениях: как образцы художественной античной керамики, как материалы, изучение которых помогает уточнять хронологию слоев и комплексов, где они были обнаружены, а также приближаться к пониманию различных аспектов греко-варварских взаимодействий на территории Северного Причерноморья на протяжении начального периода греческой колонизации региона. Коллекция античной керамики из раскопок Немировского городища достаточно представительна по сравнению с находками греческой архаической посуды на других скифских городищах лесостепи. По своему составу она достаточно ярка и интересна.

Всего в коллекции насчитывается более 100 фрагментов античной керамики, принадлежавших тарным амфорам и столовым сосудам (Фармаковский 1914a: табл. II, 3; Онайко 1966: табл. III, 1–8; Вахтина 1996; 1998a; Kerschner 2006a: 236–237, Abb. 12; 13; Vachtina 2007: fig. 4–10). Все они были изготовлены в различных центрах Восточной Греции. Амфоры представлены фрагментами продукции северо-ионийских центров: Эолии, Хиоса и Клазомен (Вахтина 1998a: 123, 130, рис. 1; 4, 8). К самым ранним принадлежат фрагмент дна сероглиняной эолийской амфоры, имеющей диаметр поддона 11 см (Вахтина 1998a: 30, рис. 4, 8; аналогии см. Lamb 1933: 171, 177, tab. XXXVII), и фрагмент окрашенного красной краской венчика клазоменской амфоры (анalogии см. Sezgin 2004: 174–176).

Однако основная часть коллекции состоит из образцов расписной столовой керамики, большинство которых датируется в рамках третьей четверти VII в. до н.э. Только три фрагмента принадлежали сосудам открытых форм, остальные относятся к закрытым сосудам — столовым амфорам и ойнохоям, расписанным в ориентализирующем стиле. Все сосуды были изготовлены в Восточной Греции; основной массив расписной посуды происходит из Южной Ионии. Значительная часть фрагментов принадлежала сосудам, отличавшимся высокими художественными достоинствами. Их роспись демонстрирует высокое качество рисунка, дает возможность предположить совершенство композиций, украшавших тулово сосудов. По-видимому, большинство расписных сосудов, попавших в древности на городище, относились к шедеврам античной вазовой живописи архаического времени. Некоторые образцы расписной керамики принадлежат к сосудам, чрезвычайно редко встречающимся на территории Северного Причерноморья, а отдельные экземпляры известны только для Немировского городища и, следовательно, уникальны для всей территории в целом.

Внимательное изучение этого материала позволило высказать ряд соображений о формах, времени и месте изготовления сосудов, внося отдельные поправки к высказанным ранее предположениям (Вахтина 1996; 1998a; 2000). Эти поправки касаются, преимущественно, датировок ряда фрагментов, вызванных удревнением «стиля дикого козла» (WG Style) в хронологической системе, сравнительно недавно разработанной М. Кершнером и У. Шлотцауэром (Kerschner, Schlotzhauer 2005) по сравнению с предложенными датами в классификации Р. М. Кука (Cook 1997; Cook, Dupont 1998). Также в отдельных случаях были уточнены центры производства и формы отдельных экземпляров.

## 5.3. Категории греческой керамики из раскопок Немировского городища

### Транспортные амфоры

К сожалению, на основании фрагментов остродонных амфор, хранящихся в коллекции, невозможно реконструировать ни одной целой формы. Однако удается определить,



что обломки принадлежали не менее чем 11 сосудам, и в целом ряде случаев установить центры их производства.

#### **Амфоры Лесбоса (эолийские) и круга Лесбоса**

К этой группе относятся фрагменты венчиков двух однотипных амфор<sup>24</sup>, имевших цилиндрическое, слегка расширявшееся в нижней части горло (**табл. 6.1, 1, 2; кат. 6.1.1, 1.2**) (Вахтина 1998: 123, рис. 1, 1, б). Глина фрагментов серовато-коричневого цвета, мелкозернистая, с многочисленными мелкими блестками слюды. От горла первой амфоры (**кат. 6.1.1**) сохранилось два фрагмента: один из них склеен из четырех частей (**табл. 6.1, 1**), второй представляет часть венчика (**табл. 6.1, 3**), под которым сохранился прилеп круглой (?) в сечении ручки<sup>25</sup>. На расстоянии 2,4 см от нижнего края валика венчика на горле находился небольшой выступ. Фрагмент венчика другого сосуда (**табл. 6.1, 2; кат. 6.1.2**) имеет на расстоянии 2,4 см от нижнего края валика небольшой желобок с едва намеченным над ним выступом (возможно, брак производства). Подобные сосуды можно отнести к продукции эолийских центров (Абрамов 1993: 79–80). Донья их, скорее всего, имели усеченно-коническую форму. К амфорам этого же типа, который определяют как амфоры «круга Лесбоса», по-видимому, принадлежит и фрагмент<sup>26</sup> нижней части горла и верхней части плечиков (**табл. 6.2, 1; кат. 6.1.3**), а также средней части круглой в сечении ручки, изготовленной из похожей серовато-коричневой глины<sup>27</sup> (**табл. 6.2, 2; кат. 6.1.4**).

Фрагменты аналогичных амфор, изготовленных из похожей серовато-коричневой глины (и по цвету, как и немировские фрагменты, отличавшиеся от «классических» сероглиняных эолийских/лесбосских) были обнаружены при раскопках Бельского городища на Левобережье Днепра. С. А. Задников отнес их к «кругу Лесбоса» (Задников 2014а: 5). Из раскопок Бельского городища происходят и лесбосские амфоры, имевшие венцы, чрезвычайно близкие венчикам немировских экземпляров, и с аналогичными «выступами» на горле (Задников 2009: 17, рис. 3, 2, 3). Археологический контекст этих находок

позволил С. А. Задникову датировать фрагменты из Бельского городища третьей четвертью VII в. до н.э. (Там же: 16–18).

Близким по форме немировским образцам является горло амфоры, найденное в Истрии (Dupont 1983: 30–31, fig. 16). Отсюда же, из слоя конца VII — первой половины VI в. до н.э., происходят и другие фрагменты амфор этого типа (Dimitriu 1966: pl. 56, nr. 548, 550).

В Северном Причерноморье такие сосуды известны на Ягорлыцком поселении. В. В. Рубан в своей классификации амфор с коническими ножками выделил их в тип 1, который датировал в пределах второй половины VII — первой половины VI в. до н.э. (Рубан 1990: 14, 17, рис. 1, 1, 7; 4). Вероятно, в этом временном отрезке можно поместить и немировские фрагменты.

В коллекции Немировского городища хранятся также фрагменты «классических» сероглиняных эолийских/лесбосских амфор. Амфоры этого типа, обожженные в окислительной атмосфере, в литературе обычно называют лесбосскими сероглиняными («Лесбос-с») (Зеест 1960: 72–74; Брашинский 1984: 99–101; Абрамов 1993: 31; Моныхов 2003: 44). Находки сероглиняных лесбосских амфор с подобными ручками датируют в пределах VI в. до н.э., самые ранние экземпляры целых сосудов из Северного Причерноморья относятся к первой половине столетия (Рубан 1980: 108; Моныхов 2003: 45). К амфорам этого типа принадлежат фрагмент венчика с ручкой (**табл. 6.1, 4; кат. 6.1.5**)<sup>28</sup>, два фрагмента<sup>29</sup> верхних частей ручек (**табл. 6.2, 3, 6; кат. 1.6, 1.7**) (Вахтина 1998а: 123–124, рис. 1, 3), фрагмент нижней части ручки<sup>30</sup> (**табл. 6.2, 5; кат. 6.1.8**). В коллекции также хранится целая массивная ручка<sup>31</sup> с рельефным продольным налетом («крысиным хвостом») в нижней части (**табл. 6.2, 4; кат. 6.1.9**) (Вахтина 1998а: 124, рис. 1, 5). Согласно классификации И. Бързеску, такие ручки были характерны для типа III А. 1.3.4 лесбосских амфор (Bîrzescu 2012: 33). Очень похожие сероглиняные амфорные ручки были найдены при раскопках Бельского (Задников 2009: 19 сл.) и Хотовского (Дараган 2005) городищ.

<sup>24</sup> 278/317 и Дн 1933-1/790.

<sup>25</sup> 278/317.

<sup>26</sup> 278/318.

<sup>27</sup> 278/318.

<sup>28</sup> 251/318.

<sup>29</sup> 2819/41; 278/145.

<sup>30</sup> Дн 1933-1/1057.

<sup>31</sup> 251/3.

К амфорам этой группы относится и фрагмент<sup>32</sup> усеченно конической ножки из темносерой глины (**табл. 6.1, 6; кат. 6.1.10**) (Вахтина 1998а: 124, 130, рис. 4, 8). Он уникален для Северного Причерноморья. От других подобных находок, происходящих из региона, немировский фрагмент отличается размером поддона, диаметр нижней части которого — 11 см. Сохранившийся диаметр придонной части амфоры (реконструируемый по верхней части обломка) достигал 18 см. По-видимому, поддон принадлежал амфоре с яйцевидным или шаровидным туловом, напоминавшей большой кувшин — благодаря ширине ножки она могла стоять вертикально. Близкий диаметр (11,2 см) имела ножка амфоры, обнаруженной при раскопках в Антиссе на Лесбосе (Lamb 1933: 171, 177, tab. 27). находка ее в одном слое с керамикой типа буккери позволила отнести амфору к VII — первой половине VI в. до н.э. (Clinkenbeard 1982: 258–259, tab. 69 a, b). При исследовании зольника № 28 на Западном укреплении Бельского городища была обнаружена ножка лесбосской амфоры в виде широкого поддона, имевшего диаметр 8 см, датированная автором раскопок в пределах последней четверти VII — начала VI в. до н.э. (Задников 2003: 92–93, рис. 4). Ножки сероглиняных амфор, близких ножке из Немирова, но имевших более узкие поддоны, И. Бырзеску помещал в хронологические рамки с конца VII по первую треть VI в. до н.э. (Bîrzescu 2012: Kat. 2, 4, 5, Taf. 2). По-видимому, немировский фрагмент можно отнести ко времени не позднее начала VI в. до н.э.

На основе археологических данных начало лесбосского амфорного производства в настоящее время относят к третьей четверти VII в. до н.э. (Монахов 2003: 45). Исходя из современных представлений о хронологии эолийской амфорной тары, а также из контекста датировок основного массива греческой расписной посуды, обнаруженной при раскопках Немирова, можно высказать осторожное предположение, что фрагменты эолийских амфор из скифского горизонта Немирова помещаются в рамки последней четверти VII — первой половины VI в. до н.э. Согласно выводам С. А. Задникова, фиксирующего находки эолийских амфор в закрытых комплексах Бельского

городища, начало ввоза амфор лесбосского производства, а также круга Лесбоса началось в третьей четверти VII в. до н.э. (Задников 2014а: 5). Примечательно, что амфоры этого круга — самые ранние среди обломков греческих транспортных амфор, найденных на Бельском городище (Задников 2009: 19–20).

В коллекции также хранятся фрагменты, принадлежавшие стенкам сероглиняных амфор (**кат. 6.1.11**).

#### **Амфоры Клазомен**

К продукции этого центра можно отнести фрагмент венчика амфоры<sup>33</sup>, изготовленной из глины светло-коричневого цвета (**табл. 6.3, 1; кат. 6.1.12**) (Вахтина 1998а: 123, рис. 1, 2). Горло амфоры имело цилиндрическую форму. Верхняя часть круглого в сечении, слегка отогнутого наружу валика окрашена красновато-коричневым лаком. Глина содержит примеси слюды, на месте сколов виден серый закал в средней части черепка. Согласно типологии Ю. Сезгина, разработанной на основе изучения находок из раскопок Клазомен, амфора, по-видимому, была по форме близка выделенной им группе V (575–550 гг. до н.э.) или же группе VI (550–525 гг. до н.э.) (Sezgin 2004: 174–176, fig. 11; 12; 2012: 206, fig. 1). По типологии И. Бырзеску, разработанной на основе находок клазоменской продукции в Истрии, немировский фрагмент можно отнести к типам 4 или 5, датированным широко в пределах второй половины VI в. до н.э. (Bîrzescu 2012: Taf. 40–45).

Амфоры этого типа широко представлены в архаических слоях и комплексах Северо-Западного (Dupont 1983: 31; Bîrzescu 2012: Taf. 40–46) и Северного Причерноморья (Монахов 1999: 52–54, табл. 6, 8). С. Ю. Монахов полагает, что самую раннюю амфору этого центра, обнаруженную в регионе, происходящую из погребения 8 кургана 11 могильника Лебеди в степном Прикубанье, вероятно, можно отнести еще к концу VII — началу VI в. до н.э. (Монахов 2003: 51–52). Возможно, к этому (или несколько более позднему времени) принадлежали и фрагменты, обнаруженные на Ягорлыцком поселении (Рубан 1983: 287 сл., рис. 2). Большое количество фрагментов клазоменских амфор было обнаружено в яме 11 зольника 13 Западного Бельского городища, при-

<sup>32</sup> 251/17.

<sup>33</sup> 251/29.

чем один из типов, выделенный автором раскопок, близок обломку с Немировского городища (Задников 2014б: 258–259, рис. 5, 4; 6, 5). К сожалению, незначительные размеры немировского венчика не оставляют возможностей для «узкой» датировки. Вероятно, сосуд, к которому принадлежал немировский фрагмент, можно отнести к отрезку времени со второй четверти по конец (?) VI в. до н.э.

По-видимому, от клазоменской амфоры происходит также небольшой обломок стенки (табл. 6.3, 2; кат. 6.1.13), на которой сохранилась широкая полоса бурого лака<sup>34</sup>. Глина фрагмента коричневая, с незначительными примесями слюды, роспись нанесена по коричневому ангобу. Возможно, к амфоре Клазомен или круга Клазомен принадлежал и небольшой фрагмент амфорной ножки (табл. 6.1, 7)<sup>35</sup>, хранящийся в эрмитажной коллекции.

#### **Амфоры Хиоса**

Продукция Хиоса широко представлена в архаических слоях и комплексах античных, а также варварских памятников Северного Причерноморья. В коллекции античной керамики из Немировского городища хранятся два небольших обломка хиосских амфор (Вахтина 1998: 123, 125, рис. 1, 4). Глина фрагментов желтоватая, с блестками слюды. Первый из них (табл. 6.3, 3; кат. 6.1.14) — обломок верхней части ручки с продольной полосой бурого лака<sup>36</sup>, второй — часть стенки с узким пояском лака<sup>37</sup> (табл. 6.3, 4; кат. 6.1.15). Хронология подобных сосудов достаточно хорошо разработана — узкие полосы лака, нанесенные по глине, украшали хиосскую тару во второй половине VI — начале V в. до н.э. (Рубан 1982: 103; Брашинский 1984: 94 сл., табл. 31; Монахов 2003: 16 сл.). Согласно выводам И. Бырзеску, амфоры из Истрии, украшенные узкими поясками лака, датируются временем с последней четверти VI в. до н.э. (Bîrzescu 2012: 90, Abb. 20).

Подобный фрагмент ручки хиосской амфоры, украшенной узкой полосой лака, был обнаружен при исследованиях Западного укрепления Бельского городища, которая была отнесена автором раскопок к типу III,

по классификации В. В. Рубана (Рубан 1982: 103) и датирована 510–480 гг. до н.э. (Задников 2005: 270, 274, рис. 3, 8).

К хиосским амфорам можно отнести и ряд мелких обломков стенок, хранящихся в немировской коллекции.

#### **Амфоры неустановленных центров**

Среди обломков амфор, обнаруженных на Немировском городище, можно отметить небольшой фрагмент (из двух обломков) кольцевого поддона (табл. 6.1, 7; кат. 6.1.16) амфорной ножки<sup>38</sup>. Глина фрагмента оранжевая, с блестками слюды. Примечателен довольно большой диаметр ножки амфоры, который удается реконструировать по этому незначительному фрагменту — он приблизительно равнялся 9–10 см. Возможно, ножка принадлежала амфоре на сложном кольцевом поддоне, производство которых связывают с различными центрами Северной Эгеиды (Монахов 2003: 38). Ранние типы амфор этой серии датируются в пределах второй половины VI в. до н.э. (Абрамов 1993: 81; Монахов 2003: 39 сл.).

Также невозможно точно определить центры производства светлоглиняных амфор, от которых сохранились лишь фрагменты стенок. Можно лишь предположить, что они принадлежали продукции североионийских центров. Таких обломков в коллекции насчитывается более 40 экземпляров<sup>39</sup>. В качестве примера приведем два крупных фрагмента стенок амфор из немировской коллекции. Первый (табл. 6.3, 5; кат. 6.1.17)<sup>40</sup> принадлежал амфоре, изготовленной из желтовато-серой глины, тесто содержит мелкие примеси слюды. Второй фрагмент (табл. 6.3, 6; кат. 6.1.18)<sup>41</sup> принадлежал плечикам крупной амфоры, изготовленной из плотной, хорошо отмученной глины оранжево-коричневого цвета, без видимых примесей. В изломе черепка виден серый «закал». От этой же амфоры в коллекции хранятся еще три фрагмента.

Конечно, на основании этих фрагментов говорить о динамике ввоза на Немировское городище вина в амфорах можно лишь очень обобщенно. По-видимому, вино на-

<sup>34</sup> 251/56.

<sup>35</sup> 278/390.

<sup>36</sup> 278/317.

<sup>37</sup> Дн 1933-1/222.

<sup>38</sup> 278/318.

<sup>39</sup> Они значатся под номерами Дн 1933-1/543, 278/317, 278/319.

<sup>40</sup> 278/317.

<sup>41</sup> Дн 1933-1/593.



чало поступать к его обитателям с последней четверти — конца VII в. до н.э. Эта отрасль товарообмена, судя по дошедшему до нас археологическому материалу, представлена исключительно продукцией Северной Ионии. Правда, приходится признать, что, возможно, раскопки памятника в будущем позволят выявить более широкий спектр амфорной тары, в том числе и продукцию Южной Ионии, известную для других памятников лесостепи. Так, например, на Бельском городище известны находки фрагментов милетских архаических амфор, самые ранние из них которых относятся к концу VII — первой половине VI в. до н.э. (Задников 2006: 107). Вероятно, к одному из древнейших экземпляров, найденных в варварских комплексах Северного Причерноморья, принадлежит милетская амфора из погребения 2 кургана Репяховатая могила в лесостепном Правобережном Поднепровье (Ильинская и др. 1980: 55, рис. 27, 1), которую, по М. Н. Дараган, можно датировать временем не позднее последней четверти VII в. до н.э. (Дараган 2010: 190). Пока же мы можем лишь фиксировать на Немировском городище находки исключительно североионийских тарных амфор, хотя среди расписной столовой посуды преобладает продукция Южной Ионии.

### Столовая посуда

Значительная часть коллекции греческой керамики из раскопок Немировского городища представлена образцами расписной столовой посуды. Лишь несколько обломков принадлежали чашам. Большинство фрагментов относятся к закрытым формам столовых сосудов — ойнохоям и амфорам.

### Открытые формы

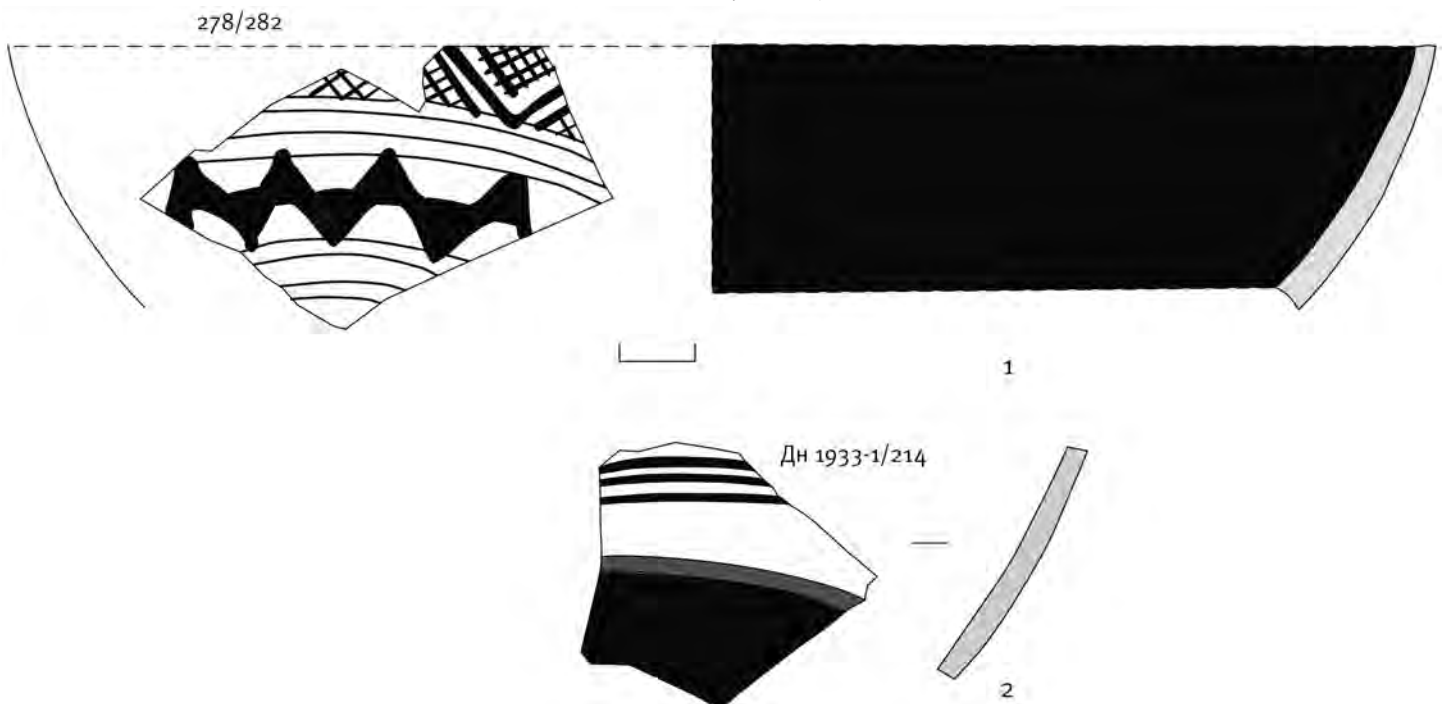
Несколько обломков расписных сосудов, хранящихся в эрмитажной коллекции, принадлежали трем чашам.

Одна из них — чаша субгеометрического стиля, от которой сохранилось два фрагмента (табл. 6.4, 1, 2; кат. 6.2.1–2) (Вахтина 1998а: 125–126, рис. 2, 1, 3). Глина фрагментов коричневая, роспись нанесена блестящим черным и коричневым лаком по светло-коричневому покрытию. На первом из них<sup>42</sup>, стенке (табл. 6.4, 1), принадлежавшей к средней части килика (Онайко 1966: табл. III, 11; Вахтина 1998: 126, рис. 2, 1; Vakhtina 2007: Taf. 63.1, 1), можно видеть часть фриза с росписью в виде заштрихованных ромбов и темных треугольников (рис. 160, 1). Вероятно, к придонной части этой чаши принадлежит еще один фрагмент<sup>43</sup> из дореволюционных раскопок (рис. 160, 2; табл. 6.4, 2), на котором сохранился поясok из трех узких коричневых линий над широкой полосой

Рис. 160. Немировское городище.  
1 — фрагмент стенки субгеометрического скифоса 278/282;  
2 — фрагмент придонной части субгеометрического скифоса Дн 1933-1/214

<sup>42</sup> 278/282.

<sup>43</sup> Дн 1933-1/214.



темного лака (Вахтина 1998а: 126, рис. 2, 3; Vakhtina 2007: Taf. 63.1, 2).

Фризы из заштрихованных ромбов и треугольников, как горизонтальные, так и вертикальные, широко распространены в восточно-греческой керамике позднего и субгеометрического времени. Композиции же из цепочек сплошных треугольников, расположенных в шахматном порядке основаниями друг к другу, встречаются гораздо реже. Подобный орнамент из темных треугольников можно видеть, например, на подставке для кратера из самосского Гераяона, датированной по сопутствующему материалу 730–670 гг. до н.э. (Walter 1968: Taf. 24, Nr. 135). Пояском подобного орнамента украшен фрагмент чаши из Аль-Мины, найденной в слое с обломками позднегеометрических и раннеориентализирующих сосудов (Robertson 1941: pl. 1-0). Такой же пояс из треугольников изображен на придонной части *bird-bowl* из раскопок Франкавилла-Мариттима в Италии, который авторы датируют 640–625 гг. до н.э. (Handberg, Jacobsen 2005: 20, fig. 15a).

Немировские фрагменты, очевидно, принадлежали чаше-скифосу с изображением птиц (*bird-bowl*), которая может датироваться в пределах третьей четверти VII в. до н.э. Чаши этой группы производились в субгеометрическое и раннеориентализирующее время в мастерских Северной Ионии (Cook, Dupont 1998: 26–27; Kadioğlu et al. 2015: 351–352). В Северном Причерноморье известны единичные находки чаш субгеометрического стиля. Фрагменты субгеометрического скифоса, происходящие из раскопок поселения на о. Березань, были недавно опубликованы А. В. Буйских и датированы ею второй — началом третьей четверти VII в. до н.э. (Буйских 2015а: 241, 251, рис. 1; Buiskikh 2016: 5, fig. 1). Еще один скифос (*bird-bowl*) происходит из раскопок Трахтемировского городища в лесостепном Правобережном Приднепровье (Дараган 2011: рис. IV.59). М. Кершнер отнес его ко второй четверти VII в. до н.э. (Kerschner 2006а: 237–238, Abb. 14), а А. В. Буйских — к несколько более позднему времени: второй — началу третьей четверти этого столетия (Буйских 2015а: 246, рис. 2; Buiskikh 2016: 10, fig. 2).

В коллекции античной керамики из раскопок Немировского городища хранится

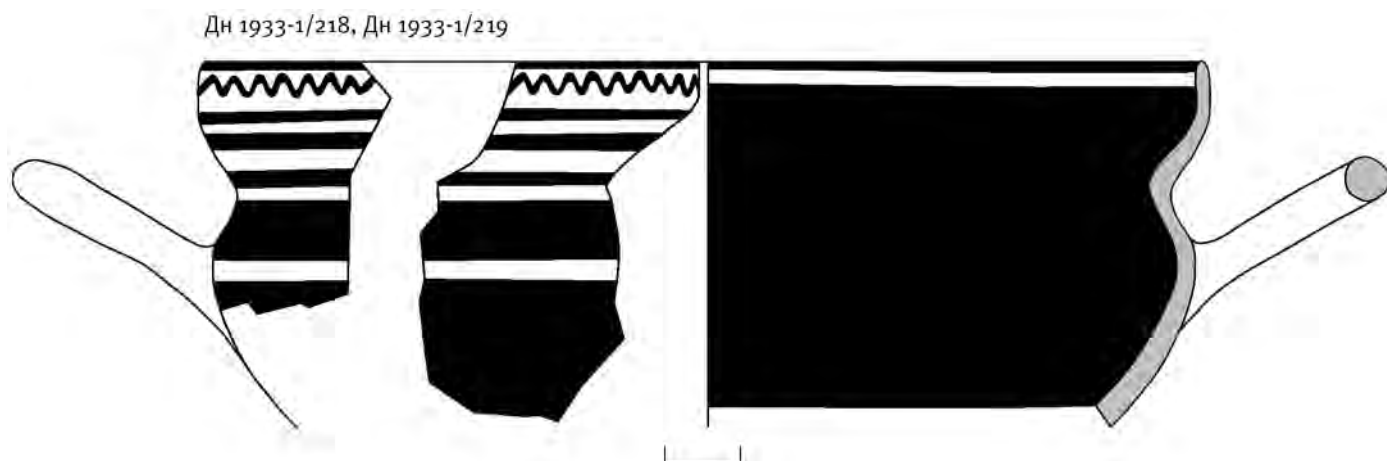
фрагмент стенки (табл. 6.4, 4; кат. 6.2.3) еще одного скифоса (*bird-bowl*)<sup>44</sup>, который также относится к продукции североионийских мастерских. Глина фрагмента плотная, коричневая. Роспись нанесена черным лаком по оранжевому ангобу. На внутренней части — неровное темное покрытие. Очевидно, фрагмент принадлежал нижней, придонной части чаши. На внешней его стороне сохранилась часть покрытия черного лака в нижней части черепка и отходящая от него вертикально темная «резервная» полоса, располагавшаяся близ места крепления ручки сосуда. По-видимому, чашу можно отнести к типам I–IV, по типологии М. Кершнера (Kerschner 1997: Kat. 74–76, 107) и датировать в пределах 650–610 гг. до н.э.

Несомненный интерес представляют фрагменты еще одной чаши (килика), изготовленной в южной Ионии (табл. 6.4, 3; кат. 6.2.4). От нее сохранились два обломка венчика и стенок, а также обломок круглой в сечении ручки<sup>45</sup>, что позволяет реконструировать форму сосуда (рис. 161) (Вахтина 2004: 207, рис. 1; Kerschner 2006а: 236, Abb. 12; Vakhtina 2007: 28, fig. 5; Vakhtina 2007: Taf. 63.2).

Чаша имела чуть выступающий, почти прямой край и довольно глубокое вместилище, круглые в сечении, петлеобразные по форме ручки, покрытые коричневым лаком (сохранились их обломки), прикреплявшиеся в верхней части тулова. Сосуд был достаточно изящным: толщина обломков края не превышала 0,2 см, стенок — 0,3 см. Глина фрагментов плотная, практически без видимых примесей, коричневато-розового цвета. Роспись нанесена темно-коричневым и красновато-коричневым лаком по светло-коричневому, сероватого оттенка ангобу. Сосуд был украшен широкими и узкими полосами лака, места крепления ручек были покрыты сплошным коричневым лаком. Сочетание поясков лака различных оттенков, нанесенных на край и тулово чаши, образует незамысловатый, но достаточно красочный и яркий орнамент. Край чаши украшен тонкой зигзагообразной линией, нанесенной разбавленным лаком красновато-коричневого, местами красного цвета. На внутренней поверхности — блестящее коричневое покрытие; под

<sup>44</sup> 251/43. Ранее был определен нами как крышка чернофигурной леканы (Вахтина 2000: табл. III, 4; Vakhtina 2007: Taf. 65, 3.2).

<sup>45</sup> Дн 1933-1/218, Дн 1933-1/219.



внутренним краем — узкая полоска белой накладной краски.

Точных аналогий этому сосуду обнаружить не удастся, но известна серия чаш, достаточно близких по форме (Kerschner 1997: 149, Taf. XI, 79, 80; Schlotzauer 2000: 410–411, fig. 297–298). Согласно типологии, разработанной У. Шлотцауэром для чаш, обнаруженных при раскопках Милета, немировский фрагмент по форме и орнаментации близок к типу 5.1, причем декор немировской чаши наиболее близок экземпляру cat. no. 89, а форма его имеет наибольшее сходство с чашей cat. no. 95, приведенных в фундаментальном исследовании этого автора (Schlotzhauer 2012: 94–97).

Однако по ряду признаков (прежде всего, толщине стенок, указывающей на изящество сосуда) немировский килик также близок типу 8 по У. Шлотцауэру (Schlotzhauer 2012: 103). Современная хронология милетских чаш позволяет предположить, что немировский экземпляр был изготовлен во временном интервале 650–630 гг. до н.э.<sup>46</sup> Близость фрагментов из Немирова по форме, орнаментации и цвету глины чашам из Милета позволяет с уверенностью отнести их к продукции этого или близлежащих южноионийских центров (по НАА: Самос). Немировский килик до настоящего времени является уникальным по характеру росписи и форме. Среди достаточно редких находок южноионийских архаических чаш на территории Северного Причерноморья можно отметить чаши из раскопок на Березани, среди которых также представлены экземпляры, относящиеся

<sup>46</sup> По мнению У. Шлотцауэра, которому мы выражаем глубокую признательность за консультацию, верхний рубеж бытования немировской чаши определяется временем не позднее 630 г. до н.э.

к различным вариантам типа 5 (Буйских 2016: 30, рис. 1).

В коллекции греческой керамики из раскопок Немировского городища хранится небольшой фрагмент<sup>47</sup> (табл. 6.4, 5; кат. 6.2.5), скорее всего, принадлежавший в древности подставке кратера (Вахтина 2000: 214, табл. II, 4). Глина фрагмента оранжевая, роспись в виде двух полос, широкой и узкой, нанесенных черным блестящим лаком по плотному белому ангобу. Максимальный диаметр сохранившейся верхней части — 13 см, нижней — 14 см. Подобные подставки, украшенные росписью в виде горизонтальных поясков лака, встречаются на протяжении всего ориентализирующего периода. Они использовались для придания устойчивости большим круглодонным открытым сосудам. Целый ряд подобных подставок и их фрагментов, украшенных горизонтальными полосами, происходят из раскопок на о. Самос. Наиболее ранние из фрагментов, которые можно надежно датировать по археологическому контексту, относятся к 730–670 гг. до н.э., а наиболее поздние — к 710–640/630 гг. до н.э. (Walters 1968: Taf. 75, Nr. 414, 415; 74, Nr. 409; 77, Nr. 423). Подобные подставки с росписью в виде полос лака по ангобу были найдены на Хиосе в слоях 690–600 гг. до н.э. (Boardman 1967: 105, 113–114; fig. 62; 68; 118). К сожалению, небольшие размеры этого фрагмента затрудняют его «узкую» датировку. Сосуд, которому принадлежала подставка, вероятнее всего, был изготовлен в пределах второй половины VII в. до н.э. Насколько нам известно, это пока единственная подобная находка в Северном Причерноморье.

Таким образом, открытые формы, об-

<sup>47</sup> 278/288.

Рис. 161. Немировское городище. Фрагментированная южноионийская чаша Дн 1933-1/218 и Дн 1933-1/219 (реконструкция)



ломки которых хранятся в коллекции греческой керамики Немирова, были изготовлены в различных центрах Северной и Южной Ионии. Примечательно присутствие в материалах памятника фрагментированной милетской чаши.

### Закрытые формы

Большинство фрагментов закрытых форм немировской коллекции принадлежали ойнохоям и амфорам, расписанным в ориентализирующем стиле. Стиль этот сложился в керамическом производстве Ионии и Родоса в 675–670 гг. (Schiering 1957: 9–10; Boardman 1973: 40; Kerschner, Schlotzauer 2005: 8).

На значительной части фрагментов расписных закрытых сосудов из раскопок Немировского городища сохранились части фризов с изображениями животных и растительными орнаментами. Все эти экземпляры относятся к продукции южноионийских мастерских. Некоторые из них демонстрируют стилистическую близость с материалами из Милета (Käufler 1999: 204, Kat. Nr. IA; IB).

В коллекции хранится большое количество мелких обломков с незначительными фрагментами росписи, однако есть и более выразительные экземпляры. Среди них немало фрагментов, роспись которых отличается высокими художественными достоинствами. Цвет глины варьирует от розовато- и желтовато-коричневого до темно-коричневого. Тесто содержит незначительную примесь мелких блесток слюды. Роспись выполнена черным, темно-коричневым и светло-коричневым лаком по светлому (желтоватому или кремовому) ангобу. Туловища животных

во фризах переданы силуэтом, головы обозначены контурными линиями, детали подчеркнуты линиями, оставленными в цвете обмазки («техника пропущенных линий»). Гравировка и накладные краски в росписи не применялись. Эти особенности характерны для раннего и развитого ориентализирующего стиля (Cook 1959: 25–27; 1997: 112–114; Копейкина 1975: 106). На многих обломках можно видеть разделительные пояса плетенки, характерные для сосудов VII в. до н.э. (Walter 1968: 70).

**Ойнохои.** Среди закрытых форм уникальным для Северного Причерноморья является фрагмент стенки<sup>48</sup> (табл. 6.5, 1; кат. 6.2.6) небольшого закрытого сосуда (ойнохои?) с шаровидным туловом (рис. 162), на котором сохранилось изображение крупной орнаментальной эмблемы (Онайко 1966: табл. III, 10; Вахтина 2000: 213, табл. I, 6; Vachtina 2007: 29, fig. 6). Глина фрагмента розовая, с небольшим количеством мелких блесток слюды, роспись нанесена черным блестящим лаком по кремовому ангобу. Н. А. Онайко датировала этот фрагмент второй половиной — концом VII в. до н.э. Мы полагаем, что он принадлежит к более раннему времени. Крупные орнаментальные эмблемы и мотивы в целом характерны для росписи восточно-греческих сосудов раннеориентализирующего стиля периода SiA Ia (670–650 гг. до н.э.) (Kerschner, Schlotzauer 2005: 12, 15, fig. 3; 4; 9); встречаются они и в начале периода SiA Ib (ibid.: 19, fig. 10). Это позволяет отнести фрагмент из Немирова ко времени не позднее середины — самого начала третьей четверти VII в. до н.э.

<sup>48</sup> 251/28.

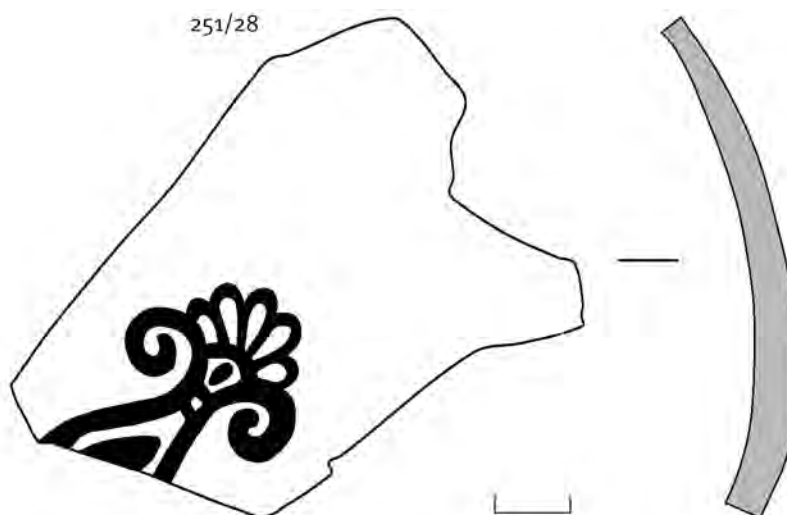


Рис. 162. Немировское городище. Фрагмент стенки закрытого сосуда (ойнохои?) с орнаментальной эмблемой 251/28

Он принадлежал сосуду, изготовленному, скорее всего, в Северной Ионии (по НАА: Северная Трояда).

Можно предположить, что среди эрмитажных фрагментов могли быть обломки как «плоских» (round-mouthed) ойнохой, так и ойнохой с трехлепестковым венчиком (trefoil). Тип плоской ойнохой, распространенный в раннеориентализирующей керамике, представлял собой кувшин с шарообразным туловом и вертикальной ручкой, верхний конец которой был прикреплен к верхней части цилиндрического, расширявшегося в верхней части горла. Представление о виде и росписи подобных сосудов дает знаменитая ойнохой из кургана Темир-Гора (Фармаковский 1914б: табл. VIII; IX; Копейкина 1972: рис. 1; Trofimova 2007, p. 24, fig. 3.1). Вероятно, в коллекции также представлены фрагменты и более распространенного типа ойнохой, имевших трехлепестковый венчик. «Классическая» ойнохой этого типа представляла собой высокий сосуд с трехствольной ручкой, украшенный несколькими фризами с изображениями животных, фантастических существ, растительными и геометрическими орнаментами. Типичными для таких ойнохой являются фризы из цветов и бутонов лотоса, обычно помещенные в нижней части сосуда.

В коллекции хранятся лишь два фрагмента венчиков, оба они принадлежали «плоским» ойнохой. Один из них<sup>49</sup> (табл. 6.5, 3; кат. 6.2.7) украшен поясом плетенки, нанесенной черным и золотисто-коричневым блестящим лаком по розоватому ангобу (Онайко 1966: табл. III, 1; Вахтина 1998а: 126–127, рис. 2, 1; 2000: 126, рис. 2, 2). Хорошее качество лака, тщательность выполнения орнамента позволяют отнести этот фрагмент к периоду SiA Ib, по хронологии М. Кершнера и У. Шлотцауера, рамки которого определяются 650–630 гг. до н.э. (Kerschner, Schlotzauer 2005).

К миниатюрной ойнохой этого же типа относится и небольшой фрагмент венчика<sup>50</sup> (табл. 6.5, 2; кат. 6.2.8), украшенный плетенкой, помещенной в метопу под краем, окрашенной черной краской (рис. 163). Вероятно, его можно отнести к тому же времени, что и предыдущий фрагмент — 650–630 гг. до н.э. Сосудов этого типа — плоских ойнохой —

в восточно-греческой керамике сохранилось немного. Тем больший интерес и ценность представляют немировские экземпляры.

В коллекции хранятся обломки трех доныев ойнохой на небольших кольцевых поддонах (табл. 6.6). На самом крупном из них<sup>51</sup> (табл. 6.6, 2; кат. 6.2.9) сохранилась часть нижнего фриза сосуда с орнаментом из цветов и бутонов лотоса. На двух других<sup>52</sup> (табл. 6.6, 1, 3; кат. 6.2.10, 6.2.11) сохранились лишь узкие пояски лака, выше которых располагались подобные фризы из чередующихся цветов и бутонов.

В коллекции имеются и другие фрагменты нижних фризов ойнохой, украшенных подобным образом (табл. 6.5, 4–9). На двух самых крупных обломках видны разделительные фризы плетенки, располагавшиеся над орнаментом из цветов (Vakhtina 2007: Taf. 63, 4). На первом фрагменте<sup>53</sup> (табл. 6.5, 9; кат. 6.2.12) сохранилось почти полное изображение цветка и часть бутона справа, на другом, вероятно, от этого же сосуда — фрагмент цветка и часть бутона<sup>54</sup> (табл. 6.5, 10; кат. 6.2.13). На других, более мелких<sup>55</sup>, видны части цветов и бутонов (табл. 6.5, 4–7; кат. 6.2.14–17), на обломке придонной части<sup>56</sup> сохранилась лишь часть пояса «плетенки» (табл. 6.5, 8; кат. 6.2.18). На одном из фрагментов<sup>57</sup> над верхней частью придонного «цветочного» фриза и разделительного пояса плетенки видна нижняя часть плечевого фриза с изображением ног пасущихся козлов-эгагров (табл. 6.5, 11; кат. 6.2.19) (Vakhtina 2007: Taf. 63, 5). Такие фризы из цветов и бутонов лотоса характерны для керамики в стиле «дикого козла» (Wild Goat Style). Стилистические особенности изображения, высокое качество лака и ангоба, четкость рисунка позволяют отнести их к периоду SiA Ib и датировать, как и предыдущие обломки, 650–630 гг. до н.э.

В коллекции хранится еще один небольшой фрагмент<sup>58</sup> (табл. 11, 6, кат. 6.2.20),

<sup>51</sup> 278/296.

<sup>52</sup> 278/295 и 278/296.

<sup>53</sup> Дн 1933-1/202.

<sup>54</sup> Дн 1933-1/205.

<sup>55</sup> Дн 1933-1/212, Дн 1933-1/213, Дн 1933-1/216, 251/148.

<sup>56</sup> Дн 1933-1/211.

<sup>57</sup> 251/27.

<sup>58</sup> Дн 1933-1/223.

<sup>49</sup> 251/13.

<sup>50</sup> 278/290.

Рис. 163. Немировское городище. Венчик «плоской» ойнохой 278/290



на котором сохранилась часть нижнего фриза закрытого сосуда с орнаментом в виде расходящихся лучей, что характерно для «плоских» (ground-moulded) ойнохой. Такой орнамент, например, имеет нижний фриз «плоской» ойнохой из Лувра (Schiering 1957: Taf. 3, 2), также относящейся к периоду SiA Ib. Хотя, конечно, не исключена и датировка более поздним временем.

Фрагменты закрытых форм расписных греческих сосудов, найденные при раскопках Немировского городища, демонстрируют сходство в цвете и составе глиняного теста, цвете ангоба, лака, стиля росписи. Поэтому пересчет фрагментов на целые сосуды произвести невозможно.

Однако можно выделить фрагменты, принадлежавшие в древности к одному сосуду:

1) два обломка фризов<sup>59</sup>, украшенных изображениями горных козлов-эгагров и собак (табл. 6.7, 1, 2), несомненно, принадлежали одной ойнохое (Онайко 1966: табл. III, 7; Вахтина 1998а: 126, рис. 2, 4, 6; Vakhtina 2007: Taf. 64, 3). Роспись выполнена тщательно, изображения животных отличаются изяществом. На одном из фрагментов<sup>60</sup> (табл. 6.7, 1) сохранилось изображение головы горного козла, идущего вправо вслед за бегущей собакой, хвост и часть задней ноги которой можно видеть в правой части черепка (кат. 6.2.21). Между фигурами козла и собаки помещена сложная розетка, выше — разделительный пояс плетенки. На другом фризе, которому принадлежал меньший фрагмент<sup>61</sup> (табл. 6.7, 2; кат. 6.2.22), по видимому, были представлены козлы, идущие вправо. Часть фигуры одного из них сохранилась в левой части обломка, окончание рогов второго видно в левой, узкой части обломка. На изобразительном поле дополнительный орнамент в виде простой и сложной розеток, ромбов, свастики. Эти фрагменты также можно отнести к периоду SiA Ib;

<sup>59</sup> Дн 1933-1/203 и Дн 1933-1/204.

<sup>60</sup> Дн 1933-1/203.

<sup>61</sup> Дн 1933-1/204.

2) два фрагмента<sup>62</sup> фризов, также украшенных изображениями идущих вправо козлов-эгагров (табл. 6.7, 3, 4; кат. 6.2.23–24), можно также отнести к обломкам одного сосуда (Вахтина 1998а: 126, рис. 2; 9; 10; Vakhtina 2007: Taf. 65, 1). Судя по толщине обломков, фрагменты принадлежали к разным фризам. Качество лака в росписи этих обломков хуже, чем на предыдущих экземплярах, на туловище козла, представленном на большем фрагменте, лак положен неровно. Морды козлов, изображенных на обломках, утрированно, почти карикатурно узкие, вытянуты вперед. Изящный дополнительный орнамент представлен простыми розетками, свастикой, ромбами. Вероятно, ойнохой, которой принадлежали эти фрагменты, можно отнести к середине периода SiA Ib — началу периода SiA Ic и поместить в хронологические рамки 640–620 гг. до н.э.;

3) три фрагмента (табл. 6.8, 1–3; кат. 6.2.25–27) принадлежали крупной ойнохое, украшенной изображениями ланей и собак (Вахтина 1998а: 126, рис. 2, 11–13; Vakhtina 2007: Taf. 64.1, 1–34; Vakhtina 2007: 30, fig. 7). Все они<sup>63</sup>, вероятно, относились к одному фризу сосуда (среднему). На нем были помещены пасущиеся лани и бегущие собаки. Роспись выполнена черным лаком по кремевому ангобу, поверхность сильно потерта. На самом крупном фрагменте (табл. 6.8, 2) наиболее полно сохранилось изображение пятнистого грациозного животного. Голова с удлиненной мордой, большим круглым глазом, длинным ухом и маленькими рожками покоится на вертикальной шее, покрытой, как и туловище, крупными пятнами. На «пропущенной линии» в нижней части тела — два ряда мелких точек. Дополнительный орнамент, состоящий из розеток, ромбов и «подвесных» треугольников, выполнен контурными линиями.

Сходные изображения ланей с поднятыми головами, вытянутыми мордами, длинными

<sup>62</sup> 251/27 и 251/36.

<sup>63</sup> Дн 1933-1/215 у всех фрагментов.



ушами и маленькими рожками можно видеть на ойнохоях с о. Родос (Clara Rhodos VI/VII: 59, 96, fig. 59) и фрагменте фигурного сосуда из раскопок на о. Хиос (Boardman 1967: pl. 54, п. 634). Некоторую близость в трактовке фигур этих животных также демонстрируют находки из Тарса (Goldman 1963: tab. 100, п. 1479). В керамике ориентализирующего стиля существовало два типа изображений средиземноморской лани — «пасущиеся» или «скачущие». Изображения этих копытных могли составлять отдельные фризы, а могли чередоваться с изображениями других животных, например, козлов или собак.

На фрагментах из Немирова лани изображены идущими вправо, с вытянутыми вперед, возможно, согнутыми передними ногами. На третьем, хуже всего сохранившемся фрагменте (табл. 6.8, 3) можно различить изображение собаки в позе «летающего бега». Глаз у собаки круглый, ухо, переданное в технике «пропущенных линий», как бы прижато к туловищу. Такая трактовка характерна для восточногреческой вазовой живописи третьей — начала последней четверти VII в. до н.э. (Schiering 1957: 51–52). К этому же типу относятся, например, изображения собак на ойнохое из кургана Темир-Гора или же на ойнохое из комплекса с материалами 640–600 гг. до н.э. (Clara Rhodos VI/VII: fig. 116; 118). Крупный заполнительный орнамент, включающий в себя «подвесные» розетки и треугольники, позволяет отнести этот сосуд к периоду SiA Ic (вероятно, к временному отрезку 630–620 гг. до н.э.). К этому же периоду, по-видимому, принадлежит и небольшой фрагмент фриза закрытого сосуда<sup>64</sup> (возможно, ойнохой), на котором сохранилась часть изображения пятнистой лани (табл. 6.12, 5; кат. 6.2.28). Можно различить лишь нижнюю часть туловища животного, под которым был помещен заполнительный орнамент в виде большой свастики. Изображения этого животного в окружении крупного заполнительного орнамента, как и на рассмотренных выше немировских фрагментах, характерны для последней трети VII в. до н.э. (Walter 1968: Taf. 102, Kat. 537; Kalatizoglu 2008: Taf. 79, Kat. 410).

На ряде фрагментов немировской коллекции сохранились части фигур собак, очевидно, представленных в сценах преследования травоядных животных на фризах

закрытых сосудов. Самой тщательной проработкой отличается рисунок на фрагменте с изображением головы и передней части тела этого животного и четырехлепестковой розетки<sup>65</sup> (табл. 6.9, 1; кат. 6.2.29) (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 1; Vakhtina 2007: Taf. 64.4, 2). У собаки отстоящее сердцевидное ухо, круглый глаз, оскал передан тонкой волнистой линией, придающей морде «улыбающееся» выражение. Роспись выполнена темно-коричневым лаком по желтоватому ангобу. На плече собаки, между линиями, оставленными в цвете ангоба и подчеркивающими мускулатуру животного, а также на его шее, лак разбавлен и имеет красноватый оттенок, выразительно оттеняя детали. В правой части фрагмента, у морды собаки, сохранился заполнительный орнамент в виде крупной четырехлепестковой розетки. Наиболее близкими к изображениям этого типа собак из Немирова являются изображения этих животных на фрагментах ваз из Аль-Мины (Robertson 1941: 10, pl. 1, h, j). Еще три небольших фрагмента, хранящихся в эрмитажной коллекции, принадлежали этому же сосуду<sup>66</sup>. На двух из них<sup>67</sup> (табл. 6.9, 2, 5; кат. 6.2.30–31) можно видеть заднюю ногу и часть хвоста собаки, на третьем — части фигур козлов (табл. 6.9, 3; кат. 6.2.32). Очевидно, сосуд был украшен фризами с изображениями козлов и собак. На фрагментах сохранились части разделительных поясов плетенки и элементы заполнительного орнамента в виде розеток и ромбов. Характер изображений позволяет поместить этот сосуд в рамки периода SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

К сосуду, по-видимому, вышедшему из той же мастерской, принадлежит еще один небольшой фрагмент фриза<sup>68</sup> (табл. 6.9, 4; кат. 6.2.33), на котором сохранилась часть головы собаки вправо и элементы заполнительного орнамента (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 2). Изображение имеет стилистическое сходство с изображением собаки на фрагменте, речь о котором шла выше.

Еще одно изображение собаки можно видеть на крупном фрагменте с частями двух фризов<sup>69</sup>, разделенных поясами плетенки

<sup>65</sup> 251/40.

<sup>66</sup> Они хранятся под инв. № 251/26 и 251/40.

<sup>67</sup> 251/40 и 251/26.

<sup>68</sup> 278/291.

<sup>69</sup> 2819/18.

<sup>64</sup> 251/162.

(табл. 6.9, 6; кат. 6.2.34), на которых были изображены козлы и собаки (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 5). Роспись нанесена хорошим, темным, блестящим лаком. В правой части верхнего фриза видна часть фигуры собаки с закругленной короткой мордой и выпуклой частью «лба», переходящей в сердцевидное ухо. Рисунок выполнен небрежно, передняя лапа собаки излишне длинная и тонкая, что, возможно, свидетельствует об удлинённых пропорциях фигуры животного. Нижняя часть лапы передана схематично. От фигур эгагров сохранились лишь незначительные части.

Еще Л. И. Копейкина отмечала стилистическую близость росписи целого ряда фрагментов греческой керамики, найденной в результате раскопок Немировского городища, декору знаменитой ойнохой из основного погребения в кургане Темир-Гора близ Керчи (рис. 164). Исследовательница даже высказала предположение о том, что сосуды из Темир-Горы и Немирова вышли из одной мастерской (Копейкина 1972: 158). Изучение образцов греческой керамики из эрмитажной коллекции показывает справедливость этого предположения. Особенно явно эта близость заметна в росписи крупного фрагмента среднего фриза ойнохой<sup>70</sup> с изображением скачущих вправо козлов-эгагров (табл. 6.10, 1; кат. 6.2.35), украшавшего тулово ойнохой (Копейкина 1972: рис. 5; Вахтина 1998а: 126, рис. 2, 8; Vakhina 2007: 32, fig. 9). В верхней части обломка видны изображения верхнего фриза, отделенного поясом плетенки: ноги идущего влево козла и часть передней лапы какого-то крупного существа, скорее всего, льва, сфинкса или грифона.

По мнению Л. В. Копейкиной, немировский фрагмент на 10–20 лет «моложе» ойнохой из Темир-Горы. Однако, как нам представляется, это впечатление возникает в силу того обстоятельства, что в нашем случае мы имеем дело с фрагментами, а не с целым сосудом. Несомненно, немировские фрагменты расписных сосудов в большинстве своем синхронны ойнохое из Темир-Горы<sup>71</sup>. Кроме вышеупомянутого крупного фрагмента, изданного Л. В. Копейкиной, изображения козлов-эгагров, элементы заполнительного орнамента на ряде

более мелких обломков из Немирова также демонстрируют стилистическое сходство с росписью сосуда из Темир-Горы. Мы полагаем, что наиболее вероятная дата сосуда из Темир-Горы и целого ряда стилистически близких фрагментов из раскопок Немировского городища — 40-е гг. VII в. до н.э.

От подобных ойнохой, украшенных фризами с изображениями «пасущихся» или «скачущих» козлов-эгагров, сохранились мелкие фрагменты<sup>72</sup>, на которых видны части фигур козлов, разделительной плетенки, элементы заполнительного орнамента (табл. 6.10, 2–5, кат. 6.2.36–39; 6.11, 1–5, кат. 6.2.40–44). Среди них особый интерес представляет небольшой фрагмент фриза<sup>73</sup>, на котором сохранилось изображение какого-то маленького животного (табл. 6.11, 1; кат. 6.2.40), показанного идущим вправо вслед за более крупным (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 6; Vakhina 2007: Taf. 64.4, 4). Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком высокого качества; сохранились элементы заполнительного орнамента в виде крупной восьмилепестковой и небольшой крестовидной розетки. Трудно определить, какое именно животное здесь представлено. Скорее всего, это изображение детеныша травоядного (эгагра?), идущего в цепочке взрослых особей, как, например, на сосуде из Ларисы (Boehlau, Schefold 1942: Taf. 19).

На фризах (как правило, верхних) закрытых сосудов, расписанных в ориентализирующем стиле, часто помещали изображения хищных животных или фантастических существ. На одном из немировских фрагментов<sup>74</sup> (табл. 6.12, 3; кат. 6.2.45) сохранилась передняя лапа льва (?) (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 10; Vakhina 2007: Taf. 64.4, 3). Рядом помещены розетки — крупная четырехлепестковая и мелкая крестовидная. На одном маленьком обломке видна часть фигуры лани, ниже — орнамент в виде крупной свастики (Vakhina 2007: Taf. 64.4, 5). Судя по элементам композиции, изображения были крупными. Трудно судить о дате такого небольшого фрагмента, однако вероятнее всего определить его датировку в пределах периода SiA Ic (630–610 гг. до н.э.).

На фрагменте верхнего фриза другой ойнохой<sup>75</sup> изображены две ласточки вправо,

<sup>70</sup> Дн 1933-1/206.

<sup>71</sup> Правда, следует отметить, что глина немировских фрагментов по цвету отличается от глины, из которой изготовлена ойнохой из Темир-Горы; глина последней розоватого цвета, тогда как немировская керамика имеет глину более темного оттенка.

<sup>72</sup> Дн 1933-1/210, 251/52, 251/27, 251/28, 251/45, 251/47, 278/80, 278/278.

<sup>73</sup> 251/28.

<sup>74</sup> 278/289.

<sup>75</sup> Дн 1933-1/208.

сидящие на сложных восьмилепестковых розетках (табл. 6.12, 1; кат. 6.2.46) (Вахтина 1998а: 128, рис. 2, 5; Vachtina 2007: 31, fig. 8; Vakhtina 2007: Taf. 64.2, 1). Выше расположен поясok из лепестков, обрамлявший горло сосуда. Слева от изображения ласточек располагалась крупная орнаментальная эмблема, часть которой видна в левой части черепка. Такие крупные эмблемы, фланкирующие композиции верхних фризov ойнохой, известны в ориентализирующей вазописи начиная с раннего периода возникновения этого стиля (Graeve 1974: pl. 26, 78; Kerschner, Schlotzhauer 2005: 12, fig. 3). В нижней части фрагмента видна часть растительного (?) орнамента. Рисунок четкий, фигурки птиц, их глаза, клювы, крылья переданы с большой тщательностью. Это, безусловно, свидетельствует о высоких художественных достоинствах росписи сосуда.

Изображения ласточек, сидящих на стеблях пальметок, розетках, рогах эгагров, хвостах львов и фантастических существ, можно найти в декоре сосудов раннеориентализирующего стиля (см. CVA, Louvre, II: pl. 6; 33, tab. 49, 1-a, b; Копейкина 1973: 240). Наиболее близки изображениям птиц на немировском фрагменте изображения на ойнохоях с о. Родос (Kinch 1914: 211, fig. 98; Clara Rhodos, VI/VII: tab. 6, 7) и ойнохое из частного собрания в США (CVA, USA, fasc. 8: f. 8, t. 33, 3). Возможно, сосуд из Немирова можно отнести к началу периода SiA Ib (650–640 гг. до н.э.).

К верхнему фризу другого закрытого сосуда, вероятно, также ойнохой, принадлежал фрагмент<sup>76</sup> с изображением водоплавающей птицы (вероятно, утки) влево (табл. 6.12, 2; кат. 6.2.47) (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 3; Vakhtina 2007: Taf. 64.2, 2). От него сохранилась лишь часть хвостового оперения в левой части черепка. Выше видна нижняя часть орнамента в виде лепестков или «лучей» под горлом сосуда. Справа от изображения птицы сохранились элементы дополнительного орнамента в виде точечной розетки, крупной четырехлепестковой розетки и фрагмента «подвесной» розетки в нижней части. Изображения водоплавающих птиц часто встречаются в росписи сосудов ориентализирующего стиля. Их помещали в верхних фризах идущими друг за другом, или же в окружении других животных, или среди орнаментальных



эмблем (Clara Rhodos, VI/VII: 212, fig. 100; Kinch 1914: 211, fig. 96; 97; Kalaizoglou 2008: Taf. 78, Kat. 407; Taf. 108, Kat. 531; Taf. 144, Kat. 543). Характер изображения и заполнительного орнамента позволяет датировать фрагмент в пределах конца периодов SiA Ib – раннего SiA Ic (640–610 гг. до н.э.).

Рис. 164. Ойнохоя из кургана Темир-Гора (Trofimova 2007: 24, fig. 3, 1)

#### Столовые амфоры

Несколько фрагментов из немировской коллекции принадлежали столовым амфорам.

Несомненный интерес представляют фрагменты венчика и верхнего фриза большой амфоры (табл. 6.13; кат. 6.2.48–49) (аналогию формы этого сосуда см. Cook, Dupont 1998: 58–59, fig. 8, 22). Всего в коллекции хранится три фрагмента венчика<sup>77</sup> (кат. 2.48). Один из них был впервые издан Н. А. Онайко и определен как фрагмент кратера начала VI в. до н.э. (Онайко 1966: табл. V, 1; см. также Вахтина 2000: 214, табл. I, 7; II, 1, 2; IV).

Фрагмент верхнего (плечевого) фриза сосуда<sup>78</sup> был обнаружен еще при первых ис-

<sup>77</sup> 251/25 и 278/284 (под этим номером два обломка).

<sup>78</sup> Дн 1909-3/1 (24340).

<sup>76</sup> 251/108.



следованиях городища в 1909 г. Высота его 14,2 см, диаметр в верхней части около 30 см, толщина стенок 0,6–0,8 см. Глина серовато-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. Детали росписи подчеркнуты «пропущенными линиями», гравировка и накладные краски не использовались. Горло сосуда было украшено фризом из цветов и бутонов лотоса, обращенных вниз, под ним помещался разделительный пояс плетенки, ограниченный поясками из узких линий. К росписи плечевого фриза относится изображение сидящего льва вправо, на его хвосте помещены две ласточки, обращенные друг к другу. Фигура льва сохранилась почти полностью: недостает морды, левой передней и задних лап, окончания правой передней лапы и конца хвоста. В левой части фрагмента, по-видимому, изображена часть хвоста другого льва или фантастического существа, обращенного влево. Заполнительный орнамент состоит из розеток (на фрагменте видны восьмилепестковая розетка над спиной льва, крупная четырехлепестковая ниже тела животного и небольшие четырехлепестковые с лепестками в виде ромбов) и «крестов».

Еще несколько обломков, которые можно отнести к этому сосуду, были найдены позже, в процессе работ Юго-Подольской экспедиции под руководством М. И. Артамонова. В 1948 г. удалось обнаружить еще один фрагмент (из двух обломков) с частью росписи фриза из цветов и бутонов лотоса<sup>79</sup>, обращенных вниз, подошедший к фрагменту, обнаруженному во время раскопок С. С. Гамченко. Таким образом, фрагмент плечиков был дополнен обломком нижней части горла сосуда, и фрагмент, хранящийся в настоящее время в Эрмитаже, склеен из трех обломков (табл. 6.13, 1). В таком виде он и был издан Н. А. Онайко (1966: табл. III, 5), а также воспроизведен в других публикациях (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 8; Kerschner, Slotzhauer: 21, fig. 15; Kerschner 2006a: 236–237, Abb. 13).

В коллекции античной керамики из раскопок Немировского городища удалось обнаружить еще два обломка этого сосуда (табл. 6.13, 4, 5; кат. 6.2.49). Они также были найдены в 1948 г. Эти обломки, соединяющиеся в один фрагмент<sup>80</sup>, также относились к горлу сосуда, украшенному фризом из цветов и бутонов

<sup>79</sup> Под тем же инв. номером.

<sup>80</sup> 251/20.

лотоса, но не «стыкуются» с предыдущими его частями. Они, на наш взгляд, «безусловно» принадлежали рассматриваемому сосуду. Возможно, к тому же фризу относится еще один небольшой фрагмент<sup>81</sup>, на котором видны верхняя часть обращенного вниз бутона, от основания его<sup>82</sup> вверх отходят два стебля, слева — незначительная часть лепестка (табл. 6.13, 2; кат. 6.2.50).

С большой степенью вероятности к этому же сосуду можно отнести небольшой фрагмент, происходящий из раскопок А. А. Спицына<sup>83</sup>. В нижней части обломка сохранилось изображение петлевидных «стеблей лотоса», представляющих собой нижнюю часть фриза цветов и бутонов, обращенных вниз, выше помещена полоса «шахматного» орнамента, над ним расположен пояс плетенки (табл. 6.14, 1; кат. 6.2.51).

Возможно, этому же сосуду принадлежали и три фрагмента венчика с верхней частью горла. Два таких фрагмента<sup>84</sup> (табл. 6.14, 2, 3; кат. 6.2.52, 6.2.53) были найдены в процессе работ Юго-Подольской экспедиции в 1947 г., они были обнаружены в заполнении землянки № 2. Еще один обломок<sup>85</sup> (табл. 6.13, 3, 4; кат. 6.2.54) происходит из раскопок 1948 г. Все фрагменты имеют идентичные глину и декор. Широкая верхняя плоскость отогнутого наружу венчика украшена поясом простой плетенки, ограниченной с обеих сторон узкими полосами лака. На боковой грани венчика помещен орнамент в виде «елочки», под краем с внешних сторон — узкие пояски темного лака; на большем из фрагментов на внешней стороне у перехода к горлу можно видеть часть орнамента из вертикальных «лучей» или «язычков» темного лака. На внутренней стороне под краем сохранилось темное покрытие.

<sup>81</sup> 251/46.

<sup>82</sup> По-видимому, овал с продолговатым пятном темного лака в центре, помещенный в основании цветка, означает цветоложе, от которого и отходят стебли. Это — единственная подобная трактовка бутона на фрагментах, предположительно относящихся к этому сосуду. На остальных в основании изображений стилизованных цветов и бутонов лотоса изображений цветоложа не видно, что вызывает определенные сомнения в отнесении обломка инв. № 251/46 тому же фризу, потому что обычно в «цветочных» фризах все цветы и бутоны трактовались единообразно. Поэтому не исключена возможность принадлежности этого фрагмента к другой подобной амфоре.

<sup>83</sup> Дн 1933-1/209.

<sup>84</sup> Оба под инв. № 278/284.

<sup>85</sup> 251/25.

Обломки горла не соединяются между собой; они имеют близкие диаметры — 30–31 см. Небольшое расхождение в реконструируемых диаметрах фрагментов, возможно, объясняется тем, что форма горла не была правильно круглой. Таким образом, учитывая сходную глину, близость орнаментации, можно предположить, что эти фрагменты принадлежали горлу одного сосуда, хотя, конечно, не исключена возможность, что они происходят от разных, но чрезвычайно близких, изготовленных в одной мастерской экземпляров. Представляется, что можно с большой степенью вероятности допустить, что один из этих обломков (или же все три) может (могут) относиться к верхней части амфоры. Кроме близости их орнаментации, в пользу этого предположения свидетельствует и то обстоятельство, что два фрагмента «объединяет» место находки: они происходят из одного комплекса — землянки № 2. Экземпляр из раскопок 1948 г., возможно, принадлежал еще одному подобному сосуду.

Найденные части, как бы «дополнившие» наиболее интересный в художественном отношении фрагмент, позволили высказать предположение о форме, характере росписи, центре производства и дате всего сосуда (Вахтина 2017: 254–255, рис. 2). Они принадлежали, как уже говорилось выше, большой столовой амфоре, украшенной росписью во фризах в «стиле дикого козла» («Wild Goat Style») и изготовленной в одном из центров Южной Ионии, возможно, в Милете. М. Кершнер и У. Шлотцауэр отнесли фрагмент из Немирова к хронологической группе SiA Ib (650–630 гг. до н.э.) (Kerschner, Schlotzhauer 2005: fig. 15). На наш взгляд, наиболее вероятное время изготовления сосуда — 40-е — 30-е гг. VII в. до н.э. Форма его — столовая амфора с цилиндрическим горлом, отогнутым наружу краем венчика и двумя боковыми горизонтальными двух- или трехствольными ручками — достаточно хорошо известна среди продукции североионийских (эолийских) центров (Cook, Dupont 1998: 58–59, fig. 8.21, 8. 22; Iren 2003: Abb. 25; 31; 35; 38; 42; Taf. 18–21; 37). Однако подобная форма не характерна для керамического производства Южной Ионии в эпоху архаики. Среди известной в настоящее время продукции южноионийских мастерских такие сосуды

пока не известны. Для региона Северного Причерноморья это также пока — единственная находка.

Предположение Н. А. Онайко, некогда определившей фрагмент венчика этого сосуда как край кратера (Онайко 1966: 59–60, кат. 106), несомненно, имело основания: немировский экземпляр, по-видимому, сочетал морфологические признаки этих двух форм — архаической столовой амфоры и кратера. О форме и декоре южноионийских кратеров этого времени можно судить, например, по замечательной находке из Ассоса (Kalatizoglu 2008: Taf. 108, Kat. 531).

Роспись немировского сосуда отличается высокими художественными достоинствами, выражающимися в тонкости рисунка и тщательности композиции. Однако нельзя не заметить, что мастера постигла неудача с качеством лака — на фризе из цветов и бутонов лотоса он, вероятно, был слишком жидким и потому лег неровно, образовал «потеки», «выцвел» и от времени местами приобрел рыжеватый оттенок. Не исключено, что над основными композициями фризов работал один мастер, а над деталями орнамента — другой.

Кроме формы, необычными являются и размеры сосуда. Внешний диаметр венчика амфоры был приблизительно равен 30 см. Конечно, сложно судить на основании дошедших до нас фрагментов о высоте сосуда, однако можно предположить, что она была не менее 50–60 см. Таким образом, изображенных фризов было не менее четырех. Несомненно, огромный сосуд, украшенный сложной системой изображений во фризах, был достаточно дорогим, ценным предметом как в глазах греков, так и варваров, на городище которых он, в конечном счете, попал. Такая вещь, безусловно, прекрасно «вписывается» в русло концепции о дипломатических дарах эллинов, предназначавшихся элите местного общества. Отметим, что в варварском мире Северного Причерноморья известен еще один восточнотрипольский архаический сосуд, впечатляющий своими размерами. Это «большая ойнохоя» из скифского кургана у хут. Красный близ ст. Крымская Краснодарского края (Шевченко 2013: 112–114, рис. 9; 10), как и немировский фрагмент, относящаяся к периоду SiA Ib. Вы-

сота этого сосуда — 42 см, своими размерами он превосходит известные в настоящее время «плоские» ойнохой<sup>86</sup>. Крупные, буквально гигантские (на фоне известных нам находок этого круга) размеры сосудов из Немирова и кургана у хут. Красный, несомненно, были знаковой чертой, придающей импортируемым сосудам особую ценность. Таким образом, расписная столовая амфора, фрагменты которой хранятся в немировской коллекции, уникальна для региона по своим форме и размерам. Она является не только интереснейшим образцом греческой архаической вазописи, но и, как нам представляется, чрезвычайно важна для понимания различных аспектов ранних греко-варварских связей в регионе.

На основании сохранившихся обломков верхней части амфоры можно попытаться представить, как выглядел сосуд (рис. 165; табл. 6.13). Он имел расширявшееся в верхней части горло, украшенное росписью из цветов и бутонов лотоса, располагавшихся под пояском из чередующихся темных и светлых квадратов (первые были нанесены черным лаком, вторые оставлены в цвете ангоба). Сосуд имел петлевидные горизонтальные ручки, крепившиеся к плечикам. Под горлом, ниже разделительного фриза плетенки, помещался фриз с изображением двух львов, представленных сидящими спинами друг к другу. Размеры сосуда в сочетании с «богатой» росписью, несомненно, производили большое впечатление на обитателей городища.

Подобной амфоре, вероятно, принадлежал фрагмент средней части петлевидной ручки (табл. 6.12, 4; кат. 6.2.55), украшенной горизонтальными продолговатыми «язычками» черного лака<sup>87</sup>. Глина фрагмента светло-коричневая, плотная, без видимых примесей, роспись нанесена по коричневатому ангобу. Такие ручки были характерны для сосудов, распространенных в последней трети VII — начале VI в. до н.э. (SiA Ic — SiA Id).

В эрмитажной коллекции хранится фрагмент еще одной небольшой амфоры

<sup>86</sup> Так, например, другая ойнохой, происходящая из этого же кургана, почти в два раза меньше — высота ее 23,2 см (Шевченко 2013: 110–111, рис. 8); высота ойнохой из основного погребения кургана Темир-Гора в Восточном Крыму — 27 см (Копейкина 1972: 148, прим. 5).

<sup>87</sup> Дн 1933-1/217.

(табл. 6.15, 1; кат. 6.2.56), расписанной в стиле «позднего дикого козла» (LWG Style)<sup>88</sup>. Он принадлежал небольшому сосуду, украшенному одним расписным фризом. От этого фриза сохранился обломок с изображением козла-эгагра (сохранилась лишь часть его передней ноги) и четырехлепестковой розетки (Вахтина 1998а: 128, рис. 3, 9; 2000: 213, табл. 1, 6; Vakhtina 2007: Taf. 65.3, 1).

Тип амфоры, украшенной лишь одним фризом, появляется в восточно-греческой керамике в самом начале VI в. до н.э. Серия таких сосудов была обнаружена при раскопках Токры в слое 580–560 гг. до н.э. (Boardman, Hayes 1966: 41–42). В Северном Причерноморье амфоры этого типа (Tosca type) представлены находками на Березани (Копейкина 1968: 44; Березань-Борисфен 2005: п. 51–53; Kerschner 2006b: 140, Abb. 7, 10, 12), в Истрии (Alexandrescu 1978: pl. 1, 3–11), Ольвии (Буйских 2013а: 45 сл.) и ее округе (Bujskich, Bujskich 2013: 12, Abb. 7, 3), на греческих поселениях Боспора: в Мирмекии (Виноградов 1992: 31–33, 151, табл. 7), Гермонассе (Сидорова 1987: 114, рис. 3, а–2) и Кепях (Николаева 1977: 150–153), на поселении Голубицкая 2 на Тамани (Журавлев, Шлотцауэр 2014: 139–140, рис. 2, 1, 3; Шлотцауэр 2016: 41, рис. 1, 2). Известны находки подобных сосудов и в погребениях местного населения Северного Причерноморья: в Приднепровье (Мухопад 1988: 111–113) и на Тамани (Руднева 1912: 105–106, рис. 1, 2; Вахтина 2015: рис. 1).

Л. В. Копейкина, посвятившая березанским амфорам отдельную работу, полагала, что эти сосуды составляют компактную группу, и высказала предположение, что все они производились в одном центре, в одной или нескольких мастерских (Копейкина 1968: 47). Деятельность этих мастерских связывают с областями Северной Ионии (Cook, Dupont 1998: 56). Судя по плохому качеству лака и изображения, амфора из Немирова, к которой принадлежал фрагмент, была изготовлена в конце периода бытования этого типа, во второй четверти VI в. до н.э. (по НАА: о. Теос).

#### **Керамика с темным покрытием**

В эрмитажной коллекции хранятся фрагменты двух небольших закрытых сосудов с темным покрытием (Vakhtina 2007: Taf. 65, 2).

<sup>88</sup> 278/279.



Глина фрагментов светлая, розовато-коричневая, с очень редкими мелкими примесями слюды. От первого сосуда, имевшего, по-видимому, шарообразную форму, сохранились фрагменты верхней части тулова<sup>89</sup> (табл. 6.15, 2–5; кат. 6.2.57); темное покрытие в верхней его части приобрело коричневатый оттенок. От другого сосуда сохранился фрагмент<sup>90</sup> средней части шаровидного тулова, украшенного двумя горизонтальными полосами оранжевато-коричневого лака (табл. 6.15, 6; кат. 6.2.58). Возможно, сосуд, к которому он принадлежал, по типу и орнаменту близок экземпляру с шаровидным туловом, найденному во время раскопок Эфесского Артемисиона (Kerschner 1997: 170, Taf. XVI, Nr. 129). Фрагменты сосудов, по характеру покрытия и орнаментации сходные с немировскими, происходят из раскопок на территории Тарса (Турция). Х. Гольдман пришла к заключению, что большинство из сосудов с темным покрытием, иногда имевшие орнамент в виде светлых горизонтальных полос, были изготовлены на Родосе, и существовали синхронно керамике в «стиле дикого козла» (WG style) (Goldman 1963: 291). М. Вилар и Дж. Валле также полагали, что керамика, имевшая черное покрытие, производилась в Южной Ионии и на Родосе во второй половине VII — первой половине VI в. до н.э. (Vallet, Villard 1978: 90).

#### Керамика с «полосатой» росписью

Н. А. Онайко писала о находках на Немировском городище керамики с «полосатой» росписью (Онайко 1966: 60, кат. № 117). В действительности, все обломки, хранящиеся в коллекции, принадлежат одному сосуду — небольшой ойнохое с шаровидным туловом (Вахтина 1998а: 134, рис. 5; 2000: 214, табл. II, 3; Vachtina 2007: 33, fig. 10; Vakhtina 2007: Taf. 65.4). От нее сохранились фрагмент трехлепесткового венчика и фрагменты тулова с росписью в виде широких и узких полос красного лака<sup>91</sup>. Глина фрагментов розовая, плотная, с мелкими единичными блестками слюды. Роспись нанесена по розоватому ангобу. Трехлепестковый венчик по краю был покрыт широкой красной полосой, такая же полоса лака шла и по вну-

<sup>89</sup> Все фрагменты имеют инв. номер 251/14.

<sup>90</sup> Дн 1933-1/221.

<sup>91</sup> Инв. номер венчика 251/12; остальные имеют номер 2819/35.



Рис. 165. Немировское городище.

Схематическая реконструкция южно-ионийской столовой амфоры Дн 1909-3/1, Дн 1933-1/217, 251/20, 251/25, 251/46 (графика И. Н. Лицука)

тренней его поверхности. Судя по сохранившимся фрагментам, максимальный диаметр тулова равнялся 24 см. На основании сохранившихся обломков и широкого круга аналогий несложно представить, как выглядела ойнохоя (табл. 6.16; кат. 6.2.59). Подобный тип сосуда известен в материалах античных центров Западного и Северного Причерноморья. Серия подобных сосудов происходит из раскопок Истрии (Alexandrescu 1978: 32, 98, fig. 1, pl. 68). Одна из таких «полосатых» ойнохоя была найдена в погребении XVII/11 некрополя Истрии и датируется по археологическому контексту временем около середины VI в. до н.э. (Alexandrescu 1966: 150, pl. 68). Известны такие сосуды и на Березани (Березань-Борисфен 2005: 54, п. 70).

Ойнохоя, близкая ойнохое из Немирова, была обнаружена при раскопках Анапского поселения, в слое, датированном второй

половиной VI — V в. до н.э. (Алексеева 1991: 45–46, 142, табл. 70, 7). Тип небольшой ойнохои с трехлепестковым венчиком, шаровидным туловом и вертикальной ручкой существовал на протяжении всего VI в. до н.э., позже пропорции сосуда становятся более стройными.

Сосуд из Немирова, вероятно, можно отнести ко второй четверти — середине VI в. до н.э., хотя не исключена и его датировка несколько более ранним временем. Это пока единственный образец ионийской керамики с «полосатой» росписью, найденный на городище. Данные НАА свидетельствуют о его производстве в мастерских Северной Трояды.

#### 5.4. О датах и топографии находок греческой керамики

Нетрудно заметить, что основная масса греческой импортной столовой керамики, найденной во время раскопок Немировского городища, относится к периоду Middle Wild Goat Style I (Cook 1997: 112) или SiA Ib (Kerschner, Shlotzhauer 2005: 8; 17–26). Этим периодам соответствуют хронологические рамки 650/640–630/625 гг. до н.э. «Разброс» датировок отдельных экземпляров представлен на хронологической схеме (рис. 166). Образцы, которые можно отнести к VI в. до н.э., малочисленны, а те, которые «выходят» за середину столетия — единичны и представлены, в основном, фрагментами амфор.

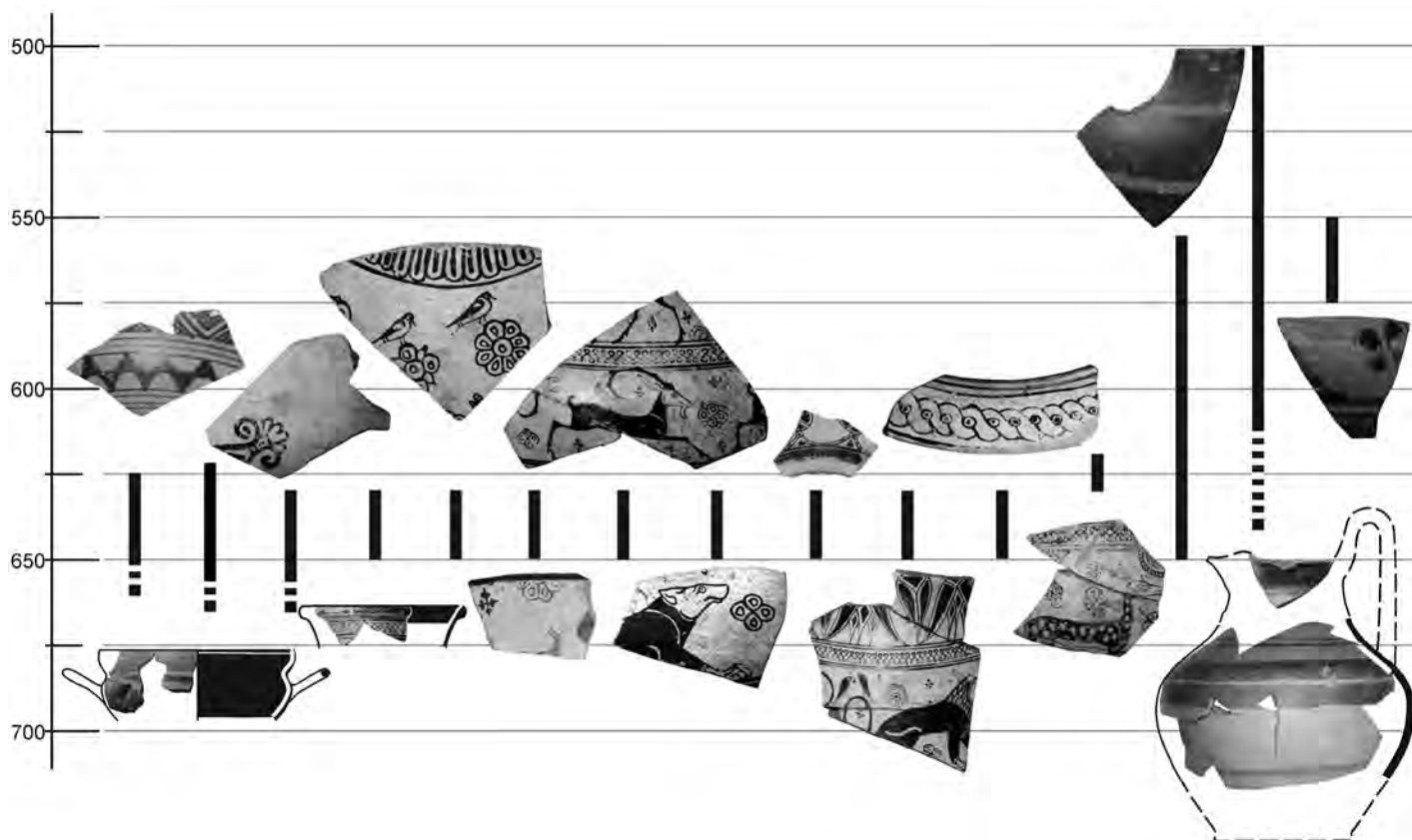
Ряд ранних фрагментов расписной керамики можно соотнести с комплексами землянок № 1 и № 2. В заполнении землянки № 1 были обнаружены фрагменты ойнохой с росписью в стиле WG (Вахтина, Кашуба 2014: 80, рис. 1), которые можно отнести к фазе SiA Ib (650–630 гг. до н.э.). Фрагмент стенки ойнохой с частью фриза с изображением скачущих козлов был найден в заполнении придонной части землянки, на глубине 1,75 м от дневной поверхности<sup>92</sup>. В заполнении землянки № 2 были найдены два фрагмента венчиков столовой амфоры, принадлежавшие к тому же периоду (Вахтина, Кашуба 2014: 81, рис. 2) (см. гл. 6).

<sup>92</sup> Полевой шифр этого обломка ЮП-II Н 60. Он был соединен с более крупным фрагментом, происходящим из раскопок А. А. Спицына. В настоящее время оба хранятся под инв. номером Дн 1933-1/206.

#### 5.5. Место коллекции греческой керамики из раскопок Немировского городища среди синхронных находок античного керамического импорта на других памятниках лесостепи

По количеству найденных образцов греческой архаической керамики Немировскому городищу принадлежит особое место среди памятников лесостепной Скифии. В течение долгого периода времени оно оставалось «лидером» среди скифских городищ по объему греческого импорта. Это позволило Я. В. Доманскому высказать гипотезу о том, что это поселение могло играть роль транзитного пункта в греко-варварской торговле: согласно его предположению, античные импорты попадали первоначально в Немиров, а затем оттуда — на другие лесостепные памятники региона (Доманский 1970: 51–52).

Однако логично представить, что и другие крупные поселения региона также имели возможность в архаическую эпоху устанавливать прямые связи с античными центрами. В последние десятилетия это представление подтвердили раскопки древнейших слоев и комплексов *Бельского городища*. Исследования этого огромного укрепленного поселения на Левобережье Днепра дали большое количество находок античной архаической керамики (Задников 2004; 2009; 2010; 2014а; 2014б). Среди находок на Бельском городище — фрагменты скифосов с изображением заштрихованных фигурок птиц, ромбов и треугольников (bird-bowles), датирующиеся последней четвертью VII в. до н.э. и несколько фрагментов с росписью «в стиле дикого козла» (Wild Goat style), очень близкие хронологически и стилистически ойнохоям из Немирова (Задников 2007: рис. 1, 1, 2 (bird-bowles), 3–8 (ойнохой); см. также Шрамко, Задников 2010: 297–298, рис. 3; 4). Всего за годы раскопок Бельского городища было найдено более 7000 образцов античной посуды (Задников 1914а), значительная доля находок которой приходится на раннее время. К сожалению, подсчет фрагментов архаических расписных сосудов, найденных на городище, произведен не был, однако, судя по публикациям, по количеству фрагментов восточно-



греческих амфор ранних типов, Бельское городище «опередело» Немировское.

По сравнению с этими двумя городищами-гигантами количество находок греческой архаической керамики на других памятниках лесостепи выглядит гораздо скромнее. Среди этих памятников упомянем, прежде всего, *Трахтемировское городище*, из раскопок которого происходит фрагментированный килик с изображением птиц (bird-bowl) (Онайко 1966: табл. III, 12 a-2; XXV, 3), найденный в культовой постройке (Дараган 2011: 518, рис. IV.59). М. Кершнер датирует этот сосуд второй четвертью VII в. до н.э. и считает его древнейшей находкой греческого импорта на территории лесостепи (Kerschner 2006a: 238–239, Abb. 14). А. В. Буйских полагает, что наиболее вероятная дата этого сосуда — вторая — начало третьей четверти VII в. до н.э. (Буйских 2015: 246). Из другого комплекса городища происходит фрагмент закрытого сосуда (вероятнее всего, ойнохои), на котором сохранилась часть росписи — голова грифона (Ковпаненко 1968: 109, рис. 9), который можно предположительно отнести к периоду SiA Ib или началу периода SiA Ic, то есть датировать в интервале 650–620 гг. до н.э.

К третьей четверти VII — началу VI в. до н.э. может относиться фрагмент сосуда (ойнохои?) из поселения у с. *Жаботин* (Онайко 1966: табл. III, 9; Покровская 1973: 183, рис. 8, 7).

В начале VI в. до н.э. находки расписной восточно-греческой керамики ориентализирующего стиля зафиксированы и на других городищах лесостепи, например, на *Пастырском* (Фармаковский 1914a: табл. II, 1, 2). К концу столетия греческий керамический импорт распространяется на огромной территории, достигая на севере *Хотовского городища*, расположенного на границе лесостепной и степной зон (южная окраина современного Киева) (Онайко 1966: табл. 11, 17; 5, 10; Петровская 1970: 137, рис. 12). Самые ранние находки греческих амфор на этом городище можно отнести к середине VI в. до н.э. (Дараган 2005).

Образцы ранней греческой керамики были найдены в составе двух погребальных памятников Правобережной Днепровской лесостепи. Из погребения в *кургане № 1* у с. *Болтышка* на правом берегу Днепра (бассейн р. Тясмин) происходит фрагмент горла «плоской» ойнохои со сценой преследования собакой горного козла (Фармаков-

Рис. 166. Хронологическая схема основных датированных экземпляров и групп греческой расписной керамики из раскопок Немировского городища



ский 1914а: табл. VI; VII; Онайко 1966: табл. I; II). М. Кершнер и У. Шлотцауэр помещают этот фрагмент, как и ойнохою из Темир-Горы и немировские фрагменты, в группу SiA Ib, которая датируется 650–630 гг. до н.э. (Kerschner, Schlotzhauer 2005: 20, fig. 13).

По-видимому, к самому концу VII — началу VI в. до н.э. следует отнести южноионийский кувшин с росписью в виде полос и волнистых линий из погребения 2 кургана Репяховатая могила (Буйских 2013а: 116). Вероятно, к этому же времени относится и милетская амфора из этого погребения (Дараган 2010: 179 сл.). В кургане у с. Китайгород в Приорелье была обнаружена милетская столовая амфора 610–580 гг. до н.э. (Ромашко и др. 2014: 113, рис. 4, 1; 5, 1).

В VI в. до н.э. доля греческого импорта наиболее высока в курганах Тясминской группы (правый берег лесостепного течения Днепра) — античные вещи содержит примерно каждый четвертый раскопанный здесь курган<sup>93</sup>.

Еще раз отметим, что на этом фоне Немировское городище, наряду с Бельским, несомненно, является лидером в налаживании связей с греческими центрами в раннем железном веке. Это вполне соответствует представлению о значимости этого поселения, о том, что в раннем железном веке оно было достаточно влиятельным центром Правобережной лесостепи и, безусловно, являлось выгодным партнером в глазах греков. Конечно, сложно судить о том, получали ли жители этого поселения расписные сосуды и вино в амфорах в качестве дипломатических даров или же обменивали на них какие-либо товары. Несомненно, античная керамика, найденная на Немировском городище, свидетельствуют о достаточно ранних контактах его жителей с греческими центрами, установившихся не позднее середины VII в. до н.э. Можно предположить также, что контакты эти были достаточно интенсивными. «Пик» этих связей, очевидно, приходился на вторую половину столетия. С начала VI в. до н.э. можно говорить об «угасании» греко-варварских контактов или же о переходе их на какой-то другой уровень, не нашедший отражения в археологических материалах. Вероятно, после середины VI в. до н.э. по-

<sup>93</sup> Подсчет сделан на основании данных, приведенных в монографии В. А. Ильинской (Ильинская 1975).

ставки античной керамики на городище по каким-то причинам прекратились. Примечательно, что в коллекции полностью отсутствует аттическая керамика, широкое распространение которой в варварских памятниках Причерноморья начинается с середины этого столетия.

### **5.6. Находки греческой керамики на Немировском городище в контексте проблемы ранних связей между греческим миром и варварскими центрами Северного Причерноморья**

Весьма показательно, что в последнее десятилетие многие исследователи вновь обратились к древнейшим находкам греческой керамики в памятниках местного населения северного побережья Понта (см. Бруйко 2005: 229–237; Kerschner 2006а; Tsetskhladze 2007: 55–59, pl. 1; 2). Вероятно, это свидетельствует о назревшей необходимости в ревизии этих материалов, вызванной, во-первых, введением в научный оборот все новых и новых образцов, а также наметившейся в последнее десятилетие общей тенденцией к удревнению многих категорий находок (Kerschner, Schlotzauer 2005; 2007; Schlotzauer 2012; Буйских 2013а), как правило, приводящих к пересмотру существовавших ранее концепций (Буйских 2013б). И, хотя в этой книге не ставилась задача освещения всего круга проблем, связанных с распространением греческой архаической керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья раннего железного века, стоит все же кратко остановиться на некоторых вопросах.

#### ***Время появления архаической расписной керамики в варварском мире Северного Причерноморья, ее распространение и проблема интенсивности греко-варварских связей***

В рамках рассматриваемой темы следует, очевидно, обратить внимание на достаточно широкое распространение античного импорта в варварских комплексах второй половины VII — первой половины VI в. до н.э. на территории Северного Причерноморья в целом, по сравнению с другими областями античной

колонизации, например с территорией Западного Причерноморья<sup>94</sup>. Раскопки последних лет медленно, но неуклонно увеличивают количество находок античной керамики в регионе. Отметим здесь лишь важнейшие находки, сделанные на территориях степной зон, Тамани и Предкавказья, как хорошо известные, так и сделанные сравнительно недавно.

В степной зоне Северного Причерноморья важнейшей находкой и хронологическим репером, маркирующим начало первых контактов между греками и варварами, являются уже неоднократно упоминавшаяся ойнохоя из основного погребения кургана Темир-Гора близ Керчи. «Традиционная» датировка этого сосуда 640–630 гг. до н.э. (Копейкина 1972: 56; Cook, Dupont 1998: 36, 38, fig. 8, 5). М. Кершнер и У. Шлотцауэр «удревнили» эту дату на 10 лет и отнесли сосуд из Темир-Горы к периоду SiA Ib, то есть к 650–630 гг. до н.э. (Kerschner, Schlotzhauer 2005: 20, fig. 12).

Ойнохоя из кургана у с. Филатовка (Крым, район Перекопа) В. Н. Корпусова относил к 635–625 гг. до н.э. (Корпусова 1980: 100–103), а М. Кершнер — к несколько более раннему времени (Kerschner 1997: 217–218).

Два фрагмента фигурных сосудов последней четверти VII в. до н.э. происходят из курганов у р. Калитва и с. Криворожье в степном Подонье (Книпович 1935: 94, 100, рис. 25; 26).

Для территории Предкавказья самым восточным памятником, содержащим фрагменты восточно-греческой расписной (хисской) керамики конца VII–VI в. до н.э. стал курган 16 могильника Новозаведенное-II (Петренко и др. 2000: 240).

В Прикубанье, недалеко от ст. Крымская, в раннескифском кургане у хут. Красный были обнаружены две ойнохоя с росписью в ориентализирующем стиле (Шевченко 2013: ил. 8–10). Сосуды эти можно поме-

стить в ту же хронологическую группу, к которой принадлежат ойнохоя из Темир-Горы и немировские экземпляры, и датировать 650–630 гг. до н.э.<sup>95</sup> К сожалению, поверхность ойнохой из кургана у хут. Красный сильно пострадала, что затрудняет анализ их изобразительных систем, можно отметить близость их декора росписи ойнохой из Темир-Горы и Немирова, что, возможно, свидетельствует в пользу того, что эта группа сосудов вышла из одной мастерской (Шевченко 2013: 117).

В Закубанье при раскопках поселения Тарасова Балка были обнаружены фрагменты греческой архаической керамики, в том числе фрагмент стенки североионийской (?) ойнохи периода SiA Id (615–600 гг. до н.э.), фрагмент ионийского килика рубежа VII–VI вв. до н.э. и обломок чаши, датированной широко в пределах последней четверти VII — VI в. до н.э. (Рябкова 2015: 368, 370, ил. 7, 1–3).

Из района пос. Алексеевское под Анапой происходит фрагмент килика с изображением водоплавающих птиц (bird-bowl), который можно отнести ко времени не позднее самого начала первой четверти VI в. до н.э. (Харалдина, Новичихин 1994: 200; Schlotzhauer, Zhuravlev 2014: 216, fig. 10).

Ряд фрагментов ранней греческой керамики дали раскопки поселения Голубицкая 2 в северо-восточной части Таманского полуострова. В их числе — обломки североионийских столовых амфор 610–580 гг. до н.э. (Шлотцауэр 2016: 41, рис. 1–3), а также фрагменты двух североионийских чаш, относящиеся к 620–500 и 610–550 гг. до н.э. (Там же: 42, рис. 6, 7).

Сопоставив эти находки с находками, известными для лесостепи, речь о которых шла выше, можно прийти к выводу о достаточно интенсивных контактах между греками и местным населением Северного Причерноморья, начавшихся сразу же после основания здесь первых постоянных греческих поселений. Одну из причин столь широкого и раннего распространения здесь античных импортов, в частности, расписной керамики, можно видеть в гегемонии в эту эпоху в зоне степей скифских кочевых орд.

Согласно хронологии скифской эпохи, предложенной К. К. Марченко и Ю. А. Виноградовым, начало распространения греческой

<sup>94</sup> Г. Р. Цецхладзе проделал большую работу, сравнивая количественно находки античной архаической керамики, обнаруженной в негреческих комплексах других контактных зон (Великой Греции, Испании, Восточного Причерноморья), с группой синхронных находок из варварских памятников Северного Причерноморья (Tssetskhladze 2007: 55–61, pl. 1–5). Проведенный им сравнительный анализ количества и хронологии греческого импорта чрезвычайно интересен, но, на наш взгляд, не меняет общего впечатления об уникальности Северного Причерноморья как обширной контактной зоны.

<sup>95</sup> Автор раскопок предлагает датировать сосуды 40-ми гг. VII в. до н.э. (Шевченко 2013: 117).

расписной керамики в степной и лесостепной Скифии приходится на начало II выделенного этими исследователями периода, датирующегося 650–475 гг. до н.э.; время это понимается как период, достаточно благоприятный для развития греко-варварских связей (Marchenko, Vinogradov 1989: 807). Известно, что кочевое население обладало, по сравнению с оседлым земледельческим, более высокой «контактной активностью». Вероятно, кочевой образ жизни племен, населявших степную зону, способствовал «перемещению» отдельных вещей на значительные расстояния (Виноградов 2005: 234–235). Это, на наш взгляд, объясняет «разброс» на огромные расстояния ойнохой из Темир-Горы и Немирова, вышедших из одной мастерской (возможно, к продукции ее также относились сосуды из хут. Красного).

#### ***Пути распространения вещей, источники импульсов***

Нельзя пока дать однозначный ответ на вопрос об источниках «античных импульсов». Несомненно, на наш взгляд, одно — их нельзя рассматривать как результат длительных доколониционных связей или контактов (Вахтина, Кашуба 2014: 72–76). Пути распространения вещей в туземной среде также не всегда представляются достаточно ясными.

Вероятно, пути распространения греческой керамики в варварском мире в архаическую эпоху были достаточно разнообразны. Имеющиеся в нашем распоряжении античные импорты второй половины VII — начала VI в. до н.э., обнаруженные в памятниках местного населения степной и лесостепной зон Северного Причерноморья, позволяют высказать предположение о наличии здесь как водных, так и сухопутных путей, связывавших эти памятники с античными центрами (Гаврилюк 1999: 264; Бандуровский 2001: 16). Вероятно, к одной из специфических особенностей северопричерноморского региона можно отнести то обстоятельство, что в результате кочевого образа жизни номадов, доминирующих в зоне степей, античный импорт распространялся на огромной территории, попадая на памятники, удаленные от греческих центров на большие расстояния (Виноградов 2009б: 63).

Часто памятники, где была найдена античная посуда, хорошо «увязываются» с греческими поселениями, соединявшимися вод-

ными коммуникациями с районами, где они были расположены. В литературе давно уже было высказано предположение о наличии речных путей по Южному Бугу и Днепру (Онайко 1966: 41–45). Термин «речной путь» в применении к таким рекам, как Южный Буг и Днепр, конечно, является не совсем точным и отражает лишь способ их использования в качестве основных магистралей. Наличие у этих рек труднопреодолимых порогов предполагает прохождение отдельных участков пути по суше. Это прекрасно иллюстрирует практика хождения по Бугу и Днепру в более поздние эпохи.

Существование еще одного речного пути, по Дону и его притокам, можно предположить в связи с находками античных импортных вещей в курганах на территории степного Подонья. В числе этих находок следует, прежде всего, отметить находки фигурных сосудов конца VII в. до н.э. из курганов у р. Калитва и с. Криворожье. Высока вероятность того, что эти сосуды попали вглубь варварской территории из Таганрогского поселения (Korylov 2007: 68–69, fig. 3; Копылов 2009: 29 сл.), функционировавшего с третьей четверти VII по середину — третью четверть VI в. до н.э. (Копылов 1999: 174–176; 2002: 229–230; 2004: 62–63; 2009; Копылов, Ларенок 1994). Существует и гипотеза, согласно которой поселение, возникнув в эпоху архаики как опорный торговый пункт (Далли и др. 2013а: 84), продолжало существовать и в классическое время (Далли и др. 2013б: 166). Однако приходится признать, что в силу каких-то причин (возможно, из-за неблагоприятной демографической ситуации в районе Нижнего Дона) Таганрогское поселение не смогло в своем развитии стать полноценным городским центром. Представляется маловероятным, чтобы это поселение могло быть источником античных импульсов для Немировского городища. Против этого свидетельствует не только дальность пути из Нижнего Подонья в Правобережную лесостепь, но и то обстоятельство, что среди находок на Таганрогском поселении основную массу керамических находок составляет продукция североионийских центров (см. Копылов, Литовченко 2006), тогда как в материалах Немирова ярко представлен Милет и другие центры Южной Ионии (Вахтина 2004б).

Наличие в эпоху архаики сухопутных путей, связывающих античные центры с варвар-



ской периферией, также не вызывает сомнений. В литературе давно высказана гипотеза о существовании торгового и сакрального пути, шедшего из Нижнего Побужья на восток, в Приуралье-Поволжье, а также на север и запад (Граков 1947; Скржинская 1984: 120–122; Кузнецова 1991: 87–91). Высказывались предположения о том, что античный импорт мог попадать на Бельское городище и из античных центров Северного-Восточного Причерноморья по традиционному Муравскому или Солянному шляху, еще функционировавшему в XVII в. (Шрамко 1987: 19–21; Болтрик 1981: 59–60; 1990; Задников 2015а: 14–15). Недавно была предпринята попытка реконструировать путь, который исследователи назвали Ольвийским (Бессонова, Полтавец 2015), соединявший греческие поселения Нижнего Побужья и бассейн р. Тясмин и «ответвлявшийся» и на соседние территории — бассейны рек Синюхи и Роси.

В зоне степей, несомненно, существовали и другие пути. На наш взгляд, с одним из таких «путей» — маршрутом военных походов и сезонных миграций кочевых скифов (какой-то части кочевой орды, возможно, «скифов-царских») из Приднепровья в Прикубанье, о котором пишет Геродот [Hdt. IV. 28] (Вахтина и др. 1980; Виноградов 2005: 213–220), хорошо соотносятся находки ойнохой в основном погребении кургана Темир-Гора<sup>96</sup> и впускном погребении кургана 2 у с. Филатовка (Вахтина 1991: 7–8; 2016: 14–16). К этому пути хорошо «привязываются» и находки из хут. Красного в Прикубанье. Наиболее правдоподобным, вероятно, можно признать предположение, что ойнохой из Темир-Горы, как и сосуды, фрагменты которых были обнаружены на Немировском городище, попали в скифский мир из греческих центров Побужья-Поднепровья. Возможно, эти сосуды даже принадлежали к одной партии товаров. Они могли быть проданы греками местному населению, обменены или же выступали в качестве дипломатических даров. С сезонными миграциями кочевников можно также соотнести, вероятно, и другие памятники, принадлежав-

шие к началу VI в. до н.э., например погребение у Цукурского (Стеблеевского) лимана на Тамани (Вахтина 1993; Виноградов 2009а: 385)<sup>97</sup>. В состав этого комплекса входила полихромная североионийская ойнохой (Прушевская 1917: табл. VII). В Северном Причерноморье такие сосуды представлены в материалах лишь одного греческого поселения — Березани (Прушевская 1917: 39, 44, рис. 3; 4; Борисфен–Березань 2005: 52, п. 66).

Наличие речных путей, связывающих Нижнее и Среднее Побужье, подкрепляет предположение о том, что греческая керамика могла проникать на Немировское городище (как на и другие варварские памятники лесостепного Поднепровья-Побужья) из греческих поселений, расположенных южнее, в прибрежной зоне, прежде всего из поселения на о. Березань (Борисфена). Однако нельзя не обратить внимание и на тот факт, что, несмотря на значительные керамические материалы, накопленные за многие годы раскопок Березани, здесь не удалось обнаружить образцов керамики, стилистически близкой фрагментам из Немирова. Напомним, что ближайшей аналогией росписи многих фрагментов из Немировской коллекции по-прежнему остается роспись ойнохой из кургана Темир-Гора в Восточном Крыму.

Долгое время Нижнее Побужье рассматривалось как основной регион, откуда вещи в архаическое время распространялись в отдаленные районы лесостепной Скифии. Однако в последнее время для какой-то части этих находок все более вероятным представляется западный путь. Он мог иметь несколько «ветвей», включая речные (по Пруту и Днестру), а также сухопутные пути. Образцы греческой керамики 640–630 гг., обнаруженные сравнительно недавно во время раскопок греческого поселения Оргамум в Западном Причерноморье (Manucu Adomeștianu 2000: 195–201, fig. 1, 1–5; 2003: 387, pl. II), возможно, свидетельствуют в пользу этого предположения (Вахтина 2004а: 56; Kerschner 2006а: 233–234, Abb. 7–10; Vakhtina 2007: 34). Между этим поселением и Не-

<sup>97</sup> Стилистические особенности ойнохой из Цукур-Лимана, а также упоминание о находке в одном с нею погребении «полосатого» ионийского килика (?) (не сохранился) позволили некогда высказаться в пользу датировки всего комплекса в рамках конца первой — второй четверти VI в. до н.э. (Вахтина 1993: 55). Однако не исключена датировка комплекса и более ранним временем — концом первой четверти столетия (подробнее см. Гречко 2012: 8, прим. 14).

<sup>96</sup> Вещевой комплекс центрального погребения Темир-Горы, из которого происходит знаменитая ойнохой, в целом «тяготеет» к региону Поднепровья, откуда происходит большинство аналогий скифским вещам (Вахтина 1991: 3–8).

мировском городище в лесостепном Побужье намечается цепочка памятников, давших находки греческой керамики конца VII — начала VI в. до н.э. — Куртень (Isopoti 1979: 82, fig. 4), Иване-Пустэ (Ганина 1971), Залесье (Ганина 1972), что также можно рассматривать как один из аргументов в пользу «западного пути».

***Ранняя греческая керамика в варварских памятниках Северного Причерноморья: результат доколониционных контактов или свидетельство связей между постоянными античными поселениями и варварской периферией?***

Для всех регионов древней ойкумены, вовлеченных в орбиту греческой колонизации, античные изделия, обнаруженные в слоях и комплексах, принадлежавших местному населению, служат надежным индикатором контактов между греческими колонистами и местным населением. Из варварских памятников Северного Причерноморья происходит довольно большое (по сравнению с находками, известными для других областей), количество греческих импортных изделий, относящихся к VII в. до н.э. Среди античного импорта особая роль принадлежит расписной керамике, которая является наиболее многочисленной категорией античной продукции, нашедшей распространение в туземном мире, или, скорее, наиболее широко представленной в дошедших до нас материалах. Известно, что находки расписных греческих сосудов являются основными хроноиндикаторами, на основании которых можно судить о времени установления первых контактов. Количество таких находок медленно, но постоянно возрастает как для степной, так и для лесостепной зон Северного Причерноморья. Круг подобных артефактов достаточно хорошо известен (сводки см. Бруяко 2005: 236–237, рис. 61; Иванчик 2005: 105–106; Tsetskhladze 2007: 55–63).

Находки восточно-греческой керамики из Немировского городища очень важны для понимания всех аспектов проблемы ранних греко-варварских контактов. Судя по их датировкам, ввоз греческой посуды на это поселение начался примерно в середине VII в. до н.э., а его «пик» приходился на последнюю треть столетия. Аналогичную картину можно реконструировать и для Бельского городища. Как полагают его исследователи,

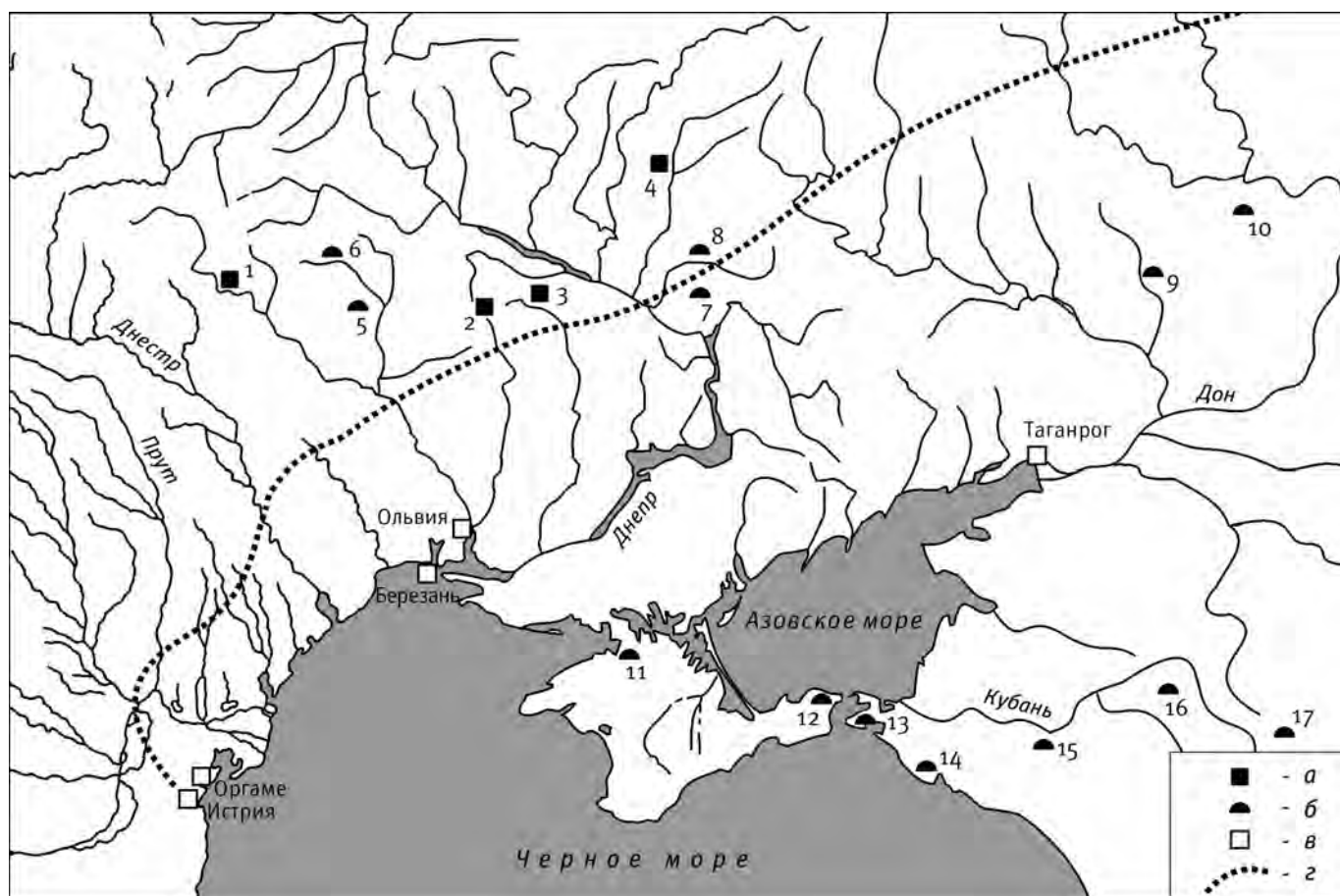
«впервые греческий импорт появляется на поселении в третьей четверти VII в. до н.э.» (Задников, Шрамко 2009: 476).

Вероятно, на основании известного в настоящее время круга находок можно сделать вывод о достаточно интенсивных контактах между греками и местным населением Северного Причерноморья в архаическое время. Это положение иллюстрирует карта, на которой мы постарались обозначить все памятники, где были обнаружены образцы греческой расписной посуды второй половины VII — начала VI в. до н.э. (рис. 167).

Исследователи, знакомые с проблематикой и материалами архаической эпохи, обращают внимание на принципиальное противоречие, возникающее как следствие удренения датировок керамических образцов. Учитывая современные представления о датах архаической греческой посуды, мы неизбежно столкнемся с тем, что находки импортной керамики из варварских памятников будут «опережать» даты основания греческих поселений, то есть не вписываться в хронологические рамки начального периода существования античных колоний в Северном Причерноморье. Вернее, не будут соответствовать сложившимся представлениям о хронологии и характере греческой колонизации региона.

Это несоответствие вызвало к жизни на «современном витке» гипотезу о «доколониционных» контактах и связях греков с варварским населением региона. Отметим, что под доколониционными связями мы подразумеваем здесь не контакты между Северным Причерноморьем и областями Эгеиды, которые существовали еще в бронзовом веке, задолго до начала греческой колонизации (Вахтина, Кашуба 2014: 73–74; Kašuba 2006: 213 ff.; Кашуба 2013: 174 сл.), а связи, предшествующие колонизации и служившие целям «ознакомления» греков с регионом перед его дальнейшим освоением. Эта система взглядов была сформулирована некогда А. А. Иессеном в его «Греческой колонизации Северного Причерноморья» (Иессен 1947). Вот как он представлял начальный этап колонизации региона:

**«Мы таким образом видим, что в VII в. впервые завязываются сношения между <...> местным населением северо-черноморских степей и греческими мореплавателями и торговцами, проникающими**



до устья больших рек в северо-западной части моря до района Керчи, а возможно, и до Донской дельты. Торговля эта носит доколониальный характер, не сопровождаемая созданием постоянных греческих поселений, за единственным исключением поселения на острове Березани...» (Там же: 57).

Отметим, что, создавая эту систему взглядов, исследователь опирался на известную статью Т. Н. Книпович (1934), а также развил «гипотетическое построение Э. Миннза» о первых, спорадических плаваниях греков (Minns 1913: 438–441). Английский исследователь полемизировал с М. И. Ростовцевым и Б. В. Фармаковским, видевшими в находках греческого импорта свидетельства уже установившихся контактов варваров с постоянными греческими поселениями. В конце 70-х гг. прошлого века отечественное антиковедение, казалось бы, отвергло концепцию об особом, «подготовительном» периоде, предшествующем основанию в Северном Причерноморье греческих колоний (Брашинский, Щеглов

1979: 34 сл.). Лишь С. Л. Соловьев полагал, что до основания на Березани постоянного поселения здесь какое-то время существовал эмпорий, а собственно поселение возникло несколько позже, в конце VII в. до н.э. (Soloуов 1999: 30). Однако его взгляды долгое время не встречали поддержки (Виноградов 1999: 108; Мачинский 2011: 412–413).

Конечно, наличие «доколониационных контактов» во многих случаях помогало бы интерпретировать «труднообъяснимые» находки греческих вещей из варварских контекстов, также как и находки древнейших образцов керамики, обнаруженные при раскопках территорий греческих колоний (см. Буйских 2015а: 241). И подобный подход в нынешнем столетии начал приниматься исследователями. Так, например, по мнению Т. М. Кузнецовой

«...скальная гробница на Темир-Горе (та, из которой происходит упоминавшаяся неоднократно ойнохоия — М. В.), была, видимо, предназначена для грека,

Рис. 167. Греческая расписная керамика второй половины VII — начала VI в. до н.э. в варварских памятниках Северного Причерноморья.

Памятники:  
1 — Немиров; 2 — Трахтемиров; 3 — Жаботин; 4 — Бельск; 5 — Болтышка; 6 — Репяховатая Могила; 7 — Китайгород (Приорелье); 8 — Шандровка; 9 — Калитва; 10 — Цуцкан (б. Хоперский округ); 11 — Филатовка; 12 — Темир-Гора; 13 — Цукур-Лиман; 14 — хут. Анапский; 15 — хут. Красный (Крымск); 16 — Тарасова Балка; 17 — Новозаведенное-II.

Условные обозначения:  
а — городище/поселение;  
б — погребение;  
в — античное поселение/колония; г — примерная граница степной и лесостепной зон



умершего в ранний период ознакомления с Северным Причерноморьем, возможно, во время разведывательной экспедиции, связанной с обследованием районов предстоящего заселения» (Кузнецова 2002: 85).

Австрийский ученый М. Кершнер склонен рассматривать распространение ранней керамики в варварском мире региона как следствие доколониционной активности греков (Kerschner 2006: 239).

Наиболее логично и стройно концепция, предполагающая наличие особого периода греко-варварских контактов, предшествующих основанию постоянных греческих поселений в Нижнем Побужье, сформулирована в работах А. В. Буйских (Буйских 2013а; 2013б; 2015а; 2015б; 2016). Проанализировав массовые находки восточно-греческой керамики, найденные за годы археологического изучения Ольвии, исследовательница обосновала вывод о наиболее вероятной дате основания этой колонии в 620/610–590 гг. до н.э., что сократило временной разрыв между основанием Ольвии и Борисфена (Буйских 2013б: 223). Согласно концепции А. В. Буйских, Борисфен во второй половине VII в. до н.э. представлял собой эмпорий; поселение же городского типа возникло на Березани в конце VII — начале VI в. до н.э. (Буйских 2015а: 241). Эта модель была предложена исследовательницей и для других районов Северного Причерноморья, где первоначально греками были основаны «временные, а затем постоянные «торговые станции» как инструмент освоения нового социума» (Буйских 2013а: 22–23).

Представляется очевидным, что ключевым вопросом для обоснования гипотезы о периоде доколониционных связей является вопрос о дате основания постоянного поселения на о. Березань, древнейшей греческой апойки в Северном Причерноморье. Это поселение традиционно и совершенно справедливо рассматривают как наиболее вероятный источник ранних «греческих импульсов». Для решения вопроса о времени его основания мы располагаем данными двух систем источников: письменных и археологических. Общепринятая дата, реконструируемая на основании хроники Евсевия — 647/646 гг. до н.э. (Euseb. Chron. cap. /Helm.V. 1984: 95 b). Д. А. Мачинский

предлагал помещать эту дату в диапазоне 649–643 гг. до н.э. (Мачинский 2011: 418). На наш взгляд, свидетельство письменного источника остается чрезвычайно важным. Трудно поэтому не согласиться с позицией В. Д. Кузнецова, полагающего, что «попытки омолодить эту дату на основании археологических материалов соответствующего времени вряд ли следует признать аргументированными, поскольку игнорирование письменного источника недопустимо» (Кузнецов 2013: 128).

Согласно же «археологической» периодизации, предложенной для Березанского поселения Д. Е. Чистовым, первая, ранняя фаза его существования относится к концу VII — началу VI в. до н.э. (Чистов 2012: 6 сл.). Нетрудно заметить, что этот вывод не снимает несоответствие между датами «первой волны» греческого импорта и временем основания древнейшего античного поселения в регионе. Впрочем, как признает исследователь,

**«...периодизация базируется прежде всего на стратиграфических наблюдениях, предлагаемые ниже датировки <...> являются условными и подлежат корректировке в ходе дальнейших исследований памятника» (Там же: 6)**

Если же мы примем предположение об особом, эмпориальном периоде существования Березанского поселения, которое в последнее время получает все большее признание (см. Яйленко 2017: 131–133), то это, конечно же, устранил все хронологические «неувязки».

Даты основания греческих поселений Северного Причерноморья, как и дата основания Березанского поселения, часто базируются на находках и датировках самых ранних строительных комплексов. Такой подход, несомненно, представляется обоснованным. Располагая такими данными, мы, безусловно, можем быть уверены, что поселение/городище существовало в предложенный период. Общеизвестно, что отдельные находки из раскопок греческих поселений часто «опережают» по времени связанные строительные остатки.

Признавая ненадежность определения времени основания греческих поселений «по одному черепку», все же нельзя абсолютизировать и подход, признающий достоверными критериями исключительно комплексы, так как из-за плохой сохранности древнейших

объектов всегда можно предполагать, что древнейшие остатки не дошли до нашего времени либо в силу каких-либо причин пока что не были выявлены исследователями.

Итак, при интерпретации находок ранней греческой керамики в туземном мире Северного Причерноморья мы должны либо объяснить их распространение активностью греков (и варваров) на протяжении «доколониационного периода», либо все же допустить предположение о том, что «источниками импульсов» могли быть постоянные античные поселения Северного Причерноморья, прежде всего, греческие центры Нижнего Побужья.

Гипотезы, предлагающие в качестве источников распространения импорта греческие центры сопредельных регионов, также уязвимы с точки зрения наличия «связных комплексов», синхронных времени распространения ранней греческой посуды в туземном мире. Так, например, на поселении Оргамум в Западном Причерноморье, исследования которого дали находки керамики 640–630 гг. (Mănucu Adameștiani 2000: 194–204, fig. 1), также не удалось выявить строительных комплексов этого времени. Тем не менее, эти находки дали основание для появления гипотезы о возможном «западном пути» распространения греческого импорта (Вахтина 2004: 208; Kerschner 2006: 232–234)<sup>98</sup>.

Что можно сказать в заключение? Нет ничего удивительного в предположении о первых плаваниях и разведывательных экспедициях греков в отдаленные районы, которые позже были вовлечены в сферу колонизации. Другой круг вопросов — насколько длительным мог быть этот период доколониационных контактов? Играл ли в этот период торговый обмен с варварами какую-то особую роль в установлении первых связей? Или же найденные вещи, которые все исследователи справедливо относят к предметам роскоши, были дипломатическими дарами представителям местной аристократии?

<sup>98</sup> Время существования Таганрогского поселения, которое также часто рассматривается в качестве возможного «источника» распространения античных импульсов в Северо-Восточном Причерноморье в эпоху архаики, также определяется на основе датировок керамических находок (Копылов, Ларенок 1994; Копылов, Литовченко 2006).

Возможно, правы те «умеренные» исследователи, которые допускают существование такого периода «доколониационных связей» в течение краткого отрезка времени, непосредственно предшествующего появлению первых постоянных поселений. Так, по мнению А. И. Иванчика:

**«трудно <...> полагать, что в эпоху Великой колонизации между открытием и освоением столь удобной территории могло пройти значительное время» (Иванчик 2005: 107).**

Итак, как нам представляется, перед современными исследователями опять стоит проблема: для понимания раннего этапа греческой колонизации региона и начального периода греко-варварских связей приходится либо принять дату письменного источника об основании здесь первого античного поселения, либо реконструировать некий особый «доколониационный период». Вероятно, как справедливо полагают многие, приблизиться к ее решению помогут новые археологические материалы и комплексы находок.

## 5.7. Заключение

Судя по дате находок, регулярное поступление греческой посуды на Немировское городище началось примерно в середине VII в. до н.э., его «пик» приходился на вторую половину VII в. до н.э., что позволяет говорить о достаточно ранних и интенсивных контактах его обитателей с греческим миром. Декор некоторых образцов немировской коллекции демонстрирует стилистическую близость росписи знаменитой ойнохой из основного погребения в кургане Темир-Гора в Восточном Крыму, что позволяет высказать предположение об изготовлении этих сосудов в одной мастерской (Копейкина 1972: 157–158).

Однако продукция этой мастерской неизвестна нигде за пределами варварского мира Северного Причерноморья. Возможно, посуды, попавшие в Немиров, и ойнохой из Темир-Горы представляли собой часть «партии» товаров, одновременно появившейся на северопричерноморском варварском рынке как единое целое в период начального

освоения региона древними греками; часть этой партии в результате непосредственных или опосредованных контактов между греческими поселенцами и варварами достигла Немировского городища. Ойнохоя же, найденная впоследствии в Темир-Горе, попала в курган в Восточном Крыму в результате миграции.

Приходится искать ответы и на вопросы, из каких античных центров и каким образом греческая керамика проникла на городище. Наиболее вероятным источником представляется поселение на о. Березань в Нижнем

Побужье, существовавшее во второй половине VII в. до н.э. Однако не исключен и «западный путь», наличие которого вполне допустимо на фоне широких «западных» связей Немирова, прослеживающихся в его материальной культуре, на что в свое время обратил внимание еще А. А. Спицын (см. Смирнова 1996: 80–81; 1998: 115–116; и др.) (см. гл. 4; 6). В первой половине VI в. до н.э. ситуация кардинально меняется — связи между греческими центрами и жителями городища стали менее интенсивными или же перешли на качественно иной уровень.



## ГЛАВА 6. Периодизация и хронология Немировского городища в раннем железном веке

### 6.1. Периодизация и хронология согласно Г. И. Смирновой

Создание периодизации и выявление времени существования городища в раннем железном веке стало возможным после кабинетных исследований, проведенных в 1990-е гг. (Смирнова 1992: 90–91). Г. И. Смирнова предложила периодизацию материальной культуры Немирова в раннем железном веке, охватившую вторую половину VIII — первую половину VI в. до н.э. (Смирнова 2001а: 12–16; 2002) (рис. 168).

Развитие материальной культуры в раннем железном веке на Немировском городище она разделила на три фазы, которые были соотнесены с принятыми тогда датировками раннескифской культуры. **Основу этой периодизации** составили: 1) реконструируемые стратиграфические данные (в случаях, где это возможно); 2) планиграфические наблюдения; 3) материалы из закрытых комплексов (в случаях, где это возможно); 4) изменения в керамическом комплексе (простая/кухон-

ная посуда); 5) датировки изделий-хроноиндикаторов (греческая керамика и изделия раннескифских типов).

В основу периодизации Немировского городища Г. И. Смирнова положила разделение керамической коллекции на предскифский и скифский горизонты, а также представление о том, что

«в древнейшей скифской истории был не только греческий колониальный период, но и более ранний — доколониальный» (Смирнова 2002: 217).

Все периоды были соотнесены с принятыми тогда датировками раннескифской культуры (РСК).



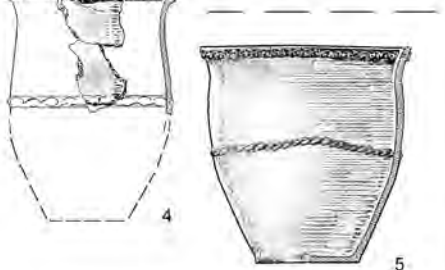
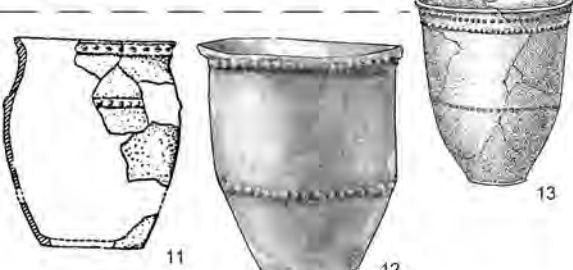
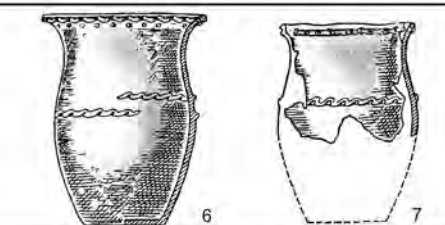
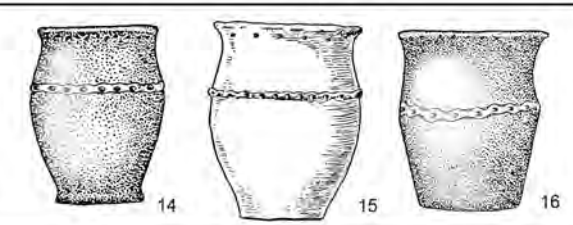
По Г. И. Смирновой, в развитии материальной культуры раннего железного века выделяются три фазы или этапа:

«1) предскифский или финальнопозднечернолесский = раннежаботинский, вторая половина VIII — начало VII в. до н.э. (остатки наземного сооружения и несколько ям);

*Рис. 168. Немировское городище.*

*Периодизация Г. И. Смирновой развития материальной культуры в раннем железном веке на примере грубой/кухонной керамики в хронологической схеме раннескифской культуры.*

*1–7 — Немировское городище;  
8 — Журовка, курган 40б;  
9–10 — Репяховатая Могила, погребение 2;  
11 — Яснозорье, курган 6;  
12 — Малая Офирна;  
13 — Перепахиха;  
14–15 — Оситняжка, курганы 8 и 9;  
16 — Константиновка, курган 15  
(по Смирнова 2002: рис. 1)*

ЭТАПЫ	Немировское городище в Южном Побужье	Среднеднепровское Правобережье	Даты
РСК 3 Раннескифский этап: колониационная фаза			Вторая пол. VII- первая пол. VI вв. до н.э.
РСК 2 Раннескифский этап: доколониационная фаза= среднежаботинский этап			Вторая четверть VII в. до н.э.
РСК 1 Финальная фаза позднего Чернолесья= раннежаботинский этап			Середина VIII - первая четверть VII в.в. до н.э.

2) раннескифский, доколониционный, вторая четверть — середина VII в. до н.э., соответственно, РСК-2 (I-й период функционирования землянки № 2, ямы и наземные очаги);

3) раннескифский, колониционный, третья четверть VII — VI в. до н.э., соответственно, РСК-3 (землянка № 1, II-й период функционирования землянки № 2 и ямы) (Там же).

Создавая эту хронологическую схему, Г. И. Смирнова опиралась на местные, скифские и греческие материалы. Однако гальштатская составляющая материального комплекса не была учтена в ее периодизации, принята как сопутствующая, а механизм гальштатских влияний оставался в итоге неясным (см. Вахтина, Кашуба 2012: 320 сл.).

Однако предложенная Г. И. Смирновой периодизация не теряет своей актуальности: она выступает хорошей основой и несет потенциал для обновления. В свете новых данных периодизация развития материальной культуры Немировского городища в раннем железном веке нуждается в дополнениях и изменениях, в том числе она должна согласовываться с общей схемой развития материальной культуры Немирова в разные исторические эпохи. В соответствии с этим для обозначения культурно-хронологического горизонта раннего железного века принята аббревиатура «Немиров-III.1» (см. Заключение, табл.).

С позиций наших сегодняшних знаний необходимо учитывать, что в последние десятилетия была реализована тенденция к удревнению предскифских и раннескифских культур Северного Причерноморья, хронологической системы гальштатского периода Средней Европы, а также отдельных категорий восточно-греческой керамики (см. гл. 4; 5). Эти данные необходимо применить к материалам раннего железного века из Немирова, как и прояснить культурную атрибуцию и характеристику трех фаз развития (см. ниже).

Приведем обоснования для обновления периодизации.

## 6.2. Возможности керамического комплекса для построения периодизации

### *Простая/кухонная посуда*

При выделении *предскифского (финально-позднечернолесского = раннежаботин-*

*ского) пласта* на Немировском городище для Г. И. Смирновой определяющую роль сыграла простая/кухонная посуда (см. Смирнова 2001б; 2002). Об этом кратко упомянуто в гл. 4.3 и 4.5, но аргументация Г. И. Смирновой приведена здесь.

Г. И. Смирнова по всем морфологическим и технологическим признакам выделила группу простой/кухонной посуды, которая казалась характерной для позднего, в том числе и финального Чернолесья, широко изученного как в Приднепровье, так и в Приднестровье. Относя финальночернолесскую группу посуды из Немирова к этапу РСК-1, ее абсолютный возраст она условно определила второй половиной VIII — началом VII в. до н.э. При этом она отметила, что к этому времени могут принадлежать отдельные находки вещей на городище, например, некоторые типы наконечников стрел. Она писала<sup>99</sup>:

*«Основной раннескифский слой был разделен на два жилых горизонта: первый условно обозначенный как "доколониционный" и второй — "колониционный", учитывая аспект вовлечения местного населения в культурные контакты с греческим миром. Представляется допустимым отмеченные горизонты сопоставлять с этапами РСК-2 и РСК-3, выделенными на материалах раннескифских курганов Среднего Поднепровья и Северного Кавказа.*

Конкретно основанием для разделения немировской раннескифской коллекции на две группы послужила бросающаяся в глаза *разница в кухонной посуде*, впервые наметившаяся при сравнительном изучении керамики из закрытых комплексов — землянок и хозяйственных ям. Оказалось, что в одних землянках, ямах и наземных очагах преобладают горшки баночного и тюльпановидно-баночного профиля с двумя высокими налипными расчлененными валиками, размещенными под краем венчика и посередине тулова (рис. 168, 4, 5). От тюльпановидных удлинённых горшков чернолесского типа с низкими валиками их отличает грубая обработка поверхности, приземистость и место размещения второго валика не у основания шейки, а ниже — по тулову. В других

<sup>99</sup> Нумерация рисунков, на которые ссылается Г. И. Смирнова, дается согласно общей нумерации иллюстраций в настоящей книге, также единообразно оформлена цитируемая ей литература.

грунтовых жилищах и ямах господствуют баночные горшки с одним расчлененным валиком, помещенным под краем (рис. 168, 1–3).

И поскольку определенное хронологическое значение имеет грубая керамика, в массовом количестве представленная в Немирово, за неимением соответствующих погребальных памятников на Южном Буге, будет правомерным посмотреть, с какими хроноиндикаторами она сочетается в курганных комплексах Среднеднепровского Правобережного региона.

Грубые горшки тюльпановидно-баночной формы с высоким валиком на тулове, иногда сочетающимся с валиком под венчиком, известны уже в курганах финальночернолесского – раннежаботинского круга — Квитки (Ковпаненко, Гуцало 1984: 39–58, рис. 13, 5), курганы № 8, 10 у с. Оситняжка, № 15 у с. Константиновка (Ильинская 1975: 28, 36, табл. XIV, 9; XXI, 10, 12) (рис. 168, 14–16). Представлены они и на поселении Тарасова Гора у с. Жаботин, но уже с двумя высокими валиками под венчиком и на тулове (Покровская 1973: 176, рис. 5, 7, 9). Относительный возраст последних уточнялся В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным во время раскопок 1972 г. на Жаботинском поселении (раскоп ХХ). По их данным, подобные горшки происходят из ямы от заброшенного жилища не раннего, а позднего жилого горизонта на поселении (Ильинская, Тереножкин 1983: 259).

К сожалению, многочисленные коллекции всех лет раскопок Жаботинского поселения до сих пор надлежащим образом не опубликованы, поэтому полной картины эволюции керамического материала по намечаемым на нем жилым горизонтам не имеется. Остается только ждать, когда будет проделана и закончена М. Н. Дараган обработка этого важнейшего для изучения начала скифской истории лесостепи собрания (Дараган 2001: 49–52). А пока сошлемся еще на одно поселение, открытое у с. Крещатик в Поросье, где убедительно, по грубой посуде в первую очередь, выделяется раннескифский горизонт (Покровська и др. 1971: 101–105, рис. 7, 4, 8, 12). Исходя из особенностей кухонной посуды (характер обработки поверхности, наличие двух расчлененных валиков, один из которых на тулове) из заглублен-

ных в грунт жилищ, очагов и ям этого горизонта на Крещатике, его можно сопоставлять с первым раннескифским слоем Немировского городища.

Близкие типы сосудов как в «позднем» Жаботине, на Крещатике и в первом раннескифском горизонте Немирова, встречаются в архаических скифских курганах Среднего Поднепровья (рис. 168, 11–13). Они происходят из погребения № 1 в кургане № 6 в Яснозорье (Ковпаненко и др. 1994: 57–58, рис. 5, 5), из Малой Офирны (Петровська 1968: 164, рис. 6, 7) и Перепятихи (Скорый 1990: 44–46, рис. 7, 1), где в разных сочетаниях найдены вместе с ранними типами оружия (наконечники стрел, копья, мечи) и деталей конской узды (стремечковидные удила, железные трехпетельчатые псалии и бронзовые грызла — трехдырчатые с муфтообразными выступами, с концами в виде копыта). Из других видов архаических находок уместно назвать железный тесловидный топор с выступами (Малая Офирна), зеркало с центральной петельчатой ручкой и бляшки-аппликации из золота и серебра в виде грифонов, выполненных в традициях древневосточного искусства (Перепятиха).

В целом, таких курганных комплектов с сосудами рассматриваемого типа оказалось пока что немного. Это объясняется редким использованием горшков кухонной категории в качестве погребальных аксессуаров. Но можно рассчитывать, что при дальнейшем целенаправленном просмотре похоронных приношений из могил среднеднепровского Правобережья их удастся выявить.

К примеру, в последнее время опубликован еще один комплекс с сосудом такого рода из кургана, раскопанного в 1994 г. у с. Иванковичи в Киевском Поднепровье. Из вещей оставшихся после ограбления могилы важны двухлопастные наконечники стрел с шипом или без него, трехгранные стрелки, раковины-каури, фрагмент золотой бляшки или пластины в виде строенных окружностей, костяные пряжки-пронизи (Скорый и др. 1994: 127–134, рис. 8, 1, 5–8, 11, 13; 9). Авторы публикации после всестороннего изучения этих предметов уверенно относят могилу у с. Иванковичи к концу VII — началу VI в. до н.э. Завышена эта дата или нет — покажет будущее, но нам представляется, что



некоторые из найденных типов вещей (раковины-каури, наконечники стрел келермесского типа, пряжки-пронизи), по приведенным этими авторами параллелям, охватывали всю вторую половину VII в. до н.э., иногда с заходом в конец первой половины этого столетия.

Во всех выше названных курганах скифской архаики не оказалось греческого импорта. Многие предметы скифских типов из этих могил, по последним данным, характерны для второго этапа РСК (приблизительно вторая четверть VII в. до н.э.), что соответствует доколониационному периоду жизни на Немировском городище. И если нижний рубеж первого раннескифского горизонта на городище попадает на начало второй четверти VII в. до н.э., то верхняя граница, судя по находкам греческой посуды во втором горизонте заполнения землянки № 2, приходится на вторую половину VII в. до н.э. Но поскольку переход к следующему второму раннескифскому горизонту был плавным, временную грань между этими двумя жилыми пластами в пределах второй половины VII в. до н.э. вряд ли в настоящее время можно провести.

Второй раннескифский горизонт жизни на городище обеспечен более вескими хронопоказателями. Это греческий импорт, относящийся к третьей четверти VII — VI в. до н.э. и в ряде случаев зафиксированный в закрытых комплексах с указаниями в полевой описи на номера квадратов и глубин...

Из их числа вызывает особый интерес землянка № 1, по данным М. Ю. Вахтиной, функционировавшая в начале последней четверти VII в. до н.э. и прекратившая существование после середины последней четверти этого столетия. Приблизительно к рубежу VII—VI вв. до н.э. котлован жилища № 1 был засыпан (Вахтина 1998а: 135, рис. 6). Примечательно, что во время жизни этой постройки и позже, в ее заполнении, преобладают типичные для второй фазы раннескифской культуры кухонные баночные горшки с одним расчлененным валиком и проколами под венчиком (рис. 168, 1–3) (Смирнова 1998б: 86, 108, рис. 6, 3, 6; 17, 6, 7; 18, 5, 9). Как известно, такие же сосуды баночной формы встречаются в курганных комплексах как второй половины VII, так и в VI вв. до

н.э. (то есть на этапе РСК 3). Это Журовка 406, 411, Репяховатая Могила 2 (рис. 168, 8–10), Бобрица 37, Макеевка 492 и др. (Ильинская 1975: 144, рис. 22, 12, 14, 17; Ковпаненко и др. 1989: 56, рис. 10, 16–19).

Такова последовательность изменений в архитектонике кухонной посуды и в приемах ее орнаментации от предскифского горизонта до "колониационной" фазы развития скифского архаического пласта на городище (рис. 168)» (Там же).

Заключение Г. И. Смирновой по изменениям архитектоники и декора простой/кухонной посуды оказались важными не только для керамического комплекса Немировского городища, но и ряда других памятников лесостепи.

Однако с момента публикации работ Г. И. Смирновой по периодизации и хронологии Немировского городища существенно изменились представления ученых о хронологии и содержании раннескифского периода в культурно-историческом развитии Северного Причерноморья. В результате исследований А. Ю. Алексеева была выявлена существенная разница в материальной культуре раннескифского и классического скифского периодов, которые были отнесены, соответственно, к Архаической/Древней и Геродотовой/Классической Скифии (см. Алексеев 2003; и др.). Датировки многих курганных комплексов, на которые в качестве аналогий опиралась в начале 2000-х гг. Г. И. Смирнова, были понижены, в отдельных случаях до 25–30 и более лет. Важным оказалась новая датировка опорного для РСК-1 кургана 524 возле с. Жаботин, помещенная около середины VIII в. до н.э. (см. Рябкова 2014; 2015).

Значительные изменения коснулись представлений и датировок материального комплекса Жаботинского поселения. Согласно современным данным, дата его основания приходится на период около 800 г. до н.э. (см. Дараган, Кашуба 2008: 68 сл.; Дараган 2011: 545–551). Хронологические наблюдения Г. И. Смирновой по изменению архитектоники кухонных сосудов в Немирово были применены и успешно сработали при изучении грубой/кухонной посуды Жаботинского поселения. Там выявлена сходная динамика развития формы этого категории керамики: от тюльпановидно-баночной формы с высоким валиком на тулове, иногда сочетающимся

с валиком под венчиком, до баночных горшков с одним расчлененным валиком, помещенным под краем (см. выше). Одно из важнейших заключений — в свете новых данных речь идет о «жаботинской культуре», которая занимала южную лесостепь Правобережья Днестра и отчасти Побужье (см. Дараган 2011: 758 сл.). Стоит отметить, что применительно к Северному Причерноморью термин «жаботинский этап» для характеристики развития VIII–VII вв. до н.э. фактически перестал использоваться.

Новое же обращение к материалам Немировского городища показало, что простая/кухонная посуда явно демонстрирует местную линию развития, однако в заполнении полузакрытых комплексов (например, землянка № 2) были обнаружены разные ее формы, несущие в том числе архаические признаки. Отсюда простая/кухонная керамика памятника не была нами разделена на доскифские и раннескифские формы (см. гл. 4).

В свете сказанного выше первая фаза развития материальной культуры раннего железного века Немировского городища теперь не рассматривается как финально-позднечернолесская (= раннежаботинская), как это полагала Г. И. Смирнова. Речь должна идти о скифской архаике, представленной раннескифской культурой, которая имеет в Побужье свои региональные особенности и соответствует этапу РСК-1 в Северном Причерноморье.

### **Лощеная (столовая) посуда**

В своей периодизации Немировского городища Г. И. Смирнова не приняла во внимание гальштаттский компонент, хотя максимально (насколько это было возможно) его выявила и изучила (см. гл. 4.7). Для нее факт воздействия керамического комплекса Восточного гальштатта, как и периферийных областей Карпато-Подунавья, на формирование материальной культуры Немировского городища и многих лесостепных памятников раннескифского времени Северного Причерноморья был очевиден. Это влияние или «органическое сходство <...> лощеной керамики» она считала настолько ощутимым, что даже предложила

**«включать раннескифские памятники лесостепной зоны Северного Понта в широкий круг гальштатоидных культур Средней Европы» (Смирнова 2001а: 43).**

Однако Восточногальштаттский круг памятников и карпато-дунайские культуры гальштаттского времени (в первую очередь, Бырсешть-Фериджиле) она рассматривала совокупно, как «культуры гальштаттского мира Средней Европы, включая Карпато-Дунайский регион» (Смирнова 2002: 230–231), и полагала, что контакты обитателей Немировского городища с культурой Басарабь шли через группу Шолдэнешть из Среднеднестровского бассейна (см. гл. 4.7).

В последние десятилетия существенно изменились представления о характере и объеме гальштаттских материалов в Северном Причерноморье, которые уже нельзя рассматривать совокупно — как гальштатоидные, входящие в большой гальштаттский мир. Изменились взгляды и на сам гальштаттский мир, который оказался многообразным. В частности, более ясными становятся роль и характер воздействий культур рубежа II/I — первой трети I тыс. до н.э. из Карпато-Подунавья на материальный комплекс многих местных культур лесостепи Северного Причерноморья (см. Kaşuba, Leviţki 2010; Kaşuba, Левицкий 2012: 304 сл., там же библиография). Исходя из этих фактов, их нельзя рассматривать исключительно как периферийные образования гальштаттского мира, как и включать в общую систему наряду с классической гальштаттской культурой тоже не представляется возможным. Напротив, дифференциация между классической гальштаттской культурой (гальштатт-культура) и культурами гальштаттского времени (гальштатт-эпоха) позволяет и соответствующие материалы из Немировского городища отнести к определенной фазе развития в раннем железном веке (см. Kaşuba 2012).

В соответствии со сказанным выше в материальном комплексе Немировского городища выделены находки гальштаттских культур из Карпато-Подунавья (Басарабь и Бырсешть-Фериджиле), а также материалы, которые могут быть ассоциируемы с влияниями культур Восточногальштаттского круга Средней Европы (см. гл. 4). Первые могли попадать на Немиров еще в начальной фазе (Немиров-III.1.1), вторые — как в доколониационной (Немиров-III.1.2), так и колониационной фазах (Немиров-III.1.3), третьи — начиная с доколониационной фазы. Однако до получения данных естественнонаучных

анализов керамики нельзя делать весомые обоснования этим наблюдениям. Однако удалось сделать стратиграфические наблюдения (см. ниже).

### 6.3. Хронологические индикаторы

Из числа раскопанных в XX в. на Немировском городище материалов ведущим и надежным хронологическим индикатором является **импортная греческая архаическая керамика**: фрагменты расписной столовой посуды и обломки амфор. Согласно данным М. Ю. Вахтиной (см. гл. 5), на городище представлены изделия восточногреческих центров. Большинство фрагментов столовой керамики принадлежало сосудам, изготовленным в Южной Ионии; амфорный материал представлен продукцией североионийских мастерских. Подавляющее большинство столовой расписной керамики и часть амфорного материала относятся к периоду SiA Ib, которому соответствуют хронологические рамки 650–630 гг. до н.э. Датировки отдельных экземпляров несколько выходят (в сторону удревнения и в сторону омоложения) из этого хронологического отрезка (см. гл. 5, **рис. 166**). Образцы VI в. до н.э. весьма малочисленны.

Отметим, что в коллекции полностью отсутствует аттическая керамика, широкое распространение которой в варварских памятниках Причерноморья начинается с середины VI в. до н.э. Это важное хронологическое наблюдение позволяет колонизационную фазу (Немиров-III.1.3) начинать от середины VII в. до н.э., то есть сдвинуть вглубь где-то на 25 лет и заканчивать началом — первой третью VI в. до н.э. Это означает, что контакты с греками-колонистами начались на одно поколение (местных жителей) раньше, чем было принято считать. С таким удревнением согласуются и датировки отдельных изделий раннескифских типов, также «уходящие вниз» где-то на 25 лет и более.

**Изделия раннескифских типов**, которые являются хроноиндикаторами, хотя не имеют четких археологических контекстов, также обеспечивают выделение трех фаз развития на Немировском городище. Это предметы вооружения, детали конской упряжи и предметы туалета (см. гл. 4.6).

Среди **бронзовых наконечников стрел** группа наиболее ранних (ромбовидные

жаботинского типа и лавролистные) относится ко второй половине VIII в. до н.э., согласно последним разработкам, и маркирует раннюю/начальную фазу (Немиров-III.1.1). Трехлопастные и трехгранные наконечники стрел приходятся на широкий хронологический диапазон второй четверти VII — первой четверти VI в. до н.э. *Оба псалия* из Немирово имеют характеристики, позволяющие соотносить их с РСК-2 или второй четвертью VII в. до н.э. Головка в виде грифобарана на одном из них, согласно последним разработкам стилистики этого образа, позволяет уточнить его датировку в сторону удревнения — где-то в конец этапа РСК-1. Костяная *палочка-застежка* принадлежит к числу деталей футляра-колчана, входящих в инвентарь курганных погребений этапов РСК-2 и РСК-3.

Предметом, типичным для скифской архаики, является массивная *ручка бронзового зеркала*, но вопрос определения типа изделия (так называемые скифо-ольвийские или «смешанные» пелопоннесско-скифские зеркала) остается пока открытым. По условиям находки массивная *ручка бронзового зеркала* вполне укладывается в хронологические рамки этапа РСК-3, скорее, его начала. Стоит также принимать во внимание, что изготовление сломанного в древности зеркала и его бытование могло относиться еще к более раннему времени, что вызывает вопрос о его датировке и датах зеркал близкого типа (см. Вахтина, Кашуба 2016: 42 сл.). Сходство костяного *десятизубчатого гребня с вертикальной ручкой* с костяным гребнем из кургана 2 у с. Перебыковцы на Среднем Днестре позволяет уточнить возраст находки в пределах второй половины VII в. до н.э.

### 6.4. Стратиграфические наблюдения

Соотношение датировок разных категорий находок удалось проверить благодаря распознанным из полевых описей стратиграфическим данным (**рис. 169; 170**). Как было неоднократно отмечено выше, греческие и скифские находки, к сожалению, редко увязываются с конкретными закрытыми комплексами на поселении. Из-за изъянов в полевой фиксации этих артефактов по глубинам и квадратам снижаются возможности их привязок к определенным хронологическим



горизонтам скифской архаики, выделяемым на городище.

По этим причинам фактически невозможно точная привязка к местному материалу греческой керамики, найденной, судя по записям в «дневниках», в землянке № 2. Те 15 фрагментов расписной греческой посуды, которые числятся в полевой описи 1947 г. (шифр ЮП I 2900–2914), кроме номера раскопа 3.I, вообще не имеют указаний на конкретное место и глубину их нахождения, хотя среди них, можно полагать, были и те обломки, которые происходят непосредственно из землянки № 2. Тем не менее, по записям в дневниках удалось уяснить, что **при расчистке пола и очага первого древнейшего горизонта жизни землянки № 2 находки античной посуды не отмечены.** Отсутствие греческого импорта в начальный период жизни этой постройки, так же как и в других объектах первого раннескифского

горизонта (яма № 3 в раскопе № 2 «у вала», нижний горизонт заполнения грунтовой хозяйственной «постройки» в квадратах XL, XLla, XLlb раскопа 3.IV (1948), наземная постройка с глинобитным очагом и тремя хозяйственными ямами в квадратах M, N/III-V в раскопе 3.V/1 (1948))<sup>100</sup> с определенной долей условности можно объяснить их принадлежностью к доколониционной фазе существования городища (см. Смирнова 1998а: 108, рис. 19; 23, 2–4; 24, 1–7).

Проведенный авторами анализ вещевых комплексов (керамика, индивидуальные находки) землянок № 1–3 показывает (см. Вахтина, Кашуба, 2014; Кашуба, Вахтина 2014),

<sup>100</sup> В существующей документации Юго-Подольской археологической экспедиции 1946–1948 гг., при отсутствии полевых отчетов, фактически нет единой нумерации раскрытых на городище ям. Все ямы, за редким исключением, в дневниковых записях и на графических документах увязаны только с конкретными обозначениями раскопов и квадратов.

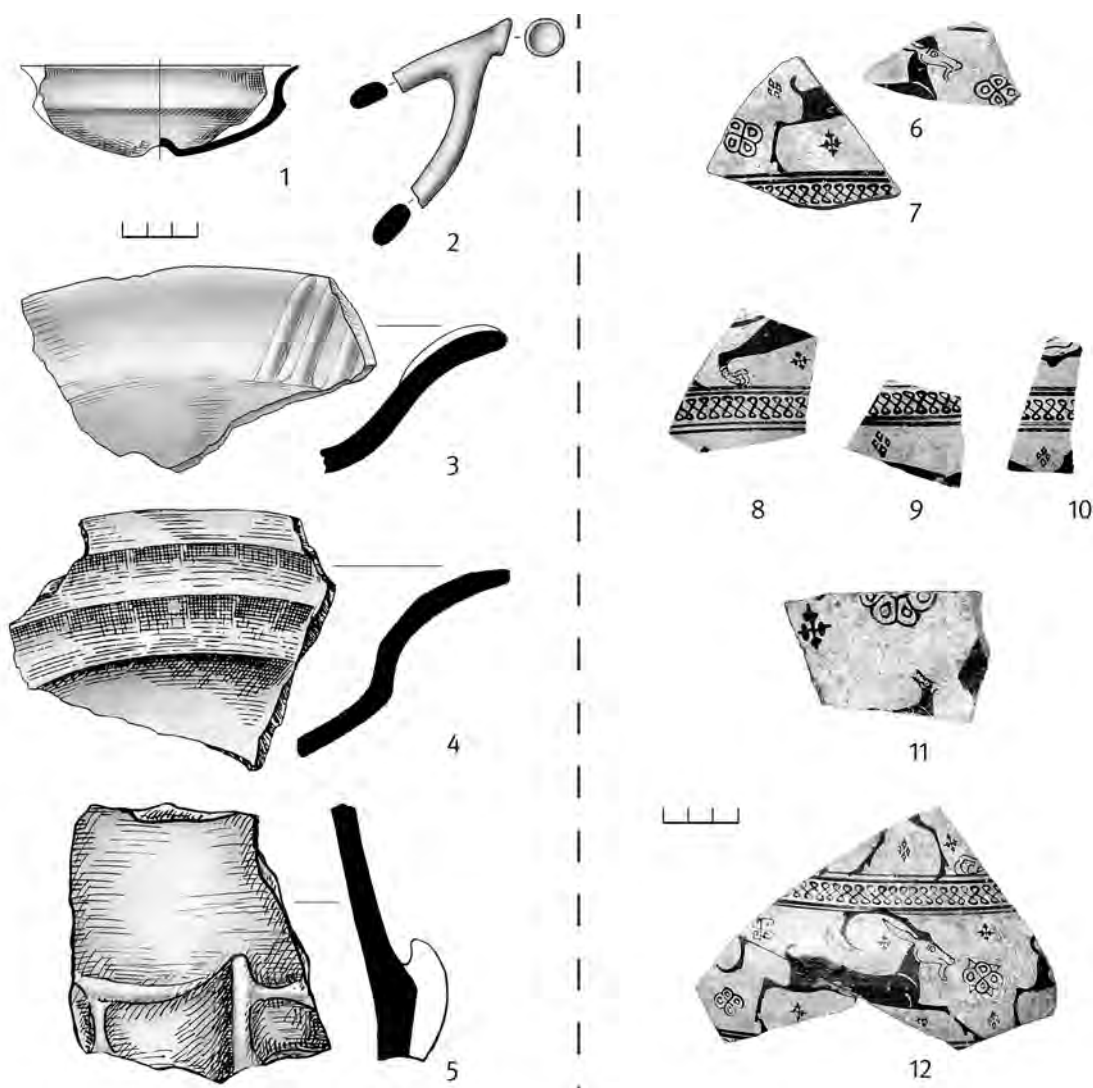
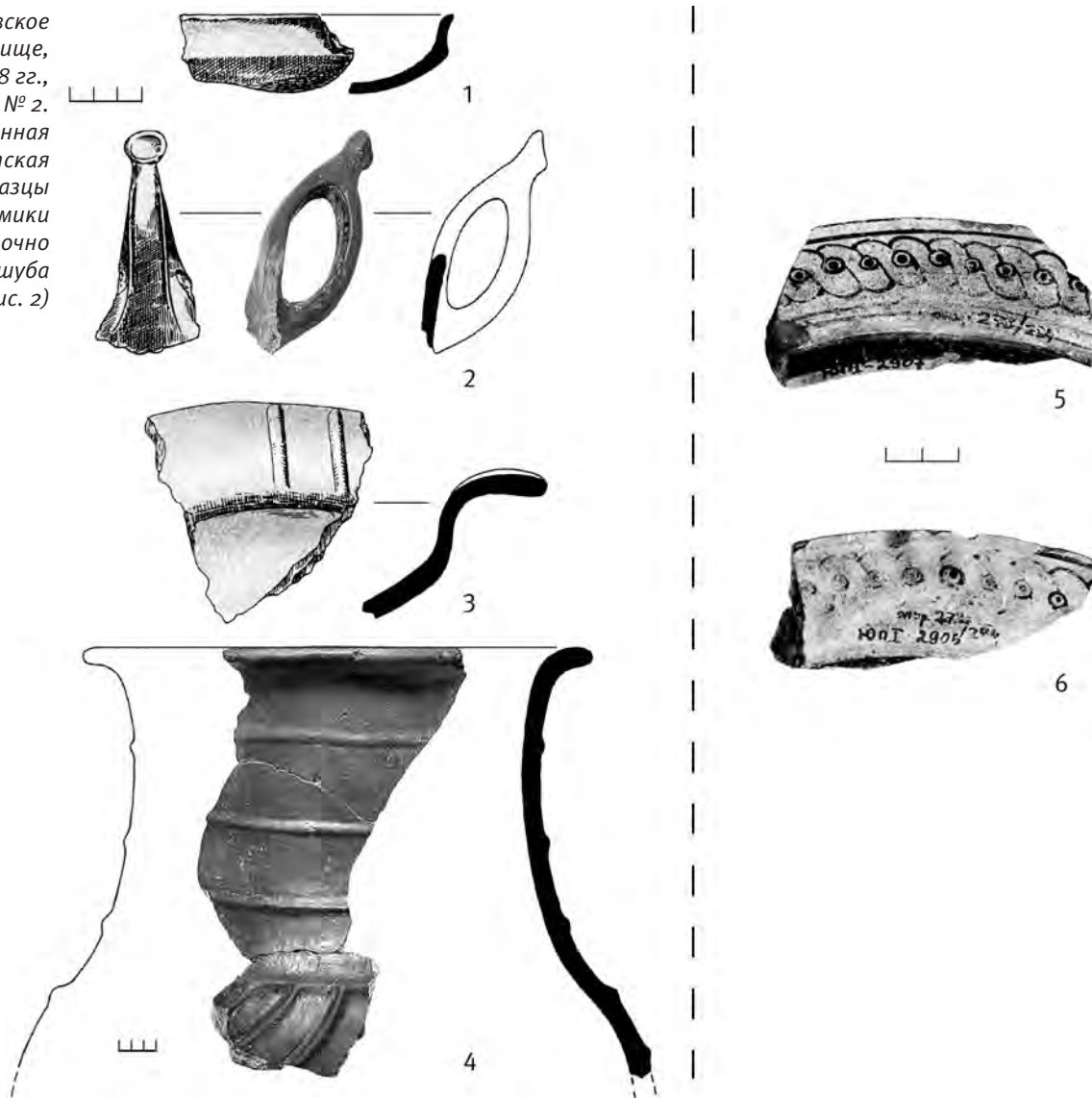


Рис. 169. Немировское городище, раскопки 1946–1948 гг., землянка № 1. Качественная гальштаттская посуда (1–5) и образцы греческой керамики (6–12); выборочно (по Вахтина, Кашуба 2014: рис. 1)

Рис. 170. Немировское городище, раскопки 1946–1948 гг., землянка № 2. Качественная гальштаттская посуда (1–4) и образцы греческой керамики (5–6); выборочно (по Вахтина, Кашуба 2014: рис. 2)



что в двух землянках (№ 1 и № 2) ранняя античная керамика (рис. 169, 6–12; 4, 5, 6) встречается совместно с качественной гальштаттской посудой (рис. 169, 1–5; 170, 1–4) и типичными лесостепными формами (см. гл. 4). И если в землянке № 1 зафиксирован один период обитания, и ранняя греческая керамика (девять фрагментов) найдена в заполнении, придонной части и на полу этого жилища (рис. 169, 6–12), то в землянке № 2 — греческая керамика (два фрагмента) обнаружена в придонной части второго горизонта обитания (рис. 170, 5, 6).

Достоверно можно утверждать, что в числе материалов, обнаруженных на дне землянки № 1, которая имела один строительный горизонт, встречены два небольших фрагмента стенок южноионийских закрытых сосудов (предположительно ойнохой) (рис. 169, 7–8), а на глубине 1,75 м от края

землянки (в ее придонной части) был найден еще один фрагмент фриза сосуда этого же типа (рис. 169, 12). Фрагменты, найденные на дне и в заполнении придонной части, можно отнести к периоду MWG I или SiA Ib, что приходится на 650/640–630/625 гг. В заполнении землянки № 1 также встречались обломки греческой керамики (Вахтина 1998а: 130, рис. 4, 1–7), некоторые из них можно отнести к периодам MWG II или SiA Ic (рис. 169, 6). В землянке № 3 греческая керамика отсутствовала, но найденная там варварская керамика типологически близка керамике из землянки № 1.

Таким образом, строительство землянки № 1 и перестройку землянки № 2 (второй горизонт обитания) можно датировать, по меньшей мере, второй четвертью VII в. до н.э. (к этой дате тяготеет и землянка № 3 с двумя периодами обитания), при этом первый строитель-

ный горизонт землянки № 2 может приходиться на рубеж VIII/VII — начало VII в. до н.э.

Анализ материалов показывает, что восточно-греческая керамика в Немирове, по всей видимости, появляется *после «гальштаттского импульса»* (в широком смысле этого термина, включающего и гальштаттские культуры из Карпато-Подунавья), сосуществуя в замкнутых комплексах вместе с качественной лощеной (гальштаттской) посудой.

### 6.5. Обновленная периодизация

Таким образом, датировки изделий-хроноиндикаторов раннескифского облика из Немировского городища на определенном временном отрезке согласуются с хронологическими рамками греческой керамики середины VII — начала/первой трети VI в. до н.э. Материальный комплекс городища определенно охватывает весь VII в. до н.э., с хорошим выходом в конец — вторую половину VIII в. до н.э.

Исходя из новых датировок и представлений о содержании материальной культуры Немировского городища, периодизация ее развития в раннем железном веке выглядит следующим образом (рис. 171):

**Немиров-III.1.1:** ранняя/начальная фаза, раннескифская культура, конец VIII — рубеж VIII/VII в. до н.э., РСК-1 (основание: остатки наземного сооружения, ямы, местная арха-

ическая керамика, гальштаттская керамика, изделия-хроноиндикаторы: раннескифские типы);

**Немиров-III.1.2:** доколониционная фаза, раннескифская культура, первая половина VII в. до н.э., РСК-2 (основание: I-й период функционирования землянки № 2, ямы, наземные очаги, гальштаттская керамика, изделия-хроноиндикаторы: раннескифские типы);

**Немиров-III.1.3:** колониционная фаза, раннескифская культура, вторая половина VII — первая половина VI в. до н.э., РСК-3 (основание: землянка № 1; II-й период функционирования землянки № 2, ямы, изделия-хроноиндикаторы: греческий импорт, раннескифские типы).

Согласно полученным в XX в. данным, материальная культура Немировского городища может быть охарактеризована как лесостепная раннескифская — то есть Немиров является памятником раннескифского периода.

### 6.6. Значение и место Немировского городища в раннем железном веке

При рассмотрении находок раннего железного века из Немировского городища как культурно-исторического явления в материальной культуре выявляются *несколько слагающих компонентов* (рис. 172).

*Рис. 171. Немировское городище. Обновленная периодизация развития материальной культуры в раннем железном веке*

2002 (по Г. И. Смирновой)			2018 (по М. Т. Кашубе, М. Ю. Вахтиной)		
Периоды	Даты	Основание	Даты	Периоды	Фазы
<b>РСК 3</b> раннескифский этап: колониционная фаза	Вторая половина VII — первая половина VI в. до н.э.	Землянка № 2 — II период; ямы; изделия-хроноиндикаторы: греческая керамика, раннескифские типы	Вторая половина VII — начало/первая треть VI в. до н.э.	<b>РСК 3</b> раннескифская фаза, колониционная	<b>Немиров-III.1.3</b>
<b>РСК 2</b> раннескифский этап: доколониционная фаза = среднежаботинский этап	Вторая четверть VII в. до н.э.	Землянка № 2 — I период; ямы; наземные очаги; гальштаттская (карпато-дунайская) керамика; изделия-хроноиндикаторы: раннескифские типы	Первая половина VII в. до н.э.	<b>РСК 2</b> раннескифская фаза, доколониционная	<b>Немиров-III.1.2</b>
<b>РСК 1</b> финальная фаза позднего Чернолесья = раннежаботинский этап	Середина VIII — первая четверть VII в. до н.э.	Остатки наземного сооружения; ямы; местная керамика с архаическими признаками; изделия-хроноиндикаторы: раннескифские типы	Конец VIII — рубеж VIII/VII вв. до н.э.	<b>РСК 1</b> раннескифская фаза, начальная	<b>Немиров-III.1.1</b>



*Местный, восточноевропейский компонент.* Базовая составляющая материальной культуры — это лесостепная культура раннескифского времени, несущая региональную специфику с местными (позднечернолескими?) корнями и ощутимым вкладом культуры поздне- и пост-Гава-Голиграды). К числу восточноевропейских материалов принадлежат и предметы раннескифских типов: часть из них могла попасть непосредственно от носителей раннескифского комплекса, другие — путем торговли или дарения/обмена.

*Гальштаттский компонент* мог появиться вследствие нескольких гальштаттских импульсов (волн передвижений?) из Карпато-Подунавья (гальштаттские культуры Басарабь и Быршесть-Фериджиле) и опосредованно(?) из среднеевропейских культур Восточногальштаттского круга(?).

*Греческий компонент* представлен исключительно восточно-греческой керамикой, большая часть которой приходится на середину — вторую половину VII в. до н.э. Вполне вероятно, что жители могли получить эти высокохудожественные сосуды в качестве дипломатических даров или обменивать на них какие-то товары.

Таким образом, в материальной культуре Немировского городища раннего желез-

ного века при местной основе (лесостепная раннескифская(?) культура) прослежены пришлое компоненты: раннекочевнический (находки раннескифских типов), гальштаттский карпато-дунайского происхождения (керамика культур Басарабь и Быршесть-Фериджиле), гальштаттский среднеевропейский(?) (керамика/технология(?) Восточногальштаттского круга(?)) и греческий (архаическая расписная керамика) (рис. 172). Эти представления дают возможность приблизиться к пониманию того поликультурного («варварского») мира, который вступил в первые контакты с греками.

В раннескифский период материальная культура этого памятника маркирует в Северном Причерноморье гальштаттский импульс VII в. до н.э. из Карпато-Подунавья и, через него, далее — из Средней Европы. Немировское городище стало центром распространения гальштаттского влияния. В этой связи по-иному следует рассматривать вопрос о появлении большого количества образцов ранних греческих сосудов, свидетельствующих о том, что существовала определенная категория лиц, ценивших эти предметы. Однако гальштаттские влияния в материальной культуре, наиболее ярко проявившиеся в середине — второй половине VII в. до н.э., уже к середине VI в. до н.э. себя исчерпали. По

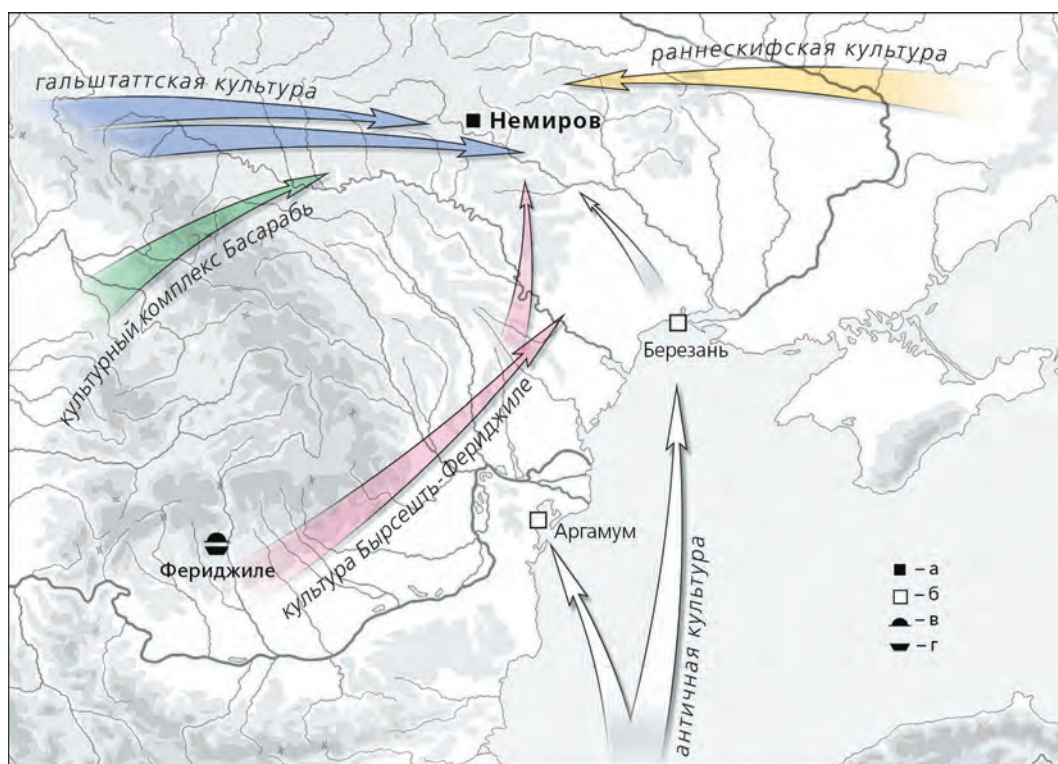


Рис. 172. Культурные импульсы и контакты, отразившиеся в материальной культуре раннего железного века Немировского городища. Условные обозначения: а — городище; б — греческие колонии/эмпорци; в — курганный могильник; г — грунтовый могильник

неясным пока причинам около середины VI в. до н.э. жизнь на городище прервалась. По крайней мере, на раскопанных в XX в. участках нет достоверных материалов, относящихся к этому времени. На городище пока не выявлены и материалы времени Геродотовой/Классической Скифии. Складывается впечатление, что оно было единовременно покинуто жителями.

Согласно имеющимся данным, Немировское городище могло представлять собой один из важных административно-хозяйственных, идеологических центров Европейской/Архаической Скифии. Региональная специфика Побужья заключалась в том, что в раннескифский период культурно-историческое развитие этой территории определялось дальними связями с носителями европейских гальштатских традиций и первыми контактами с греками. Это меняет устоявшиеся традиционные представления, согласно которым Восточной Подолии отводилась роль промежуточной территории между Днепровским и Днестровским бассейнами. Проанализированные материалы формируют впечатление, что Побужский регион, особенно Восточная Подолия, где расположено Немировское городище, являлся территорией транзитов — через нее осуществлялся трансферт технологий, идей, шло перемещение людей, преимущественно в широтном направлении: из Причерноморья в Карпатскую котловину (и да-

лее — западнее) и обратно. Наличие водной артерии (Южный Буг) способствовало транзитам в широтном и, частично, в меридиональном направлении — в глубинную лесостепь и лесную зону. Вполне вероятно, что в качестве транзитной территории регион мог выступать в разные исторические эпохи.

По материалам раннего железного века Немировского городища на Южном Буге можно проследить *совпадение ритмов развития нескольких и разных культурных миров (рис. 173)*. «Затухание» первоначального, «ионийского» импульса греко-варварских связей синхронно не только угасанию жизни на городище, но и, шире, приблизительно соответствует рубежу, разделяющему: 1) архаическую скифскую и классическую скифскую культуры Северного Причерноморья, 2) Гальштатт и Латен Средней Европы, 3) две эпохи в истории Древней Греции — архаическую и классическую.

Проведенный анализ материалов из старых раскопок демонстрирует потенциал материальной культуры этого памятника для ее дальнейшего изучения. При наличии новых современных полевых исследований Немировское городище может не только выступить опорным региональным памятником Восточной Подолии, но также иметь важное значение для раннего железного века Северного Понта и сопредельных территорий древней Европы.

СРЕДНЯЯ ЕВРОПА	ГРЕЦИЯ	СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ			Лет до н. э.
		Днестровско-Прутское междуречье	Среднее Побужье	Периодизация (лесостепь и степь)	
Lt A	классический период	классическая гетская культура		классический скифский период	500
	поздняя архаика				
Ha D	зрелая архаика	раннегетская культура	↑↑↑ Немиров	раннескифский период	600
Ha C	ранняя архаика	позднегальштаттские группы	↓↓↓ ??	предскифский период	700
		↑↑↑ Шолдэнешть (Басарабь-Шолдэнешть)			
Ha B3	«темные века»	Сахарна- Шолдэнешть			800

Рис. 173. Синхронизация периода бытования Немировского городища в раннем железном веке (по данным раскопок в XX в.) с хронологическими схемами и периодами развития Средней Европы, Древней Греции и Северного Причерноморья

## Заключение

Местность, на которой сейчас находится Немировское городище на Южном Буге, была заселена в разные исторические эпохи начиная с энеолита. Однако разновременные материалы представлены на раскопанной территории памятника неодинаково полно и равноценно.

**Энеолит** представлен исключительно находками (массовый материал, изделия), к **эпохе бронзы** относятся фрагментированный кельт из культурного слоя (1910). **Ранний железный век** наиболее полно представлен раннескифской культурой, к которой относятся комплексы, объекты и находки (массовый материал, изделия). Другие культуры этой эпохи (латен, римское время) представлены незначительными коллекциями керамики и отдельными предметами. В **средневековье** на памятнике обитало население, оставившее древнерусскую археологическую культуру (комплексы, объекты и находки). Однако эти материалы в нашей работе не рассматривались и ждут своего исследователя. Судя по отчету С. С. Гамченко (1909), на памятнике имеются и материалы **нового времени**. С **новейшим временем** соотносится комплекс находок бытовой деревенской культуры XIX–XX вв. Все имеющиеся на Немировском городище материалы, которые принадлежат к различным поселениям разных исторических эпох, легли в основу общей периодизации этого памятника (таблица).

Выделено шесть периодов заселения территории Немировского городища:

**НЕМИРОВ-I**, энеолит (вторая половина IV тыс. до н.э.); трипольская культура, этап С1.

**НЕМИРОВ-II**, эпоха бронзы (?), конец II тыс. до н.э.

**НЕМИРОВ-III**, ранний железный век.

Подгоризонт НЕМИРОВ-III.1; фаза НЕМИРОВ-III.1.1, раннескифский период (конец VIII — рубеж VIII/VII вв. до н.э.); раннескифская культура, начальная фаза, этап РСК-1; фаза НЕМИРОВ-III.1.2, раннескифский период (первая половина VII в. до н.э.); раннескифская культура, доколониционная фаза, этап РСК-2; фаза НЕМИРОВ-III.1.3, ранний железный век, раннескифский период (вторая половина VII в. — первая половина VI в. до н.э.); раннескифская культура, колониционная фаза, этап РСК-3.

Подгоризонт НЕМИРОВ-III.2, латен (II—I вв. до н.э.) (?).

Подгоризонт НЕМИРОВ-III.3, позднеримское время (III–IV вв. н.э.); черняховская культура.

**НЕМИРОВ-IV**, средние века (X–XI вв.); древнерусская культура.

**НЕМИРОВ-V**, новое время.

**НЕМИРОВ-VI**, новейшее время.

Наиболее ранние материалы относятся к **энеолиту** и принадлежат к **трипольской культуре**. Они представлены керамикой (более 2000 фрагментов), антропоморфной и зооморфной пластикой (около 80 экземпляров), изделиями из глины, а также предметами из волынского и днестровского кремня и камня (около 50 экземпляров). Трипольский слой на раскопанной части городища был сильно разрушен более поздними культурными горизонтами, поэтому проследить какую-либо стратиграфию и планиграфию находок не представляется возможным. Тем не менее, детальный анализ керамического комплекса и изделий из пластики позволил определить место трипольского поселения Немиров в системе памятников Среднего Побужья и трипольского ареала в целом.

Особенности декора расписной керамики (монотонность орнамента, распадение спиралей в орнаментальных композициях, наличие орнитоморфных изображений) свидетельствуют о принадлежности данного поселения к началу позднего периода Триполья — *этап С1, по периодизации Т. С. Пассек, около 3700–3500 cal BC*. Признаком этого хронологического горизонта считается и появление острого ребра в профилях сосудов биконических форм. Трипольское поселение Немиров принадлежит к локальной группе среднебугских памятников (по С. А. Гусеву) этапа С1 трипольской культуры. Аналогии орнаментальным композициям керамики из Немирова прослеживаются в керамических комплексах этого же хронологического горизонта на поселениях небелевской и каневской локальных групп трипольской культуры Буго-Днепровского междуречья.

Судя по данным, полученным раскопками С. С. Гамченко (1909 г.), А. А. Спицына (1910 г.) и М. И. Артамонова (1946–1948 гг.), наиболее выдающее значение этот памятник имел в **раннем железном веке**.

Материалы, относящиеся к **раннескифской культуре**, представлены комплексами и объектами (землянки и наземное жилище, ямы, очаги), а также керамикой: варварской лепной (более 4500 фрагментов) и импортной греческой (более 100 фрагментов), изделиями из глины, камня и кремня, рога и кости, бронзы и железа (более 100). Именно в это время, как показывают разрезы оборонительных сооружений, сделанные М. И. Артамоновым и А. А. Моруженко, были возведены внешние вал и ров.



Т а б л и ц а

Культурно-хронологические горизонты Немировского городища (по материалам раскопок в XX в.)

ГОРИЗОНТЫ		ЭПОХА	ДАТЫ	КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ	МАТЕРИАЛЫ; ОСНОВАНИЕ	ПРИМЕЧАНИЯ
Немиров-I		Энеолит	Вторая половина IV тыс. до н.э.	Трипольская культура, этап С1	Керамика, антропоморфная и зооморфная пластика, изделия из глины, кремневый и каменный инвентарь	Культурный слой разрушен, объекты и комплексы не зафиксированы
Немиров-II		Эпоха бронзы (?)	Конец II тыс. до н.э. (?)	?	Бронзовый кельт; возможное наличие материалов	Вне культурного контекста
Немиров-III	Немиров-III.1	Ранний железный век, раннескифский период	Конец VIII — рубеж VIII/VII вв. до н.э.	Раннескифская культура, начальная фаза, этап РСК-1	Остатки наземного сооружения, ямы, местная архаическая керамика, гальштаттская керамика, изделия-хроноиндикаторы: раннескифские типы	Комплексы «восстановлены» в отдельных случаях
			Первая половина VII в. до н.э.	Раннескифская культура, доколониционная фаза, этап РСК-2	I-й период функционирования землянки № 2, ямы, наземные очаги, гальштаттская керамика, изделия-хроноиндикаторы: раннескифские типы	Стратиграфия частично «восстановлена» только для заполнения землянки № 2
			Вторая половина VII — первая треть VI в. до н.э.	Раннескифская культура, колониционная фаза, этап РСК-3	землянка № 1; II-й период функционирования землянки № 2, ямы, изделия-хроноиндикаторы: греческий импорт, раннескифские типы	Стратиграфия частично «восстановлена» только для заполнения землянки № 2
	Немиров-III.2	Ранний железный век, латен	II–I вв. до н.э. (?)	?	Небольшая коллекция керамики	Вне культурного контекста
	Немиров-III.3	Ранний железный век, поздне-римское время	III–IV вв. н.э.	Черняховская культура	Небольшая коллекция керамики, отдельные изделия из железа	Вне культурного контекста (см. Приложение 9)
	Немиров-IV	Средние века	X–XI вв.	Древнерусская культура	Объекты и комплексы, керамика, вещевой инвентарь	Не опубликованы, не обработаны
Немиров-V	Новое время	?	?	Керамика, отдельные изделия	Известно по отчету С. С. Гамченко (1909; 1911) и коллекции А. А. Спицына	
Немиров-VI	Новейшее время	?	?	Материальные остатки (стояла мельница), современные бытовые постройки	Известно по отчетам С. С. Гамченко (1909; 1911) и М. И. Артамонова (1946)	

В результате *обработки коллекций* лепной посуды местного производства и греческой импортированной были выявлены сосуды, ранее неизвестные в варварской среде Северного Причерноморья. Новая классификация варварской керамики позволила выявить новые типы, а отдельные фрагменты греческой керамики были идентифицированы и определены как принадлежащие одному сосуду. Было выяснено, что в землянках № 1 и 2 ранняя греческая керамика (SiA Ib, 650–630 гг.) находилась совместно с качественной гальштаттской посудой и типичными местными лесостепными формами. Это важное стратиграфическое наблюдение позволяет полагать, что *восточногреческая керамика в Немирове появляется после «западного» импульса*, принесшего качественную лощеную посуду и другие изделия. Ввоз греческой посуды на Немировское городище начался около середины VII в. до н.э., а его «пик» приходился на последнюю треть VII в. до н.э., что позволяет говорить о достаточно ранних и интенсивных контактах его обитателей с греческим миром.

Материалы раннего железного века Немирова были рассмотрены в соответствии с современными хронологическими схемами и новыми удревненными датировками, принятыми для гальштаттского периода Средней Европы, гальштаттских культур Карпато-Подунавья, раннескифских древностей Северного Причерноморья и восточногреческой керамики. Соответственно, материалы раннего железного века Немирова были помещены **в период с конца VIII до начала/первой трети VI в. до н.э.** По сути, мы привели *датировки варварских и античных материалов Немирова в соответствие с новыми хронологическими разработками*. Это позволило уточнить многое, но главное — выявить место Немирова в контексте эпохи.

Современные знания о гальштаттском периоде и культурах, называемых гальштаттскими, позволяют по-новому оценить и материалы Немирова. Выяснилось, что в Северном Причерноморье присутствуют как население культур гальштаттского времени из Карпато-Подунавья, так и группа населения из Восточногальштаттского круга Средней Европы. Наши исследования выявили в материальной культуре раннего железного

века Немирова **пять слагающих компонентов**: местный (лесостепной раннескифский), раннескифский (пришлый раннекочевнический), гальштаттский карпато-дунайского происхождения (культуры Басарабь и Бырсесть-Фериджиле), гальштаттский из Средней Европы (Восточногальштаттский круг) и греческий (архаическая расписная керамика).

Неоднородность варварской среды в Северном Причерноморье позволила полагать, что среди «местных» варваров можно различать не только кочевников и оседлое население. Выведено, что отличительной чертой начального этапа греческой колонизации Северного Причерноморья было **поликультурное взаимодействие греков и варваров** (Vakhtina, Kashuba 2013: 379–396).

С эллинами контактировали разные группы варваров, среди которых можно выделить отдельные группы туземного населения, а также представителей других культурных миров (население гальштаттских культур и культурных групп Карпато-Подунавья и выходцы из Восточного Гальштатта Средней Европы).

Результаты наших исследований свидетельствуют о выдающемся значении Немировского городища в раннескифский период **как крупного пункта, где постоянно проживала влиятельная группа населения**. Появление Немирова показывает появившуюся потребность в постоянном центре — хозяйственном, административном, идеологическом. **Немиров возник как центр некоего кратковременного политического образования**, он был местом, где сосредоточивалась власть. Не исключено, что именно Немировское городище являлось одним из важных административно-хозяйственных, идеологических центров Европейской Архаической Скифии. Немиров был местом постоянного пребывания той влиятельной группы населения, кому греки вскоре после своего появления в регионе могли преподносить дары — престижные и яркие вещи, с помощью которых они стремились к установлению выгодных для них отношений с туземной аристократией.

Надеемся, что наши исследования станут хорошей основой для дальнейшего изучения с применением современных методов и подходов этого, бесспорно, выдающегося памятника и его материалов.

## Послесловие

В личном архиве Г. И. Смирновой в ОАВЕС ГЭ сохранился текст ее выступления на Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора М. И. Артамонова (9–12 декабря 1998 г., Санкт-Петербург).

Несколько строк из этого выступления:

«Мои научные интересы к доскифской и скифской культурам лесостепной зоны Северного Причерноморья определились в студенческие годы во время раскопок Немировского городища в 1948 г. Уезжая из Юго-Подольской археологической экспедиции на занятия в Университет, я попросила М. И. дать мне научную тему, связанную со скифскими материалами Немировского городища. Сначала это были темы курсовых и дипломной работ, вошедшие затем составной частью в более широкую тему моей кандидатской диссертации.

По мере углубленного изучения вопроса происхождения скифской посуды из ранних скифских памятников лесостепной зоны мои взоры все чаще и чаще обращались на запад за Днестр в обширный регион Балкано-Карпато-Подунавья.

Соответственно с этим моя полевая деятельность на Подолии, где работала Юго-Подольская экспедиция М. И. Артамонова, передвинулась на правый берег Днестра в Пруто-Днестровское междуречье, а также в Закарпатье. В 1954 г. М. И. передал мне руководство Юго-Подольской экспедицией Эрмитажа и ЛГУ, переименованной с этого года на Западно-Украинскую.

Полученные за многие годы работ Западно-Украинской экспедицией материалы, их ежегодная обработка и осмысление «затянули» меня на долгие годы. И хотя весь полевой архив Юго-Подольской экспедиции за пять полевых сезонов был передан мне Михаилом Илларионовичем в начале 1972 года, незадолго до его смерти, я смогла вернуться к Немировскому городищу только в начале 90-х годов.

Немировское городище на Южном Буге — один из ключевых памятников в изучении раннескифской истории Северного Понта. Публикация и изучение его материалов — мой прямой долг перед светлой памятью моего учителя — Михаила Илларионовича Артамонова и его женой Ольгой Антоновой».

*Г. И. Смирнова*



# ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Исследование материалов и техники росписи керамики трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа

*К. Б. Калинина, ОНРИК ГЭ, Санкт-Петербург (Россия)*

Интенсивное развитие аналитического оборудования и адаптация его для изучения артефактов в последние годы вывели технологическое исследование материалов и техники росписи археологических керамических изделий на более высокий уровень. Триполье-Кукутень является одной из самых ярких раннеземледельческих культур, занимающих территорию от Верхнего Поднестровья на западе до Поднепровья на востоке и Северо-Западного Причерноморья на юге. Украшенная орнаментом трипольская керамика относится к одному из видов археологических артефактов, дающих возможность сделать сравнительную оценку в развитии энеолитических культур, существовавших в относительно близкое время. Совместное применение нескольких высоко технологичных методов позволяет проводить более глубокие исследования и получать подробную информацию о материалах древних керамических изделий и о способах нанесения и закрепления росписи на поверхности.

Материалы трипольской керамики, обнаруженной в процессе археологических раскопок в районе энеолитического поселения Немиров, относящегося к концу среднего — началу позднего периода VII-Cl, были проанализированы в Отделе научной реставрации и консервации в Лаборатории научной реставрации станковой живописи ГЭ.

В данной работе для исследования были применены следующие методы:

1. Микроскопия в отраженном поляризованном свете с использованием поляризационного микроскопа ZeissAxioScope.A1.
2. Энергодисперсионный анализ с использованием электронного микроскопа HitachiTM3000 с энергодисперсионным спектрометром.

За многолетнюю историю исследований были подробно рассмотрены различные аспекты трипольского гончарного производства: состав керамической массы, способы формовки сосудов, особенности обжига. При этом вопросы о составе материалов и технике нанесения росписи недостаточно полно отражены в литературе. В одной из первых работ, где исследовался состав пигментов, использованных в качестве декоративного покрытия керамических изделий из трипольских поселений, было показано, что краски белая, красная и черная (темно-коричневая) являются каолином, красной охрой и болотной рудой (Красников 1931).

В исследованиях, проведенных много позднее и касающихся изучения памятников Кукутень-Триполье на территории Румынии, был уточнен состав ряда темных пигментов. Так, было установлено, что в качестве коричневой и красной красок использовались различные оксиды и гидроксиды железа (гематит, гетит и лимонит) (Ellis 1984). В минералах, составляющих темно-коричневую (черную) краску, называемую Красниковым «болотной рудой», были обнаружено большое количество соединений на основе Mn (Ibid.).

В дальнейшем изучение состава пигментов росписи на трипольской керамике получило развитие в исследованиях, проведенных в лаборатории ГосНИИРА (Подвигина и др. 1999). Было установлено, что в качестве красных и черно-коричневых пигментов использовались красная охра  $Fe_2O_3$  и умбра, имеющая в своем составе, помимо оксида железа, оксиды и гидроксиды марганца. О том, что черная (темно-коричневая) краска на поверхности трипольской керамики содержала минеральные соединения на основе железа и марганца, упоминается также в публикации (Palaguta 2002).

Результаты изучения черных (темно-коричневых) красок на керамике из Кукутень А и Кукутень В (территория Румынии) с использованием ряда спектротрических методов показали, что в основном для темного декора использовались минералы оксиды и гидроксиды железа и марганца в смеси с кварцем (Vuzgar 2010). Уголь и анатаз (двуокись титана  $TiO_2$ ) были использованы только в отдельных редких случаях. С помощью Рамановской спектроскопии было обнаружено присутствие таких минералов, как якобит ( $MnFe_2O_4$ ), пиролюзит ( $MnO_2$ ), гаусманит, формула которого может быть представлена как  $Mn^{2+}Mn^{3+}_2O_4$ , а также различные Fe-Mn-оксиды (Ibid.).

Несмотря на то что указанные выше исследования охватывали керамику с достаточно большого количества поселений, относящихся к культуре Триполье-Кукутень, роспись из поселения Немиров ранее не изучалась. Кроме того, результаты исследований, проведенных авторами показанных выше сообщений, были получены при изучении отдельных проб пигментов, которые были отобраны из красочных слоев, то есть отделены от поверхности керамических изделий. Для изучения стратиграфии росписи было необходимо исследовать состав пигментов таким образом, чтобы сохранить целостность поверхностной части изучаемого объекта, не отделяя красочный слой росписи от поверх-

ности изучаемого объекта, что позволило бы установить последовательность нанесения живописных слоев. Эта задача может быть решена, если в качестве объекта исследования будет проанализирован поперечный срез небольшого фрагмента поверхностной части керамики, где присутствовал бы не только красочный слой, но и керамическое тесто. С этой целью были изготовлены микрошлифы с исследуемыми образцами. Процедура изготовления микрошлифов заключалась в следующем: микроскопические фрагменты керамики помещались в полимерный блок, который затем отшлифовывался со всех сторон таким образом, чтобы на одной из сторон открывался поперечный срез керамики.

Изучение стратиграфии шлифа дает возможность понять технику нанесения росписи и обработки поверхности неолитической керамики перед созданием декора. В данной работе представлены результаты исследования шлифов четырех образцов расписной керамики из поселения Немиров. Фотографии шлифов в видимом свете с увеличением в 200 раз, сделанных на основе микрофрагментов поверхностной части керамических изделий из поселения Немиров, представлены в **таблице**. Кроме того, здесь показаны BSE-изображения шлифов и их элементные карты, полученные с помощью сканирующего электронного микроскопа с энергодисперсионным анализатором. На элементных картах представлено распределение элементов, указанных в таблице, по слоям, что позволяет сделать вывод о составе керамического теста, составе пигментов и о наличии ангоба. В соответствии с полученной таким образом информацией можно сделать вывод о составе пигментов, находящихся на поверхности.

### Керамическая масса

Проведенное исследование позволило сравнить состав керамического теста и охарактеризовать степень его отмучивания. Практически на всех представленных BSE-изображениях шлифов и их элементных картах видно, что керамическая масса является в сильной степени неоднородной, в ней присутствуют как совсем мелкие, так и крупные включения, то есть сырье для изготовления сосудов было отмучено незначительно. На элементных картах шлифов по кремнию (Si) отчетливо видно, что наиболее крупными были вкрапления кремнезема, которые в отдельных случаях достигали 40 мкм. Особенно большие включения встречались в образцах 245-1/268 и 245-1/292.

В керамической массе присутствуют довольно крупные поры. Надо отметить, что наибольшее количество крупных пор располагается в слоях керамической массы, находящихся близко к поверхности сосудов. Полуколичественный анализ керамического теста

показал, что в глине, из которой оно состоит, преобладает кремнезем. Практически во всех пробах содержание кремния колебалось в пределах от 61 % до 68 %. Во всех образцах обнаружены довольно близкие по значению относительные количества алюминийсодержащих веществ (12–19 %), железосодержащих компонентов (5,7–8,7 %), калийсодержащих веществ (4,4–6,5 %). Содержание кальция находилось в пределах от 2,2 до 6,1 %. Остальные элементы присутствовали в количестве около 1 %. Во всех образцах обнаружены довольно равномерно распределенные по керамической массе включения, в состав которых входил титан, причем как в виде оксида, типа анатаза или рутила, так и в виде окисного соединения с железом (ильменит). Последнее касается тех случаев, когда железо, титан и кислород обнаруживались в одних и тех же кристаллах. Содержание титана в составе различных соединений варьировало от 0,4 до 2,1 %. Из полученных результатов можно заключить, что глину для изготовления всех четырех керамических сосудов брали из близко находящихся источников сырья.

На шлифе 245-1/268 в толще керамической массы на BSE-изображении отчетливо виден фрагмент волонистого материала растительного происхождения длиной около 300 мкм и шириной примерно 25 мкм. Этот факт может свидетельствовать о том, что обжиг данного сосуда проводился при недостаточно высокой температуре.

### Ангоб

Визуальное обследование шлифов в видимом отраженном свете показало наличие двух слоев: верхнего красочного слоя и нижнего толстого слоя керамической массы. Известно, что процесс изготовления керамических изделий включает в себя обмазку необожженных изделий суспензией, содержащей компоненты, более легкоплавкие, чем основное керамическое тесто, так называемыми плавнями, что приводит к образованию на поверхности керамического изделия тонкого однородного слоя, называемого ангобом. Во время обжига глины плавень расплавляется, заполняет поверхностные поры глиняного изделия и способствует лучшему скреплению частиц обжигаемой массы. Разлагаясь при нагревании, роль плавня могут выполнять такие вещества, как углекислая известь, сода, а также растительная зола, содержащая, как известно, преимущественно поташ. Кроме этого, в качестве плавня использовались и до сих пор используются в силикатном производстве полевые шпаты. Для глиняных изделий с этой целью также используют легкоплавкие глины.

Изучение шлифов с помощью сканирующего электронного микроскопа позволило установить разницу в технике подготовки поверхности, характерную

для поселения Немиров. Использование элементного картирования шлифов позволяет более или менее отчетливо зафиксировать присутствие или отсутствие ангоба, а также сделать некоторые выводы о составе плавня. На трех сосудах из поселения Немиров этот слой полностью отсутствовал, на одном из них (245-1/268) был обнаружен фрагментарный слой под основной росписью, который, судя по элементным картам, содержал относительно высокое количество кальция (Ca). Этот факт может свидетельствовать о том, что, возможно, в этом случае была не очень удачная попытка создать ангоб. Вероятно, в качестве плавня пытались использовать углекислую известь.

### Красочные слои росписи

Результаты EDS-анализа показали, что качественный и количественный элементный составы керамического теста отличались от состава красочных слоев на всех представленных шлифах. В таблице представлены результаты сравнительного анализа керамического теста и слоев росписи. На BSE-изображениях шлифов и элементных картах видно, что на керамических изделиях из поселения Немиров красочный слой имел различную толщину. Так, на шлифах 245-1/148, 245-1/292 и 245-1/942 живопись на поверхности была очень тонкой, толщиной 3–5 мкм. Красочный слой на образце керамики 245-1/268 был значительно толще и достигал 50 мкм. На всех изученных керамических фрагментах суспендированная краска была положена прямо на пористую поверхность сосудов, поэтому частично пигменты попали в поры керамического теста, и, как следствие, нижняя часть красочного слоя выглядит размытой. Последнее особенно хорошо видно на шлифе образца 245-1/268.

Было установлено, что на всех изученных сосудах из Немирова в качестве черных (темно-коричневых) пигментов росписи были использованы два основных типа веществ. Это различные железомарганцевые минералы и жженая кость. Жженая кость была идентифицирована по включениям, где одновременно были обнаружены кальций и фосфор. Эти два вида пигментов были обнаружены практически на всех четырех сосудах. Однако техника нанесения этих пигментов не была одинаковой, также относительное содержание их в краске было различным.

На элементных картах для образца 245-1/268 видно, что присутствуют и железомарганцевая руда, и жженая кость, но они не смешаны, а положены в два слоя. В нижнем слое находится жженая кость, а в верхнем — железомарганцевый пигмент, что показано на элементной карте, где представлено одновременное картирование по Ca и Mn. На элементных картах по Fe и Mn

видно, что очертание верхнего красочного слоя, где находится Fe, в точности повторяет очертание слоя с Mn. Исследование отдельных включений этого слоя показало, что в данном случае марганец и железо содержатся одновременно в одних и тех же включениях, то есть в состав минерала, использованного для создания темно-коричневого декора, входят одновременно оба указанных элемента. Минералом, содержащим эти два элемента, является якобит, имеющий формулу  $MnFe_2O_4$ , использование которого на поселениях Кукутень отмечалось (Vuzgar 2010). В этой же статье указано, что по результатам Раман-спектроскопии было установлено, что этот минерал часто присутствует в смеси с гаусманитом с формулой  $Mn^{2+}Mn^{3+}_2O_4$ , а также присутствуют модификации этих минералов в некоторых переходных промежуточных формах. Этот вывод был сделан авторами и на основе как результатов Раман-спектроскопии, так и подсчета количественного соотношения Fe/Mn в изученных образцах, полученного методом рентген-флуоресцентного анализа. Для якобита Fe/Mn = 2, присутствие же гаусманита приводит к уменьшению значения этого соотношения. На исследованных нами участках образца керамики 245-1/268 из Немирова соотношение Fe/Mn колебалось от 1,5 до 1,7. Отсюда можно сделать заключение, что пигмент в этом случае обладает составом, близким к тому, что описан в цитированной работе (ibid.). Надо отметить, что на территории, в пределах которой находится поселение Немиров, повсеместно разбросаны разного размера месторождения железомарганцевой руды.

На элементных картах для образца 245-1/148 видно, что для него характерно относительно высокое содержание Fe и Mn в поверхностном красочном темно-коричневом слое, оба присутствуют на одних и тех участках. Соотношение Fe/Mn колебалось от 1,1 до 1,3. По всей видимости, на этом фрагменте также была использована железомарганцевая руда, по составу минералов близкая к той, что использовалась в образце 245-1/268. Жженая кость также была обнаружена в темно-коричневом красочном слое, но в очень малом количестве.

Для образца 245-1/292 в поверхностном слое в соответствии с элементными картами наблюдается относительно высокое количество Ca и P, что свидетельствует об использовании в данном случае в качестве темно-коричневого пигмента жженой кости в заметном количестве. Железомарганцевый пигмент также присутствовал в небольшом количестве в том же слое. Кроме этого, в красочном слое были обнаружены отдельные включения красной охры ( $Fe_2O_3$ ).

В образце 245-1/942 наблюдалось наибольшее относительное содержание жженой кости. И, наоборот, железомарганцевые минералы были обнаружены в следовом количестве. Кроме того, на поверхности



образца 245-1/942 было найдено несколько мелких включений, состоящих только из марганца и кислорода, что может свидетельствовать о том, что в этом случае к жженой кости был частично добавлен минерал пиролюзит ( $MnO_2$ ).

### Связующее

Результаты исследования состава органического связующего росписи представленные в упоминаемой выше статье (Подвигина и др. 1999) и были получены с помощью микрохимических тестов, тонкослойной хроматографии и ИК-спектроскопии. Они показали, что в исследованных авторами росписях фрагментов энеолитической керамики использовались связующие различных видов: белки, углеводы, липиды.

Для установления состава связующего декоративной росписи на керамике из Немирова нами был использован метод хромато-масс-спектрометрии. Органических связующих в красочном слое выявлено не было, и, следовательно, в данном случае вероятен вариант орнаментации до обжига, когда не было необходимости закреплять несколько слоев краски дополнительно. Поскольку именно для керамики из Немирова характерно наличие значительного количества пор в керамическом тесте, для закрепления росписи на поверхности не требовалось связующее. Используемая суспензия пигментов в воде проникала в поры керамической массы, и после испарения воды пигменты оставались внутри пор. Возможно, этим и объясняется относительно большое наличие пор у поверхности по сравнению с нижележащей массой, так как это служило для фиксации пигментов в поверхностном слое керамики. Можно предположить, что для данного поселения был характерен такой способ закрепления росписи на поверхности, в отличие от других поселений, где обнаруживался ярко

выраженный слой ангоба и где для закрепления декора на поверхности использовалось разного состава органическое связующее.

Полученные результаты открывают новые возможности в изучении гончарного производства раннеземледельческих культур Европы, а также меняют представления о последовательности технологических этапов, применявшихся в изготовления керамики эпох неолита и энеолита. В дальнейшем предполагается продолжение исследований с привлечением большего количества образцов широкого хронологического и территориального охвата.

### Выводы

Керамическое тесто всех изученных образцов керамики имело очень близкий состав. Во всех образцах было обнаружено присутствие небольших количеств соединений титана. Из полученных результатов можно заключить, что глину для изготовления всех четырех керамических сосудов брали из близко расположенных источников сырья.

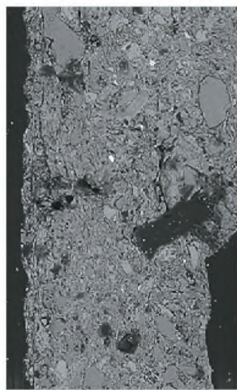
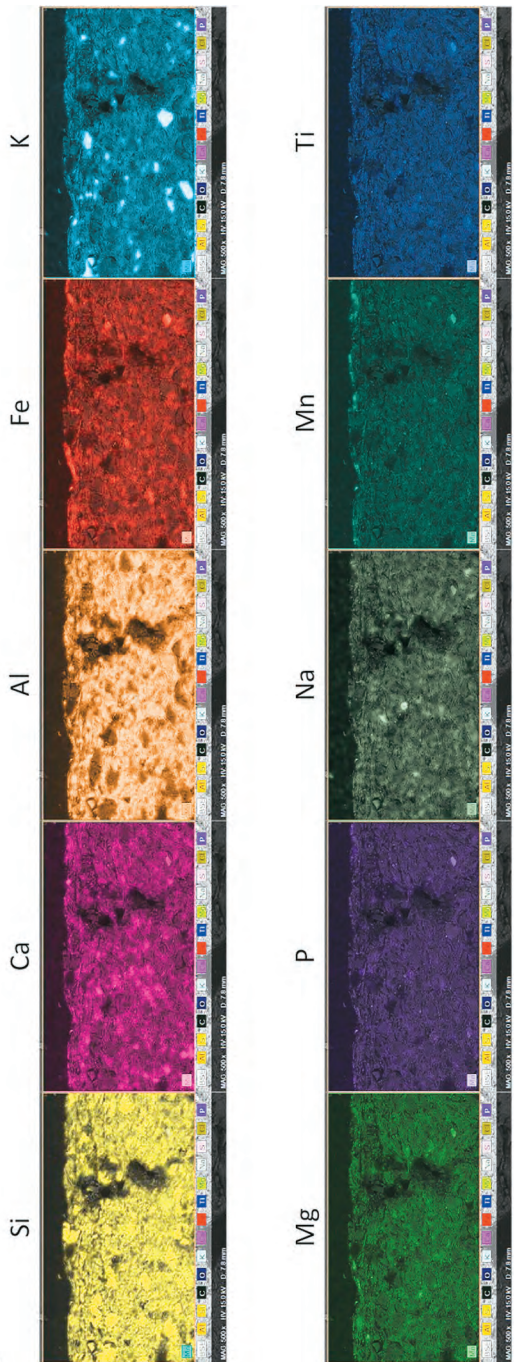
Слой ангоба отсутствовал или носил фрагментарный прерывистый характер.

В качестве пигментов для создания темно-коричневой росписи были использованы жженая кость и железомарганцевые минералы, входящие в состав железомарганцевой руды, в том числе минерал якобит. Использование жженой кости для росписи трипольской керамики нами было обнаружено впервые.

Органического связующего не было найдено. Было высказано предположение, что фиксация пигментов в поверхностном слое керамики достигалась за счет наличия в верхних слоях керамики большого количества мелких пор, куда пигменты проникали в суспендированном виде.



**Таблица**  
Немировское городище. Исследование состава ангоба, красочного слоя и глиняной массы керамики трипольской культуры  
**ОБРАЗЕЦ № 245-1/148**



Magnification 200

**Краски (роспись) %**

	Si	Ca	Al	Fe	K	Mg	Mn	Na	Cl	P
245-1/148	37,5	5	16,7	17,2	2,2	2,6	15,6	1,2	0	1,2
	32,3	3,2	9	27,6	3,4	1,4	20,6	1,3	0	0,6

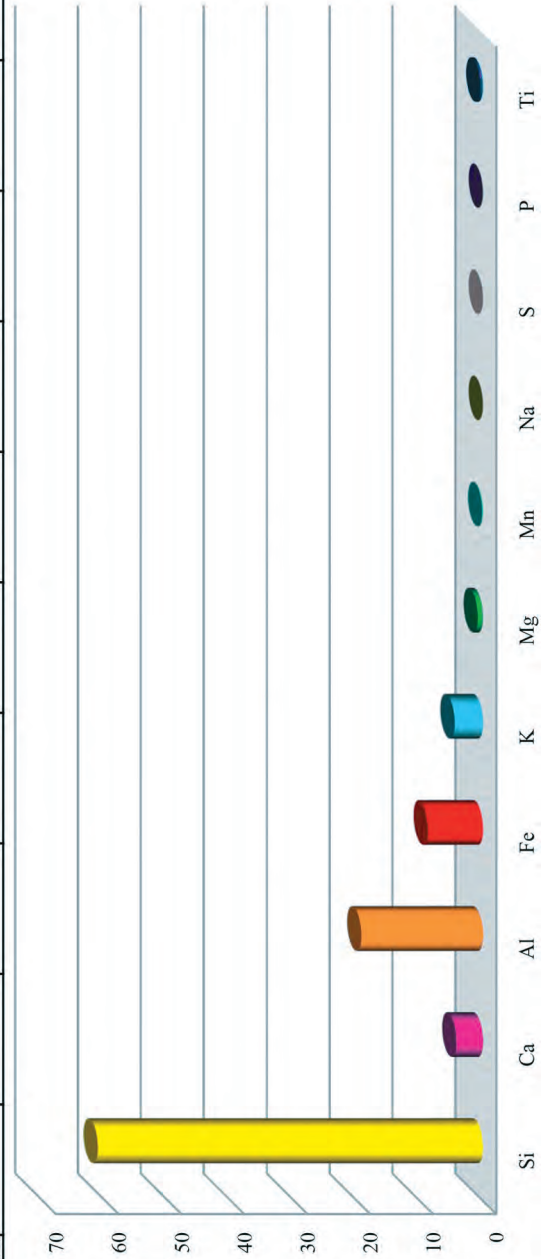
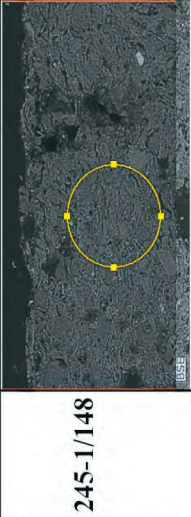
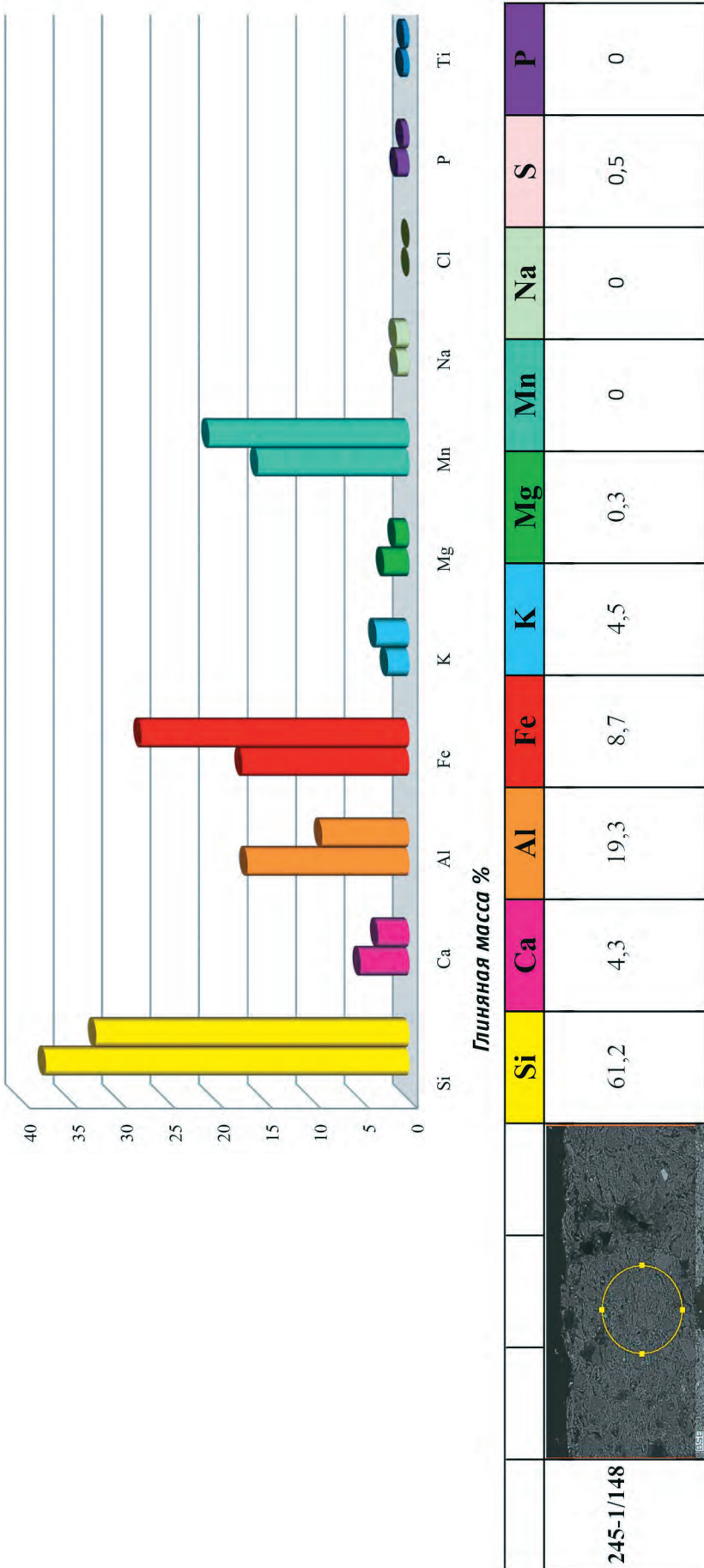
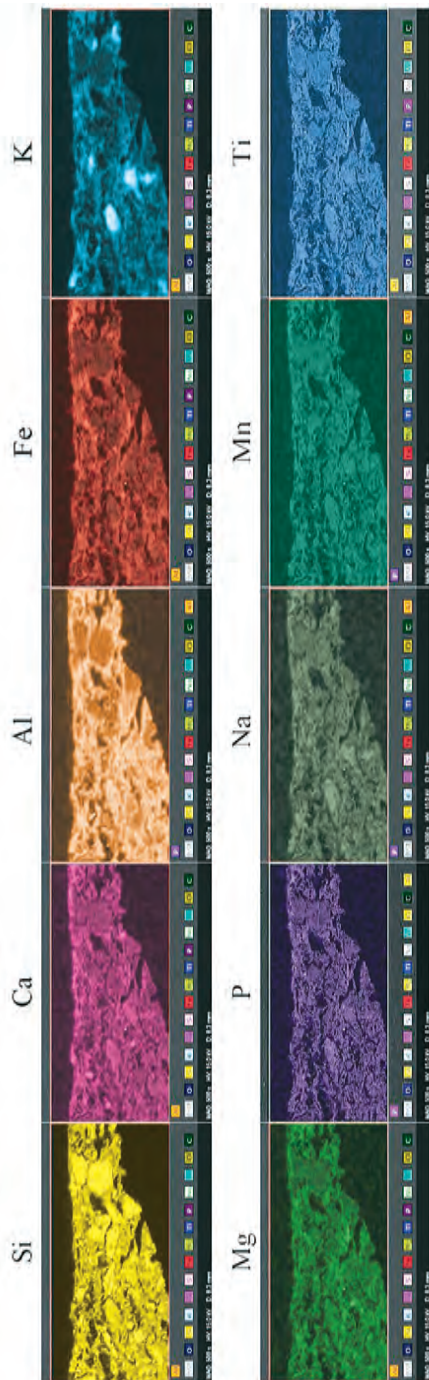
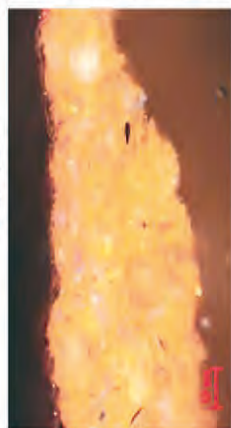




Таблица (продолжение)  
ОБРАЗЕЦ № 245-1/292

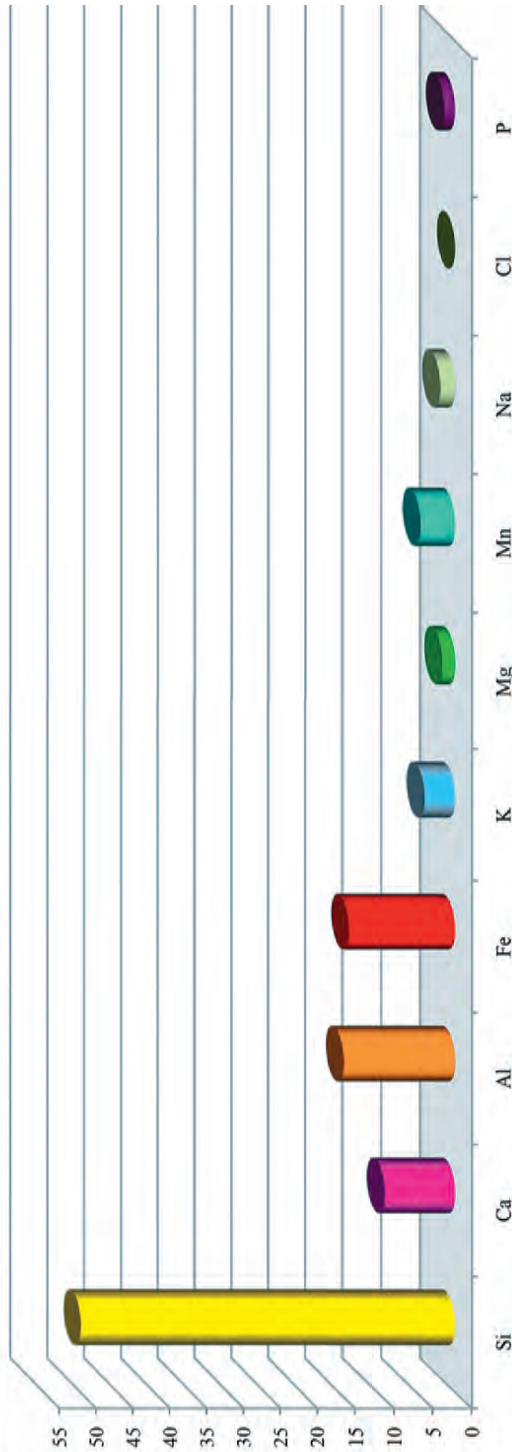
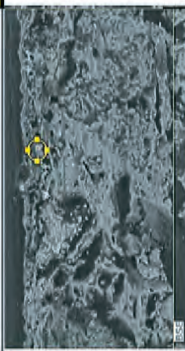


Magnification 200

Ангоб и красочный слой под росписью отсутствует

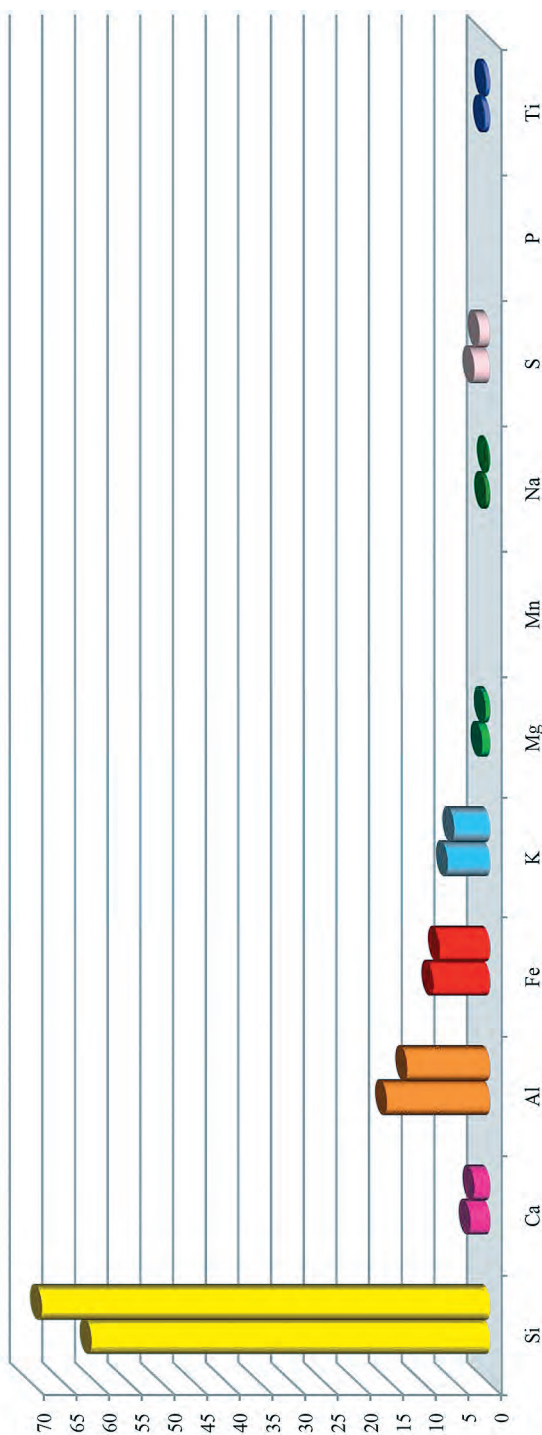
Краски (роспись) %

	Si	Ca	Al	Fe	K	Mg	Mn	Na	Cl	P	Ti
245-1/292	49,9	9	14,3	13,6	3,9	1,6	4,4	1,9	0	1,4	0



Глиняная масса %

	Si	Ca	Al	Fe	K	Mg	Mn	Na	S	P	Ti
	61	3	15,8	8,7	6,5	1,2	0	0,6	2,4	0	0,8
245-1/292 	68,6	2,4	12,7	7,7	5,5	0,7	0	0,2	1,6	0	0,6





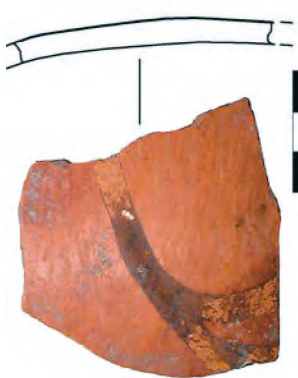
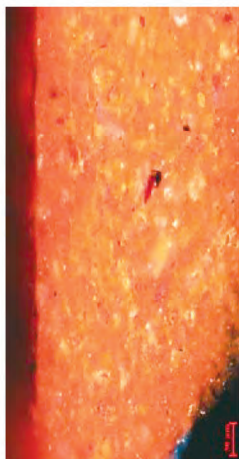
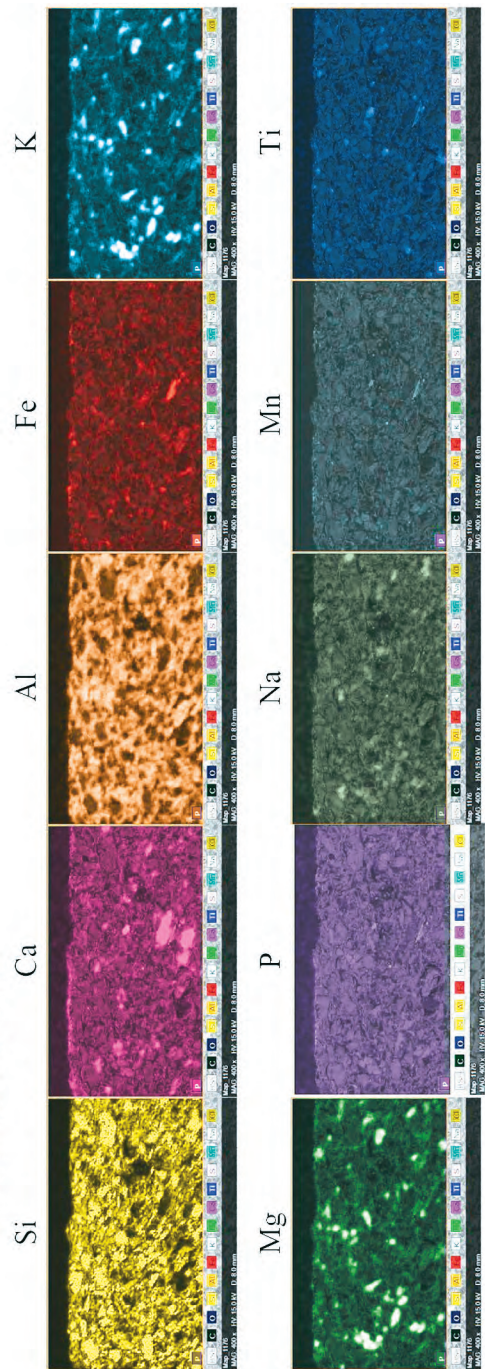


Таблица (продолжение)  
ОБРАЗЕЦ № 245-1/942



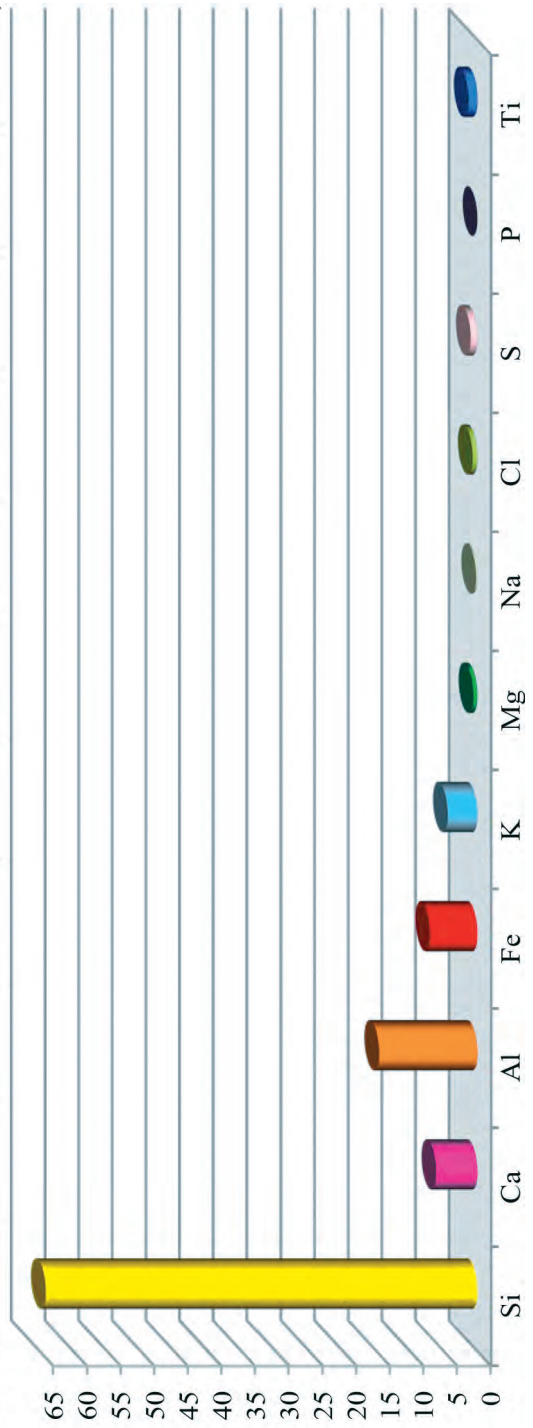
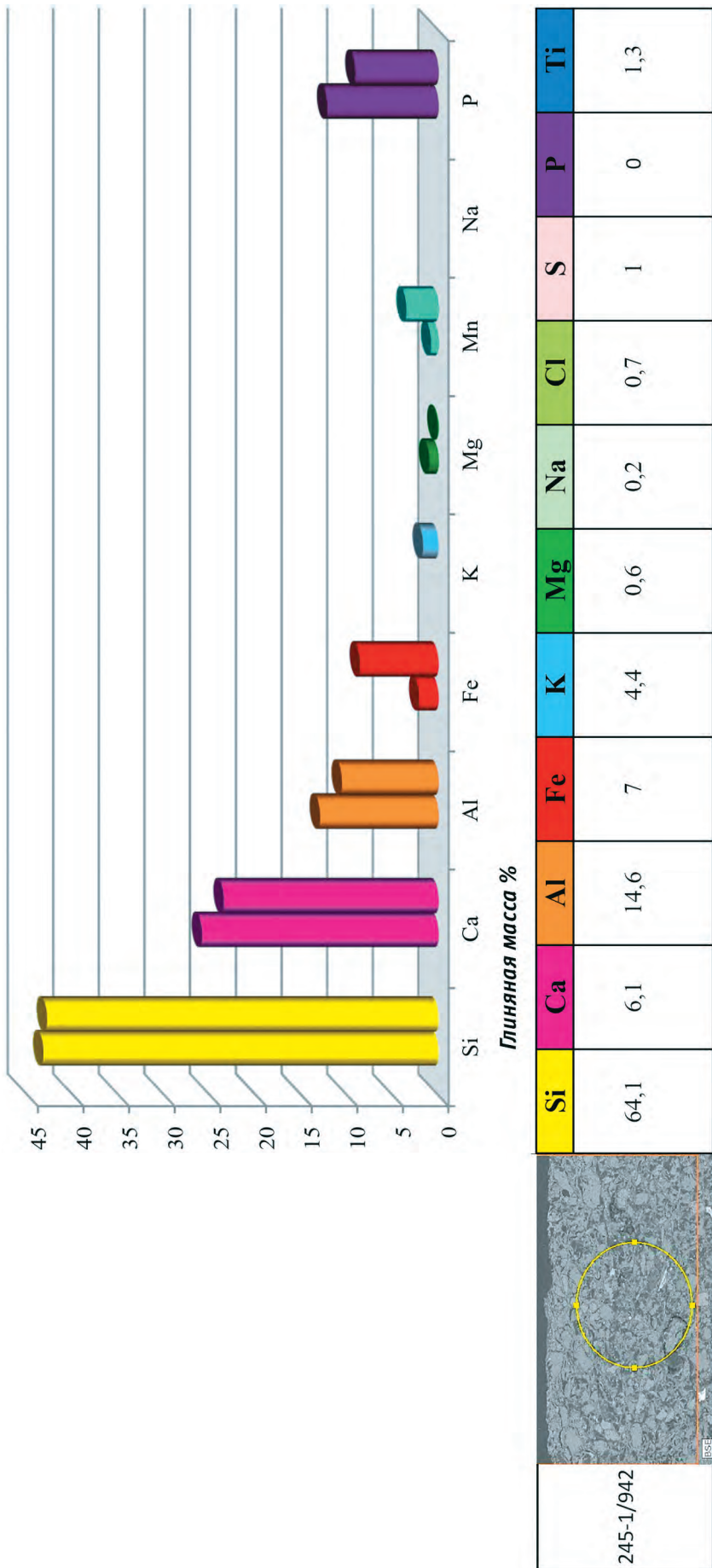
Magnification 200

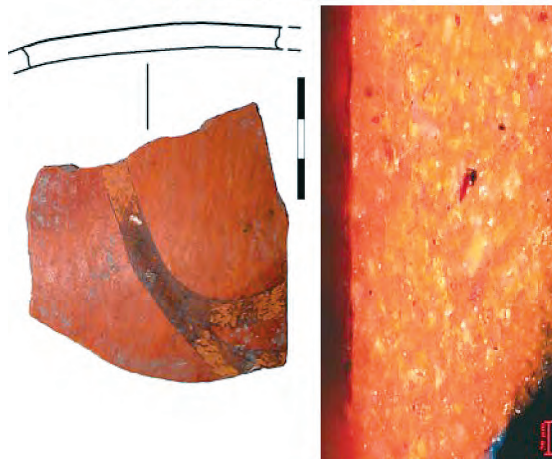
Ангоб и красочный слой под росписью отсутствует

Краски (роспись) %

	Si	Ca	Al	Fe	K	Mg	Mn	Na	P
	43,3	25,9	13	2,1	1,7	1	0,8	0	12,2
245-1/942	42,9	23,5	10,6	8,6	1,7	0,1	3,5	0	9,1

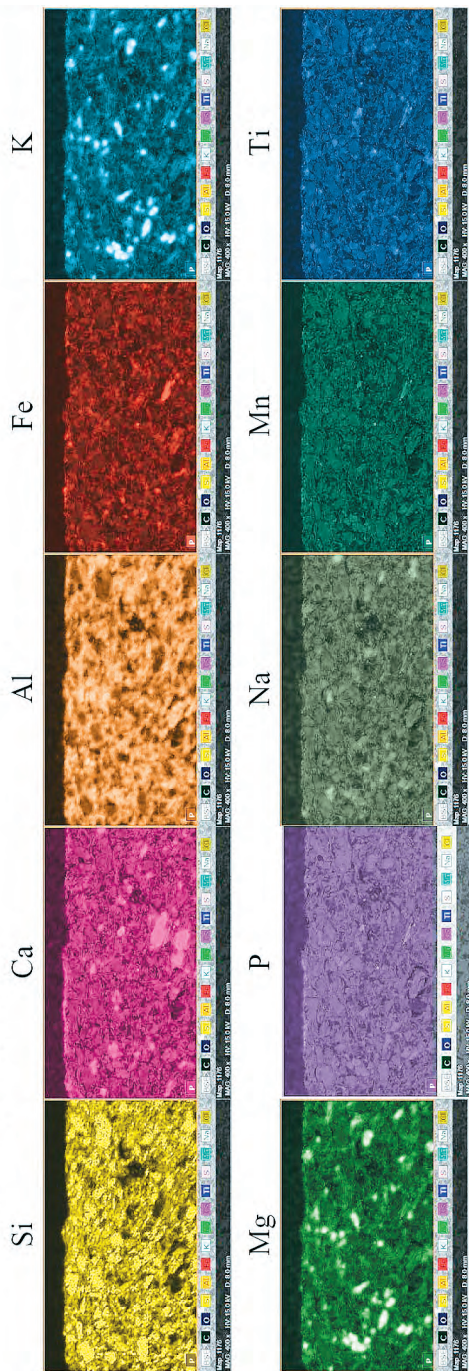






Magnification 200

Таблица (продолжение)  
ОБРАЗЕЦ № 245-1/942

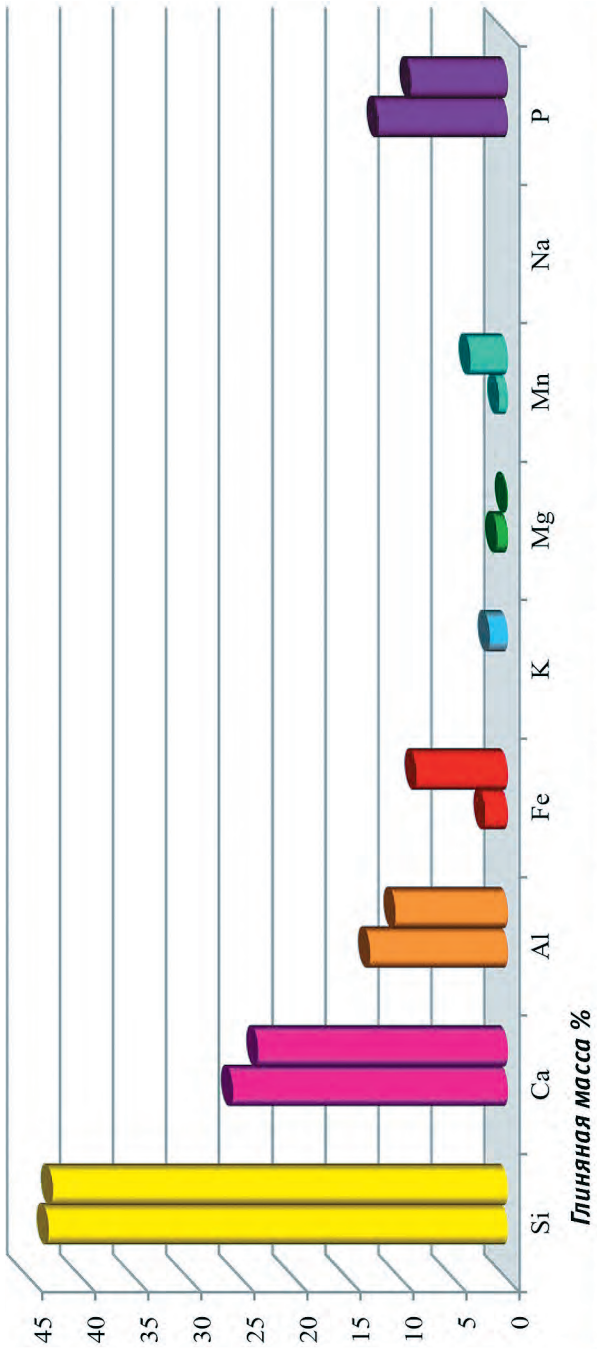


Ангоб и красочный слой под росписью отсутствует

Краски (роспись) %

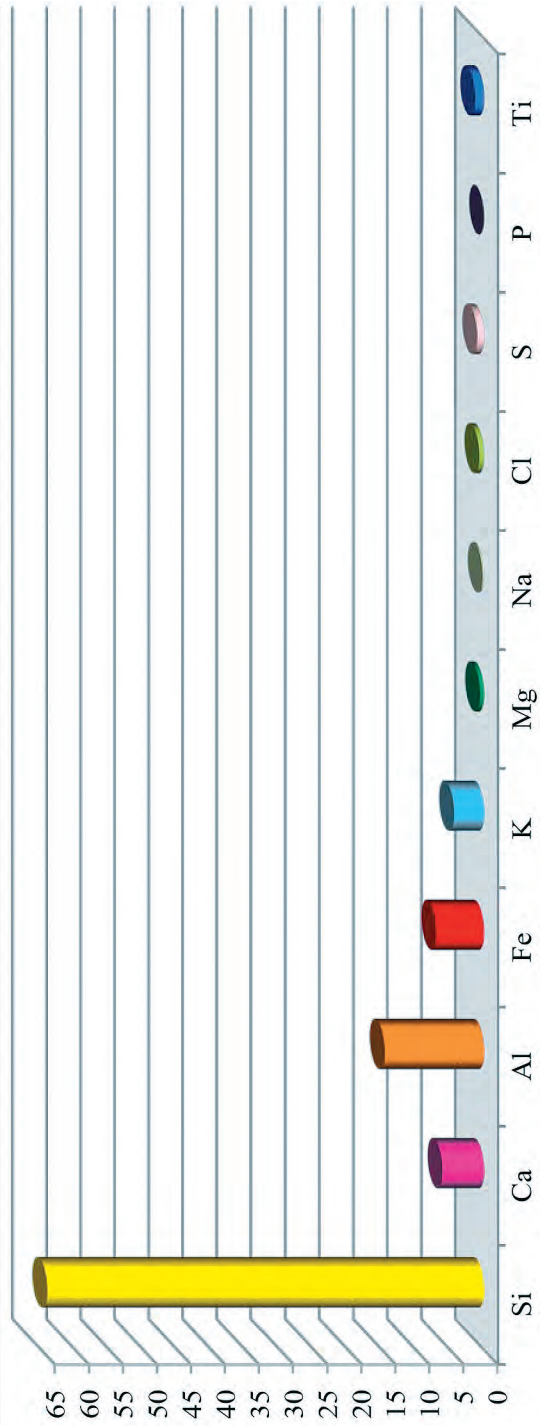
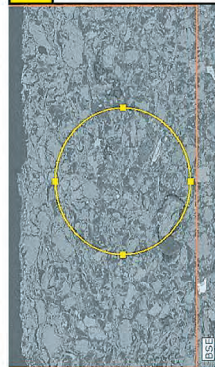
	Si	Ca	Al	Fe	K	Mg	Mn	Na	P
245-1/942	43,3	25,9	13	2,1	1,7	1	0,8	0	12,2
	42,9	23,5	10,6	8,6	1,7	0,1	3,5	0	9,1





245-1/942

Si	Ca	Al	Fe	K	Mg	Na	Cl	S	P	Ti
64,1	6,1	14,6	7	4,4	0,6	0,2	0,7	1	0	1,3





**ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Антропоморфная пластика  
трипольской культуры из раскопок Немировского городища.  
Коллекции Государственного Эрмитажа**

*Е. Г. Старкова, ОАВЕС ГЭ, Санкт-Петербург (Россия)*

<b>№ п/п</b>	<b>№ по инвентарю или описи хранения</b>	<b>Описание предмета</b>	<b>№ рисунка</b>
1	245-1/28	Фрагмент нижней части статуэтки, округлой в плане формы, без деталей. Глина желтого цвета, без видимых примесей. Внутри отверстие от выгоревшего крепежа из органического материала. Длина 4 см, диаметр 1,3 см	<b>98, 3</b>
2	245-1/78	Фрагмент нижней части массивной статуэтки, полый внутри, со ступкообразным окончанием, округлым в плане. Глина желто-розового цвета, примесь шамота. На поверхности слабые следы краски. Длина 6,8 см, диаметр низа 7,6 см	<b>101, 2</b>
3	245-1/87	Фрагмент нижней части массивной статуэтки, полый внутри. Разделитель ног передан углубленной линией. Глина оранжевого цвета с примесью песка. Длина 9,8 см	<b>103, 2</b>
4	245-1/128	Нижняя часть женской статуэтки веретенообразной формы. «Треугольник», разделитель ног и ягодиц переданы углубленными линиями. Глина желтого цвета с примесью шамота. Длина 4,8 см	<b>96, 5</b>
5	245-1/158	Нижняя часть статуэтки веретенообразной формы. Детали не проработаны. Поверхность неровная, сделана небрежно (неумело), возможно, ребенком (?). Глина светло-желтого цвета, без видимых примесей. Длина 2,9 см	<b>100, 13</b>
6	245-1/160	Фрагмент нижней части женской статуэтки. Разделитель ног и ягодиц, «треугольник» и пояс вокруг талии сделаны углубленными линиями. Глина снаружи темно-оранжевая, в изломе темно-серая, примесь крупного песка. Длина 4,5 см	<b>98, 5</b>
7	245-1/161	Фрагмент торса статуэтки. Судя по слому, каждая нога была вылеплена отдельно. Разделитель ног и ягодиц выполнен углубленной линией. Глина светло-коричневого цвета с примесью песка. Длина 3,9 см, ширина 3,4 см.	<b>98, 7</b>
8	245-1/163	Нижняя часть статуэтки веретенообразной формы с фрагментом торса. По бокам над талией два небольших выступа. Детали не проработаны. Поверхность неровная, сделана небрежно (неумело), возможно, ребенком (?). Длина 4,8 см	<b>100, 8</b>
9	245-1/374	Фрагмент торса статуэтки. Детали не проработаны. Возможно, вылеплена ребенком. Глина светло-желтого цвета, без видимых примесей. Длина 1,5 см	<b>100, 11</b>
10	245-1/376	Нижняя часть женской статуэтки веретенообразной формы. Детали не проработаны. На поверхности следы. Глина оранжевого цвета с примесью шамота. Длина 3,8 см	<b>98, 4</b>
11	245-1/377	Головка антропоморфная. Выполнена тремя защипами. Поверхность неровная, сделана небрежно (неумело), возможно, ребенком (?). Снизу нанесены две углубленные линии. Головка представляет собой законченное изделие, а не фрагмент статуэтки. Глина желтого цвета, без видимых примесей. Длина 1,2 см, ширина 1,8 см	<b>100, 3</b>
12	245-1/378	Головка с торсом статуэтки. Головка выполнена тремя защипами, руки — короткими выступами. Глаза в виде сквозных отверстий. С одной стороны след еще одного отверстия (обломано). Глина темно-оранжевого цвета, в изломе — темно-серого, без видимых примесей. Длина 3,3 см	<b>99, 1</b>
13	245-1/379	Головка статуэтки с шеей. Выполнена тремя защипами. Глаза в виде сквозных отверстий. На шее сзади проведена дугообразная углубленная линия. Глина оранжевого цвета с примесью шамота. Длина 3,2 см	<b>97, 1</b>

14	245-1/380	Фрагмент торса статуэтки. Над талией по бокам два небольших выступа со сквозными отверстиями. Пупок обозначен округлым углублением. Разделитель ног и пояс вокруг талии сделаны углубленными линиями. Глина желто-розового цвета с примесью шамота. Длина 3,5 см	<b>95, 6</b>
15	245-1/381	Торс статуэтки с фрагментом головки. Головка выполнена тремя защипами, руки в виде коротких выступов. Поверхность неровная, сделана небрежно (неумело), возможно, ребенком (?). Глина светлая, серо-желтая без видимых примесей. Длина 2,5 см	<b>100, 5</b>
16	245-1/382	Нижняя часть женской статуэтки веретенообразной формы. Разделитель ног выполнен углубленной линией. Глина оранжевого цвета, без видимых примесей. Длина 4,2 см	<b>96, 3</b>
17	245-1/392	Головка статуэтки. Выполнена тремя защипами. Поверхность неровная, сделана небрежно (неумело), возможно, ребенком (?). Глина желтого цвета с примесью шамота. Длина 1,7 см, ширина 1,7 см	<b>100, 2</b>
18	245-1/393	Нижняя часть женской статуэтки веретенообразной формы. Разделитель ног спереди и сзади, а также пояс вокруг талии выполнены углубленными линиями. Поверхность неровная, сделана небрежно (неумело), возможно, ребенком (?). Глина желто-оранжевого цвета, без видимых примесей. Длина 2,6 см	<b>100, 9</b>
19	245-1/396	Фрагмент торса статуэтки. Руки в виде небольших выступов. Статуэтка была вылеплена небрежно (неумело), возможно, ребенком (?). Поверхность очень неровная. Глина желтого цвета без видимых примесей. Длина 2,1 см, ширина 2 см	<b>100, 6</b>
20	245-1/407	Нижняя часть женской статуэтки веретенообразной формы, которая заканчивается одной ступней. Разделитель ног спереди и сзади выполнен углубленной линией. Глина оранжевого цвета, без видимых примесей. Длина 4,5 см	<b>96, 1</b>
21	245-1/409	Нижняя часть женской статуэтки веретенообразной формы. Детали не проработаны, возможно, вылеплена ребенком (?). Глина желто-розового цвета без видимых примесей. Длина 4 см	<b>96, 10</b>
22	245-1/413	Головка статуэтки. Выполнена тремя защипами. Глаза в виде сквозных отверстий. Глина желтого цвета без видимых примесей. Длина 1,6 см, ширина 1,8 см	<b>95, 2</b>
23	245-1/414	Головка статуэтки. Выполнена тремя защипами. Глаза в виде сквозных отверстий. Глина желтого цвета без видимых примесей. Длина 1,5 см, ширина 1,3 см	<b>95, 1</b>
24	276-1/6	Фрагмент торса женской статуэтки. Грудь обозначена небольшими округлыми налепами. Руки в виде коротких выступов с округлыми сквозными отверстиями. Глина серо-желтого цвета с примесью шамота и мелкого песка. Длина 3,1 см, ширина 2,7 см	<b>95, 3</b>
25	276-2/14	Фрагмент нижней части статуэтки веретенообразной формы. Детали не проработаны. Глина темно-серого цвета без видимых примесей. Длина 5,4 см	<b>97, 7</b>
26	276-2/20	Фрагмент нижней части статуэтки. Окончание веретенообразной формы. Разделитель ног спереди и сзади обозначен углубленной линией. Глина оранжевого цвета с примесью шамота. Длина 6,3 см	<b>97, 7</b>
27	276-2/21	Фрагмент нижней части мужской статуэтки. Разделитель ног и ягодиц обозначен углубленной линией, половой орган — небольшим выступом. Глина темно-серого цвета, незначительная примесь мелкого песка. Длина 4 см	<b>96, 4</b>
28	276-2/24	Головка с торсом статуэтки. Головка выполнена тремя защипами, руки — короткими выступами. Поверхность неровно (неумело) обработана. Возможно, сделана ребенком (?). Глина светло-желтого цвета без видимых примесей. Длина 2,9 см	<b>100, 4</b>
29	276-2/27	Нижняя часть женской статуэтки. «Треугольник» и разделитель ног обозначены углубленными линиями. Линия — разделитель ног прочерчена косо. Глина светло-желтого цвета без видимых примесей. Поверхность неровная. Длина 4,7 см	<b>96, 6</b>
30	276-2/30	Фрагмент нижней части статуэтки веретенообразной формы. Разделитель ног обозначен углубленной линией. Поверхность неровно (неумело) обработана. Возможно, сделана ребенком (?). Длина 2,4 см	<b>100, 12</b>

31	276-2/32	Фрагмент нижней части статуэтки веретенообразной формы. Разделитель ног спереди и сзади обозначен углубленной линией. Углубленной линией прочерчен пояс вокруг талии, от которого спереди спускаются вниз еще две параллельные линии (концы пояса?). На поверхности следы охры. Глина серого цвета, без видимых примесей. Длина 4,3 см	<b>96, 6</b>
32	276-2/34	Фрагмент торса <i>женской</i> статуэтки. Разделитель ног спереди и сзади, «треугольник» и пояс вокруг талии сделаны углубленными линиями. Округлым углублением обозначен пупок. Возможно, была покрашена. Глина оранжевого цвета, без видимых примесей. Длина 2,3 см, ширина 1,7 см	<b>97, 3</b>
33	276-2/45	Фрагмент нижней части статуэтки веретенообразной формы. Разделитель ног спереди и сзади обозначен углубленной линией. Углубленной линией прочерчен пояс вокруг талии. Глина желтого цвета, без видимых примесей. Длина 4,9 см, в сечении диаметр 1,2 см	<b>95, 8</b>
34	276-2/58	Фрагмент торса статуэтки почти округлой в плане формы. Рисунок в виде пояса из трех горизонтальных линий, пересекаемых широкой вертикальной полосой, нанесен темно-коричневой краской на оранжевую подгрунтовку. Глина желто-оранжевого цвета. Примесь мелкого шамота, песка и вкрапления известняка (естественная примесь). Длина 2,8 см, в сечении 2,6 × 2,4 см	<b>95, 4</b>
35	276-2/59	Фрагмент нижней части статуэтки веретенообразной формы. Разделитель ног спереди (?) обозначен углубленной линией. Поверхность неровная, небрежно (неумело) обработана. Возможно, сделана ребенком (?). Глина желтого цвета без видимых примесей. Длина 3,1 см	<b>100, 14</b>
36	276-2/63	Торс статуэтки. Руки переданы короткими выступами. Аналогичные выступы расположены по бокам над талией. Вокруг талии проведена углубленная линия. Глина оранжевого цвета с примесью песка и шамота. Длина 3,6 см	<b>97, 6</b>
37	276-2/64	Фрагмент торса и нижней части статуэтки. Над талией по бокам два небольших выступа со сквозными отверстиями. Разделитель ног и пояс вокруг талии сделаны углубленными линиями. Глина темно-коричневого цвета без видимых примесей. Длина 4 см	<b>97, 8</b>
38	276-2/76	Фрагмент головки статуэтки. Выполнена тремя защипами. Глаза в виде сквозных отверстий. В нижней части щек, с обеих сторон проведена углубленная линия. Поверхность неровная, небрежно (неумело) обработана. Возможно, сделана ребенком (?). Длина 1,8 см, ширина 1,7 см	<b>100, 1</b>
39	4087-461	Головка статуэтки с шеей. Выполнена тремя защипами. Глаза в виде сквозных отверстий. Сверху над глазами — четыре симметрично расположенные углубленные линии. Глина желтого цвета без видимых примесей. Длина 2,3 см, ширина 1,9 см	<b>97, 2</b>
40	4087-462	Фрагмент нижней части и торса женской статуэтки. Над талией по бокам два небольших выступа с отверстиями (с одной стороны сквозное, с другой только углубление). Пупок обозначен округлой выемкой. «Треугольник» и разделитель ног и ягодиц сделаны углубленными линиями. Глина коричневого цвета с примесью шамота и песка (?). Длина 4,3 см	<b>95, 5</b>
41	4087-463	Нижняя часть женской статуэтки. Нижняя часть веретенообразной формы. «Треугольник» и разделитель ног обозначены углубленными линиями. Глина оранжевого цвета, примесь песка и шамота. Длина 6,1 см	<b>98, 8</b>
42	4087-464	Нижняя часть женской статуэтки. Нижняя часть веретенообразной формы. «Треугольник» и разделитель ног обозначены углубленными линиями. Глина темно-оранжевого цвета, без видимых примесей. Длина 5,2 см	<b>98, 2</b>
43	4087-465	Нижняя часть статуэтки веретенообразной формы. Колени обозначены округлыми бугорками, разделитель ног спереди — углубленной линией. Глина светло-коричневого цвета, без видимых примесей. Длина 3,4 см	<b>98, 1</b>
44	4087-466	Нижняя часть массивной статуэтки ступкообразной формы с овальным в плане окончанием. Разделитель ног и пояс вокруг талии обозначен углубленной линией. Глина оранжевого цвета с примесью шамота и песка. Длина 8 см, размеры окончания 4,5 × 4 см	<b>102, 2</b>



45	4087-467	Фрагмент нижней части массивной статуэтки с полостью внутри ступкообразной формы с округлым в плане окончанием. Разделитель ног обозначен углубленной линией. Длина 7,2 см, диаметр окончания 5,6 см	<b>103, 1</b>
46	4087-608	Торс с головкой женской статуэтки. Головка выполнена тремя защипами, глаза — сквозные отверстия. Руки сложены на груди, в руках, вероятно, младенец. Пальцы рук выделены углубленными линиями. Глина светло-оранжевого цвета, примесь шамота. Длина 4,2 см	<b>99, 2</b>
47	4087-609	Фрагмент торса и частично ног с четко выраженными коленями статуэтки. Поверхность тщательно заглажена и залощена. Разделитель ног спереди обозначен широкой углубленной линией. Глина светло-коричневого цвета, без видимых примесей. Длина 3,5 см	<b>97, 4</b>
48	Дн 1933-1/106	Головка с верхней частью торса массивной женской статуэтки. Головка выполнена тремя защипами, глаза — сквозные отверстия. Руки в виде коротких выступов со сквозными отверстиями. Грудь обозначена округлыми налепами. Торс статуэтки был вылеплен с использованием штыря из органического материала (в изломе торса отверстие округлой в плане формы). Глина розово-оранжевого цвета с примесью шамота. Длина 7 см	<b>102, 1</b>
49	Дн 1933-1/108	Фрагмент торса женской статуэтки. Грудь обозначена округлыми налепами, руки — короткими выступами. На спине — след от прически. Разделитель ног обозначен углубленной линией. Внизу живота также две углубленные линии. На поверхности еле заметные следы красной краски. Глина светло-коричневого цвета с примесью шамота. Длина 11 см	<b>101, 1</b>
50	Дн 1933-1/111	Торс с головкой женской статуэтки. Головка выполнена тремя защипами, руки — короткими выступами, грудь в виде округлых налепов. Глаза в виде сквозных отверстий. Торс статуэтки был вылеплен с использованием штыря из органического материала (в изломе торса отверстие округлой в плане формы). Глина оранжевого цвета с примесью шамота и песка; со слюдянистыми вкраплениями (природная составляющая?). Длина 4,6 см	<b>99, 3</b>
51	Дн 1933-1/112	Торс с головкой женской статуэтки. Головка выполнена тремя защипами, руки — короткими выступами, грудь в виде продолговатых налепов. Торс статуэтки был вылеплен с использованием штыря из органического материала (в изломе торса отверстие округлой в плане формы). Поверхность неровно (неумело) обработана. Возможно, сделана ребенком (?). Глина светло-серого цвета, без видимых примесей. Длина 4,6 см	<b>100, 7</b>
52	Дн 1933-1/113	Нижняя часть женской статуэтки с фрагментом торса. Нижняя часть имеет веретенообразную форму. «Треугольник», разделитель ног и ягодиц, а также пояс вокруг талии выполнены углубленными линиями. Пупок в виде округлого углубления. Глина коричневого цвета с примесью песка. Длина 9,3 см	<b>98, 9</b>
53	Дн 1933-1/115	Нижняя часть женской статуэтки с фрагментом торса. Нижняя часть имеет веретенообразную форму. «Треугольник», разделитель ног и ягодиц, а также пояс вокруг талии выполнены углубленными линиями. Над талией по бокам два небольших выступа со сквозными отверстиями. Сквозное отверстие проделано в животе, в области пупка. Глина желтого цвета с примесью шамота. Длина 7,4 см	<b>98, 6</b>
54	Дн 1933-1/144	Торс женской статуэтки. Грудь в виде небольших округлых налепов. Руки переданы короткими выступами, в каждом из которых округлое сквозное отверстие. Глина коричнево-оранжевого цвета без видимых примесей. Длина 3,8 см	<b>97, 5</b>

**ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Зооморфная пластика  
трипольской культуры из раскопок Немировского городища.  
Коллекции Государственного Эрмитажа**

*Е. Г. Старкова, ОАВЕС ГЭ, Санкт-Петербург (Россия)*

<b>№ п/п</b>	<b>№ коллекции</b>	<b>Описание предмета</b>	<b>№ рисунка</b>
1	276-2/47	Рог накладной с фрагментом накладки, прямой, округлый в сечении. Постановка: отведен в сторону и назад. Цвет желтый, глина мелкоструктурная без видимых примесей	<b>103, 1</b>
2	276-2/49	Рог прилепной, слегка изогнутый, округлый в сечении. Цвет серо-желтый, глина мелкоструктурная без видимых примесей	<b>103, 2</b>
3	Дн 1933-1/516	Рог прилепной, изогнутый, слегка овальный в сечении. Цвет серый, глина мелкоструктурная без видимых примесей	<b>103, 3</b>
4	276-2/12	Рог прилепной, слегка изогнутый, возможно, с дополнительным крепежом из другого материала (углубление продолговатой формы в сечении), округлый в сечении. Цвет светло-желтый, глина мелкоструктурная, без видимых примесей	<b>103, 4</b>
5	245-1/169	Фрагмент прилепного рога, изогнутого, слегка овального в сечении. Цвет желто-оранжевый. Тесто мелкоструктурное с незначительной примесью мелкого песка (естественной?)	<b>103, 5</b>
6	276-2/61	Рог накладной с фрагментом накладки, почти прямой, округлый в сечении. Постановка: отведен в сторону и назад. Цвет желтый, глина мелкоструктурная без видимых примесей	<b>103, 6</b>
7	245-1/398	Рог прилепной, изогнутый, округлый в сечении. Цвет серо-желтый, глина мелкоструктурная без видимых примесей. На поверхности трещины	<b>103, 7</b>
8	245-1/399	Рог прилепной, округлый в сечении. Конец рога слегка изогнут. Цвет серо-желтый, глина мелкоструктурная без видимых примесей. На поверхности трещины	<b>103, 8</b>
9	245-1/168	Фрагмент прилепного рога, изогнутого, округлого в сечении. Цвет оранжевый. Тесто мелкоструктурное без видимых примесей	<b>103, 9</b>
10	276-2/43	Фрагмент головы зооморфной фигурки, рога прилепные, были разведены в стороны (не сохранились), нос выполнен защипом и подправлен. Цвет желтый, глина мелкоструктурная без видимых примесей	<b>103, 10</b>
11	276-2/69	Фрагмент головы зооморфной фигурки. Рога и морда обломаны. Рога были разведены в стороны и направлены вперед. Поверхность заглажена. Цвет желтый, глина мелкоструктурная без видимых примесей	<b>103, 11</b>
12	276-2/17	Фрагмент головы зооморфной фигурки. Рога обломаны, возможно, накладные. Морда вытянутая, конической формы. Поверхность неровная, грубо обработанная. Цвет оранжевый, примесь песка (естественная?)	<b>103, 12</b>
13	276-2/16	Голова зооморфной фигурки с накладными рогами (рога обломаны). Рога были разведены в стороны и направлены вперед. Морда выполнена защипом с доработкой для придания конической формы. Лепка очень грубая, небрежная, с кусками излишков глины. Цвет желтый, глина мелкоструктурная без видимых примесей	<b>103, 13</b>
14	Дн 1933-1/117	Передняя часть зооморфной фигурки. Рога обломаны, возможно, накладные, разведены в стороны и направлены вперед. Морда конической формы, выполнена защипом, подгрудок также обозначен слабовыраженным защипом. Передние ноги сдвоены, без разделителя. Цвет желто-коричневый, пятнами. Глина мелкоструктурная с примесью мелкого песка (естественная?) и мелкого шамота	<b>103, 14</b>
15	245-1/387	Фигурка зооморфная, миниатюрная, голова обломана. Спина слегка вогнута, хвост обозначен небольшим защипом. Брюхо подтянутое. Конечности короткие, вылеплены вместе с туловищем. Разделитель (выемка) есть только у задних ног. Вылеплена неаккуратно, поверхность неровная. Цвет желтый. Глина мелкоструктурная с незначительной примесью мелкого шамота. Длина 1,8 см, высота 1,6 см	<b>104, 1</b>

16	276-2/42	Задняя часть зооморфной фигурки миниатюрных размеров. Линия спины сильно выгнутая, дугообразная. Брюхо подтянутое. Хвост короткий, конический, слегка опущен. Конечности очень короткие, конической формы, разделены, сформованы из тулова	<b>104, 2</b>
17	276-2/66	Зооморфная фигурка миниатюрных размеров. Голова обломана, подгрудок обозначен защипом. Линия спины прямая, бока слегка округлые, брюхо провислое. Хвост конический, очень короткий, торчащий вверх (обломан). Конечности короткие, сдвоенные. Передние ноги подогнуты, имеют едва заметный разделитель. Цвет желтый, глина мелкоструктурная без видимых примесей. Длина 3 см	<b>104, 3</b>
18	276-2/67	Передняя часть зооморфной фигурки. Морда конической формы, выполнена защипом, рога прилепные, направлены вверх (обломаны). Конечности сдвоены без разделителя. Поверхность неровная, слегка заглаженная. Цвет желтый, глина мелкоструктурная с незначительной примесью мелкого шамота	<b>104, 4</b>
19	245-1/383	Задняя часть зооморфной фигурки миниатюрных размеров. Линия спины прямая, слегка скошена к задней части, брюхо подтянутое. Хвост конический, короткий. Конечности короткие, сдвоенные, без разделителя ног, вылеплены из туловища. Поверхность тщательно заглажена, на спине и частично на боках неглубокие точечные наколы. Цвет светло-серый. Тесто мелкоструктурное с незначительной примесью мелкого шамота	<b>104, 5</b>
20	245-1/388	Задняя часть зооморфной фигурки миниатюрных размеров. Линия спины прямая, моклоки обозначены небольшими вмятинами по обе стороны от короткого хвоста. Хвост выполнен защипом. Задние конечности короткие, сформованы из туловища, слегка отогнуты в разные стороны, есть разделитель ног. На брюхе защип — признак мужского пола. Статуэтка сделана очень небрежно. Поверхность неровная, глина потрескалась. Глина мелкоструктурная без видимых примесей	<b>104, 6</b>
21	245-1/420	Задняя часть зооморфной фигурки миниатюрных размеров. Линия спины вогнутая, брюхо плоское, бока округлые. Хвост короткий, округлый в сечении, опущенный, слегка отставленный. Ноги в виде округлых в сечении столбиков широко расставлены. Поверхность очень ровная, тщательно заглаженная. Цвет темно-серый. Тесто мелкоструктурное, без видимых примесей	<b>104, 7</b>
22	276-2/60	Фигурка зооморфная. Голова обломана. Спина слегка выгнута в средней части. Брюхо подтянутое. Справа и слева от хвоста на спине вмятины — моклоки. Хвост шишкообразной формы, короткий, под хвостом защип. Конечности сдвоенные, с еле заметным разделителем. Поверхность неровная, слегка заглажена, потрескалась. Длина 5 см	<b>104, 8</b>
23	276-2/23, 44	Фигурка зооморфная. Рога наклепные, разведены (обломаны). Морда почти не сформована, обозначена еле заметным бугорком. Линия спины слегка выгнута в передней части (холка), брюхо плоское и бока плоские, хвост очень короткий, конический. Конечности сдвоенные, с еле заметным разделителем. На спине, боках, хвосте и сзади глубокие наколы округлой и продолговатой формы. Цвет светло-серый, очень светлый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Длина 4,4 см, высота 3,4 см	<b>104, 9</b>
24	245-1/165	Фигурка зооморфная, с обломанными ногами. Вылеплена схематично без проработки деталей. Линия спины прямая, слегка скошена к задней части. Хвост короткий, конической формы, отставленный горизонтально. Цвет желтый, глина мелкоструктурная без видимых примесей	<b>105, 1</b>
25	Дн 1933-1/116	Фигурка зооморфная. Голова и частично задние ноги обломаны. Хвост короткий, конический, выполнен защипом, задран вверх. Туловище вытянутое, бока плоские. Спина слегка выпуклая, брюхо подтянутое. Ноги сдвоенные, без разделителя. Цвет желтый, глина мелкоструктурная, с незначительной примесью мелкого шамота. Длина 4,4 см	<b>105, 2</b>
26	245-1/162	Фигурка зооморфная. Вылеплена схематично, без проработки деталей. Ноги спаренные, короткие, почти «рудиментарные». Линия спины слегка выгнута и скошена к задней части. Хвост почти отсутствует, обозначен маленьким бугорком, морда конической формы. На брюхе имеется продольный защип — признак мужского пола. Цвет желтый, глина мелкоструктурная без видимых примесей	<b>105, 3</b>



27	276-2/18	Фрагмент задней части зооморфной фигурки. Туловище расколото вдоль, возможно, фигурка была слеплена из двух продольных частей. Сохранилась одна нога. На брюхе имеется продольный зашип — признак мужского пола. Ноги отдельные, лепились вытягиванием из продольных половин тулова. Хвост короткий, конический, задран вверх (обломан). Лепка грубая, поверхность неровная, плохо обработанная. Цвет оранжевый, примесь мелкого песка (естественная?)	<b>105, 4</b>
28	245-1/159	Фигурка зооморфная. Ноги сдвоены, без разделителя. Хвост очень короткий, выполнен зашипом. Голова и шея не вылеплены вообще, вместо них два отдельно сформованных «рога», торчащих вверх, округлых в сечении (обломаны). Линия спины прямая, еле заметно выгнута в задней части. Бока втянуты. Поверхность тщательно заглажена. Цвет желтый, глина мелкоструктурная без видимых примесей. Длина 4 см	<b>105, 5</b>
29	245-1/386	Фигурка зооморфная, сформована из одного куска глины с частичной долепкой нижней части отдельными кусками глины. Детали не проработаны. Конечности почти не выделены. Голова непропорционально мала относительно туловища. Поверхность плохо заглажена. Цвет оранжевый, незначительная примесь шамота и мелкого песка (естественная?).	<b>105, 6</b>
30	245-1/157	Задняя часть фигурки, возможно, птицы. «Хвост» — слабовыраженный выступ. Плоское основание. Поверхность неровная, возможно, обмазана дополнительным слоем глины. Цвет серо-желтый, неравномерный. Глина без видимых примесей	<b>105, 7</b>
31	Дн 1933-1/118	Фигурка зооморфная. Морда конической формы. Конечности сдвоенные (обломаны). Хвост короткий, шишковидной формы. Линия спины прямая, скошенная к задней части, бока округлые. Возможно был нанесен дополнительный слой глины для выравнивания поверхности. Цвет оранжевый, тесто мелкоструктурное без видимых примесей	<b>105, 8</b>

**ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Изделия из глины  
трипольской культуры из раскопок Немировского городища.  
Коллекции Государственного Эрмитажа**

*Е. Г. Старкова, ОАВЕС ГЭ, Санкт-Петербург (Россия)*

<b>№ п/п</b>	<b>№ по инвентарю или описи хранения</b>	<b>Описание предмета</b> (размеры указаны в том случае, если предмет целый)	<b>№ рисунка</b>
1	Дн 1933-1/447	Бусина эллипсоидной формы со сквозным отверстием. Цвет серо-желтый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Размеры 0,8 × 1 см	<b>106, 1</b>
2	276-2/55	Бусина эллипсоидной формы со сквозным отверстием. Цвет желтый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Размеры 1,3 × 1,6 см	<b>106, 2</b>
3	276-2/35	Подвеска плоская, овальной формы с округлым сквозным отверстием. Отверстие проделано в сухой глине. Цвет оранжевый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Размеры 1 × 1,6 см	<b>106, 3</b>
4	245-1/416	Диск плоский, слегка вогнутый со сквозным отверстием округлой формы в центре. Цвет желто-оранжевый. Глина мелкоструктурная, с незначительной примесью мелкого шамота. Диаметр предмета 2 см, диаметр отверстия 0,4 см	<b>106, 4</b>
5	245-1/419	Изделие продолговатой формы, округлое в сечении со сквозным отверстием. Цвет желтый. Глина мелкоструктурная с незначительной примесью мелкого песка (естественной?). Длина 2,4 см, диаметр 1 см, диаметр отверстия 1,5 мм	<b>106, 5</b>
6	276-2/53	Конус. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Цвет желтый. Вылеплен неаккуратно, поверхность неровная. Диаметр основания 1,3–1,7 см, высота 1,1 см	<b>106, 6</b>
7	276-2/50	Конус. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Цвет желтый. Диаметр основания 1,1–1,3 см, высота 1,3 см	<b>106, 7</b>
8	276-2/51	Конус. Цвет желтый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Диаметр основания 1,5 см, высота 1,4 см	<b>106, 8</b>
9	276-2/52	Конус неровный — вершина смещена относительно центра. Цвет желтый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Диаметр основания 1,6 см, высота 1 см.	<b>106, 9</b>
10	276-2/65	Конус (склеен из двух частей). Цвет желтый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Диаметр основания 2 см, высота 1,7 см	<b>106, 10</b>
11	276-2/54	Конус. По краю основания сделаны насечки. Вылеплен неаккуратно, поверхность неровная со следами от пальцев и ногтей. Цвет желтый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Диаметр основания 2,4 см, высота 1,9 см	<b>106, 11</b>
12	276-2/68	Конус. Вершина отколота. Цвет желтый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Основание овальной формы с размерами 1,7 × 2 см.	<b>106, 12</b>
13	276-2/31	Предмет в форме катушки неправильной формы. Цвет желтый. Цвет желто-оранжевый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Длина 2,5 см	<b>106, 13</b>
14	276-2/29	Фрагмент изделия с плоским основанием овальной в сечении формы, расширяющегося к одному концу. Цвет оранжевый, неравномерный? с серыми пятнами. Глина с незначительной примесью песка (естественной?). Размеры основания 1,5 × 1,7 см	<b>106, 14</b>
15	4087-1392	Фрагмент изделия неизвестного назначения. Один конец обломан, другой — конусовидной формы, в разрезе округлый с уплощением с одной стороны. На предмете три отверстия диаметром 1 мм, расположенных друг от друга на расстоянии 2 мм. Одно из них сквозное, два — несквозные. Несквозные отверстия проделаны перпендикулярно сквозному. Цвет желтый. Глина мелкоструктурная с незначительной примесью песка (естественной?). Диаметры отверстий 1 мм. Длина изделия 3,2 см	<b>107, 1</b>

16	Дн 1933-1/109	Изделие вытянутой формы, сужающееся к концу, второй конец отломан. В сечении округлое с уплощением с одного бока. На предмете проделано три отверстия, два из которых сообщающиеся, одно сквозное. Цвет желтый. Глина мелкоструктурная с незначительной примесью мелкого шамота и песка (естественной?) без видимых примесей. Диаметры отверстий 0,2–0,3 см	<b>107, 2</b>
17	Дн 1933-1/2795	Фрагмент изделия вытянутой формы, сужающегося на конце, с двумя небрежно проделанными по сырой глине (судя по следам, неровной деревянной палочкой) сквозными отверстиями. Часть 3-го отверстия видна в сломе. Цвет оранжевый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Диаметры отверстий 0,5–0,6 см	<b>107, 3</b>
18	Дн 1933-1/513	Фрагмент изделия вытянутой формы, округлого в сечении. Один конец более массивный, с углублением сбоку. Изделие сужается к другому концу, который обломан. Поверхность неровная. Цвет серый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей	<b>107, 4</b>
19	Дн 1933-1/504	Фрагмент предмета в виде миниатюрной конической миски с толстыми стенками и массивным дном. В нижней трети округлое отверстие, проделанное в сырой глине. Поверхность заглажена, неровная. Цвет коричневый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Диаметр «верха» 5,5 см, высота 4,5 см, диаметр «низа» 1,6 см, диаметр отверстия 0,8 см	<b>107, 5</b>
20	276-2/62	Ножка от модели жилища или от «алтарного столика», округлая в сечении. Цвет серо-желтый, в изломе частично серый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Диаметр основания 2,5 см.	<b>107, 6</b>
21	245-1/45	Фрагмент изделия (пряслице?) с толстыми стенками и полостью внутри. Цвет желтый. Глина мелкоструктурная, без примесей. Максимальный диаметр 3,5 см, высота 2,7 см	<b>105, 1</b>
22	245-1/38	Пряслице биконической формы с подлощенной поверхностью без орнамента. Цвет серый, неравномерный, с оранжевыми пятнами, возможно, из-за вторичного обжига. Глина с незначительной примесью мелкого песка (естественной?). Максимальный диаметр в средней части 3,2 см	<b>105, 15</b>
23	245-1/166	Фрагмент изделия неправильной формы, уплощенного. На поверхности с двух сторон полукруглые отпечатки от ногтей (?). Цвет желтый. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей	<b>108, 3</b>
24	Дн 1933-1/2789	Фрагмент плоского дисковидного предмета правильной округлой формы с округлым сквозным отверстием по центру. Цвет серый, глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Диаметр 4 см, диаметр отверстия 0,6 см	<b>108, 4</b>
25	245-1/32	Фрагмент дисковидного предмета, слегка выпуклого с обеих сторон. Предмет был сформован из двух лепешек глины. На поверхности с одной стороны три округлых неглубоких накола. Цвет серый, глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Диаметр 4,5 см	<b>108, 5</b>
26	245-1/25	Фрагмент диска, сформованного из двух лепешек глины. Поверхность неровная, с одной стороны на поверхности 11 наколов округлой формы разного размера. Цвет желтый. Диаметр 6,7 см	<b>108, 6</b>
27	Дн 1933-1/448	Фрагмент плоского дисковидного предмета правильной округлой формы с округлым сквозным отверстием по центру. Отверстие проделано не вертикально, а слегка скошено. Цвет темно-серый, неравномерный. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Обжиг неравномерный, хотя, возможно, вторичный. Диаметр 5,2 см. Толщина по центру 2 см	<b>108, 7</b>
28	Дн 1933-1/447	Фрагмент дисковидного предмета плоского правильной округлой формы с округлым сквозным отверстием по центру. Цвет темно-серый, неравномерный. Глина мелкоструктурная, без видимых примесей. Обжиг неравномерный, возможно, вторичный. Диаметр 7,2 см. Толщина по центру 2,7 см	<b>108, 8</b>



## ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Кремневый и каменный инвентарь трипольской культуры из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа

А. Закошьцельна, Институт археологии Университета им. М. Кюри-Скловской, Люблин (Польша)

### Введение

Собрание каменных артефактов с городища Немиров состоит из 51 предмета, в том числе 46 кремневых и пяти — из разных пород камня. В сохранившейся документации нет информации об условиях их открытия и планиграфии, а подписи на самих предметах — это только номера музейных коллекций ГЭ. Безусловно, эти материалы представляют собой выборку, произведенную в процессе раскопок, хотя критерии отбора определить сложно. В ее состав входят как отходы производства в виде пластин и их фрагментов, отщепы различного размера, так и орудия, выполненные на пластинах и отщепах, а также кремневые и каменные топоры. При этом в коллекции нет ни одного нуклеуса.

Такую бессистемность выборки, наверное, можно объяснить тем, что Немиров исследовали специалисты по более позднему времени, которые не уделяли должного внимания материалам раннего горизонта.

Древнейшее заселение территории городища Немирова связано с энеолитическим населением, принадлежащим трипольской культуре начала позднего периода этапа С1. Трипольский слой был практически полностью разрушен поздними горизонтами раннежелезного века. Трипольские материалы представлены относительно многочисленным набором керамики (около 1500 фрагментов), антропоморфной (54 предмета) и зооморфной (30 предметов) пластики. При этом коллекция кремневых и каменных изделий почти в 30 раз меньше. Очевидно, что материал сильно отфильтрован, и большая его часть была оставлена на месте после окончания раскопок.

Таким образом, возможности анализа и каких-либо выводов при столь немногочисленных и разрозненных материалах весьма ограничены. Они никоим образом не отражают масштабов кремнеобрабатывающего производства на поселении. По той же причине невозможно сделать статистические подсчеты разных типов орудий. В данном случае мы можем лишь представить подробное описание и иллюстрации кремневых артефактов и отметить характерные признаки, которые позволяют сопоставить их с древнейшим горизонтом городища Немиров.

Описание материалов проведено с использованием традиционного деления кремневых изделий на технологические группы (нуклеусы, отщепы и пластины, орудия), отражающие последовательность производ-

ственных операций от кремневой конкреции к конечному продукту (Гиря, Брэдли 1996). После предметов из кремня представлено описание изделий, выполненных из каменного сырья.

### Описание материалов

1. Кусок кремня овальной формы с частично сохранившейся галечной коркой; одна поверхность слегка заглажена. Длина 5,2 см, ширина 4,3 см, толщина 2,1 см. Днестровский кремь. № Дн 1933-1/2912.

2. Отщеп от отбойника с частично сохранившейся галечной коркой. Длина 2,2 см, ширина 4,2 см, толщина 0,8 см. Волынский кремь. № 276-1/3. **Табл. 5.1, 1.**

3. Фрагмент отщепа с частично сохранившейся галечной коркой. Длина 3,3 см, ширина 3 см, толщина 0,4 см. Волынский кремь. № коллекции и предмета 4087-1365. **Табл. 5.1, 2.**

4. Отщеп (*splinter flake*), изготовленный в технике двухполюсного отжима (*bipolar knapping* или *splintered technique*) с частично сохраненной галечной коркой. Длина 1,9 см, ширина 2,3 см, толщина 0,5 см. Днестровский кремь. № коллекции и предмета Дн 1933-1/92. **Табл. 5.1, 3.**

5. Верхняя часть отщепа (*splinter flake*), изготовленного в технике двухполюсного отжима (*bipolar knapping* или *splintered technique*). Длина 2,4 см, ширина 1,8 см, толщина 0,4 см. Днестровский кремь? № Дн 1933-1/94. **Табл. 5.1, 4.**

6. Верхняя часть пластины с треугольным сечением. Длина 2,3 см, ширина 1,7 см, толщина 0,4 см. Волынский кремь. № 276-2/28. **Табл. 5.1, 5.**

7. Средняя часть реберчато продольной пластины с мелкой псевдоретушью на боковых краях. Трапециевидное сечение. Длина 3 см, ширина 1,4 см, толщина 0,4 см. Волынский кремь. № 4087-1385. **Табл. 5.1, 6.**

8. Макропластина с трапециевидным сечением, полученная техникой усиленного отжима, в средней части слегка изогнутая. В нижней части с одного бока частично сохранившая галечная корка. Со стороны брюшка заполированность по всей поверхности. Наиболее интенсивная заполированность (до блеска) — в нижней части и половине

правого края — вкладыш серпа. Длина 15,7 см, ширина 2,6 см, толщина 0,6 см. Волынский кремьень. № Дн 1933-1/104. **Табл. 5.1, 7.**

9. Нижняя часть пластины с треугольным сечением. Длина 4,0 см, ширина 1,8 см, толщина 0,4 см. Днестровский кремьень. № Дн 1933-1/472. **Табл. 5.2, 1.**

10. Пластина с треугольным сечением, снятая с боковой (естественной) поверхности нуклеуса. Со стороны брюшка выразительные ударные волны. Ребро между негативами раздавлено. Длина 7 см, ширина 1,7 см, толщина 0,6 см. Днестровский кремьень. № Дн 1933-1/98. **Табл. 5.2, 2.**

11. Пластина частично реберчато продольная с псевдоретушью по левому краю, прямая, с трапециевидным сечением. С обеих сторон сильно заполирована — вкладыш серпа. Длина 5,2 см, ширина 1,8 см, толщина 0,6 см. Волынский кремьень? № 4087-489. **Табл. 5.2, 3.**

12. Проколка на верхней части пластины с треугольным сечением. Длина 3,8 см, ширина 1,6 см, толщина 0,4 см. Волынский кремьень? № Дн 1933/1-95. **Табл. 5.2, 4.**

13. Концевой скребок на частично реберчато продольной пластине с мелкой, систематической косопараллельной отжимной ретушью по всей длине левого края. На правом крае у лезвия мелкая псевдоретушь. Рабочий край скребка дугообразной формы. Вкладыш серпа имеет интенсивную заполированность обоих краев параллельно оси орудия и менее интенсивную заполированность ребер между негативами. В нижней части мелкая, двусторонняя затупливающая ретушь. Край ударной площадки от стороны брюшка раздавлен. Длина 10 см, ширина 2,6 см, толщина 0,7 см, высота рабочего края 0,4 см. Волынский кремьень. № Дн 1933/1-103. **Табл. 5.2, 5.**

14. Фрагмент концевого скребка на пластине со систематической косопараллельной отжимной ретушью. Длина 3 см, ширина 2 см, толщина 0,7 см, высота рабочего края 0,6 см. Волынский кремьень. № 245-1/394. **Табл. 5.3, 1.**

15. Двойной концевой скребок на пластине со систематической косопараллельной отжимной ретушью обоих боковых краев. Один рабочий край скребка дугообразной формы, слегка скошен, второй почти прямой. Длина 3,25 см, ширина 1,9 см, толщина 0,8 см, высота рабочих краев 0,75 и 0,6 см. Волынский кремьень. № 276-2/38. **Табл. 5.3, 2.**

16. Двойной концевой скребок на ретушированной пластине. Оба рабочих края дугообразной формы, один широкий, другой зауженный. Со стороны брюшка ударный бугорок снят плоской ретушью. Один рабочий край сильно раздавлен. Длина 5,2 см,

ширина 2,5 см, толщина 0,8 см, высота рабочих краев 0,8 и 0,6 см. Волынский кремьень. № Дн 1933/1-100. **Табл. 5.3, 3.**

17. Комбинированное орудие на ретушированной пластине: косой концевой скребок и проколка. Край кромки со стороны брюшка имеет блеск, так как изначально это был вкладыш серпа. Длина 3,8 см, ширина 1,5 см, толщина 0,7 см, высота рабочего края 0,6 см. Происхождение кремня не определено. № 4087-1358. **Табл. 5.3, 4.**

18. Нижняя часть пластины со систематической косопараллельной отжимной ретушью одного бокового края; второй край с выщербинами от использования. С обеих сторон заполирована — вкладыш серпа. Длина 2,6 см, ширина 2,8 см, толщина 0,65 см. Волынский кремьень. № 276-1/5. **Табл. 5.3, 5.**

19. Средняя часть пластины со систематической косопараллельной отжимной ретушью одного бокового края; другой край ретуширован двусторонне. Оба края заполированы — вкладыш серпа. Длина 2,4 см; ширина 1,9 см; толщина 1,3 см. Волынский кремьень. № 276-2/10. **Табл. 5.3, 6.**

20. Верхняя часть крупной пластины со систематической косо параллельной отжимной ретушью обоих боковых краев. Длина 3,4 см, ширина 1,3 см, толщина 0,8 см. Неопределенный кремьень, разрушенный термически. № 276-1/9. **Табл. 5.3, 7.**

21. Нижняя часть пластины с нерегулярной косопараллельной отжимной ретушью обоих боковых краев. Слабый блеск утилизации одного бока, параллельного оси, — вкладыш серпа. Длина 4,9 см, ширина 2 см, толщина 0,45 см. Волынский кремьень. № 276-2/19. **Табл. 5.4, 1.**

22. Пластина с затупливающей ретушью обоих боковых краев: с правого — правильная, с левого — менее правильная. Нижняя часть легко заглажена от рукояти, вершина частично отбитая. От стороны брюшка мелкая псевдоретушь обоих боковых краев. Длина 6,3 см, ширина 1,2 см, толщина 0,6 см. Волынский кремьень. № 276-2/25. **Табл. 5.4, 2.**

23. Нижняя часть пластины с затупливающей ретушью обоих боковых краев. Длина 2,3 см, ширина 1,5 см, толщина 0,55 см. Волынский кремьень. № 276-2/36. **Табл. 5.4, 3.**

24. Средняя часть пластины со систематической косопараллельной отжимной ретушью обоих боковых краев, вероятно, изначально концевой скребок. Рабочий край поврежден термически. Вкладыш серпа, несмотря на пережженность, сохранилась заполировка. Длина 4,3 см, ширина 2,6 см, толщина 0,8 см. Неопределенный кремьень, пережженный. № 4087-1361. **Табл. 5.4, 4.**

25. Средняя часть пластины с затупливающей ретушью обоих боковых краев: одного — правильной, другого — нерегулярной. Слабая заполировка обоих боковых краев и ребра сколов. Длина 2,3 см, ширина 1,9 см, толщина 0,4 см. Кварцит (?). № 4087-1363.

**Табл. 5.4, 5.**

26. Пластина со систематической косо-параллельной отжимной ретушью обоих боковых краев; верхняя часть отломана. В нижней части со стороны брюшка плоской ретушью снесена часть ударного бугорка, вероятно, для рукояти. Интенсивный блеск со стороны спинки и брюшка. Со стороны брюшка мелкая псевдоретушь, особенно по левому краю. Вкладыш серпа был перевернут в рукояти, заполировка с обоих краев совместилась, граница незаметна. На сломе блеск утилизации. Длина 10,5 см, ширина 2,2 см, толщина 0,8 см. Волинский кремь. № Дн 1933/1-105. **Табл. 5.4, 6.**

27. Верхняя часть пластины со систематической косопараллельной отжимной ретушью обоих боковых краев. Остроконечный верх заглажен и слегка заполирован. Правый край, дугообразно вогнутый, был подвергнут вторичной обработке затупливающей ретушью. Со стороны брюшка мелкая псевдоретушь и намеренная заостряющая ретушь. Длина 4,3 см, ширина 1,5 см, толщина 0,5. Волинский кремь. № 276-1/1. **Табл. 5.5, 1.**

28. Проколка на пластине с затупливающей ретушью обоих боковых краев. Рабочие края пластины имеют следы интенсивного использования: затертость и заполированность. Длина 4,4 см, ширина 1,5 см, толщина 0,4 см. Волинский кремь. № коллекции и предмета 276-1/2. **Табл. 5.5, 2.**

29. Верхняя часть пластины-кинжала со систематической косопараллельной отжимной ретушью. Со стороны брюшка — мелкая псевдоретушь. Длина 2,9 см, ширина 1,4 см, толщина 0,45 см. Волинский кремь. № 276-2/15. **Табл. 5.5, 3.**

30. Пластина со систематической косопараллельной отжимной ретушью левого края и затупливающей ретушью правого, которые образуют острую вершину. В нижней части — поперечная ретушь. Со стороны брюшка — мелкая псевдоретушь. Длина 5,6 см, ширина 1,2 см, толщина 0,4 см. Волинский кремь. № 4087-487. **Табл. 5.5, 4.**

31. Пластина с мелкой нерегулярной ретушью по левому краю со стороны брюшка и спинки; вершина отбита. Нижняя часть слегка изогнута, трапецевидного сечения. Один негатив противоположный, возможно, из переориентации нуклеуса. Длина 6,3 см, ширина 1,5 см, толщина 0,5 см. Днепропетровский кремь. № 276-1/4. **Табл. 5.5, 5.**

32. Средняя часть пластины с мелкой затупливающей ретушью по левому краю, правый край разрушен термически. Длина 2,2 см, ширина 1,5 см, толщина 0,4 см. Неопределенный кремь, переженный. № 276-2/26. **Табл. 5.5, 6.**

33. Верхняя часть ретушированной пластины с треугольным сечением: один бок ретуширован со стороны брюшка, второй со стороны спинки. Длина 2,6 см, ширина 1,9 см, толщина 0,8 см. Днепропетровский кремь. № Дн 1933/1-93. **Табл. 5.6, 1.**

34. Проколка, изготовленная на пластине при помощи бифасиальной ретуши, с затупливающей ретушью обоих краев и вершины. Часть левого края отломана. Частично сохранилась галечная корка. Рабочий край (кончик) проколки и вершина пластины имеют интенсивные следы использования — стертость, заглаженность и полировка. Длина 5,8 см, ширина 2 см, толщина 0,8 см. Волинский кремь. № 4087-488. **Табл. 5.6, 2.**

35. Долотовидное орудие (chisel-like tool или splintered piece) на пластине с заостряющей ретушью, сохранившейся только в верхней части правого края. Острые поперечные грани и отчетливо заметные ударные волны на брюшке и спинке свидетельствуют о том, что орудие использовалось как долото/зубило, под сильным нажимом. Длина 4 см, ширина 1,7 см, толщина 0,9 см. Волинский кремь. № 276-1/10. **Табл. 5.6, 3.**

36. Долотовидное орудие (chisel-like tool или splintered piece) на нижней части реберчато продольной пластины. Острые поперечные грани и отчетливо заметные ударные волны на стороне брюшка и спинки свидетельствуют о том, что орудие использовалось как долото/зубило, под сильным нажимом. Длина 4 см, ширина 1,7 см, толщина 0,9 см. Волинский кремь. № 4087-1364. **Табл. 5.6, 4.**

37. Долотовидное орудие (chisel-like tool или splintered piece) на верхней части ретушированной пластины, использованной как долото/зубило — острые поперечные грани и отчетливо заметные ударные волны на стороне брюшка и спинки от сильного нажима. Длина 3 см, ширина 2,3 см, толщина 0,5 см. Волинский кремь. № 4087-1369. **Табл. 5.6, 5.**

38. Концевой скребок на отщепе с частично сохраненной галечной коркой. Рабочий край скребка дугообразной формы, угол острый. Один боковой край ретуширован по всей длине затупливающей ретушью, второй частично — заостряющей. Ударный бугорок снят плоской ретушью, вероятно, для рукояти. Длина 3 см, ширина 2,7 см, толщина 0,7 см, высота рабочего края 0,7 см. Волинский кремь. № 245-1/385. **Табл. 5.6, 6.**



39. Концевой скребок на отщепе веерообразной формы. Рабочий край дугообразный, угол острый. Один боковой край ретуширован по всей длине мелкой затупливающей ретушью, второй — крупной, полукруглой ретушью. Длина 2,6 см, ширина 3,6 см, толщина 0,6 см, высота рабочего края 0,9 см. Днестровский кремь. № Дн 1933/1-481. **Табл. 5.7, 1.**

40. Отщеп из переориентации нуклеуса для пластин с мелкой затупливающей ретушью вершины по всему краю. Длина 2,1 см, ширина 3,9 см, толщина 0,55 см. Волинский кремь. № 276-1/7. **Табл. 5.7, 2.**

41. Отщеп с мелкой затупливающей ретушью по левому краю и следами использования на правом крае; частично сохранилась галечная корка. Длина 4,3 см, ширина 2,9 см, толщина 0,55 см. Волинский кремь. № 4087-1366. **Табл. 5.7, 3.**

42. Орудие для высекания огня (кресало) на осколке кремня. Затертые выщербины на вершине. Длина 3,1 см, ширина 1,8 см. Днестровский кремь. № 276-1/8. **Табл. 5.7, 4.**

43. Массивный топор с клиновидным продолговатым сечением и прямоугольным поперечным, шлифованный с двух сторон. Боковые грани — область без шлифовки. Длина 14,5 см, ширина 4,5 см, толщина 3,1 см, ширина обуха 2,1 см, толщина обуха 1,5 см, ширина лезвия 5,4 см. Днестровский кремь. № 4087-485. **Табл. 5.7, 5.**

44. Топор-долото удлинённых пропорций с клиновидным продольным сечением и прямоугольным поперечным, зашлифованный у лезвия. Первично зашлифован по всем поверхностям, включая бока, затем переделан — ретушью снесена большая часть шлифовки на боковых поверхностях. Длина 12,9 см, ширина 3,6 см, толщина 1,5 см, ширина обуха 2,4 см, толщина обуха 0,8 см, ширина лезвия 3,2 см. Днестровский кремь. № 4087-486. **Табл. 5.7, 6.**

45. Топор-тесло с прямоугольным поперечным сечением и асимметричным лезвием. Зашлифованность интенсивнее у лезвия. Длина 8,4 см, ширина 4,6 см, толщина 1,8 см, ширина обуха 2,7 см, толщина обуха 1,2 см, ширина лезвия 4,9 см. Камень. № Дн 1933/1-102. **Табл. 5.8, 1.**

46. Лезвие топора с трапециевидным поперечным сечением и ассиметричным лезвием. Длина 5 см, ширина 4,9 см, толщина 1,2 см, ширина лезвия 5,1 см. Сланец. № Дн 1933/1-119. **Табл. 5.8, 2.**

47. Фрагмент лезвия шлифованного топора или долота (?), треснувший вдоль и сломанный с обеих сторон. Длина 4,7 см, ширина 1,2 см, толщина 2,1 см. Камень (красный песчаник?). № Дн 1933/1-486. **Табл. 5.8, 3.**

48. Наконечник с выпуклыми боками и сильно вогнутым основанием. Длина 2,5–2,7 см, шири-

на 1,4 см, толщина 0,25 см. Волинский кремь. № 276-2/33. **Табл. 5.8, 3.**

49. Концевой двусторонний вкладыш серпа, сохранившийся в двух фрагментах. Прямой край имеет следы интенсивного использования (сильный блеск) в отличие от выпуклого края. Вершина отбита. Орудие очень сильно сработано также на сломе вершины. Длина 7 см, ширина 3,5 см, толщина 0,7 см. Днестровский кремь. № коллекции и предмета Дн 1933/1-101. **Табл. 5.8, 4.**

50. Ложило неправильной формы, на вершине сильно заглаженное и блестящее. Длина 4,5 см, ширина 1,6 см. Камень. № 4087-1351. **Табл. 5.8, 6.**

51. Ложило прямоугольной формы, сильно заглаженное, с блеском на всех поверхностях. Камень. № Дн 1933/1-487. **Табл. 5.8, 5.**

## Сырьё

Кремневые предметы из Немирова изготовлены из двух видов кремня — волинского и днестровского. Географическое положение памятника в бассейне р. Южный Буг позволяет констатировать, что волинский кремь был чужим сырьём, которое привозили издалека, а днестровский был отчасти местным.

Классификацию пород кремня на территории современной Западной Украины разработал В. М. Конопля (Конопля 1998а), который выделил две его основные разновидности: западноволинский, или волинский, и подольский. Волинский кремь залегает в кремнеземно-меловых отложениях северо-западных районов Волинско-Подольской плиты и слоях мела Волинского Полесья (Zakościelna 1996: тара 2; Конопля 1998а: 149–152). Его месторождения расположены на большой территории между современными населёнными пунктами Колки — Киверцы — Кременец — Рогатинь. Для волинского кремня характерны темно-серый, почти чёрный цвет, иногда с темно-синим оттенком, чистая кремнеземная масса (в отдельных случаях с концентрическими более светлыми полосами) с заметным просвечиванием на краях изделий. Природные конкреции большие и очень большие — от 5 до 30–50, реже 100 см. Они имеют достаточно правильные, овальные формы, покрытые тонкой известковой коркой. Волинский кремь отличается превосходной колкостью и, соответственно, высокой пригодностью для производства.

На территории современной Западной Украины В. М. Конопля выделяет вторую разновидность кремня туронского времени. Это так называемый подольский кремь. Его месторождения охватывают обширный регион от восточного Розточе, Гологорско-Кременецкого кряжа, Западноподольскую возвышенность до северной части Покутского района, где он встречается

в высококарбонатных известняках. Химический состав и макроскопические свойства, а следовательно, качество подольского кремня очень близки волынскому. Это сходство видно прежде всего на уровне природных конкреций (конкреции подольского кремня меньше волинских, они не превышают 40 см длины) и исчезает практически полностью на уровне изделий. Поэтому в археологической литературе для волинского и подольского кремня применяется одно общее название — *волинский кремень* (Конопля 1998а: 152–153; Zakościelna 1996: 18).

Днестровский кремень, из которого в немировской коллекции изготовлено 12 предметов, значительно отличается от волинского (Ginter, Kozłowski 1990: 29, гус. 2; Balcer 1983: 47–48; Конопля 1998а: 142–146). Его обширные месторождения находятся в Среднем Поднестровье. Конкреции днестровского кремня разной величины, часто плитовидной формы, цвет варьирует от светло-серого до темно-серого, иногда черного, а в кремнеземной массе имеются беловатые пятна и точки. У некоторых конкреций встречаются изъёмы и нерегулярные углубления неправильной формы (каверны), стенки которых покрыты кристалликами кварца. Для днестровского кремня характерна матовость, меньшая прозрачность и более плохая колкость по сравнению с волинским.

Большие и очень большие размеры конкреций<sup>101</sup>, превосходное качество, колкость, а также относительно легкая доступность в оврагах, образовавшихся в меловой почве и глубоких долинах рек Волинско-Подольской возвышенности, объясняют интенсивное использование древним населением именно волинского кремня, который являлся основным сырьем для производства орудий труда на протяжении почти всей первобытной истории. Волинский кремень использовали и в ранних периодах эпохи железа при изготовлении, прежде всего, бифасиальных зернообрабатывающих орудий — серпов (Koppla 1998b; Libera 2001). Очень трудно определить *terminus post quem* использования кремневого сырья. Правда, в первой половине I тысячелетия до н. э. спрос на кремневое сырье для производства орудий труда и элементов вооружения заметно снижается, хотя кремень еще долгое время применяли для разжигания огня (Piotrowski, Dąbrowski 2007; Pyżewicz, Rozbiegalski 2012; Mączyński, Polit 2016).

Доисторический апогей использования волинского кремня приходится на период энеолита и ранней бронзы. Особенно в энеолите, около 4400–3200/2900 до н.э., когда кремневые изделия были также широко распространены на территории Средней Европы. В энеолитических обществах, таких как люблинско-волинская

культура, культуры Тисаполгар, Бодрогкерестур, он встречается главным образом в виде макропластин, а в культуре воронковидных кубков — в виде макропластин и кремневых топоров. Население люблинско-волинской культуры, которое в период между 4400/4200 и 3650 гг. до н.э. заселяло район кремневых месторождений, вероятно, было единственным их «владельцем» и доминировало в добыче, производстве и распространении макропластин в среде энеолитических культур Средней Европы (Zakościelna 1996: 79–89; Libera, Zakościelna 2011: 89; Zakościelna, Libera 2013: 277–278).

В первой половине IV тыс. до н.э. начинается экспансия населения трипольской культуры, которое прибывает с юго-востока на территорию залежей волинского кремня. Его первые форпосты, связанные с фазой VII среднего периода Триполья, появились в верховьях Горыни и Вилии, а наиболее известный памятник — это поселение-мастерская в Бодаках (Cynkałowski 1961; Скакун 2004; 2006; Старкова 2009; Скакун и др. 2012). С тех пор население трипольской культуры вело добычу, производство, распространение макропластин, по-видимому, заготовок топоров, прежде всего среди трипольских поселений в междуречье Днестра, Южного Буга и Днепра, а также среди западных соседей — представителей культуры воронковидных кубков (Balcer 1981: гус. 2; 1983: 183; Zakościelna 1996: 88–89; 1997: 104; Libera, Zakościelna 2011: 103–105; Zakościelna, Libera 2013: 283–285).

В коллекции из Немирова значительно преобладает волинский кремень, как в общей структуре инвентаря (30 экз. — 62,5 %; днестровский, 12 экз. — 25 %; неопределенный, 6 экз. — 12,5 %), так и в отдельных технологических группах (**таблица**). Немногочисленные отщепы наполовину выполнены из волинского кремня, наполовину из днестровского. Из шести пластин четыре — из волинского кремня, две — из днестровского. Здесь важным является наличие одной макропластины из волинского кремня, иллюстрирующей, как происходило его распространение от месторождений до пользователей: кремневые конкреции не транспортировали, а обрабатывали на местах добычи, снимали пластины с крупных нуклеусов, формировали заготовки топоров, а уже из мастерских выходил переработанный продукт — макропластины и топоры.

Эталонным и до сегодняшнего дня единственным исследованным примером такого производственного комплекса является уже упомянутое поселение-мастерская Бодаки (Тернопольская обл., Збаражский район, Украина), обнаруженное в 1920-х гг. Александром Цинкаловским (Cynkałowski 1961: 35–36). Мастерская расположена буквально на месторождениях волинского кремня, рядом с глубоким оврагом, в стенках которого до сих пор видны большие кремневые желваки.

<sup>101</sup> Александр Цинкаловский (1961: 3–4) пишет о конкреции кремня размером 150 × 250 см, открытой в меловом профиле севернее г. Кременец.

В результате многолетних исследовательских раскопок здесь была открыта полуземляночная застройка окруженного рвом поселения и ряд хозяйственных объектов, наполненных кремневым материалом, демонстрирующим весь процесс формообразования нуклеусов, эксплуатации пластин и производства орудий (Скакун 2004; Скакун и др. 2012). Такая интенсивность производства показывает, что здесь жили мастера-профессионалы, которые добывали и перерабатывали волынское сырье, прежде всего, для потребностей поселенческих центров трипольской культуры, локализованных в междуречье Днепра, Южного Буга и Днестра, а предметом обмена были крупные пластины и, возможно, заготовки топоров (Скакун 2004: 69–70). Многие указывают на то, что мастера Подольской возвышенности обеспечивали также своих западных соседей и, в первую очередь, население культуры воронковидных кубков, восточная граница заселения которой достигала территории западной Волыни и реки Стырь (Balcer 1983: 183; Zakościelna 1997: 104).

В проанализированной коллекции количество изделий из волынского кремня преобладает главным образом в группе орудий на пластинах: из 26 экземпляров только одно выполнено из днестровского кремня, а для шести сырья не определено из-за термических изменений. Из шести орудий на отщепе четыре изготовлены из волынского кремня. Зато два топора, имеющиеся в коллекции, сделаны из днестровского кремня.

### Структура инвентаря

Как уже было сказано во вступлении, коллекция кремневых материалов из Немирова носит признаки бессистемной выборки, следовательно, ее структура мало говорит о видах кремнепроизводственной активности, осуществляемой на поселении, а также о занятиях трипольского населения. В собрании нет нуклеусов и отходов производства. К этой группе лишь условно можно отнести овальную натуральную гальку днестровского кремня, причем небольшие размеры и довольно низкое качество исключают вероятность, что ее принесли на поселение с целью использовать в дальнейшем как нуклеус. В группе отщепов следует отметить отдельные экземпляры с ударными площадками в виде грани и выразительными, очень сгущенными ударными волнами со стороны брюшка. Они были получены с использованием двухполюсной техники отжима (bipolar knapping или splintered technique), которая часто интерпретируется как доказательство экономии кремневого сырья, потому что в некоторых древних производствах таким образом были использованы нуклеусы в конечной стадии. В коллекции также есть два так называемых первичных отщепе с частично сохранившейся галечной коркой и отщеп от отбойника со следами пикетажа. Изначально количество отщепов было больше, так как на них выполнены два скребка, а два другие экземпляра имеют мелкую затупливающую ретушь и поэтому отнесены к группе орудий на отщепе. Один

Т а б л и ц а

Немировское городище. Общая структура кремневых и каменных изделий трипольской культуры

Сырье	Волынский	Днестровский	Неопределенный	Всего
Природный кусок кремня		1		1
<b>Отщепы</b>				
Отщепы	1			1
Отщепы в двухполюсной технике отжима (bipolar knapping / splintered technique)		2		2
Отщепы от отбойников	1			1
<b>Всего</b>	<b>2</b>	<b>2</b>		<b>4</b>
<b>Пластины</b>				
Целые пластины	2	1		3
Нижние части пластин		1		1
Средние части пластин	1			1
Верхние части пластин	1			1
<b>Всего</b>	<b>4</b>	<b>2</b>		<b>6</b>
<b>Орудия на пластинах</b>				
Концевые скребки	2			2
Двойные концевые скребки	2			2
Концевой скребок+проколка			1	1
Пластины с регулярной ретушью одного бокового края	2			2



Пластины с регулярной ретушью обоих боковых краев	3		3	6
Пластины-кинжалы	5			5
Пластины с нерегулярной ретушью		1	2	3
Проколки	2			2
Долотовидные орудия на ретушированных пластинах	3			3
<b>Всего</b>	<b>19</b>	<b>1</b>	<b>6</b>	<b>26</b>
<b>Орудия на отщепах и осколках</b>				
Концевые скребки	1	1		2
Отщепы с ретушью	2			2
Наконечники	1			1
Осколок-кресало		1		1
<b>Всего</b>	<b>4</b>	<b>2</b>		<b>6</b>
<b>Другие кремневые орудия</b>				
Топоры и долота		2		2
Бифасиальный вкладыш серпа		1?		1
<b>Всего</b>		<b>3</b>		<b>3</b>
<b>Кремневые изделия — итого</b>	<b>29</b>	<b>11</b>	<b>6</b>	<b>46</b>
<b>Каменные орудия</b>				
Тесла/топора				3
Лощила				2
<b>Всего</b>				<b>5</b>

из упомянутых выше экземпляров был снят в процессе переоформления нуклеуса для пластин (табл. 5.7, 2).

Пластин в коллекции больше, чем отщепов — шесть экземпляров, из которых две целые, два фрагмента верхних частей и по одному нижнему и среднему фрагментам. Среди них есть экземпляры как с ранних, так и с последующих стадий скалывания нуклеусов. Первую группу представляют целая пластина (7 × 1,7 × 0,6 см) из днестровского кремня с натуральной поверхностью спинки (табл. 5.2, 2) и средний фрагмент реберчато-продольной пластины с мелкой псевдоретушью на боковых краях.

Раннюю стадию или этап расширения поверхности скалывания на бок нуклеуса представляет частично реберчато-продольная пластина из волынского кремня с двумя перпендикулярными оси негативами в верхней части. Этот экземпляр был использован как вкладыш серпа, который переключивали в рукояти. Правый край с обеих сторон слегка заполирован вдоль, на левом, также заполированном, имеются выемки, характерные для зернообрабатывающих орудий (табл. 5.2, 3). На реберчато-продольных пластинах выполнены также некоторые ретушированные орудия (табл. 5.2, 5; 5.3, 2; 5.4, 6; 5.6, 4).

Описанные выше пластины, как целые, так и во фрагментах, имеют небольшие размеры. Они достаточно короткие — 5,2 и 7 см, узкие — от 1,4 до 1,8 см и тонкие — от 0,4 до 0,6 см. Технологические признаки по-

казывают, что они были изготовлены с использованием мягкого посредника, вероятно, рогового. Ударные площадки пластин гладкие или двугранные, ударные бугорки довольно выпуклые с изъятиями, а в нижних частях видны следы выравнивания края нуклеуса (удаление карнизов) перед скалыванием пластин (табл. 5.1, 7; 5.2, 1, 2, 5; 5.5, 5). Пластина с натуральными поверхностями спинки была получена при помощи отжима «от руки», о чем свидетельствуют небольшая плоскость ударной площадки и выразительные ударные волны со стороны брюшка (табл. 5.2, 1). От этой группы пластин значительно отличается одна из волынского кремня, которая с одного бока в верхней части покрыта галечной коркой. Этот экземпляр размером 15,7 × 2,6 × 0,6 см, со срединно-выпуклой ударной площадкой и большим плоским ударным бугорком. Ее боковые края параллельны почти по всей длине, масса равномерно распределена, имеется легкая изогнутость в средней части, сечение трапециевидное (табл. 5.1, 7). Эти технологические качества позволяют классифицировать данное изделие как супермакропластину, отделенную от большого нуклеуса при помощи сильного нажима с использованием простого механизма, вероятно, рычага (Migal 2002: 275; Pelegrin 2006: Fig. 3, a, b).

В коллекции из Немирова наиболее многочисленные группы — орудия на пластинах, затем на отщепах (табл. 5.1). В первой группе преобладают пластины, боковые края которых сформированы при помощи

правильной ретуши на 1/2 или 2/3 длины. Это, прежде всего, плоская или полуплоская, систематическая косо-параллельная отжимная ретушь. Большинство ножевидных орудий сохранились во фрагментах, поэтому трудно определить частотность отдельных подтипов. Среди них преобладают двулезвийные экземпляры (табл. 5.3, 5; 5.4, 1, 2, 4, 6), также встречаются однолезвийные (табл. 5.3, 5) и «кинжалы» (табл. 5.5, 1, 3). Значительная часть их была изготовлена на массивных пластинах, поэтому часто сломанные экземпляры были переделаны и вновь использованы. Так, в коллекции из Немирова есть концевые скребки с одним или двумя рабочими краями, выполненные на ретушированных пластинах (табл. 5.2, 5; 5.3, 2, 3; 5.4, 4), а также одна проколка (табл. 5.5, 2). Одну ретушированную пластину использовали как долотовидное орудие (*bipolar knapping* или *splintered technique*) (табл. 5.6, 5). Все описанные выше орудия изготовлены из волынского кремня.

Часть пластин обработана менее правильной ретушью, нанесенной на края частично, чаще всего мелкой, затупливающей боковые края (табл. 5.2, 3; 5.4, 5). В некоторых случаях, возможно, это псевдоретушь, ненамеренная или случайная, возможно, образовавшаяся в результате современных повреждений (табл. 5.5, 5).

Кроме упомянутых выше концевых скребков на ретушированных пластинах в коллекции присутствуют и скребки на отщепках (табл. 5.6, 6; 5.7, 1). У тех и других рабочие лезвия дугообразной формы со средней высотой 0,4–0,6 см. Особый интерес представляет комбинированное орудие: косой скребок и проколка (табл. 5.3, 4), причем острие массивной проколки ретушировано бифасиально (табл. 5.6, 2).

Из трех долотовидных орудий одно выполнено на реберчато- продольной пластине (табл. 5.6, 3), а два другие — на ретушированных пластинах (табл. 5.6, 3, 5).

Два топора четырехугольные в поперечном сечении, выполнены из днестровского кремня (?). Один из них трапецевидной формы, довольно массивный: его толщина составляет 2/3 ширины, а сильно истонченный обух — 1/3 часть ширины лезвия. Его широкие стенки тщательно зашлифованы, а бока и область обуха остались неглажены. Лезвие имеет слегка дугообразную форму (табл. 5.7, 5). У второго экземпляра промежуточные пропорции между топором и долотом, форма почти прямоугольная, дугообразное лезвие, а обух лишь немного уже лезвия. В профиле заметна незначительная асимметрия: одна стенка топора плоская, вторая слегка выпуклая. Изначально все поверхности орудия были зашлифованы, затем вторичная ретушь почти полностью снесла шлифовку на боковых стенках (табл. 5.7, 6).

В составе коллекции есть три шлифованных каменных орудия. Это целый топор трапецевидной формы, с четырехугольным поперечным сечением, слегка дуго-

образным, асимметричным лезвием, зашлифованный по всем поверхностям, а наиболее интенсивно — у лезвия. Каменное сырье, из которого он изготовлен, не определено (табл. 5.8, 1). Также фрагмент топора с четырехугольным поперечным сечением и сильно выпуклым, асимметричным лезвием, выполненный из красного песчаника (табл. 5.8, 2). И третье орудие представлено сломанным с обеих сторон лезвием топора, треснувшим вдоль, изготовленным, как и предыдущий экземпляр, из красного песчаника. Орудия такого типа являлись постоянным элементом в составе каменного инвентаря поселений трипольской культуры (напр. Kadrow 2003: гус. 50, 1, 2).

К более позднему периоду заселения памятника очевидно принадлежат сердцевидный наконечник с выпуклыми боками и вогнутым основанием, сформированный затупливающей ретушью по краям (табл. 5.8, 3), и бифасиальный вкладыш серпа, очень сильно сработанный (табл. 5.8, 4). Они, вероятно, связаны с ранним бронзовым веком или даже с ранним железным веком.

Невозможно с уверенностью определить культурную принадлежность двух каменных лошцил (табл. 5.8, 5, 6), которые могли быть связаны как с трипольским горизонтом, так и с более поздними этапами заселения памятника.

## Подведение итогов

Небольшая коллекция кремневых предметов из Немирова, сопоставленная с трипольским этапом заселения, имеет характерные для этой культуры элементы технологии производства, известные на многих других памятниках (Пассек 1961; Конопля 1990; Сорокин 1991; Энговатова 1993). Кроме общеизвестных кремневых орудий, встречающихся в разных неолитических и энеолитических культурах (концевые скребки, проколки и др.), а также шлифованных топоров с четырехугольным сечением следует особо отметить наличие макропластин, полученных с помощью усиленного нажима (табл. 5.1, 7), и орудий со систематической косо-параллельной отжимной ретушью (табл. 5.2, 5; 5.3, 2, 5, 7; 5.4, 1, 4, 6; 5.5, 1, 3, 4). Эта заостряющая ретушь — наиболее отличительный способ изготовления режущих ножевидных орудий в комплексах трипольской культуры (Черныш 1982: рис. LXXV, 1–3, 7, 10, 12, 13; Конопля 1990: 24–25; Сорокин 1991; Энговатова 1993: 16–17; Kadrow i inni 2003: гус. 40, 1–4, 12; 42, 8, 10–12; 43, 1, 3–5, 10, 11; 44, 10–12; Pelisiak 2016: 286). Ее генезис тяготеет к территории Анатолии и Западной Азии, где она появляется в докерамических слоях Хаджилара и докерамических и керамических слоях Чатал Гююка. В Европе же такая ретушь известна только в круге энеолитических культур Гумельница–Караново VI–Код-

жадермен, в культуре Варна на Восточных Балканах. Интересно, что в энеолите Восточных Балкан в технике систематической косопараллельной отжимной ретуши производились главным образом разного типа и величины бифасиальные наконечники (Păunescu 1970: fig. 31, 2, 10, 12; Lichardus, Lichardus-Iltten 1995: 234–237, гус. 3; Manolakakis 2005: pl. 85, 9; 108, 2; 119, 5; 142, 1–3, 9, 10), но ее не применяли для изготовления ножевидных орудий. Приблизительно в это же время систематическая косопараллельная отжимная ретушь широко распространяется в трипольской культуре. Она появляется в конце этапа VI на днестровских поселениях Поливанов Яр (Попова 1980: 157 сл.; 2003: рис. 12, 15, 17; 13, 2, 3, 5–14; 72, 4–10; 83, 2–7, 9–13 и др.) и Залешики (Виноградова 1972: 68–70) вместе с макролитизацией производства пластин и первыми кремневыми топорами. Орудия с систематической косопараллельной отжимной ретушью распространяются повсеместно во всех областях ареала на поселениях развитого этапа Триполья (BII, CI) (Черныш 1982: 207; Конопля 1990: рис. 5; Энгватова 1993: 16–17; Скакун 2004: рис. 4, 3, 4; 5, 2–4; 8, 1, 4, 6; 9, 1, 2; 11, 4, 5; Pelisiak 2016: 286), а также в Северном Причерноморье и Приднепровской возвышенности, где в очень большом количестве они были обнаружены на поселении Владимировка (Черныш 1951: 89, 92, рис. 2, 1; 23, 11; 24, 7). При посредничестве трипольского населения систематическая косопараллельная отжимная ретушь распространилась на территорию Центральной Европы. Особенно широко она стала применяться среди населения люблинско-волынской культуры, где мастера при помощи этой ретуши форми-

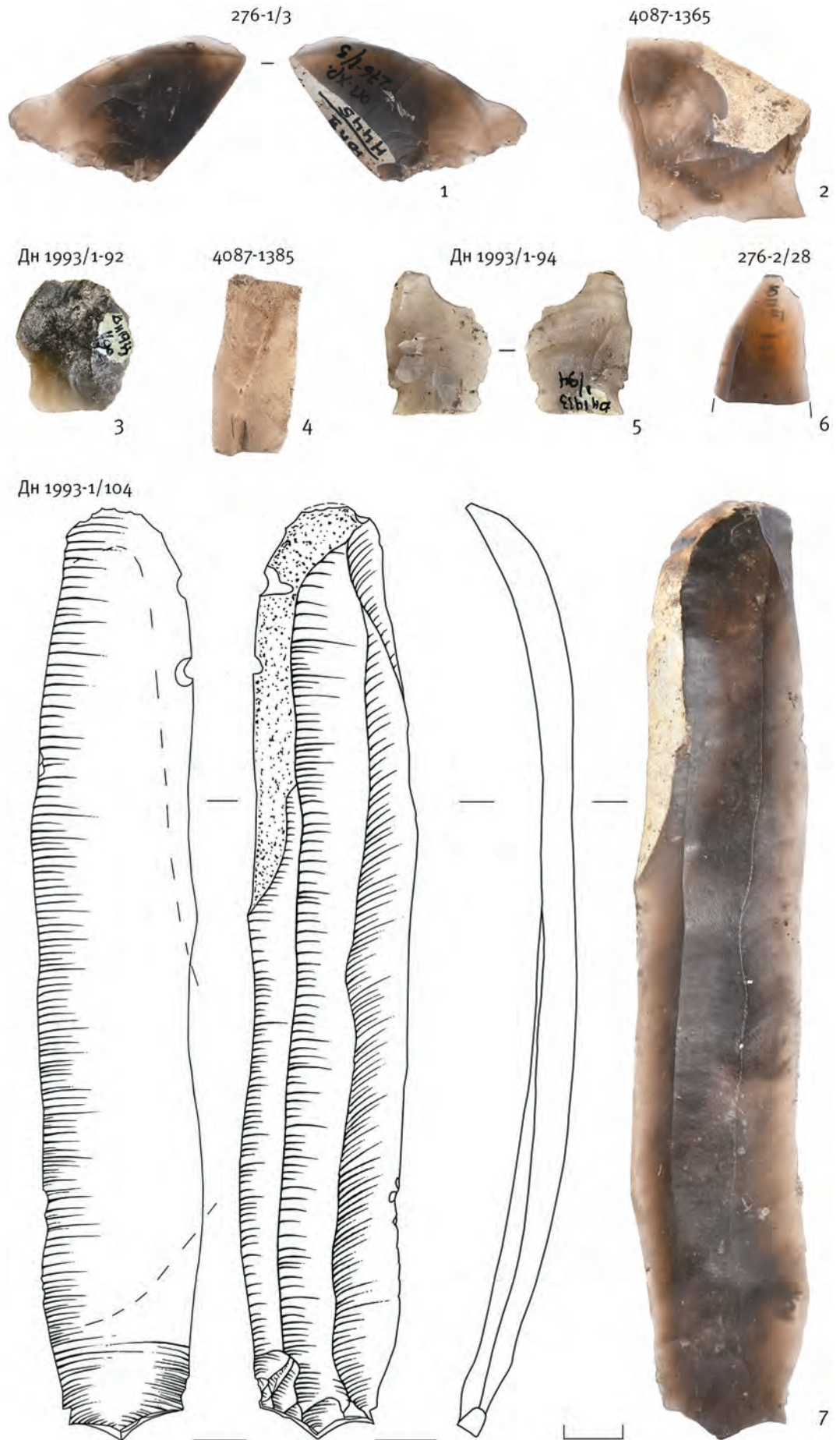
ровали не только края режущих орудий, но и лезвия скребков, пластин со скошенным краем и наконечники (Zakościelna 1996: 92–93; Libera, Zakościelna 2013: 218–220; Zakościelna, Libera 2014: fig. 2).

Заслугой населения трипольской культуры является также распространение в Центральной Европе новой технологии производства кремня, которая заключалась в получении длинных и очень длинных так называемых суперпластин (Sirakov 2002: 218). Пластины, полученные с помощью простого приспособления — рычага — для усиления отжима, быстро стали очень популярными у энеолитических обществ. У одних они имели прежде всего хозяйственное применение, связанное с повышением качества орудий труда (например, серпы с единым длинным вкладышем у населения трипольской культуры и культуры воронковидных кубков — Balcer 1983: 40–43, гус. 3), у других — были предметами престижа взрослых мужчин, о чем свидетельствуют их находки в богатых погребениях знати в люблинско-волынской культуре, культурах Варна и Тисаполгар-Бодрогкерестур (см. Манолакакис 2002; Manolakakis 2005; Zakościelna 2008; 2010).

Несмотря на незначительность и достаточно малую выразительность каменных артефактов из трипольского горизонта поселения Немиров, они иллюстрируют наличие двух чрезвычайно важных элементов производства кремня: систематическую косопараллельную отжимную ретушь и длинные пластины, которые считаются одним из наиболее высоких технологических достижений, максимально использующих особенности кремневого сырья.



Табл. 5.1. Немировское  
городище.  
Кремневый инвентарь  
трипольской культуры



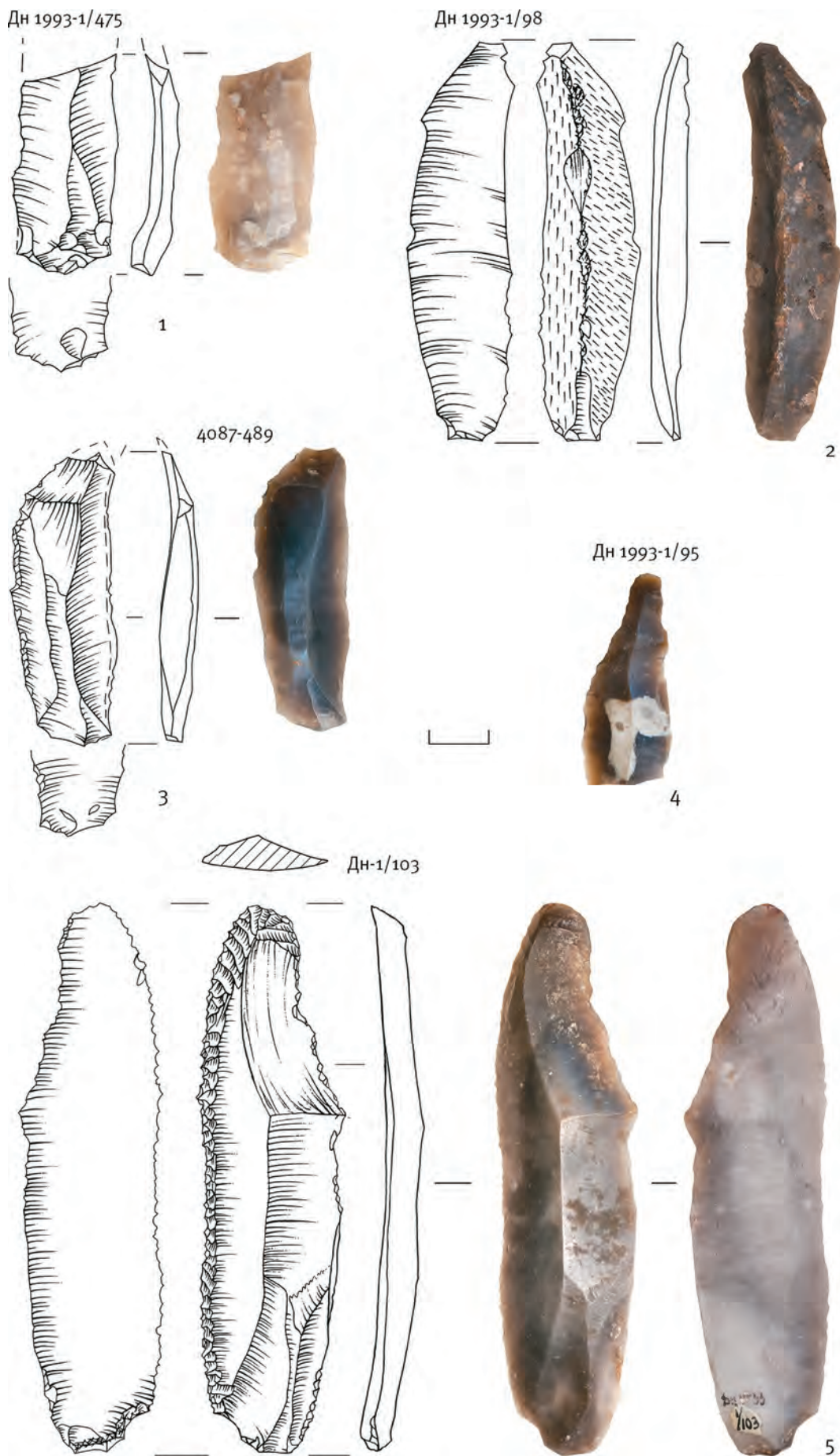
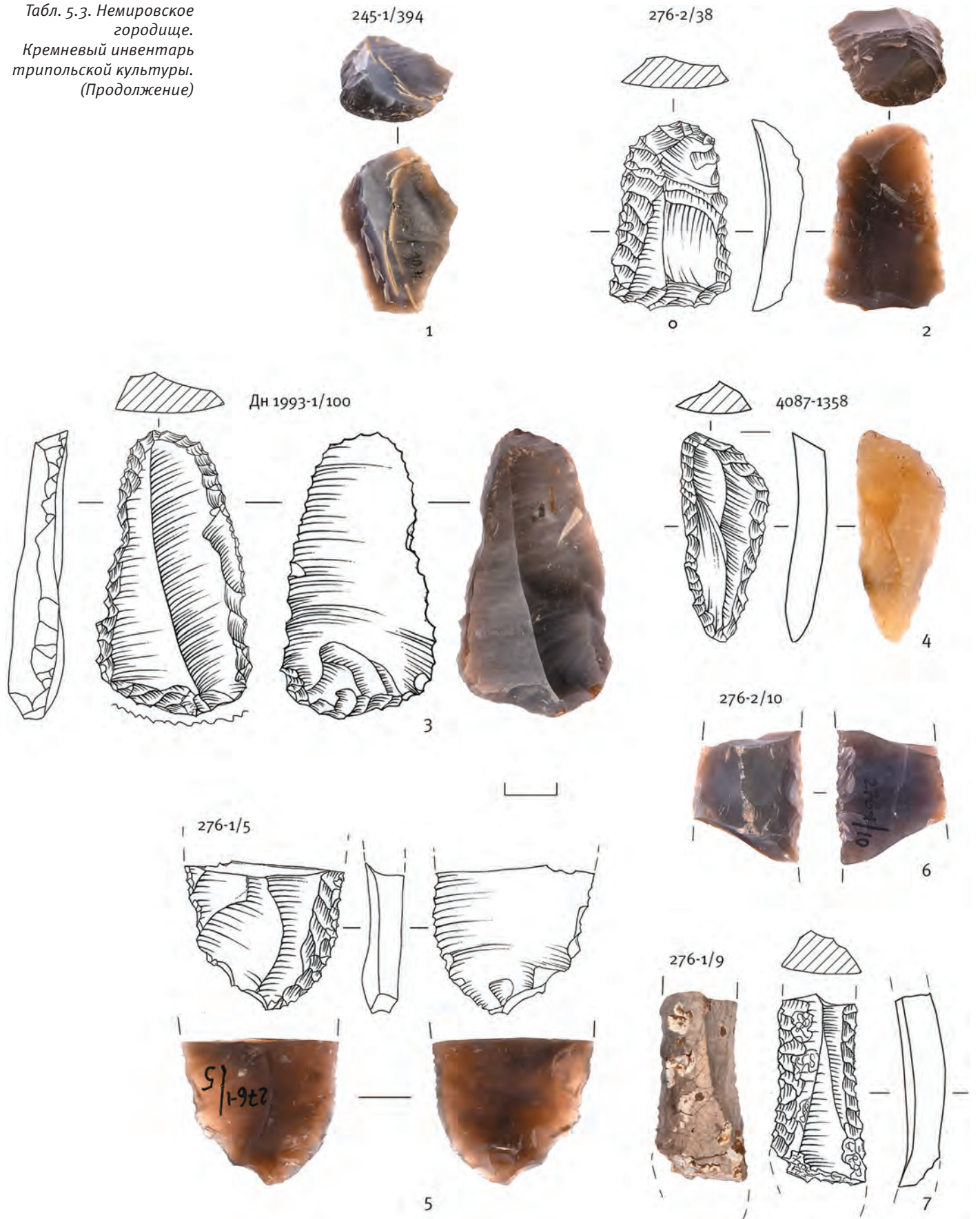


Табл. 5.2. Немировское городище. Кремневый инвентарь трипольской культуры. (Продолжение)



Табл. 5.3. Немировское  
городище.  
Кремневый инвентарь  
трипольской культуры.  
(Продолжение)





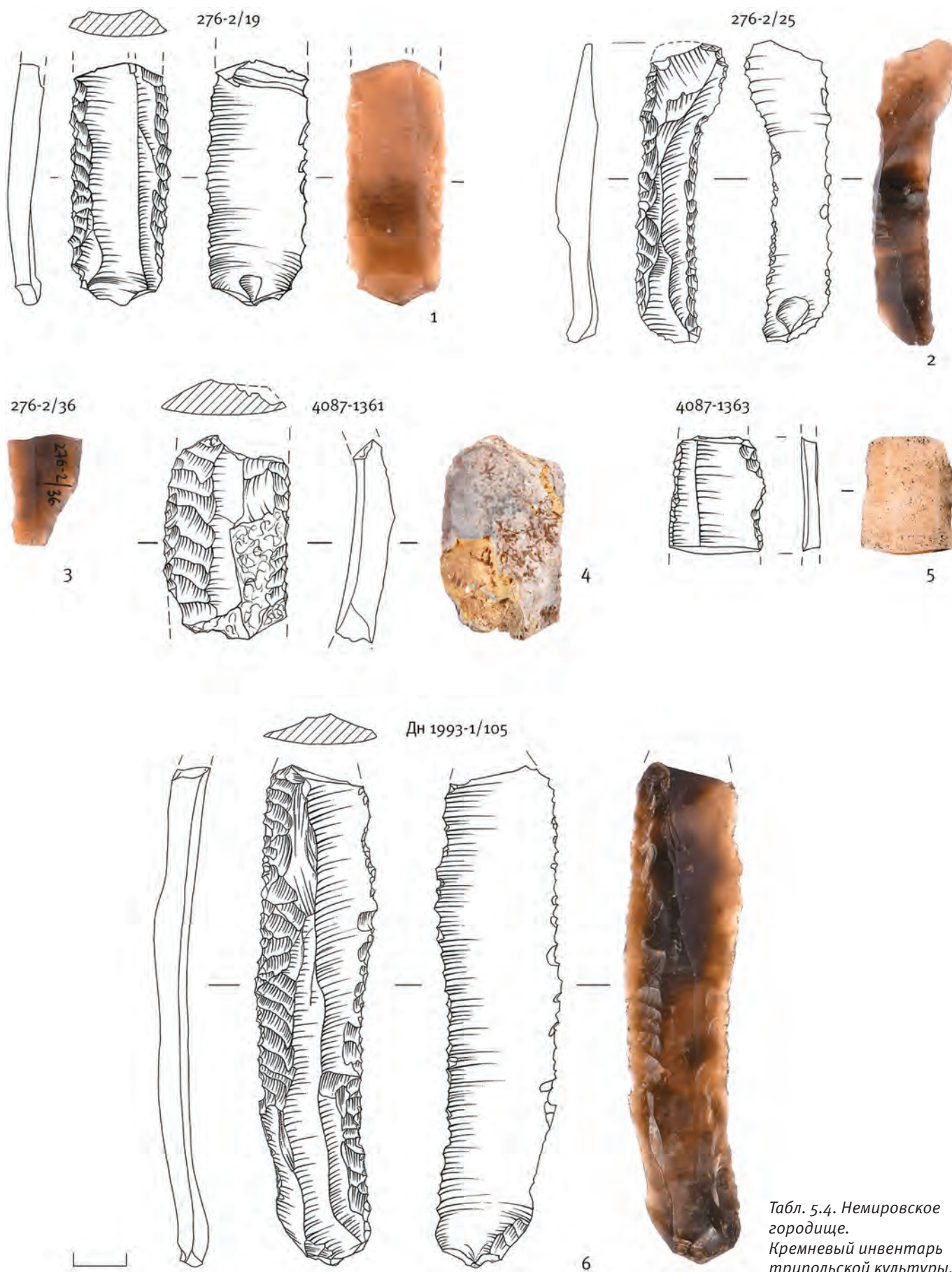
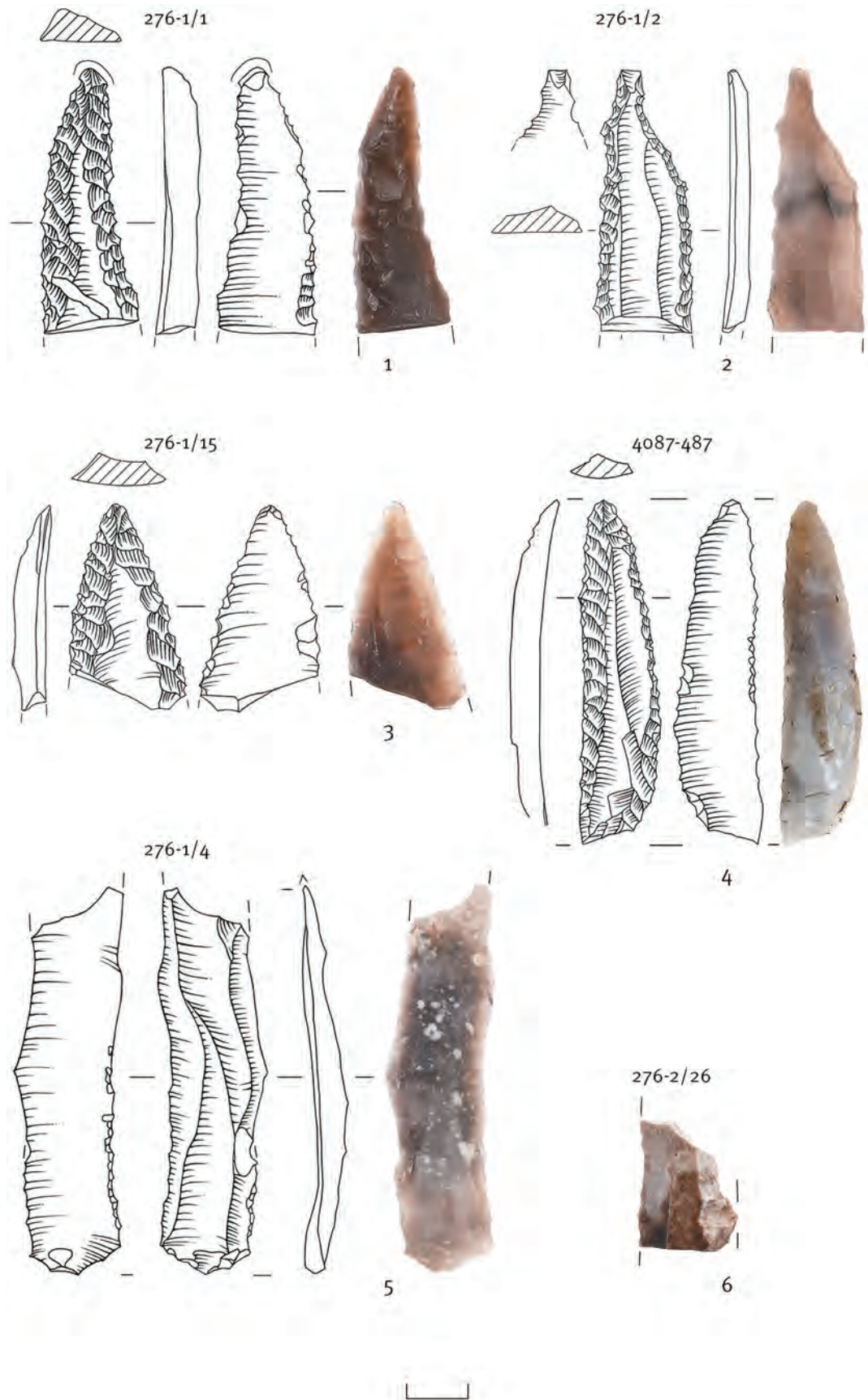


Табл. 5.4. Немировское городище.  
Кремневый инвентарь  
трипольской культуры.  
(Продолжение)

Табл. 5.5. Немировское  
городище.  
Кремневый инвентарь  
трипольской культуры.  
(Продолжение)





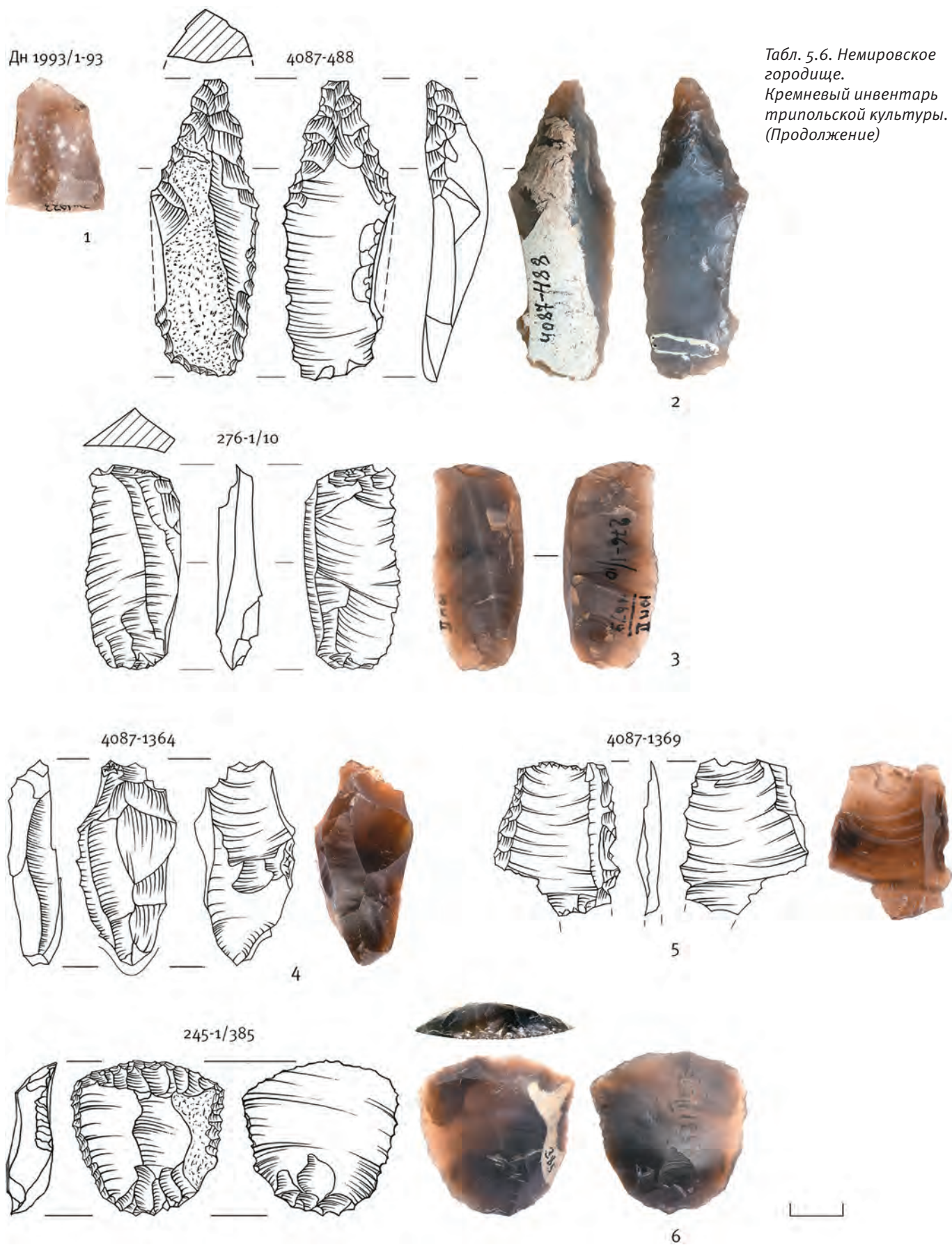
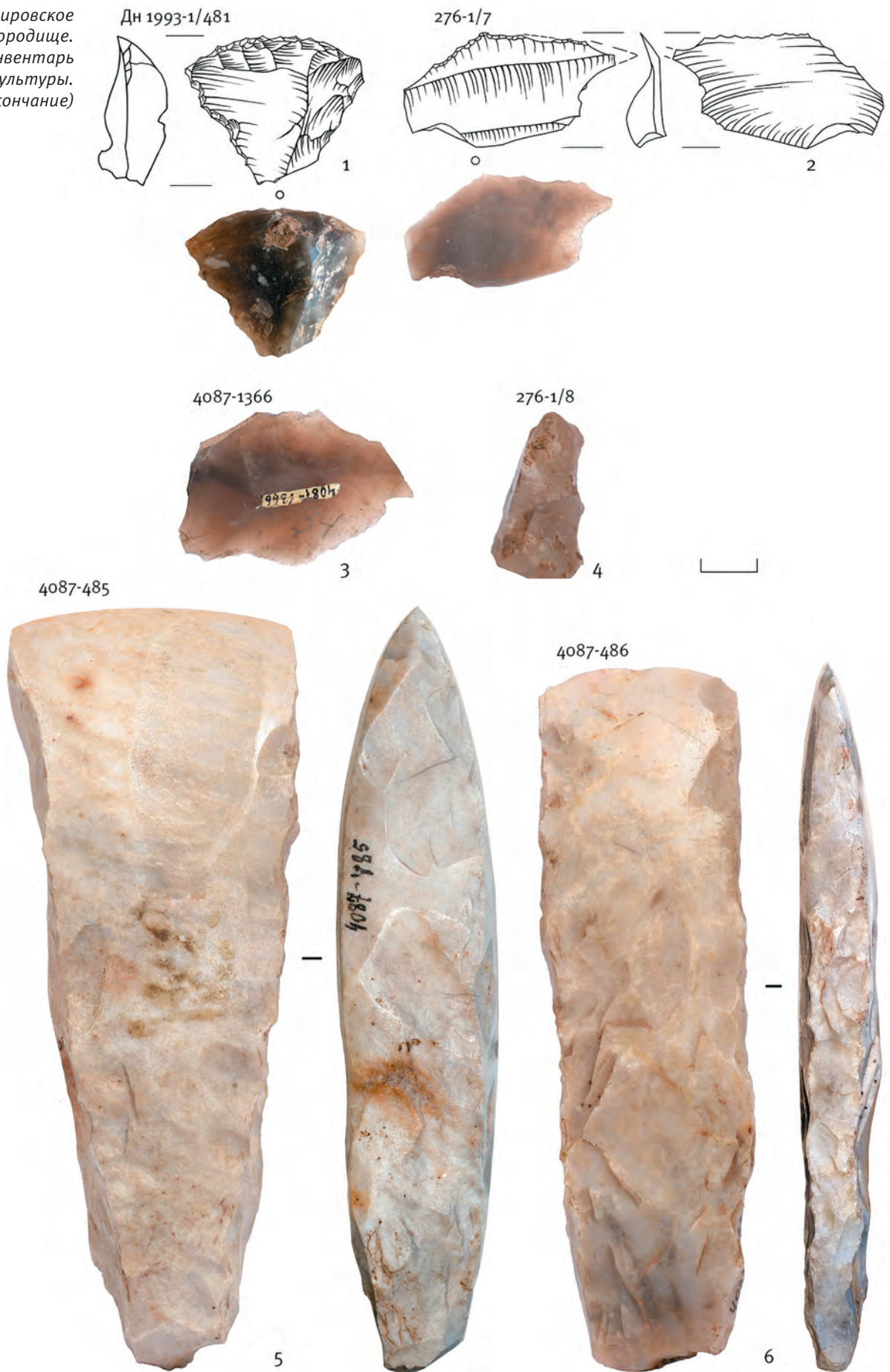


Табл. 5.6. Немировское городище.  
Кремневый инвентарь трипольской культуры.  
(Продолжение)



Табл. 5.7. Немировское  
городище.  
Кремневый инвентарь  
трипольской культуры.  
(Окончание)



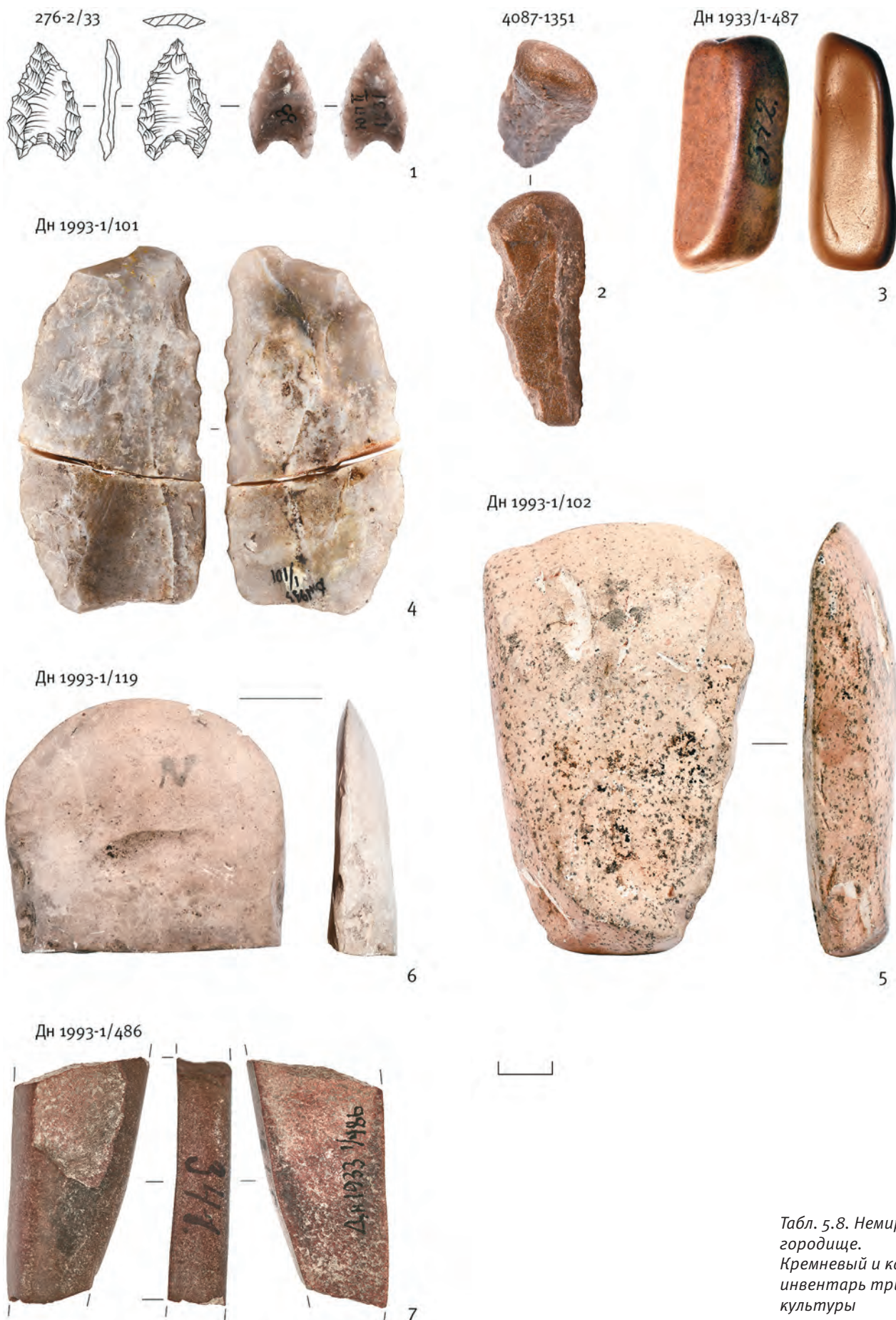


Табл. 5.8. Немировское городище. Кремневый и каменный инвентарь трипольской культуры



## ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа, каталог находок

М. Ю. Вахтина, ИИМК РАН, Санкт-Петербург (Россия)

В коллекции ОАВЕС ГЭ под инвентарным номером Дн 1909 хранится фрагмент, найденный при раскопках С. С. Гамченко. Под номерами Дн 1933 хранятся материалы из раскопок А. А. Спицына. Под инвентарными номерами 278/ (полевой шифр ЮП I) значатся находки из раскопок Юго-Подольской экспедиции под руководством М. И. Артамонова 1947 г., под инвентарными номерами 251/ (полевой шифр ЮП II) — из раскопок 1948 г.

### 1. ТРАНСПОРТНЫЕ АМФОРЫ

1.1. ФРАГМЕНТЫ ВЕНЧИКА И ГОРЛА АМФОРЫ. 278/317. ЮП I/3089. Два фрагмента. Большой фрагмент склеен из пяти обломков (**табл. 6.1, 1**). Маленький представляет собой часть венчика с местом крепления ручки (**табл. 6.1, 3**).

РАЗМЕРЫ. Большой фрагмент: высота 9,9 см, диаметр 15 см; маленький фрагмент: высота 3,7 см, ширина 4,4 см.

ОПИСАНИЕ. Фрагмент амфоры с цилиндрическим, слегка расширяющимся в нижней части горлом. Глина серовато-коричневая, плотная, с мелкими блестками слюды. На горле на расстоянии 2,5 см от нижнего внешнего края венчика — ребро. На маленьком фрагменте сохранилась часть верхнего прилепа ручки диаметром около 3,4 см.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-1, кв. XIVa.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Эолия (?).

ДАТИРОВКА. Вторая половина VII — первая половина VI в. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1988: рис. 1, 6.

1.2. ФРАГМЕНТ ГОРЛА АМФОРЫ. Дн 1933-1/790 (**табл. 6.1, 2**).

РАЗМЕРЫ. Высота 6 см, диаметр 15 см, ширина 4,4 см, толщина стенок 0,5–0,6 см.

ОПИСАНИЕ. Фрагмент амфоры с цилиндрическим, слегка расширяющимся в нижней части горлом. Глина серовато-коричневая, плотная, с мелкими блестками слюды.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-1, кв. XIVa.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Эолия (?).

ДАТИРОВКА. Вторая половина VII — первая половина VI в. до н.э.

1.3. ФРАГМЕНТ ГОРЛА И ВЕРХНЕЙ ЧАСТИ ПЛЕЧИКОВ АМФОРЫ. 278/318, ЮП I/3090 (**табл. 6.2, 1**).

РАЗМЕРЫ. Длина 10 см, высота 6,3 см, диаметр нижней части горла около 15 см.

ОПИСАНИЕ. Глина плотная, серовато-коричневая, без видимых примесей.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-1, кв. XIVa.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Эолия (?).

ДАТИРОВКА. Вторая половина VII — первая половина VI в. до н.э.

1.4. ФРАГМЕНТ РУЧКИ АМФОРЫ. 278/318. ЮП I/3090 (**табл. 6.2, 2**).

РАЗМЕРЫ. Длина 5,6 см, диаметр 2,5 см.

ОПИСАНИЕ. Фрагмент ручки округлой формы. Глина серовато-коричневая, плотная, с мелкими блестками слюды.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-1, кв. XIVa.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Эолия (?).

ДАТИРОВКА. Вторая половина VII — первая половина VI в. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1988: рис. 1, 6.

1.5. ФРАГМЕНТ ВЕНЧИКА АМФОРЫ С ВЕРХНЕЙ ЧАСТЬЮ РУЧКИ. 251/295. ЮП II/Н-88 (**табл. 6.1, 4**).

РАЗМЕРЫ. Высота 6,5 см, длина 7 см, диаметр венчика 14 см, диаметр ручки 2,7 см.

ОПИСАНИЕ. Фрагмент амфоры с цилиндрическим, слегка расширяющимся в нижней части горлом. Глина серая, с большим количеством мелких блесток слюды.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-1, кв. XIVa.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Эолия (?).

ДАТИРОВКА. VI в. до н.э.

1.6. ФРАГМЕНТ КРУГЛОЙ В СЕЧЕНИИ РУЧКИ АМФОРЫ С ЧАСТЬЮ ВЕРХНЕГО ПРИЛЕПА. 2819/41. ЮП II/Н-88 (**табл. 6.2, 3**).

РАЗМЕРЫ. Высота 6,1 см, диаметр 2,7 см.

ОПИСАНИЕ. Глина серая, без видимых примесей слюды.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Эолия.

ДАТИРОВКА. VI в. до н.э.

1.7. ФРАГМЕНТ КРУГЛОЙ В СЕЧЕНИИ РУЧКИ АМФОРЫ С ЧАСТЬЮ ВЕРХНЕГО ПРИЛЕПА. 278/145. ЮП I/2549 (**табл. 6.2, 6**).

РАЗМЕРЫ. Высота 6,1 см, диаметр 2,7 см.

ОПИСАНИЕ. Глина серая, без видимых примесей слюды.

МЕСТО НАХОДКИ. IV-6.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Эолия.

ДАТИРОВКА. VI в. до н.э.

1.8. ФРАГМЕНТ КРУГЛОЙ В СЕЧЕНИИ РУЧКИ АМФОРЫ С ЧАСТЬЮ НИЖНЕГО ПРИЛЕПА. Дн 1933-1/1057 (**табл. 6.2, 5**).



РАЗМЕРЫ. Высота 4,8 см, диаметр 2,7 см.  
ОПИСАНИЕ. Глина серая, с большим количеством мелких блесток слюды.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Эолия (?).

ДАТИРОВКА. VI в. до н.э.

1.9. КРУГЛАЯ В СЕЧЕНИИ РУЧКА АМФОРЫ С ЧАСТЯМИ ВЕРХНЕГО И НИЖНЕГО ПРИЛЕПОВ.

В нижней части «крысиный хвост». 251/3.

ЮП II/Н-5 (табл. 6.2, 4).

РАЗМЕРЫ. Высота 20 см, диаметр 3,5–3,7 см.

ОПИСАНИЕ. Глина серая, с большим количеством мелких блесток слюды.

МЕСТО НАХОДКИ. З-II, кв. IV, 5.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Эолия.

ДАТИРОВКА. VI в. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 1, 5.

1.10. ФРАГМЕНТ ДНА АМФОРЫ.

251/217. ЮП II/Н-39 (табл. 6.1, 5).

РАЗМЕРЫ. Высота 6,5 см, ширина 12 см, диаметр дна 11 см, толщина стенки 1,4 см — в верхней части, 2 см — в придонной части.

ОПИСАНИЕ. Глина серая, с небольшой примесью слюды.

МЕСТО НАХОДКИ. З-II, кв. VII-а, шт. 6.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Эолия.

ДАТИРОВКА. Конец VII — первая половина

VI в. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 4, 8.

1.11. ФРАГМЕНТЫ СТЕНОК СЕРОГЛИНЯНЫХ АМФОР.

Шесть фрагментов происходят из дореволюционных раскопок: Дн 1933-1/2894, Дн 1933-1/2895, Дн 1933-1/2895, Дн 1933-1/2896, два не имеют номеров.

ОПИСАНИЕ. Глина серо-коричневая, с незначительными примесями слюды.

МЕСТО НАХОДКИ. З-I, кв. XIVа.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Эолия (?).

ДАТИРОВКА. Предположительно вторая половина VII — первая половина VI в. до н.э.

1.12. ФРАГМЕНТ ВЕНЧИКА АМФОРЫ. 251/29. ЮП II/Н-66 (табл. 6.3, 1).

РАЗМЕРЫ. Длина 7,3 см, высота 5,5 см, диаметр венчика 13 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, содержит примеси слюды, на месте сколов виден серый закал в центре черепка.

МЕСТО НАХОДКИ. З-II, кв. VI-а, 4. Слой над землянкой № 1 (примечание Г. И. Смирновой).

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Клазомены.

ДАТИРОВКА. Вторая четверть — конец VI в. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 1, 2.

1.13. ФРАГМЕНТ СТЕНКИ ПРИДОННОЙ ЧАСТИ АМФОРЫ (?). 251/56. ЮП II/147 (табл. 6.3, 2).

РАЗМЕРЫ. Высота 3,5 см, ширина 1,7 см, толщина стенки 0,8 см.

ОПИСАНИЕ. Глина коричневая, с небольшой примесью слюды. На внешней поверхности — часть широкой полосы черного блестящего лака по кремевому ангобу.

МЕСТО НАХОДКИ. З-II, зачистка стенок землянки № 1.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Иония (Клазомены?)

ДАТИРОВКА. Вторая половина VI в. до н.э.

1.14. ФРАГМЕНТ ОВАЛЬНОЙ В СЕЧЕНИИ РУЧКИ АМФОРЫ С ЧАСТЬЮ ВЕРХНЕГО ПРИЛЕПА.

278/317. ЮП I/3089 (табл. 6.3, 3).

РАЗМЕРЫ. Длина 3,5 см, диаметр максимальный 3 см, диаметр минимальный 2 см.

ОПИСАНИЕ. Глина желтовато-серая, с большим количеством мелких блесток слюды. На внешней верхней поверхности ручки — продольная полоса бурого лака (ширина 0,4 см).

МЕСТО НАХОДКИ. З-I, кв. XIV-а.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Хиос.

ДАТИРОВКА. Вторая половина VI — начало V в. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 1, 4.

1.15. ФРАГМЕНТ СТЕНКИ АМФОРЫ.

Дн 1933-1/222 (табл. 6.3, 4).

РАЗМЕРЫ. Длина 2,6 см, высота 3,3 см.

ОПИСАНИЕ. Глина желто-серая, с большим количеством мелких блесток слюды. На внешней поверхности узкая горизонтальная полоса бурого лака (ширина 0,1 см).

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Хиос.

ДАТИРОВКА. Вторая половина VI — начало V в. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 1, 4.

1.16. ДВА ФРАГМЕНТА НОЖКИ АМФОРЫ.

278/318. ЮП I/3090 (табл. 6.1, 6).

РАЗМЕРЫ. Диаметр внешний оснований поддонов 8 см, ширина «кольца» ножки 12,2 см.

ОПИСАНИЕ. Глина желтовато-серая, с незначительными примесями слюды.

МЕСТО НАХОДКИ. З-I, кв. XIV-а.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Клазомены (?).

ДАТИРОВКА. VI в. до н.э.

1.17. ФРАГМЕНТ СТЕНКИ АМФОРЫ (из двух обломков). 278/317, ЮП I/3089 (табл. 6.3, 5).

РАЗМЕРЫ. Высота 10,3 см, ширина 6,1 см.

ОПИСАНИЕ. Глина бежево-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды.

МЕСТО НАХОДКИ. Кв. XIVa.  
ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Эгеида.  
ДАТИРОВКА. VI в. до н.э.

1.18. ФРАГМЕНТ СТЕНКИ АМФОРЫ (из трех обломков). Дн 1933-1/593 (табл. 6.3, 6). В коллекции находятся еще три фрагмента этой амфоры.

РАЗМЕРЫ. Высота 11,5 см, ширина 13 см.

ОПИСАНИЕ. Глина оранжево-коричневая, без видимых блесков слюды. В середине черепка — серый «закал».

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Эгеида.

ДАТИРОВКА. VI в. до н.э.

1.19. ФРАГМЕНТЫ СТЕНОК АМФОР.

Дн 1933-1/543, 278/317, 278/319, 278/318.

ОПИСАНИЕ. «Амфора 1» (278/318, ЮП I/3090) — ей предположительно принадлежали 25 фрагментов. Глина обломков оранжево-коричневая, с незначительным количеством блесков слюды. «Амфора 2» (278/317, ЮП I/3089) — 13 фрагментов, по цвету глины очень похожих на предыдущие фрагменты, но отличающихся очень большим количеством примесей слюды, от которых их поверхность приобрела золотистый оттенок.

Еще 43 фрагмента не имеют шифров.

МЕСТО НАХОДКИ. Значительная часть обломков была обнаружена во время работ на кв. XIVa.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Иония.

ДАТИРОВКА. VI — начало V в. до н.э. (?).

## 2. СТОЛОВАЯ ПОСУДА

### Открытые формы

2.1. ФРАГМЕНТ СТЕНКИ ЧАШИ (BIRD-BOWL).  
278/282. ЮП I/2904 (табл. 6.4, 1).

РАЗМЕРЫ. Высота 3,4 см, длина 6,5 см, толщина стенки 0,2 см, максимальный диаметр 20 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, блески слюды не видны. Роспись нанесена черным лаком по светло-коричневому ангобу. В верхней части сохранилась часть фриза из заштрихованных ромбов, ниже — пояс из трех узких полос лака, под ним — фриз из треугольников, под ним — два пояса из двух узких полос лака каждый. Внутри — черное блестящее покрытие. От одного сосуда с фрагментом  
Дн 1933-1/214.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-1, кв. VIII-a, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Иония.

ДАТИРОВКА. Субгеометрическое время. Третья четверть VII в. до н.э. (650–625 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Онайко 1966: табл. III, 11; Вахтина 1998: рис. 2, 1; Vachtina 2007: fig. 4; Vakhtina 2007: Taf. 63, 1.1; Kaschuba, Vakhtina 2012: Abb. 4, 2; Буйских 2015: рис. 2, 1.

2.2. ФРАГМЕНТ СТЕНКИ ЧАШИ (BIRD-BOWL).  
Дн 1933-1/214 (табл. 6.4, 2).

РАЗМЕРЫ. Длина 2,3 см, высота 2,8 см.

ОПИСАНИЕ. Фрагмент придонной части чаши. Внутренняя поверхность сколота, что не позволяет определить реальную толщину стенки. Глина плотная, серовато-коричневая. Роспись нанесена черным лаком по светло-коричневому ангобу. В верхней части — пояс из узких полос темно-коричневого лака (сохранились три полоски шириной 0,4 см); нижняя часть покрыта блестящим черным лаком. От одного сосуда с ЮП I/2904.

МЕСТО НАХОДКИ: Неясно.

ДАТИРОВКА. Субгеометрическое время. Третья четверть VII в. до н.э. (650–625 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 2, 3; Vakhtina 2007: Taf. 63, 1.2; Буйских 2015a: рис. 2, 2.

2.3. ФРАГМЕНТ СТЕНКИ ЧАШИ (BIRD-BOWL).  
251/43. ЮП II/H-115 (табл. 6.4, 4).

РАЗМЕРЫ. Высота 3,4 см, ширина 5 см, толщина стенок 0,3 см.

ОПИСАНИЕ. Глина коричневая, роспись нанесена черным блестящим лаком по коричневому ангобу. Поверхность потерта. Внутри — темное, блестящее, неровное (с оранжевыми «бликами») покрытие. В нижней части фрагмента — темное покрытие (в придонной части сосуда). В правой части темная «резервная» полоса (у места крепления ручки).

МЕСТО НАХОДКИ: 3-II, юго-западный угол, кв. VIa, гл. 2–2,3 м, землянка № 1.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Иония.

ДАТИРОВКА. 650–610 гг. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 2000: табл. III, 4; Vakhtina 2007: Taf. 3, 2.

2.4. ДВА ФРАГМЕНТА ВЕНЧИКА СО СТЕНКАМИ И ФРАГМЕНТ РУЧКИ ЧАШИ.

Дн 1933-1/218, Дн 1933-1/219 (табл. 6.4, 3).

РАЗМЕРЫ. Длина 4,1 и 3,6 см, толщина стенок 0,2–0,3 см. Диаметр края 12 см, диаметр ручки 0,3 см.

ОПИСАНИЕ. Фрагменты венчика со стенками. Край слегка отогнут. Глина темно-коричневая, плотная, без видимых блесков слюды. Роспись из узких и широких полос лака по темно-коричневому ангобу. По внешнему, отогнутому краю венчика — волнистая линия белой накладной краской. Внутренняя часть покрыта темным лаком; на внутренней поверхности под венчиком — горизонтальные пояски белой краски. Круглая в сечении ручка покрыта темно-коричневым лаком.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония (НАА: Самос).

ДАТИРОВКА. 650–620 гг. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 2000: табл. III, 5, 6; 2004: рис. 1; 2007: рис. 1; Kerschner 2006: Abb. 12; Vachtina 2007: fig. 5; Vakhtina 2007: fig. 2; Taf. 63, 2.

2.5. ФРАГМЕНТ ПОДСТАВКИ (?) КРАТЕРА ИЛИ ДИНОСА. 278/288. ЮП I/2911 (табл. 6.4, 5).

РАЗМЕРЫ. Высота 4,6 см, ширина 2,3 см, толщина стенки 0,9–1,6 см. Диаметры: верхний 6 см, нижний — 10 см.

ОПИСАНИЕ. Глина оранжевая, светло-коричневая, блестки слюды не видны. Роспись нанесена черным лаком по белому ангобу. Роспись в виде широкого (2,3 см) и узкого поясов лака. Поверхность потерта.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-I, кв. VIII-а, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Иония, возможно, Хиос.

ДАТИРОВКА. SiA Ib – SiA Ic (650–610 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 2000: табл. II, 4.

### Закрытые формы

2.6. ФРАГМЕНТ ТУЛОВА НЕБОЛЬШОГО ЗАКРЫТОГО СОСУДА С ШАРОВИДНЫМ ТУЛОВОМ (ОЙНОХОИ?).

251/28. ЮП II/65 (табл. 6.5, 1).

РАЗМЕРЫ. Высота 6, ширина 6,8 см, толщина стенок 0,4–0,5 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, без видимых признаков слюды. Роспись нанесена черным блестящим лаком по кремовому ангобу. Сохранилась часть орнамента в виде фрагмента крупной эмблемы — пятилепестковая пальметка с волютами.

МЕСТО НАХОДКИ. Происходит из раскопок «зольника». 3 III/I, кв. IV, 4.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Иония (НАА: Северная Троида).

ДАТИРОВКА. Не позднее начала периода SiA Ib (650–640 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Онайко 1966: табл. III, 10; Вахтина 2000: табл. I, 5; Vakhtina 2007: fig. 6; Kaschuba, Vakhtina 2012: Abb. 4, 1.

2.7. ФРАГМЕНТ ГОРЛА ОЙНОХОИ. Склеен из двух обломков. 251/13. ЮП II/30 (табл. 6.5, 3).

РАЗМЕРЫ. Высота 3,8 см, длина 9,5 см, толщина стенок 0,5 см. Диаметр венчика 15 см.

ОПИСАНИЕ. Глина желтая, с мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком по розовато-кремовому ангобу. Край горла покрыт полосой черного лака, ниже — пояс плетенки, ограниченный сверху и снизу полосами золотисто-коричневого лака. На внутренней поверхности горла под краем широкая (1,7 см) полоса черного лака.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II, кв. VII, гл. 2, 2 м.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Онайко 1966: табл. III, 1; Вахтина 1998: рис. 2, 2; Vakhtina 2007: Taf. 63, 1.

2.8. ФРАГМЕНТ ВЕНЧИКА ОЙНОХОИ.

278/290. ЮП I/2913 (табл. 6.5, 2).

РАЗМЕРЫ. Диаметр венчика 12 см, толщина стенки 0,3 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, блестки слюды не видны. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. По внешней поверхности под венчиком — узкая полоса лака, ниже — волнистая линия, ограничивающая пояс плетенки на горле сосуда. В правой части — темное покрытие (вероятно, близко к креплению ручки). По внутренней стороне под краем широкая (до 0,7 см) полоса темного лака.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-I, кв. VIII-а, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Иония (?).

ДАТИРОВКА. SiA Ib – SiA Ic (650–610 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Онайко 1966: табл. III, 1; Vakhtina 2007: Taf. 63, 2.

2.9. ФРАГМЕНТ ДНА И ПРИДОННОЙ ЧАСТИ ОЙНОХОИ. 278/296. ЮП I/2909 (табл. 6.6, 2).

РАЗМЕРЫ. Диаметр дна 18 см, толщина стенок в придонной части 0,7 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. На внешней части поддона и внутри него черное покрытие. Выше — поясок из трех узких полос лака и часть фриза с орнаментом в виде цветов и бутонов лотоса (сохранились стебли и нижние части цветка и бутона).

МЕСТО НАХОДКИ. 3-I, кв. VIII-а, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Онайко 1966: табл. III, 2.

2.10. ФРАГМЕНТ ДНА И ПРИДОННОЙ ЧАСТИ ОЙНОХОИ. 278/285. ЮП I/2908 (табл. 6.6, 1).

РАЗМЕРЫ. Диаметр дна 18 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Внутренняя сторона оббита. Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. На внешней части поддона черное покрытие. Выше — поясок из трех узких полос лака и часть стебля лотоса (от нижнего фриза из цветов и бутонов лотоса). Часть фриза с изображением передней лапы и части туловища льва (?). Слева — крупная сложная четырехлепестковая розетка, под туловищем животного — маленькая четырехлепестковая крестовидная розетка. Ниже — часть разделительного фриза плетенки, снизу и сверху ограниченного поясками из двух узких линий. Возможно, от одного сосуда с фрагментами ЮП I/2902 и ЮП I/2903.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-I, кв. VIII-а, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

2.11. ФРАГМЕНТ ДНА И ПРИДОННОЙ ЧАСТИ ОЙНОХОИ. 278/286. ЮП I/2910 (табл. 6.6, 3).

РАЗМЕРЫ. Диаметр дна 17 см, толщина стенок в придонной части 0,8 см.



ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, блески слюды не видны. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. На внешней части и внутренней частях поддона черное покрытие. На внешней стороне — пояс из трех узких полос лака и часть стебля лотоса (от нижнего фриза из цветов и бутонов лотоса).

МЕСТО НАХОДКИ. 3-1, кв. VIII-а, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

#### 2.12. ФРАГМЕНТ НИЖНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ

Дн 1933-1/202. Склеен из трех фрагментов (табл. 6.5, 9).

РАЗМЕРЫ. Высота 6,5 см, ширина 10,5 см, толщина стенок 0,7–0,8 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блесками слюды. Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. В нижней части фрагмента полностью сохранился цветок и частично — бутон лотоса, нанесенные черным лаком. Над ними разделительный пояс плетенки, снизу и сверху ограниченный поясками из двух узких полос, выполненных золотисто-коричневым лаком. От одного сосуда с фрагментом Дн 1933-1/205.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914а: табл. II, 3; Онайко 1966: табл. III, 8; Vakhtina 2007: Taf. 63, 4.

#### 2.13. ФРАГМЕНТ НИЖНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ

Дн 1933-1/205 (табл. 6.5, 10).

РАЗМЕРЫ. Высота 7,2 см, ширина 3,9 см, толщина стенок 0,6–0,7 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блесками слюды. Поверхность потерта. Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. В нижней части фрагмента частично сохранились изображения цветка и бутона лотоса, нанесенные черным лаком. От изображения бутона в правой части сохранилось изображение фрагмента его нижней части. От изображения цветка слева сохранились часть его правого внешнего лепестка и два примыкающие внутренние лепестка. Над ними помещен разделительный пояс плетенки, снизу и сверху ограниченный поясками из двух узких полос, выполненных золотисто-коричневым лаком. От одного сосуда с фрагментом Дн 1933-1/202.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914а: табл. II, 3; Vakhtina 2007: Taf. 63, 4.

#### 2.14. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ.

Дн 1933-1/212 (табл. 6.5, 4).

РАЗМЕРЫ. Высота 4,7 см, ширина 5 см, толщина стенок 0,5–0,6 см.

ОПИСАНИЕ. Глина желтоватая, с многочисленными мелкими блесками слюды. Поверхность потерта. Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. Части изображений цветка и бутона лотоса, выполненные черной краской. Справа часть бутона, изображение которого сохранилось почти полностью, слева от изображения бутона — часть окончания внешнего лепестка цветка и часть примыкающего к нему внутреннего цветка. Ниже — пояс из двух тонких полос, нанесенных золотисто-коричневым лаком, ограничивавший пояс плетенки, от которой сохранились лишь три фрагмента верхних «петель». Возможно, происходит от того же сосуда, что и фрагмент Дн 1933-1/211.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914а: табл. II, 3; Vakhtina 2007: Taf. 63, 5.

#### 2.15. ФРАГМЕНТ СТЕНКИ МИНИАТЮРНОГО ЗАКРЫТОГО СОСУДА (ойнохои?). Дн 1933-1/216 (табл. 6.5, 5).

РАЗМЕРЫ. Длина 4,5 см, высота 2,4 см, толщина стенок 0,2 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блесками слюды. Роспись черным лаком по кремовому ангобу. Часть фриза с изображением цветов и бутонов лотоса. В левой части сохранилась нижняя часть бутона; справа видна незначительная часть другого цветка.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib — ранний SiA Ic (650–620 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914а: табл. II, 3; Vakhtina 2007: Taf. 63, 5.

#### 2.16. ФРАГМЕНТ НИЖНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ. 251/48. ЮП II/120 (табл. 6.5, 6).

РАЗМЕРЫ. Высота 5,1 см, ширина 5,4 см, толщина стенок 0,5 см — в верхней части и 0,7 см — в нижней части.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блесками слюды. Роспись нанесена черным блестящим лаком по кремовому ангобу. Часть фриза из цветов и бутонов лотоса, обращенных вверх: сохранилась часть изображения цветка. Вероятно, от одного сосуда с ЮП II/116.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II, юго-западный угол, кв. VI-а, гл. 2–2,3 м. Землянка № 1.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

2.17. ФРАГМЕНТ НИЖНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ.

Дн 1933-1/213 (табл. 6.5, 7).

РАЗМЕРЫ. Высота 5,5 см, ширина 5,6 см, толщина стенок 0,6–0,7 см.

ОПИСАНИЕ. Глина желтовато-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. Часть изображения цветка лотоса, выполненного черным лаком, от которого сохранились правый большой внешний лепесток, три ромбовидных внутренних лепестка и верхнее окончание левого внешнего лепестка. Над изображением цветка часть пояса из тонких линий, нанесенных золотисто-коричневым лаком (вероятно, он ограничивал снизу пояс плетенки).

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Эгеида.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914а: табл. II, 3; Vakhtina 2007: Taf. 63, 5.

2.18. ФРАГМЕНТ НИЖНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ.

Дн 1933-1/211 (табл. 6.5, 8).

РАЗМЕРЫ. Высота 2,6 см, ширина 3,9 см, толщина стенок 0,8 см.

ОПИСАНИЕ. Глина желтоватая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Поверхность сильно потерта. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. Часть разделительного пояса плетенки, ограниченного сверху и снизу поясками из двух узких полос лака. Возможно, происходит от того же сосуда, что и фрагмент Дн 1933-1/212.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Эгеида.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914а: табл. II, 3; Vakhtina 2007: Taf. 63, 5.

2.19. ФРАГМЕНТ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ФРИЗОВ ОЙНОХОИ. 251/27. ЮП II/Н-59 (табл. 6.5, 11).

РАЗМЕРЫ. Высота 6,9 см, ширина 7,5 см, толщина стенок 0,3 см — в верхней части и 0,7 см — в нижней части.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. На нижней части верхнего фриза сохранились остатки задней ноги одного козла и передней ноги другого (они были изображены идущими друг за другом вправо). Заполнительный орнамент: крестовидная четырехлепестковая розетка и розетка из четырех ромбов, помещенные, соответственно, под туловищем правого козла и на поле между копытами двух животных. Под фигурами животных — разделительный фриз плетенки, снизу и сверху ограниченный поясками из двух узких линий. Под ним — часть нижнего фриза с орнаментом

из цветов и бутонов лотоса. Сохранились верхняя часть бутона и верхние части лепестков цветов справа и слева. Возможно, от одного сосуда с фрагментами ЮП II/Н-55 и ЮП II/Н-60.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II, кв. III-9 (значатся четыре фрагмента).

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Vakhtina 2007: Taf. 63, 5.

2.20. ФРАГМЕНТ ПРИДОННОЙ ЧАСТИ ЗАКРЫТОГО СОСУДА. Дн 1933-1/223 (табл. 6.11, б).

РАЗМЕРЫ. Высота 5,6 см, ширина 3,9 см, толщина стенки 0,5–0,6 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и темно-коричневым лаком по светло-коричневому ангобу. На внешней поверхности сохранилось изображение «луча» (часть орнамента в виде «лучей», расходящихся вертикально от основания сосуда). Верхний, сужающийся конец «луча» достигает широкого пояса, нанесенного темным лаком, над ним видна часть второго горизонтального пояса лака.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ДАТИРОВКА. SiA Ib — ранний SiA Ic (650–610 гг. до н.э.).

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

2.21. ФРАГМЕНТ СРЕДНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ. Дн 1933-1/203 (табл. 6.7, 1).

РАЗМЕРЫ. Высота 5 см, ширина 6,1 см, толщина стенок 0,5–0,6 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. Часть фриза с изображением пасущихся козлов-эгагров. В левой части фрагмента сохранилась голова и часть рогов козла, показанного идущим вправо, в правой части — небольшой фрагмент задней части и хвоста фигуры другого животного, вероятно, собаки. Между изображениями животных — сложная розетка, часть второй розетки с округлыми лепестками сохранилась ниже головы козла. Выше — разделительный фриз из плетенки, ограниченный сверху и снизу поясом из двух относительно широких (до 0,3 см) полос лака. Над поясом плетенки — часть верхнего фриза, в правой части которого, вероятно, сохранилась незначительная часть изображения животного (?). От одного сосуда с фрагментом Дн 1933-1/204, оба фрагмента принадлежали среднему фризу.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914а: табл. II, 3; Вахтина 1998: рис. 2, 4; Vakhtina 2007: Taf. 64, 3.

2.22. ФРАГМЕНТ СРЕДНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ.

Дн 1933-1/204 (табл. 6.7, 2).

РАЗМЕРЫ. Высота 3,7 см, ширина 10 см, толщина стенок 0,5–0,6 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. Часть фриза с изображением пасущихся козлов-эгагров. В левой части фрагмента сохранилась голова и часть фигуры козла вправо, в правой части — окончание рогов другого козла. Фигуры животных окружает заполнительный орнамент в виде свастик и сложных розеток. От одного сосуда с фрагментом Дн 1933-1/203, оба фрагмента принадлежали среднему фризу.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 2, 6; Vakhtina 2007: Taf. 64, 3.

2.23. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ.

251/36. ЮП II/Н-92 (табл. 6.7, 3).

РАЗМЕРЫ. Высота 4,3 см, ширина 8,5 см, толщина стенок 0,8 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и темно-коричневым лаком по кремовому ангобу. Лак плохого качества, местами приобрел бурый оттенок. Сохранилась часть изображения фриза со скачущими вправо козлами: задняя часть туловища одного животного и передняя часть корпуса второго. Между ними — четырехлепестковая розетка. Под изображением справа — часть свастики, над ним — часть ромбовидной розетки. Выше — разделительный пояс, от которого сохранился поясок из двух полос лака. От одного сосуда с фрагментом 251/27.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-IV, кв. III-10.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib — начало SiA Ic (640–620 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 2, 10; 2000: табл. I, 2; Vakhtina 2007: Taf. 65, 2.

2.24. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ.

251/27. ЮП II/Н-60 (табл. 6.7, 4).

РАЗМЕРЫ. Высота 2,8 см, ширина 5 см, толщина стенки 0,5 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и темно-коричневым лаком по кремовому ангобу. Сохранилась часть изображения фриза со скачущими вправо козлами: в левой части видна морда и часть туловища козла, справа от него — четырехлепестковая розетка. Выше — тонкая полоса лака от нижней части разделявшего фризы пояса (плетенки?).

МЕСТО НАХОДКИ. 3-IV, кв. III-10.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib — начало SiA Ic (640–620 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 2, 9; 2000: табл. I, 1; Vakhtina 2007: Taf. 65, 1.

2.25. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ.

Дн 1933-1/215 (табл. 6.8, 1).

РАЗМЕРЫ. Высота 6,6 см, длина 5,7 см, толщина стенок 0,6–0,7 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. Часть фигуры лани вправо: голова утрачена, видно пятнистое тело и верхняя часть согнутой правой передней ноги, что позволяет понять, что животное было показано в движении. На теле лани — крупные пятна; в «пропущенной линии» под телом — полоса из точек. Выше изображения лани, приблизительно над средней частью спины виден фрагмент крупной розетки. Ниже, под туловищем животного — крупная «подвесная» розетка, свастика и «подвесной» треугольник. Ниже — две узких полосы лака и разделительный фриз плетенки.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. Ранний период SiA Ic (630–620 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914а: табл. II, 3; Вахтина 1998: рис. 2, 12; Vakhtina 2007: fig. 7; Vakhtina 2007: Taf. 64, 1, 2.

2.26. ФРАГМЕНТ СРЕДНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ.

Дн 1933-1/215 (табл. 6.8, 2).

РАЗМЕРЫ. Высота 7,5 см, ширина 6 см, толщина стенок 0,4–0,6 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Поверхность потерта. Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. Часть фриза с изображением пасущихся ланей. Сохранилась часть изображения пятнистой лани вправо (видны туловище, почти полностью — морда животного, ноги сохранились лишь в верхней части). Над головой лани, справа, фрагмент сложной подвесной розетки, левее, над туловищем животного — часть изображения сложного подвесного треугольника. На изображенном поле рядом с фигурой лани помещены изображения сложных розеток и их фрагментов (всего четыре экз.). Выше — часть разделительного фриза плетенки, снизу и сверху ограниченного поясками из двух узких линий. Над верхним пояском можно различить часть изображения копыт или лап животного, изображенного на плечевом фризе и «стоящего» на поясе плетенки.



МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. Ранний SiA Ic (630–620 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914а: табл. II, 3; Вахтина 1998: рис. 2, 11; Vachtina 2007: fig. 7; Vakhtina 2007: Taf. 64, 1, 1.

2.27. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ. Дн 1933-1/215 (табл. 6.8, 3).

РАЗМЕРЫ. Длина 6,5 см; высота 4,3 см, толщина стенки 0,3–0,5 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись черным лаком по кремовому ангобу. Часть фриза с изображением бегущей собаки. Фигура собаки сохранилась частично, видны часть головы, переданной контурными линиями, с ухом, вписанным в верхнюю часть головы, крупным круглым глазом и передняя часть туловища, переданного силуэтом, с «пропущенной линией» в нижней части. Собака была изображена бегущей вправо, вероятно, в сцене преследования. Над ее головой заполнительный орнамент в виде крупной ромбовидной четырехлепестковой розетки, крупной круглой розетки и частично сохранившегося «подвесного» треугольника.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. Ранний SiA Ic (630–620 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914а: табл. II, 3; Вахтина 1998: рис. 2, 12; Vachtina 2007: fig. 7; Vakhtina 2007: Taf. 64, 1, 2.

2.28. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ. 251/162. ЮП II/416 (табл. 6.12, 5).

РАЗМЕРЫ. Высота 2,5 см, ширина 4 см, толщина стенок 0,4 см.

ОПИСАНИЕ. Глина коричнево-красноватая, без видимых блесток слюды. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. Часть фигуры пятнистой лани, идущей вправо, ниже — часть изображения крупной свастики.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-V, кв. III-а, III-в, гл. 0,53 м.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ic (630–610 гг. до н.э.).

2.29. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ. 251/40. ЮП II/101 (табл. 6.9, 1).

РАЗМЕРЫ. Высота 5,5 см, ширина 4,9 см, толщина стенок 0,3 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и темно-коричневым лаком по кремовому ангобу. Передняя часть (голова, часть корпуса, передняя лапа) собаки, бегущей вправо, у ее морды — крупная четырехлепестковая розетка. В нижней части черепка сохранился пояс из узких линий над разделительным поясом плетенки.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II. Землянка № 1, зачистка (пола?). Всего под этим номером три фрагмента.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Онайко 1966: табл. III, 7; Вахтина 1998: рис. 3, 1; Vakhtina 2007: Taf. 64, 4, 2.

2.30. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ. 251/40. ЮП II/101 (табл. 6.9, 2).

РАЗМЕРЫ. Высота 5,5 см, ширина 4,9 см, толщина стенок 0,5 см — в нижней части и 0,6 см — в верхней части.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и темно-коричневым лаком по кремовому ангобу. Часть фигуры собаки (правая задняя нога и хвост), бегущей вправо, под ее изображением — крестообразная розетка, ниже — разделительный пояс плетенки, ограниченный поясками из двух узких линий.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II. Землянка № 1, зачистка пола.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 4, 5; Vakhtina 2007: Taf. 64, 2, 4.

2.31. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ. 251/26. ЮП II/H-55 (табл. 6.9, 5).

РАЗМЕРЫ. Высота 5,9 см, ширина 4,3 см; толщина стенок 0,4 см — в нижней части и 0,6 см — в верхней части.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и темно-коричневым лаком по кремовому ангобу. Часть фигуры собаки (правая задняя нога и хвост), бегущей вправо, под ее изображением — крестообразная розетка, ниже — разделительный пояс плетенки, ограниченный поясками из двух узких линий.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II. Землянка № 1, зачистка пола.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 3, 4.

2.32. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ. 251/40. ЮП II/H-101 (табл. 6.9, 3).

РАЗМЕРЫ. Высота 4,8 см, ширина 5,1 см, толщина стенок 0,5 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и темно-коричневым лаком по кремовому ангобу. Обломок фриза с пасущимися козлами: часть фигуры животного (спина?) сохранилась в нижней части обломка. Над изображением животного — розетка из четырех ромбов, выше — разделительный пояс плетенки, ограниченный поясками из двух узких

линий, над ним, в следующем фризе, вероятно, часть ноги козла.

МЕСТО НАХОДКИ. З-II. Землянка № 1, зачистка пола.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 4, 5; Vakhtina 2007: Taf. 64, 2, 4.

2.33. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ.

278/291. ЮП I/2914 (табл. 6.9, 4).

РАЗМЕРЫ. Высота 2,8 см, ширина 3,8 см, толщина стенки 0,7 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и темно-коричневым лаком по кремовому ангобу. Часть головы собаки вправо в левой части черепка; заполнительный орнамент в виде ромбообразных розеток и «креста».

МЕСТО НАХОДКИ. З-I, кв. VIII-а, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–620 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 3, 2; Vakhtina 2007: Taf. 64, 4, 1.

2.34. ФРАГМЕНТ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ФРИЗОВ ОЙНОХОИ. 2819/18. ЮП I/2900 (табл. 6.9, 6).

РАЗМЕРЫ. Высота 12 см, ширина 6,9 см, толщина стенки 0,6–0,8 см.

ОПИСАНИЕ. Глина оранжево-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. От декора верхнего фриза сохранилась передняя часть туловища, передняя лапа и голова бегущей справа собаки, справа от нее — часть задней ноги козла. Заполнительный орнамент в виде свастики, четырехлепестковой розетки, креста и крупной точки. На нижнем фризе видна задняя часть скачущего козла вправо, орнамент в виде креста, миниатюрной розетки и точки. Фризы разделены поясами плетенки между линий темного лака.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Онайко 1966: табл. II, 5; Вахтина 1998: рис. 3, 5.

2.35. ФРАГМЕНТ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ФРИЗОВ ОЙНОХОИ. Дн 1933-1/206 и ЮП II/60 (склеен из двух фрагментов) (табл. 6.10, 1).

РАЗМЕРЫ. Высота 9,8 см, ширина 14,6 см, толщина стенки 0,5 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись блестящим черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. В верхней части — часть верхнего фриза: от изображения идущего влево козла сохра-

нились задние ноги, справа — часть лапы хищника или фантастического существа. Ниже, под разделительным поясом плетенки между двумя узкими полосками лака, сохранилась часть среднего фриза в виде скачущих вправо козлов. Заполнительный орнамент в виде свастики, «крестов», ромбовидных, простых и сложных четырехлепестковых розеток.

МЕСТО НАХОДКИ. Из раскопок 1946 г. По дневнику А. С. Бобровой (НА ИА НАН Украины, Киев) фрагмент ЮП II/60 найден на кв. 5, штык 10, гл. 1,75 м (землянка № 1, ближе ко дну). Место находки фрагмента Дн 1933-1/206 не установлено, предположительно, также был обнаружен на участке, где позже была вскрыта землянка № 1.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Онайко 1966: табл. III, 6; Копейки на 1972: рис. 5; Vakhtina 2007: fig. 9.

2.36. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ

(из двух обломков). Дн 1933-1/210 (табл. 6.10, 2).

РАЗМЕРЫ. Длина 8,9 см, высота 5,4 см, толщина стенки 0,6 см.

ОПИСАНИЕ. Глина красновато-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. Часть фигуры бегущего козла вправо, справа от него видна задняя нога другого бегущего козла. Между ними — крупная сложная розетка. Под передней полусогнутой ногой козла — ромбовидная четырехлепестковая розетка; под задней частью туловища — свастика. Ниже — две широкие полосы коричневого лака и часть разделительного пояса плетенки.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914а: табл. II, 3; Вахтина 1998: рис. 2, 7 (обломки, из которых состоит фрагмент, опубликованы отдельно).

2.37. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ.

251/52. ЮП II/Н-139 (табл. 6.10, 3).

РАЗМЕРЫ. Высота 5,8 см, ширина 7,3 см, толщина стенок 0,5 см — в верхней части и 0,6 см — в нижней части.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и темно-коричневым лаком по кремовому ангобу. Часть фигуры козла, идущего вправо, под его изображением — небольшая розетка, позади его фигуры — крупная четырехлепестковая розетка и (выше) ромбовидная розетка. Ниже — пояс плетенки, ограниченный поясом из двух линий.

МЕСТО НАХОДКИ. З-II. Землянка № 1, зачистка пола.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 4, 4. Vakhtina 2007: Taf. 64, 2, 3.

2.38. ФРАГМЕНТ СРЕДНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ. 278/280. ЮП I/2902 (табл. 6.10, 4).

РАЗМЕРЫ. Высота 2,4 см, ширина 3,5 см, толщина стенок 0,7–0,8 см.

ОПИСАНИЕ. Глина оранжевато-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. Справа часть изображения ноги копытного животного, вплотную к ней правее часть изображения лапы хищного животного или фантастического существа, очевидно, изображенного в сцене противостояния с эгагром или ланью. Слева — часть изображения маленькой крестообразной розетки. Ниже — часть разделительного фриза плетенки, снизу и сверху ограниченного поясками из двух узких линий. Возможно, от одного сосуда с фрагментами ЮП I/2901 и ЮП I/2903.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-I, кв. VIII-а, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

2.39. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ. 251/45. ЮП II/117 (табл. 6.10, 5).

РАЗМЕРЫ. Высота 4,3 см, ширина 5 см, толщина стенок 0,5 см — в нижней части и 0,6 см — в верхней части.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. Часть фигуры козла, идущего вправо, под его изображением — ромбовидная розетка, слева, между ним и идущим сзади козлом (от него сохранился маленький фрагмент передней ноги) — сложная розетка. Ниже — часть фриза плетенки, ограниченного сверху пояском из двух линий.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II, юго-западный угол, кв. VI-а, гл. 2–2,3 м. Землянка № 1.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

2.40. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ (ВЕРХНЕГО ИЛИ СРЕДНЕГО) 251/28. ЮП II/65.2 (табл. 6.11, 1).

РАЗМЕРЫ. Высота 2,4 см, ширина 4 см, толщина стенок 0,7–0,8 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. В левой части — четырехлепестковая крестовидная розетка, справа от нее — часть сложной розетки (очевидно, восьмилепестковой), от которой сохранилось изображение четырех лепестков. В нижней части голова, шея и часть туловища

небольшого животного (детеныша?), идущего вправо. Правее — часть силуэтного изображения фигуры другого, более крупного, животного. Глина, близкая той, из которой изготовлены фрагменты ЮП II/Н-55, ЮП II/Н-59 и ЮП II/Н-60.

МЕСТО НАХОДКИ. 3 III/1, кв. IV-4. По дневнику А. С. Бобровой (НА ИА НАН Украины, Киев), найден в кв. 5/10 шт., гл. 1,75 м. Происходит из землянки № 1 (ближе ко дну).

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1988: рис. 3, 6; Vakhtina 2007: Taf. 64, 4.4.

2.41. ФРАГМЕНТ СРЕДНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ. 278/280. ЮП I/2902 (табл. 6.11, 2).

РАЗМЕРЫ. Высота 2,4 см, ширина 3,5 см, толщина стенок 0,7–0,8 см.

ОПИСАНИЕ. Глина оранжевато-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. Справа часть изображения ноги копытного животного, вплотную к ней, правее, часть изображения лапы хищного животного или фантастического существа, очевидно, изображенного в сцене противостояния с козлом-эгагром или ланью. Слева часть изображения маленькой крестообразной розетки. Ниже — часть разделительного фриза плетенки, снизу и сверху ограниченного поясками из двух узких линий. Возможно, от одного сосуда с фрагментами ЮП I/2901 и ЮП I/2903.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-I, кв. VIII-а, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

2.42. ФРАГМЕНТ СРЕДНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ. 278/278. ЮП I/2903 (табл. 6.11, 3).

РАЗМЕРЫ. Высота 3,2 см, ширина 5,4 см, толщина стенок 0,5–0,6 см.

ОПИСАНИЕ. Глина оранжевато-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. Часть разделительного фриза плетенки, снизу и сверху ограниченного поясками из двух узких линий. Над ним — пояс из расходящихся «лучей». Возможно, от одного сосуда с фрагментами ЮП I/2901 и ЮП I/2902.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-I, кв. VIII-а, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

2.43. ФРАГМЕНТ СРЕДНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ. 251/27. ЮП II/Н-60 (табл. 6.11, 4).

РАЗМЕРЫ. Высота 2,9 см, ширина 4 см, толщина стенок 0,4 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. Часть раз-



делительного фриза, выше (?) четырехлепестковая розетка из ромбов, рядом с ней — маленькое и крупное пятна лака. В верхней части у скола обломка — часть линии, ограничивавшей контур фигуры какого-то животного.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II, кв. III-9.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

2.44. ФРАГМЕНТ ФРИЗА ОЙНОХОИ.

251/47. ЮП II/119 (табл. 6.11, 5).

РАЗМЕРЫ. Высота 2,9 см; ширина 3 см, толщина стенок 0,7 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным блестящим лаком по кремовому ангобу. Часть разделительного фриза плетенки. Возможно, от одного сосуда с 251/40 (ЮП II/Н-101).

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II, юго-западный угол, кв. VI-a, гл. 2–2,3 м. Землянка № 1.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

2.45. ФРАГМЕНТ СРЕДНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ.

278/279. ЮП I/290 (табл. 6.12, 3).

РАЗМЕРЫ. Высота 5,3 см, ширина 5 см, толщина стенок 0,7–0,8 см.

ОПИСАНИЕ. Глина оранжево-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. Часть фриза с изображением передней лапы и части туловища льва (?). Слева — крупная сложная четырехлепестковая розетка, под туловищем животного — маленькая четырехлепестковая крестовидная розетка. Ниже — часть разделительного фриза плетенки, снизу и сверху ограниченного поясками из двух узких линий. Возможно, от одного сосуда с фрагментами ЮП I/2902 и ЮП I/2903

МЕСТО НАХОДКИ. 3-I, кв. VIII-a, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 2, 5; Vakhtina 2007: Taf. 64, 4.3.

2.46. ФРАГМЕНТ ВЕРХНЕГО ФРИЗА ОЙНОХОИ.

Дн 1933-1/208 (табл. 6.12, 1).

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись черным лаком по кремовому ангобу. В верхней части пояс из лепестков в основании горла сосуда, ниже — пояс лака. Под ним — изображения вправо двух ласточек, сидящих на сложных восьмилепестковых розетках. Слева видна часть третьей розетки, возможно, на ней также была представлена ласточка. В нижней части, возможно, видны фрагменты дополнительного орнамента.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914а: табл. II, 3; Вахтина 1998: рис. 2, 5. Vakhtina 2007: fig. 8.

2.47. ФРАГМЕНТ ВЕРХНЕГО ФРИЗА ЗАКРЫТОГО СОСУДА (ОЙНОХОИ ИЛИ АМФОРЫ).

251/108; ЮП II/Н-267 (табл. 6.12, 2).

РАЗМЕРЫ. Высота 3,5 см, ширина 4 см, толщина стенок 0,5 см.

ОПИСАНИЕ. Глина оранжево-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и темно-коричневым лаком по кремовому ангобу. Часть фриза с изображением водоплавающей птицы (утки) влево, от которого сохранилось оперение хвоста, справа — крупная четырехлепестковая розетка, под ней — часть круглой «подвесной» розетки. В верхней части фрагмента — две узкие полоски, над ними — пояс лучей у перехода к горлу сосуда.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-I, кв. VIII-a, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. С конца периодов SiA Ib — SiA Ic (640–610 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 3, 3; Vakhtina 2007: Taf. 64, 2.2.

2.48. ФРАГМЕНТ ВЕРХНЕГО ФРИЗА И ГОРЛА БОЛЬШОЙ АМФОРЫ (склеен из трех фрагментов) Дн 1909-3/1. На фрагменте сохранился старый инвентарный № 24340 (табл. 6.13, 1). От этого сосуда происходят еще два обломка горла: ЮП II/45 и ЮП II/46 — они соединены в один фрагмент (оба под одним инвентарным № 251/20). Возможно, к этому сосуду также принадлежит небольшой фрагмент 251/46 (ЮП II/Н-118) (табл. 6.13, 2).

РАЗМЕРЫ. Высота 14,2 см, диаметр верхний около 32 см, толщина стенок 0,6–0,8 см.

ОПИСАНИЕ. Глина серовато-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. По горлу — орнамент в виде цветов и бутонов лотоса, под ним — разделительный фриз плетенки, ограниченный поясками из узких линий. Ниже — часть плечевого фриза, на котором сохранилась часть фигуры сидящего льва вправо. На его хвосте — две сидящие ласточки, обращенные друг к другу. Слева от них, по-видимому, часть хвоста льва или фантастического существа. Заполнительный орнамент из розеток (на фрагменте видны восьмилепестковая розетка над спиной льва и четырехлепестковая розетка над телом животного), «крестов».

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II, кв. III-7 (склеен с Дн 1909-3/1 и ЮП I/126-3). ЮП I/126-3 происходит из землянки № 1.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Онайко 1966: табл. II, 8; III, 5;

Вахтина 1998: рис. 3, 8; Kerschner, Schlotzhauer 2005: fig. 15. Kerschner 2006: Abb. 13.

2.49. ФРАГМЕНТ ГОРЛА БОЛЬШОЙ АМФОРЫ (склеен из двух обломков). Оба под одним инвентарным № 251/20. От большой амфоры Дн 1909/3-1 (табл. 6.13, 4, 5).

РАЗМЕРЫ. Высота 7 см, длина 11,5 см, диаметр около 32 см, толщина стенок 0,7 см.

ОПИСАНИЕ. Глина серовато-коричневая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу.

На части фрагмента лак плохого качества, грязно-коричневого цвета, положен неровно. Частично сохранился орнамент из цветов и бутонов лотоса, под ним — разделительный фриз плетенки.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II, кв. III-7.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония (НАА: Милет).

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

2.50. ФРАГМЕНТ ГОРЛА БОЛЬШОЙ АМФОРЫ. 251/46. Возможно, от большой амфоры Дн 1909/3-1 (табл. 6.13, 2) или от другого подобного сосуда.

РАЗМЕРЫ. Высота 3 см, длина 5,2 см, толщина стенки 0,7–0,8 см.

ОПИСАНИЕ. Глина серовато-коричневая, с мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным лаком по кремовому ангобу. Лак плохого качества, грязно-коричневого цвета, положен неровно. Частично сохранился орнамент из цветов и бутонов лотоса.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II, юго-западный угол, кв. VI, гл. 2–2,3 м (землянка № 1?).

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

2.51. ФРАГМЕНТ ГОРЛА АМФОРЫ.

Дн 1933-1/209 (табл. 6.14, 1).

РАЗМЕРЫ. Высота 8,2 см, диаметр верхний около 32 см, толщина стенок 0,6–0,8 см.

ОПИСАНИЕ. Глина желтая, с многочисленными мелкими блестками слюды. Роспись черным и золотисто-коричневым лаком по кремовому ангобу. В верхней части — поясок из двух коричневых линий, под ним — поясок плетенки. Ниже — поясок «шашечного» орнамента, сверху и снизу ограниченный двумя коричневыми линиями. Под ними сохранилась нижняя часть фриза из цветов и бутонов лотоса: видны закругленные «стебли» растений, между ними — треугольные пятна темного лака.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония (НАА: Милет).

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Фармаковский 1914: табл. II, 3;

Онайко 1966: табл. III, 3.

2.52. ФРАГМЕНТ ВЕНЧИКА И ГОРЛА БОЛЬШОЙ АМФОРЫ. 278/284. ЮП I/2906 (табл. 6.14, 2).

РАЗМЕРЫ. Высота 2,1 см, ширина 7,9 см, диаметр 30 см.

ОПИСАНИЕ. Глина розоватая, в середине черепка — серая (недообожженная), с мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и светло-коричневым лаком по кремовому ангобу. Поверхность сильно потерта. На отогнутой части венчика — пояс простой плетенки между поясками из двух узких полос лака. По отогнутому «ребру» венчика — орнамент в виде «елочки», ниже, под краем с внешней стороны сосуда — темное покрытие, под ним — поясок из двух полос лака. Ниже с внешней стороны горла, вероятно, располагался пояс из «плетенки», от которого сохранились лишь незначительные части верхних «завитков» в правой части фрагмента. Внутри под краем — темное покрытие.

МЕСТО НАХОДКИ. Кв. VIII-а, землянка № 2, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония (?).

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Онайко 1966: табл. V, 1 (в каталоге под № 1 определен как край кратера); Вахтина 2000: табл. II, 1.

2.53. ФРАГМЕНТ ВЕНЧИКА И ГОРЛА БОЛЬШОЙ АМФОРЫ. 278/284. ЮП I/2907 (табл. 6.14, 3).

РАЗМЕРЫ. Высота 2,5 см, ширина 8,9 см, диаметр 30 см.

ОПИСАНИЕ. Глина розоватая, в середине черепка — серая (недообожженная), с мелкими блестками слюды. Роспись нанесена черным и темно-коричневым лаком по кремовому ангобу. Поверхность слегка потерта. На отогнутой части венчика — пояс простой плетенки между поясками из двух узких полос лака. По отогнутому «ребру» венчика — орнамент в виде «елочки», ниже, под краем с внешней стороны сосуда — темное покрытие, под ним — поясок из двух полос лака. Ниже с внешней стороны горла, вероятно, располагался пояс из «плетенки», от которого сохранились лишь незначительные части верхних «завитков» в правой части фрагмента. Внутри под краем — темное покрытие.

МЕСТО НАХОДКИ. Кв. VIII-а, землянка № 2, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Онайко 1966: табл. III, 5; Вахтина 1998: рис. 3, 8; Kerschner, Slotzhauer 2005: fig. 15; Kerschner 2006: Abb. 13.

2.54. ФРАГМЕНТ ВЕНЧИКА АМФОРЫ. 251/25. ЮП II/52 (табл. 6.13, 3; 6.14, 4).

РАЗМЕРЫ. Высота 3 см, ширина 9 см, толщина стенок венчика 0,7–1 см, стенок в нижней части фрагмента — 0,8–1 см. Ширина отогнутой части венчика 3,4 см, внешний диаметр 31 см.

ОПИСАНИЕ. Глина розовато-коричневая, с белыми включениями и блестками слюды. Роспись нанесена черным и светло-коричневым лаком по кремовому ангобу. По отогнутому краю венчика идет полоса простой плетенки; со стороны внутреннего края ее ограничивает пояс из двух узких линий, с внешнего — из одной. На узкой части выступающего края (торце) — орнамент «елочка». Нижняя внешняя часть отогнутого края и верхняя часть горла сосуда покрыты темным лаком, ниже — две полосы коричневого лака и верхняя часть орнаментального пояса, от которой сохранились лишь «петлевидные» изображения.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II, кв. III, шт. 8.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ib (650–630 гг. до н.э.).

ПУБЛИКАЦИИ. Онайко 1966: табл. II, 1; Вахтина, 2000, табл. I, 7.

2.55. ФРАГМЕНТ РУЧКИ ЗАКРЫТОГО СОСУДА (амфоры?). Дн 1933-1/217 (табл. 6.12, 4).

РАЗМЕРЫ. Длина 3,5 см, диаметр 1 см.

ОПИСАНИЕ. Глина светло-коричневая, блестки слюды не видны. Роспись блестящим черным лаком по кремовому ангобу. По внешней поверхности орнамент в виде горизонтальных полос.

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Иония.

ДАТИРОВКА. SiA Ic — SiA Id (630–580 гг. до н.э.).

2.56. ФРАГМЕНТ ТУЛОВА АМФОРЫ ТИПА ТОКРА. 278/289. ЮП I/2912 (табл. 6.15, 1).

РАЗМЕРЫ. Высота 4,3 см, ширина 4,3 см, толщина стенки 0,4 см.

ОПИСАНИЕ. Глина оранжевая, светло-коричневая, блестки слюды не видны. Роспись нанесена бурым лаком красноватого оттенка по белому ангобу. Фрагмент плечевого фриза с изображением крупной фигуры козла, от которого сохранилась лишь часть передней ноги в левой части обломка и четырехлепестковая розетка в правой. Поверхность сильно потерта.

МЕСТО НАХОДКИ. 3-I, кв. VIII-а, завал.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Иония (НАА: Теос).

ДАТИРОВКА. Вторая четверть VI в. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 3, 9; 2000: табл. I, 6; 2015: рис. 2; Vakhtina 2007: Taf. 65, 3, 1.

2.57. ФРАГМЕНТЫ ЗАКРЫТОГО СОСУДА С ТЕМНЫМ ПОКРЫТИЕМ. Четыре фрагмента. 251/14. ЮП II/32 (табл. 6.15, 2–5).

РАЗМЕРЫ. Большой фрагмент от стенки тулова ниже горла сосуда: высота 5,8 см, длина 8,7 см;

остальные: 6,4 × 3,3, 5 × 2,9 и 4,2 × 3,8 см. Толщина стенки 0,3–0,5 см.

ОПИСАНИЕ. Глина коричневая, на внешней поверхности — темно-серое, местами черное блестящее покрытие. На тулове — широкая (0,8 см) розовато-коричневая полоса, она сохранилась на одном из обломков (табл. 6.15, 2).

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II, кв. VII-а; 4, кв. III-б, бровка. ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония (Родос?).

ДАТИРОВКА. Вторая половина VII — первая половина VI в. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 2000: табл. III, 1–3; Vakhtina 2007: Taf. 65, 2.

2.58. ФРАГМЕНТ СТЕНКИ ЗАКРЫТОГО СОСУДА С ТЕМНЫМ ПОКРЫТИЕМ. Дн 1933-1/221 (табл. 6.15, б).

РАЗМЕРЫ. Высота 7,3 см, ширина 5,7 см.

ОПИСАНИЕ. Глина розовато-коричневая, хорошо отмученная, без видимых примесей слюды. По внешней поверхности — тусклое темное покрытие; два горизонтальных пояса оставлены в цвете глины: верхний — более узкий (шириной 0,3 см), нижний — более широкий (шириной до 0,6 см).

МЕСТО НАХОДКИ. Неясно.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Южная Иония (НАА: Самос).

ДАТИРОВКА. Вторая половина VII — первая половина VI в. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Vakhtina 2007: Taf. 65, 2.

2.59. ФРАГМЕНТЫ ВЕНЧИКА И СТЕНОК ОЙНОХОИ С «ПОЛОСАТОЙ» РОСПИСЬЮ — 9 ФРАГМЕНТОВ.

Один фрагмент венчика и восемь фрагментов тулова. Шесть фрагментов тулова соединены друг с другом. 2819/35. ЮП II/Н-11; ЮП II/Н-40 (табл. 6.16).

РАЗМЕРЫ. Высота 15,8 см, ширина 19,9 см, диаметр тулова 18 см.

ОПИСАНИЕ. Глина розоватая, без видимых блесток слюды. Роспись красным лаком по светло-коричневому ангобу. Венчик покрыт по внешней поверхности широкой (3,1 см) полосой лака. Под горлом — поясок из двух узких (до 0,3 см) полос, ниже, на широкой части тулова две широкие (до 1,6 см) полосы лака, ниже, на сужающемся в нижней части тулове — полоса лака (0,8 см).

МЕСТО НАХОДКИ. 3-II, кв. VI, VI-а, VII-а, шт. 4 и 6.

ЦЕНТР ПРОИЗВОДСТВА. Северная Иония (НАА: Северная Трояда).

ДАТИРОВКА. Вторая половина VII — начало VI в. до н.э.

ПУБЛИКАЦИИ. Вахтина 1998: рис. 5; 2000: табл. II, 3; Vakhtina 2007: fig. 10; Vakhtina: fig. 3; Taf. 65, 4.



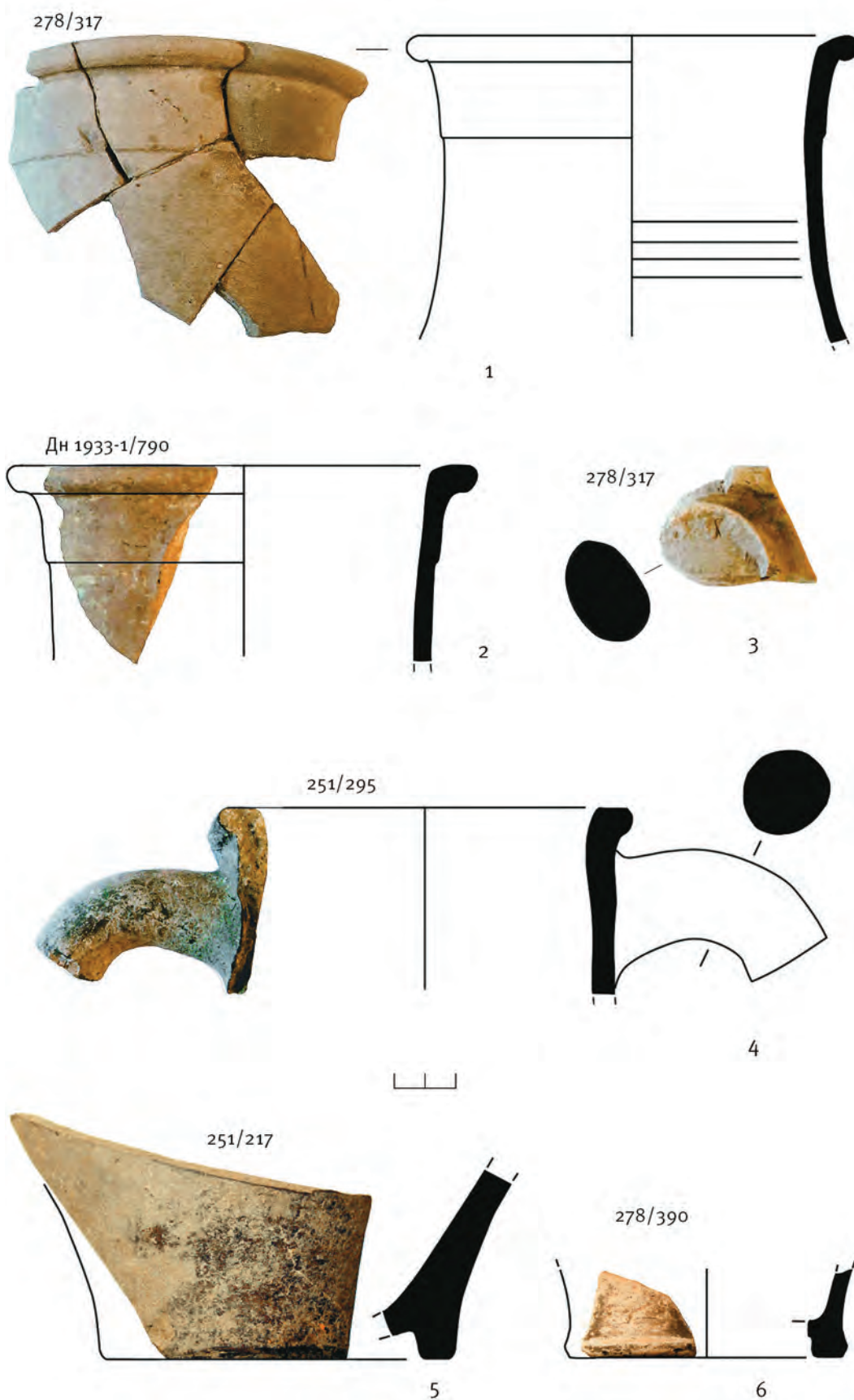
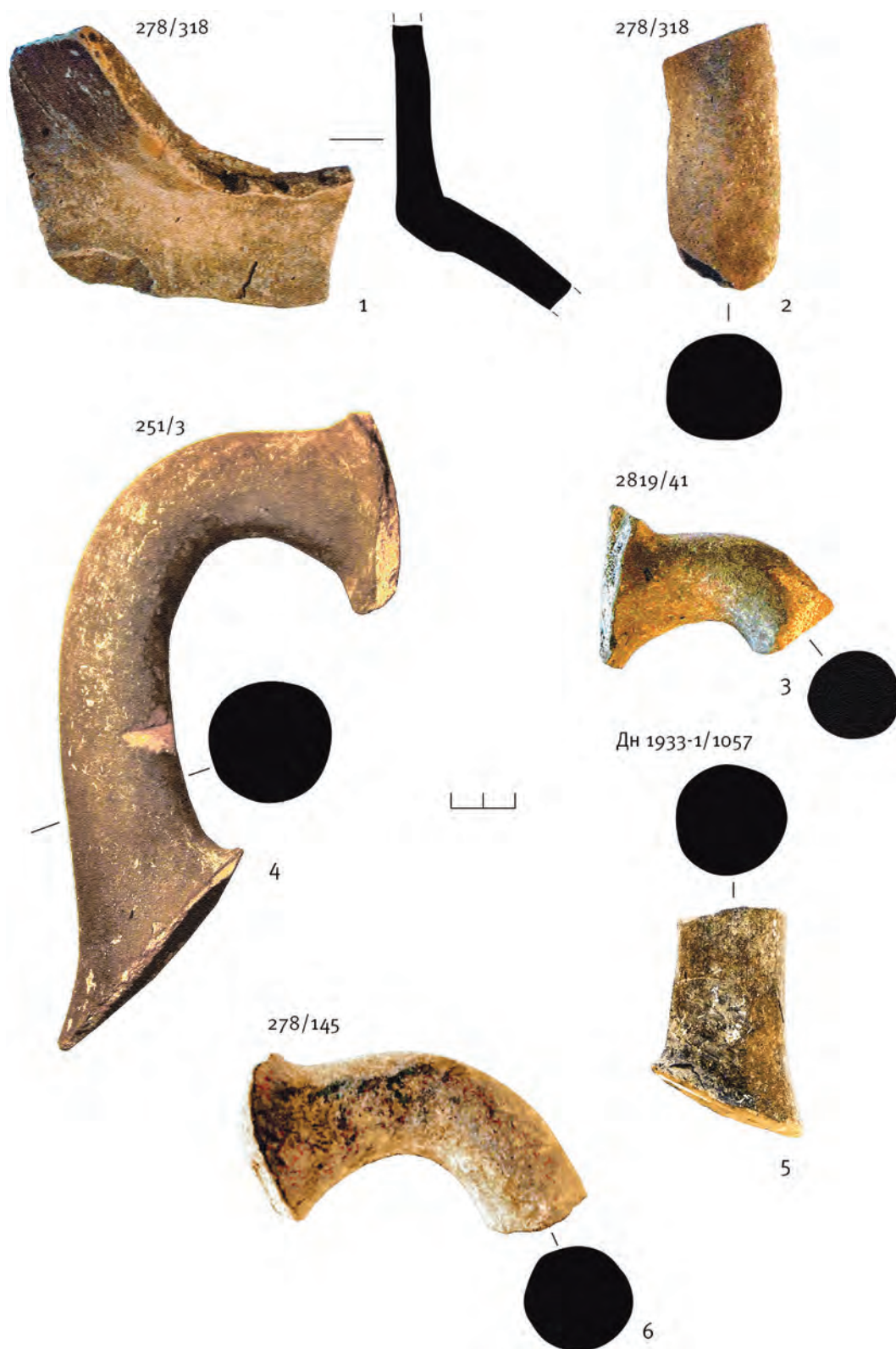


Табл. 6.1. Немировское городище. Фрагменты транспортных амфор. 1-5 — Лесбос и «круг Лесбоса»; 6 — неустановленный центр

Табл. 6.2. Немировское городище. Фрагменты транспортных амфор.  
1-6 — Лесбос и «круг Лесбоса»



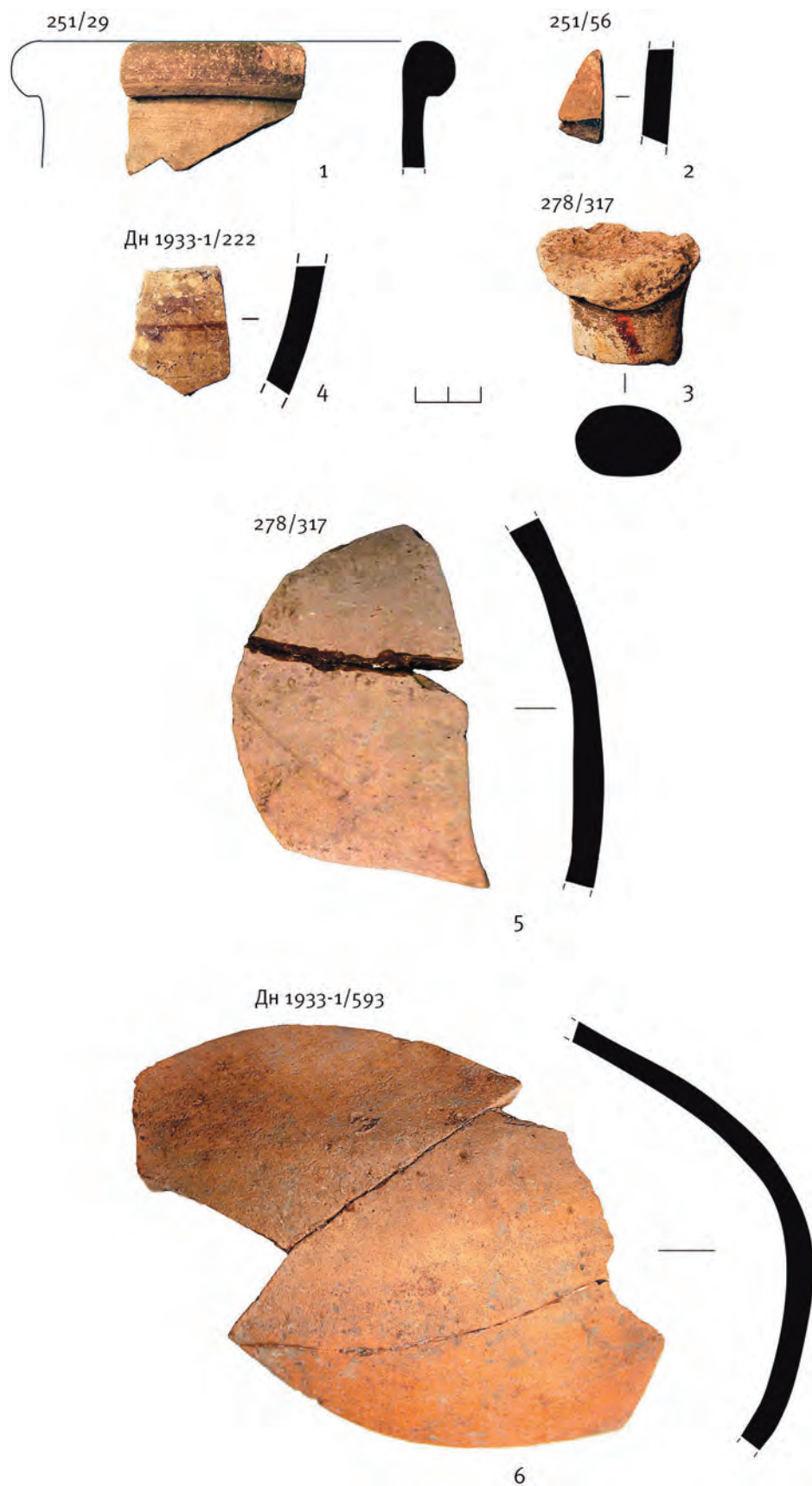
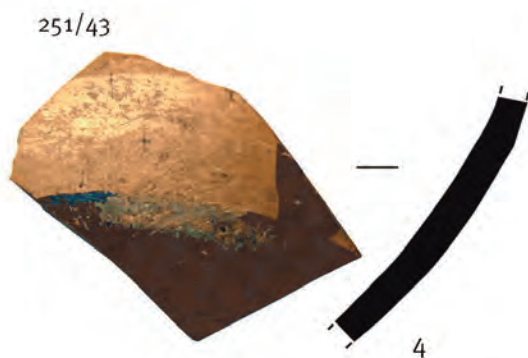


Табл. 6.3. Немировское городище. Фрагменты транспортных амфор. 1, 2 — Клазомены; 3, 4 — Хиос; 5, 6 — неустановленные центры



Табл. 6.4. Немировское городище. Фрагменты открытых форм.  
1, 2, 4 — фрагменты североионийских чаш;  
3 — фрагменты милетской чаши;  
5 — фрагмент подставки кратера (?)



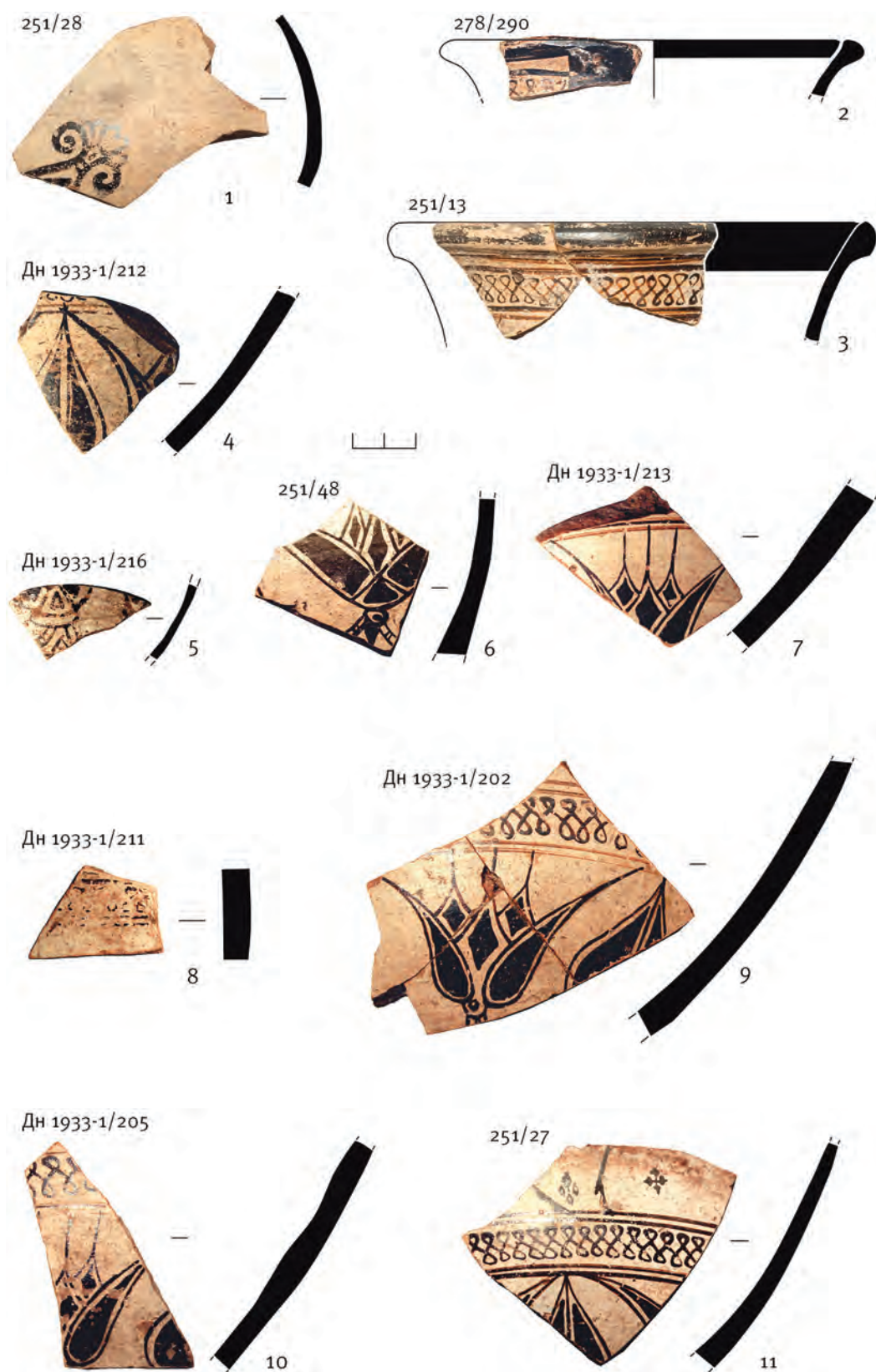


Табл. 6.5. Немировское городище. Фрагменты закрытых сосудов

Табл. 6.6. Немировское  
городище. Донья  
закрытых сосудов

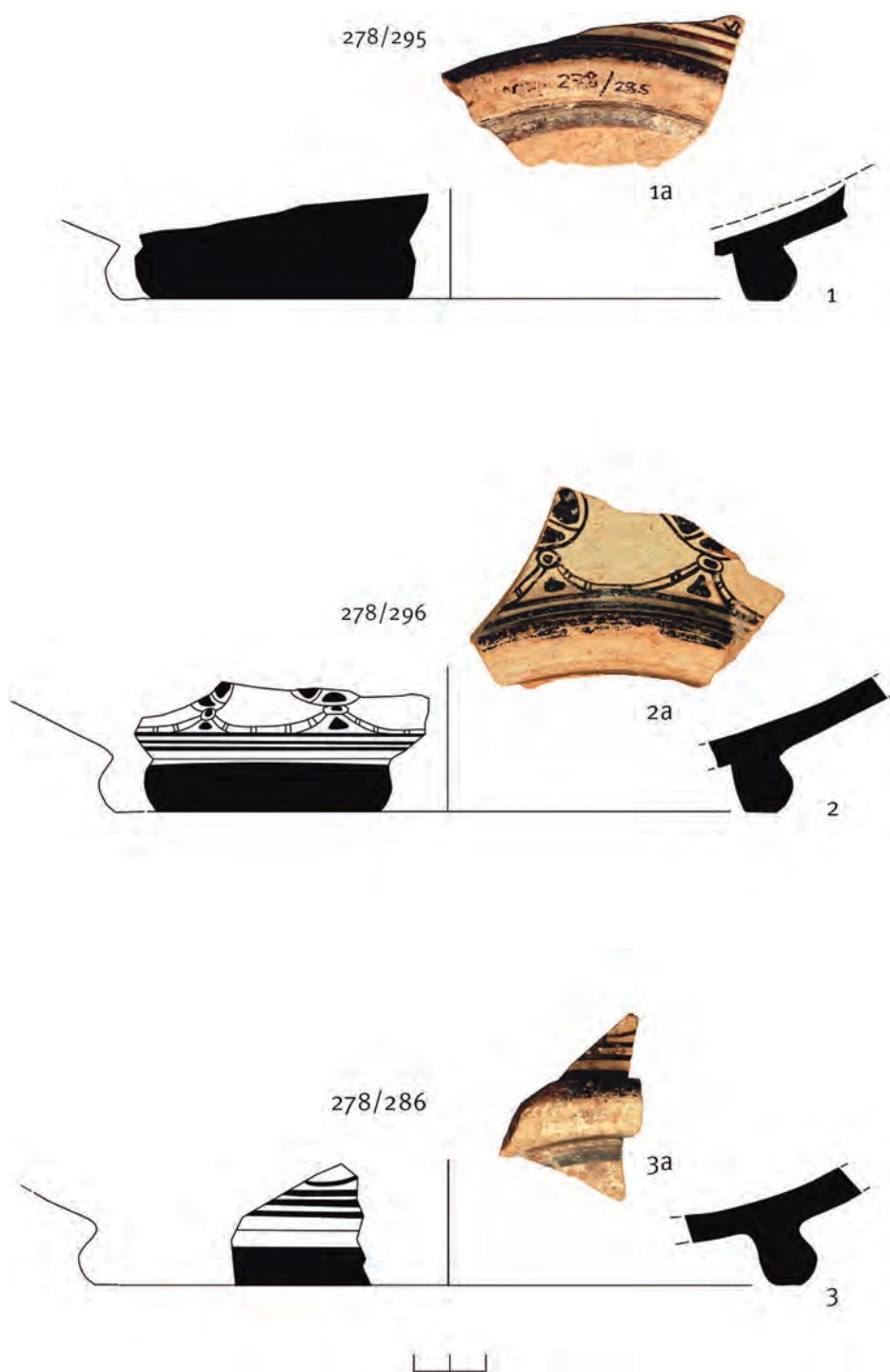






Табл. 6.7. Немировское городище.  
1, 2 — фрагменты среднего фриза закрытого сосуда (ойнохой);  
3, 4 — фрагменты закрытого сосуда (ойнохой)

Табл. 6.8. Немировское  
городище. Фрагменты  
закрытого сосуда  
(ойнохоц)





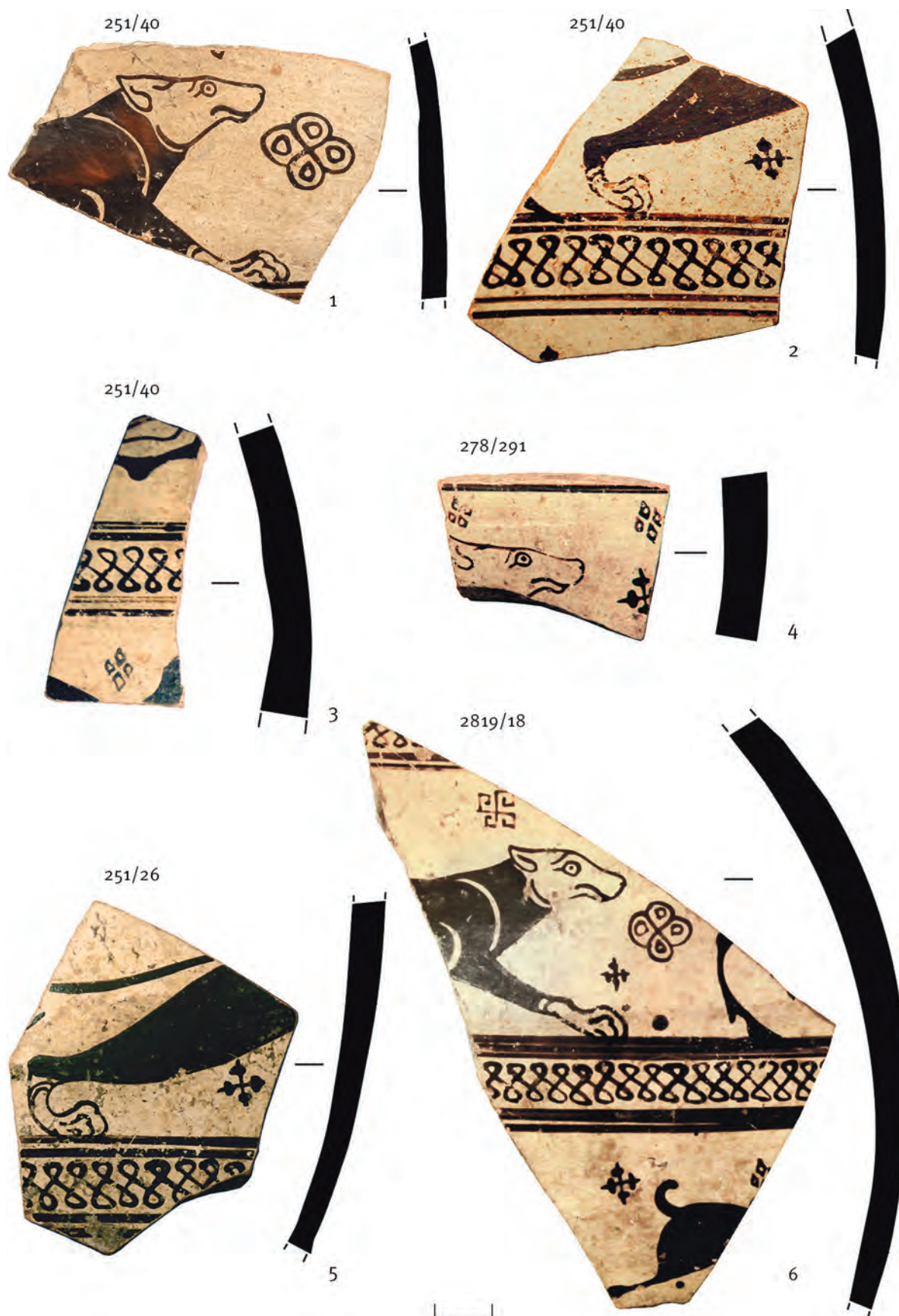


Табл. 6.9. Немировское городище. Фрагменты закрытых сосудов (ойнохой)



Табл. 6.10. Немировское городище. Фрагменты закрытых сосудов (ойнохой)



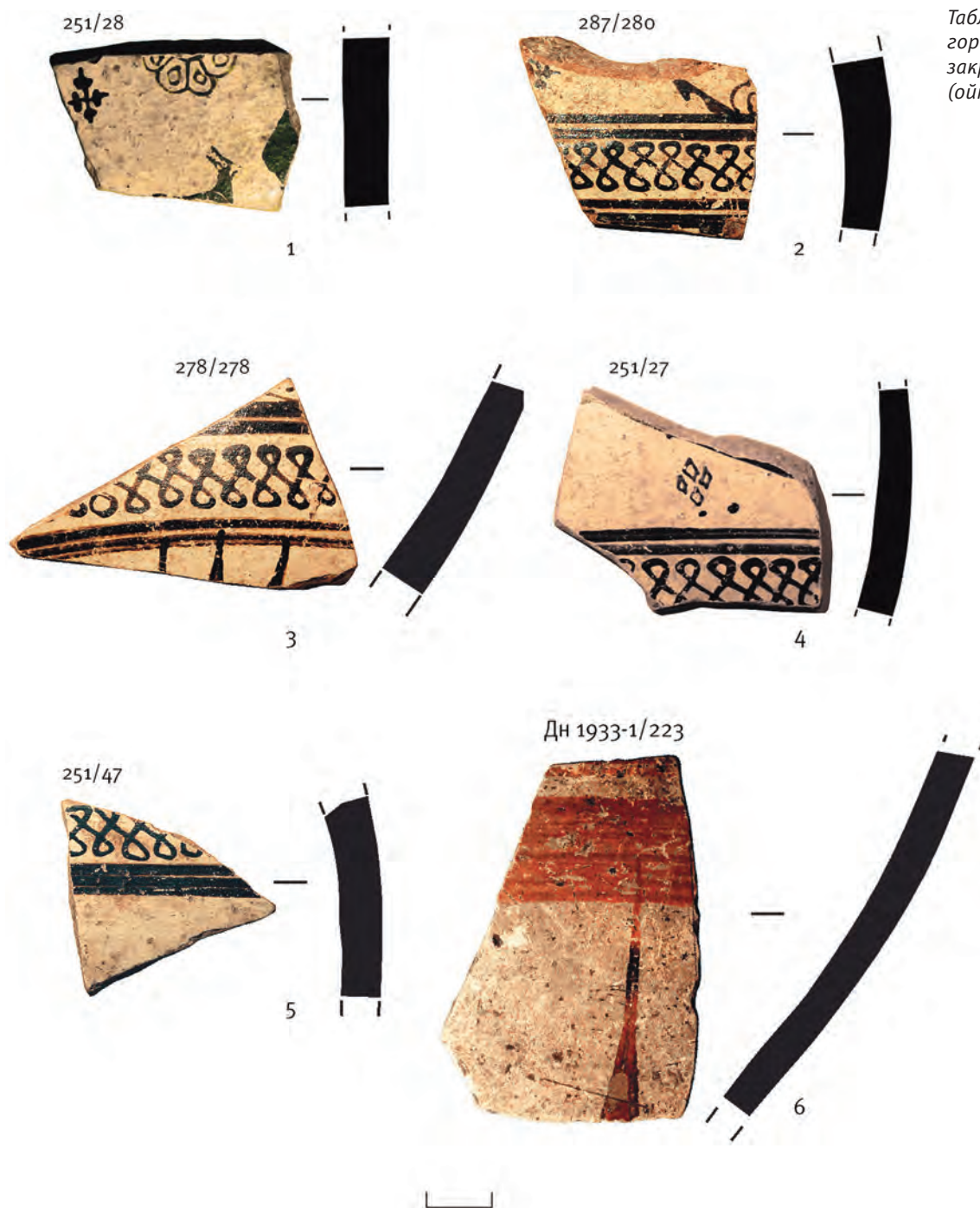


Табл. 6.11. Немировское городище. Фрагменты закрытых сосудов (ойнохой)



Табл. 6.12. Немировское городище. Фрагменты закрытых сосудов (амфор, ойнохой)





Табл. 6.13. Немировское  
городище. Фрагменты  
большой столовой  
амфоры

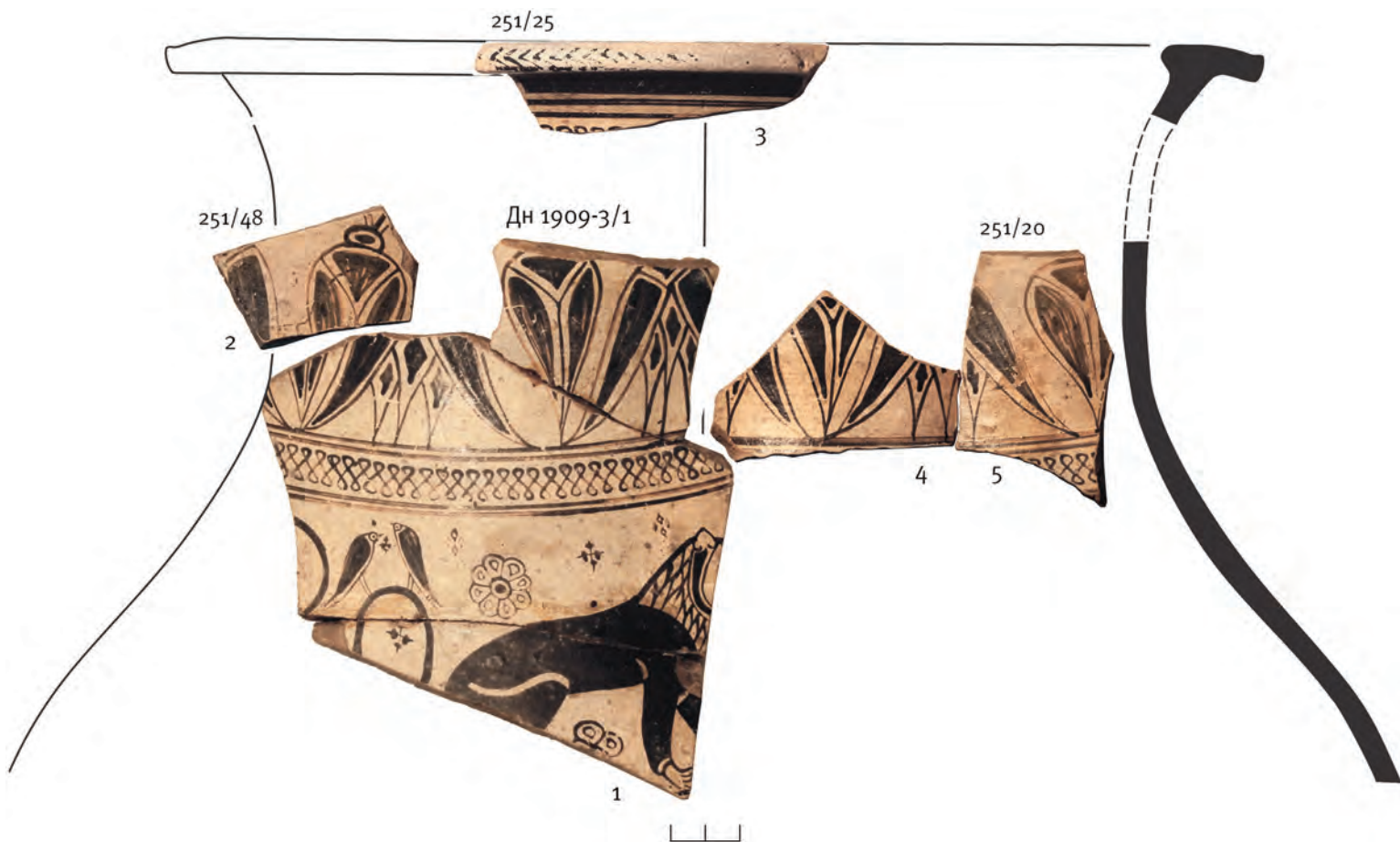


Табл. 6.14. Немировское  
городище. Фрагменты  
большой столовой  
амфоры

Дн 1933-1/209



1

278/284



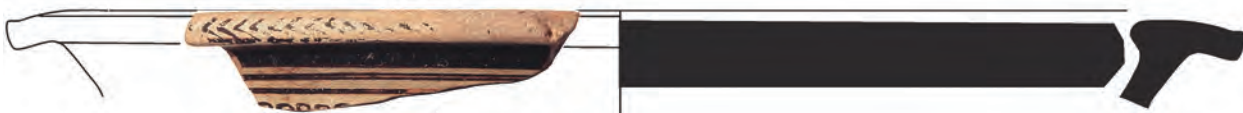
2

278/284



3

251/25



4



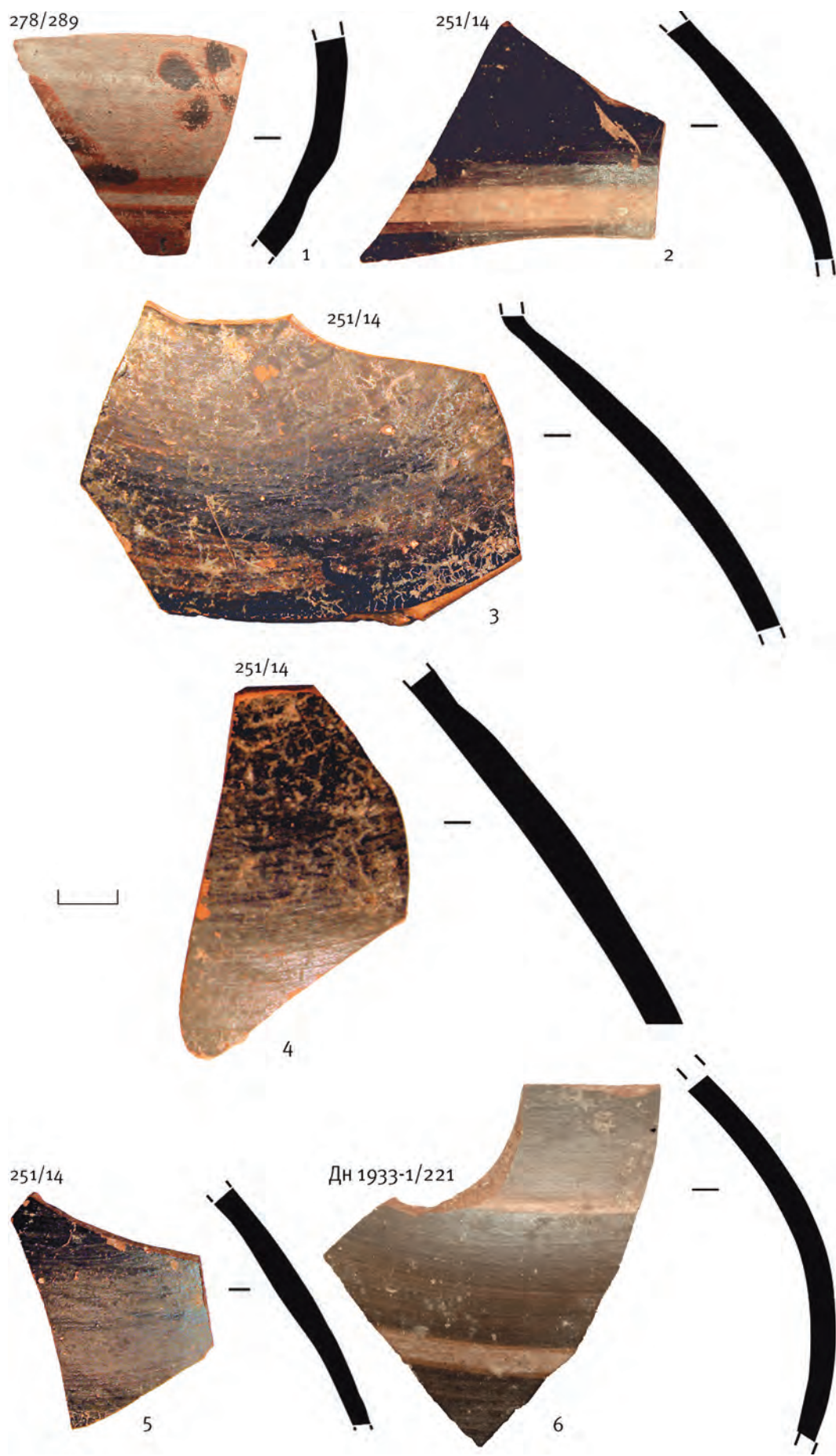
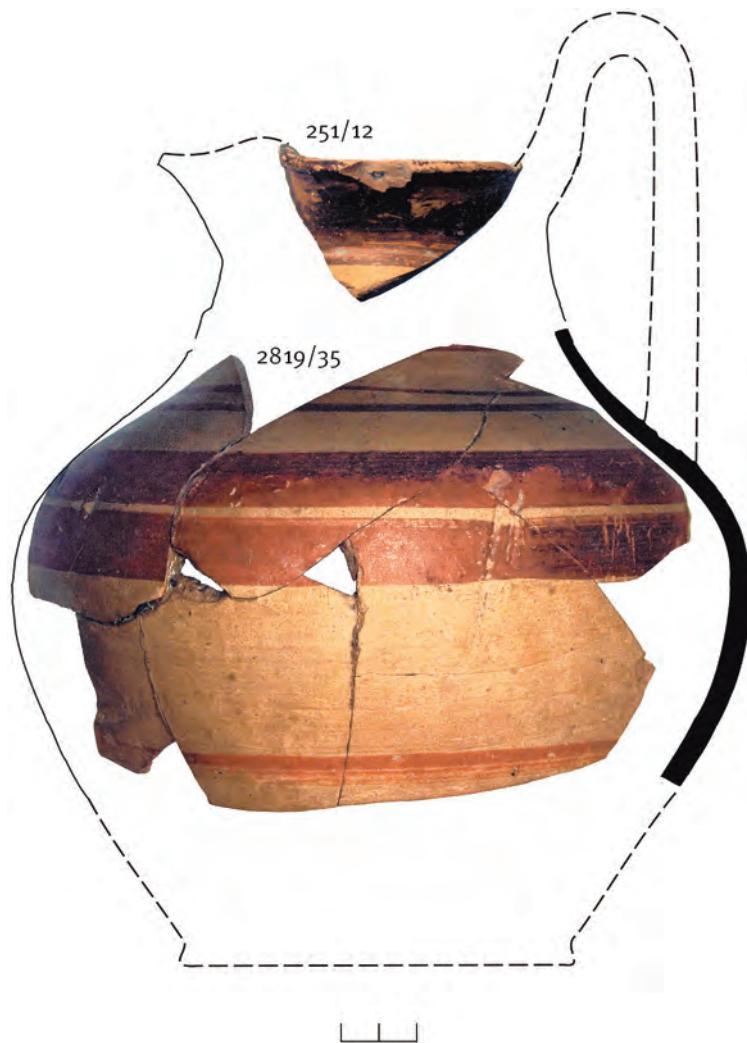


Табл. 6.15. Немировское городище. Фрагменты закрытых сосудов. 1 — амфоры типа Токра; 2–6 — сосуды с темным покрытием



Табл. 6.16. Немировское  
городище.  
Фрагменты венчика  
и стенок ойнохой  
с росписью в виде  
полос лака



## ПРИЛОЖЕНИЕ 7. Археометрические анализы импортной архаической восточнореческой керамики, найденной на Немировском городище. Коллекции Государственного Эрмитажа<sup>102</sup>

М. Кершнер\*, Х. Моммсен\*\* (\*Австрийский археологический институт ААН, Вена; \*\*Берлин)

### Нейтронно-активационный анализ и оценка данных<sup>103</sup>

Семь сосудов Nemi 1–7, приведенных в таблицах и каталоге (табл. 6.13, 5; 6.14, 1; 6.5, 1; 6.16; 6.15, 1; 6.15, 6; 6.4, 3; кат. 6.2.49; 6.2.51; 6.2.6; 6.2.59; 6.2.56; 6.2.58; 6.2.4), были исследованы методом нейтронно-активационного анализа (НАА) в Лаборатории археометрии в Бонне. Наша методика измерений представляет собой модифицированную версию метода, используемого в Беркли (Perlman, Asaro 1969), которая регулярно применялась нами в течение примерно 30 лет (Mommssen et al. 1991). В настоящее время общепринято, что совокупность (набор) весовых концентраций вторичных элементов и микроэлементов в керамике является характеристикой глиняного теста, используемого древними мастерами и, следовательно, позволяет определить мастерские, где производилась керамика. Предполагается, что эти мастерские находились недалеко от источника (или источников), из которого (которых) брали глину. Если совокупность различных элементов измерена с высокой точностью, то высока вероятность, что эта совокупность уникальна. Поэтому такую совокупность (образец) можно сравнить с уникальным отпечатком человеческого пальца, а метод назвать методом определения химических отпечатков пальцев (Perlman, Asaro 1969; Harbottle 1976; Wilson 1978; Mommssen 2011).

Можно предположить, что керамические сосуды, имеющие сходные композиции элементов, были изготовлены в одной или нескольких близкорасположенных мастерских. Для сравнения различных образцов используют методы статистики, такие как метод главных компонент (РСА) или различные варианты кластерного анализа (СА) (Baxter 2003). В Бонне нами был разработан комплекс статистических методов, работающий как фильтр (Mommssen et al. 1988; Beier, Mommssen 1994). Он позволяет формировать обширный банк данных, включая в него все образцы с характеристиками данных, демонстрирующих совпадения, с учетом экспериментальных неточностей, а также возможности того, что глиняное тесто может быть «разбавлено» другими добавками, такими, например, как кварцевый песок ( $\text{SiO}_2$ ) или кальцит ( $\text{CaCO}_3$ ) (Mommssen, Sjöberg 2007). Это делается на основе вычисления наиболее соответствующего фактора, так называемого коэффициента разбавления с учетом заданной модели фильтра. Обе эти особенности не могут быть учтены методами главных компонент и кластерным анализом (РСА или СА).

<sup>102</sup> М. К. выражает благодарность Ю. Бырзеску (Бухарест), Дж.-М. Хенке (Афины), Х. Дж. Киенасту (Мюнхен), Н. Панталеон (Уммендорф) и У. Шлотцауэру (Берлин) за комментарии и справки. Х. М. благодарит сотрудников Института реакторов Дельфтского Технологического университета (Нидерланды), проводивших иррадиацию образцов керамики.

<sup>103</sup> Перевод с английского языка М. Ю. Вахтиной.

Образцы фрагментов керамики для анализов берутся в виде мельчайших частиц (порошка), полученных при помощи сверла с корундовым наконечником (чистый оксид алюминия) диаметром 10 мм. Для проведения анализа необходимо всего лишь 80 мг, материал обычно берется с внутренней поверхности фрагментов. В результате на ней остается лишь поверхностный след диаметром около 1 мм, на основании которого можно будет в будущем судить о том, что здесь брался материал для наших исследований. Взятые образцы немировской керамики вместе с шестью стандартными керамическими образцами из Бонна<sup>104</sup> были отправлены в Нидерланды для исследования на реакторе в Институте реакторов Дельфтского Технологического университета, где они подверглись облучению нейтронами ( $12.5 \text{ n/cm}^2 \cdot \text{s}$ ), продолжительность 10 ч. После того как образцы были возвращены обратно в лабораторию Бонна, радиоактивное излучение измерялось в течение последующих четырех недель и рассчитывалось для определения концентрации элементов. Метод позволяет выявлять до 30 элементов, присутствующих в пределах обнаружения.

### Результаты нейтронно-активационного анализа (НАА) и дискуссия о группах происхождения восточнореческой керамики, представленной в материалах Немировского городища

Определение состава элементов, присутствующих в немировских образцах, было проведено успешно. В результате для всех семи образцов были выявлены определенные источники происхождения. Выявленные концентрации наборов, включающие 29 элементов, представлены в таблице 1.

Семь образцов греческой расписной импортной керамики из Немировского городища принадлежат к четырем различным по своему химическому составу группам происхождения. Все они могут быть точно локализованы благодаря убедительным сравнительным материалам. Два из них были расположены в Южной Ионии (Милет, Самос), один — в Северной Ионии (Теос), еще один — в регионе ионийских *апойкий* (колоний) на южном побережье Геллеспонта (табл. 2; 3).

Все семь образцов из Немирова надежно соотносятся со «своими» группами, как это видно из таблицы, отражающей результаты дискриминантного анализа (табл. 4). Полные (закрашенные) символы относятся к немировским образцам.

### Группа производства MilA: Милет (мастерские Калабак-Тепе)

Нейтронно-активационный анализ (НАА) образцов Nemi 1 и Nemi 2 (табл. 6.13, 5; 6.14, 1, кат. 6.2. 49; 6.2. 51) позволил выявить набор элементов MilA, который может быть локализован в крупном и важном южноионийском

<sup>104</sup> Стандарты см. Mommssen, Sjöberg 2007.

Таблица 1

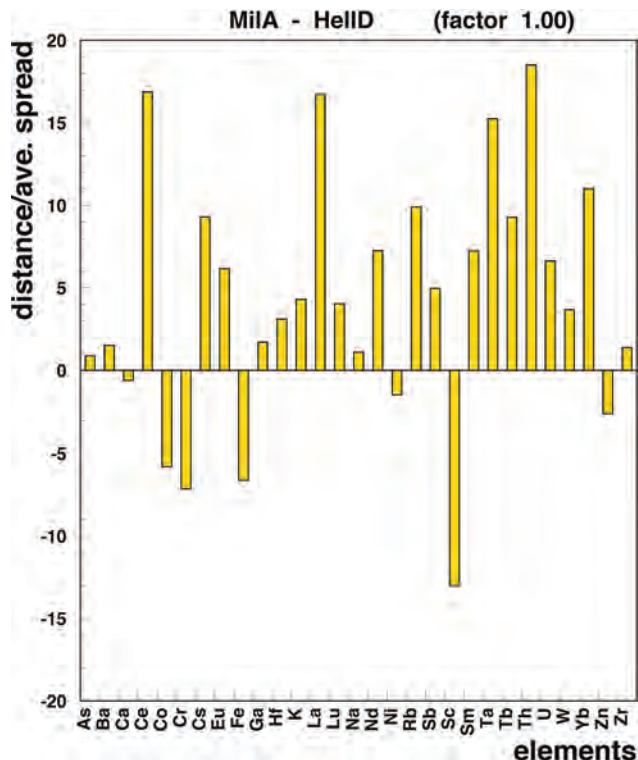


Таблица 2

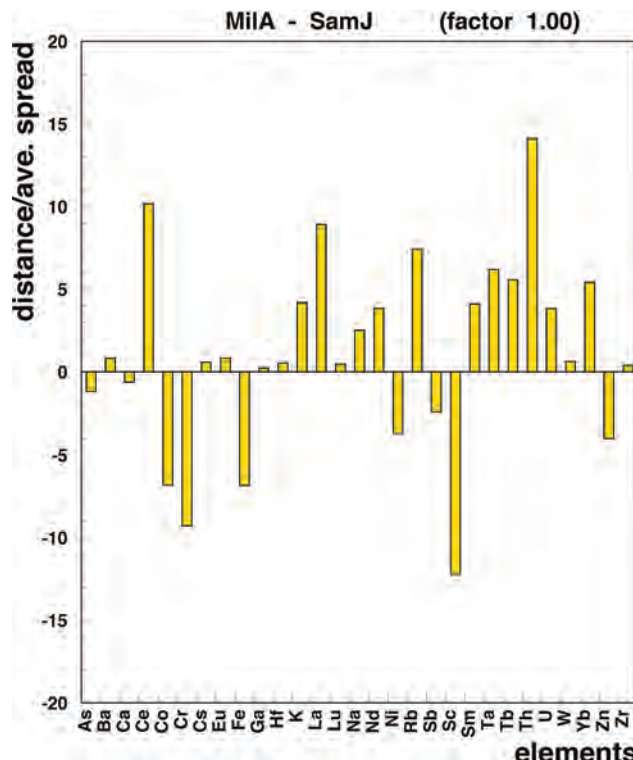


Таблица 3

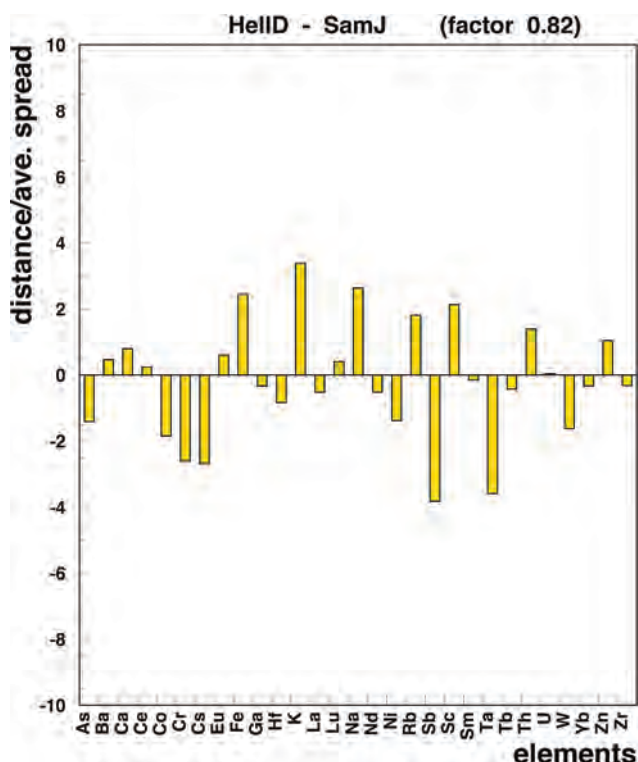
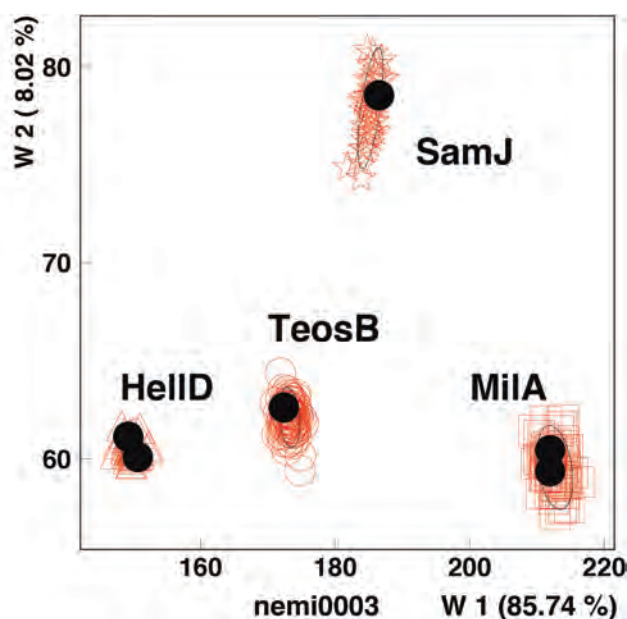


Таблица 4



центре керамического производства — Милете (MiIA, прежде обозначен как A: Kerschner et al. 1993: 203–205, 208–209, figs. 2–5, tab. 2; Akurgal et al. 2002: 42, 44–47, 141, fig. 3; Kerschner, Mommsen 2004–2006: 83–84, figs. 1–2; Mommsen et al. 2006a: 70, 74, tab. 2; Schlotzhauer, Villing 2006: 59–60, figs. 21–22; Mommsen et al. 2012: 439–440, 442, 445, tab. 2; Schlotzhauer 2012: 43–45). На-

бор элементов этого центра в настоящее время представлен 97 образцами нашего банка данных (табл. 2). Эталонные материалы этой группы производства представлены бракованными изделиями восьми обжигательных печей, раскопанных на архаических участках поселения и в квартале ремесленников на южном склоне Калабак-Тепе<sup>105</sup>. Поэтому мы назвали эти центры производства «мастерскими Калабак-Тепе».

<sup>105</sup> Образцы Mile 5, Milet 2, 6, 7, 9, 10, 11, 140. О керамическом браке из печей см. Akurgal et al. 2002: 37, 41, 113–114, cat. nos. 90–99, figs. 59–64. Об архаических керамических мастерских на Калабак-Тепе см. Senff 1999: 394–395, 403, fig. 7.



Существует еще одна большая группа происхождения, *MilD*, которая также по результатам NAA может быть отнесена к Милету. Она была выделена на основе изучения брака милетских архаических транспортных амфор, происходящего из керамических печей, открытых на холме Калабак-Тепе<sup>106</sup>. Химические «отпечатки пальцев» *MilD* очень похожи на «отпечатки» *MilA* (*MilD*, прежде обозначен как *D*: Kerschner et al. 1993: 203–205, 208–209, figs. 2–5, tab. 2; Akurgal et al. 2002, 37–42, 140; Kerschner, Mommsen 2004–2006: 83–84, figs. 1–2; Mommsen et al. 2006a: 70, 74, tab. 2; Schlotzhauer, Villing 2006: 59–60, figs. 18–20; Mommsen et al. 2012: 439–440, 442, 445, tab. 2; Schlotzhauer 2012: 43–45). Поэтому весьма вероятно, что набор элементов *MilD* представляет другой источник глины в окрестностях Милета, геологически схожий с сырой глиной, которая использовалась для изготовления сосудов с «химическими отпечатками пальцев» *MilA*. Также возможно, что различные способы приготовления глиняного теста, практикуемые мастерами, влияли на химический состав двух этих групп. Группа *MilD* включает в себя категории керамики, которые также представлены в группе *MilA*. Так как оба этих набора элементов были выявлены на основе анализов брака из печей на холме Калабак-Тепе, можно полагать, что оба вида керамического теста использовались в тамошних мастерских. В отличие от группы *MilA*, *MilD* не была обнаружена среди образцов из Немирова.

*Nemi 1* представляет собой фрагмент большой амфоры с выступающим краем венчика и необычно широким, напоминающим кратер горлом. Внешняя поверхность имеет роспись в виде пояса из чередующихся цветов и бутонов лотоса на горле и фриза с изображениями животных на плечиках, от которого сохранилось изображение льва и ласточек, сидящих на его поднятом вверх изогнутом хвосте. Сюжет и стиль росписи характерны для милетского варианта ранней стадии «стиля дикого козла», милетского архаического стиля *Ib* (*MileAlb*), который датируется 650–630 гг. до н.э. (Kerschner, Schlotzhauer 2005: 17–25, fig. 15). Набор элементов образца *Nemi 2* чрезвычайно близок набору элементов образца *Nemi 1*. Следовательно, принадлежность обоих фрагментов к одному сосуду является весьма вероятной.

Форма образца *Nemi 1* не представлена в продукции самого Милета и в целом не характерна для продукции всего региона Южной Ионии<sup>107</sup>. Тип амфоры с широким венчиком, украшенной росписью в ориентализирующем стиле, хорошо известен на севере, в Эолии и прилегающих к северу областях Ионии (Смирна) и Лидии (Сарды) (Cook 1950: 13, fig. 8; 1985: 26–28, pl. 5b–c; Iren 2003: 9–12, 16, 25, 58–59, 66–67, 76, 85, 97, drawings 5–15)<sup>108</sup>. Эту форму называли «амфорой типа Мирина» по находке на этом памятнике первого опубликованного экземпляра, ныне находящегося в экспозиции Лувра (Rayet 1884;

<sup>106</sup> Образец по. Mile 141, не опубликован. Благодарю А. Нассо (Неаполь/Рим) за эту информацию.

<sup>107</sup> Выражаю признательность Н. Панталеон (Уммендорф) за информацию о находке амфоры этого типа, не имевшей росписи, в Милете. Однако до сих пор не было найдено ни одного подобного расписного сосуда, украшенного в милетском «стиле дикого козла».

<sup>108</sup> О связях между этими соседними регионами, особенно теми, которые располагались вдоль долины р. Герм, см. Kerschner 2017.

Pottier, Reinach 1887: 232–233, 499–504, figs. 36; 55–56, pl. 51; Walter-Karydi 1970: 12, pl. 5,3; 8,4; Akurgal 1987: pl 21b; Iren 2003: 69, 170 cat. no. 81; Coulié 2013: 182, pl. X). Этот эпонимный экземпляр является более поздним, чем *Nemi 1*, и датируется первой половиной VI в. до н.э. (Walter-Karydi 1970; Iren 2003: 138 — «aio-lischer Tierfriesstil II»; Coulié 2013: 182, pl. XV).

Между профилями *Nemi 1* и «амфорой типа Мирина» имеются ярко выраженные отличия. Плечики более поздних сосудов более плоские и их переход в горло, равно как и в тулово, оформлен более определенно (ср. Iren 2003: drawing 9–11), тогда как *Nemi 1* имеет плавный профиль. Горло у «амфор типа Мирина» коническое, тогда как у *Nemi 1* оно скорее прямое и лишь немного вогнутое.

Как показал К. Ирен, опираясь на находки из некрополя Питаны, серия эолийских амфор с ручками на тулове восходит к VII в. до н.э. (Ibid.: 9–12, 16, 58–59, drawings 5–15; о хронологии: 56, 138, fig. 18; 73). Более ранние экземпляры, относящиеся ко второй половине VII в. до н.э., имеют более покатые плечи, плавно переходящие в округлое тулово (см., напр., Akurgal 1987: pl. 18; 104; Iren 2003: 164–165, 169–170, cat. nos. 10, 14–17, 73–74; drawings 6–9; pl. 1, 3, 4, 14, 15), сопоставимые с *Nemi 1*. Правда, уже на ранних эолийских экземплярах различим отчетливый угол, подчеркивающий переход от плечиков к горлу, что отличает их от *Nemi 1*.

Декор ранней «амфоры типа Мирина» из Питаны демонстрирует влияние милетского архаического стиля *Ib* (*Milesian Archaic Ib*) (или более широко — южноионийского архаического стиля *Ib*: *South Ionian Archaic Ib*), который в эолийском варианте сочетался с местными элементами. Тем не менее, все же имеется один признак, указывающий на несколько более позднюю дату амфоры из Питаны: подвесные треугольники у верхней границы фигурного фриза, являющиеся элементами, характерными для следующей фазы, милетского архаического стиля *Ic* (*Milesian Archaic Ic*).

На современном уровне наших знаний трудно определить связь между эолийскими широкогорлыми амфорами и милетским сосудом *Nemi 1*. В Милете неизвестны находки эолийской керамики, поэтому мы не располагаем свидетельствами о том, могли ли милетского мастера, из рук которого вышел сосуд *Nemi 1*, вдохновлять эолийские образцы. Тот факт, что эта форма не получила распространения в стандартном репертуаре милетской керамики, может, скорее, свидетельствовать в пользу гипотезы о том, что она была продиктована предпочтениями скифского рынка. Есть и другой след, связывающий форму *Nemi 1* с Северной Ионией: пифоидные амфоры, производившиеся, в основном, на Хиосе и также экспортируемые в Северное Причерноморье (Березань), у которых было широкое горло, покатые плечи и крупное тулово (Boardman 1967: 137, 141 cat. nos. 521–523, fig. 88, pl. 44, X (Хиос); Скуднова 1960: 165–166, рис. 14; Борисфен–Березань 2005: 26, рис. 1).

Форма сосуда *Nemi 1* — большая амфора с широким венчиком — является исключением в кругу сосудов VII в. до н.э., найденных в Милете. Поэтому вполне вероятно, что она была специально выбрана с учетом вкусов и пожеланий заказчиков. Большая, богато и искусно украшенная ваза, подобная этой амфоре, была действительно

престижной вещью, демонстрировавшей богатство скифского вождя. В конечном пункте своего назначения она также ценилась и как экзотическая вещь, свидетельствующая о дальних связях и контактах своего владельца. Широкогорлая амфора Nemi 1 была многофункциональной. Ее можно было накрыть крышкой и использовать как амфору для хранения продуктов. Во время праздников она могла служить для смешивания вина, подобно кратеру. Так как на городище не было найдено ни одного фрагмента кратера, можно предположить, что сосуд Nemi 1 мог сочетать функции обоих этих типов.

### Группа производства HelleD: мастерские Геллеспонта в северной Троеде

Образцы Nemi 3 and Nemi 4 (табл. 6.5, 1; 6.16, кат. 6.2.6; 6.2.59) входят в группу производства HelleD, которая может быть локализована на южном побережье Геллеспонта<sup>109</sup>. Эталонный образец Т3 представляет собой сырую глину из глинистого слоя в Интепе между древней Троей и современным городом Чанаккале (Mountjoy, Mommsen 2006: 98–100, 102, Tab. 1.4 (sample no. T3); ср. Mommsen et al. 2006b: 166). Точное местоположение мастерской пока не установлено, так как основные эталонные материалы, такие как брак из обжигательных печей, или другие свидетельства древнего керамического производства пока не выявлены (см. Kerschner 2006b: 148–149). Поэтому мастерские (вероятно, их было несколько), использовавшие это месторождение глины, получили название по имени региона — «мастерские Геллеспонта». Ионийские апойки южного побережья пролива Геллеспонт являются наиболее предпочтительными кандидатами на роль центров, где располагались эти высокопродуктивные мастерские, в которых изготовлялась архаическая керамика, расписанная в стиле, имевшем южноионийское происхождение. Р. Порсаментир, с которым согласен П. Дюпон, предложил локализацию в Абидосе (а также, возможно, в Перкоте и Аризбе), так как известно, что это был большой город, основанный милетянами (Mommsen et al. 2006b: 167; Posamentir, Solovyov 2006: 115; 2007: 196; Dupont 2008: 1; Posamentir et al. 2009: 41). Другими возможными центрами могли быть Дарданос, Офринейон и Роетейон, которые, хотя и располагались ближе к Интепе, все же были более мелкими и очевидно, менее экономически развитыми городами (Posamentir, Solovyov 2006: 115; об исследованиях этих памятников см. Cook 1973: 59, 75, 80–81, pl. 3a-b; Arslan 2005; 2009; в целом о полисах Троеды: Mitchell 2004). Принимая во внимание близкое расположение этих четырех полисов, нетрудно предположить, что два из них (или более) использовали один и тот же слой глины, протяженность которого неизвестна. Если так и было в действительности, то определить их керамическую продукцию методом NAA невозможно.

Несмотря на то что продукция мастерских Геллеспонта демонстрирует стилистическую близость керамике Милета, состав ее элементов отличается от милетского паттерна MilA, что показано в **таблице 1**, где видны раз-

<sup>109</sup> Образцы Mile 5, Mile 2, 6, 7, 9, 10, 11, 140. О керамическом браке из печей см. Akurgal et al. 2002: 37, 41, 113–114, cat. nos. 90–99, figs. 59–64. Об архаических керамических мастерских на Калабак-Тепе см. Senff 1999: 394–395, 403, fig. 7.

личия в концентрации (Mommsen et al. 2006b: ср. 161, fig. 3 — группа HelleD там названа TroD). Концентрация элементов в MilA по сравнению с HelleD является более высокой для церия (Ce), лантана (La), тантала (Ta) и тория (Th), тогда как для кобальта (Co), хрома (Cr), железа (Fe) и скандия (Sc) более низкие концентрации установлены в MilA, как это видно из характеристик, приведенных в **таблице 2**.

Кроме того, есть веские основания полагать, что это же месторождение глины использовали и гончары Трои. Во-первых, набор элементов HelleD (бывшей TRO-D) хорошо представлен в керамических находках из Трои на протяжении длительного периода, с XVI по VII вв. до н.э. (Mommsen et al. 2001: 178, 194–200, figs. 7, 8, 20, 22, 29–40; Mountjoy, Mommsen 2006: 111–114, fig. 12). Это означает, что глиняное тесто было местным или же импортировалось из центра производства, расположенного неподалеку. Во-вторых, оно является вторым по распространенности для микенской посуды из Трои, подвергнутой анализу; его использовали для изготовления расписной, а также сероглиняной керамики поселения на протяжении фаз Троя V, VI и VII (Mountjoy, Mommsen 2006: 111–112). Однако, как это стало известно в настоящее время, в позднем бронзовом веке вышеупомянутые поселения вдоль южного берега Геллеспонта не были обитаемы. И, как следствие этого, сосуды позднего бронзового века группы происхождения HelleD должны были изготавливаться где-то в других местах, скорее всего, гончарами из Трои, бывшей доминирующим поселением в регионе. Так как Троя была расположена неподалеку от пролива Геллеспонт, название HelleD можно использовать и в дальнейшем.

Связанный с предыдущим, но немного отличный по химическому составу паттерн элементов TRO-T может быть локализован в Сестосе на северном побережье Геллеспонта (Posamentir et al. 2009: 41, 45, fig. 4, 3)<sup>110</sup>.

Nemi 3 — фрагмент шаровидного тулова закрытого сосуда, вероятно, кувшина, с крутыми плечиками. Максимальный диаметр тулова 18 см, что меньше, чем у типа ойнохой распространенного на протяжении синхронных фаз южноионийского «стиля дикого козла». Дальнейшее изучение самой ранней керамической продукции мастерских Геллеспонта покажет, был ли этот тип сосуда характерен для нее. Образец Nemi 4 — ойнохой с «полосатой» росписью (табл. 6.16; кат. 6.2.59) — тип, характерный для областей Восточной Эгеиды.

### Группа происхождения TeosB: «мастерские чаш с птицами» в Теосе

Сосуд Nemi 5 (табл. 6.15, 1; кат. 6.2.56) представляет собой импорт в Немиров из Теоса, он имеет набор TeosB (старое название B — Kerschner et al. 1993). Этот состав в настоящее время зафиксирован для 369 образцов. Кандидатура Теоса уже предлагалась ранее на основе данных археологии. Недавно это предположение было подтверждено результатами нейтронно-активационных анализов (NAA) керамического брака из обжигательных печей, обнаруженных в Теосе (Kadioğlu et al. 2015; Ker-

<sup>110</sup> Различия заключаются в более низкой концентрации хрома (Cr) и более высокой — гафния (Hf), во всем остальном наборы элементов HelleD и TRO-T очень близки.

schner, Mommsen: in press). Эти мастерские были названы «мастерские чаш с птицами» («Bird bowl workshops») по наиболее распространенной категории их продукции.

Небольшой фрагмент стенки закрытого сосуда Nemi 5 по своему стилю может быть отнесен к поздней фазе североионийского «стиля дикого козла» (North Ionian Archaic Id), который хорошо представлен среди изделий группы TeosB.

### Группа происхождения SamJ: остров Самос

Два образца, Nemi 6 и Nemi 7 (табл. 6.15, 6; 6.4, 3, кат. 6.2.58; 6.2.4), входят в еще одну хорошо определяемую группу происхождения под названием SamJ (прежде обозначена J: Kerschner, Mommsen 2004–2006: 84–85, figs. 1, 3; Mommsen et al. 2006a: 72; Schlotzhauer, Villing 2006: 59–60, figs. 14–17; Mommsen et al. 2012: 439, 442, 444, tab. 2; Schlotzhauer 2012: 56–58). Различия между наборами элементов MilA и SamJ, с учетом усредненного коэффициента изменчивости, показаны в таблице 2. На первый взгляд, таблица 2 сходна с таблицей 1. Разница по многим элементам между группами MilA и SamJ не сильно отличается от различий, представленных в таблице 1 между группами MilA and HellD: концентрации элементов церия (Ce), лантана (La), тантала (Ta) и тория (Th) выше в MilA, концентрации кобальта (Co), хрома (Cr), железа (Fe) и скандия (Sc) — ниже. Но если мы более тщательно рассмотрим различия между HellD и SamJ, скорректированные с учетом наиболее подходящих коэффициентов для HellD (табл. 3), то увидим отчетливые статистические отличия между обоими наборами элементов.

Группа происхождения SamJ может быть локализована на о. Самос благодаря трем образцам (Samo 16, 17 and 20), происходящим из святилища Геры, расположенного за пределами городских стен примерно в 7 км к юго-западу от полиса Самос (о нейтронно-активационном анализе чаш из святилища Геры Самосской см. Kerschner, Mommsen 2004–2006: 84–85, figs. 1, 3). Эти три образца «кружек» с дипинти принадлежат к специфической категории керамики, найденной в этом святилище в огромном количестве<sup>111</sup>. Она была впервые описана У. Кроном и названа им «керамика Геры» или «культовая керамика» («Kultgeschirr») (Kron 1984: 292–297; 1988: 144–145; cf. Isler 1978: 142–143, pl. 71–73; Furtwängler 1989: 71–103, figs. 12–18, pl. 34; Schlotzhauer 2012: 155)<sup>112</sup>. Для этого класса посуды характерны большие буквы, нанесенные краской по внешней поверхности, которая была украшена особым образом фризами и поясами лака. К этому специфическому типу принадлежала ограниченная серия сосудов. «Кружки» были наиболее распространенной формой, но известны и чаши с отогнутым краем, ойнохои, гидрии, амфоры, леканы и кратеры с такими же дипинти,

<sup>111</sup> Technau 1929: 33, 36, pl. 28, 1; Isler 1978: 96 («nicht selten»), 143; Furtwängler 1980: 159, n. 26 («45% der Tassen» in phase III [ca. 630/20–590/80 BC]); Kron 1984: 292 («man kann jetzt von einigen hundert Stücken ausgehen»); 1988: 145; Furtwängler 1989: 106–108, fig. 18; Avramidou 2016: 49.

<sup>112</sup> Керамика с дипинти впервые упомянута Течнау — Technau 1929: 36, pl. 28, 1; позже — Фуртвенглером (Furtwängler 1980: 159, n. 26, 160, fig. 21; 22, IV/3 («Keramik mit Dipinti»)). Более ранняя интерпретация Ислера (Isler 1978: 96 («zustaatlichen Opfernbenutzt»)) была оспорена после того, как У. Крон определил букву ро, которую ранее читали как дельту. Подробнее см. Avramidou 2016.

правда, в значительно меньших количествах (Kron 1984; 1988: 145, fig. 8; Furtwängler 1989: 81; Avramidou 2016: 49–50; Moustaka 2017: 161, figs. 52–54). Большие буквы НРН (часто в сокращенной версии НР и РН в ретроградной) на внешней поверхности сосудов были убедительно интерпретированы У. Кроном как сокращения имени богини Геры (Kron 1984: 294–295; 1988: 145; cf. Schlotzhauer 2012: 57, 116; Avramidou 2016: 49). Именно эти дипинти, очевидно, и превращали сосуды в собственность богини, так как сосуды этой формы, украшенные подобным образом, также находят в жилых и погребальных комплексах Самоса (Avramidou 2016: 51 quoting examples).

«Керамика Геры» — феномен, возникший в конце VII в. до н.э., существовавший на протяжении VI в. до н.э. и достигший своего «пика» в первой половине этого столетия (Isler 1978: 96; Furtwängler 1980: 159–160; Kron 1984: 292; 1988: 145; Furtwängler 1989: 71–101, 103, fig. 17; Schlotzhauer 2012: 155; Avramidou 2016: 49; Moustaka 2017: 161, figs. 52–54). У. Крон предположил, что она использовалась для ритуальных трапез в культе главного женского божества Самоса (Kron 1984: 296; 1988: 144–145). Недавно А. Аврамиду выдвинула гипотезу о том, что эта керамика, скорее всего, предназначалась для рабочих, трудившихся на строительных работах в огромном храмовом комплексе Герайона, она служила посудой для их трапез (Avramidou 2016: 53–55)<sup>113</sup>. Главным ее аргументом служит хронологическое совпадение главной продукции «керамики Геры» и сооружением двух, возведенных один за другим гигантских диптеров Геры во второй и третьей четвертях VI в. до н.э. Это время было, однако, также временем интенсивного отправления культа в Герайоне, что подтверждают находки большого количества керамики и votivных приношений. Следовательно, необходимость особого класса стандартизированной керамики может быть объяснена как присутствием большой группы рабочих, так и наличием большой группы участников ритуальных трапез<sup>114</sup>.

А. Аврамиду приводит и дополнительные аргументы в поддержку своей гипотезы, правда, все они уязвимы. Особый набор форм «керамики Геры» — большое количество сосудов для питья (в основном, «кружки», но есть и чаши с отогнутым краем) и редкие находки кратеров — это совсем не тот набор посуды, который можно связать с дневными трапезами строительных рабочих (Avramidou 2016: 55); скорее, он характерен для ритуальных обедов в архаических святилищах (ср. Kerschner 1997: 202–204 — об Артемиссионе в Эфесе в последней трети VII в. до н.э.). Более того, А. Аврамиду рассматривает практику снабжения рабочих керамикой как результат египетского влияния на Самосе, так как у этого острова существовали особенно тесные связи с этим царством фараонов во времена 26-й династии (Avramidou 2016: 56). Она пишет, что «у нас нет свидетельств существования подобной практики снабжения рабочих для близлежащих полисов Милета/Дидима и Эфеса, где также осуществлялись масштабные строительные программы» (Ibid.). К тому же отсутствие класса керамики с дипинти в великих храмах других ионийских городов отнюдь не свидетельствует о том, что огромное количество рабочих, необходимых для возведения архаического диптера Артемиды в Эфесе

<sup>113</sup> Критику этой гипотезы см. Moustaka 2017: 161, n. 100.

<sup>114</sup> О размерах и объеме «кружек» и чаш с Гера-дипинти см. Avramidou 2016: 50, tab. 1.



и Аполлона в Дидимах, не снабжалось едой и посудой. У нас просто нет надежных свидетельств о том, как там было налажено снабжение.

Основываясь на имеющихся археологических и письменных источниках, невозможно принять одну из этих двух гипотез, хотя предположение о ритуальных трапезах, на наш взгляд, более соответствует археологическому контексту находок в Герайоне. «Керамику Геры» часто находят вместе с костями жертвенных животных и вотивными приношениями в различных частях теменоса<sup>115</sup>. Если бы сосуды с дипинти использовались лишь для обслуживания работающих в храме, можно было бы ожидать подобные находки, в основном, вблизи двух последовательно существовавших диптеров, возможно, даже в специальных мусорных кучах, так как эта керамика не имела бы выраженного сакрального значения. Но даже если гипотеза А. Аврамиду верна и керамика с дипинти действительно предназначалась для рабочих, это никак не может повлиять на тот факт, что подобная посуда использовалась только на территории теменоса Геры Самосской (Kron 1984: 296; 1988: 145; Avramidou 2016: 55). И потому она может рассматриваться как важнейший эталонный материал для локализации нашей группы происхождения SamJ.

Существует еще один памятник, где была найдена «керамика Геры», и он также связан с культом самосской богини. Это филиал ее святилища в эмпории Навкратиса в Египте (Kron 1984: 296; 1988: 145; Schlotzhauer 2012: 56–57, 154–157, cat. nos. Nau 124–129, pl. 27a–28f; Avramidou 2016: 51). В Навкратисе были обнаружены три «кружки» с Гера-дипинти (образцы Nauk 1, 2 and 3). Они исследованы У. Шлотцауэром, выявившим сходный паттерн элементов SamJ, что позволило предположить в них импорт с Самоса в Египет<sup>116</sup>.

В Навкратисе «керамика Геры» является редким исключением. Здесь было найдено лишь шесть экземпляров, тогда как в самосском Герайоне этот класс посуды представлен многочисленными находками (Schlotzhauer 2012: 154–157, cat. no. 124–129, pl. 27–28; там же см. библиографию). К тому же круг форм, отмеченных буквами, нанесенными краской, разнообразен в самосском Герайоне (Isler 1978: 143; Kron 1984: 292–294, figs. 1–2; 1988: 145, fig. 8; Avramidou 2016: 49–50, fig. 1), тогда как в филиале теменоса в Навкратисе он ограничен пятью «кружками» и единственной чашей с отогнутым краем (Schlotzhauer 2012: 154–157, cat. no. 124–129, pl. 27–28)<sup>117</sup>. У. Шлотцауэр обоснованно полагает, что шесть сосудов с Гера-дипинти могли быть доставлены в Египет как *aphi-*

<sup>115</sup> М. К. благодарит Дж.-М. Хенке (Афины) за эту информацию. Так как большинство находок из Герайона были опубликованы по категориям, трудно реконструировать контексты в целом. Это, прежде всего, относится к костям животных, которые лишь изредка фиксировались в процессе ранних раскопок, до 80-х гг. прошлого века. О контекстах с «керамикой Геры» см. Isler 1978; Furtwängler 1980; Kron 1984: 296; 1988: 145; Furtwängler 1989; Moustaka 2017: 161, figs. 52–54 (восточные ворота теменоса).

<sup>116</sup> О NAA «чаш Геры» из Навкратиса (образцы Nauk 1, 2 и 3): Mommsen et al. 2006a: 72; Schlotzhauer, Villing 2006: 59–60, figs. 14–17; Mommsen et al. 2012: 439, 442, 444, tab. 2; Schlotzhauer 2012: 56–58, 155.

<sup>117</sup> О месте находки образца cat. no. 125, «кружки» с дипинти, которая, вероятно, была принесена в находящееся поблизости святилище Диоскуров во время строительного периода, см. Schlotzhauer 2012: 155.

*drymata*, то есть объекты, которые могли способствовать утверждению культа в новом филиале святилища (Schlotzhauer 2006: 311–313). В пользу этой гипотезы свидетельствует тот факт, что наборы элементов «кружек» Nauk 1, 2 и 3 чрезвычайно близки, что свидетельствует о том, что они были изготовлены в одно и то же время из одного и того же приготовленного теста, а также, возможно, с одной и той же целью — переноса культа Геры Самосской в Навкратис (Schlotzhauer 2012: 155).

Гипотеза У. Шлотцауэра объясняет известные факты лучше, чем гипотеза А. Аврамиду о «посуде рабочих» (Avramidou 2016: 58). Редкость находок — всего лишь шесть экземпляров — не свидетельствует об обилии и разнообразии блюд, предназначавшихся большому количеству строительных рабочих. Результат нейтронно-активационного анализа показал, что все три исследованных образца «керамики Геры» из Навкратиса были частью одной партии товара, отправленной в Египет. Это противоречит гипотезе о «посуде рабочих»: если бы она была справедлива, то понадобился бы более длительный отрезок времени для того, чтобы заменить разбитую посуду по прибытии следующей партии товара. В конце концов, сомнительно, чтобы простые «кружки» для рабочих могли бы импортироваться, после того, как анализ выявил на памятнике производство керамики греческих типов, в котором использовалась глина Нила (группа производства QANN) (Mommsen et al. 2006a: 72, tab. 1; Schlotzhauer, Villing 2006: 62–65, figs. 30–44; Mommsen et al. 2012: 438, 443, 447, tab. 2, fig. 14 (группа QANN); Schlotzhauer 2012: 62–65, pl. 30c–35d). Следовательно, рабочие могли снабжаться и местной посудой, не повторявшей египетские формы, «которые греки никогда не любили», как утверждает А. Аврамиду (Avramidou 2016: 58).

Учитывая размеры острова Самос и гористый характер местности, можно предположить, что здесь существовал более чем один центр производства керамики (Kerschner, Mommsen 2004–2006: 85, n. 40; cf. Dupont 1983: 33–36). Однако группа SamJ представляется самой важной, что подтверждает экспорт этой посуды в Восточную Эгеиду, египетский Навкратис и Северное Причерноморье вплоть до территории скифской лесостепи.

Так как брак из керамических печей и другие артефакты из керамических мастерских Самоса пока еще не проанализированы, мы не можем точно локализовать место (места) производства посуды группы SamJ. Однако можно с большой степенью вероятности предположить, что некоторые из этих мастерских были расположены вблизи святилища Геры, находящегося за городскими стенами, где использовались сосуды с надписями, нанесенными краской, или даже непосредственно в пределах границ теменоса, как полагают У. Шлотцауэр и А. Аврамиду (Schlotzhauer 2012: 57, 155–156; Avramidou 2016: 50–51; Kron 1988: 145 — упоминает остатки керамических мастерских в Герайоне). О широком употреблении этой стандартизированной посуды в Герайоне свидетельствует большое количество их находок в свалках конца VII — VI в. до н.э. (Isler 1978: 46; Kron 1984; 1988: 145; Furtwängler, Kienast 1989: 86–89, fig. 14 I–III, pl. 34, W 2/11; Kienast 2014–2015; Avramidou 2016: 51). Производство этой продукции на территории теменоса или вблизи от него позволило бы сэкономить на транспортных расходах. Археологические свидетельства о гончарных мастерских, например, об обжигательных печах или необожженной посуде, пока еще

не были зафиксированы для Герайона, хотя известны отдельные следы металлообработки на этом памятнике<sup>118</sup>.

Для производства такой посуды было необходимо, чтобы источник сырого материала располагался не слишком далеко. У нас нет данных ни о местонахождении этого пласта глины, по-видимому, находившегося где-то в юго-восточной части острова, ни о его мощности. Он мог бы использоваться несколькими мастерскими, функционировавшими в разных местах неподалеку. Следовательно, представляется вероятным, что гончары полиса Самос работали примерно в 7 км к востоку от святилища, на восточной окраине долины Герайона, использовали один источник глины и производили керамику с паттерном элементов SamJ. Это подтверждает ряд гончарных изделий, входящих в группу SamJ, включающий и сосуды, сделанные на экспорт и зафиксированные в жилых контекстах, а также амфоры, использовавшиеся для дальней транспортировки товаров.

Два из проанализированных сосудов из Немирова могут быть идентифицированы как самосский импорт. Первый из них, Nem1 6, представлял собой кувшин, по форме напоминавший луковичку, от которого сохранилась верхняя часть тулова. На его покрытой черным лаком внешней поверхности видны узкие резервные линии. Похожие кувшины были найдены в Герайоне, а также на некрополе Самоса (Walter, Vierneisel 1959: 52, pl. 52, 1; Moustaka 2017: 159–60, figs. 44a–b (Герайон); Voehlau 1898: 42 no. 5, pl. 8, 16; Löwe 1996: 45 cat. no. 36, 5 (западный некрополь)).

Другой образец, Nem1 7, принадлежал чаше с выступающим краем (так называемому ионийскому килику)<sup>119</sup>, сохранившейся фрагментарно. Она относится к типу 5 по классификации, разработанной для южноионийских чаш У. Шлотцауэром (о типе 5 — Schlotzhauer 2001: 94–97, 498–504, cat. nos. 87–116, pl. 17–22, 109–113)<sup>120</sup>. Этот существующий на протяжении длительного времени тип был очень широко распространен в Южной Ионии и существовал со второй четверти по конец VII в. до н.э. (Ibid.: 295–308 — «680/70–600/590 BC»). Он имеет глубокое вместилище, тонкие стенки и высокий, выдающийся наружу край. Nem1 7 может быть соотнесен с самым ранним типом 5.1.B, для которого характерным является изогнутый профиль края (Schlotzhauer 2001: 95, 498–500, cat. nos. 87–95, pl. 17–18; Graeve 1973–1974: 85, 98, cat. no. 64,

<sup>118</sup> М. К. благодарит Х. Дж. Киенаста (Мюнхен) и Дж.-М. Хенке (Афины) за информацию по вопросу о существовании керамических мастерских в Герайоне. Х. Дж. Клиенаст утверждает, «Es gibt im gesamten Heiligtum bis dato keinen einzigen Nachweis für einen Keramikofen» (E-mail, 19.10.2017). О свидетельствах производства металлических изделий см. Schmidt 1972: 177–181, fig. 4; Kyrieleis 1980: 339–340, fig. 8. Крон (Kron 1988: 145) упоминает как железодельные, так и керамические мастерские, правда, не приводя надежных свидетельств.

<sup>119</sup> Термин «Knickrandschale» (= чаша с выступающим краем) был введен У. Шлотцауэром (Schlotzhauer 2000: 412–413; 2001: 2 note 7, 11 note 19; 2012: 94). Он убедительно показывает, что этот термин, основанный на объективной критерии, предпочтительнее географического, так как этот тип чаши был широко распространен, а также производился и в других областях за пределами Ионии, например в Великой Греции, Сицилии, в районе Массалии и ее колоний.

<sup>120</sup> Подробное обсуждение других предложенных систем классификации см. Schlotzhauer 2001: 17–65, особенно 19–20, fig. 8; а также Schlotzhauer 2000: 407–411, figs. 297–298.

fig. 13, pl. 24, 64 (Милет); Kerschner 1997: 139, 193, cat. no. 57 fig. 40, pl. 8 (Эфес)). Внутренняя поверхность имеет темное покрытие, за исключением пояса между ручками и краем, внешняя поверхность украшена тремя тонкими линиями, выше — тонкая зигзагообразная линия. Тип 5.1.B может быть датирован 680/70–640/30 гг. до н.э.<sup>121</sup>.

В настоящее время методом NAA в Бонне было исследовано восемь различных паттернов на материалах 14 образцов чаш с отогнутым краем типа 5: SamJ среди них представлен лучше всего (пять образцов), за ним следуют еще не локализованная группа происхождения Ul 4 (два образца) и милетская группа происхождения MilA («мастерские Калабак-Тепе») <sup>122</sup>. Следовательно, центрами производства чаш 5-го типа были Самос и Милет. Сегодня представляется, что Самос был более важным центром их производства, однако к этому предположению следует относиться с осторожностью, так как количество проанализированных образцов пока еще очень невелико.

Чаши типа 5 широко представлены в слоях и комплексах VII в. до н.э. святилища Геры на Самосе (Walter 1957: 41–42, 46, fig. 4, pl. 54, 3, 4; 68, 2; Walter, Vierneisel 1959: 19, pl. 33, 3, 4; Kopcke 1968: 257–260, cat. nos. 20, 21, 23, figs. 8–9, pl. 95; Isler 1978: 58, 95–96, cat. nos. 138–141, pl. 2; 153, cat. nos. 546–547, pl. 15; Furtwängler 1980: 200, cat. no. I/11, fig. 12; 208 cat. no. II/4–II/5, fig. 16; Schlotzhauer 2001: 95, 498, cat. no. 87, pl. 17; 109). Самосские мастера производили такие чаши не только для местного употребления, но также на экспорт. Их продукция была популярна в соседних полисах Южной Ионии, что подтверждают находки фрагментов керамики группы SamJ в Эфесе и Милете<sup>123</sup>.

## Выводы

Нейтронно-активационный анализ показал, что во второй половине VII в. до н.э. на Немировское городище импортировалась продукция четырех различных центров керамического производства: они располагались в Милете, на Самосе, в Теосе и в районе Геллеспонта. Это означает, что ранняя торговля со скифской элитой лесостепной зоны не была эксклюзивным коммерческим мероприятием ионийских полисов. Хотя Милет и имеет репутацию основного лидера греческой колонизации Северного Причерноморья, очевидно, что и другие полисы Южной и Северной Ионии принимали участие в недавно освоенном новом направлении торговых связей. Мы не знаем, кем были эти купцы, но можем выявить происхождение вещей, которыми они торговали. Наряду с керамической продукцией Южной и Северной Ионии мы можем проследить уже с третьей четверти VII в. до н.э. участие в этой торговле мастерских Геллеспонта. Эти мастерские располагались ближе к рынкам сбыта, что давало им существенное преимущество перед их ионийскими конкурентами.

<sup>121</sup> Более подробную дискуссию о проблемах хронологии см. Schlotzhauer 2001: 296–299, 307.

<sup>122</sup> Образец Mile 355, подтип 5.1.B — Ibid.: 97, n. 580.

<sup>123</sup> Эфес: Akurgal et al. 2002: 51–53; 108–109, cat. no. 68, pl. 5, 68 (образец Ephe 25) и образец Ephe 286 (inv. ART 710087.4; не опубликован). Милет: Schlotzhauer 2001: 97, 502 cat. no. 105, pl. 20; 112 (образец Mile 54) и Ibid.: 97, 500, cat. no. 97, pl. 18; 110 (образец Mile 56).

**ПРИЛОЖЕНИЕ 8. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа поверхности ручки бронзового зеркала из раскопок Немировского городища. Коллекции Государственного Эрмитажа**

*С. В. Хаврин, ОНТЭ ГЭ, Санкт-Петербург (Россия)*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ  
 ОТДЕЛ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ  
 Дворцовая наб. 34, 190000 Санкт-Петербург  
 Тел. +7(812)710-9013. Факс +7(812)311-9528. E-mail: lsewa@hermitage.ru

**Экспертное заключение**

Наименование экспоната	<b>Ручка зеркала. Немировское городище (раскопки 1948 г.)</b>	№ 2348
		11.07.2016
		Хаврин С. В., зам. заведующего ОНТЭ
Страна, школа, датировка	Украина, VII–VI вв. до н.э.	
Материал, техника	Медный сплав, литье	
Размеры	–	
Прочие сведения	Дополнение к Заключению № 777 от 17.01.2001	
Отдел, хранитель	ОАВЕС, кол. 2819-39, Сенаторов С. Н.	

*Всего в настоящем Заключении 1 страница*

Исследование методом рентгено-флюоресцентного анализа поверхности (спектрометр ArtTAX).

Установлено:

Ручка зеркала отлита из бронзы — сплава на основе меди. Основными легирующими компонентами являются олово — 12–14 % и в небольшом количестве свинец — 1–2 %. В сплаве присутствуют в незначительном количестве мышьяк (менее 0,2 %), а также сурьма, серебро, никель и железо.



## ПРИЛОЖЕНИЕ 9. К вопросу культурной атрибуции открытых на Немировском городище погребений<sup>124</sup>

Г. И. Смирнова, *ОАВЕС ГЭ, Санкт-Петербург (Россия)*

Все три немировских погребения были открыты в первый полевой сезон работ на городище, начавшихся в 1909 г. под руководством С. С. Гамченко. Обнаружены они в разных концах внутреннего укрепления этого памятника, называемого «Замчиска» — два (№ 1, 2) в юго-западном его конце в обрыве края плато, третье (№ 3) — в северо-восточной части.

Первые весьма краткие сведения о немировских погребениях содержатся в ОИАК (1913а: 178–179), а развернутое описание всех могил дано в рукописном отчете С. С. Гамченко, хранящемся в научном архиве ИИМК РАН (Гамченко 1909: табл. 181; 224, 1, 2, 4; 228; 1911: 279–282, 301–303, 412). Однотипные погребения № 1, 2 автор раскопок отнес к «галыштатской культуре» городища, а третье, под вопросом, к выделяемой им культуре «помосты» (Гамченко 1911: 279, 284, 285, 414; ОИАК 1913а: 178).

В одном из разделов рукописи М. И. Артамонова, написанной им после раскопок Немировского городища в 1946 г., дана характеристика открытых С. С. Гамченко могил. Ссылаясь на явную близость погребальных сооружений из камня (ящики и помост) к скифским в Западной Подолии (бассейн Среднего Поднестровья), он связал их со скифским периодом жизни на городище. Позже, более чем 50 лет спустя, этот раздел рукописи М. И. Артамонова, дополненный мною иллюстративной графической документацией из архивов С. С. Гамченко и А. А. Спицына, был подготовлен к печати (Артамонов 1998: 59–76, рис. 5; 6).

Тогда же, обрабатывая скифские материалы Немировского городища, я не смогла пройти мимо раскопанных на нем погребальных объектов. Изучение полевой документации С. С. Гамченко, с учетом найденного в могилах вещевого материала, поступившего в скифскую секцию Отдела истории первобытной культуры Эрмитажа (ныне ОАВЕС), привело нас к сомнению в принадлежности скифскому времени всех трех погребений (Смирнова 1998а: 116–117). Так, находки в могиле № 1 обломков сосудов, типичных для черняховских памятников, позволили, предположительно отнести два первых однотипных по погребальной обрядности сооружения к черняховской культуре. Что касается могилы № 3 с двумя помостами, то из-за присутствия в ней фрагментов стеклянных сосудов ее связь с поселением раннескифской культуры на городище также вызвала определенные сомнения.

Понимая, что для обоснования нескифского времени рассматриваемых памятников, помимо найденных в могилах вещей, играют роль и данные сравнительного анализа похоронного обряда немировских погребений

со скифскими и черняховскими Северного Причерноморья, в первую очередь, украинской лесостепной зоны, считаем необходимым вернуться к описанию открытых на Замчиска объектов, расширив их характеристику за счет дополнительных сведений, содержащихся в отчете С. С. Гамченко, а также в инвентарных описях немировской коллекции.

Погребение № 1 (табл. 9.1) было совершено в прямоугольной яме размерами 2 аршина (а.) 14–15 вершков (в.) × 1 аршин (а.) 9–10 вершков (в.), то есть длиной 2,08 м и шириной 1,1 м, обложенную по стенкам камнями и ориентированную продольной осью на ССЗ–ЮЮВ (отклонение от оси С–Ю на 25°). Кладка эта начиналась на глубине около 1,15 м и шла до дна могилы, находящейся на глубине 2 м<sup>125</sup> (Гамченко 1911: 279–298). В каждой стене высотой до 0,85 м насчитывалось от 11 до 12 рядов камней. Дно могилы также было вымощено камнем. Вверху каменного ящика замечены следы дубового тлена от осевшего вниз настила. По следам истлевшего скелета удалось установить, что он лежал на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, головой на ССЗ. По сторонам скелета найдены черепки раздавленных сосудов: вазы, кажется с крышкой, узкогорлого с ручкой кувшина, миски и других. От перечисленных сосудов собрать ничего не удалось; нельзя было даже составить фрагментов сосудов, определяющих формы последних. Такое состояние сохранности находившихся в могиле № 1 горшков С. С. Гамченко объяснял «сползанием каменной стены могилы в сторону обрыва, снесшей многое из данного погребения вниз». Вместе с тем автор раскопок подчеркивал, что «ни украшений, ни оружия в погребении не найдено» (Гамченко 1909: табл. 181; 1911: 280–282).

Приведенные слова из отчета С. С. Гамченко расходятся со сведениями ОИАК за 1909–1910 гг. о вещевых находках в открытых на городище погребениях № 1 и 2, где кроме черепков называются, по нашему представлению ошибочно, медные стрелы, булавки и кольца (ОИАК 1913а: 178). Возникает вопрос, — были ли такие вещи в рассматриваемых могилах с каменной облицовкой? Ответ будет отрицательным. И основанием для такого утверждения являются не только вышеприведенные сведения С. С. Гамченко об отсутствии в могилах № 1, 2 каких-либо украшений и оружия. На следующих страницах своего отчета он пишет о переданных ему княгиней Щербатовой находках крестьян, сделанных во время раскопки и кладоискательства на Немировском городище (Гамченко 1911: 283). Среди них, со ссылками на воспроизведения в альбоме, перечисляются медные наконечники стрел и головные булавки (Гамченко 1909: табл. 198, 1–14; 199, 2, 4, 9). По записи в инвентарной описи, стрелы и булавки поступили в Эрмитаж, как

<sup>124</sup> По Смирнова 2003. Текст и иллюстрации соответствуют первой публикации. Цитируемая литература оформлена единообразно — в соответствии с остальными ссылками в настоящей книге. Для таблиц 9.1 и 9.3, которые соответствуют рис. 2 и рис. 3 в первичном тексте, использованы оригинальные чертежи С. С. Гамченко.

<sup>125</sup> Все размеры при переводе в м и см даются по данным в отчете С. С. Гамченко, а не по чертежу (табл. 9.1), с которым имеются существенные необъяснимые расхождения.

найденные на Замчиска во время раскопок С. С. Гамченко, но без какой-либо конкретизации их местонахождения (коллекция 1993/498-504). Все они соответствуют изображенным предметам в альбоме С. С. Гамченко, ныне изданным нами (Смирнова 1998а: рис. 29).

Из всего сказанного относительно местонахождения наконечников стрел и булавок вытекает, что они никакого отношения к погребениям № 1 и 2 на Немировском городище не имели. Следовательно, использование их для доказательства скифской принадлежности рассматриваемых могил неправомерно.

Погребение № 2 (табл. 9.1) доследовано С. С. Гамченко по соседству с погребением № 1, на расстоянии 4–6 м от него. Сохранилась лишь северная часть каменной кладки шириной около 1 м, остальное обрушилось с обрыва. Устройство погребальной ямы, каменная обкладка стен и дна, тлен от деревянного наката и прочее повторяют первую могилу. Следы сгнившего скелета, ориентированного головой на север, «как бы еще сохранились на дне могилы» (Гамченко 1909: табл. 181; 1911: 282).

Один из крестьян д. Соловинцы, указавший на место погребения № 2, передавал С. С. Гамченко, что здесь на краю обрыва выступило сечение ямы, из которой был извлечен черный блестящий горшок с ушками, вроде вазы, и черная блестящая миска. Оба сосуда были наполнены глиной, а в вазе находилось что-то белое, как известка. Сосуды крестьянин отвез домой, какое-то время они применялись в домашнем быту, а потом разбились и затерялись (Гамченко 1911: 282). Никто из специалистов их не видел, поэтому опираться только на «описания» крестьян опасно.

Из сказанного следует, что при определении культурной принадлежности погребальной керамики можно оперировать лишь той, которая, по данным инвентарной описи, обнаружена в могиле № 1. К сожалению, она представлена в нашей коллекции только двумя фрагментами (кол. 1993/4, 10), притом, что очень важно, идентичными фотографиям обломков сосудов из погребения № 1 в альбоме (Гамченко 1909: табл. 190: 5, 9, 11). Один из фрагментов принадлежит упомянутому С. С. Гамченко, возможно, узкогорлому чернолощеному кувшину с остатками высокой ручки с продольным желобком на округлом тулове (табл. 9.2, 1). Другой — дну с частью стенки темно-серого горшка с шероховатой поверхностью (табл. 9.2, 2). Оба сосуда сделаны на круге. Как по фактуре и технике исполнения, так и по типам, их принадлежность к черняховской культуре не вызывает никаких сомнений (Махно 1975: 64, рис. 1–3; 9; Сымонович 1993: 140–143, табл. LIV; LXI, 5, 12, 15).

В данной связи уместно разъяснить, что названные фрагменты из погребения № 1 входят в небольшую группу сделанной на круге керамики черняховского типа, числящейся в первичной описи Музея этнографии народов СССР под № 4087-645–647, 649–653, 655, 656, а затем в эрмитажной инвентарной описи № 1993, 1–3, 5–9, 11, 12. Место находки этих обломков посуды ни в описи, ни в инвентаре не указаны. Хотя в отчете С. С. Гамченко при перечислении находок керамики в могиле № 1 (Гамченко 1911: 281) и в разведочных канавах на Замчиска (Там же: 283) даны ссылки на фото этих черепков в альбоме, при этом в нескольких случаях одни и те же номера вещей на

таблицах повторяются как найденные и в могиле, и в канаве. По прошествии стольких лет со времени раскопок С. С. Гамченко разобраться во всех тонкостях фиксации материала фактически невозможно, поэтому не будем углубляться в дальнейшие поиски данных о местонахождении этих фрагментов. Собственно говоря, необходимости в этом нет, так как два обломка, по записям в инвентарной описи, определено происходят из могилы № 1.

Находки в погребении № 1 черняховской керамики не позволяют относить его, как и однотипную могилу № 2, к скифскому периоду жизни на городище. Из-за отсутствия целых сосудов, которые, по объяснению С. С. Гамченко, могли сползти с обреза вниз, что, кстати, по имеющемуся чертежу (табл. 9.1) трудно себе представить, мы не до конца убеждены в черняховской принадлежности этих похожих погребений. Тем не менее, обращаясь к погребальным памятникам черняховской культуры и сравнивая их с немировскими, допустимо с определенной долей уверенности связывать погребения № 1 и 2 с черняховскими. Грунтовый характер кладбищ, захоронение умерших на спине в вытянутой позе с положенными вдоль тела руками, головой на север или запад — черты, присущие погребальному обряду черняховских племен. Удлиненные прямоугольные, чаще удлиненно-овальные ямы также типичны для черняховских могильников (Сымонович, Кравченко 1983: 12–29, табл. 10; 16; Сымонович 1993: 134–136, табл. XLIX, 1–13; L).

Что касается применения камня в конструкции погребальных сооружений, то, в целом, оно мало типично для основных областей черняховской культуры. К тому же погребения в каменных ящиках вообще являются исключением (Сымонович 1993: 136). Наиболее широкое использование камня на территории лесостепной зоны Украины наблюдается, например, в черняховском могильнике у с. Оселивка Черновицкой области на Среднем Днестре, где камень применялся для засыпки, возможно, для устройства перекрытий и в одном случае для сооружения каменного ящика (Никитина 1988: 84, 90, табл. 5; 6; 8; 10; 29–31; 36; 40, и др.). Интересно, что «ящиков» с регулярной обкладкой камнями стен и дна могилы, как в Немирове, на лесостепных черняховских некрополях найти не удалось.

Суммируя данные сравнительного анализа особенностей погребального обряда, можно, тем не менее, считать, что они в целом не препятствуют черняховской атрибуции немировских могил № 1 и 2. И хотя такое определение культурной принадлежности рассматриваемых могил мы не считаем окончательным, никакого другого решения этого вопроса на данный момент предложить не можем.

Немалые трудности возникают при культурной диагностике погребения № 3 (табл. 9.3). Эта грунтовая могила отличается от двух других, как характером погребального сооружения, так и обрядом (Гамченко 1909: табл. 228; 1911: 301–303).

Мои́ла № 3 (помост № 1, по С. С. Гамченко) была устроена в виде квадратной ямы, ориентированной сторонами по странам света. Существуют расхождения между данными о размерах этого квадратного грунтового сооружения: по сведениям в ОИАК его площадь равняется 2,15 × 2,15 м (ОИАК 1913а: 179), а М. И. Артамонова —

2,2 × 2,2 м (Артамонов 1998: 74). В отчете С. С. Гамченко (1911: 302) сначала приводится цифра 1 сажень (с.) 1 а. 14–15 в., что при перерасчете в метры длина каждой из сторон равняется 3,47–3,51 м. Далее, при описании верхнего и нижнего помостов, равных между собою по величине, С. С. Гамченко указывает другую длину их сторон – 1 с., то есть 2,13 м (Там же: 302). Последний размер близок данным в ОИАК и М. И. Артамонова, что и позволяет остановиться на цифре 2,13 (2,15) м × 2,13 (2,15) м. Но существует еще и чертеж этой могилы (табл. 9.3), по которому в соответствии с масштабом длина сторон помостов в переводе в метры равняется 3,4 м. Удивительно, но факт — эта величина близка первичным размерам помоста (3,47–3,51 м), данного в отчете С. С. Гамченко. Видимо, на чертеже что-то напутано или не учтено. Возможно, у С. С. Гамченко в одних случаях дается длина стен погребальной ямы в ее верхней части, в других — размеры сторон верхнего помоста, появившегося на глубине 1,4 м. Но на чертеже в разрезах разницы в контурах ямы и верхнего помоста не существует, их границы в плане совпадают.

Дно ямы, находившейся на глубине 2,4 м, было вымощено камнем. Сверху, на уровне материка, на глубине 1,4 м, яма была перекрыта каменным квадратным помостом без явных признаков каких-либо нарушений. Этот верхний помост был засыпан слоем глины толщиной в 30–32 см, образовавшей «точок» диаметром около 2 м со следами обжига от костра, лучисто распространившимися от центра в стороны. Глубина камеры (расстояние между верхней и нижней кладками) — 1,07 м. На дне ее в центре помоста обнаружен истлевший скелет, лежавший на правом боку с подогнутыми ногами, головою на ССЗ, с руками у лица. «Кости были окрашены в оранжевый цвет (химический анализ краски дал раствор железа, отвечающий охре)» (Там же: 302).

Вокруг скелета зафиксировано около двух десятков черепов и нижних челюстей животных (быка, коровы, кабана или свиньи, лошади, собаки, белки и др.), а также обломков «цветной» и «гальштатской» керамики (Там же: 302). Такая же керамика, составляющая, по нашему мнению, единый скифский комплекс лощеной столовой и грубой кухонной посуды на городище, встречалась и выше в заполнении погребальной камеры.

Особого внимания заслуживают находки в засыпи могилы фрагментов расписной коринфской вазы, стеклянного флакона и чашечки-миски из стекла с золотистым орнаментом. С. С. Гамченко подчеркивает, что вся собранная в могиле лепная керамика, как и осколки греческой вазы и стеклянных сосудов, оказались около скелета случайно, то есть вместе с набросанной в могилу землей из культурного слоя городища (Гамченко 1909: табл. 224, 1, 2, 4; 1911: 303, 412).

Фрагмент греческой ойнохой, «коринфской вазы», по С. С. Гамченко (кол. Дн. 1909/3-1), а также отсутствующие в нашей коллекции обломки стеклянных флакона и чашечки, представленные в альбоме невыразительными воспроизведениями (Гамченко 1909: табл. 224, 2, 4), служат единственным источником для размышлений об относительном возрасте могилы № 3.

Из числа рассматриваемых находок надежную дату имеет ойнохой, относящаяся к концу VII — началу

VI в. до н.э. (Вахтина 1998а: 132–133, рис. 3, 8). Но эти годы как «terminus post quem» для захоронения в могиле № 3 дополняются существующими представлениями о времени появления изделий из стекла, каковыми являются флакон и чашечка<sup>126</sup>.

По информации С. С. Гамченко (1909: табл. 224, 2, 4; 1911: 412), оба стеклянных сосуда с обеих сторон были покрыты пленкой ирризации. Цвет стекла светло-зеленый. Снаружи чашечки видны следы золотистой росписи: узкие параллельные полоски на плечиках, дугообразные широкие в нижней части. Пользуясь невыразительными рисунком и фотографией стеклянных обломков, а также описаниями С. С. Гамченко, Н. З. Кунина уверенно считает, что эти сосуды сделаны из выдувного стекла, которое, как хорошо известно, появляется только в первые века н.э. «Золотистая роспись» на чашечке (скорее, по ее мнению, флакончика) могла быть цветной нитью из непрозрачного стекла, которое от ирризации стало похоже на золотистый орнамент. Такие флакончики, покрытые спиралью из цветной накладной нити, известны в I в. н.э. (Кунина 1997: кат. 195)<sup>127</sup>.

Так или иначе, стеклянные изделия из выдувного стекла ранее, чем в I в. н.э. неизвестны, из чего вытекает, что захоронение в могиле могло быть произведено не ранее начала I тыс. н.э., то есть в римский период.

Переходя к поиску аналогов могиле № 3, надо учитывать несомненную специфичность ее погребального сооружения и похоронного ритуала. Яма с двумя каменными настилами, «точок» с остатками костра над верхним помостом, окрашенный «скорченник», черепа животных в качестве приношений свидетельствуют об особом статусе погребенного.

С. С. Гамченко называл другие пункты (м. Песчаны, у с. Шляхова и у с. Кринички), где он видел такие же, как на Немировском городище, помосты. Но в своем отчете никаких подробностей о них не дал (Гамченко 1911: 301).

По последней полной сводке погребальных объектов из Среднего Побужья, тщательно выполненной С. С. Бессоновой, могилы раннескифского времени крайне редки (Бессонова 1994: 5–6). К тому же культурная принадлежность некоторых из них, по нашему мнению, далеко не бесспорна. В данном случае имеются в виду два вышеописанных погребения № 1 и 2 из Немирова, осторожно включаемые С. С. Бессоновой в перечень погребальных памятников раннескифской культуры в Побужье. По явному недоразумению местонахождение этих могил указано ею неверно — с. Кринички, а не Немировское городище (Там же: 6). С. С. Бессоновой, сославшейся на ОИАК (1913а: 178), для обоснования скифской принадлежности этих погребальных объектов использовано не только их конструктивное сходство с примитивными каменными ящиками скифского времени в Западной Подолии и Молдове, но и вещевой инвентарь скифского типа — наконечники стрел, булавки, кольца. Выше, ставя под со-

<sup>126</sup> Уместно заметить, что в коллекциях из раскопок А. А. Спицына и М. И. Артамонова фрагменты стеклянных сосудов не встречены.

<sup>127</sup> Приношу глубокую благодарность зав. сектором Северного Причерноморья, ст. научн. сотр. Отдела Античного мира Эрмитажа Н. З. Куниной за консультации по изделиям из стекла.



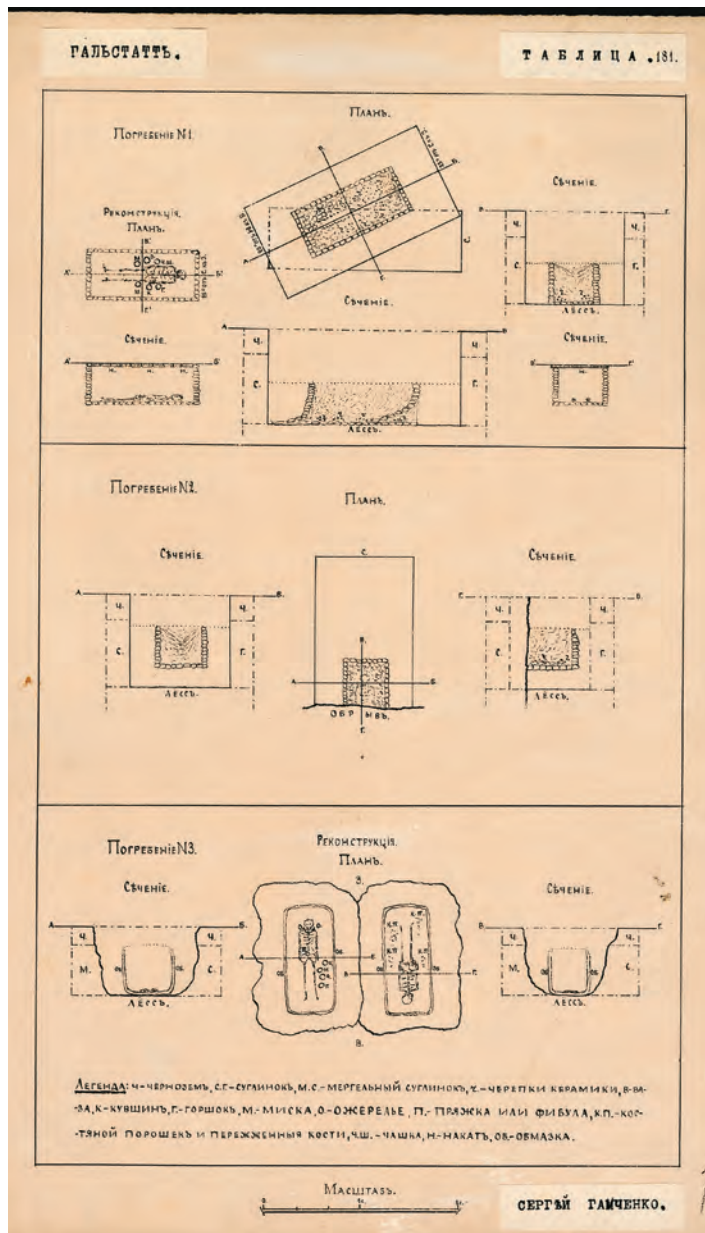


Табл. 9.1. План погребений № 1 и 2 (по С. С. Гамченко) (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1909, д. 85д, л. 31; публикуется впервые)

мнение вопрос о скифской интерпретации этих погребальных памятников, мы подробно говорили о непричастности перечисленных вещей к могиле № 1, но зато отмечали присутствие в каменном ящике керамики черняховского типа.

Другие погребальные объекты с каменными конструкциями, как следует из работы С. С. Бессоновой, в лесостепном Побужье (Восточная Подолия) практически неизвестны. Их нет в Побужье не только в раннескифское время, но и в позднескифское, то есть в конце V — IV в. до н.э. (Бессонова 1994: 5–31). К позднескифскому периоду ею отнесены 53 подкурганных захоронения. Основные черты их погребального обряда — курганные, а не грунтовые могилы, преобладание ингумации, вытянутое на спине положение умерших и западная ориентировка, простые ямы или ямы с деревянными конструкциями (столбы, обкладка стен, перекрытия) (Там же: 6, 29).

В поисках параллелей каменным конструкциям немировских погребений внимание М. И. Артамонова и С. С. Бессоновой привлекли скифские погребальные памятники лесостепного Поднестровья, где во второй половине VII — VI в. до н.э. в ритуальной практике широко использовался камень. Но среди различных типов и вариантов подкурганных сооружений на Среднем Днепре (четырёхугольные или реже прямоугольные камеры на столбовом каркасе, нередко со стенами, обшитыми деревом и полом в виде настила из камней; отдельные каменные ящики) прямых аналогов немировскому «помосту» (могила № 3) найти нам не удалось. Они отсутствуют в курганах, раскопанных еще до Великой Отечественной войны (Sulimírski 1936: 5–9, fig. 8–16; 19; 21–24) и их фактически нет в курганных могилах, исследованных во второй половине XX века (Смирнова 1977: 29–40, рис. 1; 2; 5; 7; Смирнова 1978: 115–130, рис. 1; 2; 4; 5; Смирнова 1979: 37–67, рис. 2; 3; 5; 11; 13; 14; 16; Малеев 1991a: 122–125, рис. 1; 4; Малеев 1991b: 162–169, рис. 2–5), за исключением, может быть, погребения в кургане у с. Ленковцы, где выше остатков захоронения зафиксирована нарушенная каменная вымостка в виде неправильного незамкнутого кольца (Мелюкова 1953: 60–62, рис. 26; 27).

Что касается других своеобразных признаков обряда: следы охры на скорченном скелете, массовые дары в виде черепов домашних и диких животных, костер над перекрытием камеры, то они для погребальных памятников скифского времени Буго-Поднестровья не характерны.

Культурной атрибуции могилы № 3 мешает отсутствие в ней сопровождающих вещей и посуды. Поэтому, оставляя вопрос о возрасте и культурной принадлежности погребения № 3 пока без ответа, приходится лишь надеяться на будущие новые открытия подобных объектов с камнем в конструкциях, где окажется и сопутствующий инвентарь. В целом же, исключение немировских могил из числа скифских не может обрадовать скифологов, так как другие погребальные памятники в окрестностях Немировского городища до сих пор не открыты. У нас нет никаких данных о характере и особенностях погребального ритуала обитателей Немировского городища.

Табл. 9.2. Образцы посуды из могилы № 1

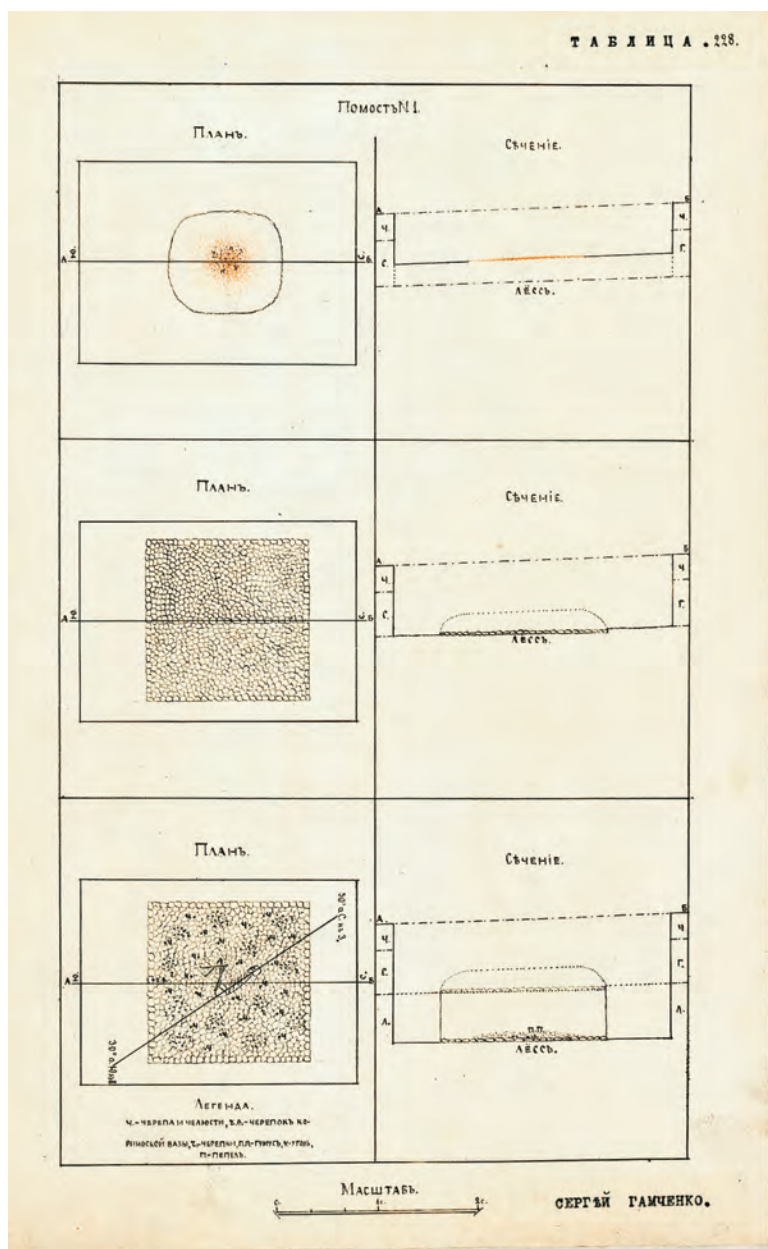
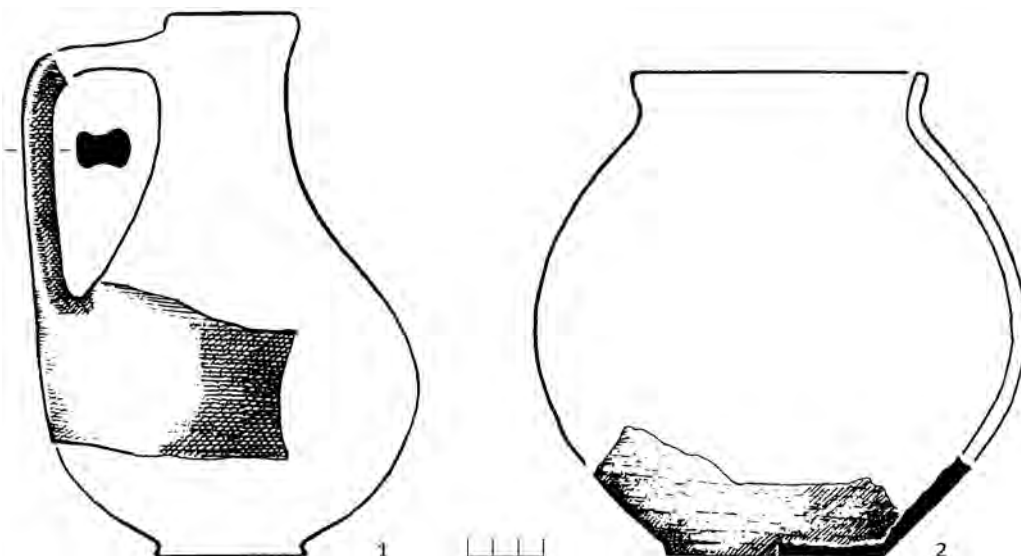


Табл. 9.3. План погребения № 3 («помосты», по С. С. Гамченко) (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1909, д. 85е, л. 38-1; публикуется впервые)

## Литература и архивные материалы

- Алексеев А.Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э.* СПб.: ГЭ.
- Алексеев А.Ю. 2008. «Старшие» келермесские курганы. В: Деревянко А.П., Макаров Н.А. (отв. ред.). *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале (2)*. М.: Гриф и К, 8–9.
- Алексеев А.Ю., Рябкова Т.В. 2013. Относительная хронология скифских келермесских курганов. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Шестая Международная Кубанская археологическая конференция*. Мат-лы конф. Краснодар: Экоинвест, 13–18.
- Алексеева Е.М. 1991. *Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа*. М.: Наука.
- Артамонов М.И. 1946а. Південноподілська експедиція (Попереднє повідомлення). *АПУРСР* 1, 236–237.
- Артамонов М.И. 1946б. Южно-Подольская археологическая экспедиция. *Вестник ЛГУ* 4–5, 236–237.
- Артамонов М.И. 1946в. *Полевой отчет Юго-Подольской экспедиции 1946 г. «Археологические памятники Южной Подолии»*. НА ИА НАНУ. № 1946/12.
- Артамонов М.И. 1947а. Археологические исследования в Подолии. *Вестник ЛГУ* 12, 134–135.
- Артамонов М.И. 1947б. Юго-подольская экспедиция. *КСИИМК* 21, 74–75.
- Артамонов М.И. 1948. Археологические исследования в Южной Подолии (Винницкая область) в 1948 г. *Вестник ЛГУ* 11, 178–181.
- Артамонов М.И. 1949. Південноподілська експедиція (Попереднє повідомлення). *АПУРСР* 1, 257–262.
- Артамонов М.И. 1952. Археологічні дослідження на Південному Поділлі в 1948 році. *АПУРСР* 4, 193–195.
- Артамонов М.И. 1955а. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952–53 гг. *КСИИМК* 59, 100–117.
- Артамонов М.И. 1955б. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции. *КСИА АН УССР* 4, 84–87.
- Артамонов М.И. 1998. Немировское городище: анализ полевой документации из раскопок 1909–1910 гг. *МАИЭТ* 6, 59–76.
- Артамонова О.А. 1940. Древнейшее поселение на о. Березани. *КСИИМК* 5, 49–54.
- Археологія Української РСР 1971: Тереножкін О.І. (від. ред.). *Археологія Української РСР. 2. Скифо-сарматська та антична археологія*. Київ: Наукова думка.
- Бандрівський М. 2010. Пам'ятки середньодністровської (західноподілської) групи ранньозалізного віку в центральноевропейській хронологічній шкалі та проблеми періодизації. *МДАПВ* 14, 76–113.
- Бандрівський М.С. 2014. *Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи – на початку доби раннього заліза*. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича.
- Балабина В.И. 1998. *Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья*. М.: Старый сад.
- Балабина В.И. 2004. Глиняные модели саней культуры Кукутень-Триполье и тема пути. В: Гей А.Н. (отв. ред.). *Памятники археологии и древнего искусства Евразии*. М.: ИА РАН, 181–213.
- Балагури Э.А. 1985. Культура Ноа. В: Артеменко И.И. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР. 1. Первобытная археология*. Киев: Наукова думка, 481–489.
- Бандуровский А.В. 2001. К вопросу о торгово-обменных связях лесостепных племен Днепро-Донецкого междуречья с античными городами Северного Причерноморья. *БФ. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства (2)*. СПб.: ГЭ, С. 14–16.
- Березанская С.С. 1985. Белогрудовская культура. В: Артеменко И.И. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР. 1. Первобытная археология*. Киев: Наукова думка, 499–512.
- Березанская С.С., Шарафутдинова И.Н. Сабатиновская культура. В: Артеменко И.И. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР. 1. Первобытная археология*. Киев: Наукова думка, 489–499.
- Бессонова С.С. 1994. Курганы лесостепного Побужья. В: Ващенко Л.П. (ред.). *Древности скифов*. Киев: ИА НАНУ, 3–34.
- Бессонова С.С., Полтавец В.І. 2015. Шляхи сполучення в басейні Тясмині на початку доби заліза. В: Скорий С.А. (гол. ред.). *Старожитності раннього залізного віку*. АДІУ 2 (15). Київ: ІА НАН України, 21–37.
- Бессонова С.С., Скорый С.А. 2001. *Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988–1996 гг.)*. Киев; Краков: НАН Украины, ИА; Ягеллонский университет, ИА.
- Бибииков С.Н. 1953. *Поселение Лука-Врублевецкая*. МИА 38. М.; Л.: АН СССР.
- Бич О.И. 1948. Архив А. А. Спицына. (Крайние даты архивных материалов 1880–1931 гг.). *СА* 10, 21–52.
- Бобринской А.А. 1894. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Дневники пятилетних раскопок гр. Алексея Бобринского (2)*. СПб.: Тип. В.С. Балашева и Ко.
- Бойко Ю.Н. 1993. *Отчет об охранных археологических исследованиях селища Вишенка-2 в зоне строительства X микрорайона жилмассива Вишенка г. Винница в 1993 г.* НА ИА НАН Украины. Київ.
- Болтрик Ю.В. 1981. Об одном из вероятных торговых трактов Скифии. В: Генинг В.Ф. (отв. ред.). *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР*. ТД республиканской конф. молодых ученых. Киев: ИА АН УССР, 59–60.
- Болтрик Ю.В. 1990. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований степного Приазовья до Днепра). *СА* 4, 30–45.
- Болтрик та ін. 2014а: Болтрик Ю., Игначек М., Шелехань О. Садиба на південно-західній частині Северинівського городища (за матеріалами 2009–2012 рр.). В: Травінський В.С. (від. ред.). *Археологія & Фортифікація України. Збірник матеріалів IV Всеукраїнської науково-практ. конф. Кам'янець-Подільський: Медобори–2006*, 84–92.
- Болтрик та ін. 2014б: Болтрик Ю., Лифантій О., Аффельські Я. Сліди косторізного виробництва на Северинівському городищі. В: Там же, 71–78.
- Болтрик та ін. 2015: Болтрик Ю., Игначек М., Лифантій О., Шелехань О. Рогові елементи вузди з Северинівського городища. В: Войтович Л. (гол. ред.). *Давні майстерні та виробництво у Вісло-Дніпровському регіоні. Наукові студії 8*. Жешів; Львів; Винники: Априорі, 222–245.
- Бондарь Н.Н. 1955. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI–V вв. до н.э. *СА* 23, 58–80.
- Борисфен–Березань 2005: Соловьев С.Л. (авт. концепции выст. и вступ. ст.). *Борисфен–Березань = Borysthenes–Berezan*. К 120-летию археол. раскопок на острове Березань: кат. выст. Гос. Эрмитаж. СПб.: ГЭ, 2005.
- Бруяко И.В. 2005. *Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р.Х.)*. Археологические источники Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.



- Буйских А.В. 2013а. *Архаическая расписная керамика из Ольвии*. Киев: Стародавній Світ.
- Буйских А.В. 2013б. Греческая колонизация Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?). *ВДИ* 1, 21–39.
- Буйских А.В. 2015а. Субгеометрический скифос из Борисфена (к вопросу о доколониционных связях в Северном Причерноморье). *АМА* 17, 238–252.
- Буйських А.В. 2015б. Кераміка першої половини VII ст. до н.е. та питання доколониційних зв'язків у Північному Причорномор'ї. *Археологія* 1, 3–11.
- Буйских А.В. 2016. Ионийские килики из Борисфена. *АДУ* 1 (18), 29–42.
- Бурдо Н.Б. 2004. Хлібці керамічні — моделі хлібців глиняні. В: Ляшко С.М. (від. ред.), Відейко М.Ю. (гол. ред.). *Енциклопедія трипільської цивілізації* 2. Київ: Укрполіграфмедіа; Іринівська, 574–575.
- Вальчак С.Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы*. М.: Таус.
- Вахтина М.Ю. 1989. Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII–VI вв. до н.э. (к проблеме первых контактов). В: Раев Б.А. (отв. ред.). *Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов)*. Мат-лы 2-го археологического семинара. Новочеркасск: Музей истории Донского казачества, 74–88.
- Вахтина М.Ю. 1991. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики. В: Молев Е.А. (отв. ред.). *Вопросы истории и археологии Боспора*. Воронеж, Белгород: Воронежский государственный педагогический институт, 3–11.
- Вахтина М.Ю. 1993а. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани. В: Раев Р.А. (отв. ред.). *Скифия и Боспор*. Мат-лы междунар. конф. Новочеркасск: Музей истории Донского казачества, 38–51.
- Вахтина М.Ю. 1993б. К вопросу о влиянии демографической ситуации на становление и развитие греко-варварских связей в различных районах Северо-Западного Причерноморья. *ПАВ* 6, 53–55.
- Вахтина М.Ю. 1996. Греческая керамика из раскопок Немировского городища. *Археологія* 4, 85–93.
- Вахтина М.Ю. 1998а. Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища. *МАИЭТ* (6), 122–139.
- Вахтина М.Ю. 1998б. Греческая керамика из раскопок Немировского городища и некоторые проблемы греко-варварских контактов на территории Северного Причерноморья. В: Вилинбахов А.Д., Столяр А.Д. (отв. ред.). *Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь*. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. М.И. Артамонова. СПб.: ГЭ, 39–41.
- Вахтина М.Ю. 2000. Греческая столовая керамика VI в. до н.э. из раскопок Немировского городища в Побужье. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Syssitia. Памяти Юрия Викторовича Андреева*. СПб.: Алетейя, 209–217.
- Вахтина М.Ю. 2004а. Греческая архаическая керамика в варварских памятниках Северного Причерноморья: время и пути распространения. В: *БЧ* 5. *Боспор и варварский мир в период античности и средневековья*. Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 54–58.
- Вахтина М.Ю. 2004б. О начале распространения южно-ионийского керамического импорта в варварском мире Северного Причерноморья. В: *БФ. Проблемы хронологии и датировки памятников* (2). СПб.: ГЭ, 204–211.
- Вахтина М.Ю. 2007. Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища в Побужье. В: Скорий С.А. (від. ред.). *Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна*. Мат-ли Міжнар. наук. конф. (16–19 травня 2007 р.). Київ-Чигирин: ІА НАН України, Національний історико-культурний заповідник «Чигирин», 49–51.
- Вахтина М.Ю. 2009. Порфмий – город у переправы через Киммерийский Боспор. *БИ* 22, 91–126.
- Вахтина М.Ю. 2017. О находке первого образца архаической греческой керамики на Немировском городище. В: Гаврилюк Н. О. (гол. ред.). *Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С. Д. Крижицького)*. Київ: Стародавній світ, 250–255.
- Вахтина и др. 1980: Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов. *ВДИ* 4, 155–161.
- Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т. 2012. Восточноевропейский, гальштаттский и греческий импульсы в материальной культуре раннего железного века Немировского городища. В: Алёшкин В.А. и др. (ред.). *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова (2). СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 320–325.
- Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т. 2013. Об особенностях греко-варварских контактов начальной поры колонизации Северного Причерноморья в свете изучения материалов Немировского городища. В: *БФ. Греки и варвары на Евразийском перекрестке* (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 371–378.
- Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т. 2014. Находки ранней греческой керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья и время появления постоянных античных поселений в регионе. В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.-сост.). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии*. Керчь: КО ИВ; ЦАИ БФ «Деметра», 69–81.
- Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т. 2016. Раннескифские зеркала с боковой ручкой в Северном Причерноморье: греческое или местное производство? В: Балахванцев А.С., Кулланда С.В. (ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа*. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Марии Николаевны Погребовой. Москва, 25–27 апреля 2016 г. М.: ИВ РАН, 42–48.
- Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т. 2017. Немировское городище (бассейн Южного Буга) в раннем железном веке: из опыта работы со старыми коллекциями. *Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ* 8, 43–72.
- Відейко М.Ю. 2004а. Абсолютне датування трипільської культури. В: Відейко М.Ю. (гол. ред.). *Енциклопедія трипільської цивілізації* 1 (1). Київ: Укрполіграфмедіа; Іринівська, 85–96.
- Відейко М.Ю. 2004б. Троянів — поселення трипільської культури. В: Ляшко С.М. (від. ред.), Відейко М.Ю. (гол. ред.). *Енциклопедія трипільської цивілізації* 2. Київ: Укрполіграфмедіа; Іринівська, 552–554.
- Виноградов Ю.А. 1991. Ранние комплексы Мирмекия. В: Молев Е.А. (отв. ред.). *Вопросы истории и археологии Боспора*. Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж; Белгород: Упринформпечать Воронеж. гос. пед. ин-та, 11–19.
- Виноградов Ю.А. 1992. Мирмекий. В: Кошеленко Г.А. (отв. ред.). *Очерки археологии и истории Боспора*. М.: Наука, 99–119.
- Виноградов Ю.А. 1999. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья. *StratumPlus* 3, 101–115.
- Виноградов Ю.А. 2005. Боспор Киммерийский. В: Марченко К.К. (отв. ред.). *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху*. СПб.: Алетейя, 211–296.
- Виноградов Ю.А. 2009а. Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского. В: Новосов Е. Н. (отв. ред.). *Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917)*. СПб.: Дмитрий Буланин, 248–401.
- Виноградов Ю.А. 2009б. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского. *БИ* 12, 5–90.

- Виноградова Н.М. 1983. *Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры: Периодизация, хронология, локал. варианты*. Кишинев: Штиинца.
- Войнаровский А.В., Кравченко П.М. 2011. «Пам'ятки історії та культури Вінницької області: словникова частина» як історичне джерело. В: Зінков Ю.А. та ін. (упоряд.). *Пам'ятки історії та культури Вінницької області: словникова частина*. Вінниця: Державна картографічна фабрика, 6–45.
- Гаврилюк Н.А. 1999. *История экономики степной Скифии VI–III вв. до н.э.* Киев: ИА НАН Украины.
- Гаврилюк Н.А. 2012. Массовый материал, зонная стратиграфия и комплекс архаической кухонной керамики участка ЮЗА Ольвии. В: Алёшкин В.А. и др. (ред.). *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова (1). СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 418–424.
- Галанина Л.К. 1995. Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов. *АСГЭ* 32, 40–52.
- Гамченко С.С. 1909. *Археологические исследования в 1909 г. в Подолье по трипольской культуре*. Папки с иллюстрациями. НА ИИМК РАН. Фонд 1. Дело № 85 а,б,в,г,д,е. 1909.
- Гамченко С.С. 1911. *Археологические исследования в 1909 г. в Подолье по трипольской культуре*. Рукопись. Библиотека ИИМК. Шифр 2703.
- Ганина О.Д. 1965. Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте. *Археологія* 19, 106–117.
- Ганина О.Д. 1971. Результаты исследования поселения раннескифского времени в селе Иване-Пустэ Тернопольской области в 1962, 1965, 1969 гг. В: *ТД, посвящ. итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. (Археологическая секция)*. Тбилиси: АН СССР, АН Груз. ССР, 27–29.
- Ганина О.Д. 1972. Наслідки дослідження ранньоскіфського поселення біля села Залісся Борщівського району Тернопільської області в 1970–1971 рр. В: *ТД 15-й науч. конф. Інститута археології АН УРСР*. Одеса: ІА АН УРСР, 201–203.
- Ганина О.Д. 1984. Поселення ранньоскіфської доби поблизу Залісся. *Археологія* 47, 68–79.
- Гиря Е.Ю., Брэдли Б.А. 1996. Словарь кроу каньон: концепция технологического анализа каменных индустрий. *АА* 5, 13–22.
- Гречко Д.С. 2012. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н.э.) скифской истории. *SP* 3, 75–106.
- Гуцал А.Ф. 2015. За азимутами археологічної карти Є. Сіцинського. В: Травінський В.С. (гол. ред.). *Музейна справа на Поділлі: історія та сучасність*. Зб. наук. пр. за підсумками всеукр. наук.-практ. конф., м. Кам'янець-Подільський, 15 травня 2015 р. Кам'янець-Подільський: Медобори-2006, 111–114.
- Гусев С.О. 1995а. Пам'ятки розвинутого Трипілля Середнього Побужжя. *Археологія* 3, 73–80.
- Гусев С.О. 1995б. *Трипільська культура Середнього Побужжя рубежу IV–III тис. до н.е.* Вінниця: Антекс-УЛТД.
- Гусев С.О. 2009. Антропоморфна пластика середньобузької локальної групи трипільської культури (етап VI-BII–CI). В: Васильев С.А., Кулаковская Л.В. (ред.). *С.Н. Бибииков и первобытная археология*. СПб.: ИИМК РАН, 306–316.
- Граков Б.Н. 1947. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? *Археологія* 1, 23–37.
- Граков Б.Н. 1959. Греческое граффито из Немировского городища. *СА* 1, 259–261.
- Граков Б.Н., Мелюкова А.И. 1954. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. В: Шелов Д.Б. (отв. ред.). *Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.)*. М.: АН СССР, 39–93.
- Гульдман Д.К. 1901. *Памятники старины в Подоллии (Материалы для составления археологической карты Подольской губернии)*. Каменец-Подольский: Тип. Подольского губернского правления.
- Далли и др. 2013а: Далли О., Хьюи С., Ильяшенко С., Ларенок П., Ларенок В., Шунке Т., Шлеффель М., Шютт Б., ван Хооф Л. Германно-российские раскопки на Дону. Результаты раскопок 2008–2010 гг. *Археологические записки* 8, 5–92.
- Далли и др. 2013б: Далли О., Атулла Р., Брюкнер Х., Кельтербаум Д., Ларенок П., Нееф Р., Шунке Т. Греки на Дону: результаты германно-российских раскопок в Таганроге и его окрестностях (экспедиции 2004–2007 гг.). *КСИА* 229, 140–180.
- Дараган М.Н. 2001. О находках античной керамики на Жаботинском поселении. В: Крижицкий С.Д. (від. ред.). *Ольвія та античний світ*. Мат-ли наукових читань, присвяч. 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія». Київ: ІА НАН України, 49–52.
- Дараган М.Н. 2005. Античная керамика из Хотовского городища скифской эпохи. В: БФ. *Проблема соотношения письменных и археологических источников*. СПб.: ГЭ, 256–261.
- Дараган М.Н. 2010а. Геоинформационный анализ трансформации поселенческих структур в начале раннего железного века в Среднем Поднепровье: состояние проблемы и перспективы исследования. В: Коробов Д.С. (отв. ред.). *Археология и геоинформатика* 6. [Электронный ресурс]. М.: ИА РАН (CD-ROM).
- Дараган М.Н. 2010б. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой могилы. *АМА* 14, 175–203.
- Дараган М.Н. 2010в. Памятники раннескифского времени Среднего Поднепровья и Гальштатт: поиск хронологических реперов. *РА* 6 (2), 85–113.
- Дараган М.Н. 2011. *Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи*. Киев: КНТ.
- Дараган М.Н. 2015. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка. В: Королькова Е.Ф. (науч. ред.). *Археология без границ: Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы*. Труды ГЭ 77. СПб.: ГЭ, 127–170.
- Дараган М.Н. 2017а. Крупные городища скифского времени в украинской лесостепи (особенности расположения). В: Скорый С.А. (отв. ред.). *Старожитності раннього залізного віку*. АДИУ 2(23). Київ: ІА НАН України, 397–427.
- Дараган М.Н. 2017б. Городища-гиганты скифской эпохи в украинской лесостепи (особенности расположения и фортификации). Вводные замечания. В: Коробов Д.С. (отв. ред.). *Археология и геоинформатика* 8. [Электронный ресурс]. М.: ИА РАН (CD-ROM).
- Дараган М., Кашуба М. 2008. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения. *РА* 4 (2), 40–73.
- Дараган М.Н., Снытко Н. 2008. Восточно-альпийский гальштатт и раннескифские (РСК-3) памятники Среднего Поднепровья: поиск хронологических реперов. В: Носов Е.Н., Тихонов И.Л. (отв. ред.). *История и практика археологических исследований*. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию проф. А.А. Спицына. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2008 г. СПб.: СПбГУ, 303–306.
- Дараган и др. 2010а: Дараган М., Кашуба М., Разумов С. Геоинформационный анализ черноморской фортификации (X–IX вв. до н.э., Правобережье Среднего Днепра): поиск объяснительной модели. *РА* 5 (2), 89–126.
- Дараган и др. 2010б: Дараган М.Н., Разумов С.Н., Снытко Н.И., Бондарь К.М., Вершило И.В. Пространственное изучение Немировского городища. В: Козак Д.Н. (від. ред.). *Археологічні дослідження в Україні 2009 р.* Київ; Луцьк: ІА НАНУ, 113–115.
- Дергачев В.А. 1980. *Памятники позднего Триполья*. Кишинев: Штиинца.

- Доманский Я.В. 1970. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья. *АСГЭ* 12, 47–53.
- Доманский и др. 1989: Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л. Основные результаты работ Березанской экспедиции. В: Смирнова Г.И. (отв. ред.). *Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. Л.: ГЭ, 58–60.
- Журавлев Д.В., Шлотцауэр У. 2014. О дате основания поселения Голубицкая 2. В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии*. Мат-лы XV Боспорских чтений. Керчь: КО ИВ; ЦАИ БФ «Деметра», 139–148.
- Жураковский Б.С. 1994. Про технологію виготовлення трипільської кераміки. *Археологія* 1, 88–92.
- Задников С.А. 2003. Античные амфоры начала VI в. до н.э. из раскопок зольника № 28 Западного укрепления Бельского городища. *Археологічний літопис Лівобережної України* 2/2002–1/2003, 91–95.
- Задников С.А. 2004. Античный тарный импорт раннескифского времени с Бельского городища. *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії* 7, 25–30.
- Задников С.А. 2005. Комплекс античных амфор из раскопок Западного укрепления Бельского городища. *Древности 2005*, 268–274.
- Задников С.А. 2006. Мілетські тарні амфори в лісостеповому Дніпровському Лівобережжі (за матеріалами зольників № 5 и № 28 Західного укріплення Більського городища). В: Черненко Є.В. (ред.). *Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень)*. Київ: Шлях, 105–115.
- Задников С.А. 2007. Столовая античная керамика Бельского городища второй половины VII – первой половины VI вв. до н.э. В: БФ. *Сакральный смысл региона, памятников, находок* (2). СПб.: ГЭ, 41–47.
- Задников С.А. 2009. Античная керамика третьей четверти VII в. до н.э. из раскопок на Бельском городище. В: Копылов В.П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время*. Ростов н/Д: Научно-методический центр археологии Ростовского педагогического института ЮФУ, 15–27.
- Задников С.А. 2014а. *Античний керамічний імпорт на Більському городищі скифського часу*. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ: ІА НАН України.
- Задников С.А. 2014б. Комплекс античных амфор первой половины VI в. до н.э. из ямы 11 зольника Западного Бельского городища. *Tyragetia* 8[23] (1), 253–265.
- Задников С.А., Шрамко И.Б. 2009. К вопросу о первых контактах населения Бельского городища с античным миром. В: БФ. *Искусство на периферии античного мира*. СПб.: Нестор-История, 473–477.
- Задников С.А., Шрамко И.Б. 2011. Античный импорт третьей четверти VII – первой четверти VI в. до н.э. на Бельском городище (по материалам 2008 и 2009 гг.). В: Посохов С.И. (отв. ред.). *Древности Восточной Европы*. Сб. науч. трудов к 90-летию Б.А. Шрамко. Харьков: ХНУ, 138–147.
- Заседания... 1863 — Заседания Отделения русской и славянской археологии: 5-го января 1863 года. В: Извлечения из протоколов заседаний. *Летопись Археологического общества*. *Изв. ИАО* 4 (5), 469–612.
- Заец И.И., Рыжов С.Н. 1992. *Поселение трипольской культуры Клищев на Южном Буге*. Киев: ТЕЛЛУС.
- Иванчик А.И. 2005. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. *Pontus septentrionalis* 3. М., Берлин: Палеограф.
- Ильинская В.А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.
- Иессен А.А. 1947. *Греческая колонизация Северного Причерноморья*. Л.: ГЭ.
- Іллінська В.А., Тереножкін О.І. 1971. Скіфський період. В: Крижицької С.Д. (від. ред.). *Археологія Української РСР. 2. Скіфосарматська та антична археологія*. Київ: Наукова думка, 8–184.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. *Скифия VII–IV вв. до н.э.* Киев: Наукова думка.
- Ильинская и др. 1980: Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, 31–63.
- Кайзер и др. 2016: Кайзер Э., Кашуба М., Гаврилюк Н., Кулькова М. Дискуссионные вопросы изучения керамики у ранних кочевников Северного Причерноморья. *Емінак: науковий щоквартальник* 4 (16) (жовтень-грудень), 33–40.
- Канторович А.Р. 2015. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика. *Исторические исследования* 3, 113–218.
- Кашуба М.Т. 2012. О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье — современное состояние исследований. *АВ* 18, 232–252.
- Кашуба М.Т. 2013а. Находки эгейских деталей костюма в Северо-Западном Причерноморье в свете проблемы происхождения фибул на Кавказе. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Шестая Междунар. Кубанская археологическая конф.* Мат-лы конф. Краснодар: Экоинвест, 174–180.
- Кашуба М.Т. 2013б. «Ускользающее» железо, или Переход к раннему железному веку в Восточном Прикарпатье. *РАЕ* 3, 233–257.
- Кашуба М.Т., Вахтина М.Ю. 2014. Комплексы землянок раннескифского времени Немировского городища. В: Супруненко О.Б. (відп. ред.). *Феномен Більського городища — 2014. До 70-річчя відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України та 80-річчя вид дня народж. видатного українського археолога проф. Є.В. Черненка (1934–2007)*. Збірник мат-лів наук. конф. Київ; Полтава: Центр пам'яткознавства НАН України и УТОПИК, 55–60.
- Кашуба М.Т., Вахтина М.Ю. 2015. Новые аспекты в изучении материалов раннего железного века из старых раскопок Немировского городища. В: Савинов Д.Г. (отв. ред.). *Ранний железный век Евразии от архайки до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий*. Мат-лы III науч. конф. «Археологические источники и культурогенез». 23–27 ноября 2015 г., г. Санкт-Петербург. СПб.: СПбГУ; Скифия-принт, 37–41.
- Кашуба М.Т., Вахтина М.Ю. 2017. Некоторые аспекты изучения материалов раннего железного века из раскопок Немировского городища в Побужье. *АВ* 23, 211–228.
- Кашуба М.Т., Левицкий О.Г. 2011а. Круглые жилища раннескифского времени в Северо-Западном Причерноморье: население и контакты, истоки и традиции домостроительства. В: БФ. *Население, языки, контакты* (22–25 ноября 2011 г.). СПб.: Нестор-История, 522–533.
- Кашуба М.Т., Левицкий О.Г. 2011б. Заметка о происхождении одной категории сосудов для питья позднейшего предскифского — раннескифского времени в Северном Причерноморье. В: Посохов С.И. (отв. ред.). *Древности Восточной Европы*. Сб. науч. трудов к 90-летию Б.А. Шрамко. Харьков: ХНУ, 148–159.
- Кашуба М.Т., Левицкий О.Г. 2012. Гальштаттский (карпато-дунайский) фактор в культурогенетических процессах финала эпохи бронзы и раннего железного века в Северном Причерноморье. В: Алёкшин В.А. и др. (ред.). *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова (2). СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 304–310.



- Кашуба и др. 2003: Кашуба М.Т., Курчатов С.И., Щербакова Т.А. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра). *SP* 4, 180–252.
- Кашуба и др. 2010: Кашуба М.Т., Смирнова Г.И., Вахтина М.Ю. Немировское городище: сто лет археологических исследований. В: Алёхин В.А. и др. (ред.). *Древние культуры Евразии*. Мат-лы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама. СПб.: ИИМК РАН, 156–167.
- Киосак Д.В. 2011. Синтетические археологические карты Северо-Западного Причерноморья: этапы развития и современное состояние. В: Платонова Н.И. (отв. ред.). *История археологии: личности и школы*. Мат-лы Междунар. науч. конф. к 160-летию со дня рожд. В.В. Хвойки (Киев (5–8.10.2010)). СПб.: Нестор-История, 170–175.
- Кирчо Л.Б. 2009. Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе). *АЭАЕ* 1 (37), 25–33.
- Клочко В.И., Скорый С.А. 1993. Курган № 15 біля Стеблева у Поросьі. *Археологія* 2, 71–84.
- Книпович Т.Н. 1934. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII–V вв. до н.э. *Изв. ГАИМК* 104, 90–110.
- Ковпаненко Г.Т. 1968. Раскопки Трахтемировского городища. *АИУ* 2, 108–111.
- Ковпаненко Г.Т. 1981. *Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось*. Киев: Наукова думка.
- Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д. 1984. Погребение воина у с. Квитки в Поросье. В: Черненко Е.В. (отв. ред.). *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, 39–58.
- Ковпаненко и др. 1989: Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. *Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья*. Киев: Наукова думка.
- Ковпаненко и др. 1994: Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.). *Древности скифов*. Киев: Наукова думка, 41–63.
- Кожин П.М. 1985. К проблеме происхождения колесного транспорта. В: Пиотровский Б.Б. (отв. ред.). *Древняя Анатолия*. Москва: Наука, 169–182.
- Конопля В.М. 1982. Обработка кремню населенням Західної Волині за доби міді — ранньої бронзи. *Археологія* 37, 17–32.
- Конопля В.М. 1990. Трипольская культура Прикарпатья. В: Черныш А.П. (отв. ред.). *Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо)*. Киев: Наукова думка, 18–26.
- Конопля В. 1998а. Класифікація крем'яної сировини заходу України. *Наукові записки* 7, 139–157.
- Конопля В. 1998б. Скарб крем'яних серпів раннезалізного віку з Ровенщини. *Волино-подольські археологічні студії* 1, 190–195.
- Копейкина Л.В. 1968. Группа родосских амфор с острова Березань. *Сообщения ГЭ* 29, 44–47.
- Копейкина Л.В. 1972. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора. *ВДИ* 1, 147–159.
- Копейкина Л.В. 1986. Расписная керамика архаического времени из античных поселений Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей. *АСГЭ* 27, 27–47.
- Копылов В.П. 1999. Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья. *ВДИ* 4, 170–176.
- Копылов В.П. 2002. Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII – первой трети III вв. до н.э. В: *БФ. Погребальные памятники и святилища* (1). СПб.: ГЭ, 229–235.
- Копылов В.П. 2004. Хронология греко-варварской торговли в Нижне-Донском экономико-географическом районе (вторая половина VII – первая треть III вв. до н.э.). В: *БФ. Проблемы хронологии и датировки памятников* (2). СПб.: ГЭ, 60–67.
- Копылов В.П. 2009. Нижне-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII – первая треть III в. до н.э.). В: Копылов В.П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время*. Ростов н/Д: Научно-методический центр археологии Ростовского педагогического института ЮФУ, 28–38.
- Копылов В.П., Ларенок П.А. 1994. *Таганрогское поселение (каталог случайных находок у каменной лестницы, г. Таганрог, сборы 1988–1994 гг.)*. Ростов н/Д: Гефест.
- Копылов В.П., Литовченко Л.В. 2006. Расписные килики из Таганрогского поселения. В: Копылов В.П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время*. Ростов н/Д: Научно-методический центр археологии Ростовского педагогического института, 9–16.
- Кравец В.П. 1951. Глиняные модели саней и челна в собраниях Львовского Исторического музея. *КСИИМК* 39, 127–135.
- Красников И.П. 1931. Трипольская керамика (технологический этюд). *Сообщения ГАИМК* 3, 10–13.
- Корпусова В.Н. 1980. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка. *ВДИ* 2, 100–104.
- Котова О.Г. 1927. Памятники доисторической культуры эпохи расписной керамики в Моравии. *Изв. ГАИМК* 5, 319–352.
- Круц и др. 2001: Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Рыжов С.Н. *Трипольское поселение-гигант Тальянки: исследования 2001 года*. Киев: НАН Украины.
- Крушельницька Л.І. 1985. *Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза)*. Київ: Наукова думка.
- Крушельницкая Л.И. 1991. *Северо-Восточное Прикарпатье в эпоху поздней бронзы и раннего железного века (проблемы этнокультурных процессов)*. Дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. Киев: ИА АН УССР.
- Крушельницька Л.І. 1998. *Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток)*. Львів: Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаніка НАН України.
- Крушельницкая Л.И., Малеев Ю.Н. 1990. Племена культуры фракийского гальштата (Гава-Голиграды). В: Черныш А.П. (отв. ред.). *Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо)*. Киев: Наукова думка, 123–131.
- Кузнецов В.Д. 2013. Заметки по греческой колонизации Боспора. В: Коваленко А.Н. (отв. ред.). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Сб. науч. трудов, посвящ. 65-летию проф. В.П. Копылова. Ростов н/Д: Научно-методический центр археологии, 127–131.
- Кузнецова Т.М. 2017. Сосуд или зеркало (к вопросу о бронзовой ручке из Немирова). В: Скорый С.А. (від. ред.). *Старожитності раннього залізного віку*. АДУ 2(23). Київ: ІА НАН України, 470–475.
- Кунина Н.З. 1997. *Античное стекло в собраниях Эрмитажа. Государственный Эрмитаж*. СПб.: ГЭ; АРС.
- Ларина О.В., Кашуба М.Т. 2005. Позднейшие позднечернолесские материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV в Среднем Поднепровье. *РА* 1 (1), 212–239.
- Ляшко С.М. 2012. Життєпис роду Гамченків: проблеми просопографії в контексті особливостей історичного часу та джерельної бази. *Українська біографістика* 9, 110–158.
- Максимов Е.В., Петровская Е.А. 2008. *Древности скифского времени Киевского Поднепровья*. Полтава: Институт археологии НАН Украины.
- Малеев Ю.Н. 1991а. Курган скифского времени у с. Мышковцы в бассейне р. Збруч. В: Болтрик Ю.В., Бунятын Е.П. (отв. ред.). *Курганы степной Скифии*. Киев: Наукова думка, 122–129.

- Малеєв Ю.Н. 1991б. Курган Західноподільської групи поблизу с. Зозулинці. В: Бондар М. М. (уклад. та відп. за вип.). *Поховальний обряд давнього населення України*. Зб. наукових праць. Київ: НМК ВО, 23–36.
- Манолакакіс Л. 2002. Функція на големиті пластини от Варненський некропол. *Археологія* 43 (3), 5–17.
- Маркевич В.И. 1981. *Позднетрипольские племена Северной Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Марченко К.К. 1988. *Варвары в составе Березаны и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э.* Л.: Наука.
- Марченко К.К. 2005. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья. В: Марченко К.К. (отв. ред.). *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху*. СПб.: Алетейя, 42–136.
- Махно Е.В. 1975. Черняхівська культура. В: Бібіков С.М. (гол. ред.). *Археологія Української РСР*. 3. Київ: Наукова думка, 45–78.
- Мачинський Д.А. 2011. Время основания поселения Борисфен на о. Березань и древнейшие этапы освоения эллинами северных берегов Понта. В: *БФ. Население. Языки. Контакты*. СПб.: Нестор-История, 408–421.
- Медведева и др. 2009: Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л. Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859–1917 гг. В: Носов Е.Н. (отв. ред.). *Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917)*. СПб.: Дмитрий Буланин, 21–247.
- Медведская И.Н. 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток. *РА* 3, 86–107.
- Мелюкова А.И. 1953. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. *КСИИМК* 51, 60–73.
- Мелюкова А.И. 1964. *Вооружение скифов*. САИ Д 1-4. М.: Наука.
- Мелюкова А.И. 1979. *Скифия и фракийский мир*. М.: Наука.
- Мелюкова А.И. 1989. Культура предскифского времени в лесостепной зоне. Оружие, конское снаряжение, повозки, нашедшие. В: Мелюкова А.И. (отв. ред.). *Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Археология СССР. М.: Наука, 16–29.
- Мелюкова А.И. 1992. О двух группах скифской культуры в Средней Европе. В: Мозолевский Б.Н. (отв. ред.). *Киммерийцы и скифы*. ТД междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь, 25–28 мая 1992 г. Мелитополь, 59–60.
- Мелюкова А.И. 2001. Новые данные о скифах в Добрудже (К вопросу о «Старой Скифии Геродота»). *РА* 4, 20–32.
- Мовша Т.Г. 1969. Об антропоморфной пластике трипольской культуры. *СА* 2, 15–34.
- Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары*. Саратов: СГУ.
- Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье*. М.; Саратов: СГУ.
- Моруженко А.А. 1966. Новые данные о Немировском городище. В: *АО 1966 года*. М.: Наука, 201–202.
- Моруженко А.О. 1975. Оборонні споруди Немирівського городища. *Археологія* 15, 66–70.
- Мухопад Е.В. 1988. Расписная родосско-ионийская амфора из кургана у села Шандровка в Приорелье. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы*. Днепропетровск: ДГУ, 110–117.
- Никитина Г.Ф. 1988. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой области. В: Кропоткин В.В. (отв. ред.). *Могильники черняховской культуры*. Сб. ст. М.: Наука, 5–97.
- Николев В. 2007. *Неолитни култови масички*. София: БАН, Археологически институт с музей.
- Овчинников Е.В. 2014. *Трипільська культура Канівського Подніпров'я (етапи В II-С I)*. Київ: Видавець Олег Філюк.
- ОИАК 1913а: Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1909 и 1910 годы с 3 таблицами и 293 рисунками в тексте. Подольская губерния: Исследования С.С. Гамченко. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 176–179.
- ОИАК 1913б: Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1909 и 1910 годы с 3 таблицами и 293 рисунками в тексте. Подольская губерния: Исследования А.А. Спицына. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 179–183.
- ОИАК 1913в: Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1909 и 1910 годы с 3 таблицами и 293 рисунками в тексте. Подольская губерния: Таблицы распределения древностей. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 96–97, 243–244.
- ОИАК 1914: Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1911 год с 143 рисунками в тексте. Подольская губерния: Таблицы распределения древностей. Петроград: Тип. Главного управления уделов, 65, 96–109.
- Онайко Н.А. 1966. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье*. САИ Д1-27. М.: Наука.
- О раскопках... 1911: О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в 1911 г. *НА ИИМК РАН*. Ф. 1, д. 89, 1911 г.
- Островерхов А.С. 1978. *Экономические связи Ольвии, Березаны и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII – середина V вв. до н.э.)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев: ИА АН УССР.
- От редакции 1948: От редакции. Александр Андреевич Спицын. *СА* 10, 7–8.
- Палагута И.В. 2006. О технологии изготовления и орнаментации керамики в начале развитого Триполья (VI). *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 4, 75–92.
- Палагута И.В. 2007. «Биноклевидные» изделия в культуре Триполье-Кукутень: опыт исследования категории «культовых» предметов. *РА* 3 (1-2), 110–137.
- Палагута И.В. 2012. *Мир искусства древних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н.э.* СПб.: Алетейя.
- Палагута И.В., Старкова Е.Г. 2017. Модель жилища из трипольского поселения Попудня: новая интерпретация уникальной находки. *АЭАЕ* 45 (1), 83–92.
- Пам'ятки історії... 2011: Пам'ятки історії та культури Вінницької області: словникова частина» як історичне джерело / Зінко Ю.А. та ін. (упоряд.). Вінниця: Державна картографічна фабрика.
- Пассек Т.С. 1949. *Периодизация трипольских поселений*. МИА 10. М.; Л.: АН СССР.
- Пескарёва К.М., Владимірова Т.Т. 1980. Рукописные архивы Института археологии АН СССР. В: Кругликова И.Т. (отв. ред.). *Институту археології 60 лет*. КСИА 163. М.: Наука, 87–92.
- Петренко В.Г. 1978. *Украшения Скифии VII–III вв. до н.э.* САИ Д4-5. М.: Наука.
- Петренко В.Г. 1990. К вопросу хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья. В: Мелюкова А.И. (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии*. М.: Наука, 60–81.
- Петренко и др. 2000: Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Ново-заведенное II. В: Гуляев В.И., Ольховский В.С. (отв. ред.). *Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология*. М.: ИА РАН, 238–248.
- Петровська Е.О. 1968. Курган VI ст. до н.е. біля с. Мала Офірна на Київщині. *Археологія* 21, 164–171.
- Петровская Е.А. 1970. Раннескифские памятники на южной окраине Киева. *Археологія* 24, 129–144.
- Пейтці Д.М. 2017. Керамічний посуд і проблема генези культури. В: Кравченко Е.А. (ред.). *Хотівське городище (новітні дослідження)*. Київ: ІА НАН України, 69–89.

- Погожева А.П. 1973. К вопросу о технологии изготовления ранне-трипольских статуэток. *КСИА* 134, 28–34.
- Погожева А.П. 1983. *Антропоморфная пластика Триполья*. Новосибирск: Наука, 1983.
- Подвигина и др. 1998: Подвигина Н.Л., Писарева С.А., Киреева В.Н., Палагута И.В. Исследование расписной энеолитической керамики культуры Триполье-Кукутени (IV–III тыс. до н.э.). В: Зверев В.В. (науч. ред.). *Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация*. М.: РИО ГосНИИР, 33–37.
- Покровская Е.Ф. 1973. Предскифское поселение у с. Жаботин. *СА* 4, 169–188.
- Покровська и др. 1971: Покровська Є.Ф., Петренко В.Г., Ковпаненко Г.Т. 1971. Поселення VIII–VI ст. до н.е. поблизу с. Хрещатик на Канівщині. *Археологія* 2, 94–108.
- Полідович Ю.Б. 2017. Розділ 5. Пластина із зображенням хижака у скіфському звіриному стилі. В: Кравченко Е.А. (ред.). *Хотівське городище (новітні дослідження)*. Київ: ІА НАН України, 91–95.
- Полін С.В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія* 59, 17–36.
- Полін С.В. 1996. Про хронологію ранньоскіфської культури. *Археологія* 4, 115–126.
- Попова Т.А. 1980. Кремнеобработывающее производство трипольских племен (по материалам Поливанова Яра). В: Артеменко И.И. (отв. ред.). *Первобытная археология – поиски и находки*. Киев: Наукова думка, 145–163.
- Попова Т.А. 2003. *Многослойное поселение Поливанов Яр*. СПб: МАЭ РАН.
- Прушевская Е.В. 1917. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. *ОИАК* 63, 31–58.
- Рижов С.М. 1988. Моделі саней пізньотрипільських пам'яток Буго-Дніпровського межиріччя. В: Кравець М.М. (від. ред.). *VI Вінницька обласна історико-краєзнавча конф. ТД. Вінниця, 1988*. С. 25–27.
- Рижов С.М. 2001. Гончарство племен трипільської культури. В: Рижов С.М., Бурдо Н.Б., Відейко М.Ю., Магомедов Б.В. *Давня кераміка України*. Київ: ІА НАН України, 5–60.
- Риндюк Н.В., Старкова Е.Г. 2004. Миниатюрные сосуды из Незвиско в коллекции Государственного Эрмитажа. В: Скакун Н.Н. (отв. ред.). *Древней землероби Європи: нові відкриття та гіпотези*. ТД Міжнар. науково-практичної конф. 16–19 серпня 2004 року. Збараж: Державний історико-культурний заповідник, 59–61.
- Ромашко и др. 2014: Ромашко В.А., Скорый С.А., Филимонов Д.Г. Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье. *РА* 4, 107–117.
- Рубан В.В. 1982. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (по материалам хиосских амфор). В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев: Наукова думка, 99–108.
- Руднева Н.А. 1912. Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской. *ОИАК* 46, 104–110.
- Рябкова Т.В. 2003. *Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ.
- Рябкова Т.В. 2010. Классификация изображений с ромбовидными знаками на предметах предскифского и раннескифского времени. В: Мужухоев М.Б. (ред.). *Проблемы хронологии и периодизации археологических культур Северного Кавказа*. ТД. 26 Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Магас: Пилигрим, 309–312.
- Рябкова Т.В. 2011. Изображения ромбовидных знаков как свидетельство миграций в эпоху ранних кочевников. В: Хабдулина М.К. (ред.). *Маргулановские чтения–2011*. Мат-лы междунар. археологической конф. Астана: Евразийский Национальный университет, 104–109.
- Рябкова Т.В. 2012. Колчанный набор из кургана 524 у сел. Жаботин. В: Алёшкин В. А. и др. (ред.). *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова (2). СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 345–350.
- Рябкова Т.В. 2014а. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики. *РАЕ* 4, 372–432.
- Рябкова Т.В. Три костяных псалля из Прикубанья в коллекции Эрмитажа. *АВ* 20, 205–216.
- Рябкова Т.В. 2015. Культурные взаимодействия предскифского и раннескифского времени (периода РСК 1). В: Савинов Д.Г. (отв. ред.). *Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий*. Мат-лы III науч. конф. «Археологические источники и культурогенез». 23–27 ноября 2015 г., г. Санкт-Петербург. СПб.: СПбГУ, Скифия-принт, 94–98.
- Рябкова Т.В. 2015б. Поселение Тарасова Балка — памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация). В: Королькова Е.Ф. (науч. ред.). *Археология без границ: Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы*. Труды ГЭ 77. СПб.: ГЭ, 359–374.
- Сенаторов С.Н. 2005. Лепная керамика поселения на острове Березань из раскопок Государственного Эрмитажа 1963–1991 гг. В: Соловьев С.Л. (науч. ред.). *Борисфен — Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа* (1). СПб.: ГЭ 174–350.
- Сецинский Е. 1901. Археологическая карта Подольской губ., с картой, 3 табл. планов городищ, указателем географических имен и предметным указателем. В: граф. Уварова, Слуцкий С.С. (ред.). *Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киве. 1899* (1). М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 197–354.
- Сидорова Н.А. 1987. Архаическая керамика из раскопок Гермонассы. *Сообщения ГМИИ* 8, 110–125.
- Скакун Н.Н. 2004. Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобработывающие комплексы). В: Коробкова Г.Ф. (отв. ред.). *Орудия труда и жизнеобеспечения Евразии: по материалам палеолита — бронзы*. СПб.: Европейский дом, 57–79.
- Скакун Н.Н. 2006. *Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна)*. СПб.: Нестор-История.
- Скакун и др. 2012: Скакун Н.Н., Старкова Е.Г., Яковлева Л.М., Самзун А. Специализированный жилищно-производственный комплекс на поселении Бодаки. В: Отрощенко В.В. и др. (ред.). *Земледельцы и скотоводы древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы*. СПб.: ИИМК РАН, 216–224.
- Скорый С.А. 1983. *Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев: ИА АН УССР.
- Скорый С.А. 1984. Доспех скифского типа в Средней Европе. В: Черненко Е.В. (отв. ред.). *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, 83–103.
- Скорый С.А. 1987. Про скіфський етнокультурний компонент у населення Дніпровського лісостепового Правобережжя. *Археологія* 60, 36–47.
- Скорый С.А. 1990а. *Курган Переп'ятиха (До етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя)*. Київ: Наукова думка.
- Скорый С.А. 1990б. К вопросу о скифских походах в лужицкие земли. *СА* 1, 34–41.
- Скорый С.А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев: ИА НАН Украины; Национальный историко-культурный заповедник Чигирин.
- Скорый С.А. 2006. Ранние скифы в Добрудже: историография проблемы и археологические реалии. В: Петренко В.Г., Яблон-



- ский Л.Т. (отв. ред.). *Древности скифской эпохи*. Сб. статей. Материалы и исследования по археологии России 7. М.: ИА РАН, 140–171.
- Скорый и др. 2001: Скорый С.А., Солтыс О.Б., Белан Ю.А. Большой курган эпохи скифской архаики на Киевщине. *РА* 4, 124–137.
- Скржинская М.В. 1984. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани. В: Крыжицкий С.Д. (отв. ред.). *Античная культура Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 105–129.
- Скуднава В.М. 1960. Родосская керамика с о. Березань. *СА* 2, 153–167.
- Смирнова Г.И. 1954. *Археологические культуры лесостепной Правобережной Украины и Молдавии в VII–V вв. до н.э.* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГУ.
- Смирнова Г.И. 1968. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине. *АСГЭ* 10, 14–27.
- Смирнова Г.И. 1977. Курганный могильник раннескифского времени у с. Долиняны. *АСГЭ* 18, 32–40.
- Смирнова Г.И. 1978. Новое в изучении археологических памятников Северо-Западной Скифии (Западноподольская группа памятников). В: Луконин В.Г. (отв. ред.). *Культура Востока. Древность и раннее средневековье*. Сб. статей. Л.: Аврора, 115–130.
- Смирнова Г.И. 1979. Курганы у с. Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре. *Труды ГЭ* 20, 37–67.
- Смирнова Г.И. 1983. Материальная культура Григоровского городища (К вопросу формирования чернолесско-жаботинских памятников). *АСГЭ* 23, 60–72.
- Смирнова Г.И. 1985. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре (По материалам поселения Днестровка-Лука). *АСГЭ* 25, 43–60.
- Смирнова Г.И. 1992. Немировское городище — памятник чернолесской и скифской культуры на Южном Буге. В: Мозолевский Б.Н. (отв. ред.). *Киммерийцы и скифы*. ТД междунар. научн. конф., посвящ. памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь, 90–91.
- Смирнова Г.И. 1993. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры. *РА* 2, 101–118.
- Смирнова Г.И. 1996а. Предварительные данные о Немировском городище (По первым результатам обработки полевой документации и коллекции находок). В: Супруненко О.Б. (вид. ред.). *Більське городище в контексті вівчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава: Археологія, 183–198.
- Смирнова Г.И. 1996б. Немировское городище — общая характеристика памятника VIII–VI вв. до н.э. *Археологія* 4, 67–84.
- Смирнова 1998а. Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике. *МАИЭТ* 6, 77–121.
- Смирнова Г.И. 1998б. Немировское городище и гальштатский мир. В: Вилинбахов В.Г. и др. (ред.). *Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь*. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. М.И. Артамонова. Санкт-Петербург, 9–12 дек. 1998 г. СПб.: ГЭ, 36–39.
- Смирнова Г.И. 1998в. Вместо предисловия (К публикации статьи М.И. Артамонова «Немировское городище: анализ полевой документации из раскопок 1909–1910 гг.»). *МАИЭТ* 6, 58.
- Смирнова Г.И. 1999. О гальштатских традициях в культуре лесостепной зоны Северного Понта (VII–VI вв. до н.э.). В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова)*. Запорожье: Запорожский госуниверситет, 241–244.
- Смирнова Г.И. 2000. Групповые постройки округлой формы в лесостепном междуречье Южного Буга и Днестра в раннескифское время: местные строительные традиции или новации. В: Баженов Л.В. та ін. (ред.). *Давня і середньовічна історія України (історико-археологічний збірник)*. На пошану Іона Винокура з нагоди його 70-річчя. Кам'янець-Подільський: Інф.-вид. центр Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету, 80–93.
- Смирнова Г.И. 2001а. Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища). *РА* 4, 33–44.
- Смирнова Г.И. 2001б. К вопросу периодизации и хронологии Немировского городища. В: Алексеев А.Ю. (науч. ред.). *Отделу археологии Восточной Европы и Сибири 70 лет*. ТД научн. конф. СПб.: ГЭ, 12–16.
- Смирнова Г.И. 2002. Немировское городище в хронологической схеме скифской архаики Северного Причерноморья. В: Кетрару Н.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*. Тирасполь: ПГУ, 217–233.
- Смирнова Г.И. 2003. К вопросу культурной атрибуции открытых на Немировском городище погребений. *АСГЭ* 36, 20–27.
- Смирнова Г.И. 2004. О гальштатских прототипах раннескифской лощеной посуды (VII–VI вв. до н.э.). In: Niculiță I. et al. (red.). *Tracii si Lunea Circumpontica*. Congressul al IX-lea International de Tracologie. Rezumate. Chisinau, 64–65.
- Смирнова Г.И. 2005. О редком типе костяных гребней из раннескифских памятников лесостепи. *АСГЭ* 37, 93–96.
- Смирнова Г.И. 2006. Западно-Подольская группа раннескифских памятников в свете исследований к концу XX столетия. В: Петренко В.Г., Яблонский Л.Т. (отв. ред.). *Древности скифской эпохи*: Сб. статей. Материалы и исследования по археологии России 7. М.: ИА РАН, 66–92.
- Смирнова Г.И., Кашуба М.Т. 1988. О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре. *АСГЭ* 29, 18–28.
- Соломонова Т.Р. 2011. З історії пам'яткоохоронної діяльності на Вінниччині. В: Зінько Ю.А. та ін. (упоряд.). *Пам'ятки історії та культури Вінницької області: словникова частина*. Вінниця: Державна картографічна фабрика, 51–71.
- Сорокин В.Я. 1991. *Орудия труда и хозяйство племен Триполья Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.
- Спицын А.А. 1910. Архив. Заметки на карточках («корочки»). НА ИИМК РАН, фонд 5, д. № 308.
- Спицын А.А. 1911. Скифы и Гальштат. В: *Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии. 1/II 1886–1911*. Со многими таблицами и рисунками в тексте. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 155–168.
- Старкова Е.Г. 2009. Проблема формирования локальных вариантов в северо-западной части трипольского ареала в период VII. В: Васильев С.А., Кулаковская Л.В. (ред.). *С.Н. Бибииков и первобытная археология*. СПб.: ИИМК РАН, 299–305.
- Старкова Е.Г. 2011. *Керамические комплексы финала развитого Триполья: по материалам поселений Подольской возвышенности и Верхнего Поднестровья*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН.
- Старкова Е.Г. 2012. Трипольское поселение Кринички: новый взгляд на старые коллекции. *Сообщения ГЭ* 70, 5–17.
- Старкова Е.Г. 2014. Статуэтки трипольского поселения Немиров (об одном типе антропоморфной пластики). *Записки ИИМК РАН* 9, 41–53.
- Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. 1983. *Погребальные обряды племен черняховской культуры*. САИ Д1–22. М.: Наука.
- Сымонович Э.А. 1993. Черняховская культура. Могильники. Керамика. В: Русанова И.П., Сымонович Э.А. (отв. ред.). *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половины I тысячелетия н.э.* Археология СССР. М.: Наука, 133–143.

- Тереножкін О.І. 1954. Кургани біля с. Глеваха. *Археологія* 9, 80–97.
- Тереножкін А.И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев: Наукова думка.
- Трембіцький А.М. 2009. *Євфимій Сіцінський (1859–1937): наукова та громадська діяльність: монографія до 150-річчя від дня народж.* Хмельницький: А. Мельник.
- Труды XI съезда 1902: Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899 / Под ред. граф. Уваровой и С. С. Слуцкого (2) М.: Печатня А. И. Снегиревой, 97, 123.
- Фабриціус І.В. 1948. В. Основні завдання вивчення скіфського та сарматського періодів на Україні. *Археологія* 2, 207–208.
- Фабриціус І.В. 1951. До питання про топографізацію племен Скіфії. *Археологія* 5, 50–80.
- Фармаковский Б.В. 1914а. Архаический период на юге России. *МАР* 34, 15–78.
- Фармаковский Б.В. 1914б. Милетские вазы из России. В: *Древности. Труды Императорского Московского археологического общества* 24. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 47–61.
- Хохоровски Я. 1994. Скифские набеги на территорию Средней Европы. *РА* 3, 49–64.
- Цвек О.В. 1993. Релігійні уявлення населення трипілля. *Археологія* 3, 74–90.
- Черненко Е.В. 1981. *Скифские лучники*. Киев: Наукова думка.
- Черныш Е.К. 1951. Трипольские орудия труда с поселения Владимирова. *КСИИМК* 40, 85–95.
- Черныш Е.К. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В: Массон В.М., Мерперт Н.Я. (отв. ред.). *Энеолит СССР*. Археология СССР. М.: Наука, 191–212.
- Шевченко Н.Ф. 2013. Курган раннескифского времени у хут. Красный. *АСГЭ* 39, 100–118.
- Шлотцауэр У. 2016. К вопросу о начале импорта греческой расписной керамики на поселение Голубицкая 2. В: Журавлев Д.В., Шлотцауэр У. (ред.). *Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой*. М.: ГИМ, 40–44.
- Шмаглий и др. 1985: Шмаглий Н.М., Рыжов С.М., Дудкин В.П. Трипольское поселение Коновка в Среднем Поднепровье. *Археологія* 52, 42–52.
- Шрамко Б.А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка.
- Шрамко Б.А., Михеев В.К. 1964. *Отчет о разведках экспедиции Харьковского гос. университета на территории между Ю. Бугом и Днепром*. НА ІА НАНУ. Київ, 1964/34.
- Шрамко І.Б., Задников С.А. 2010. Новые находки ранней античной керамики на Бельском городище. *SUMBOLA. Античний мир Северного Причорноморья. Новейшие находки и открытия* 1, 294–300.
- Шульц П.Н. 1940. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева. *КСИИМК* 5, 71–75.
- Энговатова А.В. 1993. *Кремневая индустрия трипольской культуры (по материалам памятников Днестро-Днепровского междуречья)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН.
- Эрлих В.Р. 1994. *У истоков раннескифского комплекса*. М.: Гос. музей Востока.
- Яйленко В.П. 2017. *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора. VII в. до н.э. – VII в. н.э.* СПб.: Нестор-История.
- Akurgal E. 1987. *Griechische und römische Kunst in der Türkei*. München: Hirmer.
- Akurgal et al. 2002: Akurgal M., Kerschner M., Mommsen H., Niemeier W.-D. *Töpferzentren der Ostägäis. Archäometrische und archäologische Untersuchungen zur mykenischen, geometrischen und archaischen Keramik aus Fundorten in Westkleinasien (mit einem Beitrag von S. Ladstätter)* 3. Ergänzungsheft der Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes. Wien.
- Alexandrescu P. 1966. Necropola tumulară. Săpături 1955–1961. *Histria* 2, 133–294, pl. 69–103.
- Alexandrescu P. 1978. *La céramique d'époque archaïque et classique, Ville–Ive s.* Histria 4. București: Academiei Republicii Socialiste România.
- Ancient Trypillia 2010. Ancient Trypillia. Seven Thousand Years of Spiritual Art. New York: Fund for Research of Ancient Civilizations, Ukrainian Institute of America.
- Arslan N. 2005. Die Lokalisation von Paisos. In: Şahin M., Mert İ. H. (eds.). *Ramazan Özgan'a Armağan. Festschrift für Ramazan Özgan*. Istanbul: Ege Yaynları, 9–14.
- Arslan N. 2009. Kuzey Troas Bölgesi Yüzey Araştırmaları: Perkote ve Palaiperkote'nin Yer Belirlenmesine İlişkin Sorunlar / Surface Investigations in the Northern Troas: Problems on the Localizations of Percote and Palae-Percote. *Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi* 12, 77–87.
- Avramidou A. 2016. Reconsidering the Hera-Pottery from the Samian Heraion and Its Distribution. *AA* 2016 (1), 49–65.
- Aytaçlar N., Kozanlı C. 2012. Hellepontons işliğıve Parion buluntuları'. *Olba* 20, 27–117.
- Balcer B. 1981. Związki między kulturą pucharów lejkowatych (KPL) a kulturą trypolską (KT) na podstawie materiałów krzemienych. In: Wiślański T. (red.). *Kultura pucharów lejkowatych w Polsce. Studia i materiały*. Poznań: Polska Akademia Nauk, Oddział w Poznaniu, 81–91.
- Balcer B. 1983. *Wytwórczość narzędzi krzemienych w neolicie ziem Polski*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Baxter M. 2003. *Statistics in Archaeology*. London: Hodder Arnold.
- Beier T., Mommsen H. 1994. Modified Mahalanobis filters for grouping pottery by chemical composition. *Archaeometry* 36, 287–306.
- Bîrzescu Iu. 2012. *Die Archaischen und Frühklassischen Transportamphoren*. Histria 15. București: Enciclopedică.
- Boardman J. 1967. *Excavations in Chios 1952–1955*. Greek Emporio. BSA Suppl. 6. Oxford: The British School at Athens.
- Boardman J., Hayes J. 1966. *Excavations at Tocra. 1963–1965. The Archaic deposits I*. London: Thames & Hudson.
- Boehlau J. 1898. *Aus ionischen und italischen Nekropolen. Ausgrabungen und Untersuchungen zur Geschichte der nachmykenischen griechischen Kunst*. Leipzig: B.G. Teubner.
- Boehlau J., Schefold K. 1942. *Larisa am Hermos* 3. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
- Buiskikh A.V. 2016. Sub-Geometric Scythos from Borysthenes. On the Question of the Pre-Colonial Ties in the North Pontic Region. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 22, 1–17.
- Bujskich S., Bujskich A. Zur Chronologie der archaischen Siedlungen in der Chora von Olbia Pontica. *EA* 19, 1–33.
- Buzgar et al. 2010: Buzgar N., Bodi G., Buzatu A., Apopel A., Astefanei D. Raman and XRD Studies of Black Pigment from Cucuteni Ceramics. *Analele științifice ale Universității «Al.I. Cuza», geologie* 41 (2), 95–108.
- Chmielewski T.J. 2009. *Po nitce do kłębka... O przedzalnictwie i tkactwie młodszej epoki kamienia w Europie Środkowej*. Warszawa: Semper.
- Cook J.M. 1950. Archaeology in Greece 1948/49. *JHS* 70, 1–15.
- Cook J.M. 1959. Old Smyrna, 1948–1951. *BSA* 53–54, 1–35.
- Cook J.M. 1973. *The Troad. An Archaeological and Topographical Study*. Oxford: University Press Academic Monograph Reprints.
- Cook J.M. 1985. On the Date of Alyattes' Sack of Smyrna. *BSA* 80, 25–28.
- Cook J.M. 1997. *Greek Painted Pottery* (3rd ed.). London & New York: Routledge.

- Cook J.M., Dupont P. 1998. *East Greek Pottery*. London & New-York: Routledge.
- Coulié A. 2013. *La céramique grecque aux époques géométrique et orientalisante (Xie – Vle siècle av. J.-C.)*. Paris: Picard & Epona.
- Clara Rhodos VI/VII: Jacopi G. *Esplorazione archeologica di Camiro II*. Studi e materiali pubblicati a cura dell'Instituto storico-archeologico di Rhodi. 1928–1944 (6/7). Rhodi, 1932–1933.
- Cynkałowski A. 1961. *Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego*. Warszawa: Polskie Towarzystwo Archeologiczne.
- Cynkałowski A. 1969. Osiedle kultury trypolskiej w Bodakach nad Horyniem. *Wiadomości Archeologiczne* 34, 221–228.
- Demargne P. 1947. *La Crète Dédalique. Études sur les origines d'une Renaissance*. Bibliothèque des Ecoles Françaises d'Athènes et de Rome 164. Paris: E. De Boccard.
- Dumitrescu et al. 1954: Dumitrescu Vl., Dumitrescu H., Petrescu-Dîmbovița M., Gostar N. *Hăbășești*. Monografie arheologică. București: Editura Academiei Republicii Populare Romîne.
- Dupont P. 1983. Classification et détermination de provenance des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros. Rapport préliminaire. *Dacia* 27, 19–46.
- Dupont P. 2008. 'Ionie du Sud 3': Un centre producteur des confins de la Grèce de l'Est et du Pont-Euxin? *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 14, 1–24.
- Dupont P. 2015. Ionian Cups: Towards a Phocaeen Connection? In: Okan E., Atila C. (eds.). *Prof. Dr. Ömer Özyiğit'e Armağan. Studies in Honour of Ömer Özyiğit*. Istanbul: Yayıncı Ege, 103–111.
- Eberts N. 2012. *Bestattungssitten der frühen Eisenzeit im mittleren Dnistergebiet. Westpodoler Gruppe der frühskythischen Kultur*. Unpublizierte Magisterarbeit. Ludwig-Maximilians-Universität München.
- Freikman, Garfinke 2009 – Freikman M., Y. Garfinke Y. The Zoomorphic Figurines from Sha'ar Hagolan: Hunting Magic Practices in the Neolithic Near East // Levant. 2009. Vol. 41. P. 5–17.
- Furtwängler A.E. 1980. Heraion von Samos: Grabungen im Südtemenos 1977. I. Schicht- und Baubefund, Keramik. *AM* 95, 149–224, Taf. 41–58, Beil. 1–7.
- Furtwängler A.E. 1989. Kultkeramik und Chronologie. In: Furtwängler A.E., Kienast H.J. *Der Nordbau im Heraion von Samos*, Samos 3. Bonn: Habelt, 71–159.
- Furtwängler A.E., Kienast H.J. 1989. Der Nordbau im Heraion von Samos. Samos 3. Bonn: Habelt.
- Gheorghiu D. 2010 – Gheorghiu D. Ritual technology: an experimental approach to Cucuteni-Tripolye Chalcolithic figurines. In: Gheorghiu D., Cyphers A. (ed.). *Anthropomorphic and Zoomorphic Miniature Figures in Eurasia, Africa and Meso-America: Morphology, materiality, technology, function and context*. BAR IS S2138. Oxford: Archaeopress, 61–72.
- Ginter B., Kozłowski J.K. 1990. *Technika obróbki i typologia wyrobów krzemiennych paleolitu, mezolitu i neolitu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Goldman H. 1963. *Excavations at Gözlü Kule, Tarsus. III: The Iron Age*. Princeton: University Press.
- Graeve V. v. 1973–1974. Milet. Bericht über die Arbeiten im Südschnitt an der hellenistischen Stadtmauer 1963. *IstMitt* 23/24, 63–115.
- Handberg S., Jacobsen J.K. 2005. An Orientalizing and related bird bowls recently excavated at the Athenaion at Francavilla Marittima. *Analecta Romana Instituti Danici* 31 (Separatum). Romae, 7–20.
- Harbottle G. 1976. Activation Analysis in Archaeology. In: Newton J.W.A. (ed.). *Radiochemistry. A Specialist Periodical Report* 3, 33–72.
- Hellmuth A. 2006. Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhensiedlung von Smolnice-Molpír. Pfeilspitzen. UPA 128. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 13–169.
- Hellmuth A. 2010. *Bogenschilder des Pontischen Raumes in der Älteren Eisenzeit. Typologische Gliederung, Verbreitung und Chronologie der skythischen Pfeilspitzen*. UPA 177. Bonn: Dr. Rudolf Habelt.
- Iconomu C. 1979. Découvertes récentes dans l'établissement Hallstattien tardif de Curteni (dep. Vaslui). *Dacia* 23, 79–91.
- Ignaczak i inni 2016: Ignaczak M., Boltryk Y., Šelehan O., Affelski J. Fortece Ukrainy. Twórcy grodzisk z wczesnego okresu epoki żelaza na obszarze Podola i ich wkład w kulturę ówczesnej Europy. In: *Europa w okresie od VIII wieku przed narodzeniem Chrystusa do I wieku naszej ery*. Biskupińskie Prace Archeologiczne 11. Prace Komisji Archeologicznej 21. Biskupin; Wrocław: Muzeum archeologiczne w Biskupinie, Polska Akademia nauk, 239–259.
- Iren K. 2003. *Aiolische orientalisierende Keramik*. Istanbul: Ege Yayınları.
- Isler H.-P. 1978. *Das archaische Nordtor und seine Umgebung im Heraion von Samos*. Samos 4. Bonn: Habelt.
- Jantzen U. 1972. *Ägyptische und Orientalische Bronzen aus dem Heraion von Samos*. Samos 8. Bonn: Rudolf Habelt.
- Kadioğlu et al. 2015: Kadioğlu M., Özbil C., Kerschner M., Mommsen H. Teos in archaischer Zeit im Licht der neuen Forschungen. In: Yağın Ü., Bienert H.-D. (eds.). *Anatolien – Brücke der Kulturen. Aktuelle Forschungen und Perspektiven in den deutsch-türkischen Altertumswissenschaften*. Tagungsband des Internationalen Symposiums «Anatolien – Brücke der Kulturen» in Bonn vom 7. bis 9. Juli 2014. *Der Anschnitt* 27, 345–366.
- Kadrow i inni 2003: Kadrow S., Sokhachiy M., Tkachuk T., Trela E., Sprawozdanie ze studiów i wyniki analiz materiałów zabytkowych kultury trypolskiej z Bilcza Złotego znajdujących się w zbiorach Muzeum Archeologicznego w Krakowie. *Materiały Archeologiczne* 34, 53–143.
- Kašuba M. 2006. Fibeln mit Bügelkugeln in der Moldau und Anmerkungen zum ägäischen Einfluss im 10.–9. Jh. v.Chr. *Prähistorische Zeitschrift* 81 (2), 213–235.
- Kašuba M. 2007. Zur Entstehung der Basarabi-Kultur in Osteuropa. In: Blečić M. et al. (Hrsg.). *Scripta praehistorica varia in honorem Biba Teržan*. Dissertationes Musei nationalis Sloveniae 44. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 369–380.
- Kašuba M. 2008. Materiale ale culturii Șoldănești în bazinul Nistrului de Mijlociu – observații preliminare. *Tyragetia* 2/17 (1), 37–50.
- Kašuba M., Daragan M. 2009. Offener oder geschlossener Raum: die Transformation der Kulturlandschaft infolge der Entwicklung der früheisenzeitlichen Befestigungen im Nordpontikum. In: Sava E. u.a. (Hrsg.). *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000-500 v. Chr.): Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen*. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer. Humboldt-Kolleg in Chișinău, Republica Moldova (4.-8. Oktober 2009). Programm. Chișinău, 44–46.
- Kašuba M., Levițki O. 2010. Primă epocă a fierului (sec. XII–VIII/VII î.Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Considerații generale. In: Dergaciov V. (red. resp.), *Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V)*. Chișinău: Tipografia centrală, 313–329.
- Kashuba M., Levitski O. 2012. The Hallstatt house-building techniques of the Carpathian-Danube region and the emergence of circular pit-houses in the Early Scythian period in North-West Pontic. In: Blajer W. (red.). *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński Instytut Archeologii; Wydawnictwo Profil-Archeo, 573–582.
- Kashuba M., Vakhtina M. 2012. Moderner Stand der Untersuchungen des früheisenzeitlichen Fundmaterials aus der befestigten Anlage von Nemirov am Südlichen Bug. In: *Ibid.*, 405–415.
- Kashuba M., Vakhtina M. 2016. Bronze Mirror from the Old Excavations of Nemirovo city-site on the Southern Bug (with the supplement by Sergei Khavrin). In: Sirbu L. et al. (ed.). *Culturi, Procese*



- și Contexte în Arheologie. Volum omagial Oleg Levițki la 60 de ani. Chișinău: IPC AȘM, 268–277.
- Kašuba et al. 2010: Kašuba M., Smirnova G., Vakhtina M. Un secol de la începutul investigațiilor arheologice la cetatea Nemirov de pe Bugul de Sud (scurte bilanțuri și noi obiective). *RA* 6 (2), 24–43.
- Kalataitoglou G. 2008. *Assesos. Ein geschlossener Befund südionischer Keramik aus dem Heiligtum der Athena Assesia*. MF 6. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern.
- Käufler St. 1999. Funde aus Milet II. Die Frühstufe des Middle Wild Goat I-Stiles. *AA*, 203–212.
- Kerschner M. 1997. Ein stratifizierter Opferkomplex des 7. Jhs. v.Chr. aus dem Artemision von Ephesos. *ÖJh* 66, Beibl. 85–226.
- Kerschner M. 2006a. Zum Beginn und zu den griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer. *EA* 12, 227–250.
- Kerschner M. 2006b. Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan im Akademischen Kunstmuseum der Universität Bonn und im Robertin um der Universität Halle-Wittenberg. *IstMitt* 56, 129–156.
- Kerschner M. 2017. East Greek pottery workshops in the seventh century BC: Tracing regional styles. In: Charalambidou X., Morgan C. (eds.). *Interpreting the Seventh Century BC. Tradition, Innovation and Meaning*. Oxford: Archaeopress, 100–113.
- Kerschner M., Mommsen H. 2004–2006. Neue archäologische und archäometrische Forschungen zu den Töpferzentren der Ostägäis. In: Dupont P., Lungu V. (eds.). *Les productions céramiques du Pont-Euxin à l'époque grecque*. Actes du colloque international Bucarest, 18–23 septembre 2004. *Il Mar Nero* 6, 79–93.
- Kerschner M., Mommsen H., in press. Teos, a major production centre of Geometric and Archaic pottery in North Ionia. In: Santos Retolaza M., Tsetschkladze G. (eds.). *Ionians in the West and East*. Proceedings of the International Conference at Ampurias 26.–29.10.2015, in press.
- Kerschner M., Schlotzhauer U. 2005. A new classification system for East Greek Pottery. *Ancient West & East* 4 (1), 1–56.
- Kerschner M., Schlotzhauer U. 2007. Ein neues Klassifikationssystem der ostgriechischen Keramik. In: Cobet J. et al. (Hrsg.). *Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2007. S. 295–317 (MF. Bd. 5).
- Kerschner et al. 1993: Kerschner M., Mommsen H., Beier T., Heimmermann D., Hein A. Neutron activation analysis of bird bowls and related archaic ceramics from Miletus. *Archaeometry* 35, 197–210.
- Kienast H.J. 2014–2015. Die sogenannte Nordhalle im Heraion von Samos — eine Spurensuche. *AM* 129/130, 95–123.
- Kinch K. 1914. *Fouilles de Vroulia (Rhodes)*. Berlin: G. Reimer.
- Kopcke G. 1968. Heraion von Samos: Die Kampagnen 1961/1965 im Südtemenos (8.–6. Jahrhundert). *AM* 83, 250–314.
- Kossack G. 1980. «Kimmerische» Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa. *Situla* 20/21. Zbornik posvečen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici, 109–143, Taf. 4–5.
- Kossack G. 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. In: Franke E. (Hrsg.). *Skythika. Vorträge zur Entstehung des skytho-iranischen Tierstils und zu Denkmälern des Bosporanischen Reichs anlässlich einer Ausstellung der Leningrader Eremitage in München 1984*. Abhandlungen der Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Neue Folge 98. München: Beck, 24–86.
- Kron U. 1984. Archaisches Kultgeschirr aus dem Heraion von Samos. Zu einer speziellen Gattung von archaischem Trink- und Tafelgeschirr mit Dipinti. In: Brijder H.A.G. (ed.). *Ancient Greek and Related Pottery*. Proceedings of the International Vase Symposium in Amsterdam 12–15 April 1984, Allard Pierson series 5. Amsterdam: H.A.G. Brijder, 292–297.
- Kron U. 1988. Kultmahle im Heraion von Samos in archaischer Zeit. Versuch einer Rekonstruktion. In: R. Hägg R., Marinatos N., Nordquist G.C. (eds.). *Early Greek Cult Practice*. Proceedings of the Fifth International Symposium at the Swedish Institute at Athens, 26–29 June, 1986. Skrifter utgivna av Svenska institutet i Athen 38. Stockholm: Paul Åströms. Förlag, 135–147.
- Kyrieleis H. 1980. Ausgrabungen im Heraion von Samos, 1979. *AA* 3, 336–350.
- Lamb M. 1929. *Greek and Roman Bronzes*. London: Methuen and Co.
- Lamb M. 1933. Antissa. *Annual of the British School at Athenes* 1930/1931, 169–181.
- Lepore E. 1968. Per una fenomenologia storica del rapporto cittateritorio in Magna Grecia. In: *La sitta e il suo Territorio*. Atti VII Congresso Studi sulla Magna Grecia. Taranto 1967. Napoli, 29–66.
- Libera J. 2001. *Krzemieńskie formy bifacjalne na terenach Polski i zachodniej Ukrainy (od środkowego neolitu do wczesnej epoki brązu)*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Libera J., Zakościelna A. 2011. Cyrkulacja krzemienia wołyńskiego w okresie neolitu i we wczesnej epoce brązu na ziemiach polskich. In: Ignaczak M. i inni (red.). *Między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szlaki międzymorza IV–I tys. przed Chrystusem*. Archaeologia Bimaris 4. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 83–115.
- Lichardus J., Lichardus-Ippen M. 1995. Kupferzeitliche Silexspitzen im nord- und westpontischen Raum. In: Lech J. (ed.). *Special Theme: Flint Mining dedicated to the Seventh International Flint Symposium — Poland 1995*. Archaeologia Polona 33. Warsaw, 223–240.
- Löwe W. 1996. Die Kasseler Grabung 1894 in der Nekropole der archaischen Stadt. Die Gräber und ihre Inhalte. In: Gercke P., Löwe W. (eds.): *Samos — die Kasseler Grabung 1894 in der Nekropole der archaischen Stadt von Johannes Boehlau und Edward Habich*. Kassel: Staatliche Museen, 24–91.
- Manolakakis L. 2005. *Les industries lithiques énéolithiques de Bulgarie*. Internationale Archäologie 88. Rahden/Westf.: Marie Leidorf.
- Martin L., Meskell L. 2012. Animal figurines from Neolithic Çatalhöyük: Figural and faunal perspectives. *Cambridge Archaeological Journal* 22 (3), 401–419.
- Mantu C.-M. 1998. *Cultura Cucuteni: evoluție, cronologie, legătură*. Biblioteca Memoriae Antiquitatis 5. Piatra-Neamț: Muzeul de Istorie Piatra-Neamț.
- Mănucu Adameștianu M. 2000. Céramique archaïque d'Orgamé. In: Avram A., Babeș M. (ed.). *Civilisation grecque et cultures antiques périphériques. Hommage à Petre Alexandrescu à son 70e anniversaire*. București: Enciclopedica, 195–204.
- Mănucu Adameștianu M. 2003. Orgame. In: Grammenos D.V., Petropoulos E.K. (ed.). *Ancient Greek colonies in the Black Sea* (1). Publications of the Archaeological Institute of the Northern Greece 4. Thessaloniki, 341–388.
- Marchenko K., Vinogradov Ju. 1989. The Scythian period in the Northern Black Sea region (750–250 BC). *Antiquity* 63 (241), 803–813.
- Marinescu-Biilcu S., Bolome A. 2000. *Drăgușeni: a Cucutenian community*. Archaeologia Romanica 2. Bucharest: Editura Enciclopedică.
- Matasă C. 1946. *Frumușica: Village préhistorique a ceramique peinte dans la Moldavie du nord Roumanie*. București: Imprimeria Națională.
- Maćczyński P., Polit B. 2016. Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries. In: Gadzhiev A.S. et al. (ed.). *The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400) II. 20 Years of Researches at the Cemetery of Neyzats*. Симферополь: Наследие тысячелетий, 76–96.
- Minns E. 1913. *Scythians and Greeks*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Mitchell S. 2004. Troas. In: Hansen M.H., Nielsen Th.H. (eds.): *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1000–1017.
- Mommsen H. 2011. Provenancing of pottery. In: *Nuclear Techniques for Cultural Heritage Research*. Vienna: International Atomic Energy Agency, 41–70.
- Mommsen H., Sjöberg B.L. 2007. The importance of the 'best relative fit factor' when evaluating elemental concentration data of pottery demonstrated with Mycenaean sherds from Sinda, Cyprus. *Archaeometry* 49, 357–369.
- Mommsen et al. 1988: Mommsen H., Kreuser A., Weber J. A method for grouping pottery by chemical composition. *Archaeometry* 30, 47–57.
- Mommsen et al. 1991: Mommsen H., Kreuser A., Lewandowski E., Weber J. Provenancing of pottery: A status report on Neutron Activation Analysis and Classification. In: Hughes M., Cowell M., Hook D. (eds.). *Neutron Activation and Plasma Emission Spectrometric Analysis in Archaeology*. British Museum Occasional Paper 82. London: British Museum, 57–65.
- Mommsen et al. 2001: Mommsen H., Hertel D., Mountjoy P.A. Neutron Activation Analysis of the Pottery from Troy in the Berlin Schliemann Collection. *AA* 2001 (2), 169–211.
- Mommsen et al. 2006a: Mommsen H. with Cowell M.R., Fletcher Ph., Hook D., Schlotzhauer U., Villing A., Weber S., Williams D. Neutron Activation Analysis of Pottery from Naukratis and other Related Vessels. In: A. Villing A., Schotzhauer U. (eds.). *Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean*. The British Museum Research Publication Number 162. London: British Museum, 69–76.
- Mommsen et al. 2006b: Mommsen H., Kerschner M., Posamentir R. Provenance determination of 111 pottery samples from Berezan by neutron activation analysis. *IstMitt* 56, 157–168.
- Mommsen et al. 2012: Mommsen H. with Schlotzhauer U., Villing A., Weber S. Herkunftsbestimmung von archaischen Scherben aus Naukratis und Tell Defenneh durch Neutronenaktivierungsanalyse. In: Schlotzhauer U., Weber S., Mommsen H. Griechische Keramik des 7. und 6. Jhs. v. Chr. aus Naukratis und anderen Orten in Ägypten. *Archäologische Studien zu Naukratis* 3. Worms: Wernersche Verlagsgesellschaft GmbH, 433–455.
- Monah D. 1997. *Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie*. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis 3. Piatra-Neamț: Editura Constantin Matasă.
- Mountjoy P., Mommsen H. 2006. Neutron Activation Analysis of Mycenaean pottery from Troy (1988–2003 excavations). *Studia Troica* 16, 97–123.
- Moustaka A. 2017. Das archaische Osttor des Heraion von Samos: Der archäologische Befund. In: Kienast H.-J., Moustaka A., Großschmidt K., Kanz F. Das archaische Osttor des Heraion von Samos. Bericht über die Ausgrabungen der Jahre 1996 und 1998. *AA* 2017, 158–170.
- Palaguta I.V. 2002. Some Results of Studies on Cucuteni-Tripolye Decoration Techniques. *Archaeometry* 98. Proceedings of the 31<sup>st</sup> Symposium. Budapest, April 26 – May 3, 1998 (2). BARIS 1043(II), 627–629.
- Paschalidis C. 2012. Reflection of Eternal Beauty. The Unpublished Context of a Wealthy Female Burial from Koukaki, Athens and the Occurrence of Mirrors in Mycenaean Tombs. In: Nosch M.-L., Laffineur R. (ed.). *Kosmos. Jewellery, Adornment and Textiles in the Aegean Bronze Age*. Proceedings of the 13<sup>th</sup> International Aegean Conference, University of Copenhagen, Danish National Research Foundation's Centre for Textile Research, 21–26 April 2010. Leuven; Liege, 547–557.
- Păunescu Al. 1970. *Evoluția uneltelor și armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României*. Biblioteca de Arheologie 15. București: Editura Academiei R.S.R.
- Pelegrin J. 2006. Long blade technology in the Old World: an experimental approach and some archaeological results. In: Apel J., Knutsson K. (ed.) *Skilled Production and Social Reproduction. Aspects of Traditional Stone-Tool Technologies*. Uppsala: Societas Archaeologica Upsaliensis, 37–68.
- Pelisiak A. 2016. Materiały krzemienne kultury trypolskiej. In: Szmyt M. (red.). *Biały Potok. Materiały z badań Józefa Kostrzewskiego na Podolu*. Bibliotheca Fontes Archeologici Posnanienses 19. Poznań: Muzeum Archeologiczne w Poznaniu, 251–330.
- Pelivan A. 2010. Activitatea arheologicului G. D. Smirnov în RSSM. *RA* 5 (1), 214–216.
- Perlman I., Asaro F. 1969. Pottery analysis by neutron activation. *Archaeometry* 11, 21–52.
- Petrescu-Dîmbovița et al. 1999: Petrescu-Dîmbovița M., Florescu A., Florescu M. *Trușești: Monografie arheologică*. București; Iași: Editura Academiei Române.
- Piotrowski M., Dąbrowski G. 2007. Krzesiwa i krzesaki — przyczynek do badań nad krzesaniem ognia w starożytności oraz średniowieczu (na marginesie badań archeologicznych na stan. 22 w Łukawicy, pow. lubaczowski). *Archeologia Polski Środkowo-Wschodniej* 9, 231–242.
- Posamentir R., Solovyov S.L. 2006. Zur Herkunftsbestimmung archaisch-ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Eremitage von St. Petersburg. *IstMitt* 56, 103–128.
- Posamentir R., Solovyov S.L. 2007. Zur Herkunftsbestimmung archaisch-ionischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Eremitage von St. Petersburg II. *IstMitt* 57, 179–207.
- Posamentir et al. 2009: Posamentir R., Arslan N., Bîrzescu I., Karağöz Ş., Mommsen H. Zur Herkunftsbestimmung archaisch-ionischer Keramik III: Funde aus den Hellepontstädten, Histria und Olbia. *IstMitt* 59, 35–50.
- Pottier E., Reinach S. 1887. *La nécropole de Myrina*. Recherches archéologiques. Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome 8. Paris: Thorin.
- Pyzewicz K., Rozbiegalski P. 2012. Sposoby rozpalania ognia w młodszej epoce kamienia na terenie ziem polskich w kontekście badań eksperymentalno-traseologicznych. *Światowit* 9 (50), 259–272.
- Rayet O. 1884. Vase antique trouvée dans la nécropole de Myrina. *BCH* 8, 509–514.
- Reichl I. 1936. Zwierciadła podolskiej kultury scytyjskiej. In: T. Sulimski. *Scytowie na zachodnim Podolu*. Nakładem Lwowskiego Towarzystwa Prehistorycznego 1. Lwów: Drukarnia Naukowa.
- Robertson M. 1941. The Excavations at Al Mina, Sueidia, IV. The Early Greek Vases. *Journal of Hellenic Studies* 60, 2–21.
- Sezgin Yu. 2004. Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries. In: Moustaka A. et al. (ed.). *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropolies and Colony*. Thessaloniki: University Studio Press, 169–184.
- Sezgin Yu. 2012. Izmir Arkeoloji Müzesindeki Arkaik Dönem Ticari Amphoralar. *Ismail Fazlıoğlu Ani Kitabı. Tradya Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü* 2012/3. Edirne, 201–211.
- Schlotzhauer U. 2000. Die südionischen Knickrandschalen: Formen und Entwicklung der sog. Ionischen Schalen in archaischer Zeit. In: Krininger F. (ed.). *Die Ägäis und das westliche Mittelmeer. Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. v. Chr., Akten des Symposiums Wien 24. bis 27. März 1999*. Archäologische Forschungen 4. Vienna: Verl. der Österr. Akad. der Wiss., 407–416.
- Schlotzhauer U. 2001. *Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet*. PhD dissertation Bochum 2001. <http://www-brs.ub.ruhr-uni-bochum.de/netahtml/HSS/Diss/SchlotzhauerUdo/diss.pdf>.
- Schlotzhauer U. 2006. Griechen in der Fremde: Wer weihte in die Filialheiligtümer der Samier und Milesier in Naukratis? In: Naso A. (ed.). *Stranieri e non cittadini nei santuari greci*. Atti del convegno

- internazionale. Studi Undinezi sul Mondo Antico 2 Grassina: Le Monnier Università, 292–324.
- Schlotzhauer U. 2012. Untersuchungen zur archaischen griechischen Keramik aus Naukratis. In: Schlotzhauer U., Weber S., Mommensen H. *Griechische Keramik des 7. und 6. Jhs. v. Chr. aus Naukratis und anderen Orten in Ägypten*. Archäologische Studien zu Naukratis 3. Worms: Wernersche Verlagsgesellschaft mbH, 23–194.
- Schlotzhauer U., Villing A. 2006. East Greek Pottery from Naukratis: The Current State of Research. In: Villing A., Schotzhauer U. (eds.). *Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean*. The British Museum Research Publication Number 162. London: British Museum, 53–68.
- Schiering W. 1957. *Werkstätten orientalisierender Keramik auf Rhodos*. Berlin: Mann.
- Schmidt G. 1972. Heraion von Samos: Eine Brychon-Weiung und ihre Fundlage. *AM* 87, 165–185.
- Schmidt H. 1932. *Cucuteni in der Oberen Moldau, Rumänien*. Berlin; Leipzig: W. der Gruyter.
- Senff R. 1999. Wohnhäuser, Handwerksbetriebe und öffentliche Bauten im archaischen Milet. In: Enstitüsü E.B. (ed.). *Çağlar Boyunca Anadolu'da Yerleşim ve Konut Uluslararası Sempozyumu*. Istanbul 5–7 Haziran 1996. *International Symposium on settlement and housing in Anatolia through the Ages*. Istanbul 5–7 June 1996. Eskiçağ Bilimleri Enstitüsü 1. Istanbul: Geha Matbaası, 389–404.
- Shelekhan O., Lifantii O. 2016. The elements of the horse bridle from the Severnyivka hillfort. *BPS* 21, 219–254.
- Shelekhan et al. 2016: Shelekhan O., Lifantii O., Boltryk Yu., Ignaczak M. Research in the central part of Severnyivka hillfort (Quadrats F80, F90, G71, G81). *BPS* 21, 91–218.
- Sirakov N. 2002. Flint artifacts in prehistoric grave-good assemblages from the Durankulak necropolis. In: Todorova H. (Hrsg.) *Durankulak 2. Die prähistorischen Gräberfelder von Durankulak*. Sofia: Deutsches Archäologisches Institut, 213–246.
- Strøm I. 1998. Bronze Imports and Archaic Greek Bronzes. The Early Sanctuary of the Argive Heraion and its External Relations (8<sup>th</sup>–Early 6<sup>th</sup> Cent. B. C.). In: Dietz S. & Isager S. (ed.). *Proceedings of the Danish Institute at Athens* 2, 37–125.
- Sulimirski T. 1936. *Scytowie na zachodnim Podolu*. Nakładem Lwowskiego Towarzystwa Prehistorycznego 1. Lwów: Drukarnia Naukowa.
- Technau W. 1929. Griechische Keramik im Samischen Heraion. *AM* 54, 6–64.
- Trofimova A.A. 2007 (ed.). *The Art of the Ancient Cities of the Northern Black Sea Region // Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum.
- Tsetskhladze G. 2007. Pots and pandemonium: the earliest East Greek pottery from North Pontic native settlements. *Pontica* 40, 37–70.
- Vachtina M. 2007. Greek Archaic Orientalizing pottery from the barbarian sites of the forest-steppe zone of the Northern Black Sea Coastal region. In: Gabrielsen V., Lund J. (ed.). *The Black Sea in Antiquity. Regional and interregional economic exchanges*. BSS 6, 23–37.
- Vakhtina M. 2007. Archaic East Greek Pottery from Nemirovo. In: *Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme*. MF 5. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 511–517.
- Vakhtina M., Kashuba M. 2013. Special Aspects of Graeco-Barbarian Contacts in the Early colonization period of the Northern Black Sea Coastal Region in the Light of the Examination of the Materials of the city-site Nemirov on the riverside of South Bug. In: Schuster C. et al. (eds.). *The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. 1 «Settlements, Fortresses, Artifacts»*. Proceedings of the 12<sup>th</sup> International Congress of Thracology. Târgoviște, 10<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> September 2013. Târgoviște: Cetatea de Scaun, 379–396.
- Vallet P., Villard G. 1964. *Megara Hyblaea 2. La céramique archaïque*. Paris: E. de Boccard.
- Walter H. 1957. Frühe samische Gefäße und ihre Fundlage I. *AM* 72, 35–51.
- Walter H. 1968. *Frühe Samische Gefäße. Chronologie und Landschaftsstile Ostgriechischer Gefäße*. Samos 5. Bonn: Habelt.
- Walter H., Vierneisel K. 1959. Heraion von Samos. Die Funde der Kampagnen 1958 und 1959. *AM* 74, 10–34, Beil. 11–75.
- Walter-Karydi E. 1970. Äolische Kunst. In: *Studien zur griechischen Vasenmalerei*. AntK Beiheft 7. Bern: Francke, 3–17.
- Wilson A.L. 1978. Elemental analysis of pottery in study of its provenance: a review. *Journal of Archaeological Science* 5, 219–236.
- Zakościelna A. 1996. *Krzemieniarstwo kultury lubelsko-wołyńskiej ceramiki malowanej*. Lublin: UMCS.
- Zakościelna A. 1997. Kolejny depozyt wiórow krzemienych kultury pucharów lejkowatych (KPL) ze stanowiska 1C w Gródku nad Bugiem. *Sprawozdania Archeologiczne* 49, 95–108.
- Zakościelna A. 2008. Wiórowce-sztylety jako atrybuty pozycji społecznej mężczyzn kultury lubelsko-wołyńskiej. In: Bednarczyk J. i inni (red.). *Na pograniczu światów. Studia z pradziejów między morza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Koško w 60. rocznicę urodzin*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 577–591.
- Zakościelna A. 2010. *Studium obrządku pogrzebowego kultury lubelsko-wołyńskiej*. Lublin: UMCS.
- Zakościelna A., Libera J. 2013. The flint raw materials economy in Lesser Poland during the Eneolithic Period: the Lublin-Volhynian culture and the Funnel Beaker culture. In: Kadrow S., Włodarczak P. (ed.). *Environment and Subsistence — forty years after Janusz Kruk's «Settlement studies»*. Studien zur Archäologie in Ostmitteleuropa. Rzeszów; Bonn: Institute of Archaeology Rzeszów University; Habelt, 275–293.



## Список сокращений

- АВ — Археологические Вести. Санкт-Петербург
- ААИ ААН — Австрийский археологический институт Австрийской Академии наук.  
Вена
- АДІУ — Археологія і давня історія України. Київ
- АИУ — Археологические исследования на Украине
- АМА — Античный мир и археология. Саратов
- АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
- АО — Археологические открытия
- АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки,  
Київ
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.  
Ленинград/Санкт-Петербург
- АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
- БАН — Българска Академия на Науките
- БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
- БФ — Боспорский феномен. Материалы международной научной конференции.  
Санкт-Петербург
- БЧ — Боспорские чтения. Материалы международной научной конференции.  
Керчь
- ВДИ — Вестник древней истории. Москва
- Вестник ЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета. Ленинград
- ГИМ — Государственный исторический музей. Москва
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.  
Москва
- ГЭ — Государственный Эрмитаж. Ленинград/Санкт-Петербург
- ДГУ — Днепропетровский государственный университет
- ИА НАН Украины — Институт археологии Национальной Академии наук Украины
- ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук. Москва
- ИВ РАН — Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.  
Санкт-Петербург
- Изв. ГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.  
Москва; Ленинград
- Изв. ИАО — Известия Императорского Археологического общества. Санкт-Петербург
- КО ИВ — Крымское отделение Института востоковедения. Симферополь
- КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и исследованиях Института истории  
материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР.  
Ленинград; Москва
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАР — Материалы по археологии России
- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
- МАЭ РАН — Музей археологии и этнографии им. Петра I. Санкт-Петербург

МДАПВ	—	Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття та Волині. Київ; Львів
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
НАА	—	Нейтронно-активационный анализ
НА ИИМК РАН, РО	—	Научный архив ИИМК РАН, Рукописный архив. Санкт-Петербург
НА ІА НАН України	—	Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України. Київ
ОАВЕС ГЭ	—	Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
ОИАК	—	Отчеты Императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург
ОНРиР	—	Отдел научной реставрации и консервации Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
ОНТЭ ГЭ	—	Отдел научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
ПАВ	—	Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
РА	—	Российская археология. Москва
РАЕ	—	Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург
РАН	—	Российская Академия наук
СА	—	Советская археология. Ленинград; Москва
САИ	—	Свод археологических источников по археологии СССР. Ленинград; Москва
СГУ	—	Саратовский государственный университет. Саратов
ТД	—	тезисы докладов
ХНУ	—	Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина. Харьков
ЦАИ БФ «Деметра»	—	Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра». Керчь
ЮФУ	—	Южный Федеральный университет. Россия
АА	—	Archäologischer Anzeiger. Berlin
АМ	—	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts: Athenische Abteilung
BAR IS	—	British Archaeological Reports, International Series. Oxford
BPS	—	Baltic-Pontic Studies. Poznań
BSA	—	The Annual of the British School at Athens
BSS	—	Black Sea Studies. Aarhus
EA	—	Eurasia Antiqua. Berlin
IstMitt	—	Istanbuler Mitteilungen
JHS	—	The Journal of Hellenic Studies
MF	—	Milesische Forschungen. Mainz am Rhein
ÖJh	—	Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien
RA	—	Revista Arheologică, s. n. Chişinău
UPA	—	Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie

## Summary

Nemirov hill-fort belongs to the most remarkable sites of the forest-steppe zone of the Eastern Europe. It was situated in the remote forest-steppe area of the South Bug basin, on the left bank of the river. Nemirov is located on a steep slope of the plateau and at the adjoining low-lying area. Outworks form irregular oval and the small river which flows from west to east, divides the area of the settlement into two unequal parts — northern (two-thirds of the area) and southern. Rampart and ditch form a closed fence of the total length of the outer shaft from 4.5 to 5.5 km. The height of the shaft now reaches more than 9 m, width — 32 m. Total area of the city-site is more than 100 hectares. The settlement was founded in Eneolithic time and existed with interruptions till the Middle Ages. In the Early Iron Age it became fortified. Nemirov was the most westerly of the large Early Scythian fortifications. It was the period when the site reached its maximum flourishing and power.

Nemirov hill-fort attracted attention of Russian scholars since the mid-nineteenth century, soon after that the first plans of the site were published. But the actual excavations began there in the beginning of the 20<sup>th</sup> century, when in summer 1909 S. S. Gamchenko visited the site and carried out the first archaeological investigations. As a representative of the Imperial Archaeological Commission from Saint-Petersburg, he was conducting excavations in the South Russia, in Podolia province, and also examined a city-site near the small town of Nemirov. In 1910, A. A. Spitzyn with a group of students conducted excavations (more than 2500 fragments of ceramics and about 500 items of clay, bone, horn, stone, flint, bronze and iron). Excavations of Nemirov city-site resumed in the mid-twentieth century, when South-Podolian archaeological expedition of State Hermitage Museum led by M. I. Artamonov conducted excavations of the site. During the period of the researches (1946–1948) around 4000 square meters were excavated, among the complexes discovered were ground-dwelling buildings with fireplaces.

During all the campaigns the excavations have been concentrated mostly in the central part of the site, at the acropolis of the hill-fort.

According the data from the excavations by S. S. Gamchenko (1909), A. A. Spitzyn (1910) and M. I. Artamonov (1946–1948), we can conclude that the most important role Nemirov played in the Early Iron Age. The materials from the excavations are kept now in the State Hermitage Museum (Saint Petersburg), in the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia.

The book which we bring forward the scholars and interested readers offers the results of the collective project carried out by the group of specialists from the State Hermitage and the Institute for Material Culture (Russian Academy of Sciences). During the work at the project the materials from the old excavations of Nemirov hill-fort have been examined. The work covered the materials from two main cultural horizons — ones of the Eneolithic and the Early Iron age. Dr. E. G. Starkova studied the materials belonged to Trypillia culture (Eneolithic period), Dr. M. T. Kashuba and Dr. M. Yu. Vakhtina worked at Scythian and Greek artifacts (Early Iron Age). During our work we examined all the accessible archaeological objects as well as all accessible excavation and archive documentation. It should be mentioned separately that during our work we got the permanent support from the other specialists, to whom we would like to express our sincere gratitude.

The cultural remains discovered at Nemirov are numerous and very important for the study of the vast range of problems, connected the ancient history of the region, the characteristic features of local cultures, interactions between different groups of local population and many others. Unfortunately the whole range of the materials stayed unsystematized for a long time and so difficult of access for scholars. We hope that our research will fill a gap at least for several periods of the existence of the site.

**Eneolithic period.** One of the most important tasks of the project was the examination of Tripilia culture materials from Nemirov. In the process of the work typological and statistic analyses of pottery, zoomorphic and anthropomorphic figurines have been carried out. For the first time the layer of paint on the pottery has been analyzed for the purpose to determine the binding materials and chemical composition



of the pigments. Firstly revealed organic binding materials cast doubt on the established opinion that Tripilian pottery has been painted before the burning. The investigation of micro sections by electron microscope allowed estimating the availability of engobes, as well as the differences in the chemical compositions of engobes and clay mass. Comparative examination of the pottery technology with involvement the materials from simultaneous sites made it possible to sort out in Nemirov collection local (regional) peculiarities in pottery production has been also carried out. The investigations provided confirmed the existence the singular Tripilia settlement at the territory of Nemirov city-site. Till the recent time it was considered that there are three Tripilia sites at the place, existed at different times; Nemirov Tripilian site was dated the second half of the 4th mill. BC, which corresponds the phase C I of Late Tripilia culture according the periodization by T. S. Passek.

Analysis of the finds belonging to the turn of the Middle-Late periods would allow to reveal the markers which determine the transition between phase B II (Middle period) and phase C I (Late period).

**Early Iron Age.** During the work at the materials from the Early Scythian horizon typological, statistic, artistic and stylistic analyses of pottery (Greek and barbarian, more than 4500 fragments in total) have been carried out, the whole number of individual finds (the objects made of clay, stone, flint, bone and horn, bronze and iron, more 100 examples in total) has been examined. The Early Iron Age materials from Nemirov were observed according to the modern chronological schemes and new dating systems, accepted for the Eastern Hallstatt Cultures of the Middle Europe, Hallstatt cultures of the Carpathian-Danube region, Early Scythian Culture of the Northern Black Sea Coastal Region and East-Greek Pottery. The Early Iron Age materials from Nemirov city-site were dated in the frames from the end of the 8th till the first quarter-middle 6th cent. BC and the early phase of its development were referred to the Early Scythian Culture; the import of Greek pottery at Nemirov city-site began about the mid. 7<sup>th</sup> cent. BC; its «peak» corresponds the third quarter of the century. The objects and complexes belonged to Early Scythian Culture (dugouts and above-ground dwelling, pits, hearths) have been studied, their constructive features have been revealed.

During the work at collections of hand-made pottery of local production and Greek imported pottery the rare types of the vessels, unknown in the Northern Black Sea Coastal Region, have been detected. In the result of the study of archaeological objects and excavation documentation the important stratigraphically observations have been made: in dugouts nos. 1 and 2 the early Greek pottery (SiA Ib, 650–630 BC) had been used jointly with the qualitative Hallstatt pottery and typical local forest-steppe forms, which allows to conclude, that East-Greek pottery appeared in Nemirov after the «Western impulse».

In the result the five constituent components in the material culture of Nemirov city-site of the Early Iron Age have been revealed: local (settled population), Early Scythian (newly arrived early-nomadic), Hallstatt of Carpathian-Danube origin (Basarabi and Bărsești-Ferigile cultures) and Greek (Archaic pottery).

We tried to show that the Nemirovo materials proved that the multicultural interactions between the Greeks and the barbarians were the distinctive feature of the early phase of the Greek colonization of the region. Among the barbarians the different groups, involved in these contacts, can be singled out: indigenes as well as the representatives of the other cultural «worlds» (population belonged to Hallstatt cultures and cultural groups of Carpathian-Danube area, «peasants» by birth from Eastern Hallstatt Cultures of the Middle Europe).

We arrived at a conclusion that Nemirov hill-fort was a big populated area in the Early Scythian period, where the powerful group of people has been the permanent residents. That allows supposing that the site has been one of the important administrative, economical and cultural centers of the European Archaic Scythia. Thus Nemirovo city-site was the regional home-base settlement for the Early Iron Age of the Eastern Podolia. In the Early Scythian time the material culture of the site marked in the North Pontic Region the «Hallstatt impulse» of the 7th cent. BC from Carpathian-Danube area and further, across it, from the Middle Europe.

One of the main achievements of the work of the team of researchers dealt with the materials of Nemirovo city-site from the excavations in the 20th century was the developed general periodization of habitation of the territory of the site in Eneolithic period, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages

periods, New times and Modern times. Totally 6 periods of the occupation of the site were distinguished:

1) NEMIROV-I, Eneolithic period (second half of the 4<sup>th</sup> mill. BC); Tripolian culture, phase CI.

2) NEMIROV-II, Bronze Age (?), late 2<sup>nd</sup> mill. BC.

3) NEMIROV-III, Early Iron Age:

a) Sub horizon NEMIROV-III.1

Phase NEMIROV-III.1.1, Early Scythian period (end of the 8<sup>th</sup> – turn of the 8<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> cent. BC); Early Scythian culture, early phase, stage ESC-1;

Phase NEMIROV-III.1.2, Early Scythian period (first half of the 7<sup>th</sup> cent. BC); Early Scythian culture, pre-colonization phase, stage ESC-2;

Phase NEMIROV-III.1.3, Early Iron Age, Early Scythian period (second half of the 7<sup>th</sup> – first half of the 6<sup>th</sup> cent. BC); Early Scythian culture, colonization phase, stage ESC-3.

b) Sub horizon NEMIROV-III.2, La Tene (2<sup>nd</sup>–1<sup>st</sup> cent. BC) (?).

c) Sub horizon NEMIROV-III.3, Late Roman time (3<sup>rd</sup>–4<sup>th</sup> cent. AD); Chernyakhov culture.

4) NEMIROV-IV, Middle Ages (10<sup>th</sup>–11<sup>th</sup> cent.); Old Russian culture.

5) NEMIROV-V, New times.

6) NEMIROV-VI, Modern times.

According the available data, Nemirov hill-fort could be one of the most important administrative, economic and ideological centers of European/Archaic Scythia. The regional specific

character of Bug region was the fact, that in Early Scythian time historical and cultural development of the area determined by the distant connections with the transmitters of European Hallstatt traditions and the early contacts with the Greeks. That changes the traditional fixed notions about East Podolia played a role of an intermediate territory between Dnieper and Dniester basins. Materials under examination form an impression that the Bug area, especially Eastern Podolia where Nemirov hill-fort was situated functioned as a transit territory. Across this area went a transfer of technologies, ideas, as well as transference of people, mostly in latitudinal direction: from the North Black Sea Coastal Region to Carpathian depression (and further to the west) and back. A presence of the water-way (South Bug) promoted transits in latitudinal and partly meridional directions – to remote forest-steppe and forest zones. It is quite possible that the area could play a role of transit territory in different historical periods.

In the case of conducting new field investigations brought up to modern level, Nemirov could be considered not only as a base regional site, but also as a point having an important significance for Northern Pontic Region and adjoining areas in the Early Iron Age. The analysis of materials from the old excavations demonstrates the potential of the material culture of the site which needs further exploration.

Научное издание

Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.  
(Приложения: Калинина К. Б., Закосьцельна А., Кершнер М. и Моммзен Х., Хаврин С. В.)

**Городище Немиров на реке Южный Буг.**  
**По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа**  
**и Научного архива ИИМК РАН**

*Утверждено к печати Ученым советом  
Института истории материальной культуры  
Российской академии наук*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ  
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью  
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Редактор *М. А. Молчанова*  
Верстка и художественное оформление *И. Н. Лицука*  
Корректор *М. А. Молчанова*

Подписано в печать 17.07.2018. Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>8</sub>.  
Бумага мелованная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 40,3. Усл. печ. л. 42.  
Тираж 300 экз. Заказ 1807399

Отпечатано в ООО «Невская Книжная Типография»  
197198, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 21, литер «А»,  
помещение 9-Н, комната 19

Тел./факс: +7(812) 380-7950  
E-mail: spbcolor@mail.ru





9 785990 1987227

ISBN 978-5-9909872-2-7